

ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Человѣкъ и Земля

География, по отношенію къ человѣку не что иное, какъ Исторія въ пространствѣ, точно такъ же, какъ Исторія является Географіею во времени.

ТОМЪ ВТОРОЙ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ

Финикія—Палестина—Египетъ—Ливія—Греція—Острова и побережья эллинскаго міра—Римъ

Переводъ съ французскаго, съ разрѣшенія автора, приватъ-доцента Имп. СПБ. Университета
П. Ю. ШМИДТА

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ Прачешный пер., д. № 6.

Оглавленіе.

Оглавленіе

Списокъ чертежей и картъ.

Отдѣльныя карты.

Чертежи и карты въ текстѣ.

Списокъ чертежей и картъ

Списокъ чертежей и картъ

Списокъ рисунковъ въ текстѣ.

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

Списокъ рисунковъ въ текстѣ

ФИНИКІЯ

Здѣсь мы видимъ счастливые берега,
на которыхъ обоготворялась чувственность.

Глава четвертая.

РЕЛЬЕФЪ АНАТОЛІИ. — ЭТНИЧЕСКІЯ ДВИЖЕНІЯ. — ЧЕРНОЕ МОРЕ.—СИРІЯ.—КОЛЫБЕЛЬ СЕМИТОВЪ.—НАРОДНОСТЬ ХЕТТИТОВЪ.—ДАМАСКЪ. — СТУПЕНИ ПОБЕРЕЖЬЯ. — СУДОХОДСТВО ВЪ ОТКРЫТОМЪ МОРѢ.—ФИНИКІЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

Греческое названіе «Анатолія», синонимъ латинскаго слова «oriens» (востокъ), является правильнымъ лишь по отношенію къ европейскимъ владѣніямъ Греціи: оно совершенно противорѣчитъ дѣйствительности съ точки зрѣнія народностей, обитающихъ въ верховьяхъ Тигра и Евфрата. Съ другой стороны, названіе «Малая Азія» слишкомъ неопредѣленно, и область, которую оно обозначаетъ, не имѣетъ точныхъ границъ. Ни одно изъ названій этого полуострова, расположеннаго между Кипрскимъ моремъ и Понтомъ Евксинскимъ, не сдѣла-

ФИНИКІЯ.

Хронологія.

◆◆◆

Анатолія и сѣверная Сирія.—Хронологическія данныя, относящіяся къ первому періоду древней исторіи этихъ странъ, очень малочисленны. Народность хеттитовъ появляется въ лѣтописяхъ самыхъ древнихъ цивилизованныхъ народовъ около 35 вѣковъ тому назадъ; битва при Кадехѣ, въ которой эта народность поколебала могущество египтянъ, произошла 3288 лѣтъ до нашего времени (въ 1383 году до Р. Хр.). Борьба хеттитовъ съ сирійцами происходила приблизительно между царствованіемъ Ашшурнасирпала (около 873 года до Р. Хр.) и взятіемъ города Кархемиша въ 143 году эры Набонассара (604 г. до Р. Хр.), за нѣсколько лѣтъ до разрушенія Нинивіи.

Времена царствованія нѣкоторыхъ властителей, упоминаемыхъ въ текстѣ, слѣдующія:

	Эра Набонассара.		Олимпіады.		Христіанская эра до Р. Хр.	
Шуріакинъ, Саргонъ	25	42	54	71	—722	—705
Нехо II, 26-ой егип. династ. .	136	152	165	181	—611	—595
Крезъ, царь Лидіи	189	199	218	228	—558	—548
Киръ, царь Персіи	187	218	216	247	—560	—529
Александръ Македонскій . .	411	424	440	453	—336	—323
Митридатъ (640—690 г. отъ основанія Рима)	634	684	663	713	—113	—63

Финикія.—Преданіе, приводимое Геродотомъ, сообщаетъ, что храмъ Мелькарта въ Тирѣ былъ построенъ 4600 лѣтъ тому назадъ; гегемонія финикійскихъ городовъ перешла, однако, изъ Сидона въ Тиръ лишь 15 вѣковъ спустя. Основаніе Кадикса произошло 3000 лѣтъ тому назадъ; царствованіе Гирама, который вмѣстѣ съ царемъ Соломономъ предпринималъ экспедиціи въ страну Офиръ, относится приблизительно къ 1000 году до Р. Хр.

Городъ Тиръ неоднократно признавалъ своими властителями подходившихъ къ стѣнамъ его завоевателей, но ему не всегда удавалось купить миръ какой бы то ни было цѣною. Съ 23 по 32 годъ эры Набонассара Тиръ велъ борьбу съ ассирійцами и со 160 до 173 года боролся съ арміями Навуходоносора; городъ Сидонъ былъ разрушенъ «жесточайшимъ изъ персовъ», Артаксерксомъ, въ 389 г., и Тиръ былъ взятъ послѣ семимѣсячной осады Александромъ Македонскимъ въ 415 г. эры Набонассара.

ФИНИКІЯ

Здѣсь мы видимъ счастливые берега,
на которыхъ обоготворялась …

Глава четвертая.

РЕЛЬЕФЪ АНАТОЛІИ. — ЭТНИЧЕСКІЯ ДВИЖЕНІЯ. — … МОРЕ.—СИРІЯ.—КОЛЫБЕЛЬ СЕМИТОВЪ.—НАРОДНОСТЬ … ДАМАСКЪ. — СТУПЕНИ ПОБЕРЕЖЬЯ. — СУДОХОДСТВО ВЪ … МОРѢ.—ФИНИКІЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ЦИВИЛИЗА…

Греческое названіе «Анатолія», синонимъ латинскаг… (востокъ), является правильнымъ лишь по отношен… скимъ владѣніямъ Греціи: оно совершенно противор… тельности съ точки зрѣнія народностей, обитающихъ … Тигра и Евфрата. Съ другой стороны, названіе «Ма… комъ неопредѣленно, и область, которую оно обознач… точныхъ границъ. Ни одно изъ названій этого полуо… женнаго между Кипрскимъ моремъ и Понтомъ Евкси…

лось вполнѣ общепринятымъ. Дѣло въ томъ, что вся эта страна никогда не представляла одного цѣлаго и ни въ одну изъ эпохъ своего существованія не являла вполнѣ яснаго и опредѣленнаго характера: она обнимаетъ собою многочисленныя и очень различныя мѣстности, изъ коихъ каждая заслуживаетъ собственнаго, отдѣльнаго названія,—не было,

№ 96. Рельефъ Анатолійскаго полуострова.

1: 10 000 000

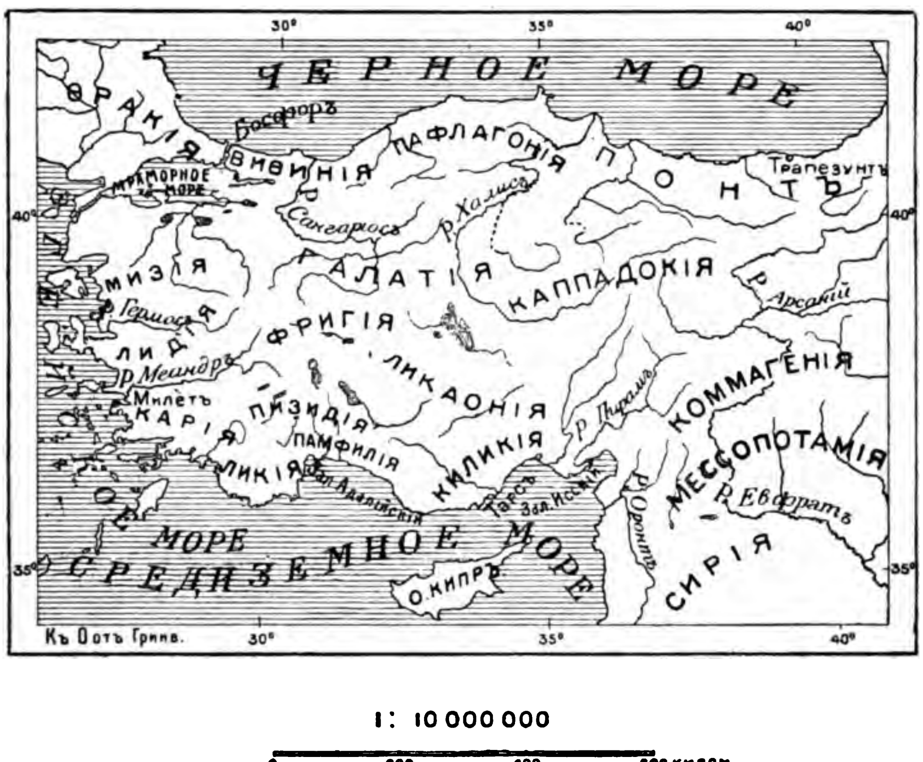
0 200 400 600 килом.

однако, возможности подобрать никакого названія, которое охватывало бы всю страну.

На первый взглядъ, почти правильный четыреугольникъ Малой Азіи, простирающійся къ западу отъ Арменіи, между юго-восточнымъ угломъ Чернаго моря и заливомъ Александретты, производитъ впечатлѣніе страны до извѣстной степени цѣльной и, по крайней мѣрѣ, съ географической точки зрѣнія, представляющей собою нѣкоторую единицу; разсматривая, однако, строеніе рельефа, не трудно понять, что данная страна лишена внутренней связи, лишена всякаго естественнаго центра тяготѣнія и дѣлится на очень различныя и обладающія разно-

образными сферами притяженія области. Правда, полуостровъ этотъ пересѣкаютъ съ одного его конца до другого міровые пути первостепенной важности: таковымъ является путь, проходящій по діагонали и направляющійся отъ Киликійскихъ Вратъ къ Босфору. Этотъ путь, однако, имѣлъ гораздо бо́льшее значеніе въ исторіи тѣмъ, что устанавливалъ

№ 97. Дѣленіе Анатоліи на провинціи.

сообщеніе между великими имперіями и между обоими континентами,— роль его, какъ пути, связующаго различныя области Анатоліи, расположенныя отъ него справа и слѣва, является второстепенной. Горные хребты, которые тянутся вдоль береговъ, и массивы, расположенные по окраинамъ, дѣлятъ страну на большое количество отдѣльныхъ областей, изъ коихъ ни одна не находилась никогда въ условіяхъ столь благопріятныхъ, чтобы могла пріобрѣсть на долгое время верховную власть надъ остальными; въ то же время каждая изъ такихъ странъ обладала запасомъ жизненной силы и энергіи, достаточнымъ для того, чтобы поддерживаться если не въ состояніи полной независимости, то, по крайней

мѣрѣ, въ состояніи нѣкоторой самостоятельности и незатронутости своихъ нравовъ, обычаевъ и образа жизни.

Такъ, Киликія, являющаяся преддверіемъ внутреннихъ провинцій и пересѣченная тѣмъ великимъ путемъ, который проходилъ по діагонали чрезъ весь полуостровъ, оказывается, тѣмъ не менѣе, какъ бы совершенно изолированной отъ собственно Малой Азіи: она направлена къ острову Кипру и къ побережью Сиріи, съ которой ея обитатели и имѣли главнѣйшія сношенія, — финикіяне основали въ этой странѣ колоніи и внесли туда свою цивилизацію. Высокія горы Тавра, обильныя скалистыми обрывами и покрытыя кедровыми лѣсами, образовали къ сѣверу отъ долины обѣихъ пересѣкающихъ Киликію рѣкъ почти непреодолимую грань, единственнымъ проходомъ чрезъ которую является ущелье Киликійскихъ Вратъ, очень удобное для защиты, но въ то же время и открывавшее непріятелямъ свободный доступъ въ страну, какъ только бывало ими взято. Чтобы попасть изъ бассейна Евфрата на Анатолійское плоскогоріе либо чрезъ Халебъ, либо чрезъ Аинтабъ, завоеватели и путешественники бывали принуждены подниматься на высоты Амана или огибать ихъ съ сѣвера ущельемъ, прорытымъ рѣкою Пирамъ, которая въ наше время носитъ названіе Джихунъ; затѣмъ, пересѣкши въ равнинѣ измѣнчивыя русла рѣкъ Пирама и Сара, имъ приходилось взбираться на высокій горный хребетъ, переваливать черезъ него по тому или по другому горному проходу въ верховьяхъ рѣкъ Адана или Тарса и затѣмъ чрезъ Киликійскія Врата достигать уже болѣе легкими путями спуска съ сѣверной стороны хребта 1).

Точно также и амфитеатръ Памфиліи, обращенный къ открытому морю, былъ связанъ съ другими областями полуострова лишь чрезвычайно трудными путями и, благодаря этому, его историческая роль и его отношенія къ сосѣднимъ народамъ были совершенно ничтожны. Впрочемъ, и тамъ, совершенно какъ въ Киликіи, устроились колонисты, пришедшіе съ острововъ и побережья Сиріи. Что касается тѣхъ длинныхъ языкообразныхъ мысовъ, которые вдаются въ море въ юго-западной части полуострова, то благодаря легкости судоходнаго сообщенія они образуютъ, съ точки зрѣнія физической географіи, одно цѣлое съ сосѣдними островами. Они представляли и такія же удобства въ смыслѣ защиты отъ непріятелей, вторгающихся со стороны континента. Подобно островамъ, они и населены были пиратами-карійцами, которые, какъ показываетъ исторія, появляются въ мѣстностяхъ очень удаленныхъ одна отъ другой и въ странахъ, говорящихъ на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, причемъ вездѣ играютъ роль разбойниковъ, торговцевъ или колонистовъ.

---

1) W. M. Ramsay, Geographical Journal, octobre 1903.

Съ другой стороны Анатолійскаго полуострова, по сѣверному его берегу, узкая полоса склона, обращеннаго къ морю, носившая въ прежнія времена наименованіе Понта — «Pontos», т.-е. морского побережья по преимуществу, оказывается, въ дѣйствительности, столь совершенно ограниченной съ юга горными хребтами, что ея историческія судьбы связываютъ ее тѣснѣйшимъ образомъ съ остальными побережьями Чернаго моря, вплоть до страны скифовъ и оттуда, черезъ Босфоръ и Дарданеллы, до полуострововъ и отдаленнѣйшихъ архипелаговъ Эгейскаго моря. Такимъ образомъ, купцы Милета, главнаго портоваго города долины Меандра, разсѣяли свои торговыя конторы по берегамъ Чернаго моря, съ одной стороны, до Трапезунда и Діоскуріи, съ другой—до Ольбіи и за Киммерійскимъ Босфоромъ до устьевъ Танаиса (Дона), Гераклея, Синопъ, Амизъ, Керазонтъ, Истръ, Фанагорія—таковы были эти города, основанные по берегамъ Чернаго моря греками. Царство Митридата, состоявшее изъ прибрежной полосы вдоль значительной части окружности Понта Евксинскаго, свидѣтельствуетъ также о взаимной географической зависимости побережій этого огромнаго бассейна.

Хеттитскій барельефъ изъ Карабельскаго ущелья.
Барельефъ этотъ былъ описанъ Геродотомъ и приписывается преданіемъ Сезострису.

Единственная область Малой Азіи, которая представляетъ во всемъ своемъ цѣломъ общій географическій характеръ, достаточно ясно выраженный, это — обширное овальное пространство равнинъ и плоскогорій, обнимающее верховья рѣки Галисъ или Кизилъ-Ирмакъ и продолжающееся на югъ по направленію къ прибрежнымъ хребтамъ; это пространство захватываетъ и нагорную Каппадокію и Ликаонію. Галатія и Фригія также принадлежатъ къ этой естественной области, расположенной, какъ видно уже съ перваго взгляда, такимъ образомъ, что она

выраженными, оригинальными чертами, которыя находятся въ полномъ противорѣчіи съ таковыми Ѳессаліи, Аттики и Пелопонеса.

Эти характерныя черты греческой Азіи брали свое начало отъ элементовъ, притекавшихъ изнутри страны и подпадавшихъ вліянію эллинской цивилизаціи въ городахъ побережья. Благодаря именно такому контрасту городъ Ефесъ и получилъ наименованіе «Азіи», — въ дѣйствительности онъ представлялъ собою въ греческомъ мірѣ настоящую школу религіозныхъ, политическихъ и моральныхъ идей, пришедшихъ съ Востока. Точно также во времена римскаго владычества возникло обыкновеніе называть «Азіей» Пергамское царство, состоявшее изъ Мизіи и Троады [1]). Въ древности наиболѣе яркимъ символомъ такого смѣшенія этническихъ элементовъ и цивилизацій Азіи и Европы было столкновеніе съ греческимъ міромъ персидскаго царя Кира Младшаго, сдѣлавшагося владыкою главнѣйшихъ провинцій Малой Азіи. Это былъ истинный грекъ по духу, бросившій, тѣмъ не менѣе, смѣлый вызовъ Спартѣ и Аѳинамъ и попытавшійся основать греко-азіатскую имперію. Со времени того конфликта, въ которомъ онъ принималъ участіе, протекло 23 вѣка, и сколько затѣмъ такихъ же конфликтовъ между Европой и Азіей возникло и разрѣшилось на полѣ битвы!

Недостатокъ политической цѣлостности прибрежныхъ странъ по побережью обоихъ морей на югѣ и на сѣверѣ полуострова Малой Азіи выливался во многихъ мѣстностяхъ въ формѣ совершеннаго расщепленія на небольшія области,—расщепленія, возникавшаго особенно благодаря отсутствію легкихъ и удобныхъ путей сообщенія. Какая-нибудь долина Памфиліи или Ликіи, какой-нибудь полуостровъ Каріи образовывали сами по себѣ маленькій, совершенно изолированный мірокъ, въ которомъ возникало самодержавное государство или автономная республика, связанная съ сосѣдними лишь дружественными договорами или же феодальными отношеніями и уплатой дани. Со времени образованія великихъ имперій, Ассирійской, Персидской и Македонской, которыя подчинили себѣ совершенно самыя различныя области и связали ихъ въ одно цѣлое, всѣ эти мелкія второстепенныя государства часто бывали принуждены находиться отъ нихъ въ зависимости и уплачивать подати, въ случаѣ же тяжелыхъ осложненій — посылать на помощь солдатъ; съ наступленіемъ мирныхъ временъ эти страны возвращались опять къ своему прежнему положенію почти полной независимости — это обусловливалось самой ихъ природой.

Не безынтересно отмѣтить, что до II вѣка христіанской эры Малая Азія ни разу не находилась подъ единою властью. Ни хеттиты, ни персы, ни самъ Александръ Македонскій и его послѣдователи не пере-

1) Vivien de S.-Martin, «Description histor. et géograph. de l'Asie Mineure».

ходили за рѣку Ирисъ; римляне точно также не могли покорить Каппадокію и добились ея присоединенія лишь при императорѣ Траянѣ.

№ 98. Хребетъ Тавръ и долина Киликіи.

1. Киликійскія Врата.
2. Аманикійскія Врата по Страбону.
3. Аманикійскія Врата по Арріену.
4. Сиріо-Киликійскія Врата.
5. Аманикійскія Врата.

Около 2000 лѣтъ тому назадъ рѣка Саръ впадала, по всей вѣроятности, въ лагуну, которая тянется теперь вдоль берега; рѣка Пирамъ достигала тогда моря у самой южной оконечности равнины (В. Рэмсей).

Послѣ паденія Византійской имперіи наблюдается снова то же самое явленіе, арабы не распространили своихъ владѣній далѣе Тавра, а турки, проникнувъ въ Арменію, завоевали Анатолійское плоскогоріе

на много вѣковъ ранѣе того, какъ имъ удалось завладѣть Киликіей: Константинополь былъ взятъ задолго до Тарса [1]).

Повидимому, вообще сѣверное и южное побережья полуострова Малой Азіи совершенно между собою противоположны съ точки зрѣнія происходившихъ на нихъ передвиженій народовъ. На южномъ побережьѣ, обращенномъ къ острову Кипру, передвиженія народовъ происходили, главнымъ образомъ, по направленію съ востока на западъ,— можно констатировать на протяженіи всего побережья переселеніе колонистовъ-семитовъ. На сѣверномъ побережьѣ полуострова, у Чернаго моря, переселеніе совершалось въ обратномъ направленіи; съ одной

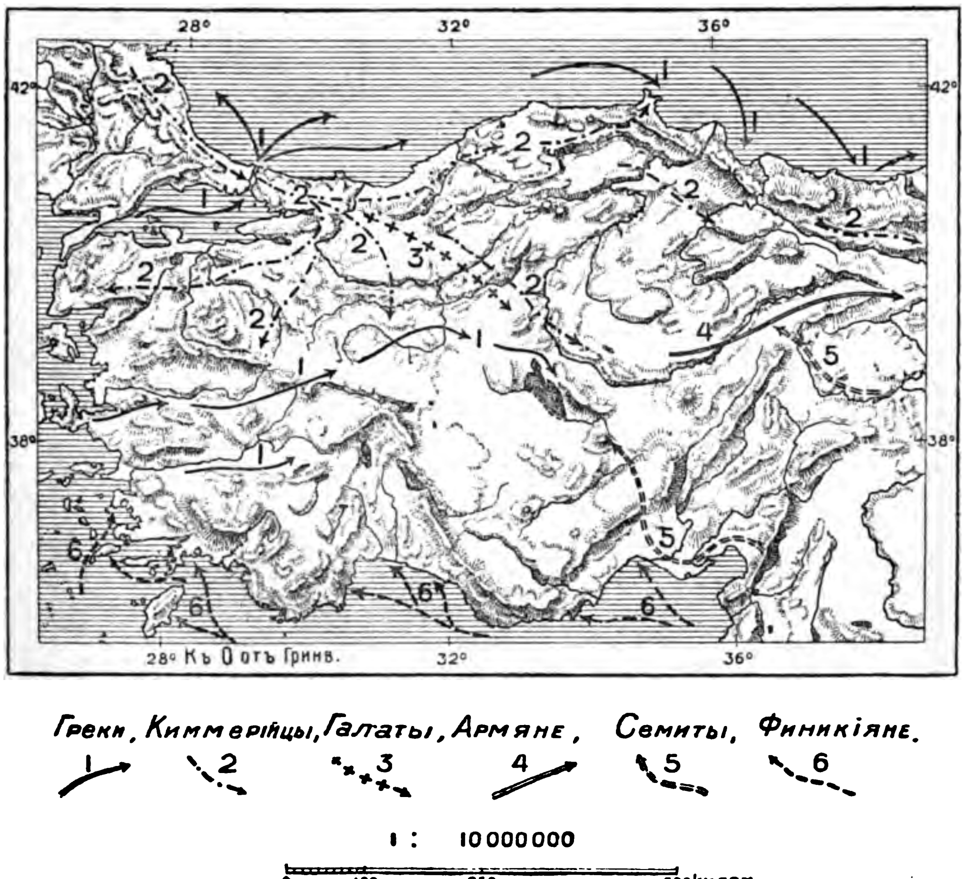
Хеттитскій барельефъ, найденный близъ Аинтаба.

стороны, на этомъ побережьѣ основывались греками, пришедшими съ юга, коммерческіе пункты, съ другой—происходили нерѣдко передвиженія народовъ съ сарматскихъ береговъ, т.-е. съ береговъ южной Россіи, къ берегамъ Ѳракіи и Виѳиніи, затѣмъ, мало-по-малу, народы передвигались вдоль хребтовъ Понта вплоть до подножья Кавказа. Такимъ образомъ, киммерійцы—народность того же происхожденія, какъ ѳракійцы Европы—проникали неоднократно въ Азію, переходя черезъ Босфоръ и распространяясь вдоль побережья; на западѣ, гдѣ пограничный хребетъ

1) W. M. Ramsay, Geographical Journal, 1903.

прерванъ, они вторгались также внутрь страны и положили начало возникновенію здѣсь фригійскихъ народностей. Это вторженіе өракійцевъ, временами завоевательное, временами мирное, является твердо устано-

№ 99. Передвиженія народовъ Малой Азіи.

Передвиженія народности хеттитовъ, не отмѣченныя здѣсь, происходили задолго до появленія народовъ, указанныхъ на картѣ, за исключеніемъ развѣ финикіянъ. Вліяніе этой народности распространилось съ верховьевъ Кизилъ-Ирмака, во-первыхъ, по направленію на юго-западъ до Эгейскаго моря, во-вторыхъ, на юго-востокъ, до Сиріи.

вленнымъ фактомъ, на которомъ сходятся какъ свидѣтельства старинныхъ писателей, такъ и изслѣдованія современныхъ ученыхъ 1).

Въ передней части полуострова по побережью Эгейскаго моря можно констатировать также передвиженіе народностей по направленію съ запада на востокъ: эллинизмъ возникъ въ Европѣ, распространился оттуда на острова Эгейскаго архипелага и на азіатское побережье, а

1) François Lenormant, «Les Origines de l'Histoire», tome II, p. 366.

затѣмъ путемъ постепеннаго основанія колоній проникъ и внутрь страны; въ Каппадокіи можно видѣть одновременно потомковъ грековъ, иранцевъ и семитовъ. М. В. Рэмсей открылъ во Фригіи множество еврейскихъ надписей, особенно въ окрестностяхъ города Аманіи. Другое могучее теченіе захватило галатовъ, т.-е. галловъ, ближайшихъ родственниковъ населенія запада Европы, и занесло ихъ въ самый центръ Анатолійскаго полуострова.

Несмотря на то, что Малая Азія была отдѣлена отъ Сарматскихъ степей бурнымъ моремъ, прямыя и косвенныя сообщенія этого

Городъ Ургубъ.

полуострова съ гиперборейскими странами были широко развиты. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ аргонавты, греки или фригійцы, пускались съ большою отвагою по гибельнымъ волнамъ Чернаго моря съ цѣлью добыть «золотое руно» въ той или другой формѣ — въ формѣ драгоцѣнныхъ металловъ, тканей или другихъ продуктовъ. Затѣмъ были извѣстны также и соединявшіе эти страны пути по побережью; Асканское море—такъ называлось, повидимому, первоначально Черное море, получившее позднѣе названіе «Понта Евксинскаго» (Πόντος Ἄξεινος, Πόντος Εὔξεινος), не настолько велико, чтобы народности, населяющія прибрежную его полосу, не могли составить себѣ представленія о его

очертаніяхъ; съ другой стороны, высокія горы Крымскаго побережья и еще болѣе грандіозная, блещущая снѣгами цѣпь Кавказскихъ горъ должны были уже издалека бросаться въ глаза мореплавателямъ и намѣчать очень ясно окраины овальнаго бассейна Чернаго моря.

Правда, по направленію къ востоку сухопутное сообщеніе съ равнинами южной Россіи было очень затруднительно, по крайней мѣрѣ, по

№ 100. Черное море.

1 : 12000000

0 200 400 600 килом

пути наиболѣе короткому, приходилось пересѣкать одинъ за другимъ мысы обрывистаго гористаго берега, которыми оканчивается Кавказскій хребетъ; передвиженіе по этому пути могло совершаться развѣ лишь очень малочисленными группами купцовъ, которые переѣзжали отъ одного селенія къ другому и просили въ нихъ гостепріимства. Передвиженіе цѣлыхъ народностей въ этомъ направленіи было бы слишкомъ затруднительно, въ виду встрѣчавшихся препятствій самаго разнообразнаго свойства, въ виду крутизны подъемовъ и обрывистости скалъ. Напротивъ, по западнымъ берегамъ Чернаго моря пути переселенія были значительно легче, и, разумѣется, ими пользовались гораздо чаще. Грандіозная военная экспедиція, предпринятая Даріемъ, сыномъ Гистаспа, въ страну скифовъ и зашедшая

даже за рѣку Танаисъ (Донъ) въ область «пустынь», гдѣ не обитаетъ ни одного народа, и гдѣ пустыя пространства тянутся на семь дней пути» [1]), являлась, повидимому, не чѣмъ инымъ, какъ отвѣтомъ на тѣ многочисленные набѣги, которые постоянно совершались кочевыми народностями обширныхъ сѣверныхъ равнинъ,—вслѣдствіе этихъ набѣговъ оттѣснялись обыкновенно на югъ киммерійцы, ѳракійцы и другіе прибрежные жители Чернаго моря. Благодаря завоеваніямъ Дарія и, еще болѣе, благодаря предпринимавшимся торговымъ экспедиціямъ, все побережье Чернаго моря, вплоть до лимановъ рѣкъ, впадающихъ въ море между Дунаемъ и Дономъ, сдѣлалось хорошо извѣстнымъ грекамъ; они получили также точныя свѣдѣнія и о направленіи теченія южно-русскихъ рѣкъ, сбѣгающихъ съ полого спускающагося склона изнутри страны.

Съ самаго начала историческаго періода колоніи, основанныя греками на скифскомъ побережьѣ Понта Евксинскаго, дополняютъ собою ту цѣпь торговыхъ пунктовъ и рынковъ, которая развилась вокругъ этого обширнаго морского бассейна и примыкала, съ одной стороны, къ эллинскимъ островамъ Эгейскаго моря, съ другой—къ сѣвернымъ портовымъ городамъ Малой Азіи. Оба противолежащихъ побережья, какъ то было наглядно доказано возникновеніемъ имперіи Митридата, охватившей всю восточную часть Чернаго моря, принадлежатъ къ одной области цивилизаціи, и города, расположенные другъ противъ друга и раздѣляемые водной поверхностью моря, должны были служить однимъ и тѣмъ же торговымъ цѣлямъ, именно торговлѣ металлами. Города Ольбія, расположенный въ низовьяхъ рѣки Борисфена, гдѣ въ настоящее время находятся холмы «Ста Могилъ» близъ сліянія Буга и Днѣпра, торговалъ янтаремъ, золотомъ и оловомъ, которые доставлялись скифами съ береговъ Балтійскаго моря и изъ отдаленныхъ горъ Алтая. Такимъ образомъ, художники Передней Азіи, жители города Сидона, греки и представители другихъ національностей имѣли возможность получать съ сѣвера эти матеріалы; точно также они получали съ юга, съ Синайскаго полуострова, мѣдь и бирюзу; располагая такими матеріалами, они создавали превосходныя издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, обрабатывали драгоцѣнные камни, отливали художественныя бронзы поразительной красоты. Съ другой стороны, на азіатскомъ побережьѣ Понта Евксинскаго, въ долинахъ Передней Азіи, халибійскіе рудокопы, по имени которыхъ въ эпоху греческаго господства получила свое названіе сталь, извлекали изъ почвы желѣзныя руды, выплавляли изъ нихъ желѣзо и изготовляли для тѣхъ же торговыхъ центровъ великолѣпное оружіе.

По сравненію съ континентальною частью Малой Азіи, т.-е. съ

1) Геродотъ, «Исторія», кн. IV, 122, 123.

основнымъ четыреугольникомъ полуострова, изъ котораго должно исключить относящіяся къ эллинскому міру западныя побережья, узкая полоса береговъ Сиріи, тянущаяся съ сѣвера на югъ, между заливомъ Але-

№ 101. Царство Митридата.

ксандретты и заливомъ Пелузы, представляетъ рѣзкую противоположность. Сравнительно съ огромнымъ Анатолійскимъ полуостровомъ территорія Сиріи гораздо меньше, но зато она обладаетъ, безусловно,

бо̀льшею историческою цѣнностью,—этимъ Сирія обязана многочисленнымъ переселеніямъ народовъ, которые были къ ней направлены, происходившимъ въ ней, въ силу естественныхъ законовъ, столкновеніямъ между народностями и, наконецъ, схожденію міровыхъ путей.

Чтобы выяснить тѣ основныя преимущества, которыми пользовались финикіяне, и которымъ они обязаны своимъ значеніемъ въ исторіи человѣчества, должно взглянуть на земную поверхность сверху, съ птичьяго полета, и прослѣдить направленіе проложенныхъ по нашему земному шару торговыхъ путей, по которымъ двигались караваны купцовъ и толпы переселяющихся народностей. Такой общій взглядъ, брошенный на Старый Свѣтъ, показываетъ, что, безъ сомнѣнія, жизнь человѣчества должна была сконцентрировать свою особую дѣятельность въ совершенно исключительной степени на берегахъ Сиріи. Конечно, лишь національная и религіозная гордость заставила евреевъ проникнуться убѣжденіемъ, что ихъ городъ Іерусалимъ—центръ всего міра,—надо сказать, однако, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Іерусалимъ, подобно сосѣднему городу Тиру, находится, дѣйствительно, въ той области, гдѣ уравновѣшиваются вліянія и силы всѣхъ трехъ континентовъ, извѣстныхъ въ древности: какъ-разъ въ этой береговой зонѣ сходятся тѣ основныя оси, по которымъ развивалась исторія.

Слѣдуетъ вспомнить, какое выдающееся значеніе принадлежитъ Ирану, благодаря той жизненной артеріи, тому основному пути переселенія народностей, который тянется вдоль горной преграды центральной Азіи. Великіе міровые пути крайняго Востока, выходящіе изъ Индіи и Китая, встрѣчаются здѣсь и спускаются затѣмъ къ Месопотаміи, гдѣ образуютъ какъ бы главный нервный узелъ въ долинѣ Тигра и Евфрата, гдѣ Вавилонъ и другіе сосѣдніе города были въ теченіе тысячелѣтій центрами исторіи Азіи. Въ этомъ же самомъ мѣстѣ сошлись бы и два другихъ главныхъ пути, которые ведутъ на сѣверо-западъ къ Европѣ и на юго-западъ къ Африкѣ, если бы къ западу отъ Евфрата не простирались далеко на сѣверъ пустыни Аравіи, захватывающія обширныя пространства и препятствующія сообщенію, такъ какъ они представляютъ собою сплошное море глины, песковъ и потоковъ лавы. Въ силу этого, та линія сообщеній, которая была бы нормальной, образуетъ загибъ къ сѣверу, слѣдуетъ вдоль по теченію Евфрата до предгорій Тавра и достигаетъ морского побережья, либо пересѣкая тотъ неширокій участокъ суши, который отдѣляетъ сѣверо-западный изгибъ Евфрата отъ залива Александретты, либо оставляетъ рѣку южнѣе, пересѣкаетъ пустыню и достигаетъ побережья чрезъ прорывъ въ горахъ. Независимо отъ того, какой городъ былъ конечнымъ пунктомъ — былъ ли то городъ Кархемишъ, Халебъ, Антіохія, Пальмира или Дамаскъ—мѣстомъ расхожденія обоихъ путей — одного, направляющагося въ

Малую Азію и Европу, другого — направляющагося въ Африку, —

№ 102. Рельефъ Сиріи.

1 : 5 000 000

0 100 200 300 килом.

лежало въ Сиріи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ Средиземнаго моря.

Преимущества морскихъ путей, которыми природа одарила финикійскіе города со времени перехода въ нихъ цивилизаціи, были, во всякомъ случаѣ, ни коимъ образомъ не меньше преимуществъ путей сухопутныхъ. Къ западу отъ Сиріи простирается Средиземное море, которое на протяженіи 3600 километровъ по прямой линіи омываетъ берега Африки и Европы, сильно изрѣзанные, по крайней мѣрѣ, на сѣверѣ, заливами и бухтами На югѣ, въ недалекомъ разстояніи, узкое Красное море направляетъ свои два залива—заливъ Суэцкій и заливъ Акаба—къ Пелузскому заливу и къ Средиземному морю, къ Мертвому морю и долинѣ Іордана. Такимъ образомъ, линія, по которой возможно судоходство, развивается, за исключеніемъ небольшого перерыва, на всемъ обширномъ пространствѣ, которое должно было казаться начинающимъ мореходамъ почти безконечнымъ. На западѣ они доходили до Атлантическаго океана и направлялись затѣмъ либо въ сторону царства бурь, тумановъ и льдовъ, къ Касситеридскимъ островамъ, къ далекой землѣ Тулэ и къ Янтарнымъ берегамъ, либо на югъ, вдоль береговъ Африки, причемъ огибали мысъ Солоейсъ и посѣщали Счастливые острова. По южному пути они выходили чрезъ проливъ Бабъ-эль-Мандебъ или «Врата Тоски» и направлялись къ странѣ Офиръ, къ южной оконечности Африки, къ берегамъ Индіи и къ Малайскому архипелагу.

Въ направленіи къ сирійскому берегу образуетъ также верхнее теченіе Евфрата крутой изгибъ у самаго основанія Анатолійскаго полуострова и затѣмъ подходитъ на очень короткое разстояніе къ Черному морю: этотъ путь хотя и не избирался крупными торговыми экспедиціями, служилъ, тѣмъ не менѣе, немаловажнымъ связующимъ путемъ для всего ряда торговыхъ пунктовъ, которые распредѣлялись вдоль упомянутой жизненной артеріи. Наконецъ, должно отмѣтить, что крупные города сирійскаго побережья и ближайшихъ прилежащихъ къ нему странъ находились въ мѣстѣ схожденія еще двухъ другихъ чрезвычайно важныхъ историческихъ путей, которые въ эту эпоху даже превосходили по своему значенію морскіе пути. Этими двумя важными артеріями была, съ одной стороны, долина Нила, направляющаяся къ югу вплоть до областей внутренней Африки, которыя и до сихъ поръ остаются малоизвѣстными; съ другой стороны—обѣ великія рѣки, Тигръ и Евфратъ, съ ихъ восточными притоками, тянущіяся къ Персидскому заливу. Само сирійское побережье, расположенное въ видѣ длинной полосы, имѣло своей естественной осью третій путь, которымъ пользовались во всѣ эпохи, именно долину рѣки Оронта, которая параллельна берегу и продолжается къ югу долиною Леонта и затѣмъ плодородною и населенною въ своей верхней половинѣ долиною Іордана Должно, правда, замѣтить, что низовая часть этой впадины, отъ Мертваго моря до залива Акаба, оставалась неиспользованной вслѣдствіе отсутствія рѣкъ.

Видъ города Гомса.

Всѣ перечисленныя огромныя преимущества, представляемыя пересѣченіемъ и направленіемъ міровыхъ путей, по которымъ совершались передвиженія народовъ, сказывались въ каждой изъ мѣстностей сирійскаго побережья,—благодаря имъ отдѣльные пункты на этомъ побережьѣ получали возможность развиться въ качествѣ первостепенныхъ мѣстъ обмѣна товаровъ, мѣстъ широкаго развитія морскихъ промысловъ, земледѣлія и промышленности. Каждый городъ и даже каждое селеніе пользовались этими преимуществами положенія страны и получали полную возможность превратиться въ города первостепеннаго значенія. Кромѣ того, именно по этому берегу, кажущемуся на первый взглядъ прямолинейнымъ, лишь слегка волнистымъ и являющимся въ своей южной части совершенно негостепріимнымъ, мы находимъ въ области, извѣстной въ древности подъ названіемъ Филистіи, къ сѣверу отъ горы Кармелъ, цѣлый рядъ полукруглыхъ бухтъ, въ которыхъ легко могли находить себѣ защиту корабли, пока не существовало искусственно сооруженныхъ человѣкомъ гаваней. Берегъ Сиріи, подобно берегамъ Мавританіи въ Африкѣ и берегамъ Чили въ Новомъ Свѣтѣ, кромѣ главныхъ горныхъ хребтовъ, тянущихся вдоль береговой полосы, характеризуется рядомъ отроговъ, отходящихъ отъ этихъ хребтовъ на нѣкоторомъ раз-

стояніи одинъ отъ другого и выдающихся въ видѣ мысовъ,—такіе отроги представляютъ иногда очень цѣнную защиту противъ тѣхъ или другихъ вѣтровъ. Именно, благодаря такимъ условіямъ побережья, въ частности благодаря защитѣ со стороны южныхъ вѣтровъ, возникли, напримѣръ, города Бейрутъ и Триполи.

Нѣкоторые пункты побережья обладали еще и другимъ преимуществомъ, именно: естественными молами, образованными островками или рядами подводныхъ рифовъ. У этихъ береговъ скалы, отдѣленныя отъ континента неглубокими водами, которыя въ тѣ времена могли, однако, вмѣщать въ себя тогдашнія мелководныя суда, защищали флотиліи не только противъ неблагопріятныхъ вѣтровъ, но и противъ нападенія враговъ. Такія условія были одной изъ главнѣйшихъ причинъ процвѣтанія знаменитыхъ городовъ Арада, Сидона и Тира. Многимъ изъ этихъ городовъ благопріятствовали еще, кромѣ того, плодородіе мѣстностей сосѣдняго побережья и нахожденіе неподалеку горнаго прохода, являвшагося естественнымъ торговымъ путемъ, по которому возможно было сообщеніе со странами, лежащими за горами. Таково именно было положеніе города Тира, лежавшаго вблизи устья рѣки Леонта, вдоль которой двигались караваны, идущіе съ верховьевъ Евфрата и изъ сѣверныхъ оазисовъ пустыни.

Географическія очертанія сирійскаго побережья, его города, столь благопріятно расположенные въ смыслѣ развитія торговли и потому предназначенные къ заполненію эмигрантами всевозможныхъ національностей, людьми разныхъ расъ и народностей, свободными и рабами, сами по себѣ уже не могли создать однообразія въ составѣ свойственнаго этой странѣ населенія. Постоянныя переселенія и выселенія народовъ, совершавшіяся и по морю и по сушѣ, должны были сильнѣйшимъ образомъ измѣнять этническій составъ народонаселенія по той длинной полосѣ земли, которая простиралась примѣрно на 800 километровъ между Малой Азіей и Египтомъ. Безъ сомнѣнія, вліяніе среды, въ зависимости отъ продолжительности своего воздѣйствія, обусловливало сходство этническихъ типовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначальные элементы представляли различія; въ то же время новое смѣшеніе людей, племенъ и народностей вносило новыя различія въ физическомъ типѣ, въ языкѣ, въ религіи и въ нравахъ жителей и нарушало снова устанавливавшееся равновѣсіе.

Согласно съ распредѣленіемъ народностей, которое воспроизводится въ лѣтописяхъ евреевъ, именно въ X главѣ Книги Бытія, почти все населеніе побережья было хамитическаго происхожденія, т.-е. принадлежало къ той таинственной расѣ, которая отличалась отъ потомковъ Сима и Іафета, и которую евреи, повидимому, просто-напросто выдумали для того, чтобы объединить въ ней всѣхъ своихъ враговъ,—такимъ обра-

зомъ, они и могли проклинать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ общей массѣ. Между тѣмъ очень вѣроятно, что въ общемъ обитатели Сиріи были совершенно того же происхожденія, какъ и евреи, и что іхъ должно равнымъ образомъ причислить къ семитамъ. По языку и по внѣшнему типу, населеніе сѣвера и юга вполнѣ сходно, и есть основаніе думать, что общая колыбель всей народности находится не въ далекомъ разстояніи, въ предгорьяхъ армянскаго Тавра. Именно оттуда, по всей вѣроятности, выходили въ теченіе ряда вѣковъ партіи эмигрантовъ, покидавшія узкія долины своей родины и разселявшіяся затѣмъ по странамъ очень обширнымъ—съ одной стороны, по Месопотаміи, съ другой — по морскому побережью Средиземнаго моря.

«Стоящая скала» въ Мерсинѣ

(см. карту № 98, стр. 13).

По указаніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, вышина этой скалы, покрытой надписями, быть-можетъ, финикійскими, достигаетъ 15 метровъ, по даннымъ другихъ—лишь 7—8 метровъ.

Еврейская легенда, приводимая въ Книгѣ Бытія, гласитъ, что Авраамъ, миѳическій предокъ евреевъ, жилъ долгое время въ странѣ Харанъ или Каранъ. Правда, по всей вѣроятности, не иначе какъ въ результатѣ простого смѣшенія преданій, тотъ же Авраамъ ничѣмъ не отличается отъ «отца Оркхамъ», города Уръ въ Халдеѣ; однако, всѣ подробности легенды, относящіяся до жизни этого патріарха, свидѣтельствуютъ о томъ, что евреи считали родопачальникомъ своего племени не царя ка-

кого-либо изъ халдейскихъ городовъ, а предводителя пастушескаго племени, которое странствовало въ пустыняхъ, располагающихся между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ. Эти пастбища, на коихъ, по ихъ преданіямъ, паслись стада ихъ предковъ, начинаются непосредственно къ югу отъ страны Харанъ, отечества Авраама, страны, изъ которой его сынъ Исаакъ и его внукъ Іаковъ взяли своихъ женъ. Городъ Харанъ, находящійся до сихъ поръ на рѣкѣ Наръ-Беликъ, притокѣ верхняго Евфрата, занималъ, по всей вѣроятности, центръ этой древней страны, являвшейся родиной евреевъ-семитовъ. Городъ Харанъ, огибаемый съ востока излучиной великой рѣки при выходѣ послѣдней изъ горъ, расположенъ у подножія переднихъ горныхъ плоскогорій Арменіи, въ той области, гдѣ послѣдпія народности земной поверхности теряются въ равнинѣ. Такимъ образомъ, мѣсто это составляетъ по преимуществу неизбѣжный этапъ для жителей высокихъ горныхъ долинъ, спускающихся на равнину, —

Камень съ хеттитской надписью.
Плоская сторона.
Въ 1/3 натуральной величины.

въ то же время оно располагается на великомъ историческомъ пути, намѣченномъ самою природой, на пути между окраинами Иранскаго плоскогорія и Киликійскими Вратами. Харанъ находится также и въ точкѣ расхожденія двухъ важныхъ путей, служившихъ для торговли и пере-

селенія народовъ: главный изъ этихъ путей, направленный на юго-востокъ, слѣдуетъ за теченіемъ Тигра и затѣмъ идетъ по нижнему Евфрату, тогда какъ другой путь, направленный къ югу и къ юго-западу отходитъ отъ верхняго Евфрата въ области его крайняго западнаго изгиба и идетъ вдоль восточныхъ склоновъ горъ Сиріи, поворачивая затѣмъ къ Красному морю и къ Синайскому полуострову, котораго достигаетъ, пройдя долиной Іордана. Харанъ является, слѣдовательно, и стратегическимъ пунктомъ огромнаго значенія и очень нерѣдко, особенно въ теченіе римско-персидскихъ войнъ, бывалъ мѣстомъ столкновенія враждебныхъ армій (см. карту, помѣщенную въ слѣдующей главѣ).

Камень съ хеттитской надписью.
Выпуклая сторона.
Въ 1/3 натуральной величины.

Географическія условія, благодаря которымъ страна Харанъ пріобрѣла въ исторіи важную роль, мало отличаются отъ тѣхъ условій, какія мы находимъ далѣе къ западу, на четырехугольномъ пространствѣ, которое ограничивается, съ одной стороны, моремъ, съ другой—Евфратомъ, съ сѣвера—Тавромъ и съ юга — пустыней; центральнымъ городомъ этого пространства является въ настоящее время городъ Халебъ. Даже если бы люди постоянно жили въ мирѣ, и не существовало бы условій, возбуждающихъ войны, даже и въ этомъ случаѣ данная мѣстность располагала бы всѣми преимуществами: долины ея предгорій въ достаточной степени орошаются, южное солнце льетъ на

нихъ свои жгучіе лучи, и въ силу этого онѣ могутъ въ изобиліи производить всевозможнѣйшіе продукты земледѣлія, полезные для человѣка; нигдѣ на земномъ шарѣ нѣтъ бо́льшихъ удобствъ для производства торговли, ибо здѣсь именно находится та точка, гдѣ перекрещиваются всѣ пути, расходящіеся по направленію къ Азіи, Европѣ и Африкѣ. Пути, которыми пользовались торговые люди, были, однако, въ то же время и путями, по которымъ двигались полчища завоевателей, и именно въ этой области сходящіеся пути соединяются въ неширокій проходъ, по которому движущіяся массы войскъ должны были низвергаться съ особою силою, подобно водамъ рѣки, замкнутымъ въ узкій каналъ. Такимъ образомъ, здѣсь никогда не могла на долгое время сохраниться спокойная жизнь общества, несмотря на полную благопріятность всѣхъ остальныхъ условій. Сколько разъ пытались организоваться государства, пробовавшія устроиться въ этой части Передней Азіи, и сколько разъ эти государства разрушались и погибали послѣ кратковременнаго существованія, вслѣдствіе сильнаго давленія извнѣ!

Въ самыя первыя историческія времена, о которыхъ разсказываютъ намъ легенды и исторія этихъ мѣстностей, т.-е. во времена, отдаленныя отъ нашего на 3500 лѣтъ, страны, прилегающія съ востока къ Киликійскимъ Вратамъ, долина Евфрата и Сирія были заняты народностью хеттитовъ, хеттовъ или хетеянъ, которыхъ египтяне называли племенемъ «хéта»,—народность эта очень сильно отличалась отъ семитовъ, населяющихъ въ наши дни сѣверную Сирію. На египетскихъ памятникахъ изображенія хеттитовъ обладаютъ чертами, приближающими ихъ, по Сэйсу [1]), къ нашимъ монголамъ: у нихъ была желтоватая кожа, черные глаза, черные волосы, которые они заплетали въ три длинныхъ косы или собирали въ одинъ пучекъ, выбривая голову посрединѣ [2]); носъ ихъ сильно выступалъ между выдающимися скулами и казался тѣмъ сильнѣе заостреннымъ, что лобъ и гладкій подбородокъ были сильно направлены назадъ. На скалахъ Ибсамбула, на которыхъ описывается дѣйствительная или, можетъ-быть, выдуманная побѣда Сезостриса, побѣжденные хеттиты изображены низкаго роста и коренастаго тѣлосложенія, что также указываетъ на родство ихъ съ татарскими племенами сѣверной Азіи [3]).

Какъ бы то ни было, мы не знаемъ все же, изъ-за какихъ причинъ эти народности не-семитическаго происхожденія устроились здѣсь въ указанной области Передней Азіи. Судя по нѣкоторымъ деталямъ ихъ

---

1) A.-H. Sayce, «The Hittites», trad. de J. Ménant. — 2) Wilson, «Palestine Exploration Fu d», Jan. 1884. — 3) Wright, «The Empire of the Hittites»; Couder, «Heth and Moab», p. 22.

одежды, по формѣ ихъ обуви съ отогнутыми вверхъ носками и по присутствію у нихъ рукавицъ, хеттиты пробыли, повидимому, долгое время въ Каппадокіи, гдѣ, по Вильсону, можно еще и теперь найти пещерныхъ жителей совершенно того же типа, какъ хеттиты, изображенные на ска-

№ 103. Пути отъ Евфрата къ Средиземному морю.

1: 2 000 000

0 50 100 150 килом.

Джерабисъ (Джераблусъ) и Мембиджъ (Мабогъ) являются двумя древними Гіерополисами („священными городами“). М. Г. Масперо предполагаетъ, что Мембиджъ былъ столицей хеттитовъ, Кархемишъ (Гаргамишъ, Каршемисъ); А. Г. Сэйсъ по даннымъ Скэна и Дж. Смита считаетъ, что Кархемишъ находился въ Джерабисѣ

лахъ Ибсамбула. Подземныя жилища, которыя сотнями и даже тысячами вырыты въ коническихъ холмахъ, скалахъ и обрывахъ изъ известковаго туфа и разбросаны на обширной области къ западу отъ Аргейской горы, были дѣломъ рукъ хеттитовъ. Не менѣе какъ 3600 лѣтъ

тому назадъ были вырыты эти замѣчательныя подземелья, образующія цѣлый безконечный лабиринтъ въ окрестностяхъ Ургуба. Для того чтобы изобразить понятія «страны» и «царя», іероглифы хеттитовъ воспроизводятъ изображенія кеглеобразныхъ построекъ этой страны [1]).

Съ высокихъ плоскогорій Каппадокіи хеттиты, если они дѣйствительно пребывали тамъ долгое время, спустились къ изгибу Евфрата и къ Киликійскому заливу, распространившись въ то же время по всему обширному прямоугольнику Малой Азіи, такъ какъ всюду въ этой странѣ

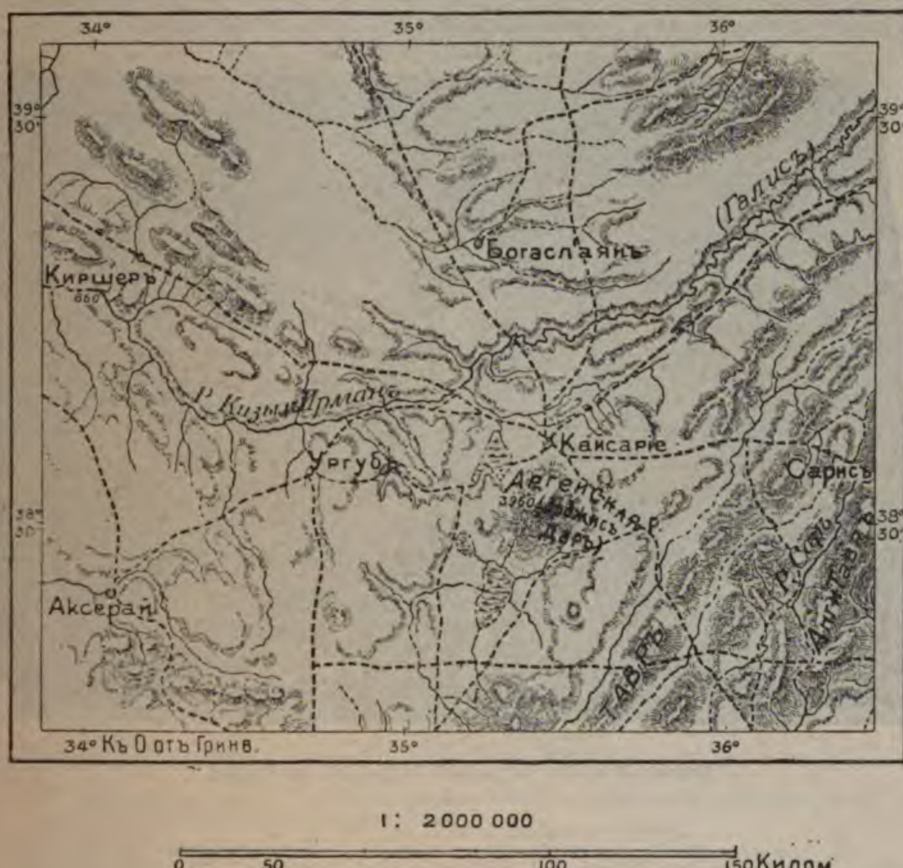
Деревня Мачачъ, въ окрестностяхъ Ургуба.

находятся различные памятники хеттитовъ съ ихъ курьезными рельефными надписями, которыя до сихъ поръ еще не прочтены; надписи эти идутъ послѣдовательно то справа налѣво, то слѣва направо. Сезострисъ, памятники котораго, упоминаемые Геродотомъ [2]), сохраняются до сихъ поръ въ горахъ эллинской Малой Азіи, между Ефесомъ и Смирною, былъ хеттитскій военачальникъ, и двуглавый орелъ, изображенный на скалахъ Евьюкъ, былъ несомнѣнно гербомъ хеттитовъ или ихъ властителей; этотъ символъ кровожадности и дикости, изображающій готов-

1) Globus, 23 janvier 1902. - 2) «Исторія», кн. II, 106.

ность въ любой моментъ растерзать и уничтожить, поразилъ такъ сильно рыцарей-крестоносцевъ, отправившихся на завоеваніе гроба Господня, что двѣ изъ могущественнѣйшихъ европейскихъ державъ сдѣлали языческаго двуглаваго орла своимъ государственнымъ гербомъ!

№ 104. Аргейская гора и область пещерныхъ жителей въ Малой Азіи.

Древнія развалины, открытыя къ сѣверу отъ рѣки Галисъ, въ Евьюкѣ и въ Богазкой, свидѣтельствуютъ о довольно значительной цивилизаціи,— это развалины дворцовъ, выполненныхъ по грандіозному плану и содержащихъ до сихъ поръ остатки стѣнъ, которыя были возведены съ большою смѣлостью; здѣсь же находятся святилища, выдолбленныя въ скалахъ холмовъ, окружающихъ Богазкой, и содержащія по стѣнамъ длинныя вереницы изваянныхъ фигуръ; древность этого храма, открытаго въ недавнее время германскими изслѣдователями, не менѣе какъ 4000 лѣтъ.

Относительно тщательная отдѣлка каппадокійскихъ зданій заставляетъ думать, что время постройки этихъ хеттитскихъ сооруженій относится къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ скульптурныя изображенія той же народности, сохранившіяся въ Сиріи.

Хеттиты обосновались и устроили центръ своей власти въ Сиріи приблизительно около той эпохи, когда евреи проникли въ страну Ханаанскую. Въ зависимости отъ измѣненія различныхъ историческихъ условій, столица ихъ, являвшаяся, быть можетъ, и метрополіей стояв-

Двуглавый орелъ, хеттитскій барельефъ въ Евьюкѣ.
По А. Сэйсу.

шихъ съ ними въ союзѣ племенъ и покоренныхъ народностей, перемѣщалась съ одного мѣста на другое между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ. Одна изъ этихъ столицъ находилась на правомъ берегу Евфрата и называлась Кархемишъ; она располагалась въ одномъ изъ пунктовъ, гдѣ по ближайшему пути можно было достигнуть моря; однако, за протекшіе 26 вѣковъ эта древняя «крѣпость Кемиша» совершенно разрушилась, остатки ея были погребены подъ песками, и вся мѣстность, занятая прежде городомъ, могла быть въ недавнее время [1]) куплена за

1) Saturday Review, February 26, 1889.

цѣну, не превышающую стоимости одной коровы. Главное мѣсто пере-

№ 105. Нѣкоторые памятники хеттитовъ.

Масштабъ 1 : 10000000.

1. Ущелье Карабельское: двѣ фигуры воиновъ, направляющихся на югъ (см. рис. на стр. 9).
2. Скалы Сипиле: фигура сидящей женщины.
3. Ясиликайя: барельефъ съ фигурами людей и солнечными дисками.
4. Гьяуркалесси: фигура воина, сходная съ изображенными въ Карабельскомъ ущельѣ.
5. Евьюкъ: остатки огромнаго зданія, аллея львовъ, двуглавый орелъ (см. рис. на стр. 32).
6. Богазкой: храмъ, развалины дворца, разрушеннаго Крезомъ.
7. Ильгунъ (Тиріайонъ). 8. Ефлатунбунаръ. 9. Фассилеръ.
10. Ивризъ: двѣ фигуры съ надписями.
11. Булгаръ-Маденъ: надпись вблизи серебряныхъ копей.
12. Тіяна. 13. Боръ. 14. Нигдэ. 15. Мазака.
16. Ущелье Гурунъ: надписи.
17. Марашъ: фигуры воиновъ, каменный левъ, надписи.
18. Синдширли. 19. Шакчегозу. 20. Келлеръ (см. стр. 14). 21. Джерабисъ (Кархемишъ).
22. Алепъ (Халебъ): „камень съ надписями", уничтоженный для того, чтобы европейцы имъ не завладѣли.
23. Хаматъ: черная базальтовая скала съ надписями, обелискъ и пр.

Имѣется также глиняная печать, найденная въ Ниневіи, различные мелкіе предметы, найденные въ Айдинѣ, въ Юзгадѣ и др., наконецъ, нѣкоторые документы, точное происхожденіе которыхъ неизвѣстно (см. стр. 26, 27 и 34).

правы черезъ рѣку передвинулось на нѣсколько километровъ къ сѣверу

Другіе важные города возникли на юго-западѣ ближе къ морю, въ великолѣпной долинѣ рѣки Оронта, берущей начало въ сирійской впадинѣ между двумя параллельными цѣпями Ливана и Анти-Ливана: такъ, здѣсь возникъ городъ Хамахъ (Хаматъ), гдѣ въ 1812 г. Буркгардъ открылъ на базальтовыхъ скалахъ цѣннѣйшія надписи, которыя получили названіе хаматскихъ и считаются въ настоящее время произведеніями хеттитовъ; здѣсь же находился городъ Кадехъ, развалины котораго располагаются въ сосѣдствѣ съ огромнымъ бассейномъ, служившимъ для орошенія и сдѣлавшимся живописнымъ озеромъ, — въ этой именно мѣстности, по указанію нѣкоторыхъ авторовъ, разыгралась $32^1/_2$ вѣка тому назадъ страшнѣйшая битва между египетскими войсками и вооруженными силами хеттитовъ,—битва, которая изображена на барельефахъ, открытыхъ въ Ѳивахъ, и описана историкомъ Пентавромъ.

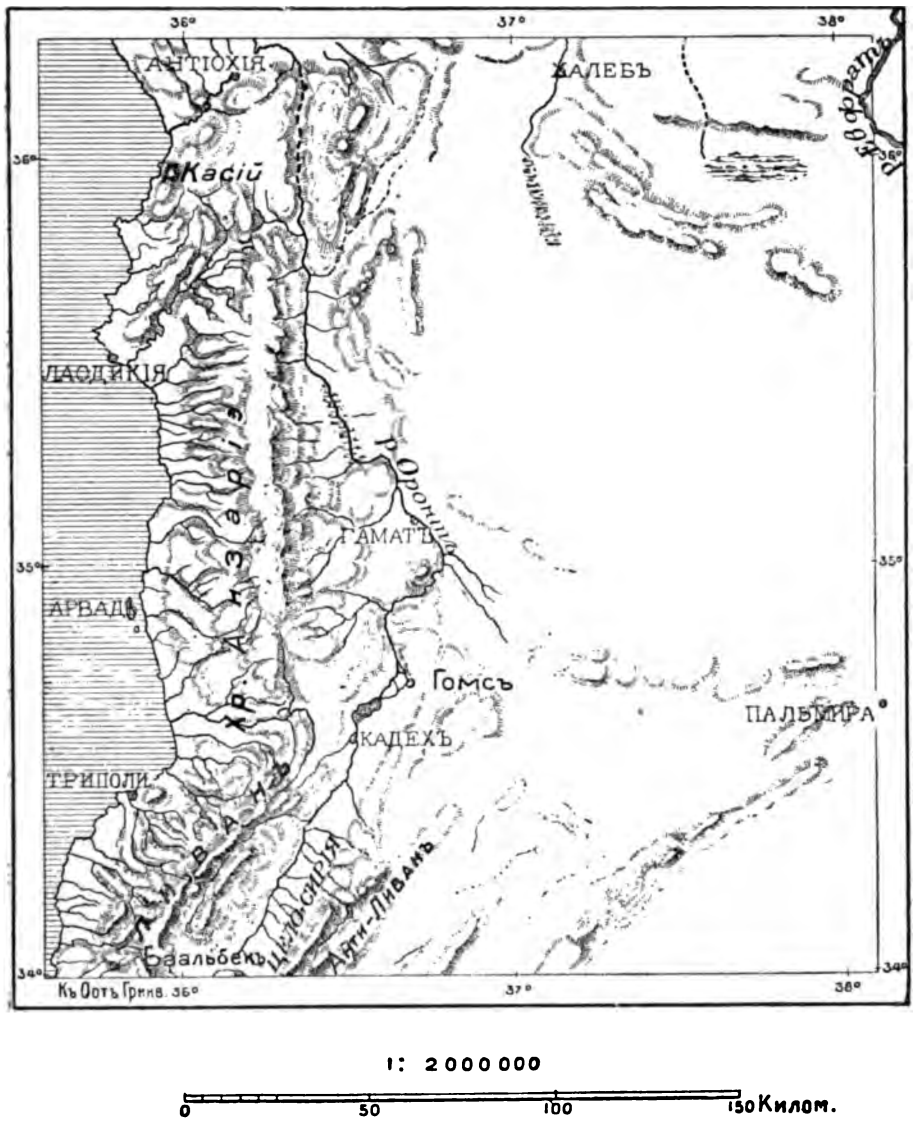
Пластинка изъ Таркондемосъ съ хеттитской и ассирійской надписью.

Единственный извѣстный намъ документъ съ надписями на двухъ языкахъ.

Оказавъ энергичный отпоръ египтянамъ, хеттиты, преобладающее вліяніе коихъ въ Сиріи было уже поколеблено, должны были выдержать еще натискъ другихъ своихъ опаснѣйшихъ сосѣдей—ассирійцевъ; цѣлые вѣка, проводившіеся ими въ борьбѣ и въ отраженіи нападеній, въ концѣ концовъ, утомили ихъ: взятіе города Кархемиша положило предѣлъ ихъ существованію, какъ особой націи. Благодаря уже своему географическому положенію они могли прерывать всѣ торговыя сношенія между семитами Месопотаміи и семитами сирійскаго побережья: помимо ихъ страны сношенія могли совершаться лишь крайне трудными путями по пустынямъ южнѣе Тадмора и Дамаска. Въ то же время и властители Ассиріи должны были считать одной изъ главнѣйшихъ своихъ цѣлей полное завоеваніе великаго историческаго пути, ведущаго отъ верховьевъ

Евфрата [1]). 26 вѣковъ тому назадъ хеттиты были окончательно оттѣснены и порабощены. Могущество ихъ было навсегда сломлено, и отдѣль-

№ 106. Сирія отъ Евфрата до Ливана.

ныя группы этой народности либо покорились побѣдителямъ, либо были разсѣяны по дальнимъ странамъ; еще до того времени хеттиты искали

1) Sayce. «Patriarchal Palestine», p. 251.

себѣ убѣжища къ югу отъ страны амморейцевъ и обосновались въ окрестностяхъ Геброна. Позднѣе они вошли въ сношенія съ племенемъ бени-израиль и, безъ сомнѣнія, подверглись сильному измѣненію, благодаря пребыванію въ Іудеѣ и благодаря смѣшенію съ туземными племенами; мало-по-малу, они все болѣе и болѣе семитизировались; вмѣстѣ съ евреями они принимали участіе въ основаніи Іерусалима.

Хеттитскія надписи еще не открыли намъ всѣхъ тайнъ этой народности: попытки дешифрировать ихъ не могутъ считаться удачными и не привели ни къ какому результату. Мы знаемъ, однако, все же, что въ этой привилегированной мѣстности, гдѣ развѣтвляется великій исто-

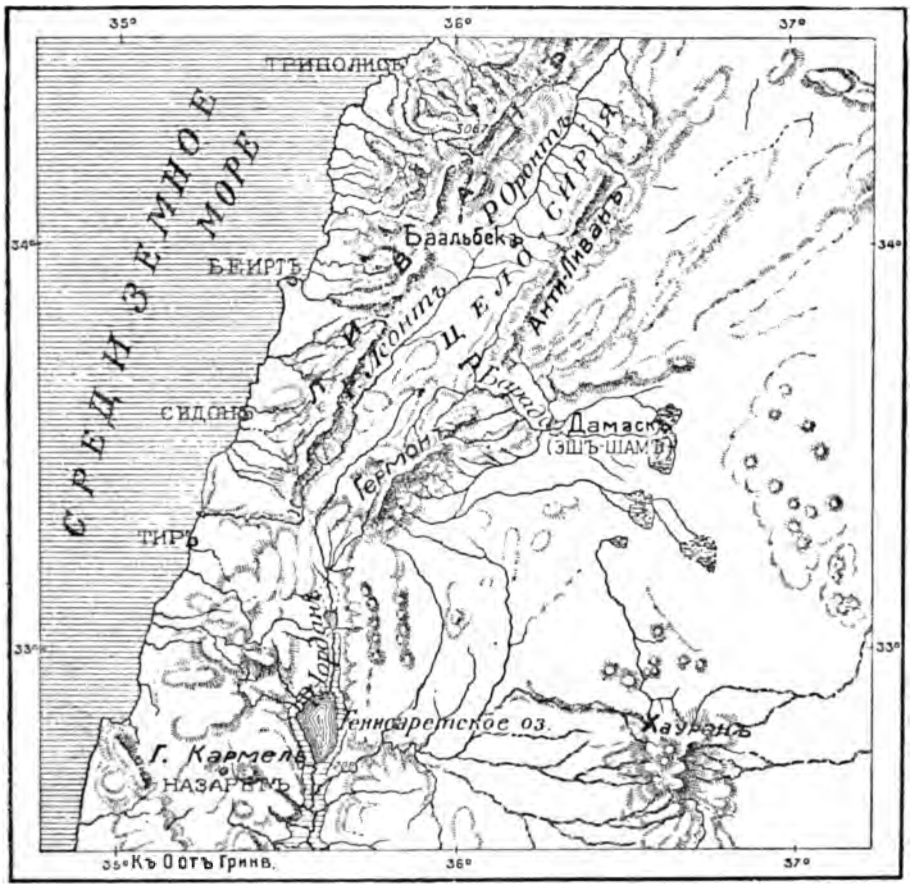
Рѣка Барада, «Золотой потокъ».

рическій путь Азіи, сообщающій востокъ съ западомъ, имѣлись всѣ данныя къ возникновенію великой имперіи, способной охватить, съ одной стороны, область верхняго Евфрата, съ другой—страны до береговъ Сиріи и долины, параллельныя послѣднимъ, равно какъ и области Малой Азіи. Съ точки зрѣнія стратегической, ни одна позиція не была болѣе сильно укрѣпленной; вслѣдствіе этого она и должна была подвергнуться наиболѣе ожесточеннымъ атакамъ со стороны соперничающихъ державъ. Отсюда проистекали эти безконечныя войны, благодаря которымъ страна оказалась опустошенной на столь долгое время. Потребовались долгіе вѣка для того, чтобы сѣверная Сирія могла снова возстановить свое населеніе, предназначенное, впрочемъ, къ новой гибели.

Къ югу отъ тѣхъ странъ, которыя составляли царство хеттитовъ, и въ которыхъ позднѣе расцвѣла Антіохія, столица имперіи Селевки-

довъ, слѣдовали вдоль подножья прибрежныхъ горъ одинъ за другимъ населенные пункты, въ которыхъ историческая жизнь концентрировалась съ особой интенсивностью. Мѣстоположеніе этихъ пунктовъ было

107. Южная Сирія.

1: 2000000

0 50 100 150

Заштрихованная область въ долинѣ р. Іордана и вокругъ Генисаретскаго озера располагается ниже уровня Средиземнаго моря.

предуказано уже проходами, открывающимися на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого чрезъ прибрежную цѣпь горъ—проходы эти служили и для переселенія народовъ и для торговыхъ сношеній и вообще

для распространенія цивилизаціи съ береговъ Евфрата на берега Средиземнаго моря и обратно. Изъ этихъ различныхъ горныхъ проходовъ особое значеніе имѣли, вслѣдствіе легкой доступности и вслѣдствіе плодородія окружающихъ долинъ и террасъ тѣ проходы, которые сообщаютъ оазисъ Дамаска съ морскимъ побережьемъ въ окрестностяхъ Тира и Сидона. Дамаскъ, извѣстный на Востокѣ подъ названіемъ Экхамъ, Эшъ-Шамъ или «Сирія», какъ-будто въ немъ концентрируются всѣ хорошія стороны этой страны, располагается въ мѣстности, явственно намѣченной самой природой. Онъ не является, подобно городу Кархемишъ и другимъ городамъ, такимъ пунктомъ, который возникъ въ данной мѣстности случайно, и географическое значеніе коего не измѣнилось бы при перемѣщеніи. Если представить себѣ, напр., что мѣсто удобнаго перехода черезъ Евфратъ перемѣстилось бы на разстояніе дневного пути къ сѣверу или къ югу, то ясно, что великія историческія движенія между Востокомъ и Западомъ отъ этого нисколько не измѣнились бы,—пришлось бы найти лишь другое мѣсто переправы чрезъ эту рѣку. Не таково положеніе Дамаска,—онъ, безъ сомнѣнія, съ до-историческихъ временъ располагался все въ той же долинѣ, гдѣ развѣтвляются и до сихъ поръ его оросительные каналы, гдѣ цвѣтутъ его сады и поднимаются къ небу его стройныя башни. Не безъ нѣкотораго основанія мѣстные жители говорятъ о своемъ городѣ, что это «самый древній городъ въ мірѣ», и что лишь ему одному позволилъ Аллахъ сохранить до нашихъ дней райскіе сады; они добавляютъ еще, что здѣсь же находится та «дѣвственная земля, изъ которой возникъ первый человѣкъ». Во всякомъ случаѣ, городъ этотъ существуетъ не менѣе какъ въ теченіе 38 вѣковъ,—названіе его вырѣзано на одномъ изъ памятниковъ, найденныхъ въ Карнакѣ и относящихся къ столь отдаленному времени.

Преимущества мѣстоположенія Дамаска, обусловившія его первостепенное значеніе, зависятъ цѣликомъ отъ того горнаго прохода, который открывается непосредственно къ западу между хребтами Гермона и Анти-Ливана: чрезъ эту брешь прорывается рѣка Барада, носившая въ древности названіе Хризорроасъ или «Золотой потокъ»; дробясь на безчисленные каналы, она, дѣйствительно, надѣляетъ богатствами страну, прилегающую близко къ пустынѣ. По направленію къ этому оазису сходятся всѣ пути средняго Евфрата, описывающаго къ сѣверо-востоку отъ Дамаска въ 400 километрахъ разстоянія большую дугу. Что касается привилегій болѣе общаго характера, даваемыхъ Дамаску его географическимъ положеніемъ, то онѣ проистекаютъ также и отъ присутствія открываемаго рѣкой Барадой естественнаго пути къ Цёло-Сиріи или «полой Сиріи», которая тянется въ видѣ длинной долины между обоими хребтами Ливанскихъ горъ. Эта долина позволяла Дамаску сообщаться, по желанію, какъ съ сѣверной Сиріей, чрезъ бассейнъ рѣки Оронта,

Баальбекъ, храмъ Дурисъ, римской эпохи.

такъ и съ южной Сиріей и Палестиной—бассейномъ рѣки Леонта, не говоря уже о перевалахъ, открывающихся непосредственно къ западу и ведущихъ чрезъ хребетъ Ливана къ древнему Сидону и къ другимъ финикійскимъ городамъ побережья.

Присутствіе естественныхъ путей сообщенія гарантировало оазису Дамаска коммерческое и политическое значеніе, и исторія говоритъ намъ, дѣйствительно, что городъ этотъ, сдѣлавшійся въ настоящее время столицей Сиріи, занималъ во всѣ времена выдающееся мѣсто между другими населенными пунктами Передней Азіи. Неоднократно бывалъ онъ царской резиденціей и велъ войны съ сосѣдями, въ особенности съ племенами израильтянъ. Никогда, однако, не достигалъ онъ все же такого значенія, какъ Тиръ и Вавилонъ. Несмотря на то, что по плодородію своихъ полей Дамаскъ не отличался отъ послѣдняго, онъ не могъ все же сравниться со столицей Месопотаміи или съ великимъ торговымъ городомъ финикійскаго побережья ни центральностью своего положенія, ни широкимъ развитіемъ международной торговли.

Параллельно хребтамъ горъ, которые тянутся съ сѣвера на югъ,

простирается побережье Сиріи съ его полукруглыми заливами, образованными благодаря тому, что въ море выдаются боковыя вѣтви хребтовъ. Морское побережье принимаетъ геометрически правильныя очертанія лишь къ югу отъ горы Кармелъ: начиная отъ этой господствующей далеко надъ моремъ вершины, берегъ развертывается далѣе къ югу правильной дугой, нарушаемой лишь небольшою впадиной, гдѣ лежитъ Яффа,—своей юго-западной оконечностью эта дуга соприкасается съ наносными равнинами дельты Нила. Побережье тянется здѣсь такъ правильно, какъ-будто нанесено циркулемъ, и въ то же время оно было почти недоступно для кораблей до тѣхъ поръ, пока искусство не усовершенствовало немногочисленныхъ его гаваней. Юго-восточный уголъ Средиземнаго моря, находящійся здѣсь, связываетъ побережье Азіи съ африканскимъ континентомъ. Въ этой области обнаруживается нѣкоторое несоотвѣтствіе географическихъ чертъ страны: тогда какъ въ сѣверной Сиріи горныя цѣпи и промежуточныя долины рѣкъ расположены параллельно морскому побережью, въ южной Сиріи онѣ, наоборотъ, расходятся: съ одной стороны, долина, въ которой течетъ Іорданъ, открывается прямо къ югу, къ Мертвому морю и къ заливу Акаба, съ другой стороны—средиземноморское побережье загибаетъ къ юго-западу и затѣмъ далѣе непосредственно къ западу

Торговыя гавани на этомъ финикійскомъ побережьѣ имѣли очень различное значеніе, въ зависимости отъ перехода господства отъ однѣхъ народностей внутренней части азіатскаго континента къ другимъ: въ этомъ отношеніи замѣчалось постепенное перемѣщеніе отъ сѣвера къ югу, шедшее параллельно съ политическими и соціальными измѣненіями, совершавшимися въ верховьяхъ и въ низовьяхъ Месопотаміи. Если вѣрно, дѣйствительно, что первоначально каста финикійскихъ купцовъ обосновалась на принадлежавшемъ Персіи островѣ Тилосѣ и затѣмъ переселилась оттуда, вмѣстѣ съ самою цивилизаціей, на берега Средиземнаго моря, то, конечно, при такомъ переселеніи финикійцы должны были слѣдовать историческому пути, представляемому Евфратомъ, и, слѣдовательно, должны были достичь побережья Сиріи не иначе, какъ пройдя чрезъ страну хеттитовъ вблизи той мѣстности, гдѣ располагается островъ Арвадъ; занятіе побережья должно было совершаться постепенно путемъ завоеванія, оттѣсненія обитавшихъ тамъ жителей и путемъ послѣдующей медленной ассимиляціи населенія. Такимъ образомъ, этническіе элементы, спустившіеся съ Ливанскаго хребта, принимали также участіе въ основаніи финикійскаго могущества. Это доказывается уже возникновеніемъ города Библоса, ассирійское названіе котораго означаетъ—«городъ горныхъ жителей». Быть-можетъ, эти «креты» или филистимляне, обосновавшіеся со времени занятія евреями земли ханаанской на морскомъ побережьѣ, къ западу отъ Іерусалима, были первыми обитателями

Надпись Навуходоносора на берегахъ рѣки Наръ-эль-Кельбъ,
называвшейся прежде рѣкою Ликусъ.

сирійскаго побережья; по другимъ извѣстіямъ, они пришли изъ Египта въ болѣе позднюю эпоху [1]).

На финикійскомъ берегу такихъ пунктовъ, гдѣ мореходы и торговцы могли найти одинаковыя удобства и преимущества какъ въ смыслѣ мѣстныхъ условій, такъ и въ смыслѣ сообщеній съ дальними странами, было много. Мѣстами здѣсь узкая полоска воздѣлываемой земли, встрѣчая плодородную долину, расширяется, съ горъ сбѣгаютъ потоки и распредѣляются по оросительнымъ каналамъ, устроеннымъ туземцами для поливки ихъ полей и садовъ; въ такихъ мѣстностяхъ имѣются часто полукруглые заливы, очень удобные для приставанія судовъ; кое-гдѣ остатки погрузившагося въ воду прежняго побережья образуютъ волнорѣзы изъ островковъ и рифовъ, защищающихъ корабли отъ волненія и вѣтровъ открытаго моря.

Въ распредѣленіи этихъ гаваней замѣчается извѣстная послѣдовательность: быть-можетъ, въ ихъ возникновеніи играли нѣкоторую роль удобства путешественниковъ, разстояніе ихъ дневного пути по морю или по сушѣ. Въ среднемъ гавани эти отстоятъ одна отъ другой, дѣйствительно, примѣрно на разстояніе дневного пути пѣшехода или гребного судна; такимъ образомъ, мореходы могли отдыхать при плаваніи вдоль побережья ночью въ тихой гавани,—они спали здѣсь вблизи своихъ судовъ, вытащенныхъ на берегъ на подложенныхъ подъ нихъ валькахъ [2]).

Въ ту эпоху, когда на островѣ Арвадѣ или «островѣ прибѣжища» находился цвѣтущій финикійскій городъ того же наименованія, народность хеттитовъ доставляла ему изнутри страны различные товары для вывоза и получала отъ него товары съ Кипра, изъ Египта и Малой Азіи. Для собственной своей защиты городъ, помимо моря и крутизны береговъ, располагалъ такимъ большимъ флотомъ, что многочисленныя полчища завоевателей, приходившія изнутри страны, не могли съ ними справиться. Въ самой гавани имѣлись источники прѣсной воды, что позволяло мореходамъ, въ случаѣ осады города, не заботиться о пополненіи запасовъ воды. Вслѣдствіе недостатка мѣста на островѣ, который имѣлъ всего лишь 1300 метровъ въ окружности, пригороды и склады, сельскохозяйственныя фермы и виллы жителей должны были располагаться по другую сторону пролива, на материковомъ побережьѣ, давая, такимъ образомъ, начало возникновенію новыхъ молодыхъ городовъ. Въ періоды богатства и процвѣтанія значеніе этихъ дочернихъ городовъ превосходило таковое города - матери, воздвигнутаго на скалистомъ островѣ, и города эти стремились естественно къ болѣе независимой и самостоятельной жизни; въ то же время въ эпохи бурныя имъ при-

---

1) G. Maspero. «Histoire ancienne des Peuples de l'Orient», pp. 312, 313. — 2) Hantz Prutz, «Aus Phœnizien».

ходилось гораздо сильнѣе опасаться угрожавшихъ имъ случайностей войны, и они становились подъ защиту своей метрополіи. Именно эта часть побережья сильнѣе всего была подвержена вражескимъ нападеніямъ—здѣсь горы прерваны на востокѣ широкой брешью, чрезъ которую пролегали пути, направляющіеся къ долинѣ Оронта, гдѣ располагались столицы имперіи. Здѣсь, у хеттитовъ, 3500 лѣтъ тому назадъ имѣлся могущественный городъ Хаматъ, и здѣсь же произошло столкновеніе ихъ съ египетскими арміями въ долинѣ Кадеха. Морская гавань, располагавшаяся какъ-разъ напротивъ этихъ городовъ, должна была отражать всѣ эти нападенія и неоднократно разрушалась врагами. Отъ нея остались, впрочемъ, очень цѣнныя развалины, именно развалины храма, въ которомъ выдолбленный въ скалѣ бассейнъ сохранялъ священную лодку «ковчегъ спасенія»—эмблему богатой Финикіи [1]).

Далѣе къ югу, въ мѣстности, расположенной еще лучше, чѣмъ Арвадъ, въ смыслѣ легкости сообщенія съ богатою долиною Оронта и со средиземноморскимъ побережьемъ, развился на узкомъ, далеко выдающемся мысѣ, который продолжается къ сѣверо-западу цѣлымъ рядомъ островковъ, городъ, знаменитый своею торговлей; исторія его возникновенія показываетъ намъ, что политическое благоразуміе финикійскихъ общинъ было чрезвычайно высоко. Дѣло въ томъ, что три торговыхъ города—Арвадъ, Сидонъ и Тиръ—согласились основать новый городъ на общія средства—городъ, который долженъ былъ служить всѣмъ имъ торговой конторою; въ силу своего возникновенія онъ и получилъ наименованіе «Триполисъ», т.-е. «Тройной городъ». Рѣдко сосѣднія державы подавали подобный примѣръ мудрости и умѣнья соблюдать общіе интересы! Въ общемъ, надо сказать, положеніе этой тройной конторы было выбрано настолько удачно, что городъ Триполисъ, неоднократно разрушавшійся до основанія, всегда затѣмъ снова возникалъ изъ своихъ развалинъ. Триполисъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей, обнесенныхъ стѣнами, гдѣ отдѣльно другъ отъ друга жили сидонцы, тиряне и арадійцы; такимъ же точно образомъ въ средніе вѣка старый и новый Данцигъ и три части Кёнигсберга были независимыми другъ отъ друга и защищались общими стѣнами; иногда, впрочемъ, и между ними самими возникали военныя столкновенія.

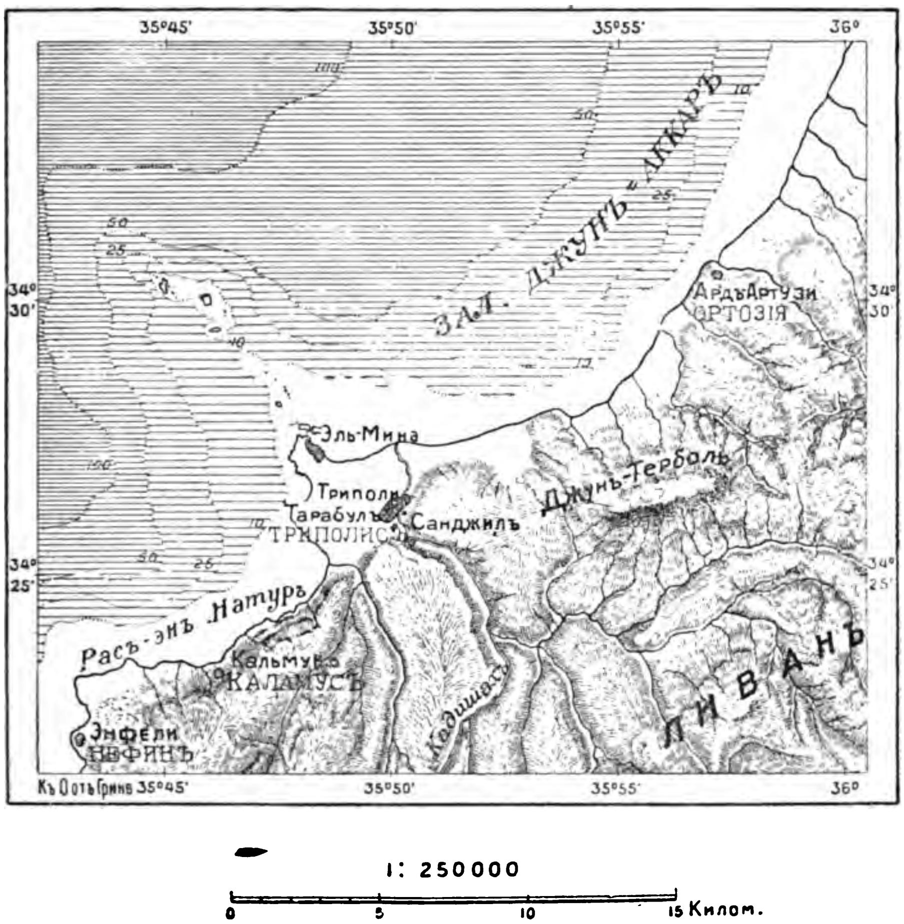
Города Батрунъ (Ботрисъ) и Джебаилъ (Библосъ), слѣдующіе далѣе къ югу за Тарабуломъ (древнимъ Триполисомъ), напоминаютъ намъ о временахъ наиболѣе древнихъ: къ этимъ небольшимъ гаванямъ сирійскаго побережья спустились горные жители Ливанскаго хребта и основали въ нихъ первыя колоніи для морской торговли. Древне-ассирійское наименованіе Библоса—Губаль—имѣетъ то же самое значеніе,

---

1) Ernest Renan, «Mission de Phénicie».

какъ нынѣшнее арабское наименованіе его Джебаилъ, именно значитъ «городъ горныхъ жителей». Это наименованіе точно такъ же, какъ и причины его, сохранилось на протяженіи долгихъ вѣковъ. Преобладаю-

№ 108. Триполи и окрестности.

Въ настоящее время г. Триполи состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей: на холмѣ—замокъ Санджиль или „Сенъ-Джилль“, древній дворецъ князей Триполи; въ долинѣ городъ на холмахъ или „Mont Pélerin“ („Гора Пилигримовъ“), какъ его называли крестоносцы; на берегу моря — городъ Эль-Мина или Маринъ.

щее религіозное значеніе Библоса между другими священными городами Финикіи свидѣтельствуетъ уже само по себѣ о его древности: религіозное поклоненіе связано обыкновенно съ традиціонными обрядами, освящаемыми временемъ. Въ Библосѣ жила царица Баалатъ—богиня, отъ

которой родился богъ Таммуръ, Адонисъ грековъ,—богъ, который умираетъ и возрождается каждый годъ, являясь символомъ природы, вѣчно разрушающейся и вѣчно возстановляющейся. Историческіе памятники Библоса были уничтожены и сравнены съ поверхностью земли христіанскими священнослужителями; въ настоящее время отъ древняго города остались лишь некрополи, выдолбленные въ скалахъ, и ручей, носящій теперь названіе Наръ - Ибрагимъ, съ которымъ связаны религіозныя воспоминанія древнихъ, — красноватая вода его, подрывающая глинистые берега, не является ли кровью Адониса, пролитой изъ его неизлѣчимыхъ ранъ? Нигдѣ въ мірѣ мы не встрѣчаемъ болѣе грандіознаго и красиваго ландшафта мѣстности. На востокѣ поднимаются «бѣлыя горы» Ливана съ крутыми склонами, тамъ и сямъ между покровомъ хвойнаго лѣса вырисовываются сѣрые обрывы известковыхъ скалъ, кажущіеся на разстояніи подернутыми дымкой. На обширныхъ террасахъ, у подножья горъ, разбросаны хорошенькія деревеньки, окруженныя зеленью, и виднѣются серебристые потоки горныхъ ручьевъ, скатывающіеся съ журчаньемъ по склонамъ. Съ другой стороны, морской берегъ, усѣянный раковинами, стонетъ подъ мощными ударами волнъ Средиземнаго моря, подернутыхъ нерѣдко серебристымъ туманомъ. Это поистинѣ счастливое побережье, на которомъ обоготворялось наслажденіе!

№ 109. Ботрисъ, Библосъ и Бейрутъ.

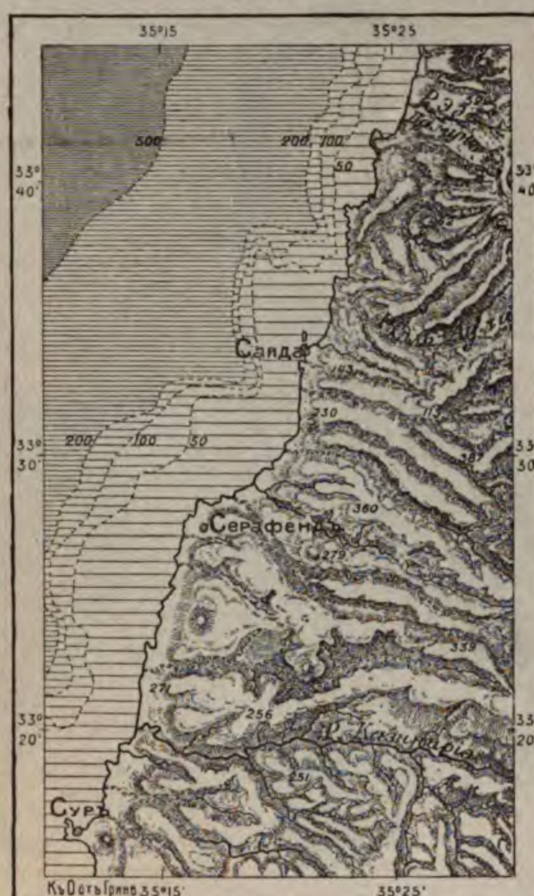
1 : 500000

0 5 10 20 килом.

Городъ Беиртъ, въ прежнія времена Беerотъ, что значитъ «городъ источниковъ», или Беритъ грековъ, возникъ, какъ гласитъ легенда, въ

тотъ же самый день, какъ Библосъ. Онъ былъ столь же удачно расположенъ, какъ и городъ Губаль, въ смыслѣ удобства для народа, сошедшаго съ горъ, земледѣлія и торговли; длинный полуостровъ, на которомъ онъ лежитъ, далеко выдается въ море и обезпечиваетъ кораблямъ превосходное убѣжище. Относительно маленькая гавань Библоса могла вмѣстить лишь флотилію небольшихъ судовъ, тогда какъ въ Беерогѣ могли найти пристанище всѣ рѣшительно корабли Финикіи и Греціи, притомъ они были бы тамъ защищены отъ южныхъ и югозападныхъ вѣтровъ. Городъ этотъ принадлежитъ къ такимъ, которые обладаютъ необычайной живучестью и возникаютъ вновь изъ пепла послѣ нашествія завоевателей.

№ 110. Сидонъ, Сарепта и Тиръ.

1 : 500 000

0 5 10 20 Килом.

Еще бо̀льшее значеніе имѣлъ могущественный Сидонъ, «Великій городъ» по преимуществу, «Мать Тира и Арада», какъ гласитъ одна изъ надписей. Первоначально это былъ пунктъ, населенный рыболовами, какъ о томъ говоритъ уже его названіе, но затѣмъ онъ получилъ особое, первостепенное значеніе, благодаря присутствію цѣлаго ряда гаваней, какъ бы нарочно созданныхъ природою. Впереди города и его долины, покрытой садами, тянется стѣною цѣпь скалъ, прорѣзанная проходами, которые ведутъ къ обѣимъ спокойнымъ гаванямъ, расположеннымъ съ сѣвера и съ юга Сидона и сообщающимся между собою узкимъ каналомъ. Сѣверная гавань, явственно ограниченная рядами скалъ, имѣетъ видъ совершенно искусственно вырытой и продолжается далѣе къ сѣверу въ видѣ обшир-

наго рейда, защищаемаго со стороны открытаго моря большою горою. Однако, уже съ древнихъ временъ эти гавани и располагающіеся передъ ними рейды, такъ прекрасно расположенные, обмелѣли настолько, что сдѣлались почти непригодны для судоходства, и торговое владыче-

Четверной сосудъ, найденный въ Яффѣ.

Арабская кропильница изъ Дамаска.

Древніе стеклянные сосуды.

ство средиземноморскаго міра перемѣстилось—за сидонскимъ періодомъ послѣдовалъ періодъ тирскій. «Мать городовъ», Сидонъ, лишившись своей прямой вывозной торговли, примѣнилъ пріобрѣтенное имъ матеріальное могущество къ организаціи филіальныхъ торговыхъ отдѣленій на побережьѣ и къ эксплуатаціи внутреннихъ рынковъ; Сидонъ сталъ въ то же время во главѣ всѣхъ остальныхъ рабочихъ городовъ и изъ центра торговаго сдѣлался центромъ промышленности; колоссальныя ско-

пленія раковинъ, покрывающія морской песокъ слоемъ въ нѣсколько метровъ толщиною, напоминаютъ намъ о существовавшихъ здѣсь фабрикахъ пурпура, а названіе находящагося нѣсколько далѣе къ югу прибрежнаго города Сарепта или Сарфендъ, т.-е. «плавильня», свидѣтельствуетъ о развитіи здѣсь искусства изготовленія стекла, доставившаго вмѣстѣ съ драгоцѣнными матеріями наибольшую славу древней Финикіи.

Другой «дочерній» городъ, сдѣлавшійся еще болѣе могущественнымъ и знаменитымъ, чѣмъ Сидонъ, — Тиръ или Цуръ, т.-е. «скала»,

Скалы и укрѣпленія современнаго Сидона.

былъ названъ такъ вслѣдствіе того, что, подобно городу Арваду, располагался на скалѣ, поднимающейся изъ моря; скала эта служила въ то же время для защиты отъ вѣтра кораблей, приставашихъ къ городу, который располагался на материкѣ и носилъ греческое названіе «Палео-Тиръ», т.-е. «древній Тиръ». Позднѣе Тиръ превратился въ торговый городъ, который позаботились защитить отъ враговъ высокими стѣнами. Стѣны эти, соединяющія всѣ башни города, тянутся непрерывно на протяженіи трехъ километровъ; отъ избытка предусмотрительности жители окружили еще, кромѣ того, эти стѣны высокимъ валомъ въ 4 километра въ окружности; всѣ эти сооруженія охватывали, такимъ образомъ

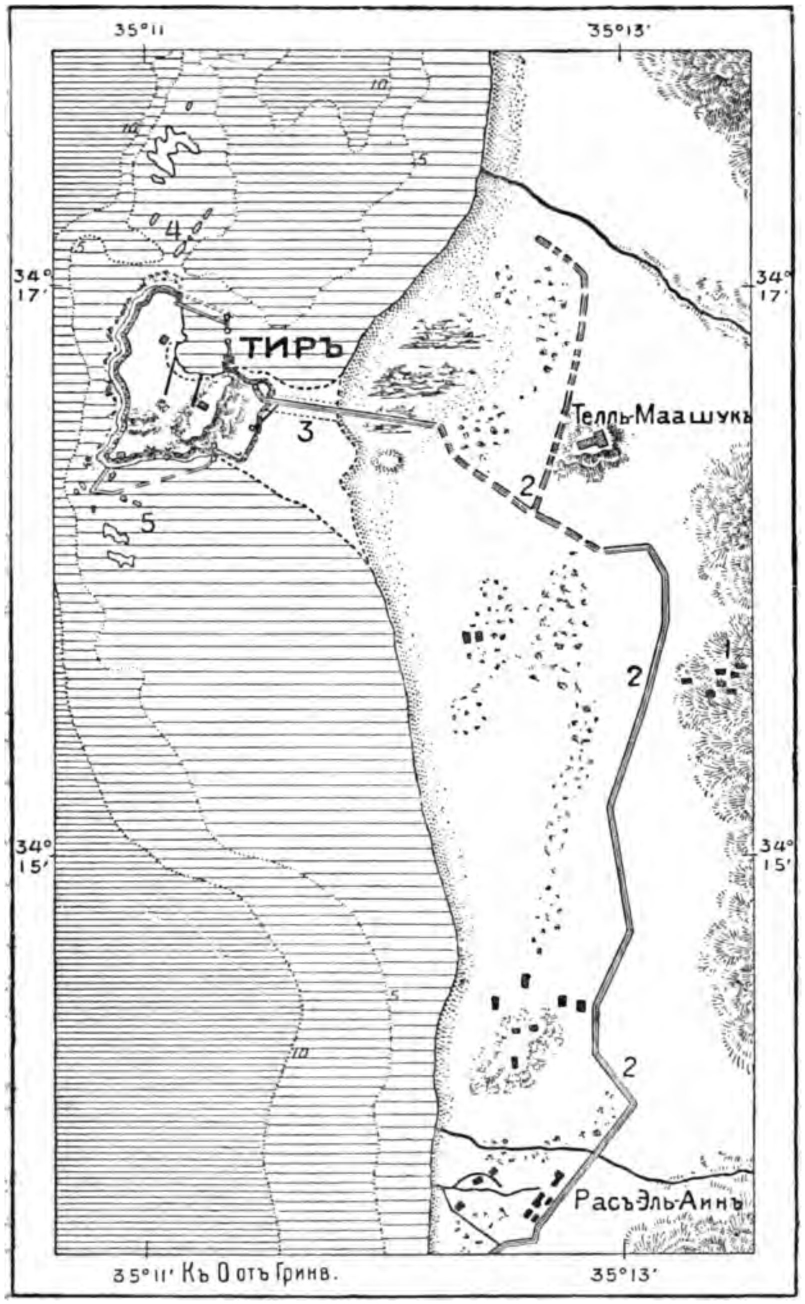
достаточно обширное пространство, на которомъ и располагались высокіе дома города, содержавшіе населеніе болѣе чѣмъ въ 30000 душъ. Кромѣ того, акведукъ, остатки котораго были недавно найдены, давалъ отъ себя отвѣтвленіе, шедшее къ городу, расположенному на островѣ; акведукъ этотъ проникалъ туда галлереей, проведенной ниже уровня моря. Гордые жители Тира, господствовавшіе на побережьѣ Средиземнаго моря въ теченіе трехъ тысячелѣтій, считали себя гарантированными отъ всякаго нападенія враговъ и, дѣйствительно, выдерживали стойко атаки полчищъ Салманасара, Шарукина и Навуходоносора,—войска этихъ царей, располагавшіяся на противолежащемъ берегу континента, какъ стаи саранчи, ничего не могли съ ними подѣлать. Часъ Тира пробилъ, однако, когда къ стѣнамъ города подошелъ Александръ Македонскій; онъ прежде всего выстроилъ дамбу, длиною въ километръ, связывающую берегъ съ укрѣпленнымъ островомъ, и затѣмъ ворвался со своими Македонскими фалангами въ городъ и взялъ его приступомъ, — такимъ способомъ, благодаря взятію Тира, перемѣстился весь центръ тяжести міровыхъ торговыхъ отношеній.

Стѣны Тира
по финикійской медали.

Далѣе къ югу, на морскомъ берегу располагается рядъ портовыхъ городовъ меньшаго значенія,—въ теченіе долгаго времени они стояли въ непосредственной зависимости отъ могущественнаго Тира. Къ этимъ городамъ относится Акка, чистый, бѣлый морской песокъ которой служилъ превосходнымъ матеріаломъ для фабрикаціи стекла, и Іоппе, современная Яффа, гдѣ суда филистимлянъ находили защиту за выдвинутыми въ море известковыми рифами. Эти гавани и нѣкоторыя другія убѣжища заключали собою цѣпь торговыхъ городовъ, усѣивавшихъ, какъ драгоцѣнныя жемчужины, покрытое зеленью морское побережье между Малой Азіей и Египтомъ,—побережье, которое связывало оба великихъ историческихъ пути, намѣченныхъ народными переселеніями и военными походами завоевателей, именно пути изъ Центральной Азіи къ обоимъ континентамъ—къ Европѣ и къ Африкѣ. Конечно, вдоль этой основной оси торговыхъ сношеній и цивилизаціи жизнь циркулировала особенно интенсивно, однако, малая ширина прибрежной полосы не позволяла

№ 111. Тиръ и его окрестности.

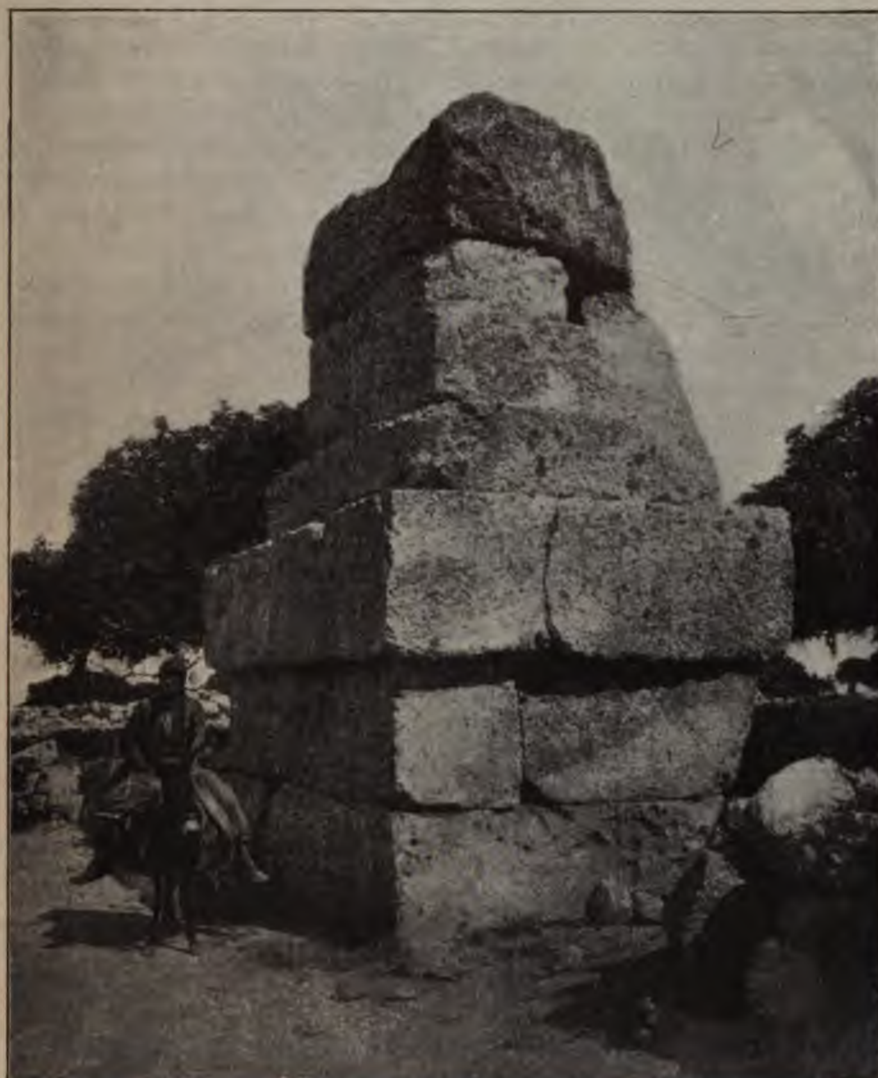
Масштабъ 1 : 50000.

1. Некрополь, могила Хирама. 2. Акведукъ.
3. Дамба Александра Македонскаго. 4. Развалины сѣвернаго мола.
5. Островки, повидимому, опиравшіеся въ молъ, направленный къ югу, длиною болѣе чѣмъ въ 2 километра; остатки этого мола видны еще подъ водою (Г. Берту).

приморскимъ городамъ объединиться въ отдѣльный организмъ обширныхъ размѣровъ. У Финикіи не хватало силъ и способностей къ сопротивленію; она могла лишь защищать свои прибрежныя скалы и при первомъ же серьезномъ нападеніи была обречена къ полной утратѣ своихъ владѣній на материкѣ. Никогда Финикія не была имперіей въ собственномъ смыслѣ этого слова, имперіей, которая могла бы сравниться съ великими монархіями континента. Она была, однако, въ то же время столь необходима для всѣхъ своимъ удивительно организованнымъ аппаратомъ товарообмѣна, что удерживалась въ теченіе многихъ вѣковъ, оставаясь то полной владычицей, то страною покровительствуемой; всегда и во всѣхъ случаяхъ она дѣйствовала какъ нѣкій органъ, принадлежащій сообща всѣмъ государствамъ внутренней части страны. Эти государства безсознательно образовывали въ нѣкоторомъ родѣ торговое товарищество, принимавшее участіе въ дѣятельности финикійскихъ торговыхъ рынковъ.

Подобно современной Англіи, Тиръ и Сидонъ обладали, внѣ своихъ естественныхъ границъ, областями гораздо болѣе обширными, чѣмъ ихъ собственная территорія. При крайне малыхъ размѣрахъ ихъ основного ядра они достигли чрезвычайной обширности своихъ развѣтвленій. Финикіяне старались заполучить каждый пунктъ побережья Средиземнаго моря, который только могъ быть имъ сколько-нибудь полезенъ въ качествѣ гавани, въ качествѣ рынка для ихъ товаровъ, мѣста для складовъ, или, наконецъ, въ качествѣ стратегическаго пункта, необходимаго для владычества надъ берегами или для охраны проливовъ. Такъ, они завладѣли Босфоромъ, гдѣ основали крѣпость, носившую названіе Кальта, Карта или Калхедонъ грековъ [1]). Въ самомъ центрѣ Средиземнаго моря они захватили островъ Мальту, гавань которой легко можно было укрѣпить,—это позволило имъ распространить свое господство и по всей западной части Средиземнаго моря. Они заняли также отдѣльно выдающійся мысъ, гдѣ располагался городъ Карѳагенъ — «дочерній» городъ Тира по преимуществу, сдѣлавшійся позднѣе еще болѣе могущественнымъ, чѣмъ сама его метрополія, такъ какъ естественное его положеніе было гораздо благопріятнѣе и удобнѣе для завоевательныхъ цѣлей,— онъ располагался въ самомъ центрѣ средиземноморской области и занималъ безусловно выдающееся положеніе среди народностей, ниже стоящихъ по развитію, матеріальнымъ средствамъ и вооруженію. Тиряне обосновались даже и еще далѣе къ западу, на бо́льшей части тѣхъ пунктовъ средиземноморскаго побережья, которые обладали особыми преимуществами въ качествѣ торговыхъ рынковъ,—именно, они устрои-

1) Bérard. Annales de Géographie, tome V, 1895 1896, p. 258.

Могила Хирама около Тира.

лись въ городѣ Марсъ-эль — современной Марсели («гавань бога»). Съ той эпохи этотъ городъ сталъ играть выдающуюся роль, благодаря своей прекрасно защищенной естественной гавани и благодаря своему мѣстоположенію при выходѣ къ морю богатѣйшей въ торговомъ отношеніи долины рѣки Роны. За столбами Мелькарта, которые позднѣе отъ грековъ получили названія столбовъ Геркулеса, т.-е. за Гибралтарскимъ проливомъ, также были разсѣяны по берегамъ какъ Европы, такъ и

Африки, небольшія финикійскія колоніи, гдѣ корабли финикіянъ, отваживавшіеся пускаться въ открытый океанъ, могли останавливаться и забирать продовольствіе; эти колоніи простирались на сѣверъ до Оловянныхъ острововъ (Великобританіи) и на югъ до архипелага Счастливыхъ острововъ. Колоніи на океаническомъ побережьѣ находились въ пунктахъ, столь же удачно выбранныхъ, какъ и средиземноморскія: одной изъ нихъ былъ Гадесъ, нынѣшній Кадиксъ, который выдается въ открытое море на узкомъ перешейкѣ, какъ цвѣтокъ на тонкомъ стебелькѣ. Всѣ эти колоніи финикіянъ не являются ли, по существу, дѣйствительно, мѣстами остановокъ сирійскаго бога Мелькарта, о которомъ легенда разсказываетъ, что онъ шествуетъ по всѣмъ странамъ запада, побѣдоносно завоевывая ихъ одну за другою?

Финикіяне пріобрѣли также гавани и по берегамъ Краснаго моря, чтобы распространить свое вліяніе по направленію къ Индійскому океану; они побывали и на берегахъ Африки, Азіи, Зондскаго архипелага, наконецъ, даже, какъ о томъ свидѣтельствуютъ финикійскія надписи, найденныя въ Режангѣ и относящіяся къ эпохѣ, отдаленной отъ нашего времени на 22—23 вѣка, побывали и на островѣ Борнео. Они часто посѣщали также страну Офиръ, каковою была либо изобилующая золотыми розсыпями страна Софала, либо городъ Абхира, располагавшійся у устья Инда, гдѣ они могли получать богатѣйшіе товары, стекавшіеся сюда со всего Индостана [1]). Впрочемъ, это названіе Офиръ сдѣлалось синонимомъ каждой страны, богатой золотомъ и драгоцѣнными камнями, подобно тому какъ въ наше время названіе Калифорніи, — оно могло примѣняться къ самымъ различнымъ странамъ, совершенно такъ же, какъ позднѣе примѣнялось названіе «Индія».

За столбы Геркулеса финикіяне рискнули выйти, главнымъ образомъ, съ цѣлью отысканія олова, главнѣйшими покупщиками котораго были сперва египтяне, затѣмъ греки. Наконецъ, финикіяне предвосхитили на 20 вѣковъ открытіе Діаца и Васко-де-Гамы и совершили, по приказанію египетскаго царя Нехо II, плаваніе вокругъ всего африканскаго континента отъ Краснаго моря къ Средиземному. По разсказу этихъ мореплавателей, «огибая Ливію, они видѣли восходъ солнца съ правой руки»,—это указаніе дало Геродоту основаніе сомнѣваться въ подлинности совершеннаго ими путешествія, но въ то же время именно оно является для современныхъ географовъ доказательствомъ того, что такое путешествіе дѣйствительно было совершено. Островной характеръ Африки былъ, однако, уже хорошо извѣстенъ въ ту эпоху: Ксерксъ, въ

1) G. Oppert. «Tharshish und Ophir». Zeitschrift für Ethnologie, 1903.—We-

наказанiе за какое-то преступленiе, приговорилъ нѣкоего Сатаспа

№ 112. Колонiи финикiянъ и извѣстныя имъ побережья.

Масштабъ по Экватору 1: 150 000 000

0 1000 5000 10000 Килом.

1. Родосъ. 4 Мальта. 7. Марсель.
2. Халкедонъ. 5. Сицилiя. 8. Питiюзы.
3. Θазосъ, золотыя розсыпи. 6. Сардинiя. 9. Кадиксъ.
10. Утика (Бизерта?) и Карθагенъ.
11. Касситеридскiе острова (Сциллiя), оловянныя копи Корнуэльса и Девоншира.
12. Янтарные берега (см. карту № 29). Земля Тулэ (Шетландскiе острова).
13. Мысъ Солоисъ (м. Кантэнъ).
14. Цернiя (Рiо-де-Оро)—колонiи Ганно.
15. Шербрукъ-Соундъ (Сьерра-Леоне), крайняя точка, достигнутая 2520 лѣтъ тому назадъ.
16. Эзеонгеберъ. 17. Мысъ Ароматовъ (м. Гвард фуи).
18. Софала, золотыя розсыпи.
19. Путешествiя финикiянъ во времена Нехо, сомнѣнiя, выраженныя нѣкоторыми авторами, осно вываются исключительно на отсутствiи деталей у Геродота.
20. Тилосъ (Дильмунъ, Тильвунъ?). 21. Бахреинъ. 22. Гадрамаутъ. 23. Абхира.
24. Музирисъ—несомнѣнной границы которой достигали финикiяне (Оппертъ).
25. Режангъ на Борнео (?).

совершить плаванiе вокругъ Африки; Сатаспъ дошелъ до крайняго за-

паднаго мыса, носившаго названіе Солоисъ, но, испугавшись продолжительности плаванія, вернулся затѣмъ обратно тѣмъ же путемъ [1]).

Всѣ отдаленныя торговыя колоніи, основанныя финикіянами, были привязаны къ метрополіи лишь нравственными узами родства и симпатіи, общностью языка, преданій и религіи, въ остальныхъ же отношеніяхъ должны были сильно измѣняться подъ давленіемъ внѣшнихъ условій окружающей среды. Съ возрастаніемъ разстоянія должны были порываться и политическія узы; Тиръ и Сидонъ не обладали колоніальными войсками, которыми они могли бы располагать по своему желанію,—это, впрочемъ, стояло бы въ полномъ противорѣчіи съ ихъ практическимъ смысломъ ловкихъ торговцевъ, заботящихся о полной свободѣ своей иниціативы. Политическая мощь финикійскихъ городовъ сказывалась лишь въ извѣстной степени на ихъ владѣніяхъ въ области восточнаго Средиземнаго моря, но и здѣсь она всегда носила совершенно иныя формы, отличавшіяся отъ прямого и непосредственнаго завоеванія: обмѣнъ товаровъ требовалъ производства богатствъ и нѣкотораго соглашенія съ производителями.

Въ бóльшей части этихъ восточныхъ областей Средиземнаго моря можно замѣтить, что гавани и мѣста якорныхъ стоянокъ наиболѣе древнія, посѣщавшіяся финикіянами и іонійцами Малой Азіи, располагались обыкновенно на восточныхъ берегахъ, тогда какъ бухты и берега, которыми позднѣе пользовались эллины, находились на берегахъ западныхъ; то же самое населеніе острововъ, которое въ прежнія времена стремилось къ востоку, обратилось позднѣе къ западу, сообразно съ тѣмъ, какъ вся цивилизація перемѣщалась въ направленіи, противоположномъ кажущемуся движенію солнца.

Сильно стѣсненные незначительностью своей территоріи, финикіяне массами выселялись изъ своей страны, слѣдуя за своими товарами. Ежегодная эмиграція увлекала въ дальнія страны не только отважныхъ купцовъ и морскихъ пиратовъ,—нерѣдко отправлялись и цѣлыя семьи и даже группы семей, которыя устраивались гдѣ-нибудь въ удобной мѣстности, надѣясь найти тамъ свободную и привольную жизнь. Если такимъ колонистамъ удавалось хорошо устроиться, вѣсти объ этомъ распространялись въ ихъ отечествѣ благодаря торговцамъ, совершавшимъ постоянные рейсы вдоль побережій, и колонія увеличивалась притокомъ новыхъ поселенцевъ. Такимъ образомъ возникали въ коммерческихъ гаваняхъ настоящія маленькія Финикіи, гдѣ все населеніе говорило на языкѣ Сидона, гдѣ господствовали финикійскіе нравы, и почитались финикійскіе боги. Кипръ и Киликія, гдѣ финикійская цивилизація пользовалась

---

1) Геродотъ, IV. «Melpomène», 42—43.

такимъ вліяніемъ, дали мѣсто въ своей странѣ финикійскимъ общинамъ, которыя, безъ сомнѣнія, пользовались извѣстной автономіей. Солимы или семиты съ береговъ Памфиліи, которые слились постепенно съ пизидійцами и другими обитателями этой страны, были также не кѣмъ инымъ, какъ финикіянами, сохраняющими вполнѣ нравы и языкъ своей родной страны. Далѣе къ западу ликійцы были, повидимому, враждебны финикійскимъ мореплавателямъ: отъ Святого мыса, замыкающаго съ запада Адалійскій заливъ, до мыса Книдскаго имѣлась всего лишь одна финикійская торговая гавань—городъ Астира, противъ Родоса [1]), который самъ былъ финикійскимъ. Напротивъ, карійцы юго-западной части Малой Азіи были очень тѣсно привязаны къ финикіянамъ, съ которыми нерѣдко сливались и образовывали даже часто послѣ удачнаго набѣга нѣчто въ родѣ морской державы, заключавшей въ себѣ сосѣдніе острова, полуострова и побережье. Карійскіе пѣхотинцы нерѣдко являлись наемниками финикійскихъ купцовъ. Задолго до грековъ финикіяне раскрыли также всѣ тайны Понта Евксинскаго [2]); даже болѣе, они проникли въ «сердце Пелопонеза», достигли Аркадіи, гдѣ они искали лѣсныхъ матеріаловъ, скота, наемныхъ войскъ и рабовъ [3]).

Отважные финикійскіе мореходы стояли въ связи также съ филистимлянами, хотя иногда между ними и возникала борьба; обѣ народности носили наименованіе критянъ—«Kreti Plasti»—по имени острова, который служилъ имъ мѣстомъ свиданія при военныхъ походахъ и при раздѣлѣ добычи [4]). Религія лидійцевъ, народности, которая по списку народовъ книги Бытія [5]) принадлежитъ къ семитической расѣ, настолько сходна съ религіознымъ культомъ финикіянъ въ своихъ основахъ и даже въ деталяхъ, что обѣ религіи могутъ считаться тожественными, если не считать различія въ употребляемыхъ въ нихъ собственныхъ именахъ; многія изъ именъ божествъ, впрочемъ, въ частности, напримѣръ, имя Астарты, безъ всякаго сомнѣнія, занесены сюда съ Востока. Можно, правда, замѣтить примѣси или слѣды финикійской религіи во всѣхъ областяхъ Малой Азіи, но нигдѣ сходныя черты не были столь бросающимися въ глаза, какъ въ городахъ западнаго морского побережья, въ особенности въ Ефесѣ, гдѣ посѣтитель попадалъ въ настоящую Финикію. Историки могутъ вывести изъ этого, что переселеніе религіозныхъ миѳовъ и обрядовъ совершалось не столько постепенными этапами, по сухому пути, сколько непосредственно по широкой дорогѣ, представляемой волнами моря.

Роль финикіянъ какъ великихъ мореплавателей и коммерсан-

1) Maspero. «Histoire ancienne des Peuples de l'Orient».—2) Movers, «Die Phœnizier», p. 297. — 3) Victor Bérard. «De l'Origine les Cultes arcadiens». — 4) Movers, op. cit. pp. 15—19. - 5) Гл. X, 22.

Африки, небольшія финикійскія колоніи, гдѣ корабли финикіянъ, отваживавшіеся пускаться въ открытый океанъ, могли останавливаться и забирать продовольствіе; эти колоніи простирались на сѣверъ до Оловянныхъ острововъ (Великобританіи) и на югъ до архипелага Счастливыхъ острововъ. Колоніи на океаническомъ побережьѣ находились въ пунктахъ, столь же удачно выбранныхъ, какъ и средиземноморскія: одной изъ нихъ былъ Гадесъ, нынѣшній Кадиксъ, который выдается въ открытое море на узкомъ перешейкѣ, какъ цвѣтокъ на тонкомъ стебелькѣ. Всѣ эти колоніи финикіянъ не являются ли, по существу, дѣйствительно, мѣстами остановокъ сирійскаго бога Мелькарта, о которомъ легенда разсказываетъ, что онъ шествуетъ по всѣмъ странамъ запада, побѣдоносно завоевывая ихъ одну за другою?

Финикіяне пріобрѣли также гавани и по берегамъ Краснаго моря, чтобы распространить свое вліяніе по направленію къ Индійскому океану; они побывали и на берегахъ Африки, Азіи, Зондскаго архипелага, наконецъ, даже, какъ о томъ свидѣтельствуютъ финикійскія надписи, найденныя въ Режангѣ и относящіяся къ эпохѣ, отдаленной отъ нашего времени на 22—23 вѣка, побывали и на островѣ Борнео. Они часто посѣщали также страну Офиръ, каковою была либо изобилующая золотыми розсыпями страна Софала, либо городъ Абхира, располагавшійся у устья Инда, гдѣ они могли получать богатѣйшіе товары, стекавшіеся сюда со всего Индостана [1]). Впрочемъ, это названіе Офиръ сдѣлалось синонимомъ каждой страны, богатой золотомъ и драгоцѣнными камнями, подобно тому какъ въ наше время названіе Калифорніи, — оно могло примѣняться къ самымъ различнымъ странамъ, совершенно такъ же, какъ позднѣе примѣнялось названіе «Индія».

За столбы Геркулеса финикіяне рискнули выйти, главнымъ образомъ, съ цѣлью отысканія олова, главнѣйшими покупщиками котораго были сперва египтяне, затѣмъ греки. Наконецъ, финикіяне предвосхитили на 20 вѣковъ открытіе Діаца и Васко-де-Гамы и совершили, по приказанію египетскаго царя Нехо II, плаваніе вокругъ всего африканскаго континента отъ Краснаго моря къ Средиземному. По разсказу этихъ мореплавателей, «огибая Ливію, они видѣли восходъ солнца съ правой руки»,—это указаніе дало Геродоту основаніе сомнѣваться въ подлинности совершеннаго ими путешествія, но въ то же время именно оно является для современныхъ географовъ доказательствомъ того, что такое путешествіе дѣйствительно было совершено. Островной характеръ Африки былъ, однако, уже хорошо извѣстенъ въ ту эпоху: Ксерксъ, въ

---

1) G. Oppert. «Tharshish und Ophir», Zeitschrift für Ethnologie, 1903.—We-

наказаніе за какое-то преступленіе, приговорилъ нѣкоего Сатаспа

№ 112. Колоніи финикіянъ и извѣстныя имъ побережья.

1. Родосъ. 4 Мальта. 7. Марсель.
2. Халкедонъ. 5. Сицилія. 8. Питіюзы.
3. Өазосъ, золотыя розсыпи. 6. Сардинія. 9. Кадиксъ.
10. Утика (Бизерта?) и Карөагенъ.
11. Касситеридскіе острова (Сциллія), оловянныя копи Корнуэльса и Девоншира.
12. Янтарные берега (см. карту № 29). Земля Тулэ (Шетландскіе острова).
13. Мысъ Солоисъ (м. Кантэнъ).
14. Цернія (Ріо-де-Оро)—колоніи Ганно.
15. Шербрукъ-Соундъ (Сьерра-Леоне), крайняя точка, достигнутая 2520 лѣтъ тому назадъ.
16. Эзеонгеберъ. 17. Мысъ Ароматовъ (м. Гвард фуи).
18. Софала, золотыя розсыпи.
19. Путешествія финикіянъ во времена Нехо, сомнѣнія, выраженныя нѣкоторыми авторами, осно вываются исключительно на отсутствіи деталей у Геродота.
20. Тилосъ (Дильмунъ, Тильвунъ?). 21. Бахреинъ. 22. Гадрамаутъ. 23. Абхира.
24. Музирисъ—несомнѣнной границы которой достигали финикіяне (Оппертъ).
25. Режангъ на Борнео (?).

совершить плаваніе вокругъ Африки; Сатаспъ дошелъ до крайняго за-

паднаго мыса, носившаго названіе Солоисъ, но, испугавшись продолжительности плаванія, вернулся затѣмъ обратно тѣмъ же путемъ [1]).

Всѣ отдаленныя торговыя колоніи, основанныя финикіянами, были привязаны къ метрополіи лишь нравственными узами родства и симпатіи, общностью языка, преданій и религіи, въ остальныхъ же отношеніяхъ должны были сильно измѣняться подъ давленіемъ внѣшнихъ условій окружающей среды. Съ возрастаніемъ разстоянія должны были порываться и политическія узы; Тиръ и Сидонъ не обладали колоніальными войсками, которыми они могли бы располагать по своему желанію,—это, впрочемъ, стояло бы въ полномъ противорѣчіи съ ихъ практическимъ смысломъ ловкихъ торговцевъ, заботящихся о полной свободѣ своей иниціативы. Политическая мощь финикійскихъ городовъ сказывалась лишь въ извѣстной степени на ихъ владѣніяхъ въ области восточнаго Средиземнаго моря, но и здѣсь она всегда носила совершенно иныя формы, отличавшіяся отъ прямого и непосредственнаго завоеванія: обмѣнъ товаровъ требовалъ производства богатствъ и нѣкотораго соглашенія съ производителями.

Въ бо̀льшей части этихъ восточныхъ областей Средиземнаго моря можно замѣтить, что гавани и мѣста якорныхъ стоянокъ наиболѣе древнія, посѣщавшіяся финикіянами и іонійцами Малой Азіи, располагались обыкновенно на восточныхъ берегахъ, тогда какъ бухты и берега, которыми позднѣе пользовались эллины, находились на берегахъ западныхъ; то же самое населеніе островов, которое въ прежнія времена стремилось къ востоку, обратилось позднѣе къ западу, сообразно съ тѣмъ, какъ вся цивилизація перемѣщалась въ направленіи, противоположномъ кажущемуся движенію солнца.

Сильно стѣсненные незначительностью своей территоріи, финикіяне массами выселялись изъ своей страны, слѣдуя за своими товарами. Ежегодная эмиграція увлекала въ дальнія страны не только отважныхъ купцовъ и морскихъ пиратовъ,—нерѣдко отправлялись и цѣлыя семьи и даже группы семей, которыя устраивались гдѣ-нибудь въ удобной мѣстности, надѣясь найти тамъ свободную и привольную жизнь. Если такимъ колонистамъ удавалось хорошо устроиться, вѣсти объ этомъ распространялись въ ихъ отечествѣ благодаря торговцамъ, совершавшимъ постоянные рейсы вдоль побережій, и колонія увеличивалась притокомъ новыхъ поселенцевъ. Такимъ образомъ возникали въ коммерческихъ гаваняхъ настоящія маленькія Финикіи, гдѣ все населеніе говорило на языкѣ Сидона, гдѣ господствовали финикійскіе нравы, и почитались финикійскіе боги. Кипръ и Киликія, гдѣ финикійская цивилизація пользовалась

---

1) Геродотъ, IV. «Melpomène», 42—43.

такимъ вліяніемъ, дали мѣсто въ своей странѣ финикійскимъ общинамъ, которыя, безъ сомнѣнія, пользовались извѣстной автономіей. Солимы или семиты съ береговъ Памфиліи, которые слились постепенно съ пизидійцами и другими обитателями этой страны, были также не кѣмъ инымъ, какъ финикіянами, сохраняющими вполнѣ нравы и языкъ своей родной страны. Далѣе къ западу ликійцы были, повидимому, враждебны финикійскимъ мореплавателямъ: отъ Святого мыса, замыкающаго съ запада Адалійскій заливъ, до мыса Книдскаго имѣлась всего лишь одна финикійская торговая гавань—городъ Астира, противъ Родоса [1]), который самъ былъ финикійскимъ. Напротивъ, карійцы юго-западной части Малой Азіи были очень тѣсно привязаны къ финикіянамъ, съ которыми нерѣдко сливались и образовывали даже часто послѣ удачнаго набѣга нѣчто въ родѣ морской державы, заключавшей въ себѣ сосѣдніе острова, полуострова и побережье. Карійскіе пѣхотинцы нерѣдко являлись наемниками финикійскихъ купцовъ. Задолго до грековъ финикіяне раскрыли также всѣ тайны Понта Евксинскаго [2]); даже болѣе, они проникли въ «сердце Пелопонеза», достигли Аркадіи, гдѣ они искали лѣсныхъ матеріаловъ, скота, наемныхъ войскъ и рабовъ [3]).

Отважные финикійскіе мореходы стояли въ связи также съ филистимлянами, хотя иногда между ними и возникала борьба; обѣ народности носили наименованіе критянъ—«Kreti Plasti»—по имени острова, который служилъ имъ мѣстомъ свиданія при военныхъ походахъ и при раздѣлѣ добычи [4]). Религія лидійцевъ, народности, которая по списку народовъ книги Бытія [5]) принадлежитъ къ семитической расѣ, настолько сходна съ религіознымъ культомъ финикіянъ въ своихъ основахъ и даже въ деталяхъ, что обѣ религіи могутъ считаться тожественными, если не считать различія въ употребляемыхъ въ нихъ собственныхъ именахъ; многія изъ именъ божествъ, впрочемъ, въ частности, напримѣръ, имя Астарты, безъ всякаго сомнѣнія, занесены сюда съ Востока. Можно, правда, замѣтить примѣси или слѣды финикійской религіи во всѣхъ областяхъ Малой Азіи, но нигдѣ сходныя черты не были столь бросающимися въ глаза, какъ въ городахъ западнаго морского побережья, въ особенности въ Ефесѣ, гдѣ посѣтитель попадалъ въ настоящую Финикію. Историки могутъ вывести изъ этого, что переселеніе религіозныхъ миѳовъ и обрядовъ совершалось не столько постепенными этапами, по сухому пути, сколько непосредственно по широкой дорогѣ, представляемой волнами моря.

Роль финикіянъ какъ великихъ мореплавателей и коммерсан-

---

1) Maspero. «Histoire ancienne des Peuples de l'Orient».—2) Movers, «Die Phœnizier», p. 297. — 3) Victor Bérard. «De l'Origine les Cultes arcadiens». — 4) Movers, op. cit. pp. 15—19. - 5) Гл. X, 22.

товъ значительно превосходила роль другихъ торговыхъ народностей. Обыкновенно забываютъ, что «морскіе законы и законы международнаго права, господствовавшіе на Средиземномъ морѣ въ теченіе среднихъ вѣковъ, являются въ значительной степени наслѣдіемъ финикіянъ» 1). Эта небольшая народность, привязанная къ узкой полосѣ побережья, пріобрѣла монополію морскихъ плаваній Средиземнымъ моремъ и снабжала всѣхъ своихъ сосѣдей драгоцѣннѣйшими товарами, привозившимися съ самыхъ отдаленныхъ окраинъ свѣта какъ по сухому пути, караванами, такъ и по морю, на корабляхъ. Они владѣли торговыми колоніями въ самыхъ отдаленныхъ въ тѣ времена странахъ—колоніями у дельты Нила, въ Танисѣ, въ Бубастѣ и въ самомъ Мемфисѣ, колоніями въ Сиріи и Месопотаміи—въ Саисѣ, въ Хаматѣ, въ Тапсакѣ, въ Низибисѣ, который хвалился своимъ сидонскимъ происхожденіемъ. Финикіяне предоставляли другимъ народностямъ воображать, что они обладаютъ міровою властью, сами же подчинялись имъ съ внѣшней стороны, но концентрировали въ своихъ рукахъ всю торговлю своихъ поработителей 2).

Предметы торговли, распредѣлявшіеся финикіянами въ эпоху ихъ наибольшаго процвѣтанія по всему свѣту, имѣли тѣмъ бóльшее значеніе въ міровомъ обмѣнѣ товаровъ того времени, что товары тогда были вообще немногочисленны, и религіозные обряды и общественныя церемоніи совершались съ бóльшей торжественностью и бóльшимъ блескомъ, чѣмъ теперь. Ладанъ изъ Аравіи, янтарь съ береговъ Балтійскаго моря, олово съ Великобританскихъ островов представляли собою уже въ силу удаленности мѣста ихъ производства и въ силу тайны ихъ происхожденія нѣчто сверхъестественное, почти божественное. Бронзовый вѣкъ въ западной Европѣ являлся не эпохой вторженія какой-либо новой расы, которая уничтожила первобытныхъ дикарей, находившихся на стадіи каменнаго вѣка, но періодомъ сильнѣйшаго вліянія на населеніе цивилизаціи Передней Азіи, созданной вавилонянами, принесенной хеттитами на берега Эгейскаго моря и въ Микены, и распространенный затѣмъ финикіянами вдоль береговъ всей западной Европы 3). Не подлежитъ сомнѣнію, что олово Касситеридъ имѣло въ эту эпоху, когда финикіяне его покупали и распредѣляли по всему свѣту, гораздо бóльшую цѣнность и бóльшее значеніе для цивилизаціи всего міра, чѣмъ двадцать вѣковъ спустя, когда добываніе его стало производиться Англіей.

---

1) Ernest Nys. «Recherches sur l'Histoire de l'Économie politique», page 57.— 2) G. Maspero, «Histoire ancienne des Peuples de l'Orient», p. 235.—Elie Reclus. «Notes manuscrites».—3) Fr. Lenormant. «Les premières Civilisations».—Von Ihering. «Les Indo-Européens avant l'Histoire», p. 259.

Олово, примѣнявшееся для приготовленія бронзы, т.-е. для выдѣлки прекраснаго оружія, статуй, сосудовъ, всего того, что древній міръ считалъ особенно великолѣпнымъ и рѣдкостнымъ, имѣлъ въ глазахъ торговцевъ такую цѣнность, что названіе архипелага островов, гдѣ олово добывалось—Касситеросъ по-гречески, Касазатирра по-ассирійски, Газдиръ по-арабски, Кесдиръ на нарѣчіяхъ внутренней Африки, Кастира въ Индіи—распространилось по всему свѣту отъ Тихаго до Атлантическаго океана, и что для доставки этого драгоцѣннаго металла установились чрезъ континенты коммерческіе торговые пути. До того времени, какъ финикіяне отправились за оловомъ по морю на корабляхъ, өракійцы получали его прямымъ путемъ чрезъ центральную часть Европы [1]). Благодаря олову, Индостанъ сдѣлался въ эпоху уже римскаго владычества до нѣкоторой степени данникомъ Великобританскихъ острововъ [2]). Впрочемъ, въ эту эпоху центръ торговли оловомъ отчасти перемѣстился, карөагеняне, явившіеся послѣдователями финикіянъ, открыли въ Испаніи залежи олова, достаточно обильныя для удовлетворенія нуждъ всемірной промышленности [3]).

Финикійскій стеклянный сосудъ изъ Сидона.

Являясь первыми въ роли мореходовъ, финикіяне занимали такое же мѣсто и въ качествѣ промышленниковъ. Особенно знамениты они были какъ фабриканты тканей, они же обладали и настоящей монополіей по окраскѣ тканей пурпуромъ, они были и наилучшими и почти единственными фабрикантами стеклянныхъ издѣлій; ихъ металлическіе инструменты и глиняные сосуды пользовались большимъ спросомъ во всѣхъ странахъ, до которыхъ достигали ихъ корабли: всюду получали они въ обмѣнъ на свои издѣлія сырые продукты, пищевыя вещества, строительные матеріалы, волокнистыя вещества и металлы. Несомнѣнное превосходство ихъ надъ другими народами въ коммерческой сметливости и лучшее качество ихъ товаровъ, по сравненію съ грубыми произведеніями другихъ странъ, позволяли имъ вести всю торговлю на мѣновыхъ началахъ,—у нихъ не

---

1) Salomon Reinach. «L'Anthropologie», p. 4, 1899.—2) Fr. Lenormant. «Les premières Civilisations». — 3) W. Sieglin. «Entdeckungsgeschichte von England im Altertum».

было надобности въ примѣненіи мѣновыхъ знаковъ, соотвѣтствующихъ цѣнностямъ, и потому они предоставили другимъ народностямъ—лидійцамъ и грекамъ—честь изобрѣтенія звонкой монеты [1]). Возможно, однако, что имъ принадлежитъ другая, не менѣе великая заслуга, стоящая въ связи съ тѣмъ, что во время ихъ непрерывныхъ путешествій среди народовъ, говорящихъ на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, имъ приходилось воспроизводить эти чуждые звуки: быть-можетъ, вслѣдствіе этого именно имъ должно быть приписано упрощеніе способа письма, изобрѣтеніе алфавита, въ которомъ каждый знакъ имѣетъ значеніе опредѣленной комбинаціи звуковъ.

Сравнивая финикіянъ съ греками въ смыслѣ общихъ условій ихъ цивилизаціи, мы видимъ, что первые обладали, безусловно, болѣе широкимъ кругозоромъ, благодаря своему неспокойному духу, своимъ исканіямъ приключеній и своимъ безконечнымъ странствіямъ: можно сказать, что послѣ нихъ, при гегемоніи грековъ, міръ въ матеріальномъ смыслѣ сократился. Эллины изучали міръ съ бо̀льшей любовью и бо̀льшимъ проникновеніемъ, чѣмъ ихъ предшественники, но они ограничивались болѣе узкими предѣлами. Цивилизація, основанная финикіянами, вышла уже за предѣлы средиземноморского бассейна; за 2000 лѣтъ до совершенія того прогресса, коего они были иниціаторами, намѣтили они перемѣщеніе центра культуры и могущества древняго міра на берега Атлантическаго океана. Точно также они явились предтечами эпохи великихъ открытій, такъ какъ совершили путешествіе вокругъ Африки.

Въ силу всего этого вполнѣ понятна та ненависть, которую питали греки къ своимъ соперникамъ, являвшимся, однако, и ихъ учителями въ смыслѣ цивилизаціи. Когда Финикія, эта узкая полоска земли, не простирающаяся далеко въ глубь, была насильственно присоединена къ великимъ имперіямъ, возникшимъ внутри страны, и когда ея гавани вошли въ составъ владѣній персидскихъ царей, борьба на морѣ ея флота съ флотомъ греческимъ, оспаривавшимъ владычество Финикіи на морскихъ волнахъ, сдѣлалась чрезвычайно жестокой. Утративъ свою независимость, Финикія, тѣмъ не менѣе, стойко защищала свои торговые планы и намѣренія и, сдѣлавшись рабыней могущественныхъ властителей, старалась, по крайней мѣрѣ, воспользоваться ихъ силами для того, чтобы раздавить своихъ конкурентовъ въ Эгейскомъ морѣ. Съ особымъ усердіемъ присоединялись мореходы Финикіи къ другимъ союзникамъ «Великаго Царя» и съ особой ревностью сражались они на сушѣ и на морѣ. Греки, однако, отомстили имъ позднѣе вдвойнѣ: сперва подъ предводительствомъ Александра Македонскаго они овладѣли Тиромъ, разгра-

1) Fr. Lenormant. «Les premières Civilisations».

били его склады, истребили его флотъ, разрушили мастерскія и арсеналы и перенесли въ новую міровую гавань—въ Александрію—наибольшую часть торговли Востока съ Западомъ; затѣмъ еще сильнѣйшій и болѣе длительный вредъ нанесли они Финикіи своей передачей исторіи этой страны—передачей, полной ненависти къ соперникамъ. Мы знаемъ Финикію лишь въ томъ искаженномъ видѣ, въ какомъ ее изображаютъ греческіе писатели, точно такъ же, какъ Карѳагенъ мы разсматриваемъ лишь глазами римлянъ, его побѣдителей!

ПАЛЕСТИНА.

Хронологія.

Первыя историческія событія еврейскаго народа не могутъ быть хронологически установлены,—ихъ нельзя опредѣлить даже съ точностью нѣсколькихъ столѣтій. Обыкновенно выходъ евреевъ изъ Египта относится къ концу XIX династіи, послѣ битвы при Кадехѣ, т.-е. приблизительно 3200 лѣтъ до нашего времени. Впрочемъ, нѣкоторые историки, болѣе вѣрящіе преданіямъ, относятъ переходъ евреевъ через Чермное море ко времени, удаленному на 300—350 лѣтъ болѣе.

Начиная съ царствованія Давида, устроившаго свою резиденцію въ Іерусалимѣ около 2900 — 2950 лѣтъ тому назадъ, событія опредѣляются съ большей хронологической точностью. Смерть царя Соломона и раздѣленіе еврейскаго царства на два—царство Іудейское и царство Израильское—относится къ 950 году до Р. Хр. съ возможною ошибкою въ 25 лѣтъ; 50 лѣтъ спустя Амврій избралъ столицею своего царства Самарію.

Большая точность хронологическихъ данныхъ становится возможной лишь съ того времени, когда народности, населявшія долину Іордана, пришли въ соприкосновеніе съ ассирійцами. Борьба между іудеями и израильтянами и борьба между евреями, царями Дамаска и царями моавитянъ, вторженіе египтянъ и ассирійцевъ опредѣляются лишь слѣдующими хронологическими датами:

	Эра Набонассара.	Олимпіада.	Христ. эра до Р. Хр.
Взятіе Самаріи Саргономъ	26	55	721
Смерть Іосіи, совершившаго реформу религіозной жизни евреевъ	139	168	608
Второе взятіе Іерусалима Навуходоносоромъ 11 лѣтъ спустя послѣ перваго его покоренія	160	189	587
Киръ разрѣшаетъ вернуться въ Іерусалимъ 10000 или 20000 изгнанныхъ евреевъ. Возстановленіе храма	217	246	530

Несмотря на войны, свирѣпствовавшія между обѣими половинами избраннаго народа, религіозный духъ израильскаго міра сохранился нераздѣльнымъ.

Глава пятая.

ПАЛЕСТИНА.—ПЕРЕСЕЛЕНІЯ СЕМИТОВЪ.—СИНАЙ.—ЗЕМЛЯ ОБѢТОВАННАЯ.—ПЕРЕЧЕНЬ НАРОДНОСТЕЙ.—ГОРОДА И ПУТИ СООБЩЕНІЯ.—МОНОТЕИЗМЪ.—РАЗЛИЧНЫЯ ВЛІЯНІЯ.—АРАВІЯ.—НЕЗАВИСИМОСТЬ БЕДУИНОВЪ.—РОЛЬ ГИМІАРІИ.—РЕЛИГІЯ САБЕЯНЪ.

Небольшая страна, занимающая пространство между заливами Акка и Пелузскимъ, получила въ исторіи первостепенное значеніе, въ качествѣ мѣста возникновенія двухъ величайшихъ религій — іудейской и христіанской. Благодаря вліянію этихъ религіозныхъ культовъ, господствующихъ въ своихъ различныхъ формахъ въ Европѣ и во всѣхъ странахъ, подверженныхъ европейскому вліянію, историческія судьбы Іудеи обыкновенно преувеличивались и получали болѣе ши-

рокія перспективы, чѣмъ того заслуживала въ дѣйствительности столь малая, по отношенію къ другимъ обширнымъ государствамъ, страна, какъ Палестина.

Небольшой по существу городъ Іерусалимъ получилъ въ представленіяхъ вѣрующихъ іудеевъ и христіанъ преувеличенно большіе размѣры, и 12 колѣнъ относительно малочисленной народности, занимавшія полоску земли между моремъ и Іорданомъ и отчасти другой берегъ рѣки, пріобрѣли въ исторіи значеніе, равное таковому многихъ гораздо болѣе могущественныхъ народностей. Въ силу этого, когда египтологи начали заниматься изученіемъ всевозможныхъ памятниковъ, сохранившихся въ долинѣ Нила, читатели Библіи вообразили, что надписи и манускрипты египтянъ дадутъ огромное количество доказательствъ тому, что израильтяне находились, дѣйствительно, въ Египтѣ, дадутъ доказательства ихъ бѣгства изъ Египта, ихъ переселенія въ землю Ханаанскую и существованія позднѣйшихъ сношеній ихъ съ обитателями побережій Нила. Эти надежды почитателей еврейскаго народа оставались, однако, долгое время тщетными, и преданія евреевъ не подтверждались данными, полученными на основаніи чтенія іероглифовъ. Открытія простыхъ смертныхъ не подтверждали указаній Священнаго Писанія, — большинство указанныхъ совпаденій сомнительно или признано даже ложнымъ. Лишь въ 1896 г. Флиндерсъ Петри открылъ въ Ѳивахъ храмъ Меренпта, въ которомъ на плитѣ сіенита, испещренной 6000 знаковъ, описываются побѣды этого царя надъ всѣми окружающими племенами и въ особенности надъ «народомъ Изарааль», который былъ «покоренъ и лишенъ сѣмени своего» [1]). Найдены также нѣкоторыя географическія названія, относящіяся къ странѣ по ту сторону Краснаго моря: Рамзесъ II занесъ на стѣны Карнака названіе рѣки Іорданъ, Рамзесъ III вырѣзалъ это же названіе на стѣнахъ храма Мединетъ-Абу [2]); моавитяне, одна изъ народностей, боровшихся съ израильтянами, упоминаются однажды на одномъ изъ памятниковъ въ Люксорѣ.

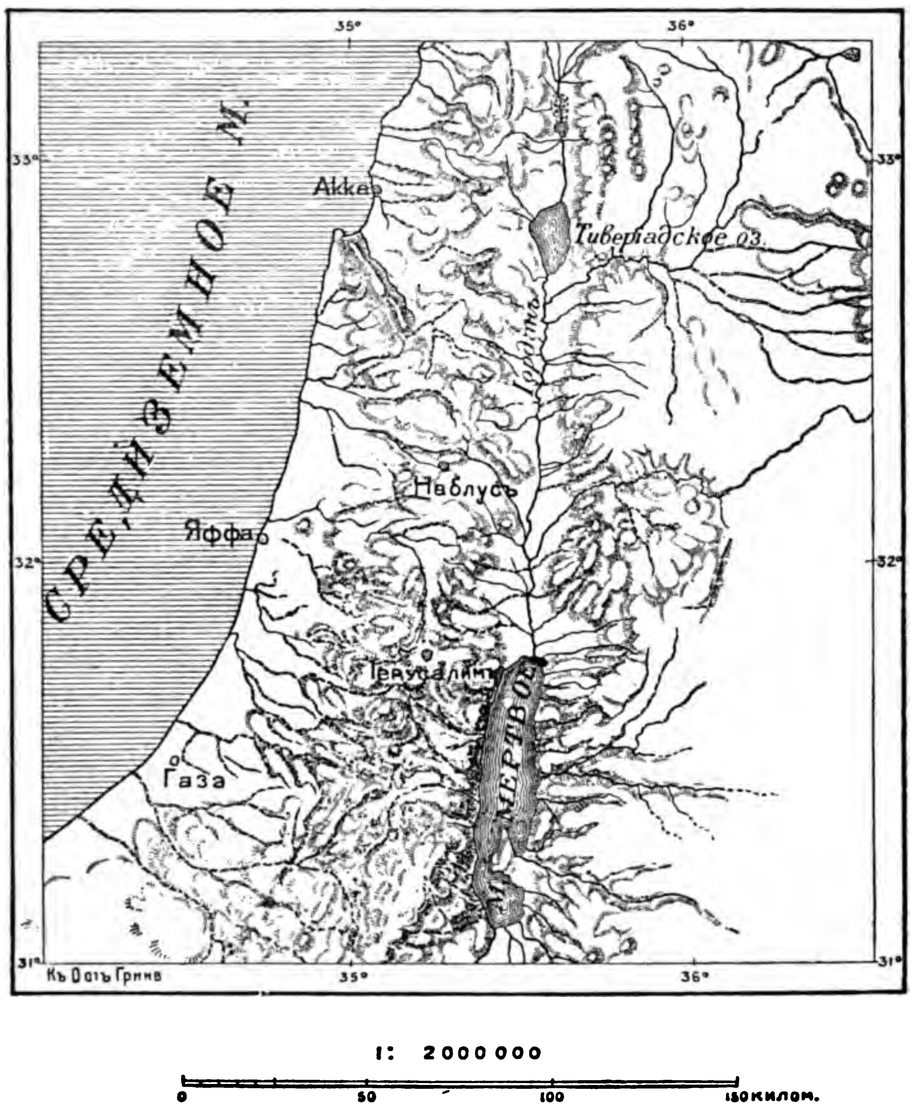
Если Египетъ, эта великая держава, не зналъ, повидимому, вовсе маленькаго израильскаго народа, пришедшаго въ его страну и просившаго убѣжища, то евреи, напротивъ, не могли ни коимъ образомъ не сознавать могущественнаго вліянія на ихъ исторію обѣихъ имперій, между которыми они были втиснуты; съ этими имперіями—Египтомъ и Халдеей—они имѣли въ различныя времена дѣло, то въ качествѣ просящихъ о помощи, то въ качествѣ плѣнныхъ, приведенныхъ въ страну послѣ войны. По своему первоначальному происхожденію, какъ съ точки зрѣнія внѣшнихъ этническихъ чертъ, такъ и съ точки зрѣнія особен-

---

1) Flinders Petrie. Contemporary Review, may 1896. — 2) Sayce. «Patriarchal Palestine», pp. 21, 22.

ностей языка, евреи-семиты, безъ сомнѣнія, очень близко родственны обитателямъ береговъ Евфрата. Даже собственныя имена у нихъ были

№ 113. Палестина.

тожественныя: археологъ Пинчъ открылъ вавилонскія глиняныя таблички, содержавшія лишь въ нѣсколько измѣненной формѣ имена Авраама, Іакова, Іосифа и др. [1]).

1) A. H. Sayce. «Patriarchal Palestine», VI.

Вліяніе халдейской цивилизаціи сказывается еще гораздо болѣе глубоко на самой жизни еврейскаго народа. Не подлежитъ прежде всего ни малѣйшему сомнѣнію, что самыя первыя преданія и легенды евреевъ — халдейскаго происхожденія. Сотвореніе человѣка, земной рай и грѣхопаденіе прародителей, іерархія ангеловъ, стоящихъ подъ началомъ херувимовъ—крылатыхъ быковъ, возмущеніе сатаны и порча нравовъ людей, которые были осуждены зато погибнуть въ водахъ потопа,— все это черты халдейской религіи, воспроизведенныя въ священныхъ книгахъ евреевъ съ ошибками и противорѣчіями и съ варіантами, которые были обусловлены измѣненіями среды и духа народности съ теченіемъ вѣковъ.

Помимо такихъ преданій, остававшихся, быть-можетъ, чуждыми самимъ народнымъ массамъ, мы встрѣчаемъ еще различные обязательные для всѣхъ обычаи и церемоніи религіознаго культа, которымъ всѣ должны подчиняться,—эти пріемы культа измѣняютъ и портятъ человѣка, такъ какъ заставляютъ его постоянно складывать руки извѣстнымъ образомъ, склонять колѣна въ опредѣленной послѣдовательности, они заранѣе опредѣленнымъ образомъ принуждаютъ работать его мозгъ, принуждаютъ голосъ его къ извѣстнымъ пѣснопѣніямъ или молитвамъ, пріучаютъ, наконецъ, человѣка производить тѣ или другія въ соотвѣтствіи съ предписаніями дѣйствія различными предметами культа — тканями, сосудами, мечами, курильницами, и малѣйшее отклоненіе отъ установленныхъ формъ признается уже преступленіемъ. Всѣ подобные обряды у евреевъ были вавилонскаго происхожденія; такого же происхожденія было и устройство ихъ алтарей и священнаго Ковчега Завѣта.

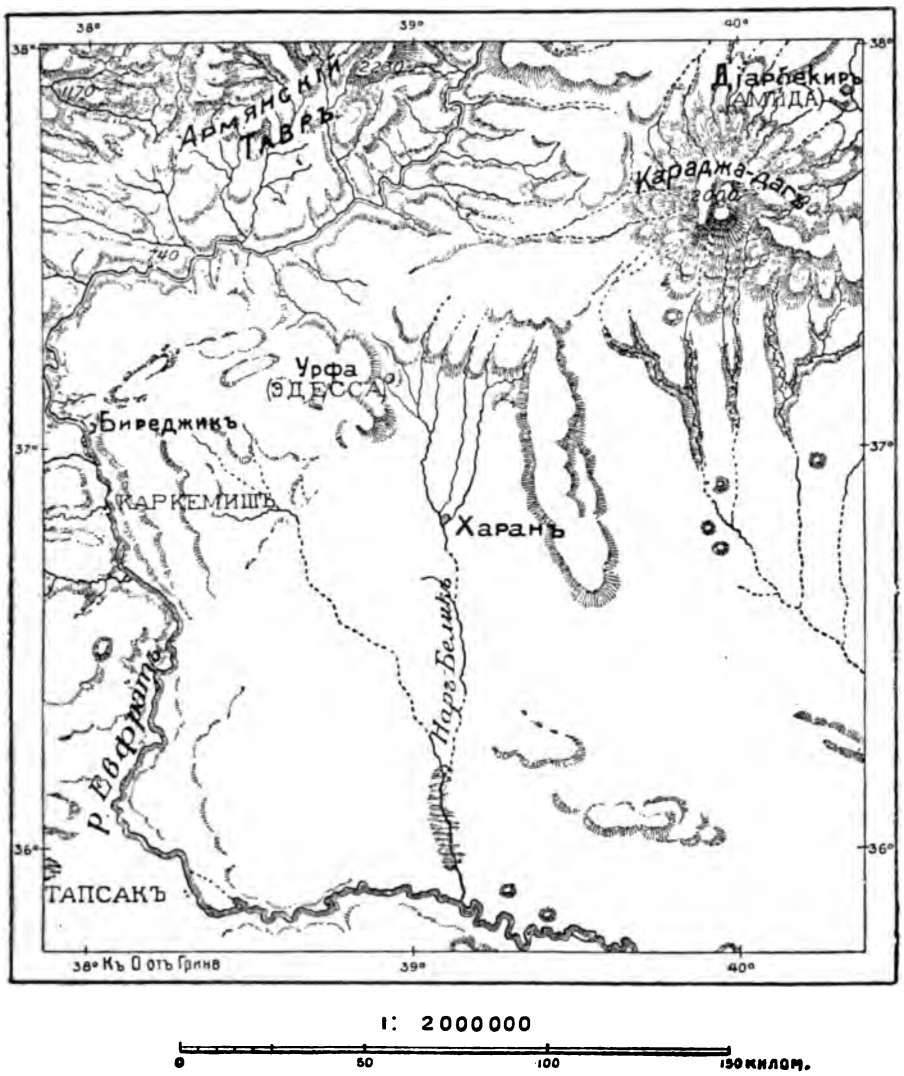
Несмотря на то, что евреи получили свою религіозную и гражданскую цивилизацію изъ Вавилона, несмотря на то, что они переняли отъ вавилонянъ даже имя Бога—Іахве (Іегова)—и сдѣлались подобно обитателямъ Халдеи ревностными соблюдателями субботы, они не заимствовали отъ халдеевъ раздѣленія дня на 24 часа. Вплоть до греко-римской эпохи они дѣлили сутки по способу арабовъ, именно, на характеризующіеся свѣтовыми явленіями періоды—разсвѣтъ, полдень, сумерки, вечеръ, ночь; самаго слова «часъ» нѣтъ въ древне-греческомъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи евреи оставались простыми бедуинами [1])!

Происхожденіе народности или, по крайней мѣрѣ, родственныя связи ея ясно сказываются въ еврейскихъ преданіяхъ, записанныхъ въ книгѣ Бытія. Такъ, легендарная личность Авраама, «отца всѣхъ народовъ», считаемаго израильтянами общимъ предкомъ всей ихъ народности и сосѣднихъ арабскихъ племенъ, совпадаетъ съ личностью «отца

1) Boeckh, etc.—Ernest Renan. «Histoire du peuple d'Israël», p. 39.

Оркхама» Овидія [1]), царя халдейскаго города Уръ. Оркхамъ получилъ большую извѣстность во всемъ вавилонскомъ мірѣ, такъ какъ преданія

№ 114. Страна Харанъ.

отожествляютъ его съ великимъ реформаторомъ, уничтожившимъ человѣческія жертвоприношенія. Онъ, какъ гласятъ эти преданія, запретилъ

1) «Метаморфозы», IV, 212.

отцамъ убивать своихъ сыновей и приносить ихъ въ жертву богамъ; онъ же приказалъ замѣнить человѣческое жертвоприношеніе закланіемъ агнца. Эта часть халдейской легенды воспроизведена въ Библіи въ видѣ разсказа о жертвоприношеніи Авраама; въ этомъ разсказѣ ангелъ, посланный Богомъ, удерживаетъ руку отца, занесенную надъ сыномъ, и агнецъ попадаетъ на алтарь вмѣсто отрока Исаака. На этомъ, впрочемъ, и оканчивается сходство преданій: Авраамъ евреевъ является не царемъ осѣдлой народности, не полубогомъ въ длинныхъ одѣяніяхъ, величественно возсѣдающимъ на тронѣ, а предводителемъ номадовъ, странствующихъ по равнинамъ къ востоку отъ верховьевъ Евфрата. Онъ располагалъ цѣлой арміей служителей и пасъ свои огромныя стада быковъ, овецъ и козъ на обширномъ пространствѣ. У него были также ослы для ѣзды, верблюды для перевозки тяжестей, но не было, повидимому, лошадей, которыя являлись въ ту эпоху животными слишкомъ драгоцѣнными, предметами роскоши, служившими лишь царямъ въ битвѣ съ врагами или при торжественныхъ тріумфальныхъ шествіяхъ.

По библейскому преданію, Авраамъ, избранный представителемъ всей еврейской народности, обиталъ въ странѣ Харанъ. Евреи, слѣдовательно, жили долгое время на этихъ предгорьяхъ Армянскаго Тавра, гдѣ между горъ располагаются хорошо орошенныя долины, по которымъ струятся притоки Евфрата. Затѣмъ они покинули эту страну, такъ какъ численность ихъ слишкомъ возросла, имъ не хватало пастбищъ, и, быть-можетъ, имъ приходилось также испытывать давленіе другихъ народностей, пришедшихъ съ сѣвера; выйдя изъ страны Харанъ, они перешли Евфратъ, откуда, быть-можетъ, и взялось ихъ собственное названіе «ибримъ», т.-е. «люди съ другой стороны рѣки», и распространились къ югу по направленію къ Пальмирѣ и Дамаску, вытѣсняя первоначальныхъ жителей въ томъ случаѣ, когда оказывались болѣе сильными, или покидая сами страну, когда приходилось имѣть дѣло съ болѣе могущественными сосѣдями. Нерѣдко въ теченіе продолжительныхъ засухъ имъ приходилось покидать страны, располагающіяся между Евфратомъ и Іорданомъ, и являться къ народностямъ, устроившимся болѣе прочно, съ просьбою дать имъ участокъ земли, гдѣ они могли бы просуществовать въ теченіе періода засухи. Такъ, въ Библіи разсказывается, что они обратились съ такою просьбой къ хеттитамъ, которые пришли также съ сѣвера и населили окрестности Хеврона въ землѣ Ханаанской; хеттиты дали имъ временное убѣжище въ области Берхеба. Позднѣе евреи обратились къ могущественному царю Египта, который также принялъ ихъ милостиво и предоставилъ имъ страну Гохенъ западнѣе Суэцкаго перешейка, въ области, орошаемой Ниломъ. Переселившіеся сюда израильтяне, заключенные въ этихъ плодородныхъ областяхъ, вблизи моря и среди плодородныхъ наносовъ Нила, подверглись новымъ влія-

Рѣка Іорданъ и ея берега.

ніямъ и должны были, конечно, измѣнить свои нравы, обычаи, всю свою цивилизацію; они должны были также присоединить къ своей религіи, полученной ими изъ Халдеи, страны Харанъ и отъ номадовъ пустыни, новые элементы. Прежде всего, однако, здѣсь именно научились они владѣть плугомъ—огромный шагъ впередъ, который значительно поднялъ ихъ въ іерархіи народовъ!

Такой прогрессъ былъ, однако, купленъ дорогою цѣною, такъ какъ евреи, принятые первоначально въ качествѣ чужеземныхъ гостей, превратились затѣмъ, какъ гласитъ преданіе, въ данниковъ и, наконецъ, стали терпѣть сильныя притѣсненія и сдѣлались рабами. Ихъ заставляли строить города для ихъ господъ, заставляли проводить каналы, возводить плотины, поливать сады и поля, но не для своего собственнаго пропитанія, а для того, чтобы кормить ихъ поработителей. Правда, въ своихъ преданіяхъ израильтяне стараются нѣсколько возвеличить эту эпоху великихъ бѣдствій, заставляя тѣхъ или другихъ личностей изъ своей среды играть въ исторіи важную роль. Такъ, вначалѣ Іосифъ является въ не совсѣмъ симпатичной роли ростовщика, который на-

учаетъ египетскихъ фараоновъ искусству порабощенія народа путемъ примѣненія хлѣбной монополіи. Въ концѣ же періода рабства другой представитель еврейской народности, Моисей, дѣйствуетъ въ качествѣ великаго мага и волшебника, и, благодаря его волшебствамъ, еврейскій народъ, нагруженный всевозможными сокровищами, взятыми у египтянъ, получаетъ возможность даже перейти черезъ Красное море, несмотря на преслѣдованіе цѣлой арміи, которая позади его поглощается морскими волнами.

Надо замѣтить, однако, что преданія, относящіяся къ этому періоду, могутъ содержать лишь очень незначительную долю истины,—они полны безконечнаго множества противорѣчій. Такъ, по одному мѣсту Библіи, время пребыванія евреевъ въ Египтѣ опредѣляется въ 4 поколѣнія, по другому—болѣе чѣмъ въ 4 вѣка. Точно также въ одномъ изъ мѣстъ говорится, что бѣжавшіе въ Египетъ евреи составляли всего лишь одну семью Іакова [1],—спрашивается, въ такомъ случаѣ, какимъ же образомъ такая единичная группа могла за время своего пребыванія въ Египтѣ дать такое обильное потомство, что образовалась многочисленная армія, о какой говоритъ книга Числъ [2]? Несмотря на всѣ притѣсненія, несмотря на избіеніе младенцевъ мужского пола египтянами, несмотря на болѣзни и всевозможныя бѣдствія, внуки Іакова, погибавшіе какъ саранча въ пескахъ пустыни, были все же численностью въ 600000 мужей, способныхъ носить оружіе, и, слѣдовательно, съ женами и дѣтьми составляли не менѣе 2000000 душъ!

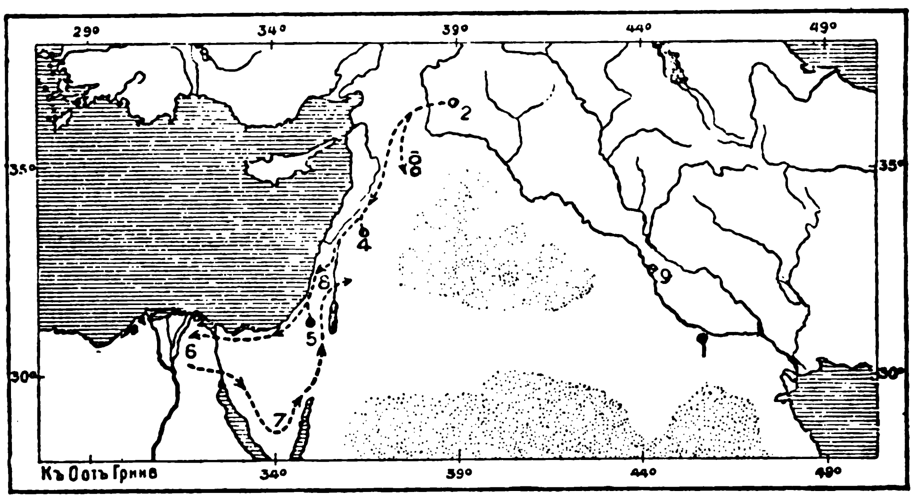
Какъ бы то ни было, основной фактъ остается въ силѣ: до того времени, какъ евреи попали въ «землю обѣтованную», которая, по ихъ убѣжденію, была имъ спеціально предназначена и сдѣлалась затѣмъ для нихъ, вслѣдствіе долгой жизни ихъ тамъ, «святою землею», имъ пришлось подвергаться самымъ различнымъ вліяніямъ и жить въ очень различныхъ условіяхъ природы. Они побывали во всѣхъ областяхъ пустыни, которая тянется отъ Аравіи до горъ Малой Азіи, примыкаетъ на востокѣ къ Вавилоніи, на сѣверѣ—къ странѣ Харанъ, на западѣ—къ Дамаску и Сиріи, на юго-западѣ—къ Египту. Описавъ огромную дугу, евреи въ теченіе вѣковъ перешли съ Евфрата на Нилъ и начали обратный путь съ Нила къ Евфрату, чрезъ полуостровъ Синай, чрезъ страну бедуиновъ и побережье Сиріи, въ землю Ханаанскую. Цѣлый рядъ послѣдовательныхъ вліяній, произведенныхъ многочисленными и разнообразными странами и ихъ народностями на евреевъ, явились въ высшей степени важными элементами въ исторіи той націи, которая сдѣлалась колыбелью всемірной религіи.

---

1) Кн. Бытія, гл. 47.—2) Кн. Числъ, гл. I, 46.

Синайскій полуостровъ, къ которому библейское преданіе относитъ торжественное установленіе еврейскаго законодательства, послужившаго родоначальникомъ моральныхъ законовъ христіанскихъ, былъ послѣднимъ этапомъ бѣглецовъ изъ Египта до вступленія ихъ въ долину Іордана, и эта дикая мѣстность со своими грозными скалами должна была произвести глубочайшее впечатлѣніе на воображеніе народности, которая по ней проходила. Нигдѣ гранитныя и порфировыя вершины, составляю-

№ 115. Переселенія семитовъ.

1: 20000000

0 100 500 1000 Килом.

1. Уръ въ Халдеѣ.
2. Харанъ.
3. Пальмира.
4. Дамаскъ.
5. Берхеба.
6. Гошенъ.
7. Синай.
8. Палестина.
9. Вавилонъ.

щія рѣзкій контрастъ своей темной окраской съ бѣлизною песковъ и синевою неба, не представляютъ столь грандіознаго зрѣлища, и вполнѣ естественно, что въ любой періодъ народность, расположившаяся у подножія этихъ горъ, должна была счесть ихъ вершины обителью боговъ.

За двѣ тысячи лѣтъ до выхода евреевъ изъ Египта, гора Синай, находившаяся тогда въ сферѣ вліянія египтянъ, была посвящена богинѣ луны [1]; описаніе Исхода говоритъ о ней, какъ о вершинѣ, являющейся

1) Sayce. «Patriarchal Palestine», p. 59.

обителью Бога-Громовержца, и позднѣе во всѣ времена благочестивые отшельники, избѣгавшіе мірской суеты, обитали здѣсь у подножія ея крутыхъ обрывовъ. Несмотря на вселяющую ужасъ природу Синайскаго полуострова, страна эта, почти ненаселенная, составляла все же центръ притяженія для сосѣднихъ народностей, благодаря существующимъ здѣсь залежамъ мѣди, не особенно, правда, обильнымъ, но содержащимъ драгоцѣнную бирюзу и другіе минералы. Залежи эти стали разрабатываться уже 7000 лѣтъ тому назадъ, и по меньшей мѣрѣ за 20 вѣковъ до нашего времени ихъ совершенно оставили [1]). Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ исторіи Египта первыхъ вѣковъ — это обелискъ фараона Созириса III династіи, открытый изслѣдователемъ Бенедитомъ именно на Синайскомъ полуостровѣ [2]).

Іероглифическія надписи болѣе позднихъ вѣковъ, вплоть до эпохи выхода евреевъ изъ Египта [3]) и даже позднѣйшихъ временъ, также встрѣчаются на Синайскомъ полуостровѣ. Паломникамъ, шедшимъ изъ сѣверной Африки въ Мекку, приходилось пересѣкать Суэцкій заливъ и заливъ Акаба и проходить по Синайскому полуострову. Одна изъ долинъ, лежащая у Суэцкаго залива, получила названіе Уэдъ-Мокаттебъ или «Ущелье письменъ», изъ-за безчисленныхъ вырѣзанныхъ знаковъ и рисунковъ, которые прохожіе оставили здѣсь на стѣнахъ скалъ, обращенныхъ къ сѣверу, т.-е., слѣдовательно, находящихся въ тѣни,—тому, кто сталъ бы вырѣзать буквы на скалахъ, залитыхъ горячими лучами солнца, здѣсь угрожала бы, пожалуй, смерть! Огромное количество надписей, находящихся на небольшомъ пространствѣ ущелья, можетъ быть объяснено допущеніемъ, что мѣстность эта служила мѣстомъ ярмарки, гдѣ иноземные купцы продавали свои товары народностямъ, населявшимъ полуостровъ [4]).

По всей вѣроятности, въ тѣ эпохи климатъ Синайскаго полуострова былъ болѣе влажный, и путешественники находили въ его долинахъ больше воды и растительности, чѣмъ въ наши дни; впрочемъ, описанія этой страны, сохранившіяся съ того времени, доказываютъ, что разница эта, во всякомъ случаѣ, не могла быть особенно значительной: миѳическій разсказъ о пребываніи евреевъ въ пустынѣ приписываетъ появленіе источниковъ воды и появленіе необходимѣйшей пищи чудесамъ, производившимся предводителями блуждающаго по пустынѣ народа. Нѣтъ никакого основанія вѣрить тому библейскому преданію, которое возникло 12 или 13 столѣтій спустя и сообщаетъ намъ, что сыны Израиля всею своею народною массою странствовали въ теченіе долгихъ лѣтъ по пу-

1) Berthelot. Revue scientifique, 1896, II, p. 278. -- 2) Bonola. Bulletin de la Soc. khédivale de Géographie, 1896, № 10.—3) Lepsius. «Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien». - 4) Palmer. «The Desert of the Exodus».

стынямъ Синайскаго полуострова. Какъ могли они, сдѣлавшись въ Египтѣ

№ 116. Синайскій полуостровъ.

Масштабъ 1 : 3000000.

1. Магара.
2. Уэдъ-Мокаттебъ.
3. Джебель-Сербаль, Хоребъ Лепсіуса.
4. Хоребъ другихъ писателей.
5. Джебель-Муза, Хоребъ преданій, монастырь св. Екатерины на восточномъ склонѣ горы.
6. Джебель-Катеринъ, Синай преданій.
7. Джебель-Моннейджа, „Гора бесѣды съ Богомъ", гдѣ, по вѣрованію мусульманъ, Богъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ.
8. Джебель-Умъ-Шомеръ, „гора Мать-Укропа".
9. Фаранъ Фойниконъ.

земледѣльцами и не утративъ воспоминанія о мясѣ и о другой вкусной

ѣдѣ [1]), довольствоваться въ теченіе 40 лѣтъ жалкимъ существованіемъ «племенъ, питающихся саранчею»?

Во всѣхъ этихъ еврейскихъ преданіяхъ правильно лишь то, что въ нихъ содержатся самые разнообразные элементы, въ равной степени важные въ смыслѣ исторіи происхожденія народности. Среди своихъ предковъ евреи отводятъ первое мѣсто тѣмъ, которые подверглись вліянію египетской культуры; они не утратили, однако, воспоминанія и о тѣхъ патріархальныхъ семьяхъ, которыя блуждали по пастбищамъ со своими стадами, и подобно тощимъ бедуинамъ, ближайшимъ родственникамъ амалекитянъ [2]), искали тѣни во впадинахъ скалъ и разрывали землю въ оврагахъ, чтобы найти тамъ хоть сколько-нибудь воды. Исторія пребыванія еврейскаго народа на Синайскомъ полуостровѣ — не болѣе какъ нѣсколько сокращенный и упрощенный эпизодъ переселенія арабскихъ племенъ, собравшихся со всѣхъ странъ свѣта и соединившихся, въ концѣ концовъ, въ области, лежащей къ западу отъ рѣки Іордана.

Племена, которыя бѣжали изъ Египта, устроились сперва, вступивъ, по всей вѣроятности, въ союзъ съ окружающими кочевыми племенами пустыни, въ земляхъ, сосѣднихъ съ Іорданской долиной; въ теченіе наставшихъ затѣмъ тяжелыхъ дней своей жизни они утѣшались надеждою на будущее завоеваніе плодородныхъ земель, окружающихъ Средиземное море. Ихъ ожиданія, однако, не исполнились: евреямъ такъ и не удалось завоевать землю Ханаанскую.

Это названіе земли Ханаанской примѣняется въ исторіи къ тѣмъ высоко лежащимъ областямъ, которыя отдѣляютъ Сирійское побережье отъ горъ, прилегающихъ къ пустынѣ; однако, дословное значеніе его — «Низменная земля», въ противоположность странѣ Арамъ — «Высокой землѣ» [3]), не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что первоначально названіе это относилось къ областямъ, непосредственно прилегающимъ къ морскому побережью. Израильтяне въ поискахъ «земли обѣтованной» постоянно говорятъ объ областяхъ, «текущихъ млекомъ и медомъ», которыя должны имъ впослѣдствіи достаться. Этого предмета ихъ страстныхъ желаній имъ такъ и не удалось, однако, получить, — плодородная земля финикійскаго побережья оставалась во всѣ времена во власти независимыхъ прибрежныхъ городовъ, или же была занята воинственными арміями ассирійцевъ или египтянъ; мало-по-малу, области, обозначавшіяся названіемъ «Низменной земли», перемѣстились въ предѣлы «Высокихъ земель» внутренней части страны. Положимъ, и въ этихъ областяхъ Ханаанской земли имѣются прекрасныя мѣстности, хорошо оро-

---

1) Исходъ, гл. XVI, 3. — 2) Sayce. «Patriarchal Palestine», p. 26. — 3) Movers. «Die Phoenizier», p. 1.

Монастырь св. Екатерины у подножья горы Джебель-Муза.

Дома въ скалахъ Маръ-Саба, близъ восточнаго побережья Краснаго моря.

шенныя долины и равнины съ плодородной наносной почвой, но, въ общемъ, все же страна, находившаяся въ рукахъ евреевъ въ теченіе трехъ тысячелѣтій, является если и не совсѣмъ безплодной, то во, всякомъ случаѣ, усѣянной скалами, крутыми обрывами, склонами горъ, которые трудно сдѣлать плодородными, а небо, разстилающееся надъ ними, чрезвычайно рѣдко посылаетъ на землю животворящіе дожди.

Въ своихъ историческихъ хроникахъ израильтяне пытаются хвалиться своими побѣдами надъ ханаиеянами, и, судя по разсказамъ, которые мы находимъ въ книгѣ Судей, можно было бы, пожалуй, вообразить, что они, дѣйствительно, истребили всѣ народности, встрѣтившіяся на ихъ пути отъ Египта до Сиріи и отъ Аравійской пустыни до Средиземнаго моря. Они пощадили будто бы лишь нѣсколько племенъ, которыя обратили въ рабство и заставили исполнять различныя низменныя должности, какихъ не могли нести сыны избраннаго народа. Однако, географическія подробности, которыя приводятся самими израильтянами относительно распространенія ихъ собственныхъ колѣнъ въ землѣ Ханаанской, свидѣтельствуютъ о томъ, что занятіе этой страны племенемъ израильскимъ совершалось съ чрезвычайными трудностями и было куплено путемъ страшныхъ униженій, путемъ вѣковой борьбы и путемъ всякаго рода отступничества!

Книга Судей является въ дѣйствительности не чѣмъ инымъ, какъ сборникомъ, въ которомъ перемѣшаны воинственные гимны со смутными воспоминаніями, сохранившимися въ памяти народной,—народному же воображенію, всегда раздутому ребяческою самонадѣянностью, дѣйствительно, вполнѣ могло рисоваться, что при столкновеніяхъ ихъ предковъ съ врагами ничто не могло противостоять силѣ и храбрости избраннаго народа. На самомъ дѣлѣ, напротивъ, приходится констатировать, что послѣ многовѣкового пребыванія въ долинѣ Іордана и въ окрестностяхъ Хеврона, Самаріи и Галилеи несчастный народецъ еврейскій представлялъ собою все же достаточно печальное зрѣлище: страна его была со всѣхъ сторонъ окружена филистимлянами, хананеянами и финикійцами, которые отрѣзали ее и отъ морского побережья. Еврейскій народъ не блистаетъ въ исторіи и съ точки зрѣнія приспособленія человѣка къ окружающей природѣ. Обитателямъ Палестины нельзя приписать ни одного изъ тѣхъ открытій, которыя обогатили человѣчество; вся цивилизація евреевъ была заимствована (Густавъ ле-Бонъ).

Малое значеніе еврейскаго народа и слабое вліяніе его на сосѣдей доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что обычное наименованіе всей страны—греческаго происхожденія и отнюдь не относится къ семитическому населенію, еврейскому и хананейскому, занимающему внутреннюю часть страны. Греки, отъ которыхъ мы получили въ наслѣдство ихъ географическую номенклатуру, не знали вовсе страны израильской. Они упоминаютъ лишь «Палестину», т.-е. «страну Плести» (Флисти, Флисти-Крети), страну торговой и разбойничьей народности, устроившейся по побережью Средиземнаго моря, къ югу отъ горы Кармелъ, въ ту эпоху, когда Критъ и Сидонъ главенствовали на морѣ и вполнѣ владѣли данными водами. Филистимляне основали на побережьяхъ воинственный союзъ, являвшійся нерѣдко опаснымъ для своихъ сосѣдей,—лишь 31 вѣкъ тому назадъ греческая флотилія, вышедшая изъ Аскалона, уничтожила сидонскую эскадру и положила конецъ гегемоніи «матери-Тира». На сушѣ, въ теченіе 6 вѣковъ, израильтяне или «варвары внутренней части страны» боролись безо всякаго успѣха съ филистимской лигой «Пяти городовъ». Состоя изъ очень смѣшанныхъ и разнообразныхъ элементовъ, эти филистимляне являли двойственный характеръ, отражая въ себѣ черты тѣхъ народовъ, съ которыми имъ случалось приходить въ соприкосновеніе: грекамъ, іонійцамъ или дорійцамъ, они представлялись чистокровными семитами, тогда какъ семитическое населеніе внутренней части страны считало ихъ настоящими греками. Во всякомъ случаѣ, ихъ внѣшняя цивилизація была греческая,—они владѣли греческимъ оружіемъ для нападенія и защиты, знали греческую тактику, были знакомы съ дисциплиной, а находившаяся въ ихъ рукахъ внѣшняя

Купель Виѳезда въ Іерусалимѣ.

торговля доставляла имъ въ изобиліи всѣ рессурсы, необходимые для ихъ небольшой страны.

Ревностно преданный дѣлу изученія странъ и народовъ, Геродотъ, несмотря на свое пристрастіе ко всему, что сколько-нибудь интересно остается въ полномъ невѣдѣніи израильскаго міра, который былъ, очевидно, сильно замаскированъ снаружи финикійскими и филистимскими городами: онъ знаетъ лишь народности, населяющія побережье и живущія на томъ великомъ историческомъ пути, который соединялъ верховья Евфрата съ дельтою Нила, соединялъ Дамаскъ и Мемфисъ [1]).

Евреи были такъ плотно замкнуты внутри страны, въ долинѣ Іордана, что о морѣ въ книгахъ ихъ говорится лишь очень смутно, какъ бы лишь по слухамъ; единственное указаніе въ ихъ исторіи, гдѣ о немъ упоминается подробнѣе, это знаменитый, но вызывающій на многія размышленія «переходъ черезъ Чермное море». Точно также разсказъ о всемірномъ потопѣ, который евреи воспроизводятъ со словъ вавилонянъ, свидѣтельствуетъ, что они не знали вовсе устройства корабля: ковчегъ является для нихъ не болѣе какъ огромнымъ ящикомъ; они не поняли вовсе и значенія выпусканія Ноемъ голубя при спадѣ водъ,—они не

1) Геродотъ. «Исторія», I, 105; II, 106; III, 5; IV, 83.

знали, что птица эта служила морякамъ въ Персидскомъ заливѣ и въ Средиземномъ морѣ своего рода буссолью для опредѣленія того направленія, въ которомъ они могутъ найти сушу [1]).

Воспроизводимая съ нѣкоторыми варіантами во второй главѣ книги Бытія генеалогія, по всей вѣроятности, ассирійскаго происхожденія и свидѣтельствуетъ намъ о томъ, каковы были этнографическія познанія евреевъ въ ту эпоху, когда сведены были историческія и легендарныя данныя, составившія «Священное Писаніе». Этотъ списокъ народностей является для этнологовъ документомъ важнѣйшаго значенія, такъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ, что народы имѣли уже тогда нѣкоторое сознаніе объ общности происхожденія человѣческаго рода и о связи между тѣми чрезвычайно разнообразными этническими элементами, которые составляютъ общую великую семью.

По всей вѣроятности, это перечисленіе извѣстныхъ въ тѣ времена народностей было воспроизведено еврейскими лѣтописцами около 30 вѣковъ тому назадъ [2]). Между тѣмъ, границы міра оказываются еще болѣе узкими, чѣмъ можно было бы ожидать,—въ этомъ спискѣ, напр., не упоминается вовсе ни о тюркахъ, ни о неграхъ, хотя, безъ сомнѣнія, и тѣ и другіе должны были, хотя бы въ лицѣ немногихъ представителей, проникать въ предѣлы семитическаго міра [3]). Гогъ и Магогъ, которыхъ нѣкоторые новѣйшіе комментаторы хотѣли сдѣлать, въ интересахъ политическихъ, предками сѣверныхъ народностей Азіи, — на самомъ дѣлѣ этническія названія, приложимыя скорѣе къ племенамъ кавказскимъ; проклятый Богомъ Хамъ, коего защитники рабства, старавшіеся въ то же время быть и добрыми христіанами, дѣлали отцомъ и родоначальникомъ всѣхъ африканскихъ племенъ, былъ, на самомъ дѣлѣ, въ понятіяхъ евреевъ не чѣмъ инымъ, какъ олицетвореніемъ ихъ враговъ хананеянъ. Надо думать, что причины, связанныя съ пристрастіемъ къ символизму, заставляли переписчиковъ ассирійской таблицы народностей выпускать нѣкоторыя наименованія, значеніе коихъ оставалось для нихъ непонятнымъ, и внесеніе которыхъ въ списокъ увеличивало бы число народностей выше священнаго числа 70,—Талмудъ, истолковывающій намъ мистическія свойства цифръ, перечисляетъ также 70 народовъ и 70 языковъ и утверждаетъ, что 70 ангеламъ было поручено наблюдать за творящимся на землѣ, и что въ семьѣ Іакова было 70 членовъ; точно также 70 старшинъ Израиля сопровождали Моисея на гору Синайскую и 70 учениковъ было у Іисуса Христа. Греческій переводъ Библіи, признаваемый христіанами, такъ называемый переводъ 72 толковниковъ, обращается

---

1) Von Ihering, ouvrage cité.—2) Ernest Renan. «Histoire du Peuple d'Israël», t. II, p. 179.—3) Fr. Lenormant. «Les Origines de l'Histoire», t. II, p. 204.

КАРТА РАСПРЕДѢЛЕНІЯ НАРОДНОСТЕЙ ПО ДАННЫМЪ БИБЛІИ.

ПОТОМКИ СИМА | ПОТОМКИ ХАМА | ПОТОМКИ ІАФЕТА

НАЗВАНІЯ КОЛѢНЪ ХАМА, ОБИТАВШИХЪ ВЪ ЗЕМЛѢ ХАНААНСКОЙ:

a-Сидонъ, b-Гетъ, c-Іевусъ, d-Аморъ, e-Гиргасъ, f-Геви, g-Аркъ, h-Сини, i-Арвадъ, j-Самаръ, k-Гаматъ.

Масштабъ: 1:25 000 000.

0 250 500 1000 Килом.

Лит. К. Кадушкин СПБ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СОСТАВЪ СТРАНЪ ВОСТОКА, ПРИЛЕЖАЩИХЪ КЪ СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ.

Лит. Кадушина СПБ.

также къ 70 пародностямъ, перечисленнымъ въ спискѣ народовъ въ книгѣ Бытія [1]).

№ 117. Колѣна израилевы и сосѣднія народности.

По этому библейскому списку сыновей Сима, первенца патріарха Ноя, было всего пять. Трое изъ нихъ только лишь упоминаются безъ

1) Fr. Lenormant. «Les Origines de l'Histoire», pp. 328, 329. — E. Maurice Lévy. Note manuscrite.—См. таблицу народностей въ слѣд. главѣ.

перечисленія ихъ собственныхъ дѣтей или другихъ потомковъ, какъ-будто образованныя ими народности не обособились въ отдѣльныя группы. Эти три сына Сима, оставленные безъ вниманія составителями таблицы: Эламъ, представляющій собою Персію и Сузіану, Ассуръ или, иначе говоря, народность ассирійская и Лидъ, несомнѣнно, народность лидійская. Что касается обоихъ другихъ сыновей Сима—Арфаксада и Арама, то ихъ генеалогія очень подробна и содержитъ значительное количество потомковъ,—все это потомство образуетъ собственно еврейскую и сосѣднія народности. Въ результатѣ вполнѣ естественной иллюзіи, заставляющей народы считать себя находящимися въ центрѣ мірозданія, евреи придали значеніе настоящихъ народностей всѣмъ мелкимъ племенамъ и народцамъ, бывшимъ съ ними въ связи, и точно также придали своимъ противникамъ хананеянамъ, которыхъ они кляли какъ презрѣнныхъ сыновъ Хама, значеніе, совершенно не соотвѣтствующее истинному. Вслѣдствіе такой ложной точки зрѣнія, оказалось, что изъ 70 народностей, которыя, какъ предполагалось, образуютъ все человѣчество, 35, т.-е. какъ-разъ половина, составляли народности дружественныя или враждебныя евреямъ, народности, которыя занимали узкую полоску земли между Средиземнымъ моремъ, верховьями Тигра и пустынею; Пелузскій заливъ и армянскій Тавръ были крайними ихъ границами. Такимъ образомъ, географія составителей книгъ Бытія свидѣтельствуетъ намъ прежде всего о крайней узости ихъ кругозора.

Какъ ни старались евреи изобразить хананеянъ проклятыми потомками Хама, хананеяне, на самомъ дѣлѣ, составляли, повидимому, часть той же самой этнической группы, къ которой принадлежали и евреи. По внѣшности они были совершенно такого же типа, въ качествѣ непосредственныхъ сосѣдей они оспаривали другъ у друга владѣніе одною и тою же страною; наконецъ, они говорили лишь на различныхъ нарѣчіяхъ одного и того же языка: нарѣчія іудейское и израильское, ханаанское и арамейнское были настолько между собою сходны, что ихъ употребляли безъ разбора въ одномъ и томъ же сочиненіи.

Хаотическое смѣшеніе евреевъ и хананеянъ на узкомъ пространствѣ препятствовало долгое время племени израильскому избрать себѣ постоянный политическій центръ. Представляя собою мелкія племена, борющіяся за существованіе, евреи не могли избрать себѣ столицу и ограничивались тѣмъ, что во время тяжкихъ кризисовъ, когда требовалось совмѣстное дѣйствіе всѣхъ племенъ, избирали мѣсто, гдѣ сходились избранные ими делегаты. Невысокій холмъ съ просто сложеннымъ каменнымъ алтаремъ, возвышавшійся посрединѣ той долины, гдѣ находился городъ Іерихонъ, первый изъ городовъ по сю сторону Іордана, былъ тѣмъ мѣстомъ, къ которому стекались отъ-времени-до-времени

всѣ отдѣльныя еврейскія племена для того, чтобы возобновить родственныя и національныя связи и возстановить связывавшія ихъ чувства

№ 118. Пути сообщенія и города Палестины.

1 : 2500000

0 50 100 150 килом.

„Пять городовъ" филистимлянъ образовывали города Аскалонъ, Азодъ, Экронъ, Гаѳъ и Газа.

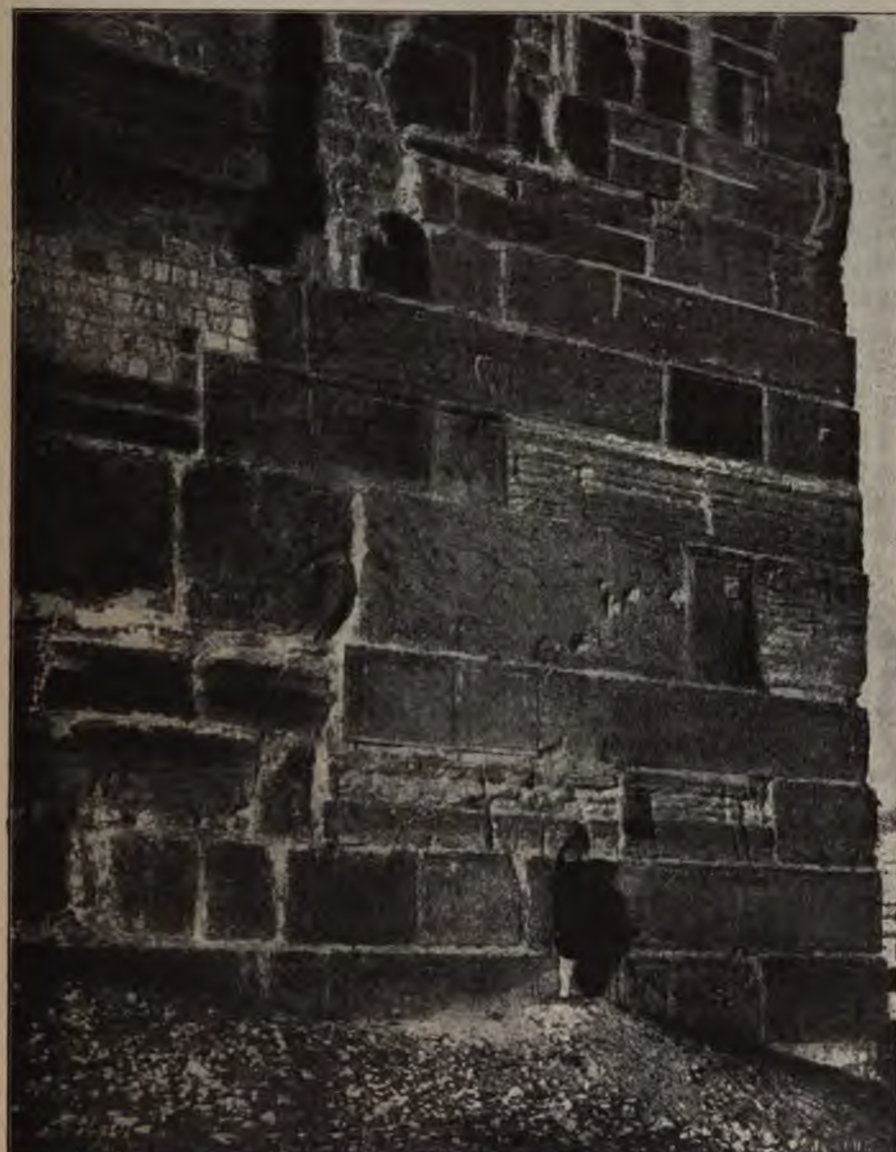
общности происхожденія. Когда же евреи устроились въ странѣ болѣе прочно, и экономическая жизнь ихъ разрослась и окрѣпла, тогда воз-

никъ и новый центръ тяжести, и всѣ 12 колѣнъ израильскихъ приняли обыкновеніе объединяться въ дни праздника или ярмарокъ на границѣ владѣній обоихъ южныхъ колѣнъ: именно колѣна Іудина и колѣна Веніаминова. На этой нейтральной площади, лежавшей между областью израильтянъ сѣвера и собственно евреевъ или іудеевъ юга, возвышался Беѳ-Эль (Веѳиль), т.-е. «домъ бога»,—ступенчатая пирамида, подобная тѣмъ, которыя возводились вавилонянами въ городахъ по берегамъ Тигра и Евфрата, но имѣвшая гораздо меньшіе размѣры [1]). Позже политическій центръ, подъ вліяніемъ набѣговъ филистимлянъ, перемѣстился нѣсколько къ сѣверу, и еврейскія колѣна стали сходиться въ другой мѣстности, служившей для ярмарки и для общихъ моленій,—это была менѣе подверженная опасности долина города Силохъ, современнаго Селумъ, который и сдѣлался до извѣстной степени религіозной столицей, тѣмъ болѣе, что былъ расположенъ гораздо лучше другихъ мѣстностей Палестины и являлся вполнѣ естественнымъ центромъ объединенія израильскаго народа.

Въ теченіе неопредѣленно долгаго періода времени, но не менѣе какъ въ теченіе трехъ вѣковъ, конфедерація колѣнъ Израилевыхъ существовала, такимъ образомъ, не имѣя настоящей столицы, но сохраняя вполнѣ сознаніе о своемъ родствѣ; этому не препятствовало даже то обстоятельство, что, мало-по-малу, возникалъ нѣкоторый антагонизмъ между іудеями и израильтянами: связь между ними оставалась несовершенной даже въ изгнаніи. Это скрытое раздѣленіе еврейскаго народа должно было принять болѣе острый характеръ именно въ ту эпоху, когда военное могущество конфедераціи перешло въ руки одного изъ 12 колѣнъ и гарантировало ему власть надъ другими. Тогда мѣсто объединенія отдѣльныхъ колѣнъ утратило характеръ нейтральности, который придало ему промежуточное его положеніе между обѣими группами племенъ, и перемѣстилось къ югу, въ область колѣна Іудина, въ мѣстность, которая, безъ сомнѣнія, сохраняла съ давнихъ поръ славу священной мѣстности, на что указываетъ уже самое названіе Уру-Салимъ, т.-е. «городъ Бога и мира». Городъ этотъ существовалъ еще до прибытія израильтянъ въ землю обѣтованную; по всей вѣроятности, онъ находился здѣсь еще во времена древняго владычества надъ страною вавилонянъ, которые посвятили его одному изъ своихъ національныхъ боговъ [2]).

Когда Давидъ, счастливый военачальникъ, сдѣлавшійся царемъ, избралъ Іерусалимъ своей резиденціей, онъ сдѣлалъ это, безъ сомнѣнія, прежде всего изъ соображеній стратегическихъ. Будучи воиномъ, онъ долженъ былъ жить въ крѣпости, а не въ одномъ изъ тѣхъ открытыхъ

1) Ernest Renan. «Histoire du Peuple d'Israël».—2) Sayce. «Patriarchal Palestine», p. 73.

Стѣны Соломона (Іерусалимскихъ укрѣпленій).

для всѣхъ городовъ, къ которымъ стекаются постоянно торговцы. Іерусалимъ занимаетъ, дѣйствительно, чрезвычайно сильную въ стратегическомъ отношеніи позицію. Располагаясь какъ-разъ на цѣпи горъ, которая образуетъ водораздѣлъ между Средиземнымъ и Мертвымъ морями, Іерусалимъ господствуетъ надъ всею страною, поднимаясь какъ караульная башня надъ обширнымъ четыреугольникомъ, заключеннымъ между

Египтомъ и долиной Эздрилона. Къ западу, къ югу, къ востоку отъ него мы находимъ глубокія впадины, какъ бы рвы, крутыя стѣны которыхъ, осыпавшіяся теперь отъ времени, были прежде трудно преодолимыми препятствіями; лишь съ сѣверо-запада перешеекъ изъ возвышенностей, перерѣзанный искусственными сооруженіями для защиты, соединяетъ гору Іерусалима съ остальною частью плоскогорія. Нельзя выбрать мѣстности болѣе удобной для концентраціи военныхъ силъ противъ филистимлянъ, которые владѣли на побережьѣ городами, окруженными стѣнами, и нерѣдко одерживали побѣды надъ евреями въ областяхъ между берегами моря и долиной Іордана. Вполнѣ естественно было также, что столица должна была находиться въ близкомъ сосѣдствѣ къ той народности, съ которой приходилось вести борьбу,—вѣдь въ любомъ организмѣ, будь то животное, растеніе или группа связанныхъ между собой особей, наблюдается, что центръ сопротивленія располагается непосредственно противъ тѣхъ самыхъ силъ, которыя нужно нейтрализовать или съ которыми надо бороться.

Подъ вліяніемъ причинъ, аналогичныхъ тѣмъ, кои обусловили выборъ мѣста для Іерусалима, расположились города другихъ колѣнъ израилевыхъ, служившіе позднѣе столицами: Сихемъ (Мабарта, Неаполисъ или Наплузъ), Тирсахъ, Самарія (Себастъ), — они сконцентрировались около южной окраины страны, противъ Іерусалима, бывшаго ихъ соперникомъ и нерѣдко врагомъ. Въ обѣихъ половинахъ царства, распавшагося послѣ смерти Соломона, столицы стоятъ одна противъ другой, располагаясь въ то же время каждая далеко отъ центра своей страны.

Іудея, подобно своей столицѣ Іерусалиму, была въ стратегическомъ отношеніи замѣчательно хорошо защищена отъ вторженія непріятелей. Она представляла собою гордый массивъ съ затруднительными подступами, защищаемый скалистыми обрывами, среди которыхъ осаждающимъ было къ тому же трудно найти себѣ пропитаніе,—такимъ образомъ, она являлась естественной крѣпостью, которую старательно избѣгали полчища завоевателей, направлявшіяся къ Дамаску или въ Египетъ. Кромѣ того, съ востока Іудея была прекрасно защищена глубокой долиною, на днѣ которой течетъ ниже уровня Средиземнаго моря рѣка Іорданъ, и располагаются соленыя воды Мертваго моря. Крутые обрывы, значительная разница въ высотахъ и, быть-можетъ, до извѣстной степени также страшныя легенды, слагавшіяся обо всей этой мѣстности, позволяли маленькой Іудеѣ удерживать свою независимость и сопротивляться завоевательнымъ стремленіямъ великихъ имперій гораздо долѣе, чѣмъ это было возможно всѣмъ сосѣднимъ странамъ и въ частности также царству Израильскому. До извѣстной степени Іудея жила совсѣмъ особою жизнью въ своихъ горахъ, невѣдомая другими. Равнина Сихема и долины Самаріи были слабѣе защищены: рельефъ горъ тамъ гораздо

менѣе значителенъ, долины болѣе открыты, и склоны легче доступны; съ восточной стороны Іорданъ врѣзается менѣе глубоко, съ запада подходящій тамъ караванный и военный путь угрожалъ, можно сказать, непрерывно опасностью вражескаго вторженія. Путь, соединяющій область филистимлянъ съ оазисомъ Дамаска, путь между Египтомъ и Халдеей,

№ 119. Іерусалимъ и Мертвое море.

между Африкой и Азіей долженъ былъ неизбѣжно пересѣчь область израильтянъ, и они не обладали такими силами, чтобы быть въ состояніи, подобно хеттитамъ, захватить въ свои руки власть надъ этими путями.

Главнѣйшей мѣстностью, по которой проходили переселяющіеся народы и завоеватели, была во всѣ времена та впадина земной поверхности, которая тянется къ сѣверу отъ горы Кармель, между заливомъ Акка и Тиверіадскимъ озеромъ; это—долина, носившая названіе долины

Мегиддо (Магеддо) или долины Эздрилона, по которой течетъ рѣка Кисонъ, современная Нар-эль-Мукотта. Долина Эздрилона явственно отдѣляетъ горы южной Палестины отъ горъ Галилеи, образуя, такимъ образомъ, границу, раздѣляющую страну этнологически и политически, и сохранила свое значеніе въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Царства и конфедераціи, мѣнявшія непрерывно свои очертанія въ зависимости отъ войнъ и отъ возникавшихъ союзовъ, соблюдали обыкновенно эту границу, и извѣстно, что евреи южныхъ областей, сохранившіе въ себѣ кровь кочевниковъ и разбойниковъ, презирали простыхъ земледѣльцевъ Галилеи—страны, изъ коей «ничего не можетъ быть добраго». Но если эта долина Эздрилона и устанавливала явственную границу между сѣверной и южной горной областью Палестины, то въ то же время она и соединяла долину Іордана съ побережьемъ Средиземнаго моря. Благодаря этому во всѣ времена именно на этомъ пути происходили столкновенія между арміями, пришедшими изъ-за Іордана, и арміями народностей морского побережья. Толкователи Апокалипсиса пріурочиваютъ къ этой же равнинѣ Мегиддо мѣстность Армагеддонъ—будущее поле битвы, на которомъ имѣютъ быть собраны цари вселенной съ ихъ воинствами на брань въ великій день Вседержителя и истребятъ арміи невѣрныхъ. Это предсказаніе является, на самомъ дѣлѣ, не болѣе какъ воспоминаніемъ о сраженіяхъ, происходившихъ въ этой равнинѣ у подножія горъ Кармель, Ѳаворъ и Гильбоа.

Расположенная столь удачно, въ смыслѣ легкости защиты, Іудея не могла, однако, сдѣлаться опасной для своихъ сосѣдей, въ качествѣ царства, обладающаго завоевательными стремленіями,—размѣры ея были слишкомъ незначительны: вмѣстѣ со всѣми прилежащими къ ней областями, образующими съ нею одно цѣлое, она имѣетъ поверхность лишь въ 4—5 кв. километровъ,—поверхность, которая даже ниже среднихъ размѣровъ департаментовъ Франціи. Іудея и не обнаруживала завоевательныхъ стремленій, за исключеніемъ времени царствованія царя Давида,—эпохи, когда обѣ великихъ имперіи—Ассирія и Египетъ—были сильно ослаблены [1]). Даже и въ періодъ своей наибольшей военной славы границы Іудеи не переходили на сѣверѣ окраинъ Цѣло-Сиріи, на югѣ—города Эсонгебера, лежавшаго въ вершинѣ залива Акаба; на востокѣ ея власть распространялась лишь на моавитянъ и аммонитянъ. Даже и въ это время Іудейское царство достигало едва лишь 300 километровъ на самомъ большомъ своемъ протяженіи. Соломонъ достигъ славы и богатства исключительно лишь благодаря тому, что умѣлъ искусно пользоваться монополіями и былъ принятъ въ качествѣ союзника Хирамомъ, царемъ финикійскихъ купцовъ [2]).

---

1) Sayce. «Patriarchal Palestine», p. 33.—2) Elie Reclus. Note manuscrite.

Подобно тому какъ города финикійскаго побережья обязаны своимъ промежуточнымъ положеніемъ между обѣими огромными имперіями своимъ значеніемъ въ качествѣ носителей богатствъ, техническихъ изоб-

№ 120. Долина Эздрилона.

1 : 500 000

0 10 20 30 килом.

Эта карта даетъ самыя подробныя указанія о строеніи мѣстности. Гора Гильбоа или Гильбо господствуетъ въ юго-восточной части карты, высота ея 700 — 800 метровъ; высота горы Кармель — 551 метръ, горы Θаворъ — 595 метровъ. Древнее названіе рѣки Наръ-эль-Мукотта, „рѣки убійства“, — Кисонъ. Точное мѣстоположеніе Мегиддо не настолько извѣстно, чтобы можно было указать его на картѣ такого большого масштаба.

рѣтеній и новыхъ идей, также точно внутренніе города, въ которыхъ медленно вырабатывался религіозный культъ, пріобрѣли значеніе главныхъ распространителей вѣрованій религіозныхъ, въ которыхъ сплетались легенды и догматы Вавилона, Мемфиса и Θивъ.

Нѣкоторые историки, придававшіе съ полною справедливостью большое значеніе вліянію на духовную жизнь человѣка внѣшней среды, старались объяснить появленіе монотеизма у семитовъ юга—евреевъ и арабовъ — единственно лишь вліяніемъ мѣстнаго климата; ихъ доказательства, однако, содержащія, правда, значительную долю истины, являются слишкомъ уже упрощенными. Великія явленія исторической эволюціи представляютъ чрезвычайно большую сложность, и въ связи съ тѣмъ крайне сложны и причины, ихъ вызывающія; кромѣ вліянія пространства, сказывается безусловно и вліяніе времени. Въ областяхъ, лежащихъ рядомъ съ пустыней и обладающихъ величественными и грандіозными видами, говорятъ эти историки, величіе природы должно было чрезвычайно сильно дѣйствовать на воображеніе человѣка и вызывать у него представленіе о божествѣ. Въ предѣлахъ кругозора здѣсь находятся обширныя пространства, всюду чрезвычайно сходныя между собой,—вездѣ видны скалы и сѣроватый песокъ, однообразіе нарушается лишь деревьями со скудною листвою и появляющимися вдали обманчивыми миражами; надъ томительно однообразною поверхностью земли поднимается небесный сводъ, сѣроватый по окружности и ярко-лазурный въ зенитѣ.

Такое описаніе, впрочемъ, далеко не справедливо по отношенію ко всѣмъ областямъ, населеннымъ семитами, и, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ никакого отношенія къ Палестинѣ — странѣ, въ которой евреи жили въ теченіе 15 вѣковъ, и въ которой ихъ религія окончательно сложилась и пріобрѣла опредѣленный характеръ. Странствующіе бедуины, живущіе въ пустыняхъ внутренней части страны, къ востоку отъ Іордана, являются наименѣе религіозными представителями среди семитовъ: они получили вполнѣ сложившіяся вѣрованія и чужды фанатизма и стремленія распространять свою вѣру. Можно сказать лишь, что общій характеръ странъ, населенныхъ семитами, именно величественное однообразіе безжизненныхъ пространствъ, освѣщаемыхъ яркимъ южнымъ солнцемъ, должно было содѣйствовать въ значительной степени выработкѣ благороднаго и строгаго направленія религіозныхъ воззрѣній обитателей; они научились смотрѣть на вещи просто, не отыскивая въ нихъ сложныхъ причинъ, и первобытная миѳологія ихъ не могла походить на тотъ хаосъ божественныхъ силъ, который явился результатомъ воздѣйствія безконечно разнообразной природы Индіи съ ея высочайшими горами, гигантскими рѣками, безконечными лѣсами и ужаснымъ климатомъ, вызывающимъ страшные ливни и бури. Безъ сомнѣнія, душѣ индуса сверхъестественный міръ, являющійся духовнымъ отраженіемъ окружающей природы, представлялся также управляемымъ извѣстнымъ высшимъ началомъ; однако, природа не рисовалась ему находящейся подъ властью единой силы,—даже при всемъ своемъ величіи она являла

безконечное разнообразіе и потому должна была отражаться и въ религіи въ видѣ признанія самыхъ разнообразныхъ формъ божества, должна была вызвать поклоненіе многимъ богамъ, предшествовавшее монотеизму.

Въ ту эпоху, когда впервые евреи выступаютъ на арену исторіи, они еще не вполнѣ вышли изъ стадіи фетишизма, — да и вообще едва ли существуетъ въ мірѣ народность, племя или даже отдѣльный человѣкъ, который былъ бы отъ фетишизма совершенно свободенъ! Библія разсказываетъ намъ о фетишахъ «терафимъ», сдѣланныхъ изъ дерева, глины или изъ металла; ихъ носили жены и дочери патріарховъ, и они вполнѣ напоминали фетиши, съ которыми бесѣдуютъ негры Конго. Точно также камни, обладавшіе формами, похожими на человѣческія, считались первобытными евреями какими-то таинственными существами, обладающими страшной силой. До постройки храма евреи совершали свои религіозные обряды также около священныхъ камней, либо сложенныхъ въ кучу, либо поставленныхъ на вершину ступенчатой пирамиды, либо воздвигнутыхъ посреди равнины, подобно такимъ же камнямъ древнихъ галловъ. Эти священные камни представляли собою «веѳ-эль» или «дома бога», и евреи вѣрили въ то, что они обладаютъ сверхъестественной силой; на нихъ же водружался «ковчегъ», т.-е. священный ящикъ, содержавшій если не самого бога, то, во всякомъ случаѣ, его дыханіе. Никто не смѣлъ приблизиться безъ священнаго ужаса къ этому страшному и таинственному хранилищу, къ этому наслѣдію вавилонянъ, — ежеминутно должно было опасаться, что народъ поразитъ страшнѣйшее несчастье,

Древняя мельница въ Беитъ-Джибринъ.

если скрытый въ ковчегѣ духъ не получитъ въ достаточномъ количествѣ молитвъ и не насытится ароматомъ жертвоприношеній.

Не раздѣляя вѣрованій семитовъ въ деталяхъ, греки, исповѣдывавшіе также фетишистскую религію, выказывали особое уваженіе грудамъ камней, возведеннымъ обитателями Востока, и даже ввели ихъ въ кругъ своихъ божествъ, сохраняя за ними семитическое, лишь нѣсколько

Къ картѣ № 121.

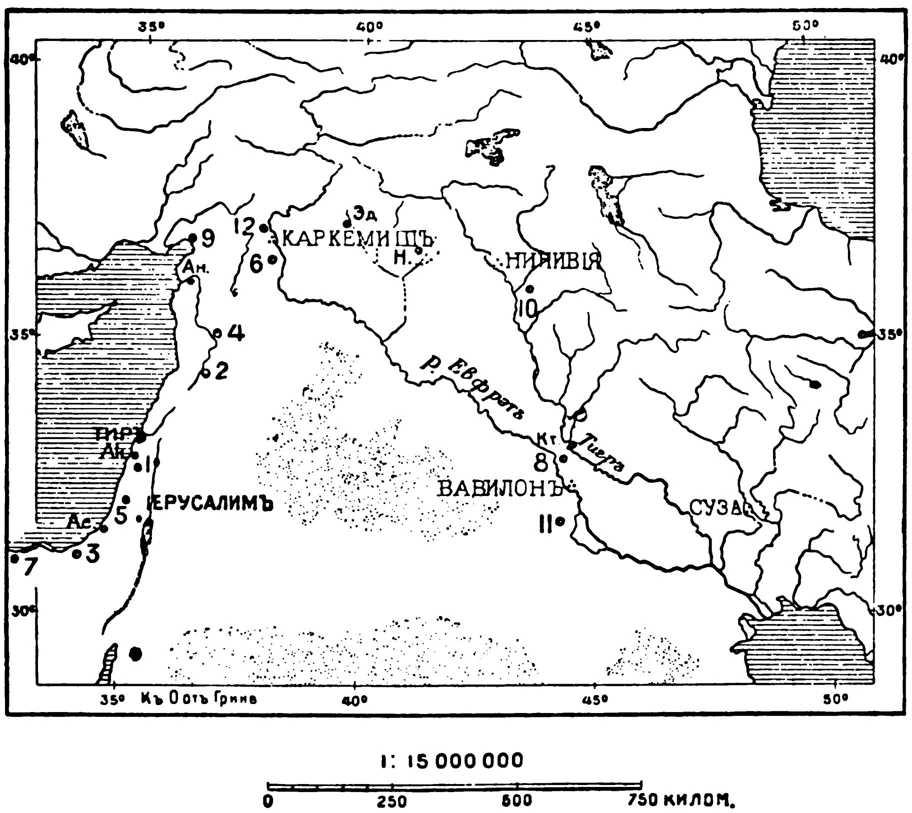
	До Р. Хр.
1. Мегиддо — мѣсто пораженія сирійцевъ египтянами — 22 г. царствованія Тутмоса III	—
2. Кадешъ — нерѣшительное (?) сраженіе между египтянами и хеттитами — 4 г. царствованія Рамзеса II	1354 ?
3. Рафія—пораженіе сирійцевъ египтянами—8 г. царствованія Рамзеса III . .	—
1. Гильбоа—пораженіе Саула филистимлянами . . . . около	1050
4. Каркаръ—пораженіе сирійцевъ (Бенгададъ) ассирійцами (Салманасаръ) . .	853
4. Каркаръ—пораженіе сирійцевъ (Ягубидъ) ассирійцами (Саргонъ)	722
3. Рафія—пораженіе египтянъ (Шабаку) ассирійцами (Саргонъ)	722
5. Альтаку—пораженіе египтянъ ассирійцами (Сеннахерибъ)	703
1. Мегиддо—пораженіе евреевъ (Іосія) египтянами (Нико II)	608
6. Каркемишъ—пораженіе египтянъ (Нико II) Навуходоносоромъ	605
7. Пелуза—пораженіе египтянъ (Псамметихъ III) персами (Камбизъ)	525
8. Кунакса—пораженіе Кира Младшаго Артаксерксомъ	401
9. Иссы—пораженіе персовъ Александромъ Македонскимъ	333
10. Арбеллы—пораженіе персовъ Александромъ Македонскимъ	331
3. Рафія—пораженіе сирійцевъ (Антіохъ) египтянами (Птоломей)	216
	По Р. Хр.
Изъ мѣстъ столкновеній римлянъ съ ихъ противниками на востокѣ можно отмѣтить Карры, къ югу отъ Эдессы (Эд.), гдѣ былъ убитъ Крассъ (въ 53 г. до Р. Хр.), битвы въ окрестностяхъ Низибіи (Н), битву въ окрестностяхъ Эдессы, въ которой былъ взятъ въ плѣнъ императоръ Валеріанъ (въ 260 по Р. Хр.) и битву къ сѣверу отъ Ктезифона (Кт.), въ которой погибъ Юліанъ Философъ	363
11. Кадизіэ—пораженіе персовъ (Іездигердъ) арабами (Омаръ)	636
Въ эпоху крестовыхъ походовъ битвы происходили, главнымъ образомъ, въ окрестностяхъ Эдессы, Антіохіи (Ан), Сенъ-Жанъ-д'Акра (Ак), Іерусалима и Аскалона (Ас).	
1. Гора Өаворъ—пораженіе турокъ французами (Наполеонъ Бонапартъ) . . .	1799
12. Низибъ—пораженіе турокъ египтянами (Мехметъ-Али)	1839
Съ Сузою, Нинивіей, Вавилономъ, Тиромъ, Іерусалимомъ связаны также воспоминанія о кровавыхъ осадахъ и битвахъ.	

эллинизированное названіе «baïtyles» или «betiles». Когда финикійскіе купцы приставали со своимъ судномъ гдѣ-нибудь у береговъ Греціи, они тотчасъ же воздвигали около своего пристанища большой камень, который, какъ они говорили, оказывалъ уже имъ защиту на морѣ и долженъ былъ защитить ихъ и принести имъ счастье и на сушѣ,—они называли такой камень богиней Ашторедъ, греки же, обитавшіе въ окрестностяхъ, считали его олицетвореніемъ богини Артемиды [1]).

1) G. Perrot et Ch. Chipiez. «Histoire de l'Art dans l'Antiquité», tome VII.

Подобно вавилонянамъ, отъ которыхъ они заимствовали всѣ свои идеи и весь свой религіозный культъ, евреи мало заботились о прошедшемъ: въ качествѣ людей практическихъ они думали прежде всего о настоящей жизни. Какъ тамъ, такъ и здѣсь—въ Іерусалимѣ и въ Вавилонѣ—молитвы просятъ о продленіи жизни, и жалобы возносятся, главнымъ образомъ, на приближеніе могилы, «гдѣ нельзя славословить Гос-

№ 121. Нѣкоторыя поля сраженій Передней Азіи.

пода. Сдѣлай насъ долголѣтними, какъ камни Ибарры, продли наши лѣта до вѣчности!»—взываетъ къ Богу Навуходоносоръ. Герой древней эпопеи Гильгамешъ описываетъ ужасы смерти своему спутнику Есбани и между прочими жалобами приводитъ слѣдующія, которыя кажутся ему наиболѣе страшными: «Увы! ты не можешь болѣе обнимать женщину, которую ты любилъ, и не можешь болѣе бить жену, которую ненавидѣлъ! Ужасы подземнаго міра овладѣли тобою!» [1]).

---

1) Alfred Jeremias. «Hölle und Paradies bei den Babyloniern».

Какъ бы то ни было, у евреевъ, какъ и у ихъ предшественниковъ халдеевъ и у многихъ другихъ народностей, имѣлся также и извѣстный культъ мертвыхъ,—переходъ отъ жизни къ смерти былъ для нихъ столь же мало понятенъ, какъ и для ихъ сосѣдей, сыновей Хама и Іафета! Они смутно вѣровали въ продолженіе существованія послѣ смерти, въ загробную жизнь, болѣе или менѣе отличающуюся по формамъ отъ настоящей; историческія данныя свидѣтельствуетъ о томъ, что мертвецы, тѣлесная оболочка коихъ подверглась разложенію и обратилась въ прахъ, но дыханіе — «душа» — сохранилась, считались у нихъ враждебно настроенными къ живымъ призраками, пришельцами съ того свѣта, жаждущими крови. Чтобы избѣжать ихъ преслѣдованій, имъ приносились на могилахъ жертвы, которыя должны были напитать ихъ. Иногда мертвецы, по представленіямъ евреевъ, переходили въ состояніе окончательнаго упокоенія лишь послѣ того, какъ ихъ убивали вторично. Въ Библіи подробно разсказывается объ одномъ изъ такихъ загробныхъ призраковъ, именно о явленіи пророка Самуила, вызваннаго изъ-за гроба волшебницей; заклинаніе духа покойнаго пророка принесло, однако, повидимому, всѣ послѣдовавшія затѣмъ несчастія: въ гнѣвѣ на царя Саула, нарушившаго его покой, Самуилъ предсказалъ его близкую смерть и гибель его сыновей со всѣмъ войскомъ на горѣ Гильбоа [1]).

Вся природа, окружавшая израильтянъ, казалась имъ населенною духами: безграничное множество невѣдомыхъ существъ носилось вокругъ нихъ на землѣ и подъ землею, и въ воздухѣ и въ тверди небесной, такъ какъ и свѣтила, вращающіяся надъ ихъ головами вмѣстѣ съ небосклономъ, являлись для нихъ, какъ и для учителей ихъ вавилонянъ, живыми существами божественной природы, взиравшими сверху на смертныхъ и направлявшими ихъ судьбы. Планеты, блуждающія среди неподвижныхъ звѣздъ, какъ пастухи среди стадъ, казались имъ болѣе могущественными чѣмъ звѣзды, и еще выше почитались оба великихъ свѣтила—дневное и ночное, управляющія движеніемъ планетъ. Зрѣлище звѣзднаго неба, съ его очевидной іерархіей свѣтилъ, должно было внушить евреямъ идею о подчиненіи однихъ естественныхъ явленій другимъ. Совершенно подобно звѣздамъ объединяли они и всѣхъ безчисленныхъ духовъ, земныхъ и небесныхъ, въ одно неисчислимое воинство божествъ—«Елогимъ»; божества эти являлись порожденіемъ, съ одной стороны, фетишизма, съ другой—анимизма и почитанія небесныхъ свѣтилъ. Притомъ имъ приписывалась различная степень значенія и важности,—вѣдь и у вавилонянъ ихъ безплотные духи располагались по восходившимъ къ небу ступенямъ каменныхъ пирамидъ. Политеизмъ евреевъ былъ непохожъ на политеизмъ грековъ, который своею, нели-

1) Самуилъ, I, гл. XVIII.

Такъ называемые водоемы Соломона.

шенною поэзіи, хаотичностью соотвѣтствовалъ несравненно болѣе разнообразной природѣ Греціи и гораздо болѣе развитой, чѣмъ у израильтянъ, гражданской жизни самостоятельныхъ греческихъ городовъ.

Сонмъ семитическихъ божествъ, опредѣляемый терминомъ «Елогимъ», что значитъ «силы» или «духи», еще яснѣе опредѣляется терминомъ Цебаотъ (Саваоѳъ), означающимъ «воинства», «ряды», «порядки»; тогда какъ духи Елогимъ особенно почитались іудеями, духи Цебаотъ являлись предметомъ культа у израильтянъ и въ особенности у колѣна Ефремова. Терминъ этотъ, переведенный на греческій языкъ словомъ «Эонъ», былъ заимствованъ, по всей вѣроятности, отъ народовъ Востока [1]). Какъ духи Елогимъ, такъ и духи Цебаотъ образовывали іерархически подраздѣленное собраніе безплотныхъ существъ,—собраніе, стремившееся уже, однако, объединиться въ лицѣ одного единаго Бога, который проявляется въ безчисленномъ множествѣ вещей.

Дѣйствительно, множественное число—Елогимъ—сокращалось евреями нерѣдко въ единственное — Елъ, причемъ подъ нимъ подразумѣвались всѣ различныя силы, образующія невидимый міръ, и слово это пролагало дорогу идеѣ объ единомъ всемогущемъ Господѣ, объединяющемъ

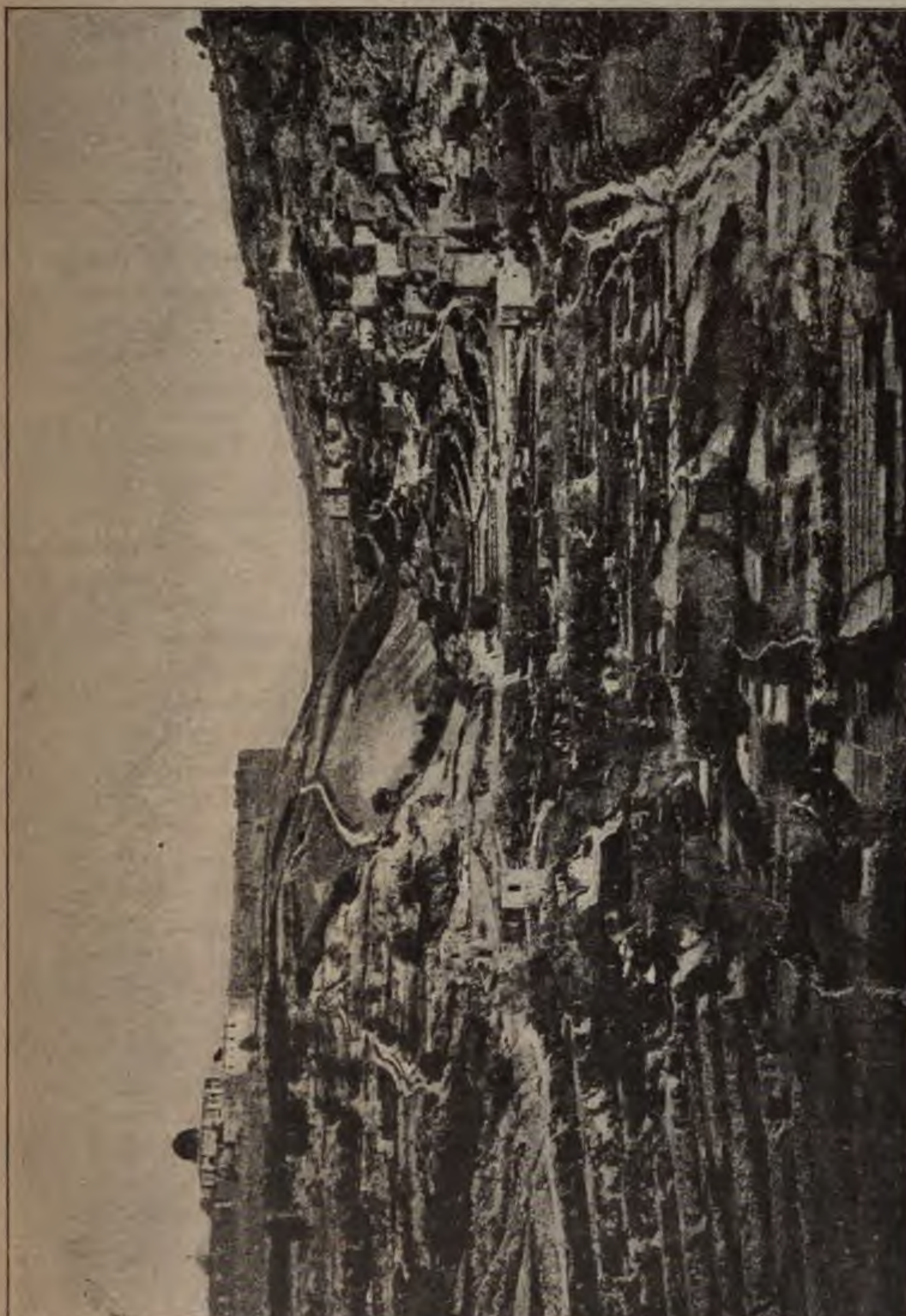
1) Paul Carus. Monist. 1890, p. 383.

въ своей единой волѣ всѣ божественныя силы: въ этомъ смыслѣ и употреблялось названіе «Господа воинствъ» или «Господа силъ»,—оно относилось къ небеснымъ воинствамъ свѣтилъ и духовъ, а не къ воинствамъ человѣческимъ, враждующимъ между собою и истребляющимъ другъ друга. Такая іерархія небесныхъ силъ близко примыкала уже къ монотеизму.

Многія изъ семитическихъ племенъ обозначались наименованіями, ставившими ихъ подъ особое покровительство объединеннаго сонма боговъ: такъ, «Израель» означаетъ «направляемый богомъ Ель», «Измаель» (Измаилъ)—«выслушиваемый богомъ Ель», Рагуель (Рагуилъ)—«другъ бога Ель». Даже имя Калебъ, сокращенное Кальбъ-Ель, т.-е. «собака бога Ель», выражаетъ съ особою силою полную привязанность даннаго племени или даннаго лица ко всѣмъ божествамъ, объединеннымъ одною волею [1]). Въ эпоху судей и царя Давида слово «Ель» имѣло, впрочемъ, большое число синонимовъ—другихъ названій, выражавшихъ также безконечно высокое существо,—таковы были наименованія Ваалъ, Миликъ, Адонай. Эти имена Бога, бывшія въ большомъ употребленіи у финикіянъ, сперва не были абсолютно запрещены и евреямъ ихъ религіей, и лишь позднѣе, въ эпоху пророковъ школы Иліи, еврейская религія сдѣлалась болѣе нетерпимой, и тогда всѣ подобныя наименованія стали разсматриваться какъ связанныя съ идолопоклонствомъ и ересью.

Ренанъ, руководствуясь Гезеніусомъ, замѣчаетъ, что имена, содержащія въ качествѣ составныхъ частей наименованія Миликъ и Ваалъ, встрѣчаются особенно часто въ семьяхъ Гедеона, Саула и Давида [2]). Дѣло въ томъ, что Ваалъ служилъ предметомъ культа на побережьи, среди цивилизаціи болѣе богатой, чѣмъ возникшая въ горахъ Іудеи, и потому тщеславныя семейства, желавшія подняться надъ толпою израильтянъ-варваровъ, должны были особенно искать его покровительства. Ваалъ, «богъ» финикійцевъ, вносилъ съ собою вмѣстѣ съ пантеономъ своихъ божествъ и всѣ свои иные обряды. Вмѣстѣ съ почитаніемъ Ваала, «бога» финикійцевъ, вносился не только пантеонъ другихъ, чуждыхъ божествъ, но и всѣ обряды и всѣ религіозные догматы финикійскаго народа; культъ этотъ обладалъ тѣмъ болѣе значительной притягательной силой, что представлялъ собою обоготвореніе природы во всѣхъ проявленіяхъ ея жгучей и чувственной жизни. Веселыя празднества весны, имѣющія чисто-символическое значеніе, превращались легко въ безумныя оргіи. Съ раскаяніемъ и со стыдомъ, вызваннымъ ихъ поведеніемъ, возвращались затѣмъ евреи къ суровымъ обрядамъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ. Исторія еврейскаго народа полна ужасныхъ бѣдствій, которыя объяснялись жрецами какъ наказанія, назначенныя богомъ

1) Ernest Renan. «Histoire du Peuple d'Israël», pp. 105 ss. — 2) Renan, op. cit., pp. 198, 199.

Сады Ройо въ долинѣ Геенской (Енномовой) близъ Iерусалима.

за то, что народъ увлекся лжеученіемъ и забылъ истинную вѣру. Если бы народъ израильскій въ своемъ историческомъ движеніи достигъ, въ концѣ концовъ, берега моря и слился съ финикійцами въ одну народность, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не сдѣлался бы, даже и въ этой же самой средѣ, почитателемъ культа Мелькарта и Астарты.

Политическая эволюція израильтянъ, которые изъ кочевниковъ превратились въ осѣдлыхъ обитателей страны, лишенной моря, и образовали государство съ очень рѣзкими границами, съ городами, окруженными крѣпкими стѣнами, имѣла въ результатѣ сохраненіе оригинальности ихъ культа и защитила послѣдній въ теченіе ряда долгихъ вѣковъ отъ вліянія религіи пустыни,—религіи, въ которой анимизмъ перемѣшивался съ фетишизмомъ, съ почитаніемъ свѣтилъ, съ политеизмомъ и съ наклонностью отожествлять всѣ эти многообразныя формы божествъ въ лицѣ одного бога. Территоріальное объединеніе евреевъ въ одно государство ввело новый элементъ въ ихъ религіозную жизнь. Воинственная народность, ведущая все время борьбу, должна была и въ небесахъ видѣть бога воинствъ, должна была создать себѣ сверхъестественнаго союзника, защищающаго всѣ стремленія данной народности, ревниво оберегающаго ее, страшнаго въ своемъ гнѣвѣ и безпощаднаго къ врагамъ. Іаве (Іегова)—было, по всей вѣроятности, первоначально мѣстное божество Синая [1]), позднѣе же Іаве представлялъ собою не что иное, какъ обоготворенную еврейскую народность, и, слѣдовательно, тѣ, кто ему поклонялся, поклонялись самимъ себѣ,—потому-то они и старались превознести его безгранично, старались приписать ему безконечное всемогущество. Естественно, они не выносили того, чтобы рядомъ съ ними обитали соперничающія съ ними народности, обладавшія также своими богами-покровителями. И вотъ, соотвѣтственно съ борьбой, происходящей на землѣ, возникала и иная борьба — на небесахъ; сколько было враждебныхъ народностей, столько же было и враждующихъ между собою боговъ, обладавшихъ каждый своею опредѣленною областью, которая то расширялась, то уменьшалась, въ соотвѣтствіи съ исходомъ сраженій. Именно въ этомъ смыслѣ Максъ Мюллеръ называетъ евреевъ не монотеистами, а генотеистами, т.-е. почитателями единаго бога, свойственнаго исключительно одной лишь народности. Іаве былъ не болѣе какъ мѣстнымъ богомъ, область котораго нерѣдко чрезвычайно сокращалась; онъ былъ такимъ же богомъ, какъ богъ моавитянъ и идумеянъ, и, какъ ни были велики самомнѣніе и національная гордость евреевъ, случалось, имъ все же приходилось признать, что Ваалъ, богъ финикіянъ, превосходитъ ихъ собственнаго бога размѣрами и богатствомъ своего цар-

1) Paul Carus, op. cit., p. 386.

ства и числомъ подвластныхъ ему рабовъ. Въ то же время, при измѣненіи своего мѣстопребыванія, люди нерѣдко мѣняли и свою религію. Будучи изгнанъ въ предѣлы филистимлянъ, Давидъ пересталъ поклоняться Іаве, сдѣлавшемуся для него уже чужеземнымъ богомъ.

Когда былъ воздвигнутъ на горѣ Сіона Іерусалимскій храмъ, онъ служилъ въ сущности для прославленія лишь второстепеннаго мѣстнаго бога, и глубоко-религіозные представители сѣверныхъ колѣнъ, которые сохранили еще въ памяти свои прежнія странствованія по пустынѣ въ предшествованіи огненнаго столпа, помнили простые алтари, сложенные изъ камней, не забыли величественныхъ горъ, на которыхъ Всевышній возсѣдалъ какъ на тронѣ,—эти представители еврейскаго народа должны были даже испытывать негодованіе при видѣ храма, выстроеннаго по финикійскому образцу, храма, въ которомъ царь Соломонъ помѣстилъ своего Бога [1]). Однако, со временемъ слава этого святилища распространилась и въ далекихъ странахъ, и, несмотря на раздѣленіе владѣній царя Давида на два царства—Іудейское и Израильское, несмотря на войны, которыя нерѣдко свирѣпствовали между обѣими половинами избраннаго народа, національный богъ евреевъ не раздвоился на два враждебныхъ божественныхъ существа, религіозный духъ израильскаго міра сохранился нераздѣльнымъ. Обстоятельство это имѣло чрезвычайно высокое значеніе: Богъ евреевъ получилъ болѣе общій характеръ и, выйдя за предѣлы страны, обошелъ весь міръ и сдѣлался позднѣе въ глазахъ евреевъ и христіанъ Единымъ Богомъ всей вселенной.

Распространеніе по всему міру культа Іеговы получило особую силу съ теченіемъ тысячелѣтій, вслѣдствіе тѣхъ переселеній вольныхъ и невольныхъ, которыя совершались за счетъ остатковъ населенія въ землѣ обѣтованной. Каждая партія эмигрантовъ, каждая группа плѣнныхъ, вышедшая оттуда, уносила съ собою, какъ свое наиболѣе цѣнное сокровище, воспоминаніе о богѣ, которому поклонялись въ Іерусалимскомъ храмѣ. Этотъ культъ Іеговы распространился, такимъ образомъ, на сотни, тысячи отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностей и принимался народностями, не имѣющими между собою ничего общаго. Опустошеніе Самаріи и переселеніе оттуда израильтянъ сѣверной части Палестины, выселеніе евреевъ въ плѣнъ, разрушеніе храма въ Іерусалимѣ вавилонскими войсками, затѣмъ возстановленіе его и возвращеніе евреевъ въ Палестину вызвали у вѣрующихъ, помимо религіознаго чувства, всѣ наиболѣе возвышенныя движенія души, какія только могутъ породить страстная любовь къ родной землѣ, совмѣстныя страданія и радости цѣлаго народа, величественная драма его паденія и возрожденія.

---

1) E. Renan, op. cit., t. II. pp. 258. 259.

Колодезь Іакова или колодезь самаритянки, близь селенія Аксаръ въ Палестинѣ.

Послѣ своего разрушенія, ничтожный по размѣрамъ Іерусалимъ, столица крохотнаго, по сравненію съ сосѣдними, царства, несомнѣнно, не возникъ бы снова изъ своихъ развалинъ, если бы вмѣстѣ съ царскимъ дворцомъ въ немъ не находился также и храмъ Всевышняго Бога, религіозный центръ всей еврейской народности. Вокругъ того ядра, которое образовывала національная любовь къ своему отечеству, кристаллизовалась новая форма религіозныхъ вѣрованій. Приблизительно въ эту же эпоху вѣрованія, догматы и обряды еврейской религіи стали вращаться около легендъ, пришедшихъ изъ страны Аранъ и изъ Вавилона,—изложеніе ихъ и составило Пятикнижіе. До царствованія Іосіи никто изъ царей или пророковъ Израиля, ни Давидъ въ своихъ псалмахъ, ни Соломонъ въ Екклезіастѣ, не дѣлаютъ ни малѣйшаго намека на существованіе Пятикнижія, которое позднѣе считалось столь древнимъ. Ими ни разу не произносится даже самое имя Моисея. Великій законодатель былъ, повидимому, совершенно неизвѣстенъ, какъ если бы его никогда не существовало, и возникаетъ, дѣйствительно, вопросъ,

существовалъ ли онъ въ іудейскихъ преданіяхъ до того времени, когда былъ заимствованъ изъ преданій Египта или Вавилона [1])?

Богъ евреевъ, назначеніе коихъ на землѣ сводилось, повидимому, исключительно къ жестокой борьбѣ изъ-за защиты границъ своего крохотнаго отечества, получаетъ затѣмъ все болѣе и болѣе величественное значеніе, поднимается выше въ небеса, и царство его расширяется на землѣ. Онъ становится въ то же время и болѣе добрымъ и глубже проникаетъ въ сердца, такъ какъ еврейскій народъ перестаетъ быть племенемъ, имѣющимъ завоевательныя наклонности,—еврейскій народъ не истребляетъ болѣе моавитянъ, идумеянъ, амаликитянъ; онъ самъ, въ свою очередь, подвергается истребленію, и ему не приходится болѣе взывать къ «богу гнѣва и жестокости». Еврейскому народу необходимъ былъ теперь утѣшитель, богъ состраданія и жалости, который въ безконечномъ уничиженіи настоящаго даетъ въ дали грядущаго миражъ побѣды и счастья. Бѣдствія, воскресивъ народность, возстановили въ то же время и ея бога.

Это, однако, еще не все! Среди общаго разстройства государствъ небольшой еврейскій народъ, угнетаемый врагами, полный отчаянія, начинаетъ оказывать сопротивленіе: онъ не желаетъ болѣе слушать словъ своихъ предводителей, жрецовъ, царей, которые соединяются съ его врагами, чтобы втоптать его въ грязь; онъ дѣлается смѣлѣе и начинаетъ говоритъ непосредственно со своимъ богомъ, котораго призываетъ уже не въ качествѣ защитника отечества, а въ качествѣ высшей справедливости. Совершается, такимъ образомъ, крупный моральный переворотъ. Сумасшедшіе, фанатики, простые пастухи начали пророчествовать, т.-е. стали говорить отъ имени Бога и вмѣсто Бога,—таково именно и было первоначальное значеніе слова «пророкъ»; они пророчествовали, не заботясь о законахъ и обычаяхъ, они начинали говорить отъ имени Божія, когда ихъ охватывало соотвѣтственное настроеніе, не считаясь съ мнѣніемъ установленныхъ властей. За 20 вѣковъ до появленія соціализма лозунгомъ ихъ былъ существующій отъ вѣка соціальный вопросъ, который отрицается правовѣрными экономистами. Къ несчастію, они не знали еще, что угнетенные никогда не найдутъ себѣ освободителей, помимо самихъ себя,—они обращаются еще къ Богу, и то, чего они у него просятъ, дѣлаетъ ихъ просьбу требованіемъ вполнѣ идеалистическимъ,—они умоляютъ его о справедливости.

Идея первоначально религіозная направляется, такимъ образомъ, въ сторону морали. Въ этомъ отношеніи слова пророковъ Амоса, Михея, Исаіи принимаютъ характеръ замѣчательной высоты и благородства. Выраженія ихъ пріобрѣтаютъ ту силу и мощность, которая свойственна

---

1) E. Reuss, «Histoire du Canon des Saintes Écritures».

во всѣ времена людямъ, ищущимъ истину,—слова ихъ составляютъ часть драгоцѣннѣйшаго литературнаго сокровища человѣчества. Пророки выражаютъ полное пренебреженіе къ внѣшнимъ формамъ религіи, къ кривляніямъ и обрядности жрецовъ, къ жертвоприношеніямъ и земнымъ поклонамъ,—весь религіозный культъ сводится у нѣкоторыхъ изъ нихъ къ чистѣйшей и простой морали, къ примѣненію принциповъ полнѣйшей справедливости и добра [1]). Они питаютъ отвращеніе къ войнѣ и высказываютъ увѣренность, что настанетъ время, когда не будетъ ни воиновъ, ни конницы, ни военныхъ колесницъ, т.-е., примѣняясь къ языку нашихъ дней, не будетъ ни пѣхоты, ни кавалеріи, ни артиллеріи; они мечтаютъ о всемірномъ братствѣ, о которомъ мечтаемъ и мы, и обманчивый миражъ коего уходитъ отъ насъ въ даль уже въ теченіе двухъ тысячелѣтій. Не обладая болѣе отечествомъ, такъ какъ страна ихъ совершенно открыта для вторженія враговъ, и плѣнники и эмигранты ихъ распространяются подъ предводительствомъ финикіянъ по всѣмъ частямъ извѣстнаго въ тѣ времена свѣта, пророки охватываютъ уже мыслью своею весь міръ и предвидятъ наступленіе времени, когда изъ отдаленнѣйшихъ странъ соберутся люди, соединятся вокругъ Іерусалимскаго храма для поклоненія единому Богу всего человѣчества, поклоненія не внѣшняго, обрядового, не путемъ произнесенія пустыхъ и безсмысленныхъ формулъ, а поклоненія истиннаго, т.-е. основаннаго на полномъ проникновеніи тѣмъ самымъ, что есть добро и истина.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ времени съ его политическими и соціальными переворотами, тѣ изъ народа израильскаго, кто не рѣшался ранѣе перейти къ отожествленію божественныхъ силъ въ лицѣ Бога—Творца, Защитника и Спасителя, въ концѣ концовъ, были все же приведены къ признанію единаго Бога: возникъ монотеизмъ, и вполнѣ естественно, что люди, обусловившіе его возникновеніе, были глубоко убѣждены въ томъ, что во всѣ времена и всюду господствовала та же идея устроенія сверхъ-естественнаго міра.

Іаве, богъ, пріуроченный географически къ 12 колѣнамъ израилевымъ, выдѣлился изо всѣхъ другихъ мѣстныхъ боговъ и слился въ представленіяхъ съ богомъ Ель, древнимъ богомъ Елогимъ, представляющимъ собою совокупность божествъ, коимъ поклонялись еврейскіе пастыри, пока вели жизнь номадовъ: имя Іаве-Цебаотъ (Іегова-Саваоѳъ), которое примѣняется пророками, привязываетъ эту множественность божественныхъ силъ къ Единому Высшему существу. Древнія преданія и священное писаніе, относящееся къ этой эпохѣ еврейской исторіи, чрезвычайно сильно отличаются отъ таковыхъ предыдущихъ періодовъ,—они являютъ собою совершенно новую форму мысли. Вѣдь даже и безпри-

1) Пр. Михей, гл. VI

страстные писатели вносятъ въ свое пониманіе прошедшаго всѣ свои современныя настроенія.

Несмотря на ясное развитіе идеи Единаго Бога въ твореніяхъ еврейскихъ пророковъ, монотеизмъ далеко не создалъ еще общества по своему подобію,—общества, организованнаго соотвѣтственно съ идеалами новаторовъ; справедливость и нравственность не получили точки опоры тамъ, гдѣ онѣ только и могутъ утвердиться окончательно, т.-е. въ совѣсти отдѣльныхъ личностей,—пророкамъ приходилось работать изо всѣхъ ихъ силъ надъ созданіемъ теократическаго государства, предписывающаго всѣмъ правду и справедливость, и исповѣдуемый ими монотеизмъ и увѣренность въ томъ, что они знаютъ Единаго Бога, полнаго Властителя вселенной, дѣлали ихъ въ то же время совершенно нетерпимыми въ религіозныхъ вопросахъ: они первые въ мірѣ проявили такую нетерпимость (Ренанъ, фонъ-Іерингъ). 613 законовъ Талмуда прибавились ко всѣмъ прочимъ обязательствамъ, уже тяготѣвшимъ надъ представителями народа. «Евреи были первыми изобрѣтателями унизительнаго подчиненія этимъ обоимъ выдуманнымъ чудовищамъ—отечеству и закону; сколько было людей, столько сдѣлалось рабовъ» [1]).

Вокругъ еврейскаго народа, однако, толпилось слишкомъ много враговъ, для того чтобы ему было возможно завоевать то божественное господство, къ которому евреи стремились: тѣ чудеса, которыхъ они вымаливали у Бога, заставляли себя долго и безплодно ждать въ теченіе вѣковъ. Жаждущимъ добродѣтели и справедливости оставалось только либо кончать жизнь самоубійствомъ отъ отчаянія, либо безропотно покоряться! Не будучи въ состояніи устранить существующаго въ этомъ мірѣ неравенства, тѣ, кто дѣйствительно вполнѣ искренно жаждалъ справедливости, становились по доброй волѣ въ ряды неимущихъ бѣдняковъ: они либо, подобно Іову, соглашались проводить жизнь на гноевищѣ, либо, по примѣру Лазаря, садились у дверей богатыхъ и довольствовались крохами, падающими съ ихъ трапезы, обѣщая себѣ зато жизнь будущую, въ которой они, въ свою очередь, займутъ мѣсто за вѣчною праздничной трапезой. Другіе несчастные идеалисты возвращались къ природѣ, т.-е. уходили въ пустыню: они блуждали среди пустыхъ пространствъ, питаясь тѣмъ, что могли найти: травами, корнями растеній, саранчею, дикимъ медомъ. Однимъ изъ такихъ пустынниковъ былъ Іоаннъ Креститель, который, по словамъ преданія, крестилъ въ Іорданѣ Христа.

Религіозныя вѣянія очень отдаленнаго происхожденія примѣшивались къ религіи евреевъ, которая развилась столь оригинальнымъ путемъ у этого порабощеннаго народа, обращавшаго къ своему богу вопли

---

1) Gobineau. «Essais sur les Races».

Возстановленный храмъ Соломона.

„Небольшой храмъ для маленькаго народа" (Гобино).

отчаянія. Такимъ образомъ, напримѣръ, дуализмъ персидской религіи, воспроизводящій въ конкретныхъ формахъ постоянное столкновеніе добраго и злого начала въ человѣкѣ, встрѣчается перѣдко въ еврейской религіи и обладаетъ даже столь же ясно выраженными чертами, какъ и въ ученіи Зороастра. Въ книгѣ Іова говорится о томъ, что сатана «странствуетъ по землѣ», чтобы искать людей, которыхъ можно было бы совратить,—онъ находится въ открытой борьбѣ съ богомъ добра. Несомнѣнно, это не что иное, какъ Ариманъ, старающійся отвоевать у Ормузда власть надъ человѣческими душами! Очень можетъ быть также, что двѣ горы, поднимавшіяся надъ Сихемомъ, этой древней столицей Израиля, городомъ Наблусъ нашихъ дней,—гора Эбаль и гора Гаризимъ—символизируютъ оба враждебныхъ начала—добра и зла. Въ опредѣленный день жрецы и вѣрующіе этого города раздѣлялись на двѣ группы, изъ которыхъ одна поднималась на сѣверную гору Эбаль, другая на южную—Гаризимъ; внизъ доносились тогда голоса жрецовъ, встрѣчавшіеся въ воздухѣ,—съ одной стороны раздавались проклятія городу, съ другой—призывали на него благословенія свыше. Безъ сомнѣнія, тѣ, кто призывалъ божественныя блага на населеніе, должны были одерживать побѣду надъ навлекавшими проклятія! И до сихъ поръ въ этихъ мѣстахъ страхъ обуяетъ душу человѣка, и въ дуновеніи вѣтра, шеле-

стящаго листьями оливковыхъ деревьевъ, слышится отзвукъ вѣчной борьбы надежды и отчаянія!

Центрами возникновенія религіозныхъ ученій были также и другія страны Востока, столь удаленныя отъ Палестины, что тамъ не были извѣстны даже ихъ названія,—таковы были бассейнъ Инда и Ганга; вліяніе развившихся тамъ религій должно было постепенно расширяться и достигло, въ концѣ концовъ, и береговъ Средиземнаго моря. По всей вѣроятности, нѣтъ прямой связи между буддистскими святыми и пророками небольшого семитическаго народа, обосновавшагося въ Палестинѣ,—однако, «колесница», которую избрали своимъ символомъ проповѣдники Индіи, быстро перенесла идеи Будды за предѣлы Индостана, и, безъ всякаго сомнѣнія, до народностей, населявшихъ средиземноморскія побережья, достигло ихъ эхо. Когда городъ Тиръ былъ взятъ Александромъ Великимъ, и во всей Передней Азіи преобладающее вліяніе получили идеи эллинскаго міра, евреи, уже проникнутые религіозными воззрѣніями восточныхъ народовъ и Египта, подверглись также вліянію философіи западныхъ мудрецовъ; еврейскій народъ оказался подготовленнымъ къ тому перевороту, который повлекъ за собою появленіе христіанства.

Такимъ образомъ, моральная эволюція еврейскаго народа представляла собою, въ концѣ концовъ, резюме всего того движенія, которое совершалось во всѣхъ окружающихъ странахъ; тѣмъ не менѣе, послѣдствія этого обстоятельства имѣли бы чисто-мѣстный характеръ и не повлекли бы за собою революцію въ общихъ судьбахъ человѣчества, если бы небольшой израильскій народъ остался заключеннымъ въ узкихъ границахъ своихъ владѣній. На самомъ дѣлѣ, однако, еще задолго до того, какъ совершилось разсѣяніе евреевъ, по приказанію ассирійскихъ царей, евреи уже сами стали распространяться по всѣмъ прибрежнымъ странамъ Средиземнаго моря, выселяясь изъ своей страны въ одиночку, семьями или даже болѣе значительными группами. Благодаря финикійской торговлѣ, явившейся распространительницей іудейскаго элемента, этотъ послѣдній былъ разнесенъ по всѣмъ странамъ, принадлежащимъ къ міру западной цивилизаціи. Точно такъ же, какъ и другія народности Сиріи, евреи сдѣлались во множествѣ кліентами богатыхъ финикійскихъ купцовъ, и отъ поколѣнія къ поколѣнію значительное число этихъ кліентовъ слѣдовало за предпріимчивыми торговцами въ ихъ отдаленныя колоніи,—одни изъ нихъ шли добровольно, другіе въ качествѣ рабовъ и плѣнниковъ переселялись насильственно въ дальнія страны и образовывали всюду небольшія израильскія общины, которыя въ рѣшающіе періоды невольно отражали на себѣ всѣ событія, происходившія на ихъ родинѣ. Слова, произнесенныя въ Іудеѣ, отдавались продолжительнымъ эхомъ въ сотняхъ маленькихъ Іудей, разсѣянныхъ по разнымъ стра-

намъ! Такимъ образомъ, всѣ условія соединились къ тому, чтобы благопріятствовать развитію новаго цикла въ исторіи человѣчества!

* * *

Отъ равнинъ Месопотаміи, отъ горъ и долинъ Сиріи переходъ къ обширнымъ пространствамъ полуострова Аравіи, въ смыслѣ рельефа, совершенно незамѣтенъ, и сколько-нибудь точныхъ границъ невозможно даже нанести; тѣмъ не менѣе, Аравія въ своемъ цѣломъ представляетъ все же одну изъ наиболѣе опредѣленныхъ географическихъ областей. Въ предѣлахъ того перешейка, шириною въ 1000 километровъ, который связываетъ полуостровъ съ континентомъ и располагается между Персидскимъ заливомъ и заливомъ Акаба, естественная граница намѣчается границею рѣкъ текущихъ водъ. Тамъ, гдѣ источники теряются въ усыхающихъ озерахъ, гдѣ исчезаютъ послѣдніе слѣды оросительныхъ каналовъ, начинается Аравія. Извилистый полукругъ, ограничивающій ея выпуклую часть по направленію къ сѣверу, вокругъ пустыни Экшамъ, является также естественной границей, еще болѣе трудно проходимой для войскъ, чѣмъ горныя цѣпи.

Все же цѣлостность Аравіи среди другихъ странъ земного шара является чисто-географической: будучи въ общихъ своихъ очертаніяхъ столь же и, пожалуй даже, еще болѣе массивнымъ, чѣмъ Африка, такъ какъ имѣетъ форму трапеціи съ едва закругленными углами, полуостровъ Аравіи вполнѣ естественно дѣлится на области, различающіяся по природѣ, имѣющія между собою мало общаго и не представляющія ничего общаго и въ смыслѣ историческомъ [1]). Ни въ одну изъ эпохъ исторической жизни народовъ не было государства Аравіи, которое включало бы въ своихъ предѣлахъ всю поверхность этого огромнаго четыреугольника. Какъ по формѣ своей, такъ и по исторіи Анатолійскій полуостровъ и полуостровъ Аравіи представляютъ большую аналогію.

Политическое раздробленіе Аравіи зависитъ отъ отсутствія связи между отдѣльными областями страны въ климатическомъ и топографическомъ отношеніяхъ. Обширныя пустынныя пространства, совершенно непроходимыя, раздѣляютъ страну на отдѣльныя естественныя области, населеніе которыхъ имѣетъ и свои особыя судьбы; даже и тамъ, гдѣ имѣются хотя бы и затруднительные пути сообщенія, тянущіеся на большомъ протяженіи, огромное количество препятствій обусловливаетъ раздробленіе населенія. Тѣ же самыя причины, которыя препятствовали образованію одного обширнаго государства въ естественныхъ предѣлахъ полуострова, предохраняли, съ другой стороны, эту огромную террито-

1) Zehme. «Arabien und die Araber».

рію отъ завоеванія чужеземными войсками. Нѣтъ ни одного историческаго документа, который свидѣтельствовалъ бы о томъ, что какой-нибудь Сезострисъ, Киръ или Александръ Великій, когда бы то ни было,

№ 122. Рельефъ полуострова Аравіи.

Линіи горизонталей и глубинъ проведены на уровнѣ 100, 200, 500, 1000, 2000, 3000 и 4000 метровъ

1 : 25 000 000

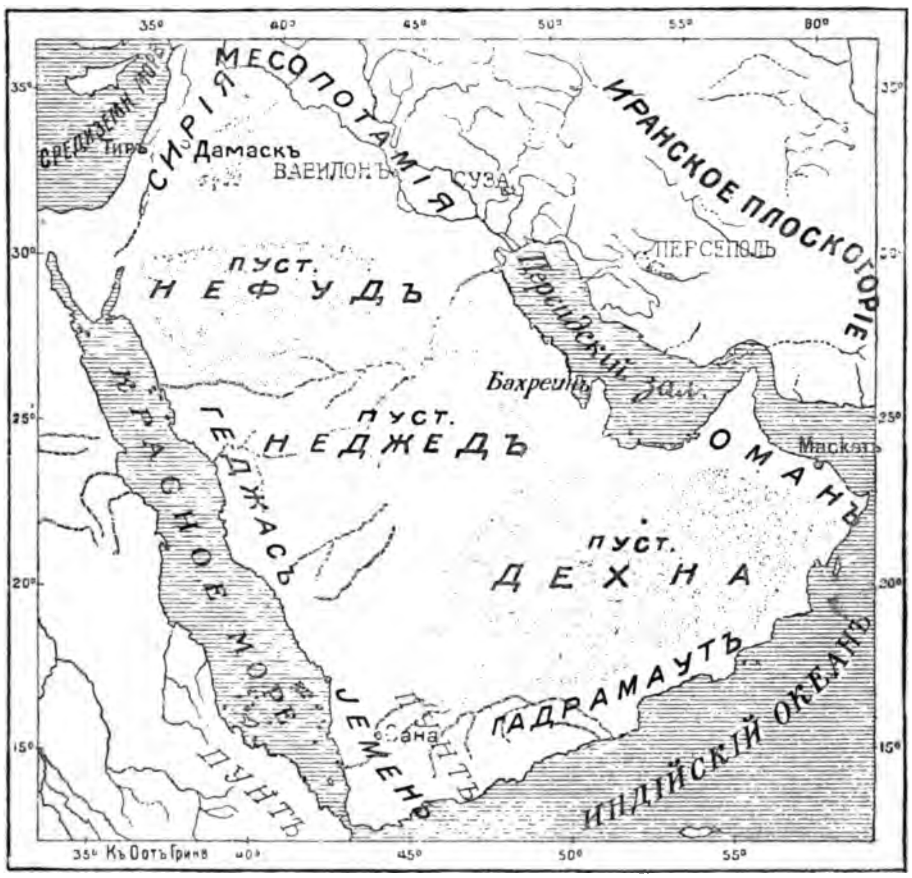
0 500 1000 1500 килом.

обладалъ бы всей Аравіей, отъ Краснаго моря до Персидскаго залива, и держалъ бы въ порабощеніи все ея населеніе!

Вполнѣ естественно, что въ странѣ этой, гдѣ дожди такъ рѣдки, и гдѣ на пространствѣ, въ 6 разъ болѣе обширномъ, чѣмъ Франція, не протекаетъ, пожалуй, ни одного постояннаго ручья, ни одной постоянной рѣки, въ странѣ, гдѣ многіе горные массивы, какъ, напримѣръ, Оманскій

хребетъ, оказываются настоящими геологическими скелетами, лишенными растительнаго покрова, который одѣваетъ скалы,—въ такой странѣ и населеніе чрезвычайно рѣдко. Лишь одна единственная вершина въ

№ 123. Области Аравіи.

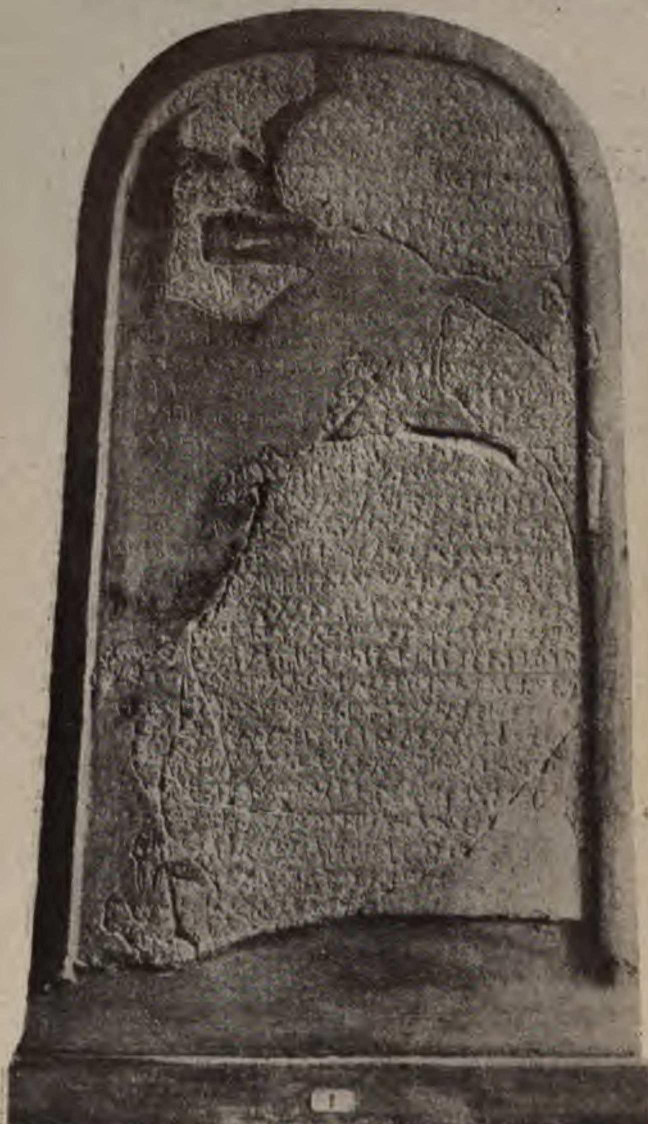
1: 25 000 000

0 500 1000 1500 килом.

Аравіи—гора Джебель-Акдаръ—заслуживаетъ своего названія «зеленой горы», такъ какъ ниже полосъ снѣга, появляющихся иногда на вершинѣ, обнаруживаются также и кое-какія зеленыя пятна, вскорѣ, впрочемъ, все же выгорающія, благодаря дѣйствію солнца и вѣтра.

Въ Аравіи имѣются также обширнѣйшія пустыни, въ особенности на юго-востокѣ, между областями Оманъ и Дофаръ, у восточной око-

нечности пустыни Гадрамаутъ, гдѣ существовать не можетъ ни одинъ человѣкъ.—оттуда бѣгутъ даже звѣрь и птица. Присутствіе растительности является вѣдь самымъ основнымъ условіемъ возможности жизни высшихъ животныхъ и человѣка, потому человѣкъ и не можетъ совершенно проникнуть въ нѣкоторыя пустыни съ сыпучими песками, простирающіяся на такое огромное протяженіе и проходимыя съ такими трудностями, что онъ не въ состояніи чрезъ нихъ перебраться, такъ какъ долженъ былъ бы брать съ собою на все время пути воду и провизію для себя и для животныхъ. Въ другія пустыни если онъ и пускается, чтобы пробраться изъ одной страны въ другую, то, во всякомъ случаѣ, не обосновывается тамъ въ самой пустынѣ, въ этомъ «царствѣ жажды». Онъ не можетъ жить тамъ постоянно на одномъ мѣстѣ и странствуетъ отъ одного источника къ другому, отыскиваетъ водоемы, въ которыхъ скопляется дождевая вода, не высыхающая сразу, или добываетъ драгоцѣнную влагу, выкапывая ямы въ оврагахъ.

Памятникъ Меза, царя Моавійскаго, около 850 г. до Р. Хр., изъ развалинъ Дибана.

Въ подобныхъ мѣстностяхъ человѣкъ не можетъ жить, конечно,

иначе, какъ отдѣльными семьями, и образъ жизни его самымъ явственнымъ образомъ опредѣляется окружающей средой. Совершенно необходимо, чтобы онъ приспособился къ этой средѣ, такъ какъ иначе ему ничего не остается, какъ погибнуть. Окружающія условія получаютъ такую власть надъ человѣкомъ, что можно замѣтить почти полное тожество нравовъ и обычаевъ, напримѣръ, современныхъ бедуиновъ и ама-

№ 124. Персидскій заливъ.

ликитянъ и агареянъ, которые жили 3000 лѣтъ тому назадъ. Наблюдая непосредственно образъ жизни современныхъ кочевниковъ Аравіи, можно составить себѣ ясное представленіе о тѣхъ разбойничьихъ племенахъ, которыя нападали на караваны купцовъ, направлявшіеся изъ Вавилона или Пальмиры въ тотъ или другой торговый городъ древней Сиріи, къ которой сходились всѣ караванные пути пустыни. Единственное крупное пріобрѣтеніе, которое сдѣлано этими племенами съ той эпохи, заключается въ томъ, что они въ настоящее время обладаютъ лошадьми и располагаютъ даже наиболѣе благородной изъ лошадиныхъ породъ—

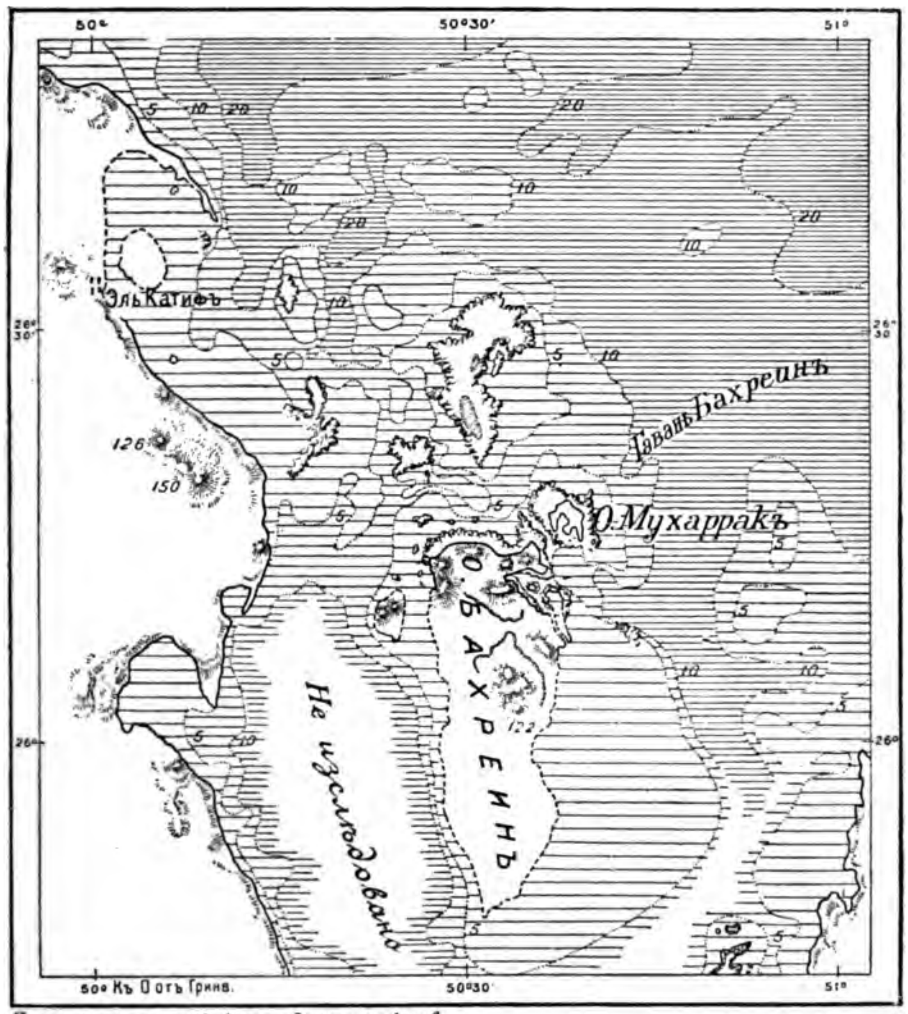
Храмъ Солнца въ Пальмирѣ, относящійся къ римской эпохѣ.
Въ сѣверномъ оазисѣ Аравійской пустыни.

породой арабской, которая выведена была благодаря ихъ чрезвычайнымъ заботамъ и стараніямъ. Несмотря на это, сыны пустыни очень мало измѣнили свой образъ жизни,—вѣдь и пустыня сохранила вокругъ нихъ свое спокойное величіе и свою полную неприступность.

Прежде всего бедуины должны были всегда обладать чрезвычайною воздержанностью, умѣньемъ переносить голодъ и жажду; сама природа пріучала ихъ къ терпѣнію, къ отреченію отъ земныхъ благъ и къ мужеству. Впрочемъ, простота жизни бедуина помогаетъ ему въ то же время сохранять полное физическое и нравственное благосостояніе. Бедуинъ не знаетъ болѣзней, не предается волненіямъ и раздумью. Имѣя предъ собою чрезвычайно обширное и открытое каждому пространство, онъ охотно мѣняетъ свое мѣстообитаніе, — почти всюду окрестности и небесный сводъ являются для него одинаковыми, гдѣ бы онъ ни расположился, будетъ ли то вблизи Евфрата, или же у «Золотой рѣки» Дамаска. Племена и колѣна раздробляются на болѣе мелкія группы при малѣйшемъ расхожденіи ихъ интересовъ, при малѣйшихъ столкновеніяхъ во взглядахъ; даже родные братья раздѣляются и расходятся въ

разныя мѣстности, отстоящія на много сотъ километровъ одна отъ другой. Бедуинъ умѣетъ сдерживать себя, что является результатомъ его

№ 125. Архипелагъ острова Бахреинъ.

По картамъ англійскаго адмиралтейства

1: 1000000

0 10 30 60 килом.

способности владѣть собою,—эту способность ему постоянно приходится проявлять, чтобы укрощать свои аппетиты. Однако, когда жгучее южное солнце распалитъ его кровь, онъ оказывается вполнѣ во власти своихъ

страстей и предается имъ съ полнымъ забвеніемъ всего окружающаго. Первобытная свобода, которую даетъ ему кочевой образъ жизни, свободная возможность идти, куда угодно, гарантируютъ ему полную независимость,—въ теченіе всей своей исторической жизни онъ являлся всегда господиномъ самому себѣ. Бедуинъ происходитъ отъ предковъ, которые были столь же свободны, какъ онъ самъ, народность его никогда не испытала рабства, и потому онъ взираетъ на чужестранца просто, безо всякой приниженности и даже съ нѣкоторой гордостью. Бедуинъ является также, благодаря всему окружающему, настоящимъ анархистомъ: у него нѣтъ начальниковъ, имѣются лишь третейскіе судьи, такъ какъ только таковыми можно считать арабскихъ шейховъ; надъ нимъ властвуютъ не законы, а лишь то представленіе о справедливости, какое и самъ онъ имѣетъ. Никто не можетъ ему ничего приказывать, но онъ самъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ признаетъ тѣ или другія правила общежитія и уважаетъ сужденія общественнаго мнѣнія. Онъ знаетъ твердо, что кровь требуетъ отмщенія кровью, и что, если кто-нибудь изъ его ближнихъ былъ кѣмъ либо-обиженъ, то съ того времени у него не должно быть другой заботы, какъ мысль о мести!

Благодаря условіямъ топографическимъ и благодаря распредѣленію дождей, эти кочевыя свободныя племена, называемыя обыкновенно племенами «бедави» или бедуинами, занимаютъ лишь внутреннюю часть страны, расположенную къ сѣверу и къ югу отъ высокихъ горъ центра Аравіи. Эта срединная часть полуострова, гдѣ устроились осѣдлыя народности, и гдѣ могли, слѣдовательно, образоваться государства съ болѣе рѣзкими границами, обладала историческимъ развитіемъ болѣе оживленнымъ и разнообразнымъ по совершавшимся на ней событіямъ, чѣмъ равнинная область. Однако, отзвуки этихъ историческихъ событій заглушались обширнымъ разстояніемъ и мало доносились до народностей древняго міра: древнія лѣтописи ничего не говорятъ объ этихъ событіяхъ. Единственныя части Аравіи, вошедшія, благодаря своему географическому положенію, въ сферу притяженія извѣстнаго намъ міра,—это двѣ береговыя полосы вдоль Персидскаго залива и Краснаго моря; одна изъ нихъ является южнымъ продолженіемъ бассейна Тигра и Евфрата, другая—продолженіемъ побережья Сиріи и той складки земной поверхности, въ которой текутъ рѣки Оронтъ и Іорданъ.

Восточная полоса Аравіи, тянущаяся вдоль Персидскаго залива, имѣетъ во многихъ отношеніяхъ преимущества передъ остальными частями. Судоходство совершается тамъ безо всякихъ опасностей между островами, омываемыми прозрачной морской водой. Многочисленные источники прѣсной воды встрѣчаются какъ на берегу, такъ и на островахъ; количество воды достаточно велико для того, чтобы питать бо-

Городъ Маскатъ съ моря.

гатую растительность и снабжать водою населеніе деревень, близко располагающихся одна рядомъ съ другою. Рыболовство чрезвычайно широко развито у этихъ береговъ и даетъ прекрасные результаты, такъ что мѣстные жители могутъ запасать большое количество рыбы, высушенной на солнцѣ,—они примѣшиваютъ ее къ тѣсту изъ финиковъ и ведутъ ею торговлю съ сосѣдними странами. Съ самыхъ древнихъ временъ у нихъ сильно была развита торговля наилучшими на всемъ Востокѣ жемчугами, которые цѣнятся не только по своей крупной величинѣ, но и по своему золотистому оттѣнку, сильному блеску и по присущимъ имъ будто бы цѣлебнымъ свойствамъ, въ которыя вѣрили въ прежнія времена. Жемчужный промыселъ особенно сильно развитъ въ окрестностяхъ острова Бахреина или «острова двухъ морей», названнаго такъ въ виду его положенія между двумя проливами.

На этомъ побережьѣ возникли и центры торговли. Согласно древнему преданію, о которомъ мы уже говорили, финикіяне обитали ранѣе до того времени, какъ переселились на берега Сиріи, на одномъ изъ острововъ Персидскаго залива. Нѣкоторые изъ ученыхъ предполагаютъ, что этотъ островъ тожественъ съ островомъ Бахреинъ, другіе же считаютъ его островомъ, примыкавшимъ къ дельтѣ Тигра и Евфрата,—островомъ, который въ настоящее время, благодаря наносамъ обѣихъ

рѣкъ, присоединился къ побережью Персіи,—это возвышенность Дильманъ, гдѣ располагался древній городъ Дильмунъ, Тильвунъ или Тилосъ [1]). Священная земля эта служила населенію Месопотаміи какъ бы складочнымъ мѣстомъ для морской торговли; отсюда же, изъ города Тильвуна, вышелъ «богъ-рыба», который во время всемірнаго потопа направлялъ спасательный ковчегъ, содержавшій остатки человѣческаго рода. На восточномъ берегу въ Бендеръ-Буширѣ, древнемъ Ліанѣ, развалины, сохранившіяся со временъ Эламитскаго царства, именно, со временъ царствованія Шилкакъ-инъ-Шушинака, свидѣтельствуютъ о томъ большомъ участіи, которое принимали обитатели Сузіаны въ морскихъ предпріятіяхъ: вся эта береговая область Персіи принадлежала къ владѣніямъ, находившимся подъ вліяніемъ халдейской цивилизаціи. На арабскомъ берегу противъ острова Бахреина и по сосѣдству съ нимъ располагался также позднѣе городъ Герра, гдѣ купцы, пришедшіе изъ Сиріи и Египта, встрѣчались съ торговыми людьми страны гиміаритовъ: два торговыхъ пути первостепеннаго значенія пересѣкали полуостровъ Аравіи по всей его ширинѣ, сталкиваясь въ этомъ природою предначертанномъ мѣстѣ.

Область Оманъ является по существу островомъ, такъ какъ на сѣверѣ къ ней прилегаетъ море еще болѣе обширное, болѣе открытое и болѣе опасное, чѣмъ Персидскій заливъ, тогда какъ на югѣ она примыкаетъ къ непроходимой пустынѣ Дехна,—потому эта область и сохраняла во всѣ времена полную независимость своей культуры. Даже и теперь въ ней говорятъ на языкѣ, который, повидимому, не имѣетъ ничего общаго съ арабскимъ [2]). Впрочемъ, область эта все же не оставалась окончательно изолированной: благодаря тропикамъ, ведущимъ вдоль побережья, и благодаря прибрежному судоходству, она была связана съ халдейскимъ міромъ и жила аналогичною культурною жизнью.

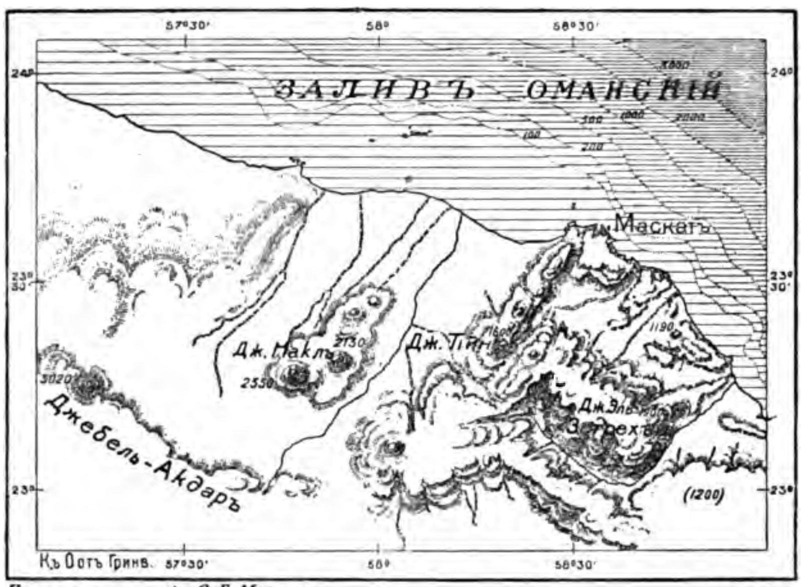
На протяженіи болѣе чѣмъ 2000 километровъ восточные берега Краснаго моря, отъ залива Акаба до Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, представляютъ собою далеко не столь благопріятное по природнымъ условіямъ побережье, какъ островъ Бахреинъ и другіе острова Персидскаго залива. Тѣмъ не менѣе, одно уже то обстоятельство, что побережье это служило торговымъ путемъ для племенъ и народностей внутренней части страны, придавало ему исключительное значеніе и обусловливало возникновеніе на немъ центровъ политической жизни. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ очаговъ цивилизаціи явился культурный

---

1) J. Oppert et E. H. Bunbury. «History of Ancient Geography», I, p. 461, противъ утвержденій Моргана и другихъ.—2) André Joannin. Bull. du Comité de l'Asie française, 1903, p. 426

центръ, образовавшійся вблизи входа въ Красное море, на вдающемся угломъ горномъ массивѣ, господствующемъ надъ проливомъ. По Швейнфурту, исторія прогресса человѣчества въ древнѣйшія извѣстныя намъ времена можетъ быть изображена въ видѣ треугольника, три вершины котораго соотвѣтствуютъ Вавилону, Египту и этому концевому углу полуострова, обозначавшагося древними авторами подъ названіемъ «Счастливой Аравіи» 1); три стороны этого треугольника служили путями, по

№ 126. Территорія области Оманъ.

По съемкѣ полковн. С. Б. Мейльса

1 : 2 000 000

0 10 50 100 килом.

которымъ происходило движеніе человѣческихъ массъ во времена столь отдаленныя, что отъ нихъ сохранились лишь едва замѣтные слѣды.

Эта горная область, носящая въ настоящее время названіе Іеменъ и ограничиваемая съ запада водами Краснаго моря, съ юга водами западнаго рукава Индійскаго океана, отличается замѣчательными особенностями, которыя придаютъ ей большія преимущества какъ мѣсту обитанія человѣческаго рода. Прежде всего климатъ этой области совершенно исключительный; главнѣйшія преимущества его заключаются

1) Schweinfurth. «De l'Origine des Égyptiens». Bulletin de la Société khédiviale de Géog., 4-e série, № 12.—См. карту I-го тома: «Чередованіе цивилизацій и ихъ сферъ вліянія» при стр. 324–325.

въ томъ, что здѣсь временами идетъ дождь, и даже случаются сильные ливни, достаточные для того, чтобы образовывать горные потоки въ болѣе высоко лежащихъ областяхъ; въ низинахъ, впрочемъ, именно въ береговой полосѣ, носящей названіе Техама, эти потоки усыхаютъ. Надо, однако, сказать, что дожди сами по себѣ не даютъ такого количества влаги, чтобы была возможность воздѣлыванія обширныхъ пространствъ. Къ счастью, на внѣшнемъ склонѣ этихъ горъ, обращенныхъ къ Красному морю и къ Аденскому заливу, происходитъ явленіе, аналогичное наблюдаемому на берегахъ Перу, обращенныхъ на юго-западъ, и именно на пространствѣ между Лимой и Паита. Воздухъ, насыщенный водяными парами, поднимающимися отъ обоихъ морей и принесенныхъ муссонами, утрачиваетъ свою прозрачность, и толстые слои тумана покрываютъ, въ концѣ концовъ, южные и западные склоны горъ до самыхъ вершинъ. Въ теченіе всего утра горизонтъ затемненъ и влага, осѣдающая на почву, настолько обильна, что ею орошаются листья и корни растеній, и даже одежды путешественниковъ становятся сырыми, какъ послѣ сильнаго дождя; въ теченіе цѣлой половины дня, почти до полудня, температура въ Іеменѣ такая, какъ въ натопленной теплицѣ, но, когда солнце начинаетъ склоняться къ западу, туманъ разсѣивается, и палящее свѣтило начинаетъ жечь неумолимо, сверкая на ясномъ голубомъ небѣ [1]).

Это обиліе влаги въ атмосферѣ является первымъ преимуществомъ климата Іемена; немалое значеніе для «Счастливой Аравіи» имѣетъ также и нѣсколько болѣе умѣренная, вслѣдствіе влажности, температура. Террасы и населенные склоны поднимаются во многихъ мѣстностяхъ болѣе чѣмъ на 2000 метровъ, а хребты, господствующіе надъ ними, превосходятъ 3000 метровъ; населеніе болѣе высокихъ областей Іемена пользуется климатомъ постоянно умѣреннымъ, тогда какъ въ низовьяхъ раскаленный песокъ жжетъ ноги путниковъ. Естественные продукты этихъ болѣе высокихъ областей также сильно отличаются отъ продуктовъ степей и соотвѣтствуютъ и другому образу жизни обитателей; до нѣкоторой высоты надъ уровнемъ моря проникаютъ еще кочевники-пастухи со своими стадами, но выше, на склонахъ, обитаютъ уже земледѣльцы, живущіе исключительно отъ плодовъ земли. Должно, правда, замѣтить, что возникновеніе земледѣльческихъ общинъ здѣсь было дѣломъ не легкимъ: земледѣльцамъ приходилось научиться прежде всего задерживать на склонахъ воду, устраивать резервуары и подземные акведуки. Они отстаивали свое право на существованіе тяжелымъ и упорнымъ трудомъ, благодаря которому пріобрѣли предпріимчивость, инициативу и развили свои умственныя силы.

---

1) Glaser. «Petermann's Mitteilungen», 1884.

Къ счастью для народностей «Счастливой Аравіи», продукты, собираемые въ ихъ странѣ съ дикихъ, невоздѣлываемыхъ растеній, явля-

№ 127. Территорія Іемена.

лись уже превосходными предметами торговли съ дальними странами,— это въ значительной степени расширяло господство населенія Аравіи и повысило степень цивилизаціи. Страна эта, принадлежавшая въ древ-

ности сабеянамъ, чрезвычайно богата растеніями, дающими ароматическія вещества и цѣнныя смолы,—Аравія всегда была отечествомъ лѣкарственныхъ веществъ и ароматовъ, въ ней добывались кассія, сена, мирра, ладонъ и катъ (Celastrus edulis), который употребляется въ качествѣ кофе и опьяняетъ какъ гашишъ, но нѣсколько легче. Благодаря всѣмъ этимъ естественнымъ богатствамъ, цѣнившимся въ прежнія времена выше, чѣмъ они цѣнятся въ настоящее время, юго-западный массивъ Аравіи славился во всемъ древнемъ мірѣ, извѣстномъ обитателямъ Востока. Для судовъ западной Индіи однимъ изъ главнѣйшихъ мѣстъ встрѣчи былъ южный берегъ вблизи входа въ проливъ до «Мыса Ароматовъ»—современнаго мыса Гвардафуи.

Однако, значеніе «Счастливой Аравіи» въ исторіи развитія человѣчества оставалось бы все же необъяснимымъ, если изучать этотъ массивъ лишь самъ по себѣ, безъ его отношенія къ сосѣднему массиву Эѳіопіи, располагающемуся къ западу отъ пролива. Обѣ эти горныя области являются какъ бы столбами, воздвигнутыми по сю и по ту сторону пролива, сообщающаго Индійскій океанъ съ длиннымъ морскимъ рукавомъ, который идетъ къ Средиземному морю,—горы Африки поднимаются непосредственно противъ хребтовъ Азіи. Горы эти находятся на разстояніи 300 километровъ, и возможно, что, несмотря на выпуклость земного шара, обитатели Эѳіопіи, съ одной стороны, и гиміариты—съ другой, могли различить иногда профиль горныхъ вершинъ своихъ сосѣдей, вырисовывающійся на сѣромъ фонѣ неба. Безъ сомнѣнія, прибрежные жители и моряки содѣйствовали передачѣ идей и обусловливали обмѣнъ товарами между населеніемъ той и другой страны. Движеніе взадъ и впередъ, чрезъ проливъ, было установлено силою вещей: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ располагался проливъ, образовался въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы торговый перешеекъ, связывавшій обѣ страны. Юго-западная Аравія, гдѣ владычествовали послѣдовательно одни за другими минійцы, сабеяне, гиміариты, принадлежавшіе всѣ къ семитскому корню, была, слѣдовательно, одною изъ тѣхъ странъ, которыя обладаютъ великимъ преимуществомъ—находятся въ мѣстѣ скрещиванія двухъ историческихъ путей. Нерѣдко въ древности, когда прямой путь, благодаря присутствію Евфрата и Ливанскаго хребта, загибающій къ сѣверу, оказывался блокированнымъ вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, сношенія Вавилоніи съ Египтомъ должны были происходить южнымъ путемъ и, въ качествѣ промежуточной станціи на полупути, должны были проходить горы «Счастливой Аравіи». Въ наши дни эти страны, расположенныя по обѣ стороны пролива, очевидно, находятся въ періодѣ крайняго регресса, именно вслѣдствіе того, что путь, ведущій въ поперечномъ направленіи съ одного берега на другой, примѣняется нынѣ лишь для незначительной мѣстной торговли, тогда какъ сохраняющій и до сихъ поръ

большое значеніе продольный путь отъ Суэца до Перима совершенно монополизированъ европейскими торговыми судами.

Оба массива по обѣ стороны пролива были извѣстны у египтянъ подъ общимъ названіемъ Пунта, и это названіе затѣмъ стало примѣняться, мало-по-малу, и къ сосѣднимъ мѣстностямъ; между обоими Пунтами происходили нерѣдкія сношенія въ видѣ переселеній или, по крайней мѣрѣ, въ видѣ военныхъ и торговыхъ экспедицій, чему свидѣтельствомъ является уже родственность населяющихъ ихъ народностей, родственность языка, нравовъ и религіозныхъ культовъ. Очень вѣроятно даже, что первыя культурныя начинанія въ долинѣ низовьевъ Нила должны быть приписаны эмигрантамъ, спустившимся именно съ этихъ горъ. Приспособленіе самой почвы Египта къ существованію обитавшихъ тамъ народностей заставляетъ предполагать долгій періодъ подготовки этихъ народностей, и возможно, что именно предки гиміаритовъ были такими піонерами. Страна Іеменъ считается также родиною тѣхъ рудокоповъ, которые много тысячъ лѣтъ тому назадъ работали въ золотыхъ копяхъ области Софала. Впрочемъ, не выходя изъ предѣловъ исторической науки, должно сказать, что точныя свѣдѣнія, которыя позволили бы установить существованіе непосредственныхъ сношеній «Счастливой Аравіи», съ одной стороны, съ Месопотаміей, съ другой—съ африканскими горными областями, гдѣ лежатъ истоки Голубого Нила, и съ Ну-

Домъ гиміаритской архитектуры въ Джеддѣ.

бійскою пустынею, очень малочисленны. Наиболѣе древній властитель, имя котораго можно привести на основаніи историческихъ памятниковъ Аравіи, — это царь Хаммураби. Нѣкоторыя указанія, найденныя археологомъ Пинтшемъ въ текстахъ клинообразныхъ надписей, позволяютъ предполагать, что царь этотъ, явившійся завоевателемъ и законодателемъ, былъ гиміаритскаго происхожденія [1]). Современникъ эламитскаго царя Кадоръ-Лаомера, Хаммураби завоевалъ Вавилонъ около 4000 лѣтъ тому назадъ и сдѣлалъ его впервые въ историческія времена столицей обширнаго соединеннаго царства. Въ эту отдаленную эпоху, слѣдовательно, народности южной Аравіи, находившейся, быть-можетъ, тогда въ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ теперь, климатическихъ условіяхъ, были достаточно сильны въ политическомъ отношеніи, чтобы вмѣшиваться въ судьбы Месопотаміи вооруженною силою.

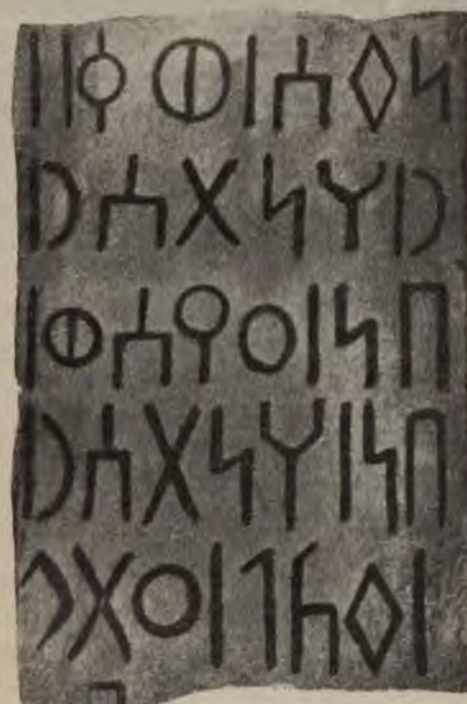
Десять или одиннадцать вѣковъ спустя, преданіе разсказываетъ намъ о гордой царицѣ Сабы, восхитительной Бахисъ, которая посѣтила царя Соломона, привлеченная славою о его мудрости, и «задала ему трудныя загадки» [2]). Послѣднія были рѣшены имъ удивительнѣйшимъ образомъ и къ его собственной великой выгодѣ, такъ какъ, покидая его, царица подарила ему «120 талантовъ золота, огромное множество дорогихъ товаровъ и драгоцѣнныхъ камней». Легендарныя генеалогическія построенія, распространенныя въ Аравіи и въ Абиссиніи, ставятъ многія современныя семьи въ родственныя отношенія къ Соломону и къ царицѣ Сабы, между прочимъ, родственъ съ ними и «царь царей», абиссинскій негусъ.

Населеніе, подчинявшееся повелителямъ, которые царствовали въ городѣ Саба, нерѣдко называлось «сабеянами», и то же самое названіе примѣнялось для обозначенія людей, поклоняющихся свѣтиламъ и въ особенности планетамъ, которымъ приписывалось чрезвычайное вліяніе на судьбы людей и царствъ. Подобный культъ небесныхъ свѣтилъ имѣлъ особенно много шансовъ развиться именно на той высокой обсерваторіи, какую представляютъ собою горы Іемена: съ нихъ каждую ночь можно наблюдать чистѣйшій безоблачный небосклонъ, усѣянный яркими звѣздами и распростертый шатромъ надъ безграничной поверхностью водъ океана и песковъ пустыни. Астрологія сабеянъ, распространявшаяся таинственнымъ образомъ изъ одной торговой колоніи въ другую, отъ оазиса къ оазису и отъ одного народа къ другому, придала этой малоизвѣстной народности «Счастливой Аравіи» въ представленіяхъ другихъ людей нѣкоторый почти священный ореолъ. Всѣ были убѣждены,

1) A. H. Sayce. «Patriarchal Palestine», VII.—2) Книга Царствъ, X, 1—10.

что богатству и превосходству вывозимыхъ товаровъ страны вполнѣ соотвѣтствуетъ и чрезвычайная магическая сила.

Тѣ главы у Геродота, которыя посвящены этой удивительной странѣ ароматовъ, «какъ бы распространяющей отъ себя божественное благоуханіе», являются наиболѣе удивительными главами его «Исторіи» 1) и свидѣтельствуютъ о томъ, что лица, сообщавшія ему объ этой странѣ, обладали богатой фантазіей. Такія выдумки, какъ разсказы о маленькихъ крылатыхъ змѣяхъ, которыя летаютъ тучами вокругъ деревьевъ, дающихъ ладонъ, о хищныхъ летучихъ мышахъ, испускающихъ рѣзкіе крики и защищающихъ плантаціи корицы, объ ужасныхъ птицахъ, уносящихъ падаль и бросающихъ ее въ свои гнѣзда,—всѣ эти курьезныя басни могли родиться лишь въ представленіяхъ моряковъ-фантазеровъ, поощряемыхъ самими условіями своихъ путешествій разсказывать пораженнымъ слушателямъ самыя невѣроятныя чудеса. Эти разсказы породили, въ свой чередъ, цѣлый потокъ сказокъ, общихъ Греціи, Египту, Ассиріи, Ирану и Индіи,—сказокъ, которыя распространялись по всѣмъ направленіямъ на огромномъ пространствѣ между Сахарой и Гоби, между Брамапутрой и Гвадалквивиромъ и, обогащаясь выдумками каждаго передававшаго ихъ разсказчика, превратились, въ концѣ концовъ, подъ перомъ арабскихъ писателей въ замѣчательныя собранія «Сказокъ тысячи и одной ночи», «Javidan Khirad» персовъ и «Pantcha Tantra» индусовъ—книги, которыя имѣли огромное количество читателей 2). Вполнѣ естественно, впрочемъ, что хитрые финикійскіе или греческіе купцы даже старались представить тѣ страны, откуда они добывали свои огромныя богатства, какъ страны чрезвычайно опасныя, куда не слѣдовало никому пускаться за ними самими вслѣдъ.

Могильная надпись гиміаритовъ.

1) Кн. III, 107–113.–2) A. Ular. «Les Mille et Une Nuits».

Нерѣдко приписываютъ упадокъ народностей «Счастливой Аравіи» уменьшенію количества дождей и расширенію области пустыни, послѣдовавшему за этимъ, — безъ сомнѣнія, въ такомъ предположеніи много вѣроятнаго. Въ преданіяхъ перечисляются десятки рѣкъ, которыя изсякли, и множество городовъ, которые съ древнихъ временъ были погребены подъ сыпучими песками. Всѣ такія преданія основываются, повидимому, на реально существовавшихъ фактахъ, но внутреннія причины политическаго и соціальнаго характера совпадали, по всей вѣроятности, съ этою внѣшнею причиною, именно съ усыханіемъ страны, — онѣ ослабляли національную энергію народностей и уменьшали ихъ активную дѣятельность.

Народное воображеніе старается постоянно пріурочить паденіе царствъ къ тому или другому внезапному явленію, къ опредѣленному моменту въ исторіи, тогда какъ въ дѣйствительности такое паденіе является медленнымъ и постепеннымъ. Такимъ образомъ, утверждаютъ обыкновенно, что царство гиміаритовъ погибло внезапно въ эпоху «разрушенія плотинъ» — «Seïl-el-Orim», — находившихся въ верховьяхъ рѣки Мараба или Маріаба приблизительно 1750 лѣтъ тому назадъ; жизнь народности остановилась одновременно съ прекращеніемъ возможности земледѣлія. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ люди, которые построили ранѣе плотины и водовмѣстилища, могли бы, казалось, ихъ и починить и провести заново оросительные каналы; они могли бы снова оживить свои поля и возстановить ихъ, если бы у нихъ не была сломлена первоначальная энергія,—сломлена, безъ сомнѣнія, продолжительнымъ порабощеніемъ. Если народность разсѣялась, не будучи въ состояніи собрать новой жатвы въ странѣ своихъ предковъ, это зависитъ оттого, что продолжительная жизнь въ рабствѣ заставила утратить свойственную ей первоначально моральную силу. Вѣдь, народности, которыя подпадаютъ подъ власть другихъ, принуждены всегда платить явственнымъ ослабленіемъ своимъ за ту кажущуюся силу, которую получаютъ народности, ихъ порабощающія; такъ подготовляются новыя событія и новыя судьбы. и такъ перемѣщаются изъ одного мѣста въ другое очаги цивилизаціи!

Въ предѣлахъ самой Аравіи естественнымъ преемникомъ Іемена долженъ былъ быть, въ качествѣ новаго центра событій міровой исторіи, Геджасъ; колоніи сабеянъ были разсѣяны въ большомъ числѣ по различнымъ частямъ восточнаго побережья Краснаго моря вплоть до Сиріи, до горъ Гаурана. Города, деревушки и отдѣльные покинутые замки, которые приходится встрѣчать къ югу отъ Дамаска почти на всѣхъ возвышенностяхъ и почти во всѣхъ долинахъ, и которые заставили дать этой странѣ названіе «пустыни городовъ», относятся къ эпохѣ

разселенія сабеянъ. Такимъ образомъ, гиміариты были основателями всѣхъ этихъ прекрасныхъ городовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя, правда, рѣдкія, надписи; гиміариты же подъ покровительствомъ римлянъ обосновали въ этихъ мѣстахъ центръ цивилизаціи, оказывавшій широкое вліяніе на далекое разстояніе кругомъ и вплоть до эпохи распространенія магометанства. Путешественникъ Оппенгеймъ свидѣтельствуетъ о томъ, что зданія Гаурана, по внѣшности греко-римской постройки, обладаютъ въ то же время многими чертами построекъ сабеянъ,—особенно это сказывается въ украшеніяхъ. Архитектура, называемая арабской и въ значительной степени обязанная своимъ происхожденіемъ Персіи, стоитъ также во многихъ деталяхъ въ связи съ архитектурнымъ искусствомъ сабеянъ, наблюдаемымъ въ Гауранѣ. Дамаскъ, этотъ крупный сосѣдній городъ, явился культурнымъ центромъ, въ которомъ перемѣшались всѣ эти элементы [1]).

Тѣмъ не менѣе, гиміариты Іемена остались еще въ большомъ количествѣ въ странѣ и удержали тамъ свою древнюю цивилизацію, о которой говорятъ сотни надписей, собранныхъ Галеви, Глазовымъ и другими учеными путешественниками. Есть основаніе думать, что современная архитектура главнаго города Сана, равно какъ и другихъ городовъ Іемена и городовъ арабскаго побережья вплоть до Джедды, сильно напоминаетъ архитектуру древнихъ гиміаритовъ. Дѣйствительно, строенія этой страны совсѣмъ не подходятъ къ современнымъ арабамъ, — законъ Магомета заставляетъ ихъ прятать своихъ женъ отъ нескромныхъ взоровъ чужихъ людей; обиліе оконъ и даже балконовъ не можетъ быть объяснено иначе, какъ существованіемъ въ прежнія времена нравовъ совершенно иныхъ, отличающихся отъ нравовъ теперешнихъ [2]).

Столица Іемена замѣчательна своими высокими домами четыреугольной формы, украшенными съ большимъ разнообразіемъ и съ очень оригинальнымъ вкусомъ. Нижній этажъ, возведенный изъ плитъ базальта, снабженъ лишь одною дверью, съ низкими сводами и стрѣльчатыми арками; надъ нимъ находятся два или три этажа изъ обожженныхъ кирпичей, съ узкими и высокими сводчатыми окнами и рѣзными фигурными украшеніями. Круглыя, расположенныя надъ окнами, отверстія и балконы украшены орнаментами, очень различными по размѣрамъ и стилю,—всѣ эти украшенія, выполненныя рельефно и побѣленныя известью, рѣзко выдѣляются на черномъ или красномъ фонѣ базальта или кир-

1) Max Oppenheim. «Vom Mittelmeer zum Persischen Golf durch den Hauran. die Wüste und Mesopotamien».—2) D. Chamay et A. Deflers. «Excursions au Yémen». Tour du Monde, 11 juin 1898. pp. 281 ss.

пича. Въ настоящее время почти всѣ окна плотно закрыты или замаскированы трельяжемъ,—они ни для чего не служатъ точно такъ же, какъ и балконы. Въ прежнія времена, однако, ими, очевидно, пользовались женщины-сабеянки, которыхъ ничто не заставляло прятаться, какъ мусульманокъ,—онѣ открыто показывались въ этихъ окнахъ и на этихъ балконахъ, чтобы подышать воздухомъ и посмотрѣть на то, что дѣлается на улицѣ.

ЕГИПЕТЪ.

(Хронологія).

Обращая вниманіе на тѣ замѣчанія относительно хронологіи Египта, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, мы приводимъ здѣсь списокъ династій древняго Египта, перечень главнѣйшихъ правителей его и перечень нѣкоторыхъ архитектурныхъ сооруженій и историческихъ событій. Цифры, поставленныя въ скобки, обозначающія продолжительность династій и годы событій, взяты изъ списка Манеѳона; остальныя цифры, обозначающія годы христіанской эры, заимствованы изъ сочиненій Флиндерса Петри и Амелино.

Эпоха до-фараонова періода: 1-ая пирамида въ Саккара (?), сфинксъ (?), храмъ изъ розоваго гранита (?).

1-ая династія (263 года). Фараоны: Менесъ (Мина), Тети, Атети, Ата и др. (отъ 5833 до 5570 г. до Р. Хр.)

2-ая династія (302 года). Фараоны: Бинутеръ, Ноферкерисъ и др. Могила Тототепа въ Саккара (до 5268 г. до Р. Хр.).

Обѣ династіи были тинитскаго происхожденія.

3-ья династія (214 лѣтъ). Фараоны: Сезортъ, Тозертазъ и др. Могилы въ Саккара.

4-ая династія (284 года) Фараоны: Снефру (Сорисъ, Созирисъ), Куфу (Хеопсъ), Кафра (Хефренъ), Менкера, Асескафъ и др. Пирамиды въ Гизе, деревянная статуя Шейкъ-эль-Беледа и др. (до 4770 г. до Р. Хр.) до 4000 г. до Р. Хр.

5-ая династія (248 лѣтъ). Фараоны: Узеркафъ, Унасъ и др. Пирамиды въ Саккара и гробница Ти (до 4522 г. до Р. Хр.) до 3700 г. до Р. Хр.

Эти три династіи происходили изъ Мемфиса.

6-ая династія (205 лѣтъ), возникшая на островѣ Элефантинѣ. Фараоны: Тети, Ати, Пепи I, Меренра, Пепи II, царица Нитокрисъ и др. Изслѣдованія Африки. Обелискъ въ Уни. Окончаніе 3-ей пирамиды въ Гизе. Могилы Зойетъ-эль-Майетинъ.

7-ая и 8-ая династіи (146 лѣтъ), происходившія изъ Мемфиса (до 4171 г. до Р. Хр.).

9-ая династія (409 лѣтъ), происходившая такъ же, какъ и

10-ая династія (185 лѣтъ), изъ Гераклеополиса. Могилы въ Сіутѣ (до 3577 г. до Р. Хр.).

11-ая династія (43 года). Некрополь въ Драхъ-абулъ-Неггахъ (до 3534 г. до Р. Хр.) до 2800 г. до Р. Хр.

12-ая династія (161 годъ). Эпоха Аменемхатовъ (отъ I до IV) и Узертезоновъ (отъ I до III). Борьба съ Нубіей. Обелиски, статуи, храмы, могилы въ Бени-Гассанѣ. Лабиринтъ и озеро Мёриса (до 3378 г. до Р. Хр.) до 2700 г. до Р. Хр.

Обѣ эти династіи ѳиванскаго происхожденія.

13-ая династія (453 года). Фараоны: Себекотепъ, Нофрехотепъ и др. Немногочисленные памятники.

14-ая династія (184 года), возникшая въ городѣ Ксоисъ. Немногочисленные памятники.

15-ая и 16-ая династіи фараоновъ-пастырей, которые царствовали 284 года (15-ой династіи) и 518 лѣтъ (16-ой). Фараоны: Бнонъ, Стаанъ, Апофисъ и др. Сфинксъ въ Танисѣ, бывшемъ ихъ столицей (до 1834 г. до Р. Хр.).

17-ая династія (151 годъ) освободила Египетъ отъ ига гиксовъ.

18-ая династія (263 года). Фараоны: Амесъ I, Аменхотепъ I, Тутмосъ I и II, царица Хачопсетъ, Тутмосъ III, Аменхотепъ II, Тутмосъ IV, Аменхотепъ III и IV (кризисъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ). Хоремхебъ и др. Набѣги на Сирію, на Эѳіопію. Храмъ въ Деиръ-эль-Бахари, обелиски и колонны въ Карнакѣ, колоссъ Мемнона (до 1420 г. до Р. Хр.) до 1450 г. до Р. Хр.

19-ая династія (200 лѣтъ). Фараоны: Рамзесъ I, Сети I, Рамзесъ II, Менепта и др. Соприкосновеніе съ хеттитами. Храмы въ Абидосѣ, Ибсамбулѣ, Рамессеумѣ, обелиски Люксора, могилы въ Бибанъ-эль-Молукѣ до 1250 г. до Р. Хр.

20-ая династія (140 лѣтъ). Рамзесъ III и др. Храмъ въ Мединетъ-Хабу до 1100 г. до Р. Хр.

Династіи отъ 17-ой до 20-ой обыкновенно группируются подъ названіемъ новой ѳиванской имперіи.

21-ая династія (150 лѣтъ), танитская. Фараонъ Пиноджемъ и др. Въ Ѳивахъ властвуютъ великіе жрецы Амона. Тайникъ въ Деиръ-эль-Бахари.

22-ая династія (120 лѣтъ), либійская. Фараоны: Шешонкъ (отъ I до IV), Озорконъ и др. Немногочисленные памятники. Періодъ упадка политической власти до 950 г. до Р. Хр.

23-ья династія (89 лѣтъ), танитскаго происхожденія.

24-ая династія (6 лѣтъ), саитская. Фараоны: Тофнактъ и Бокенранфъ. Борьба съ Нубіей.

25-ая династія (эѳіопская). Фараоны: Шабаку (царица Амениритисъ), Шабатока, Тарака. Неоднократныя пораженія египтянъ ассирійцами съ 715 до 656 г. до Р. Хр.

26-ая династія (саитская). Фараоны: Стефинатъ, Нико I и II, Псаметихъ I и II, Уахибри, Амесъ (Амазисъ), Псаметихъ III. Сношенія съ греками. Путешествіе вокругъ Африки по морю. Многочисленныя могилы. Это такъ называемый періодъ саитскаго возрожденія въ египетской исторіи. Возстановленіе древнихъ памятниковъ до 525 г. до Р. Хр.

27-ая династія (персидская). Камбизъ, Дарій, Ксерксъ и др. до 405 г. до Р. Хр.

28-ая, 29-ая и 30-ая династіи послѣднихъ египетскихъ фараоновъ, происходившихъ изъ городовъ Саисъ, Мендесъ и Себеннитесъ. Храмы въ Ѳилахъ и возстановленіе памятниковъ. Фараонъ Наклетнебефъ (Нектанебо) побѣжденъ персами до 340 г. до Р. Хр.

31-ая династія (персидская). Дарій III, побѣжденный Александромъ Великимъ до 332 г. до Р. Хр.

32-ая династія (македонская). Основаніе Александріи до 305 г. до Р. Хр.

33-ья династія. Эра Птоломеевъ (отъ I до X), Клеопатра. Сношенія съ римлянами. Храмы въ Дендерахъ и Эдфу относятся къ этой эпохѣ, равно какъ и многія реставраціи древнихъ памятниковъ.

Въ 723 г., съ основанія Рима, Египетъ становится римской провинціей въ 30 г. до Р. Хр.

ЕГИПЕТЪ

Изъ рѣчныхъ наносовъ возникали растенія, и хлѣбныя колосья превращались въ человѣческія существа.

Глава шестая.

ДОЛИНА НИЛА.—КЛИМАТЪ.—ДО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.— ФЛОРА И ФАУНА. — ПЕРВЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ВРЕМЕНА. — ВТОРЖЕНІЕ ЧУЖДЫХЪ ПЛЕМЕНЪ.—РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ВОДЫ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.— ДЕСПОТИЗМЪ.—БОЖЕСТВА.—ЖРЕЦЫ.—ФАРАОНЫ.—СМЕРТЬ И БЕЗСМЕРТІЕ.—ПИРАМИДЫ.—АРХИТЕКТУРА.—НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. — ЛИТЕРАТУРА. — ЕГИПТЯНЕ И ЧУЖЕЗЕМЦЫ.

Великая африканская рѣка соотвѣтствуетъ вполнѣ азіатскимъ близнецамъ — Тигру и Евфрату. На ея берегахъ точно также возникла цивилизація, во многихъ отношеніяхъ сходная съ цивилизаціей Месопотаміи и одинаковымъ образомъ теряющаяся во мракѣ вѣковъ, предшествовавшихъ историческому періоду. Параллелизмъ обѣихъ культуръ обнаруживается чрезвычайно замѣтнымъ образомъ въ перспективѣ вѣ-

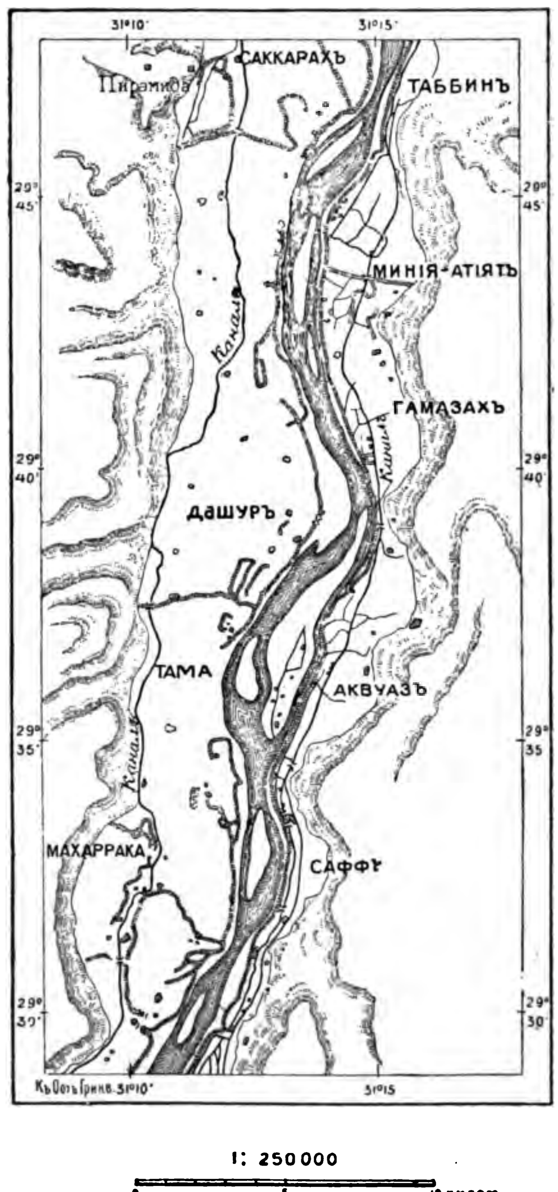
ковъ, въ теченіе которыхъ вплоть до нашего времени передавались по наслѣдству сокровища знанія; стоитъ лишь упомянуть объ обитателяхъ Месопотаміи, и невольно придутъ на память египтяне; говоря о твореніяхъ однихъ, нельзя не вспомнить и о созданіяхъ рукъ другихъ! Впрочемъ, надо сказать, что они и дѣйствительно были связаны между собою однимъ общимъ великимъ эволюціоннымъ движеніемъ и не переставали взаимно дѣйствовать другъ на друга,—иногда взаимное вліяніе ихъ было непосредственно, иногда же они дѣйствовали чрезъ посредство народностей, обитавшихъ между обѣими мѣстностями. Въ соціальномъ развитіи обѣихъ этническихъ группъ мы находимъ многочисленныя аналогіи, но въ то же время эта эволюція представляетъ и чрезвычайно рѣзкіе контрасты, проистекающіе изъ различій въ условіяхъ внѣшней географической среды.

Прежде всего въ разнообразныхъ передвиженіяхъ народовъ въ предѣлахъ Месопотаміи замѣчается гораздо бóльшее разнообразіе, чѣмъ въ Египтѣ, такъ какъ и сама природа въ области бассейна обѣихъ рѣкъ несравненно болѣе разнообразна. Пространство, заключающееся между обѣими рѣками, Тигромъ и Евфратомъ, очень обширно, достигаетъ въ ширину 100—150 километровъ, и оросительные каналы, пересѣкающіе его во всѣхъ направленіяхъ, превращаютъ эту страну въ море зелени, полей и плантацій. Къ востоку отъ Тигра равнина, во многихъ мѣстахъ культивированная, продолжается внутрь горной страны и вдается въ горы, обильныя плодородными горными долинами; эти послѣднія являются естественными подходами, облегчающими подъемъ на плоскогоріе Ирана. Къ западу отъ Евфрата прилегаетъ, правда, пустыня, соприкасающаяся мѣстами съ берегами рѣки, но къ сѣверу она, мало-помалу, измѣняется въ степь, покрытую травою. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ Месопотамія находилась въ постоянномъ, прямомъ соприкосновеніи съ сосѣдними народностями, которыя имѣли возможность вліять на измѣненіе ея историческаго развитія. Нилъ, наоборотъ, представляетъ собою лишь одинъ потокъ, пробѣгающій въ узкой долинѣ, которая ограничена утесами и скалистыми склонами горъ и по существу является полосою неширокою, по сравненію съ пространствомъ, занимаемымъ всѣмъ бассейномъ рѣки: съ одного склона до другого культурная полоса имѣетъ ширину всего лишь отъ 5 до 25 километровъ; существуетъ даже тѣснина между Ѳивами и Ассуамомъ, шириною лишь въ 1200 метровъ,— это ущелье совершенно прерываетъ долину рѣки.

Исторія Нильской долины вполнѣ соотвѣтствуетъ географическимъ ея условіямъ. Населеніе, состоящее изъ земледѣльцевъ, сжалось все въ длинномъ и узкомъ желобѣ, выполненномъ наносами рѣки и ограниченномъ съ обѣихъ сторонъ склонами горъ; въ то же время песчаныя и каменистыя пространства, съ той и съ другой стороны ограничивающія

долину Нила, либо совершенно лишены населенія, либо заняты лишь малочисленными группами кочующихъ племенъ, которыя настолько слабы, что никогда не могли оказывать сколько-нибудь серьезнаго вліянія на политическую и соціальную эволюцію народностей, обитавшихъ въ долинѣ. Всѣ великія перемѣны, происходившія въ исторической эволюціи египетскаго народа, распространялись постоянно по продольной оси долины Нила, либо съ юга на сѣверъ, въ томъ направленіи, какъ течетъ рѣка, либо противъ ея теченія—съ сѣвера на югъ. Иначе не могло и быть, — всѣ переселенія народовъ и всѣ ихъ завоевательныя предпріятія должны были происходить въ одномъ изъ этихъ направленій и должны были начинаться отъ тѣхъ или другихъ широко открытыхъ воротъ, какими являлась, съ одной стороны, дельта Нила съ расходящимися вѣеромъ рукавами рѣки, съ другой—область верхняго теченія Нила съ ея густою сѣтью притоковъ, берущихъ начало въ горныхъ массивахъ Абиссиніи или въ обширныхъ равнинахъ центральной части африканскаго континента. Спрашивается, которое изъ этихъ движеній, распространявшихся вдоль по долинѣ нижняго Нила, преобладало и оказывало наиболѣе важное влія-

№ 128. Долина Нила выше Мемфиса.

ніе на судьбы населенія, концентрировавшагося въ долинѣ Нила. Вопросъ этотъ не рѣшила еще пока археологія; во всякомъ случаѣ, движеніе, распространявшееся съ сѣвера, болѣе извѣстно намъ, такъ какъ народы, сообщившіе намъ историческія свѣдѣнія, семиты и греки, обитали къ сѣверу отъ Египта и описывали намъ историческія событія такъ, какъ они видѣли ихъ съ своего наблюдательнаго поста.

Отъ первыхъ пороговъ и до развѣтвленія рукавовъ дельты долина Нила, вполнѣ совпадающая здѣсь съ границами Египта, являетъ намъ характеръ замѣчательной географической цѣлостности; отъ верхней части до низовьевъ всѣ черты природы этой долины вполнѣ сходны, и обитатели ея, находясь въ средѣ съ одинаковыми условіями, вели и совершенно одинаковый образъ жизни. Въ силу этого, въ теченіе всего извѣстнаго намъ историческаго періода политическій режимъ былъ почти все время одинаковымъ какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ Египтѣ; въ то же время большое несоотвѣтствіе въ размѣрахъ, именно, несоотвѣтствіе между длиной долины, достигающей 1000 километровъ, и ея незначительной шириной, имѣло въ результатѣ образованіе многочисленныхъ мелкихъ группъ, слѣдующихъ одна за другой отъ верховьевъ до низовьевъ, вокругъ главнаго торговаго пути.

До возникновенія единаго египетскаго царства нормальной формой политическаго устройства населенія долины Нила долженъ былъ быть рядъ автономныхъ и федеративно между собою соединенныхъ общинъ,— не мало отзвуковъ этого прежняго порядка вещей встрѣчается въ египетскихъ лѣтописяхъ, и можно думать, что дѣленіе территоріи Египта во времена Птоломеевъ на «номы» соотвѣтствуетъ почти въ точности прежнему раздѣленію на общины. Централизація власти повела къ объединенію этихъ номовъ, сперва въ два государства, затѣмъ, позднѣе — въ одно. Преданія и религія напоминаютъ намъ о промежуточной стадіи, пережитой Египтомъ, — именно неоднократно упоминается наименованіе «оба Египта», названіе это примѣнялось ко всей долинѣ Нила ниже первыхъ пороговъ, различался сѣверный Египетъ и южный Египетъ или Нижній Египетъ и Верхній Египетъ. Страны эти явственно различались и, какъ говорятъ, раздѣлялись прямою линіею, проведенною между двумя горами и проходившею чрезъ пограничную пирамиду или пограничный храмъ. Даже небеса, разстилавшіяся надъ этими странами, были различны: надъ одной изъ нихъ царилъ богъ Хоръ, надъ другой—богъ Сетъ [1]); подобно самому Египту оба эти божества являлись въ дѣйствительности однимъ совершенно тожественнымъ существомъ и въ то же время находились въ вѣчной борьбѣ между собою.

---

1) Read; Maspero, «Histoire ancienne des Peuples de l'Orient classique», p. 41.

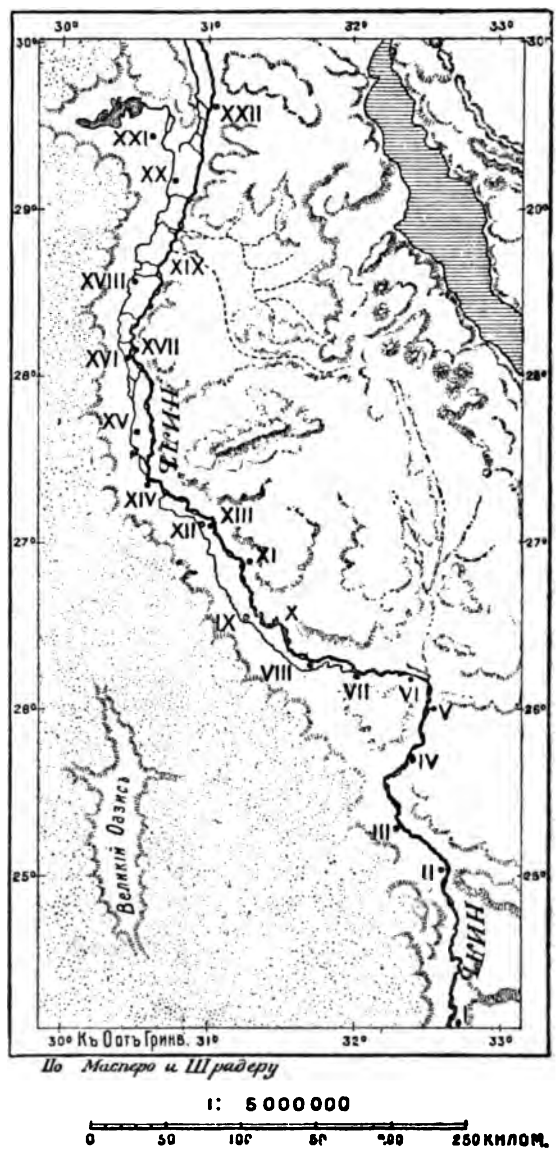
Естественные центры обоихъ Египтовъ обозначились, перемѣстившись нѣсколько вправо и влѣво, въ мѣстахъ, заранѣе предначертанныхъ

№ 129. «Номы» Верхняго Египта.

Номы и ихъ главные города.

I. Ступень Нубіи. *Абу*. Элефантина.
II. Подножіе Хора. *Зобу*. Аполлинополисъ Великій (Эдфу).
III. Два Пера. *Сни*. Латополисъ (Эснэ)
IV. Скипетръ. *Апиту*. Ѳивы.
V. Два Ястреба. *Кубти*. Коптъ (Куфтъ).
VI. Аитъ-ти. *Тенторирить*. Тентирисъ (Дендера).
VII. Замокъ Систра. *Хаить*. Діосполисъ Малый (Ху).
VIII. Рака Озириса. *Тини*. Тинисъ (Гирге).
IX. Зеленая Змѣя (?). *Зобуи*. Афродитополисъ (Идфу).
X. Святилище. *Апу*. Панополисъ Великій.
XI. Гора Змѣя. Ду-Кау. Антеополисъ (Кау-эль-кебиръ).
XII. Перебинтъ Нижній. *Сіотъ*. Ликополисъ Великій (Сіутъ).
XIII. Животное Тифона. *Шасъ - Хопту*. Гипселисъ.
XIV. Теребинтъ Верхній. *Кузитъ*. Кузы (эль-Кузіе).
XV. Заяцъ. *Хмуну*. Гермополисъ Великій(Акмунеинъ).
XVI. Газель. *Хибону*. Нибисъ (Миніэ).
XVII. Шакалъ. *Каиса*. Кинополисъ (эль-Каисъ).
XVIII. Извитой Скипетръ. *Пимазитъ*. Оксиринхъ (Банэза).
XIX. Летающій Ястребъ. *Хабону*. Хиппононъ (эль-Хибе).
XX. Розовый Лавръ Верхній. *Хининсутонъ*. Гераклеополисъ Великій(Анасъ).
XXI. Розовый Лавръ Нижній. *Сменухоръ* (Эшментъ).
XXII. Кинжалъ. *Пиебтепаэ*. Афродитополисъ Великій(Атфіэ).

Названія, напечатанныя курсивомъ, — египетскія, простымъ шрифтомъ—греческія, въ скобкахъ—арабскія.

направленіемъ историческихъ путей и ихъ легкою доступностью. Вершина дельты Нила была однимъ такимъ естественнымъ центромъ Ниж-

няго Египта; что же касается Верхняго Египта, то удобное мѣсто нашлось на излучинѣ Нила, направленной къ востоку, въ небольшомъ разстояніи отъ Краснаго моря. Изъ обоихъ этихъ центровъ наиболѣе продолжительное значеніе долженъ былъ получить тотъ, который располагался недалеко отъ впаденія рукавовъ Нила въ море,—онъ господствуетъ въ то же время и надъ историческимъ путемъ, идущимъ съ запада на востокъ, къ Суэцкому перешейку, и развѣтвляющимся далѣе на двѣ вѣтви, изъ коихъ одна направляется къ Аравіи, другая—къ Сиріи и Месопотаміи. Въ этомъ важномъ пунктѣ скрещенія обоихъ путей постоянно возникалъ подъ тѣмъ или другимъ наименованіемъ значительный городъ, попадавшій нерѣдко въ руки завоевателей и подвергавшійся разрушенію. Близкое сосѣдство моря, внезапное расширеніе областей, заключенныхъ между рукавами Нила, обезпечивали этому городу, расположенному вблизи мѣста расхожденія рукавовъ Нила, полное господство, независимо отъ того, назывался ли онъ Мемфисомъ или Каиромъ. Здѣсь была родина настоящаго Египта, и отсюда же взялось и самое названіе страны—Gypti, Aigyptos—происходитъ отъ одного изъ второстепенныхъ названій Мемфиса—Ки-Пта [1]), т.-е. «обитель Пта», бога солнца. Здѣсь, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой части долины Нила, должны были встрѣчаться, сталкиваться, налегать одна на другую и взаимно оплодотворяться двѣ основныя цивилизаціи—одна южнаго происхожденія, другая происхожденія сумерійскаго; первая изъ нихъ дала технику изготовленія оружія и одомашненіе животныхъ, вторая принесла съ собою технику обработки металловъ и культуру злаковъ [2]).

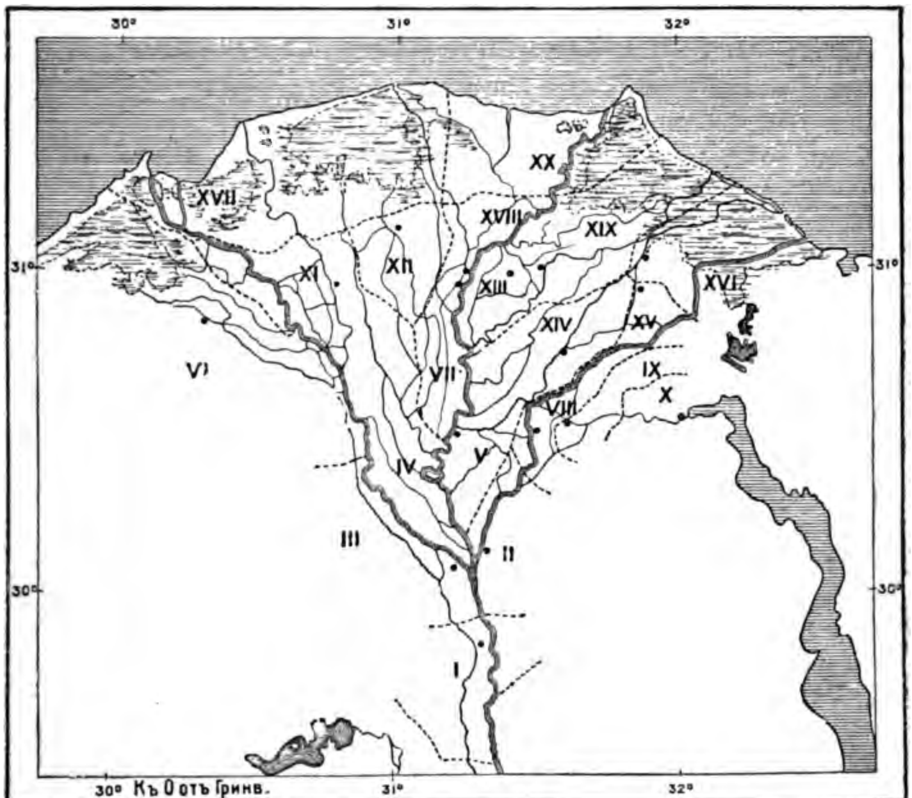
Въ зависимости отъ того, которая изъ столицъ обоихъ Египтовъ, въ силу происходящихъ внутреннихъ переворотовъ, получала власть, и политика и вся цивилизація принимали то или иное направленіе. Столица Верхняго Египта, затерявшаяся далеко внутри страны, представляла собою постоянно міръ болѣе замкнутый, болѣе угнетенный и находящійся во власти жрецовъ,—ея господство соотвѣтствовало обыкновенно періоду матеріальнаго или моральнаго регресса; сѣверная столица, находившаяся въ гораздо болѣе свободномъ общеніи со всѣмъ остальнымъ міромъ, напротивъ, увлекала за собою всю страну и вела ее къ прогрессу.

Сами обитатели, сознавая, что страна ихъ образуетъ одно географическое цѣлое, полагали нерѣдко, что границы всего міра находятся недалеко отъ естественныхъ предѣловъ той впадины, по которой струится величавый потокъ Нила. Съ одной стороны, печальная сѣрая полоса пустынь образовывала непроходимую грань, и воображенію рисовалась

1) Brugsch. «Histoire d'Égypte» pp. 5, 6.—2) G. Schweinfurth. «De l'Origine des Égyptiens». Bulletin de la Société khédiviale de Géographie. 2-e série № 12.

въ этомъ направленіи никѣмъ не видѣнная гора Ману, символизировавшая крайній пунктъ запада; съ другой стороны, гора Бàку, за ка-

№ 130. «Номы» Нижняго Египта.

По Масперо и Шрадеру

2 500 000

0 25 50 100 150 килом.

Номы и главные города ихъ.

I.	Бѣлая Стѣна	Мемфисъ.	XI.	Мишень Сѣверная	Сайюсъ.
II.	Князь	Геліополисъ.	XII.	Дикій Быкъ	Ксоисъ.
III.	Бедро Быка	Летополисъ.	XIII.	Ибисъ	*Баху*.
IV.	Мишень Южная	—	XIV.	Спеленатый Быкъ	Фарбётосъ.
V.	Черная Корова	Атрибисъ.	XV.	Наслѣдникъ, Нижн. номъ	*Амитъ*.
VI.	Западный номъ	Гарисъ.	XVI.	Восточная Ступень	Танисъ.
VII.	Властитель	Бусирисъ.	XVII.	Острога Западная	—
VIII.	Наслѣдникъ, Верхн. номъ	Бубастисъ.	XVIII.	Богъ-Телецъ	Себеннитосъ.
IX.	Коронованный Ястребъ	*Писапти*.	XIX.	Солнце	Мендесъ.
X.	Острога Восточная	Герополисъ.	XX.	Самхудитъ	—

Названія, набранныя курсивомъ,—египетскія, обыкновеннымъ шрифтомъ—греческія.

ковую принимаютъ самую высокую изъ вершинъ, господствующихъ надъ входомъ въ Суэцкій заливъ, именно современную гору Джебель-Гарибъ

(высота 1885 или 3050 метровъ [1]), на берегу Краснаго моря, считалась границею по направленію къ востоку. Къ сѣверу болотистыя пространства дельты, на югѣ первые нильскіе пороги намѣчали остальныя границы міра. Въ этихъ предѣлахъ, столь незначительныхъ по сравненію съ общею массою континента, египтяне занимали лишь узкую полоску земли; будучи отдѣлены отъ всѣхъ чужеземныхъ народностей непреодолимыми стѣнами скалъ и непроходимыми песчаными пустынями, они развивали свою цивилизацію совершенно изолированно, «какъ бы въ замкнутомъ сосудѣ» [2]).

Впрочемъ, не должно забывать, что было время, когда Египетъ не представлялъ собою такой узкой полоски наносной земли, заключенной между двумя пустынями. Нѣкоторыя указанія заставляютъ думать, что первые представители человѣческаго рода, проникшіе въ долину Нила, нашли здѣсь склоны скалъ, покрытые если не сплошною зеленью, то, во всякомъ случаѣ, достаточнымъ количествомъ травы, могущей служить въ пищу скоту; климатъ въ тѣ времена былъ не похожимъ на нынѣшній,—дожди были обильнѣе, и домашній скотъ могъ избирать то пастбище, которое ему болѣе нравилось. Въ одной изъ долинъ, расположенной на сѣверо-востокъ отъ Каира, въ арабской пустынѣ, Швейнфуртъ открылъ слѣды огромной плотины, которая въ настоящее время не имѣла бы никакого смысла, такъ какъ ливни, орошающіе эту долину, сжатую между стѣнами скалъ, представляютъ теперь слишкомъ рѣдкое явленіе [3]). Древнія надписи говорятъ также и объ огромныхъ стадахъ, которыя паслись въ тѣхъ областяхъ, гдѣ человѣкъ не нашелъ бы теперь ни травинки. Сколько памятниковъ, испещренныхъ скульптурными изображеніями, поднимается въ настоящее время въ совершенной пустынѣ, тогда какъ, несомнѣнно, вѣрующіе воздвигли ихъ среди населенныхъ пространствъ,—памятники эти должны были служить предметомъ изумленія и поклоненія огромнаго количества прохожихъ [4]).

Флиндерсъ Петри, Гриффисъ, Бланкенгорнъ, Фраасъ и др. не сомнѣваются въ томъ, что въ теченіе періода существованія человѣческаго рода не произошло никакихъ измѣненій въ количествѣ выпадающихъ дождей. Бреднелль и Швейнфуртъ, являющіеся также хорошими знатоками Египта, оспариваютъ это послѣднее мнѣніе [5]). Впрочемъ, каковы бы ни были взгляды отдѣльныхъ изслѣдователей на этотъ вопросъ, ясно, что относительно климата древняго Египта нельзя составить себѣ правильнаго представленія путемъ наблюденій, произведенныхъ лишь въ

1) G. Schweinfurth. Esploratore, 1878.—Послѣдняя цифра взята изъ послѣдняго изданія карты Ланнуа де Биссй (1898). - 2) G. Maspero. «Histoire ancienne des Peuples de l'Orient classique», p. 45. 3) «Ein altes Stauwerk aus der Pyramidenzeit». Extr. d'Illustrierte Deutsche Monatshefte, 1895.—4) Oscar Fraas. «Aus dem Orient», p. 215. 5) «La Terra Incognita de l'Égitto», p. 13. E. dell'Esploratcre, 1898.

Сфинксъ въ Гизе.

„Цивилизація фараона Менеса является отнюдь не началомъ, а апогеемъ эволюціи; ей должны были предшествовать долгіе вѣка попытокъ и медленнаго прогресса. Великій сфинксъ, находящійся близъ него подземный храмъ и пирамиды Саккара предшествовали, безъ сомнѣнія, времени Менеса". Эмиль Гвмэ.

Принимая хронологію Манеөона, надо считать сфинкса въ Гизе относящимся ко времени, отдаленному на 8000 лѣтъ отъ нашего.

сѣверной Африкѣ. Тотъ періодъ, когда появились первые зачатки общественности въ Халдеѣ и въ Египтѣ,—періодъ, отдаленный отъ нашего времени на 10000 лѣтъ, переноситъ насъ въ эпоху, когда, по мнѣнію многихъ геологовъ, часть Европы находилась еще подъ ледниковымъ покровомъ. Безъ сомнѣнія, въ будущемъ болѣе точныя свѣдѣнія о ледниковыхъ періодахъ и о вліяніи ихъ на физическія свойства земного шара освѣтятъ намъ и вопросъ о климатѣ Египта въ до-историческій періодъ. Вѣдь предполагаетъ же Дрисмансъ [1]), что послѣдовательныя оледенѣнія Европы послужили тѣмъ толчкомъ, который сдѣлалъ изъ животнаго человѣка!

Но, спрашивается, что же было до того времени, когда египтяне, использовавъ всѣ богатства Нильской долины, сдѣлались вполнѣ рѣзко очерченною народностью, выдѣляющеюся среди всѣхъ народностей, которыя описываетъ намъ исторія. Каковы были тогда судьбы страны, какими

1) H. Driesmans. «Rasse und Milieu», p. 29.

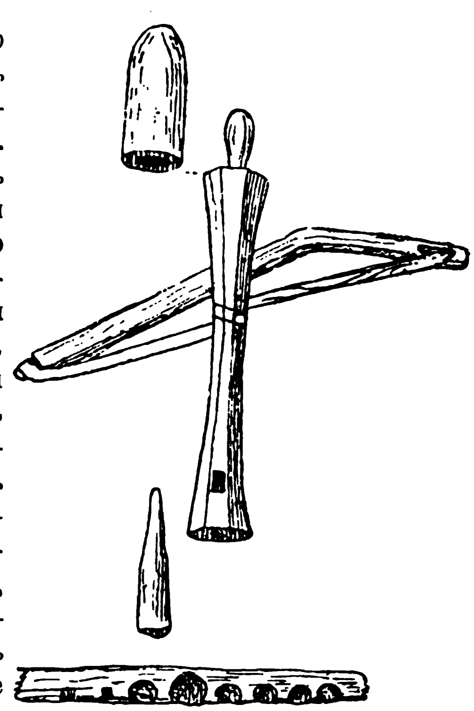
представителями рода человѣческаго была она населена, откуда появились ея первые колонисты, и каковъ былъ ихъ образъ жизни? На всѣ эти вопросы невозможно еще пока найти отвѣта, хотя кое-какія смутныя предположенія и позволяютъ высказывать нѣкоторыя вполнѣ допустимыя гипотезы и даже позволяютъ установить нѣкоторые существенные факты относительно до-исторической жизни въ странѣ.

Такъ, извѣстно, между прочимъ, въ настоящее время, что Египетъ, подобно Европѣ, пережилъ каменный періодъ. До послѣдняго времени ученые, подавленные огромнымъ количествомъ, разнообразіемъ и величіемъ архитектурныхъ памятниковъ, оставленныхъ египтянами съ начала историческихъ временъ, не обращали особаго вниманія на ничтожные остатки тѣхъ вѣковъ, которые предшествовали періодамъ, описаннымъ въ лѣтописяхъ. Лишь въ 1869 г. Анселинъ [1]) сдѣлалъ свое первое сообщеніе о первобытной техникѣ людей каменнаго вѣка въ Египтѣ. Работа эта заинтересовала археологовъ, но открытіе каменныхъ топоровъ, ножей, наконечниковъ стрѣлъ и другихъ предметовъ, аналогичныхъ тѣмъ, которые были оставлены въ Западной Европѣ нашими предками со временъ эолитическаго, палеолитическаго и неолитическаго періода, оставались долгое время фактами изолированными, не связанными съ извѣстнымъ намъ историческимъ развитіемъ народностей, населявшихъ Египетъ. Находки эти получили реальное значеніе лишь послѣ раскопокъ, произведенныхъ во множествѣ въ самыхъ древнихъ гробницахъ, въ которыхъ орудія неолитическаго періода оказались перемѣшанными съ каменными сосудами и съ предметами, вырѣзанными изъ слоновой кости,—это дало новую точку отправленія для выводовъ ученыхъ, занимающихся бытомъ до-историческаго человѣка, равно какъ и для археологовъ.

Кремневыя орудія не вышли еще, слѣдовательно, изъ употребленія во времена фараоновъ и примѣнялись лишь при началѣ развитія уже очень высокой цивилизаціи; однако, эпоха, въ теченіе которой употребленіе камня и кости преобладало, предшествовала въ значительной степени первымъ династіямъ египетскихъ царей. Насколько намъ извѣстно въ настоящее время, древнѣйшими каменными орудіями, примѣнявшимися въ Египтѣ, были тѣ, которыя были открыты недавно Швейнфуртомъ на террасѣ Курна, въ мѣстности, гдѣ 20 лѣтъ тому назадъ, въ 1882 г., Питтъ Риверсъ указывалъ уже присутствіе обдѣланныхъ кремневыхъ орудій; орудія эти относятся къ началу четвертичной эпохи. На нижней террасѣ находятся эолитическія орудія вмѣстѣ съ орудіями палеолитическими, тогда какъ на самомъ плато и въ долинѣ слѣды существованія человѣка—кремневыя орудія, кухонные остатки

1) Adrien Ancelin. «La question préhistorique».

и т. п.— относятся къ болѣе позднимъ временамъ [1]). Мѣстности, гдѣ выдѣлывались орудія, бóльшею частью неолитическія, разсѣяны къ западу отъ Нила, въ Нагадѣ, Абидосѣ и въ другихъ областяхъ Средняго Египта, по границамъ пустыни и даже въ мѣстностяхъ теперь совершенно необитаемыхъ. Оазисы Ливійской пустыни содержатъ также огромное количество шлифованныхъ камней. Что касается восточной пустыни, находящейся между Ниломъ и Суэцкимъ заливомъ, то въ ней найдено лишь немного залежей древнихъ кремневыхъ орудій, и онѣ расположены по сосѣдству съ рѣкой [2]).

Аппаратъ для добыванія огня, найденный въ Египтѣ Флиндерсомъ Петри.

Въ могилахъ древностью въ 6000 — 7000 лѣтъ и болѣе были найдены не только чрезвычайно изящно отшлифованныя кремневыя орудія, но также и предметы изъ слоновой и простой кости, изъ мѣди и золота, различныя статуэтки и фигурки, равно какъ сосуды изъ черной глины съ отпечатками. Изображенія животныхъ на сосудахъ отличаются поразительною точностью воспроизведенія, и мастера, дѣлавшіе ихъ, умѣли приготовлять разноцвѣтную глину и умѣли лакировать ее лучше, чѣмъ въ позднѣйшіе вѣка. Безъ сомнѣнія, эти первые художники, обитавшіе въ Египтѣ, являлись членами народностей совершенно иного происхожденія, чѣмъ народности, обитавшія во время историческаго періода.

Пустыни Нубіи къ востоку отъ Нила, въ особенности область Этбаи, по которой протекаютъ рѣки Абабде и Бихаринъ, содержали, повидимому, въ до-историческую эпоху, подобно странамъ, лежащимъ на западъ отъ рѣки, также важный центръ цивилизаціи. Тамъ не находится обыкновенно обломковъ кремня или они находятся чрезвычайно рѣдко, но зато тамъ, повидимому, обрабатывали различныя каменныя породы, свойственныя самой странѣ, въ особенности одинъ изъ видовъ стеатита

1) Rutot, note manuscrite. — 2) G. Schweinfurth. «De l'Origine des Egyptiens». Bull. de la Société khédiviale de Géographie. 4-e série, № 12.

или такъ называемый горшечный камень, отличающійся огнеупорностью; изъ него приготовляли различныя кухонныя принадлежности, тарелки, горшки и котелки. Для предметовъ болѣе цѣнныхъ примѣнялся также особый родъ метаморфизованнаго серпентина, отличавшагося большою твердостью, и сосуды, сдѣланные преимущественно изъ этого камня, находятся вмѣстѣ съ древними кремневыми орудіями въ гробницахъ древнѣйшихъ фараоновъ. Начиная со временъ до-историческихъ, промышленность Абабде и Бихарина не измѣнилась, и они изготовляютъ и до сихъ поръ тѣмъ же самымъ способомъ свою кухонную посуду!

Швейнфуртъ высказываетъ гипотезу, что обитатели восточной Нубіи, совершенно выродившіеся въ настоящее время, принимали большое участіе въ образованіи населенія долины Нила въ ту эпоху, когда по своимъ неправильнымъ разливамъ, по присутствію болотистыхъ береговъ и по растительности на берегахъ, низовья рѣки походили на Голубой Нилъ Сенара, между горами Абиссиніи и Хартумомъ. Нижній Египетъ представлялъ собою тогда не что иное, какъ обширное, болотистое пространство, и теченіе рѣки между первыми порогами и дельтой, остававшееся въ своемъ естественномъ видѣ, состояло изъ лабиринта протоковъ, постоянно мѣняющихъ свое направленіе и относительное свое значеніе въ зависимости отъ силы подъема воды и отъ продолжительности засухи; огромныя заросли папируса и другихъ водныхъ растеній возникали быстро на илистомъ днѣ рѣки, задерживая теченіе или направляя потокъ по другому руслу, тогда какъ на нѣсколько болѣе укрѣпленной почвѣ островковъ и побережій возникали и цѣлые лѣса, образовывавшіе непроходимую чащу, въ которой прятались дикіе звѣри. Въ подобной мѣстности не можетъ возникнуть цивилизованная нація, и элементы ея должны были образоваться внѣ подобныхъ условій, посреди пространствъ, которыя легко проходимы, и на которыхъ люди легче могутъ передвигаться и легче группируются въ значительныя массы. Пустынныя пространства востока, несмотря на то, что на значительномъ своемъ протяженіи они совершенно безплодны, предоставляли все же подобную возможность передвиженія и соединенія, и можно предполагать, что именно на нихъ и подготовлялись предварительно тѣ событія, которыя затѣмъ повлекли за собой пріобрѣтеніе долиною Нила столь важной роли въ исторіи.

Въ настоящее время полный контрастъ, представляемый плодородными, покрытыми селеніями, пространствами береговъ Нила и восточныхъ пустынь, которыя песчаны, каменисты и усѣяны виднѣющимися кое-гдѣ шатрами, дѣлаетъ гипотезу Швейнфурта, на первый взглядъ, несостоятельной; нельзя, однако, сомнѣваться въ томъ, что Нилъ, подобно другимъ историческимъ рѣкамъ, представлялъ собою вначалѣ рѣку очень опасную, обильную лихорадками, міазмами, микробами и тучами

комаровъ, рѣку, къ которой приближались лишь особенно отважные люди; въ этомъ отношеніи Нилъ долженъ былъ являться тѣмъ же, чѣмъ являются и до сихъ поръ великія рѣки тропической Америки, какъ

№ 131. Восточная пустыня.

рѣки Атрато, Магдалена и Амазонка. [illegible]
[illegible] приведенныя въ [illegible] по [illegible]
быть-можетъ, и что [illegible]

[illegible]

которыя приходилось переносить первымъ колонистамъ, устроившимся на берегахъ Нила!

Пустыня съ твердою, безплодною почвою, хотя и со здоровымъ воздухомъ, не могла, подобно болотистымъ побережьямъ Нила, дать землепашцу обильной жатвы, не могла вернуть ему посѣвъ въ 10, 20 разъ; зато люди оставались въ пустынѣ сильными и здоровыми, храбрыми и непреклонными. «Народности не рождаются на мягкой илистой почвѣ» [1]), хотя миѳъ новѣйшаго происхожденія и говоритъ о появленіи первыхъ людей изъ глины. Зато закаленный піонеръ-новаторъ, не боящійся работы въ мягкомъ илѣ, создаетъ новыя условія, которыя позволяютъ всему обществу подняться и стать на ноги. Эти первыя стадіи развитія общества оставались, однако, въ неизвѣстности, и потому вполнѣ было естественно, что постоянное присутствіе на плодородныхъ земляхъ береговъ Нила земледѣльческихъ народностей породило, подобно другимъ подобнымъ же историческимъ фактамъ, особое преданіе, которое и замѣнило собою всѣ предшествовавшія.

Такимъ образомъ, мы можемъ утверждать вмѣстѣ со Швейнфуртомъ, что до того еще, какъ династіи фараоновъ получили возможность собрать въ своихъ зернохранилищахъ колоссальные запасы зерна, тѣ бродячія народности, которыя странствовали со своими шатрами по пустыннымъ пространствамъ между Ниломъ и Краснымъ моремъ, должны были играть чрезвычайно важную роль настоящихъ піонеровъ человѣчества. Является, однако, вопросъ, - должно ли считать такими иниціаторами работъ, предшествовавшихъ цивилизаціи, кочевниковъ восточной пустыни, или же эта честь должна быть приписана переселенцамъ, пришедшимъ изъ «Счастливой Аравіи»?

И, дѣйствительно, области Нубіи, и въ особенности та часть территоріи, которая прилегаетъ съ сѣвера къ основанію массива Эѳіопіи, имѣютъ огромное историческое значеніе какъ промежуточныя станціи. Гиміариты или другіе эмигранты изъ Іемена, бывшаго однимъ изъ наиболѣе древнихъ очаговъ цивилизаціи, должны были пересѣкать эту страну во время своего движенія на западъ. Перейдя проливъ или самое море, усѣянное островками на сѣверѣ, эти переселенцы бывали принуждены либо подняться на ступени горнаго плато Эѳіопіи,—и, безъ сомнѣнія, многія группы племенъ, мирныхъ или воинственныхъ, послѣдовали по этому направленію,—либо слѣдовать берегу моря на сѣверъ до тѣхъ широкихъ прорывовъ въ горахъ и до тѣхъ естественныхъ путей, которые охраняются въ настоящее время портовымъ городомъ Суакимомъ; направляясь оттуда къ западу, они достигали самымъ кратчайшимъ путемъ береговъ Нила у Бербера или большой извилины рѣки, занятой

---

1) G. Schweinfurth, op. cit., p. 11.

Оросительный каналъ и могила эпохи арабскаго владычества.

городомъ Абу-Хамедомъ,—эти два мѣста играли важную роль какъ во время историческаго періода, такъ и въ до-историческій періодъ и являются столь же древними, какъ сама цивилизація. Направляясь къ рѣчной долинѣ или, по крайней мѣрѣ, къ сосѣднимъ съ ней областямъ, эмигранты—большею частью кочевыя пастушескія племена—слѣдовали естественной притягательной силѣ, каковою обладали въ ихъ глазахъ прекрасныя пастбища, орошаемыя періодически водами Нила во время половодья, и заросли лѣса, гдѣ кишѣли звѣри, составлявшіе предметъ охоты. Вслѣдъ за такими посѣтителями, пастухами и охотниками,

стали отъ-времени-до-времени появляться болѣе прочно устраивавшіеся земледѣльцы, и такимъ образомъ, мало-по-малу, развилась изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ египетская народность, — народность, которая, благодаря оригинальности природы страны, получила затѣмъ столь выдающуюся роль и значеніе среди другихъ племенъ древности.

Сколько вѣковъ, быть-можетъ, даже сколько сотъ и тысячъ вѣковъ, протекло до того времени, когда сложилась окончательно эта новая народность, опредѣлившаяся окружающей средой и получившая постоянный характеръ! Сколько было здѣсь трудовъ и усилій, нерѣдко безплодныхъ, прежде чѣмъ люди приспособились къ воздѣлыванію неровной, рыхлой, прорѣзанной ручьями и болотами почвы, которую они раздѣлили на поля и участки, стремясь совмѣстить двѣ задачи, стоящія въ кажущемся противорѣчіи одна съ другою,—защитить постройки отъ разливовъ и направить воды рѣки на орошеніе плантацій. Одно изъ преданій, символизирующихъ борьбу первобытныхъ египтянъ съ непокорною рѣкою, разсказываетъ намъ, что Менесъ, предполагаемый основатель египетскаго царства, построившій плотины и прорывшій каналы, былъ за свои труды растерзанъ и съѣденъ крокодиломъ. Дѣйствительно, постепенное завоеваніе береговъ рѣки, борьба съ нею и приспособленія ея водъ къ нуждамъ земледѣлія были трудными задачами, и много поколѣній людей погибло, прежде чѣмъ удалось добиться благопріятныхъ результатовъ.

Къ ближайшимъ сосѣдямъ народностей, обитавшихъ въ долинѣ Нижняго Нила, примѣшивались, безъ сомнѣнія, уже въ самыя древнія времена представители разнообразныхъ племенъ, обитавшихъ въ предѣлахъ бассейна рѣки, въ томъ числѣ примѣшивались и негры, которые являлись сюда либо свободными гражданами, либо привезенными въ страну рабами. Точно также и представители различныхъ народностей, обитавшихъ по побережью Средиземнаго моря и занимавшихся судоходствомъ, высаживались нерѣдко на побережьѣ и основывали на немъ свои колоніи; однѣ изъ этихъ колоній сохраняли долгое время свою обособленную индивидуальность, другія—вскорѣ исчезали, растворяясь въ массѣ мѣстнаго населенія. Уже на основаніи историческихъ документовъ намъ извѣстно, что такія колоніи дѣйствительно возникали; точно также свидѣтельствуетъ исторія и о переселеніяхъ, совершавшихся со стороны азіатскаго континента,—переселеніяхъ, при которыхъ въ Египетъ вторгались семиты, родственные по происхожденію, или же арійцы и даже монголы. Между этими народностями, проникавшими въ древній Египетъ, имѣются и такія, которыя, по свидѣтельству ученыхъ, рѣзко отличались по типу и происхожденію отъ египетской народности, какъ она сложилась въ теченіе вѣковъ.

Нарисованныя красками изображенія, которыя были описаны Шампольономъ [1]), но исчезли съ того времени, доказываютъ, что египтяне раздѣляли человѣческій родъ, поскольку онъ былъ имъ извѣстенъ, на расы. Въ гробницѣ Менепта, въ Бибанъ-этъ-Молукѣ, можно было лѣтъ 80 тому назадъ различить среди нарисованныхъ изображеній красныхъ египтянъ, какъ «людей по преимуществу», желтыхъ азіатовъ, черныхъ негровъ и, наконецъ, даже европейцевъ—людей бѣлыхъ, «съ прямымъ, слегка выгнутымъ носомъ, голубыми глазами, съ бѣлокурой или рыжей бородой, съ высокой и стройной таліей, одѣтыхъ въ бычьи шкуры, съ сохранившеюся еще шерстью,—однимъ словомъ, настоящихъ дикарей, тѣло которыхъ къ тому же было татуировано». Муміи фараоновъ представляютъ собою этническіе типы, сильно между собою различающіеся. По Міеру [2]), скелетъ фараона Хеннекта заставляетъ предполагать его негритянское происхожденіе; Тутмосъ III, наоборотъ, могъ бы быть принятъ за европейца.

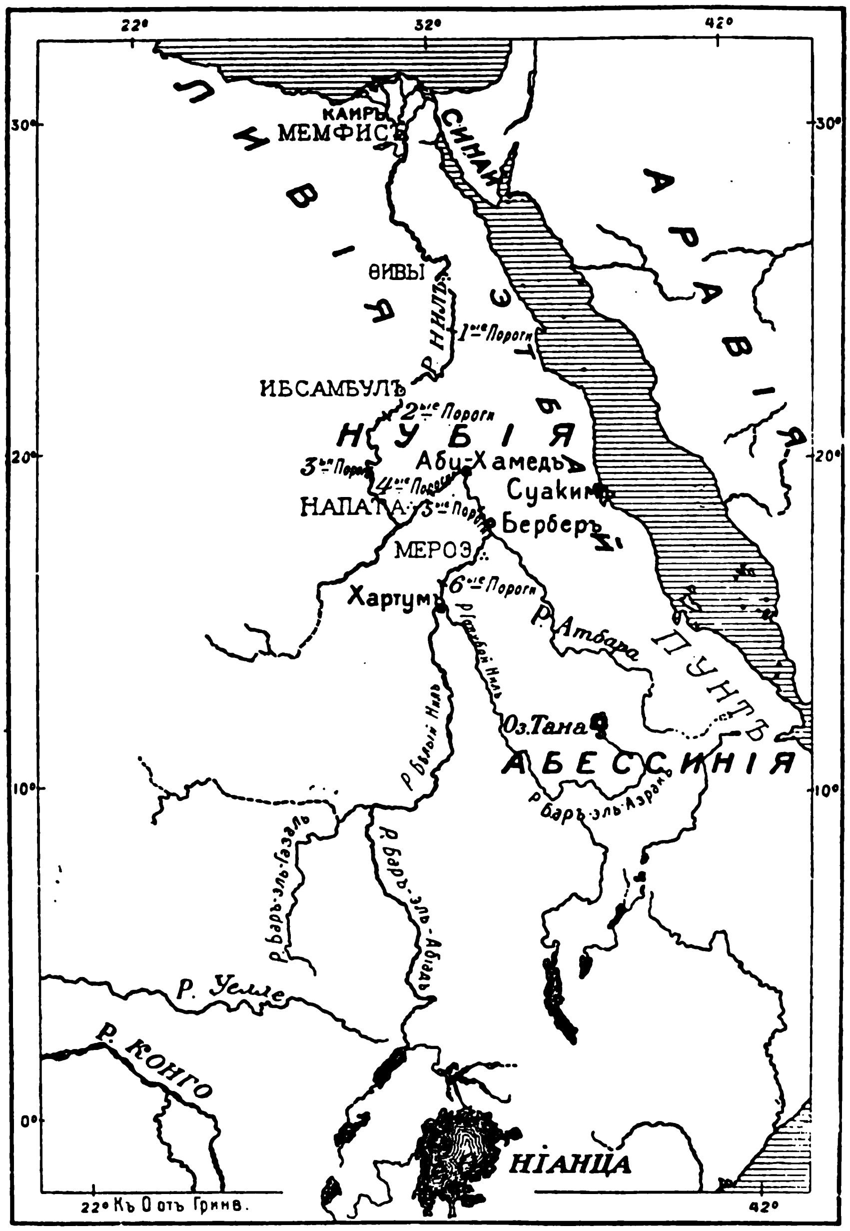
Типъ египтянки.

Въ 50 километрахъ къ сѣверу отъ Ѳивъ, на берегахъ высохшаго русла Нила, археологъ Флиндерсъ Петри открылъ остатки мѣстопребыванія палеолитическихъ людей, жившихъ, по всей вѣроятности, во времена между 7-ой и 9-ой династіями, т.-е. почти 5000 лѣтъ тому назадъ. Эти первобытные обитатели были, повидимому, довольно широко распространены въ этой части Египта, такъ какъ стрѣлы ихъ и другіе инструменты находятся на далекомъ разстояніи одни отъ другихъ, къ сѣверу и къ югу отъ главнаго лагеря. У нихъ не наблюдалось прогнатизма, носъ былъ горбатый, борода длинная и острая, съ волнистыми волосами, почему надо думать, что они, во всякомъ случаѣ, не принадлежали къ негритянской расѣ. Возможно, что у нихъ практиковалось ре-

1) Champollion.« Lettres écrites d'Égypte et de Nubie», цитир. по Piétrement. Société d'Anthropologie, 6, XII, 1883.—2) Man, oct. 1901.

лигіозное людоѣдство, такъ какъ иначе невозможно объяснить, почему

№ 132. Область египетскаго вліянія.

1 : 25 000 000

0 200 400 800 1200 Килом.

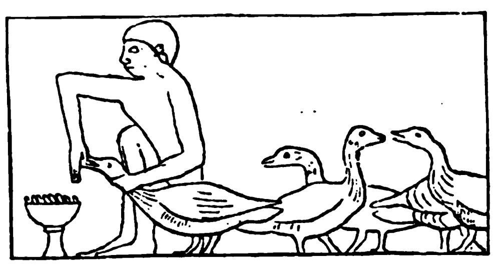
у всѣхъ труповъ, найденныхъ при раскопкахъ, отсутствуютъ руки и

№ 133. Рельефъ бассейна Нила.

головы. Иногда тѣла разрѣзывались на нѣсколько частей, и въ одномъ мѣстѣ помѣщались ребра, въ другомъ—позвонки [1]). Несмотря на свои кровожадные обряды, эти неизвѣстные обитатели обладали, повидимому, достаточно высокою ступенью матеріальной культуры, какъ о томъ можно судить по ихъ умѣнью приготовлять сосуды и ваять изъ камня различныя, правда, грубыя изображенія; они не были, однако, знакомы съ письменностью. Спрашивается, откуда они пришли? Швейнфуртъ склоненъ видѣть въ нихъ хамитовъ юго-востока, которые были естественными посредниками между Египтомъ и юго-западной Аравіей, тогда какъ Петри ставитъ вопросъ, не являются ли они ливійцами, пришедшими съ запада. Ихъ способъ погребенія говоритъ за послѣднее предположеніе, такъ какъ трупы ихъ располагались постоянно съ согнутыми колѣнами и съ лицомъ, обращеннымъ къ западу. Едва ли можно, однако, изъ этого единственнаго факта выводить заключеніе въ пользу климатической теоріи,—именно, въ пользу того, что оазисы запада были нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ болѣе обширны, пустыни—менѣе безплодны и легче проходимы, наконецъ, климатъ былъ менѣе жаркій и болѣе благопріятный для жизни населенія [2])!

Происхожденіе культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ бросаетъ нѣкоторый лучъ на тѣ первоначальныя вліянія, которымъ подвергалась египетская народность. Такъ, извѣстно, что продавцы восточныхъ ароматическихъ веществъ и другихъ драгоцѣнныхъ растительныхъ продуктовъ юго-западной Аравіи привезли съ собою также деревья, изъ коихъ нѣкоторыя приняли въ представленіяхъ мѣстныхъ жителей священное значеніе; къ такимъ деревьямъ относится сикомора (Ficus sycomorus), съ широкими, темными вѣтвями, склоняющимися надъ водами Нила, таково «дерево Персея» греческихъ авторовъ (Mimusops Schimperi), которое упоминается въ надписяхъ, относящихся къ 4-ой династіи, и которое не встрѣчается болѣе на берегахъ Нила, въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, но находится еще и до сихъ поръ въ Іеменѣ, гдѣ его настоящая родина [3]). Тѣмъ же самымъ путемъ, чрезъ Атбару

Откармливаніе гусей, по египетскому барельефу.

1) Edinburgh Royal Society. – 2) Oscar Fraas. «Aus dem Orient». — 3) G. Schweinfurth. «De l'Origine des Égyptiens». Bulletin de la Société khédiviale de Géographie.

и среднее теченіе Нила, получили египтяне, по всей вѣроятности, и одно изъ своихъ главнѣйшихъ богатствъ и лучшаго помощника въ земледѣльческихъ работахъ. Предполагается, именно, что домашній оселъ происходитъ отъ дикаго осла Нубіи, а не отъ онагра сирійскихъ пустынь и Персіи. У этого осла (Equus taeniopus Heuglin) на ногахъ поперечныя полосы, онъ водится въ дикомъ состояніи въ скалистыхъ горахъ Этбаи, сдѣлался спутникомъ человѣка въ его путешествіяхъ чрезъ пустыни и сталъ играть огромную роль среди домашнихъ животныхъ Египта. Что касается лошадей съ сильно вздутымъ лбомъ, отъ которыхъ произошли берберійскія лошади, то Піетреманъ приписываетъ ихъ введеніе въ Египетъ туранскимъ завоевателямъ, которые привели лошадей съ востока чрезъ Суэцкій перешеекъ [1]).

Священный ибисъ.

На основаніи зоологическихъ и ботаническихъ изслѣдованій установлено, что Азія и Африка обѣ принимали значительное участіе въ историческомъ развитіи Египта. Безъ сомнѣнія, первыя животныя, жившія въ сообществѣ съ обитателями побережій Нила, — собака, кошка, газель, гуси и утки, журавли, аисты, горлицы, — были африканскаго происхожденія, но въ то же время уже съ самыхъ первыхъ временъ можно замѣтить на египетскихъ памятникахъ изображенія быка, этого несомнѣннаго выходца изъ Азіи. Быки, изображенные на одномъ барельефѣ въ Гизе, замѣчательны большими размѣрами своихъ роговъ, изогнутыхъ въ видѣ лиры, высотою холки и покатостью линіи спины, которая круто спускается отъ передняго конца тѣла къ хвосту,—они, безъ сомнѣнія, азіатскаго происхожденія, и ошибочное предположеніе о

1) Revue d'Ethnographie, t. III, 1884, pp. 369—388.

томъ, что въ Египтѣ существовали двѣ породы быковъ, проистекаетъ отъ того, что археологи считали быковъ съ короткими и быковъ съ длинными рогами за два различныхъ вида [1]). Бараны и козы, ввезенные въ Египетъ въ самые древніе періоды египетской цивилизаціи, также азіатскаго происхожденія и появились здѣсь позднѣе быка, но до введенія лошади. Въ теченіе относительно недавняго историческаго періода попалъ на берега Нила верблюдъ, и теперь онъ составляетъ необходимый элементъ египетскаго ландшафта. Куры являются также современнымъ пріобрѣтеніемъ, по сравненію съ гусями и утками. Такимъ образомъ, Египетъ обогащался постепенно всѣми этими главнѣйшими пріобрѣтеніями въ области домашнихъ животныхъ; что же касается растеній, то, повидимому, въ Египтѣ съ самаго начала имѣлись почти всѣ хлѣбные злаки, которые упоминаются древними авторами.

Самые древніе памятники, завѣщанные намъ обитателями побережій Нила, имѣютъ возрастъ примѣрно въ 70 вѣковъ; они относятся, однако, къ эпохѣ, когда цивилизація была уже столь замѣчательно развита и во многихъ отношеніяхъ, характеризовалась такими сложными учрежденіями, что приходится допустить существованіе продолжительнаго періода развитія культуры, въ теченіе длиннаго ряда предшествовавшихъ вѣковъ [2]). Ростъ народности совершается, вообще говоря, очень медленно, подобно росту могучаго дуба, пускающаго въ землю глубоко и на большое разстояніе въ окружности свои корни. Позади періодовъ, о которыхъ сохранились преданія, должно предполагать цѣлыя тысячелѣтія совершенно неизвѣстной намъ первобытной исторіи. Впрочемъ, въ противоположность мнѣнію нѣкоторыхъ спеціалистовъ, которые считаютъ какъ бы незыблемымъ символомъ вѣры болѣе раннее существованіе египетской цивилизаціи, по сравненію съ цивилизаціями другихъ странъ, нѣтъ возможности въ настоящее время говорить отдѣльно о древности народовъ долины Нила и Месопотаміи. Халдейское вліяніе было однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ развитія египетской народности въ первыя ея времена, а что касается древности цивилизаціи Месопотаміи, то Оппертъ едва ли ошибался, относя первое появленіе цивилизованныхъ общинъ на берегахъ Евфрата къ эпохѣ, отдаленной на 10—11 тысячелѣтій отъ начала христіанской эры.

Впрочемъ, нѣкоторые хронологи, говоря о незапамятной древности народностей на берегахъ Нила, сокращаютъ значительно продолжительность существованія египетской монархіи, установленную лѣтописями

1) Piétrement. «Les Chevaux dans les Temps préhistoriques et historiques». Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris. 1896, pp. 657 et ss.—2) G. Maspéro. «Histoire ancienne des Peuples de l'Orient classique», p. 44.

Обмолачиваніе хлѣба.

жрецовъ и изложенную въ донесеніи великаго жреца Геліополиса Манеѳона, составленномъ для его властителя Птоломея Филадельфа. Отчасти это сокращеніе продолжительности исторіи Египта объясняется неспособностью охватить мыслью длинный рядъ вѣковъ историческаго развитія при отсутствіи какихъ бы то ни было деталей. Кромѣ того, однако, надо замѣтить, что нѣкоторые писатели старались подчинить хронологію языческаго народа таковой народа священнаго, именно евреевъ. Они хотѣли, во что бы то ни стало, втиснуть исторію Египта въ тѣ три или четыре тысячелѣтія, которыя прошли, по толкованію комментаторовъ еврейскихъ священныхъ книгъ, со времени отъ всемірнаго потопа до рожденія Мессіи; но если при такихъ условіяхъ историкъ-христіанинъ считаетъ возможнымъ допустить правильность списка египетскихъ царей, то ему остается лишь признать, что египетскій народъ поднялся до такой степени цивилизаціи, при которой возможно было возникновеніе его замѣчательныхъ архитектурныхъ памятниковъ, въ теченіе 5 или 6 столѣтій [1]).

1) L. J. Morié. «Histoire de l'Ethiopie», I, pp. 50, 51.

Таковы были, между прочимъ, основанія гипотезы, по которой Манеѳонъ будто бы представилъ царствующими одна за другою тѣ династіи, которыя на самомъ дѣлѣ царствовали одновременно, лишь въ различныхъ частяхъ Египта; впрочемъ, ничто не оправдываетъ такого предположенія, которое, по Бругшу, сократило бы продолжительность династій, перечисленныхъ въ таблицахъ Манеѳона, на 500 лѣтъ, а по Лепсіусу на 14 столѣтій. Списокъ династій, принадлежащій этому великому жрецу, совпадаетъ со спискомъ, приводимымъ Эратосѳеномъ, и съ нѣкоторыми іероглифическими надписями, напримѣръ, съ надписями на развалинахъ храма въ Абидосѣ. Впрочемъ, существуютъ архитектурные памятники, на которыхъ одинъ и тотъ же фараонъ упоминается въ различныхъ странахъ, такъ что можно себѣ представить, что современныя династіи существовали независимо одна отъ другой [1]). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Манеѳонъ неоднократно ошибался, но ошибки его далеко не всѣ въ одномъ направленіи. Если считать логичнымъ допущеніе, что 17-ая династія, бывшая первой династіей новой Ѳиванской имперіи, существовала одновременно съ послѣдними фараонами-пастырями, которыхъ она побѣдила, то, съ другой стороны, не подлежитъ также сомнѣнію, что для 7-ой и для 11-ой династій приписываемая имъ обычно продолжительность (70 дней и 43 года) недостаточна: сохранившіеся памятники открыли намъ существованіе 22 царей этой послѣдней династіи, между ними девять Энтефовъ и шесть Ментахотеповъ, въ то время, какъ Манеѳонъ зналъ лишь о существованіи шестнадцати. Такимъ образомъ, вполнѣ можно придавать историческое значеніе той послѣдовательности царствующихъ особъ, какая перечисляется Манеѳономъ за періодъ въ 50 или 60 вѣковъ, или, говоря точнѣе, начиная съ 5833 года до Р. Хр. [2]).

Какъ ни продолжителенъ этотъ періодъ, по сравненію съ продолжительностью жизни рода человѣческаго по даннымъ Библіи, онъ, очевидно, играетъ очень небольшую роль въ эволюціи народа, который достигъ чрезвычайно высокой ступени цивилизаціи и до того времени, безъ сомнѣнія, жилъ очень долго подъ властью жрецовъ, претерпѣвая медленное развитіе, иногда останавливавшееся или даже возвращавшееся вспять. Лѣтописи египтянъ допускаютъ также, что до появленія царственныхъ династій люди провели многія тысячелѣтія подъ властью героевъ и боговъ. Одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ документовъ, такъ называемый «Туринскій» папирусъ, по имени библіотеки, гдѣ онъ сохранился, раздѣляетъ исторію древнѣйшаго Египта на три періода, охватывающіе болѣе десяти тысячелѣтій и олицетворявшіе, безъ сомнѣнія, въ представленіяхъ

1) Ernest Renan. «Mélanges d'Histoire et de Voyages», pp. 32 ss. 2) G. Rodier. «Antiquité des Races humaines», p. 11.

Пирамиды въ Гизе.

египетскихъ лѣтописцевъ время владычества первоначальныхъ силъ, земныхъ и небесныхъ. Первыми царствовали 7 великихъ боговъ, представленныхъ семью главными небесными свѣтилами, затѣмъ появились 12 боговъ, стоявшихъ во главѣ 12 мѣсяцевъ, и 30 полубоговъ, соотвѣтствовавшихъ 30 днямъ въ мѣсяцѣ; владычество этихъ первичныхъ силъ регулировалось движеніемъ свѣтилъ небесныхъ, что можетъ служить доказательствомъ знанія египетскими учеными движенія солнца въ плоскости эклиптики. И если тѣ періоды, которые являются продолженіемъ историческихъ эпохъ, записанныхъ въ ихъ лѣтописяхъ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительной исторіи страны, элементы которой оставались имъ неизвѣстны, зато, во всякомъ случаѣ, ими излагается довольно правильно настоящая исторія небесъ!

Немного времени спустя послѣ окончанія первобытнаго періода исторіи, о которомъ упоминаетъ въ своей лѣтописи Манеѳонъ, сообщающій, что Менесъ основалъ первую династію близъ развѣтвленія дельты Нила, въ Мемфисѣ, царская власть фараоновъ оказалась уже сильно укрѣпившеюся и настолько прочно обосновавшеюся на всеобщемъ порабощеніи, что властители Египта были уже въ состояніи возводить для своего прославленія величественныя пирамиды. Эти колоссальныя произведенія строительнаго искусства доказываютъ, что вліяніе вавилонянъ при дворѣ египетскихъ царей и въ храмахъ египетскихъ боговъ

было еще очень значительно, — первыя пирамиды построены не изъ твердаго камня, какъ то было бы естественно ожидать въ мѣстности, представляющей собою узкую долину, окруженную съ обѣихъ сторонъ скалами. Онѣ сложены изъ обожженныхъ кирпичей совершенно такъ же, какъ ступенчатыя башни Месопотаміи, гдѣ сама природа почвы требовала примѣненія именно такихъ матеріаловъ. Вавилонское происхожденіе пирамидъ трудно оспаривать, впрочемъ, еще и потому, что наиболѣе древняя форма египетскихъ пирамидъ, форма, сохранившаяся въ Саккарѣ, это настоящій ступенчатый храмъ, совершенно подобный храмамъ-обсерваторіямъ Халдеи [1]).

Также и другія указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что сумерійцы, пришедшіе изъ Месопотаміи, жили на берегахъ Нила 70 или 80 вѣковъ тому назадъ и оказывали значительное вліяніе на населеніе Египта; по мнѣнію Гоммеля, именно они научили египтянъ обрабатывать металлы и заниматься культурой злаковъ. Значительный процентъ египетскихъ словъ древняго періода имѣетъ корни сумерійско-аккадійскіе и въ обѣихъ странахъ генеалогія древнѣйшихъ божествъ является тожественной, даже имена ихъ совпадаютъ. Позднѣе клинообразная письменность ассирійцевъ проникла и въ храмы-библіотеки Египта, какъ о томъ свидѣтельствуютъ глиняныя таблички, найденныя въ Тель-эль-Амарна близъ Миніэ; въ эту эпоху дворы властителей на берегахъ Тигра и на берегахъ Нила обмѣнивались совершенно регулярно письмами,—для царей, по крайней мѣрѣ, почта уже существовала.

Какъ ни велико было вавилонское вліяніе на цивилизацію Египта и на развитіе науки въ этой странѣ, обитатели береговъ Нила сохраняли все же въ значительной степени свою самобытность. Такъ, дѣленіе на число частей кратное 6, принятое въ Халдеѣ, имѣвшее огромное значеніе въ халдейской наукѣ и сохранившееся и до сихъ поръ, напримѣръ, въ дѣленіи окружности на градусы, не было перенято египетскими землемѣрами и счетчиками и не вошло у нихъ въ употребленіе. Такъ называемый «Лондонскій» папирусъ, древность котораго около 38 вѣковъ, равно какъ и счетная таблица, найденная въ Гизэ и изслѣдованная Бругшемъ, который считаетъ ее еще болѣе древней, указываютъ на другой множитель, примѣнявшійся при математическихъ дѣйствіяхъ, именно, на число 320, кратное двумъ и пяти, но не дѣлящееся на 3 [2]).

Какого бы происхожденія ни было египетское царство, оно всегда старалось оградить себя отъ вторженій со стороны азіатскихъ народностей,—въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Горькими озерами долгое время

1) Fr. Hommel.—R. Von Ihering. «Les Indo-Européens avant l'Histoire», trad. O. de Meulenaere, p. 113.—2) «Aus dem Morgenlande, Die älteste Rechenkunst», p. 35. ss.

существовала огромная каменная стѣна, которую построилъ фараонъ Снефру, основатель 4-ой династіи, для того, чтобы защитить Египетъ отъ вторженія бедуиновъ-разбойниковъ [1]). Тѣмъ не менѣе, такія вторженія происходили нерѣдко; по Флиндерсу Петри, въ эпоху третьей или въ началѣ четвертой династіи изъ Азіи вторглась въ Египетъ черезъ

№ 134. Дельта Нила.

По Петерманну

1: 2500000

0 50 100 150 Килом.

Сравненіе этой карты съ № 130 (на стр. 135) показываетъ, что за 2000 лѣтъ произошли значительныя измѣненія береговъ и рукавовъ Нила.

перешеекъ какая-то народность, которая покорила первоначальныхъ жителей долины Нила еще за 25 вѣковъ до переворота, поставившаго египтянъ на многія сотни лѣтъ подъ власть чужеземцевъ.

Вторженіе гиксовъ, которыхъ считаютъ состоявшими, главнымъ образомъ, изъ арабскихъ пастушескихъ племенъ, возстановило семитическое вліяніе, но въ новой формѣ и совершенно отличной отъ той,

1) Wiedmann. «Die Urzeit Ægyptens und seine älteste Bevölkerung».

какую имѣла халдейская цивилизація. Впрочемъ, въ этомъ вторженіи восточныхъ завоевателей принимали участіе, повидимому, очень различные элементы, и думаютъ даже, что «скифы», т.-е. монголы, проникли въ область Египта и приняли участіе въ образованіи населенія долины Нила. Изображенія «царей гиксовъ», найденныя въ развалинахъ Санъ, древняго Таниса, имѣютъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи, совершенно семитическій обликъ, и въ частности Маріеттъ считаетъ ихъ относящимися къ семитамъ; впрочемъ, онъ приписываетъ также и современному населенію, обитающему по берегамъ озера Мензале, семитическую внѣшность,—однако, болѣе внимательныя изслѣдованія Піетремана показали, что въ различныхъ чертахъ характера ихъ обнаруживаются явственно монгольскія особенности [1]).

Какъ бы то ни было, вліяніе Азіи на Африку было настолько сильно даже послѣ изгнанія гиксовъ въ эпоху Рамессидовъ, что писатели этого времени старались въ своихъ произведеніяхъ замѣнять чисто-египетскія выраженія словами и оборотами языковъ Передней Азіи. Всѣ придворные льстецы прилагали усилія къ тому, чтобы подражать въ своей рѣчи оборотамъ и выраженіямъ высшихъ сановниковъ-семитовъ [2]),—совершенно такъ же, какъ 3000 лѣтъ спустя при французскомъ дворѣ придворные мѣшали свою рѣчь съ итальянскимъ жаргономъ, чтобы нравиться Кончини и другимъ авантюристамъ итальянскаго происхожденія! Какъ-разъ въ ту эпоху, когда въ Египтѣ сказывалось господство арабовъ, династія завоевателей «хананеянъ», принадлежащая, по всей вѣроятности, къ той же группѣ вторгшихся народностей, получила господство въ Вавилоніи и ввела тамъ свой религіозный культъ [3]).

Чужестранцы проникали въ Египетъ также и со стороны моря. Кромѣ гиміаритовъ, цѣлыя поколѣнія которыхъ распространялись одно за другимъ чрезъ Эѳіопію, здѣсь происходили и другія переселенія различныхъ народностей, пересѣкавшихъ Красное море морскимъ путемъ, которымъ уже часто пользовались,—именно, по пути, соединяющему портъ Коссеиръ съ тою частью Нила, которая образуетъ большую дугу его. Въ исторіи упоминаются также колоніи обитателей побережій Средиземнаго моря, возникавшія въ дельтѣ Нила. Неизвѣстно, являлись ли эти переселенцы со стороны береговъ Киренеи, или же со стороны Сициліи, Италіи, Сардиніи или Крита. Во всякомъ случаѣ, ихъ исходнымъ пунктомъ была Малая Азія. Въ египетскихъ надписяхъ упоминаются мореплаватели кафти, владычествовавшіе на островахъ Средиземнаго моря и торговавшіе предметами искусства, сходными съ тѣми, которые были открыты Шлиманомъ при раскопкахъ Микенъ. Это были, безъ

---

1) Revue d'Ethnographie, t. III, 1884, pp. 369—385.—2) Brugsch. «Aus dem Morgenlande», p. 61.—3) Hugo Winkler. «Die Völker Vorderasiens», pp. 12, 13.

всякаго сомнѣнiя, азiаты, но отнюдь не финикiяне, влiянiе которыхъ сказывалось позднѣе, — быть-можетъ, исходнымъ пунктомъ ихъ была Киликiя [1]). Несомнѣнно, чужеземные купцы основывали въ долинѣ Нила богатыя общины, такъ какъ египтяне, которые изгнали ихъ изъ своей страны тридцать одинъ вѣкъ тому назадъ, отняли отъ нихъ въ качествѣ военной добычи большiя количества золота и серебра, холоднаго оружiя, панцырей и драгоцѣнныхъ сосудовъ [2]). Между пересленцами, попавшими въ Египетъ, было также много тысячъ, быть-можетъ, даже сотенъ тысячъ людей, попавшихъ не по своей доброй волѣ,—несчастныхъ рабовъ, черныхъ, бѣлыхъ и желтыхъ, собранныхъ со всѣхъ странъ свѣта и позднѣе смѣшавшихся въ самой различной пропорцiи съ коренныхъ населенiемъ.

Когда установилось равновѣсiе между различными расами, принявшими участiе въ образованiи египетскаго народа, этотъ послѣднiй состоялъ, главнымъ образомъ, изъ людей бронзоваго цвѣта кожи,—они на-

№ 135. Городъ Эдфу и ущелье Цѣпей.

1) Max Müller. «Asien und Europa nach altägyptischen Denkmälern».—
2) Flinders Petrie Contemporary Review, may 1897.

зывали себя «красными» и выдѣлялись рѣзко изъ чернокожаго населенія, обитавшаго въ верховьяхъ рѣки. Въ началѣ историческаго періода граница, раздѣлявшая эти двѣ этническія группы, пересѣкала долину Нила ниже ущелья Цѣпей. Именно здѣсь, гдѣ находится храмъ Тэба, сдѣлавшійся позднѣе городомъ Аполлинополисомъ Великимъ и современнымъ городомъ Эдфу, здѣсь, и отнюдь не выше по направленію къ первымъ порогамъ, какъ это нерѣдко указывается, находилась рѣзкая граница между «красными» и «черными», между Египтомъ и страною Нуба или иначе страною Барбардусъ [1]).

Вполнѣ естественно, что нація, составленная по самому происхожденію своему изъ элементовъ столь разнородныхъ, получила свой особый отпечатокъ, благодаря внѣшнему вліянію среды Египта: величественный потокъ, несущій свои воды мимо береговъ, регулировалъ жизнь прибрежныхъ обитателей, отражался на ихъ религіи и нравахъ, обусловливалъ самое ихъ существованіе. Геродотъ говоритъ, что Египетъ былъ «подаркомъ Нила», и египтяне были произведеніями той же рѣки. Изъ плодородныхъ наносовъ ея возникали растенія, и хлѣбные колосья превращались въ человѣческія существа.

Рѣка Нилъ отличается чрезвычайно характерными чертами, дѣлающими изъ нея вполнѣ особую индивидуальность, чрезвычайно сильно различающуюся отъ всѣхъ другихъ великихъ рѣкъ міра. Прежде всего уже Нилъ направляется почти прямолинейно съ юга на сѣверъ по меридіану, и множество племенъ, живущихъ по его берегамъ и незнакомыхъ съ величественнымъ мірозданіемъ, могли оставаться при томъ убѣжденіи, что вся земля дѣлится рѣкою на двѣ равныя части, что сама рѣка представляетъ собою миѳическую змѣю, завернувшуюся вокругъ земного шара и вонзившую зубы въ свой хвостъ [2]). Другая замѣчательная особенность рѣки заключается въ томъ, что она развѣтвлена лишь въ верхней половинѣ своего бассейна. У Хартума сливаются два огромные потока, образующіе Нилъ—«Бѣлый Нилъ», питаемый озерами центральной Африки, и «Голубой Нилъ», берущій начало въ озерѣ Тана и получающій воды съ высокихъ склоновъ горъ Эѳіопіи. Именно въ этой-то послѣдней области и прекращается въ теченіе части года выпаденіе атмосферическихъ осадковъ, благодаря чему теченіе Нила ослабѣваетъ. По всей вѣроятности, однако, глубоко залегающіе источники, выходящіе изъ боковыхъ горъ, поддерживаютъ все же бѣднѣющій водою потокъ на огромномъ протяженіи рѣки. Въ теченіе періода дождей одинъ изъ крупныхъ притоковъ заставляетъ Нилъ между Хартумомъ и Берберомъ

---

1) H. Brugsch. «Aus dem Morgenlande», p. 83.—2) Felkin. «Uganda and the Egyptian Sudan», vol. II.

сильно вздуваться,—это рѣка Атбара или Астаборасъ древнихъ; временами она почти лишена воды, такъ что путешественники разбиваютъ свои шатры на ея руслѣ, въ другое же время представляетъ собою ве-

№ 136. Рѣка Атбара и Красное море.

личественный потокъ, цѣлое движущееся море. Эта-то перемежающаяся рѣка и есть тотъ «Нилъ», который эѳіопы въ древности грозились направить въ Красное море, чтобы лишить Египетъ его плодоноснаго по-

Пальмовая роща при разливѣ Нила.

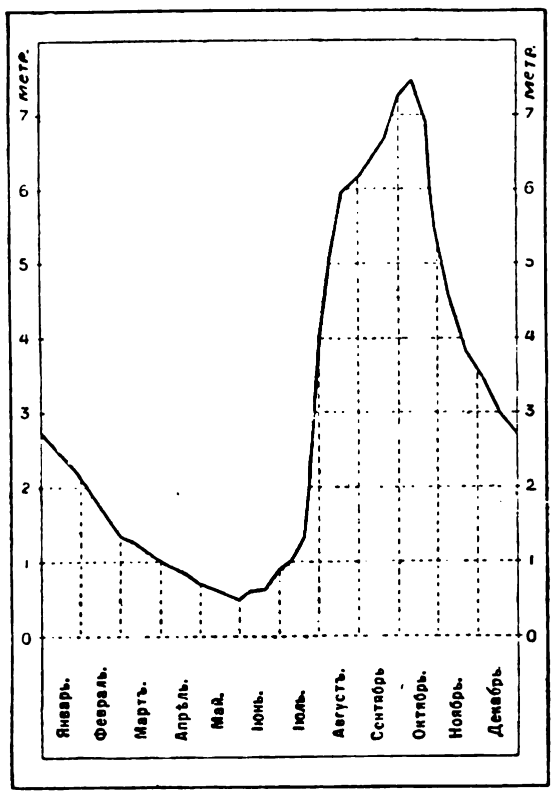
тока,—они, дѣйствительно, имѣли полную возможность направить воды рѣкъ Такказа и Мареба въ долину, по которой протекаетъ рѣка Барка. Эта угроза обитателей горной страны никогда не была, правда, приведена въ исполненіе, но, по преданію, египтяне приняли ее въ серьезъ, и о ней неоднократно упоминается въ исторіи. Вѣрно лишь то, что чрезмѣрное пользованіе водами верхняго Нила и его притоковъ для орошенія полей окрестныхъ странъ повело бы къ уменьшенію или, быть-можетъ, даже къ полному исчезновенію разливовъ Нила, что вызвало бы, въ свою очередь, совершенное разореніе Египта [1].

Между обоими составляющими Нилъ притоками, Бѣлымъ и Голубымъ Ниломъ, происходитъ нѣкоторое раздѣленіе труда, дѣйствующее съ замѣчательною правильностью. Главнѣйшее количество воды въ Нилѣ доставляется великими экваторіальными озерами и болотами, которыя усѣяны пловучими островками,—этотъ потокъ постояненъ и поддерживается во всѣ времена года, даже въ теченіе долгихъ засухъ, благодаря ступенчатости пороговъ, которые регулируютъ движеніе воды въ рѣкѣ и превращаютъ ее въ настоящій каналъ со ступенчатыми шлюзами. Что касается Голубого Нила, который значительно болѣе усыхаетъ во время засухи, чѣмъ Бѣлый, то особенно большія массы воды онъ направляетъ во время сезона дождей,—въ періодъ сильныхъ разливовъ онъ доставляетъ вдвое болѣе воды, чѣмъ среднее количество воды, проходящее въ низовьяхъ Нила. Такимъ образомъ, слѣдовательно, именно вслѣдствіе избытка дождей въ Эѳіопіи, Голубой Нилъ приноситъ въ Нубію и Египетъ то колоссальное количество воды, благодаря которому могла развиться въ низовьяхъ столь поразительная земледѣльческая культура. Къ этому первому поднятію водъ въ рѣкѣ, обусловленному Голубымъ Ниломъ, Атбара присоединяетъ второй подъемъ, образующій, какъ гово-

1) Scott Moncrieff. «Royal Institution».

рять прибрежные жители, особое поднятіе во вполнѣ правильномъ профилѣ колебанія водъ Нила. Въ виду такого различія въ поведеніи и во вліяніи обѣихъ рѣкъ, можно сказать, что Бѣлый Нилъ или Баръ-эль-Абіадъ обусловливаетъ существованіе Нила, тогда какъ Голубой Нилъ или Баръ-эль-Азракъ, вмѣстѣ съ рѣкой Атбара, обусловливаетъ существованіе Египта.

№ 137. Колебанія уровня воды въ Нилѣ.

Внѣшній видъ почвы, равно какъ и сохранившіяся преданія, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ древности разливы Нила были значительно сильнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Пороги были выше, и массы воды, задерживавшіяся ими, достигали болѣе высокаго уровня, когда низвергались въ равнину. Даже древнія надписи свидѣтельствуютъ о такомъ положеніи вещей: въ Семнэ, выше второго порога, Лепсіусъ нашелъ отмѣтки уровня воды, относящіяся ко времени фараона Аменемхата III, т.-е. къ эпохѣ, отдаленной отъ нашего времени на 47 вѣковъ,—эта мѣтка свидѣтельствуетъ о томъ, что въ тѣ времена уровень наибольшаго стоянія воды былъ на 8 метровъ выше современнаго [1]). Слои ила, отложенные Ниломъ, занимаютъ у основанія горы пространство, которое въ настоящее время находится на далекомъ разстояніи отъ заливаемой области, и во многихъ мѣстахъ можно замѣтить также остатки земледѣльческой культуры, которую теперь не было возможности возстановить.

Уменьшеніе подъема воды выше пороговъ можетъ быть объяснено размываніемъ той скалистой преграды, которая задерживаетъ рѣку, но, спрашивается, уменьшился ли и разливъ рѣки ниже пороговъ въ пре-

1) Richard Lepsius. «Briefe aus Aegypten».

дѣлахъ Египта? Если это такъ, то водныя массы, несущіяся по руслу рѣки, были въ прежнія времена болѣе обильны, и въ этомъ случаѣ плотины обитателей побережій Нила должны были, слѣдовательно, строиться выше, чѣмъ въ настоящее время. Теперь онѣ возводятся такимъ образомъ, что могутъ выдержать подъемъ воды на 8 метровъ выше ординара. Однако, статуя Нила, находящаяся въ Ватиканскомъ музеѣ и посвященная Веспасіаномъ Цезарю Августу, окружена 16 дѣтьми, — послѣднія несутъ роги изобилія и представляютъ, какъ говорятъ, «16 локтей», что соотвѣтствуетъ будто бы наблюдавшемуся тогда наиболѣе значительному подъему воды. Между тѣмъ, 16 египетскихъ локтей — это 7,2 метра, что и въ настоящее время для окрестностей Каира было бы, обычнымъ стояніемъ воды при разливѣ. На основаніи этого можно думать, что за 2000 лѣтъ не произошло крупныхъ измѣненій въ размѣрахъ подъема воды въ рѣкѣ.

Обитатели береговъ Нила должны были ожидать этого подъема плодоносныхъ водъ съ замираніемъ сердца,—отъ него зависѣло все ихъ существованіе. Можно представить себѣ, съ какою радостью встрѣчали они появленіе въ рѣкѣ небольшихъ крокодиловъ, бывшихъ божественными посланниками, которые предвозвѣщали первое приближеніе волны разлива! Египтяне слѣдили затѣмъ внимательно и съ безпокойствомъ за всѣми послѣдовательными явленіями разлива рѣки,—сперва появлялись «зеленыя» воды, зависящія отъ присутствія множества растительныхъ остатковъ, увлеченныхъ изъ болотистыхъ пространствъ Бѣлаго Нила; затѣмъ появлялись «красныя» воды, цвѣтъ коихъ обусловливался красною глиною, захваченною рѣками въ предѣлахъ Эѳіопіи, сливающимися и образующими Голубой Нилъ и рѣку Атбару. Когда уровень рѣки достигалъ верхняго края плотинъ, наступалъ самый торжественный моментъ,—обитатели удаляли шлюзы или, вѣрнѣе, земляныя насыпи, препятствовавшія входу насыщенной иломъ воды въ оросительные каналы. «Да будетъ на тебѣ благословеніе, о священный Нилъ, за то, что ты даешь жизнь Египту»!—возглашали жрецы, и толпа вторила имъ въ изступленіи. Груда земли, оставляемая посрединѣ каналовъ, тотчасъ же захватывалась потокомъ и уносилась имъ, — это была «невѣста» рѣки по символистическому вѣрованію народа, въ представленіяхъ котораго каждое благодѣяніе боговъ должно быть уравновѣшено со стороны людей жертвою,—такъ, они бросали въ потокъ куклу, быть-можетъ, въ воспоминаніе тѣхъ настоящихъ жертвоприношеній, которыя ранѣе предлагались божественному Нилу, чтобы купить его благоволеніе!

Поскольку простираются наши историческія свѣдѣнія, мы находимъ и въ прошедшія времена въ долинѣ Нила тѣ же самые земледѣльческіе пріемы, стоящіе въ полномъ соотвѣтствіи съ подъемами воды въ рѣкѣ. Устроители системы орошенія пользовались постоянно однимъ

благопріятнымъ обстоятельствомъ, именно тѣмъ, что Нилъ въ теченіе ряда вѣковъ отложеніемъ своего ила повысилъ уровень той части земной поверхности, которую онъ орошаетъ во время половодья, — потому въ общемъ имѣется легкій наклонъ почвы отъ береговъ рѣки къ подножію окружающихъ холмовъ. Вслѣдствіе того, что Нилъ ударяетъ въ свой правый берегъ, особенно замѣтенъ такой наклонъ почвы по западному берегу, гдѣ на протяженіи болѣе чѣмъ 500 килом. вдоль рѣки тянулся каналъ для осушенія. При низкомъ стояніи уровня воды, когда приходится прибѣгать къ искусственному орошенію, достаточно поднять воду выше гребня плотины, —для этого довольствовались сосудами или плотно сплетенными карзинами, которыми вода поднималась при помощи рычаговъ со ступеньки на ступеньку путемъ ручной работы. Это былъ совершенно такой же пріемъ, какимъ пользуются и до сихъ поръ на протяженіи всего Нила бѣдные феллахи,—они поднимаютъ воду такъ называемыми шадуфами. Научная гидравлика во времена фараоновъ была не настолько еще высока, чтобы было возможно построить выше по рѣкѣ плотину, подобную той, которая регулируетъ въ настоящее время теченіе рѣчныхъ рукавовъ, поднимая уровень воды на 4 м. Точно также египтяне не могли и мечтать о томъ грандіозномъ сооруженіи, которое выполнено въ настоящее время и регулируетъ притокъ водъ Нубіи,—мы говоримъ о колоссальной плотинѣ, выстроенной у первыхъ пороговъ Нила близъ Ассуама; впрочемъ, сами пороги въ ту эпоху были выше, и потому природа отчасти воспроизводила то, что теперь приходится восполнять человѣку своими трудами.

Шадуфъ.

Быстрины первыхъ пороговъ Нила до устройства плотины.

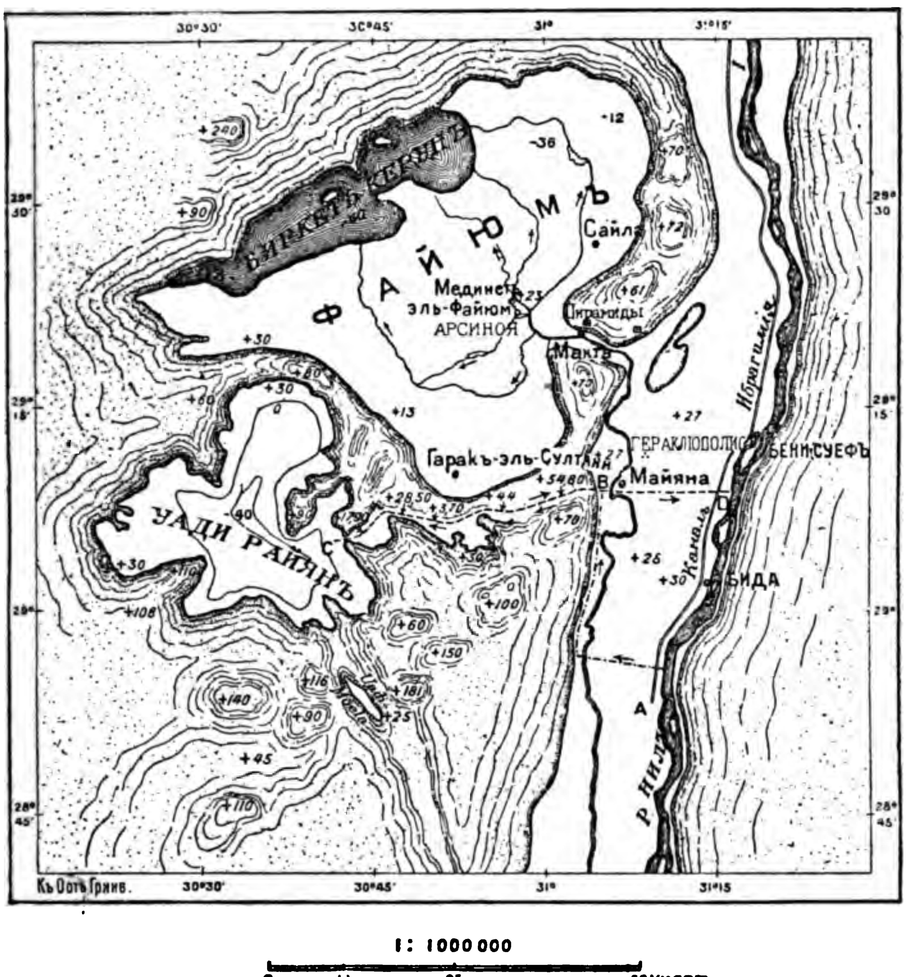
Зато произведеніемъ египетскихъ инженеровъ является такое сооруженіе, которое въ нынѣшнія времена наши строители не могутъ реставрировать,—это озеро Мѣрисъ, «море, вырытое руками человѣка»; окружность его достигала такой длины, какъ окружность обращенной къ морю стороны дельты Нила [1]). Очертанія озера Мѣрисъ, возстановляемыя различными археологами, не совпадаютъ между собою, но существованіе этого древняго резервуара, этого «чуда изъ чудесъ», во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію Въ этой области Египта современная техника, безъ сомнѣнія, была значительно превзойдена трудами гидравликовъ временъ Менеса, трудами Мицраима—легендарной личности, относящейся ко временамъ самой глубокой древности.

Благодаря искусству, съ которымъ египетскіе строители устроили въ долинѣ Нила свои запасные резервуары и сѣть своихъ оросительныхъ каналовъ, каждая капля воды шла на пользу и превращалась въ растеніе, въ зерно или въ великолѣпный плодъ. Чрезвычайная умѣренность въ потребностяхъ, отличавшая обитателей Египта, позволяла имъ довольствоваться малымъ, и хижины земледѣльцевъ-феллаховъ тянулись почти сплошной деревней вдоль обоихъ береговъ величественной рѣки.

1) Геродотъ. «Исторія», кн. II, 149.

Въ тѣ эпохи, когда населеніе жило въ мирѣ, 7 или 8 милліоновъ человѣческихъ существъ обитало и кормилось въ этой узкой долинѣ, тяну-

№ 138. Файюмъ и Уади-Райянъ.

По словамъ В. Вилькокса, озеро Мѣрисъ занимало весь Файюмъ или часть его до границы изобаты +23 метровъ. Современные инженеры, при своихъ поискахъ резервуара для орошенія, не могутъ воспользоваться теперь этой территоріей, такъ какъ она населена, но предполагаютъ утилизировать Уади-Райянъ—впадину, вполнѣ аналогичную Файюму. Въ періодъ подъема водъ, вода Нила могла бы быть отведена по линіи ABC, и, такимъ образомъ, получился бы милліардъ кубическихъ метровъ воды въ распоряженіе земледѣльцевъ,—этого количества достаточно для орошенія 200000 гектаровъ. Избытокъ воды могъ бы быть направленъ въ D.

щейся, начиная съ первыхъ пороговъ. Когда же война или какія-нибудь другія несчастья прерывали работу по орошенію страны, то голодъ и

заразныя болѣзни уничтожали излишніе рты, и быстрое вымираніе населенія слѣдовало за періодомъ его обильнаго развитія.

Обработка земли, нанесенной иломъ, была настолько интенсивна, что первоначальная флора страны оказалась совершенно измѣненной. Растенія, произраставшія на узкой полосѣ наноса до того, какъ человѣкъ завладѣлъ этою страною, почти совершенно исчезли, какъ это признается и ботаниками, работавшими надъ флорой Египта; лишь первоначальная флора возвышеннаго плато пустынь сохранила неизмѣнившейся свою физіономію. Единственные виды растеній долины Нила, которые уцѣлѣли отъ исчезновенія, это—водяныя растенія, и между ними папирусъ и лотосъ,—первый изъ нихъ на древнихъ памятникахъ считался символомъ Нижняго Египта, тогда какъ лотосъ являлся растеніемъ, характеризующимъ Верхній Египетъ. По правдѣ говоря, далеко нельзя считать вполнѣ установленнымъ, что папирусъ и лотосъ, дѣйствительно, возникли въ самой долинѣ Нила; многіе писатели предполагаютъ, что папирусъ всегда воздѣлывался, вслѣдствіе своей практической цѣнности: мякоть его употреблялась въ пищу, гибкіе и эластичные стебли примѣнялись корзинщиками, и особенно важна была его мякоть, служившая въ древности бумагой. Говорятъ, что именно вслѣдствіе того, что папирусъ не былъ туземнымъ нильскимъ растеніемъ, онъ и исчезъ въ настоящее время почти совершенно изъ водъ Египта, гдѣ прежде культивировался всюду, какъ рисъ; впрочемъ, нѣтъ ни одного ботаническаго факта, который являлся бы подтвержденіемъ этого предположенія, и изъ всѣхъ гипотезъ является наиболѣе естественной гипотеза о туземномъ происхожденіи папируса [1]). Какъ бы то ни было, но полная замѣна одной флоры другою, точно также какъ и замѣна прежней фауны новою, свидѣтельствуетъ въ достаточной степени о продолжительности существованія культуры въ Египтѣ,—этотъ періодъ исторіи обнимаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, сотню и, быть-можетъ, даже нѣсколько сотъ вѣковъ.

Высказывалось не разъ предположеніе, что широкое распространеніе разливовъ рѣки въ долинѣ Нила и значительная роль ихъ въ матеріальной жизни населенія были причиною того, что въ религіозныхъ представленіяхъ египтянъ возникла идея о единомъ всемогущемъ Богѣ, а въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ—идея о единомъ самодержавномъ властелинѣ, «который направляетъ воды на поля и возстановляетъ исчезнувшія границы частныхъ владѣній» [2]). Провидѣніе Божіе, управляющее движеніями солнца въ пространствѣ, поднимающее воду въ рѣкѣ и умѣряющее движеніе водъ, входило, дѣйствительно, въ циклъ вѣрованій, присущихъ обитателямъ долины Нила, и влекло за собой вѣру ихъ въ необходимость постояннаго управленія единаго повелителя и властелина

1) Flahaut. Notes manuscrites.—2) L. von Ranke. «Weltgeschichte», t. I, p. 5.

въ политическомъ мірѣ. Оказывается, однако, что факты стоятъ въ противорѣчіи съ этой теоріей, вдохновленной просто желаніемъ, чтобы она была вѣрна, и основывающейся лишь на одномъ изъ тѣхъ многихъ періодовъ развитія, которые были пережиты египтянами. Еще до того, какъ страною сталъ править единый самодержавный властитель, необходимо было существованіе народа, изъ коего вышелъ и самъ онъ; оросительныя работы были начаты задолго до того, какъ появился управитель, рѣшившій, что необходимо направлять ихъ «къ общему благу», какъ утверждаетъ придворная исторія, или, скорѣе, къ своему личному благу, какъ констатируетъ исторія неприятная. Ни на берегахъ Миссиссиппи, ни на берегахъ Амазонки, равно какъ и ни въ какой другой рѣчной долинѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ земледѣльцевъ, воздѣлывающихъ свои поля и плантаціи на болотистой почвѣ наносовъ, нигдѣ не можемъ установить существованія вѣры въ необходимость «единой власти», какъ это воображаютъ теоретики абсолютизма. Инициаторами великаго экономическаго завоеванія были здѣсь, безъ сомнѣнія, отдѣльныя семьи, пытавшіяся, пользуясь плодородіемъ ила, орошаемаго водами рѣки, собрать возможно болѣе обильную жатву.

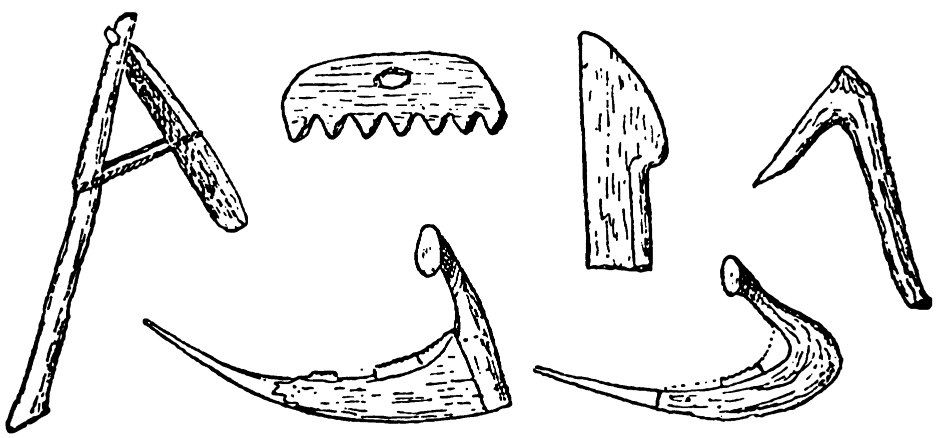

Цвѣты лотоса, египетскій барельефъ.

Лишь одно не подлежитъ сомнѣнію—повседневный опытъ былъ матерью науки. Еще задолго до того, какъ египетскіе землемѣры и строители создали сложную сѣть плотинъ, каналовъ и канавъ, шлюзъ и водоемовъ, придавшихъ всей долинѣ Нила извѣстную цѣлостность и позволившихъ единому властителю регулировать притокъ водъ на поля всей страны, еще задолго до тѣхъ временъ, когда практика орошенія превратилась въ рутину, направляемую чиновниками государства, тысячи и милліоны отдѣльныхъ лицъ пробовали примѣнять тѣ же пріемы въ малыхъ размѣрахъ. Вокругъ безконечно большого числа полей были построены плотины, и множество осушительныхъ канавъ изъ-года-въ-годъ отводили воду отъ топкихъ пространствъ и болотъ. Мало-по-малу, съ большою постепенностью,—путемъ постоянной борьбы съ рѣкою и путемъ приспособленія къ своимъ цѣлямъ ея разливовъ научились обитатели береговъ наиболѣе практичнымъ способомъ разрѣшать представлявшуюся имъ сложную гидротехническую и агрикультурную задачу,—именно они научились удерживать Нилъ въ опредѣленномъ руслѣ, отводить и распредѣлять его плодоносныя воды каналами по возможно обширной поверхности, научились регулировать продолжительность дѣйствія воды на каждомъ участкѣ, узнали, какъ наиболѣе выгоднымъ образомъ распредѣлять землю на отдѣльныя поля и плантаціи, образующія въ Египтѣ настоящую шахматную доску и получающія воду въ опредѣленной послѣдовательности; наконецъ, египтяне научились также направлять воду системой каналовъ, дѣйствующихъ обратно теченію рѣки, создали земледѣльческія орудія, удобныя для работы, устроили для земледѣльцевъ убѣжища на искусственныхъ островкахъ, поднимающихся надъ поверхностью воды. Все это были огромныя работы, совершавшіяся въ теченіе многихъ вѣковъ,—въ нихъ принимало участіе безчисленное множество отдѣльныхъ личностей, и они могли довести ихъ до конца лишь путемъ взаимнаго соглашенія.

Безъ сомнѣнія, нерѣдко случались и конфликты между частями населенія, такъ какъ непосредственные интересы отдѣльныхъ общинъ или отдѣльныхъ владѣльцевъ сталкивались между собою, и, случалось, недостатокъ предусмотрительности или оплошность причиняли по всему теченію рѣки страшныя бѣдствія. Подобные конфликты могли быть предотвращены или, по меньшей мѣрѣ, ослаблены лишь тѣмъ чувствомъ равенства всѣхъ обитателей, которое основывалось на пониманіи общихъ интересовъ высшаго порядка. Въ такихъ случаяхъ быстро организовывался, вѣроятно, общій совѣтъ, въ которомъ всѣ принимали участіе, подобно тому, какъ это обыкновенно имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда община людей подвергается внезапной опасности. Такъ, въ сущности, слагаются всѣ правовыя отношенія между людьми,—они слагаются путемъ изысканія возможно равномѣрнаго и полнаго удовле-

творенія интересовъ каждаго. Не видимъ ли мы въ самыхъ различныхъ странахъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ равномѣрнымъ распредѣленіемъ водъ для орошенія полей, образованія такихъ общихъ совѣтовъ, рѣшенія которыхъ уважаются всѣми, такъ какъ изъ этихъ рѣшеній строжайше устраняются всѣ личныя соображенія? Даже въ странахъ, пребывавшихъ долгое время подъ абсолютною монархическою властью, напримѣръ, въ Мурсіи и Валенціи, имѣются «водныя судилища», вышедшія изъ нѣдръ самого народа и сохранившіяся силою вещей, въ виду дѣйствительной необходимости въ такихъ учрежденіяхъ. Распространеніе королевской

Земледѣльческія орудія, найденныя въ Египтѣ Флиндерсомъ Петри.

власти на распредѣленіе водъ отнюдь не имѣло цѣлью «возстановленія правъ частныхъ лицъ, спутавшихся благодаря наводненію», какъ это утверждаетъ Ранке,—оно, напротивъ, представляло простой захватъ данныхъ правъ въ свою пользу. Въ Библіи воспроизводится очень точно разсказъ—безъ сомнѣнія, египетскаго происхожденія—о томъ, какъ Іосифъ, пользуясь страшной голодовкой, пріобрѣлъ для фараона лошадей, стада овецъ, быковъ и ословъ и, наконецъ, всѣ земли Египта, за исключеніемъ тѣхъ, которыя принадлежали жрецамъ [1]).

Въ виду такихъ данныхъ, очень сомнительно, чтобы приведеніе Нильской долины въ культурное состояніе совершилось подъ вліяніемъ одного лишь деспотизма. Конечно, режимъ абсолютной власти прочно установился въ Египтѣ, но это совершилось постепенно, мало-по-малу, путемъ такихъ постепенныхъ захватовъ, какъ приписываемый еврейской легендой Іосифу. Властитель страны пользовался тѣмъ, что огромное большинство народа прочно привязано къ землѣ, доставляющей ему пропи-

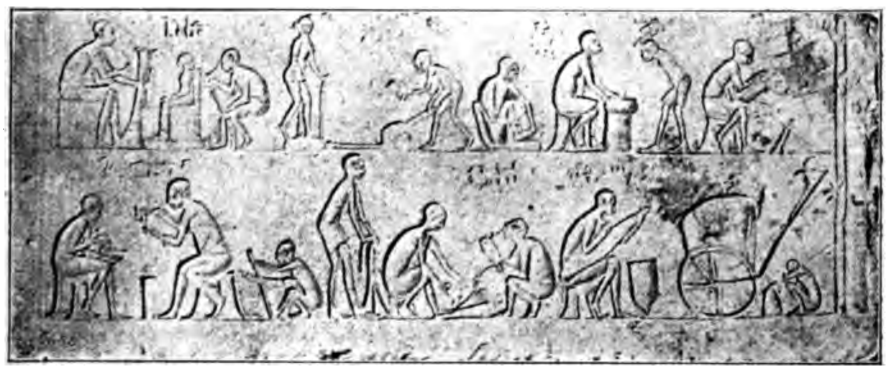
1) Кн. Бытія, XVIII, 15—26.

таніе, и старался поработить населеніе, подчинить его своей волѣ и превратить въ послушное стадо рабовъ. Земледѣліе, равно какъ и вообще цивилизація Египта, ничего не выиграло отъ такого измѣненія политическихъ условій: всякая личная инціатива исчезла, и народность, сдѣлавшись игрушкой въ рукахъ фараоновъ, принуждена была подчиниться иностранцамъ и остается подъ иноземнымъ ярмомъ до сихъ поръ, уже въ теченіе многихъ тысячелѣтій.

Вторженія гиксовъ, по всей вѣроятности, происходили бо̀льшею частью въ теченіе періода ослабленія угнетеній народа властителями, но зато позднѣе эти угнетенія становились еще болѣе сильными. Дѣйствительно, когда угрожали могущественные враги, фараонамъ приходилось воздерживаться отъ угнетенія народа, и для того, чтобы сохранять своихъ подданныхъ вѣрными себѣ и чтобы предотвращать измѣну, приходилось внимательнѣе относиться къ собственности подданныхъ и милостивѣе взимать съ нихъ пошлины. Періодъ борьбы съ гиксами длился, однако, продолжительное время—по Манеѳону 900 лѣтъ, по мнѣнію одного изъ комментаторовъ—500, по мнѣнію другого—200 или 300 лѣтъ. Вторгаясь чрезъ Суэцкій перешеекъ, они проникали болѣе или менѣе далеко внутрь страны, однако. по всей вѣроятности, никогда не достигали Ѳивъ,—египетская цивилизація, вооруженная наукою и искусствомъ, могла успѣшно выдержать напоръ этихъ чужестранцевъ. Въ теченіе этого времени египетскіе цари имѣли возможность проявить себя героями, объединенными съ народомъ единою цѣлью—борьбою за національную независимость; точно также до Фердинанда Католика и Карла V испанцы видѣли въ своихъ повелителяхъ предводителей въ борьбѣ съ ненавистными маврами—въ борьбѣ за христіанскую вѣру!

Когда же исчезла опасность чужеземнаго вторженія, фараоны должны были обратиться противъ своего народа, и принципомъ ихъ сдѣлалось удержаніе народа въ бѣдности и отысканіе для него работъ, которыя бы его занимали. Земледѣльцы, лишенные съ этого времени свободнаго владѣнія своими полями, сдѣлались при Узертезенѣ и при Рамзесахъ совершенно такими же несчастными феллахами, какими они были 3 или 4 тысячи лѣтъ спустя, въ царствованіе Магометъ-Али. Они были рабами, зависящими всецѣло отъ капризовъ властителя и связанными суровымъ выполненіемъ всѣхъ предписаній закона. Привязанные къ своимъ полямъ, они не могли ихъ даже покидать безъ особаго выдаваемаго на то паспорта; вся ихъ жизнь протекала въ сообществѣ съ домашними животными, и, «когда они заболѣвали, имъ приходилось лежать на голой землѣ, среди своихъ стадъ». Въ городахъ бо̀льшая часть рабочихъ была также наслѣдственными рабами, трудъ которыхъ, равно какъ и самая жизнь, принадлежали ихъ господину; плату они получали лишь зерномъ или хлѣбомъ, и только при особенно торжественныхъ случаяхъ къ этой

скудной трапезѣ прибавлялось нѣкоторое количество оливковаго масла. Плата производилась разъ въ мѣсяцъ, и потому пища, выдаваемая господами, истреблялась уже обыкновенно въ первыя же двѣ недѣли, и затѣмъ рабочимъ, лишеннымъ всякихъ средствъ къ пропитанію, приходилось либо голодать, либо красть провизію въ общественныхъ и частныхъ зернохранилищахъ. Нерѣдко происходили также среди нихъ возстанія, или же они старались добиться путемъ стачки лучшаго вознагражденія отъ своихъ господъ. Когда же затѣмъ ихъ настигала смерть, полагавшая конецъ ихъ жалкому существованію, безымянные трупы ихъ бросались въ общую могилу послѣ самыхъ незначительныхъ церемоній;

Земледѣльческія работы въ Египтѣ.
По барельефу въ Археологическомъ музеѣ во Флоренціи.

предполагалось, что этого достаточно для столь ничтожныхъ мертвецовъ. Масперо, рѣшаясь стать, быть-можетъ, не совсѣмъ удачнымъ пророкомъ, такъ какъ перемѣна къ лучшему все же замѣчается въ настоящее время, говоритъ слѣдующее: «Въ Египтѣ можетъ измѣниться религія, языкъ, нравы, властитель Египта можетъ называться фараономъ, султаномъ или пашой, но судьбы феллаховъ всегда останутся одинаковыми, никогда не улучшатся».

Въ туринскомъ музеѣ хранится папирусъ, въ которомъ Гатнехтъ, надзиратель за работами въ Ѳивахъ, записалъ все, что происходило вокругъ него въ теченіе 29 года царствованія Рамзеса III. Жалобы рабочихъ, ихъ полная вѣра въ доброту фараона, «еслибъ только онъ зналъ ихъ несчастное положеніе», легкость, съ которою чиновники приводили ихъ къ покорности,—все это производитъ впечатлѣніе описаній самыхъ недавнихъ событій, напримѣръ, хотя бы положенія кафровъ или китайцевъ въ золотыхъ копяхъ Трансвааля! И черезъ 32 вѣка мы являемся опять современниками такихъ же рабочихъ, которые просятъ совершенно одинаковымъ образомъ лишь того, чтобы получать достаточ-

ное количество пищи, и согласны за это выполнять возложенную на нихъ тяжелую работу!

Режимъ, при которомъ основнымъ правиломъ является, что работающій не пользуется результатами и продуктами своего собственнаго труда,—такой режимъ можетъ основываться лишь на страхѣ, и на самомъ дѣлѣ такова была основа правленія египетскихъ фараоновъ. Восемь книгъ законовъ, лежавшихъ всегда передъ глазами судей, перечисляли всѣ преступленія, за которыя преступникъ долженъ былъ подвергнуться смертной казни. Квалификація проступковъ, заслуживающихъ смертной казни, простиралась отъ убійства до такихъ провинностей, которыя разсматриваются въ настоящее время какъ проступки незначительные или простыя прегрѣшенія. Такъ, ложь и страсть къ азартнымъ играмъ наказывались даже смертью [1]).

Въ дѣйствительности все могло быть наказуемо, если того желалъ властелинъ. Онъ могъ каждаго присудить къ смерти, но чаще ограничивался тѣмъ, что приказывалъ отрѣзать преступнику носъ или уши или же подвергалъ его жестокимъ палочнымъ ударамъ. Съ другой стороны, сложная организація іерархіи чиновниковъ вызывала у нихъ суетность и честолюбіе,—египтяне не въ меньшей мѣрѣ цѣнили различныя отличія, какъ и наши современники. Одни изъ нихъ получали въ награду за военныя доблести «орденъ льва», другіе украшали себя «орденомъ мухи», выдаваемымъ за гражданскія заслуги [2]).

Царство полнаго авторитета, господствовавшее въ управленіи народомъ, сказывалось и въ воспитаніи дѣтей. Ребенокъ, послѣ привольной жизни среди полей на глазахъ своихъ родителей, попадалъ въ настоящую школу, въ которой учитель имѣлъ вполнѣ опредѣленныя задачи вышколить и выдрессировать своихъ непокорныхъ питомцевъ. Палка не выходила изъ его рукъ. «На спинѣ ребенка находятся его уши», говоритъ египетская пословица. Школа нерѣдко называлась «домомъ наказанія»,—учить и наказывать это были два выраженія, которыя можно было считать синонимами [3]). «Ты для меня не болѣе какъ оселъ, котораго бьютъ палкой каждый день, ты для меня не болѣе какъ глупый негръ, котораго приводятъ рабомъ! И ястреба надо учить вить гнѣздо, и сокола приходится обучать полету! Я сдѣлаю изъ тебя человѣка, дрянной мальчишка, знай это!» — такъ выражается въ одномъ изъ сочиненій о нравственности учитель, обращаясь къ своему ученику. Суровые совѣты, угрозы, тѣлесныя наказанія, «столь жестокія, что иногда влекли за собою смерть», были въ Египтѣ во времена фараоновъ

---

1) Діодоръ Сицилійскій; Ollivier Beauregard, Bulletin de la Soc. d'Anthrop. 16, x, 1890.—2) Mariette; Fr. Lenormant.—3) Brugsch. «Aus dem Morgenlande», p. 58.

«обычнымъ явленіемъ, примѣнявшимся учителями, чиновниками и жрецами для того, чтобы направлять общественное сознаніе и придавать извѣстное направленіе молодежи». Нѣтъ ни одного папируса этой эпохи, который заставлялъ бы предполагать, что господа и учителя дѣйствовали чѣмъ-либо инымъ на подчиненныхъ и учениковъ, кромѣ боязни наказанія [1]).

Тунеядство царей съ толпою придворныхъ и чиновниковъ является не единственнымъ отрицательнымъ элементомъ, развившимся на ве-

Изголовье постели:
Бэсъ—богъ сновидѣній и, можетъ-быть, также любви.
Изъ музея въ Булакѣ.

ликомъ земледѣльческомъ организмѣ Египта; благосостояніе населенія зависѣло, какъ мы видѣли, отъ подъема водъ въ рѣкѣ, и это заставляло земледѣльцевъ слушаться совѣтовъ мудрецовъ или людей, старость и опытность которыхъ могла заставлять смотрѣть на нихъ, какъ на таковыхъ,—такимъ образомъ, мало-по-малу, возникала каста новыхъ паразитовъ — жрецовъ, которые взялись быть посредниками между людьми и богами и заботиться о регулярности разливовъ.

1) Ollivier Beauregard, Bulletin de la Société d'Anthropologie. Séance du 16 oct. 1890.

Если мы заглянемъ въ самую глубь исторіи, то увидимъ на берегахъ Нила народъ, чрезвычайно жизнерадостный и мало занятый тайнами загробнаго существованія; это было замѣчено еще Ренаномъ: «Нельзя сомнѣваться въ томъ — говоритъ онъ при созерцаніи изваянія писца, извѣстнаго подъ именемъ Шейхъ-эль-Беледа,—что до періода царскаго деспотизма и роскоши Египетъ пережилъ эпоху патріархальной свободы» 1). Однако, постепенно религіозное владычество начало ложиться все бо́льшею и бо́льшею тяжестью на населеніе, и жрецы, которыхъ въ первоначальныя времена люди имѣли неосторожность спрашивать совѣтовъ по своей доброй волѣ, стали затѣмъ позднѣе высказывать свои прямыя приказанія. Пользуясь легковѣріемъ общества, страхомъ послѣдняго передъ неизвѣстностью, они умѣли убѣждать простоватыхъ землевладѣльцевъ, что трудъ ихъ недостаточенъ даже въ томъ случаѣ, если имъ помогаютъ землемѣры и инженеры, что необходимы также призыванія боговъ и жертвоприношенія богу пороговъ Нила, «Голубому Божеству», названному такъ, безъ сомнѣнія, изъ-за цвѣта воды, прорывающейся чрезъ скалы тѣснинъ. Между страдающимъ народомъ и жестокимъ Провидѣніемъ заняли промежуточную позицію жрецы. На одной изъ скалъ острова Элефантины, противъ Ассуама, имѣется чрезвычайно курьезная надпись греческой эпохи, составленная благочестивыми писцами и представляющая собою не что иное, какъ воспроизведеніе молитвы, произнесенной фараономъ третьей династіи, слѣдовательно, во времена, отдаленныя отъ нашихъ, быть-можетъ, на 5000 лѣтъ. Въ надписи этой фараонъ обращается къ богу пороговъ Нила съ предложеніемъ условиться, чтобы тотъ за опредѣленное ежегодное вознагражденіе, уплачиваемое его кассирамъ-жрецамъ съ урожая и изъ взимаемой съ землевладѣльцевъ пошлины, гарантировалъ ежегодный правильный разливъ плодоносныхъ водъ. Божеству этому предлагается совершенно формальнымъ образомъ открывать въ опредѣленное время врата, сдерживающія напоръ воды на порогахъ, — не принимается лишь во вниманіе, что въ такомъ случаѣ и надъ египтянами повисаетъ постоянная угроза: если только когда-нибудь, въ силу какихъ-либо причинъ, не будетъ уплачено вознагражденіе, то будетъ отсутствовать и разливъ водъ! Конечно, въ виду того же самаго, существовала легенда, выдуманная очень недурно въ интересахъ жрецовъ, будто бы въ теченіе 7 ужасныхъ годовъ рѣки не поднимались настолько, чтобы войти въ оросительные каналы. Сотни, быть-можетъ, даже еще тысячи лѣтъ до Іосифа жрецы показывали уже своимъ вѣрующимъ «коровъ тощихъ», слѣдующихъ за «коровыми тучными», въ наказаніе за то, что не было во́-время уплачено божеству надлежащихъ жертвоприношеній 2).

1) Renan. «Mélanges d'Histoire et de Voyages», p. 44. — 2) Brugsch. «Aus dem Morgenlande».

Ларецъ и кресло царицы Tia, супруги Аменхотепа IV.
Изъ Музея въ Булакѣ.

Такимъ образомъ, именно въ качествѣ маговъ, владѣющихъ сверхъестественною силою, отвоевали себѣ жрецы постепенно столь высокое положеніе въ египетскомъ государствѣ; надписи, найденныя послѣ 1880 г. въ пирамидахъ Саккара, свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что пять тысячелѣтій тому назадъ книга была преимущественно сборникомъ заклинаній и магическихъ формулъ. Какъ ни были, однако, ловки жрецы въ дѣлѣ эксплуатаціи довѣрчивости народа и въ выработкѣ такихъ религіозныхъ доводовъ, которые дѣлали бы ихъ совершенно необходимыми толкователями воли боговъ, не подлежитъ все же ни малѣйшему сомнѣнію, что среди природы, столь простой по своимъ основнымъ чертамъ, какъ въ Египтѣ, два элемента должны были производить особенно глубокое впечатлѣніе на народное воображеніе и должны были превратиться въ божества — это чудное южное солнце, совершающее свой путь по вѣчно голубому небу и дарующее жизнь всему окружающему, и величественная рѣка Нилъ, которая непрерывно несетъ свои воды къ морю и также даетъ плодородіе окружающимъ землямъ. Въ силу этого, въ Египтѣ божество, заслуживающее наибольшаго поклоненія, мѣняется, въ зависимости отъ настроенія и желаній вѣрующихъ. Обыкновенно высшее существо отожествляется съ дневнымъ свѣтиломъ, но нерѣдко также оно

отожествляется и съ рѣкою Ниломъ или же отожествляется и съ обоими этими величественными явленіями природы. Одно изъ преданій гласитъ, что человѣкъ вышелъ изъ «глаза бога» [1]), т.-е. изъ солнца; однако, другой миѳъ, и притомъ настолько распространенный, что онъ сдѣлался даже общимъ достояніемъ и встрѣчается у всѣхъ современныхъ народностей, приписываетъ человѣку иное происхожденіе: онъ возникъ изъ нильскаго ила или глины. Впрочемъ, не справедливо ли и на самомъ дѣлѣ, что, по существу, именно теплота и влажность составляютъ тѣ основныя силы, благодаря которымъ мы родились отъ земли послѣ милліоновъ и милліардовъ предшествовавшихъ намъ видовъ живыхъ существъ? Это одна изъ наиболѣе очевидныхъ научныхъ истинъ!

Символы растяжимы до безконечности: первоначально простая фантазія человѣческаго духа дѣлается затѣмъ религіознымъ догматомъ, за который вѣрующій готовъ идти на плаху, изъ крохотныхъ, едва замѣтныхъ зародышей развиваются непроходимыя заросли,—представленія эти находятся всецѣло во власти создавшаго ихъ воображенія, которое питаетъ и взращиваетъ ихъ и которое можетъ, если пожелаетъ, заставить ихъ завоевать небо и землю. Озирисъ, Изида, Хоръ, Тифонъ—все это измѣнчивые Протеи, которымъ люди поклонялись въ тысячахъ многообразныхъ формъ, человѣческій духъ въ религіозномъ экстазѣ заставлялъ возникать ихъ по своему желанію, реализируя въ тѣ или иные образы. Озирисъ, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ солнце—божество, вызывающее жизнь на землѣ и имѣющее судить свои созданія па порогѣ новой жизни, давая начало растеніямъ и людямъ; Озирисъ соединяетъ свои силы съ силами плодоносной рѣки Нила, воды которой распространяются по землѣ,—онъ самъ является рѣкою. Изида—сестра и супруга Озириса—это луна, медленно пролагающая свой путь по небу въ теченіе ночи, но въ то же время она является и матерью-землею, оплодотворяемою сѣменами растеній. Истинный бракъ Озириса и Изиды происходитъ на полѣ, засѣянномъ хлѣбомъ, и ихъ ревнивымъ врагомъ является также одна изъ силъ природы—изсушающій вѣтеръ пустыни, или же жгучіе, палящіе лучи лѣтняго солнца. Такимъ образомъ, злой геній Тифонъ становится совершенно такъ же солнцемъ, какъ и геній добрый, Озирисъ!

Множественность боговъ въ египетской миѳологіи объясняется многоразличностью происхожденія египетской цивилизаціи: всѣ мѣстныя божества должны были найти себѣ мѣсто въ египетскомъ пантеонѣ. Пта былъ великій богъ Мемфиса, Аммонъ—богъ Ѳивъ, Ра—обиталъ въ святилищѣ города, который изъ-за него и получилъ свое греческое наименованіе Геліополиса—«города солнца». Точно также Озирисъ былъ

1) L. von Ranke. «Weltgeschichte», t. I, p. 7.

первоначально мѣстнымъ богомъ, свойственнымъ городу Тиссъ или Абидосъ, предшественнику города Мемфиса, и хотя окончательный апоѳеозъ Озириса, какъ божества всего Египта, является событіемъ, имѣющимъ не менѣе какъ 50 вѣковъ древности, предполагаютъ все же, что Озирисъ—божество относительно новое въ египетскомъ пантеонѣ. Именно Озирису, равно какъ и другимъ четыремъ богамъ его цикла—Изидѣ, Нафтису, Хору и Тифону, были посвящены пять дополнительныхъ дней года, послѣ того какъ календарь египтянъ, содержавшій первоначально лишь 360 дней, былъ измѣненъ и сталъ обнимать 365 дней въ году; другія божества пользовались поклоненіемъ до этого новаго пришельца, который долженъ былъ позднѣе завоевать весь міръ и судить живыхъ и мертвыхъ.

№ 139. Первые пороги Нила.

Масштабъ 1 : 100 000

Ассуамская плотина выстроена между А и В. Она можетъ задерживать около милліарда кубическихъ метровъ воды.

Между всѣми этими богами, созданными воображеніемъ человѣка и появившимися въ различныхъ мѣстностяхъ, были крайне запутанныя отношенія — они замѣняли другъ друга, вступали между собою въ бракъ, становились дѣтьми или родителями другъ друга, измѣняли даже свой полъ, превращаясь въ небесахъ въ различныя формы съ такою же легкостью, съ какою мѣняются формы облаковъ.

Случалось, что нѣсколько великихъ боговъ соединялось въ одно божество: богъ Аммонъ Ѳивъ и богъ Ра Геліополиса сдѣлались богомъ Аммонъ-Ра, а еще позднѣе они соединились съ Зевсомъ грековъ и съ Юпитеромъ римлянъ. Александръ Великій и Цезарь также вошли въ семью боговъ, и порабощенный ими народъ считалъ этихъ властителей принимающими участіе въ божественномъ могуществѣ.

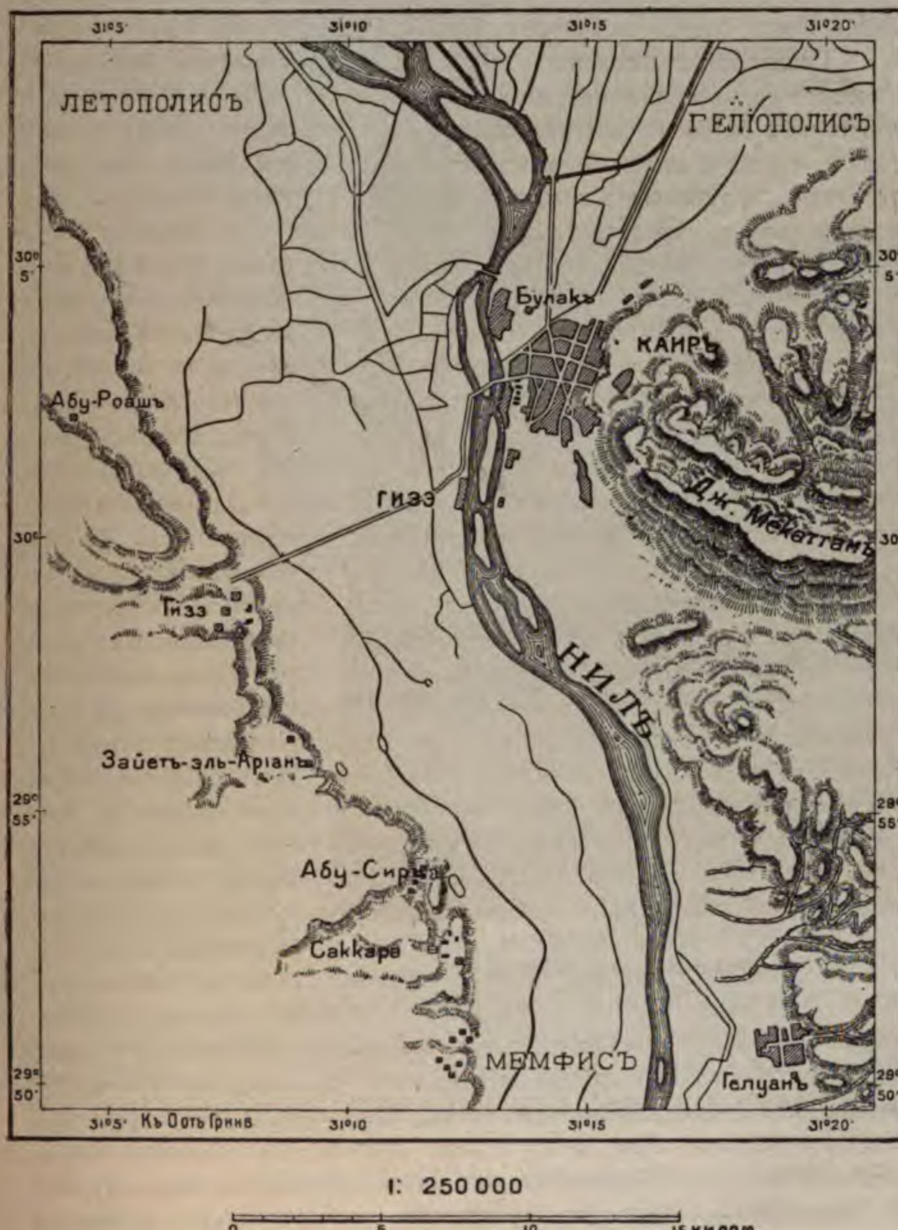

Озирисъ между Изидой и Хоромъ.
Луврскій Музей.

Символическій культъ животныхъ, принимавшихся за олицетвореніе всей природы, за проявленіе божественности, также получилъ большое значеніе въ Египтѣ. Ихъ совершенно исключительная роль въ египетскомъ религіозномъ культѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что формы животныхъ воспроизводились іероглифами съ самой отдаленной древности и, такъ сказать, въ графическомъ смыслѣ эти формы постоянно ассоціировались съ представленіемъ о богахъ; народное воображеніе, въ концѣ концовъ, слило символъ съ дѣйствительностью, обусловило поклоненіе имъ, стало приписывать имъ способность вмѣшиваться въ человѣческую жизнь, творить чудеса наравнѣ съ божествами. Такъ, быкъ Аписъ былъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ богомъ Пта, богомъ солнца, почитавшимся въ Мемфисѣ, и олицетворилъ, главнымъ образомъ, созидательную силу природы; вмѣстѣ съ богами онъ считался родившимся въ полной чистотѣ, — египтяне вѣровали или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что вѣруютъ въ догматъ его безпорочнаго зачатія, — онъ рождался отъ ко-

ровы, не имѣющей пятна и оплодотворенной лучомъ солнца, онъ самъ

№ 140. Египетъ между Мемфисомъ и Геліополисомъ.

долженъ былъ быть безъ единаго пятна. Бóльшая часть животныхъ поль-

зовалась, однако, лишь мѣстнымъ поклоненіемъ,—это были скорѣе святые покровители тѣхъ или другихъ мѣстностей, чѣмъ настоящіе боги; подобно индѣйскимъ племенамъ, египетскіе города обладали символическими тотемами, и нерѣдко случалось соперничество или даже открытая война между такими животными, покровителями городовъ.

Египетскій политеизмъ, обнимавшій огромное число боговъ, увеличенное еще сотнями животныхъ, нисколько не препятствовалъ тому, что своими болѣе возвышенными сторонами египетская религія затрогивала и идею Единаго Бога, всемогущаго Творца. Вполнѣ естественная тенденція, заставлявшая каждаго вѣрующаго въ того или другого бога одарять его всевозможными творческими силами, признавать за нимъ всѣ верховныя качества, всѣ способности, какія можетъ создать человѣкъ въ идеалѣ, должна была неизбѣжнымъ образомъ породить въ душахъ многихъ египтянъ и истинный монотеизмъ, столь же исключительный въ своихъ выраженіяхъ и столь же устойчивый, какъ позднѣе монотеизмъ евреевъ-талмудистовъ и арабовъ-мусульманъ. Культъ Единаго Бога, подобно всѣмъ другимъ религіознымъ культамъ, имѣетъ свои корни въ египетскомъ мірѣ. Безъ сомнѣнія, трудно найти въ семитической или даже христіанской литературѣ болѣе опредѣленное выраженіе въ этомъ смыслѣ, какъ слѣдующій отрывокъ, переведенный Бругшемъ:

«Богъ единъ, и нѣтъ другого бога, кромѣ него; Богъ и никто другой сотворилъ все; Богъ есть духъ и духъ невидимый, духъ духовъ, великій духъ египтянъ, божественный духъ; Богъ существуетъ съ самаго начало міра; Онъ существовалъ, когда еще ничего не было; Онъ отецъ всякаго начала; Богъ вѣченъ; Онъ всегда живетъ и безконечно существуетъ; Богъ невидимъ, и никто не знаетъ Его внѣшнихъ формъ. Богъ есть истина; Онъ живетъ истиной; Онъ питается истиной; Онъ опирается на истину; Онъ созидаетъ истину; Богъ зачинаетъ все, но самъ не зачатъ; Онъ родитъ все, но самъ не рожденъ; Онъ самъ производитъ себя, самъ себя порождаетъ; Онъ является творцомъ своихъ формъ и ваятелемъ своего тѣла» [1]).

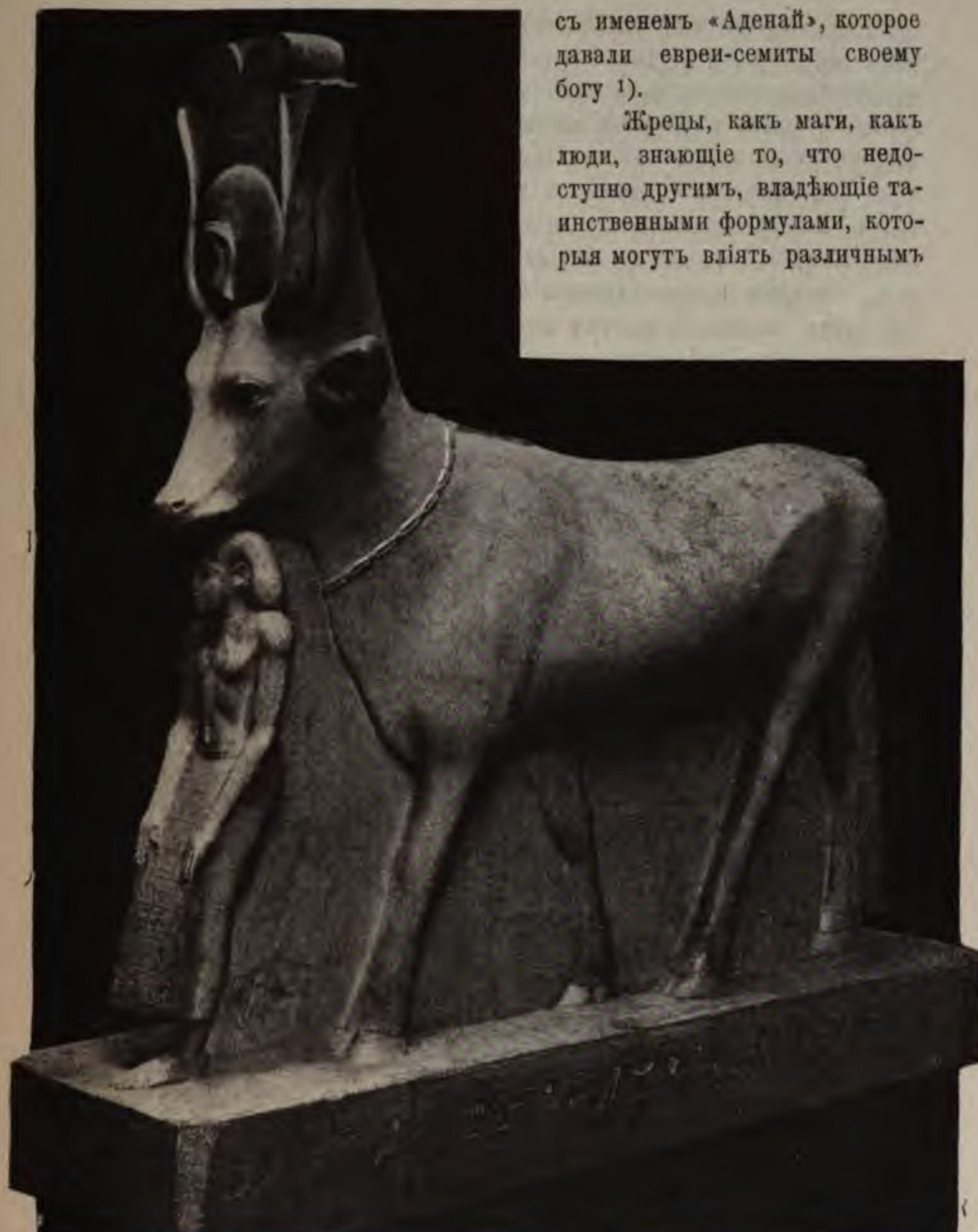
Монотеистическія воззрѣнія вошли въ такой степени въ религію египтянъ, что нашелся даже фараонъ, который сдѣлалъ попытку произвести революцію въ религіи,—это былъ Аменофисъ IV, превосходная статуя котораго сохраняется въ Луврскомъ музеѣ. Онъ попытался привлечь всѣхъ египтянъ къ поклоненію Единому Богу, символомъ котораго является ярко горящій солнечный дискъ, точно такъ же, какъ символомъ еврейскаго Бога была «горящая купина»—тоже эмблема солнца. Имя Вѣчнаго Творца, которому поклонялся Аменофисъ, было «Атенъ», и, быть-можетъ, совершенно справедливо это наименованіе сближается

---

1) Brugsch. «Religion und Mythologie der alten Aegypter».

съ именемъ «Аденай», которое давали евреи-семиты своему богу [1]).

Жрецы, какъ маги, какъ люди, знающіе то, что недоступно другимъ, владѣющіе таинственными формулами, которыя могутъ вліять различнымъ

Быкъ Аписъ и жрецъ Псаметихъ.
Музей въ Булакѣ.

---

1) Fr. Lenormant. «Les premières Civilisations». L'Antiquité égyptienne à l'Exposition Universelle de 1867.

образомъ на бѣдное, страждущее и боящееся неизвѣстности человѣчество, располагали всегда большою властью, хотя нѣкоторые факты и заставляютъ насъ думать, что общее впечатлѣніе, которое производили на души людей волхованія жрецовъ, является все же преувеличеннымъ. Повседневная жизнь, полная труда, семейныхъ заботъ и всякихъ мелкихъ случайностей, отвлекаетъ людей отъ страха предъ грозящей могилой. Въ развалинахъ города Кахунъ, построеннаго 38 вѣковъ тому назадъ, вблизи входа въ Фаюмъ, между многочисленными открытыми тамъ папирусами не оказалось ни одного, въ которомъ бы говорилось что-либо о смерти, о религіи или религіозныхъ церемоніяхъ [1]). Кромѣ того, той страшной власти, которою владѣли жрецы, полагала границы порочность и грѣховность ихъ самихъ, заставлявшая сомнѣваться въ ихъ возможности повелѣвать стихіями и властвовать надъ людьми. Авторитетъ ихъ долженъ былъ колебаться или даже совершенно рушиться послѣ каждой ошибки, каждаго неуспѣха.

Однако, съ того времени, какъ въ жрецахъ стали видѣть не только простыхъ устроителей судебъ и совѣтчиковъ, но и представителей самихъ боговъ и, наконецъ, даже повѣренныхъ Вышняго Бога и непосредственныхъ ходатаевъ передъ его трономъ,—съ того времени жрецы пріобрѣли значеніе сверхъ-человѣческое. Возросши въ области чисто-моральной, могущество ихъ вполнѣ естественнымъ образомъ стремилось и къ захвату власти. Церковныя имущества выросли до ужасающихъ размѣровъ и заняли лучшія земли; въ Египтѣ болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, смерть завладѣла жизнью, высасывала кровь изъ тѣла и оставляла это тѣло слабымъ и безпомощнымъ. Сильнѣйшее тщеславіе истолкователей божественной воли получило возможность полнаго удовлетворенія въ теченіе нѣкотораго времени, если не въ самомъ Египтѣ, то въ странѣ Мероэ, входившей въ область распространенія египетской цивилизаціи. Тамъ жреческая каста сумѣла встать во главѣ всего управленія и держала въ своихъ рукахъ царя или управителя, выбирая въ цари того, кто былъ ей желателенъ. Тамъ установился даже обычай, что царь, по предложенію коллегіи жрецовъ, долженъ былъ безъ всякаго сопротивленія отказываться отъ власти, которая была ему ввѣрена [2]). Правда, кончилось это тѣмъ, что одинъ изъ царей взглянулъ на свое званіе иначе и приказалъ своимъ войскамъ окружить золотой храмъ и умертвить всѣхъ жрецовъ и ихъ учениковъ [3]).

Позднѣе возникла борьба между царями и жрецами за верховную власть, санкціонируемую свыше. Цари, которые сами были жрецами, одержали побѣду въ этой борьбѣ, и въ теченіе значительной части исторіи

1) Griffith. «The Petrie Papyri». — 2) Ollivier de Beauregard. «En Orient», Études ethnologiques et linguistiques».—3) Діодоръ Сицилійскій, т. II, кн. 1.

Египта религіозный культъ, по крайней мѣрѣ, въ его оффиціальныхъ формахъ, былъ не чѣмъ инымъ, какъ поклоненіемъ фараонамъ, обоготворяемымъ еще при жизни уже въ силу самаго факта владѣнія ими верховною властью. Въ торжественныхъ надписяхъ они, впрочемъ, отнюдь не забываютъ говорить о себѣ, какъ о настоящихъ божествахъ, и множество статуй ихъ, высѣченныхъ изъ неразрушимаго камня, имѣетъ значеніемъ своимъ не что иное, какъ желаніе показать себя толпѣ въ видѣ боговъ. Нерѣдко черты ихъ лица отмѣчены печатью такого благороднаго спокойствія, какъ если бы ихъ освѣщалъ уже лучъ вѣчнаго покоя, не несутъ ничего личнаго и не имѣютъ ничего общаго съ земною индивидуальностью властителя. Были, впрочемъ, и такіе фараоны, которые, вѣруя въ свою истинную божественность, дали высѣчь свое изображеніе, вполнѣ точно отвѣчающее дѣйствительности,—благодаря этому сохранились фигуры царей, отмѣченныя неоспоримою печатью идіотизма [1]).

Культъ фараоновъ превратился на дѣлѣ въ полное порабощеніе ихъ подданныхъ и заставилъ послѣднихъ жить исключительно химерической надеждой на загробную жизнь.

Души ихъ были охвачены всецѣло идеей смерти, но смерти, которая въ то же время являлась и началомъ новой жизни,—ни одинъ народъ въ мірѣ не развивалъ эту тему болѣе подробно, какъ египтяне, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ египтянъ, которые имѣли достаточно досуга для того, чтобы думать о ней,—въ Египтѣ, конечно, какъ всегда и вездѣ, огромная масса людей довольствовалась самыми смутными идеями, исполненіемъ установленныхъ обрядовъ, произнесеніемъ молитвъ по готовымъ формуламъ, тожественнымъ у всѣхъ народовъ и во всѣ времена.

Наше воображеніе, правда, затрудняется представить себѣ «лучистую сущность» (ху), отличающуюся отъ «души» (ба), которая, въ свою очередь, отлична отъ «двойника» (ка),—всѣ эти три элемента являются какъ бы воспроизведеніемъ человѣка послѣ его смерти, совершенно такъ же, какъ «призракъ» или «тѣнь» покойнаго у другихъ цивилизованныхъ народовъ. «Двойникъ» египтянъ—это было точное воспроизведеніе тѣла человѣка, передающее всѣ его черты, сотканное изъ воздушной матеріи и даже носящее соотвѣтственную окраску. И именно для этого-то двойника и приготовлялось египтянами «доброе» или «вѣчное» жилище, для него стѣны могилъ покрывались изображеніями рабовъ, такъ какъ изображенія рабовъ скорѣе всего могутъ быть необходимы тѣни ихъ господина [2]); для двойника же производилось мумифицированіе трупа, и

---

1) Fr. Lenormant. «Les premières Civilisations», L'Antiquité égyptienne à l'Exposition de 1867.—2) G. Perrot. «De la Tombe égyptienne». Revue des Deux-Mondes, 1881.

высѣкались статуи, дававшія ему какъ бы искусственную опору; для него же, наконецъ, нагромождали феллахи сотни и тысячи камней одинъ на другой, возводя стройныя пирамиды.

«Двойникъ» былъ привязанъ къ могилѣ, тогда какъ «душа» странствовала свободно, обитала среди боговъ, посѣщала другую «страну Нила», царство Озириса, лежащее по ту сторону смерти. Правда, иногда у египтянъ являлась мысль о существованіи ада, но идея возмездія оставалась у нихъ все же неясной,—вѣрованія египтянъ въ этомъ отношеніи не отличались отъ вѣрованій современныхъ христіанъ; къ тому же они были убѣждены, что, какъ бы ни былъ великъ грѣхъ, онъ, во всякомъ случаѣ, не заслуживаетъ вѣчнаго наказанія [1]).

Религія египтянъ не представляла собою неподвижнаго комплекта вѣрованій, какъ это воображали греческіе историки, а за ними и египтологи классическаго періода,—религія египтянъ развивалась постепенно. Послѣ проявленія заботъ о судьбѣ «двойника», вѣрующій концентрировалъ всѣ свои помыслы на второй жизни,—онъ требовалъ «дыханія для своихъ устъ» и находилъ утѣшеніе въ словахъ Озириса: «Я дамъ тебѣ безконечныя возобновленія». Египтянинъ прежнихъ временъ не признавалъ воскресенія изъ мертвыхъ, но вѣровалъ въ цѣлый рядъ безконечныхъ возрожденій [2]).

Изъ всѣхъ документовъ, завѣщанныхъ намъ древнимъ Египтомъ, основной священной книгой, какъ бы Библіей, охватывающей самую суть религіи, должно считать «Книгу мертвыхъ», текстъ которой помѣщался на лентахъ, обматывающихъ муміи, и сопровождалъ «двойникъ» въ царство запада. Существуютъ многочисленныя формы этой книги, варіантовъ ея множество, но каковы бы ни были различія въ формулахъ молитвъ, самый текстъ ея изложенъ всегда торжественнымъ и высокимъ языкомъ, свидѣтельствующимъ о глубокой вѣрѣ египтянъ въ переходъ человѣка отъ одной жизни къ другой. Слова этихъ молитвъ рисуютъ передъ нами земное существованіе, какъ приготовленіе къ жизни, которая настанетъ послѣ того, какъ человѣкъ совершенно очистится путемъ испытаній въ «Аменти» или въ «западномъ мірѣ», будетъ признанъ «праведнымъ» и перейдетъ въ состояніе истинной божественной природы; именно тогда возвратится онъ въ свое тѣло, чтобы снова его обоготворить, превратить его во вполнѣ совершенную тѣлесную оболочку, которая не будетъ болѣе знать ни болѣзней, ни старости, ни смерти [3]).

Воображаемое всемогущество жрецовъ придавало обрядамъ, моленіямъ и въ особенности жертвоприношеніямъ, столь выгоднымъ для жреческой касты, чрезвычайно высокое значеніе въ смыслѣ спасенія душъ

1) E. Amélineau. «Résumé de l'Histoire d'Egypte», p. 56.—E. Maurice Lévy. Note manuscrite.—2) A. Gayet. «Coins d'Egypte ignorés».—3) Maspero. «Mémoire sur quelques Papyrus du Louvre».

Живопись на стѣнахъ царской гробницы Нактъ.

умершихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ритуалѣ церемоній проявляется также тотъ запасъ доброты и справедливости, который сохранился у земледѣльческаго населенія Египта,—это былъ какъ бы пережитокъ древняго Египта, который первые земледѣльцы завоевали своимъ потомъ и кровью. «Я далъ хлѣба тому, кто былъ голоденъ; я далъ воды тому, кто жаждалъ;

я далъ одежды тому, кто былъ нагъ»,—и каждый властелинъ, каждый надзиратель за работами восхваляетъ также въ посмертныхъ панегирикахъ свою безграничную доброту: «Я—посохъ старца, я кормилецъ ребенка, защитникъ несчастныхъ, согрѣвающій тѣхъ, кому холодно, утоляющій голодъ изнуренныхъ»... «Я отецъ тѣхъ, у кого нѣтъ отца, мать тѣхъ, у кого нѣтъ матери»... «Я никогда не заставлялъ работать кого бы то ни было больше, чѣмъ работалъ самъ»... «Я никогда не клеветалъ на раба предъ его господиномъ»... Впрочемъ, покойный претендуетъ не только на доброту и справедливость, но хвалится и своей дѣятельной защитой слабыхъ передъ сильными. «Я отвращалъ руку насильника, противопоставлялъ силу силѣ, я былъ высокомѣрнымъ съ высокомѣрными, я заставлялъ опустить голову того, кто ее задиралъ». Правда, все это не болѣе какъ простыя эпитафіи, столь же лживыя, какъ и вездѣ, но настойчивость, съ которою эти загробныя изліянія говорятъ о добрыхъ качествахъ покойнаго, свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, что онъ вполнѣ сознавалъ, въ чемъ заключаются благородство, величіе души и доброта.

Это обоготвореніе будущей жизни сказывалось у египтянъ практически большою заботливостью ихъ по отношенію къ трупамъ умершихъ; заботы о трупахъ наблюдались еще въ теченіе до-историческаго періода,—въ наиболѣе древнихъ гробницахъ кости, найденныя въ нихъ, носятъ слѣды примѣненія различныхъ способовъ для сохраненія труповъ [1]. Для того, однако, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ, что трупъ сохранится до грядущаго воскресенія изъ мертвыхъ, было недостаточно только набальзамировать его,—необходимо было также сохранить его отъ нападенія дикихъ звѣрей, для чего слѣдовало скрыть его подъ грудою камней или внутри скалъ, необходимо было окружить его также магическими надписями для защиты отъ злого рока и злыхъ духовъ,—для этой послѣдней цѣли и служила «Книга Мертвыхъ»—сборникъ молитвъ и формулъ, которыя должны были произносить родственники и друзья почившаго.

Всѣ обычаи историческихъ временъ Египта свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сильно были преданы обитатели долины Нила заботамъ о прахѣ своихъ отцовъ,—они тратили на нихъ значительную часть своихъ личныхъ расходовъ. Мумифицированіе трупа лица изъ высшихъ классовъ общества стоило не менѣе таланта, т.-е. нѣсколько тысячъ франковъ на наши деньги; даже мумифицированіе труповъ бѣдныхъ людей вызывало значительные расходы и занимало всегда не менѣе 70 дней, необходимыхъ для этого согласно уставу. Неимущіе люди, которые не

1) E. A. Wallis Budge. «The Book of the Dead».

могли купить веществъ, необходимыхъ для бальзамированія, не могли заплатить за работу и за фамильный склепъ или хотя бы за мѣсто въ общемъ некрополѣ, должны были навсегда оставить надежду на возрожденіе къ лучшей, болѣе счастливой жизни,—они погибали окончательно. У жрецовъ хватало богатствъ даже на то, чтобы сохранить отъ тлѣнія множество труповъ священныхъ животныхъ—ибисовъ, ястребовъ, коршуновъ, сычей, кошекъ, шакаловъ, крокодиловъ, обезьянъ, мышей, летучихъ мышей, змѣй, рыбъ и жуковъ, но множеству бѣдныхъ людей въ этой привилегіи было отказано. Тѣмъ не менѣе, послѣдовательныя поколѣнія египтянъ отлагали милліоны мумій... Во многихъ мѣстностяхъ положительно прахъ, попираемый ногами, состоитъ сплошь изъ распавшихся человѣ-

Саркофагъ царскаго писца XIX династіи.

ческихъ тѣлъ. Именно въ этомъ смыслѣ можно сказать о древней долинѣ Нила: «Въ этой странѣ нѣтъ ничего обычнаго—все здѣсь священно» [1]).

Археологи констатируютъ съ изумленіемъ удивительное развитіе, которое приняло въ Египтѣ искусство бальзамированія труповъ,—оно занимало сотни тысячъ рукъ. Они пробовали также составить себѣ представленіе о томъ количествѣ различныхъ веществъ, которыя находятся въ гробницахъ,—веществъ такихъ невѣроятно много, и они чрезвычайно разнообразны: мы находимъ здѣсь обыкновенныя и драгоцѣнныя ткани, пахучія и антисептическія жидкости, смолы, клеевыя вещества и различные химическіе продукты, не говоря уже объ амулетахъ, украше-

1) L. von Ranke. «Weltgeschichte», t. I, p. 7.

піяхъ, молитвахъ и заклинаніяхъ, зашитыхъ или спрятанныхъ въ одѣянія. Трупъ обматывался иногда полосою матеріи длиною въ «1000 локтей», и вся она пропитывалась ароматическими и смолистыми веществами, привозимыми изъ «Счастливой Аравіи»; заботы о мертвыхъ поглощали, пожалуй, труды половины всего живого населенія.

Исторія мумифицированія труповъ прошла, однако, какъ и все на свѣтѣ, извѣстный циклъ развитія. Въ самыхъ древнихъ могилахъ, изслѣдованныхъ Амелино,—могилахъ среди развалинъ Абидоса, скелеты помѣщены въ изогнутомъ положеніи, имѣютъ позу людей, сидящихъ на-корточкахъ,—позу, которая обычна у туземцевъ, когда они садятся около своихъ хижинъ послѣ дневной работы; почти совершенно такова же и поза перувіанскихъ мумій. Въ тѣхъ же самыхъ гробницахъ Амелино открылъ трупы, надъ которыми была уже произведена нѣкоторая попытка мумифицировать ихъ при помощи натра или другихъ веществъ [1]). Первыя муміи, приготовленныя тѣмъ способомъ, который затѣмъ сдѣлался классическимъ, именно муміи изъ некрополей Мемфиса, черны, сухи и ломки, тогда какъ муміи изъ Ѳивъ обладаютъ золотистымъ цвѣтомъ и нѣкоторою гибкостью; нога одной изъ мумій въ музеѣ Гимэ производитъ впечатлѣніе сдѣланной изъ полированной слоновой кости. Въ позднѣйшія эпохи муміи снова становятся черными, тяжелыми, безформенными, такъ какъ обычай бальзамированія сдѣлался лишь пустой формальностью, вѣра въ него исчезла [1]).

Мумія царицы Тіи.

Такую же эволюцію претерпѣло и искусство украшенія гробницъ. До эпохи XII династіи, т.-е. до эпохи наибольшей славы Ѳивъ, когда егип-

1) Amélineau. «Les nouvelles Fouilles d'Abydos», p. 25.

тяне еще не были увлечены идеей смерти, и искусство консервированія тѣлъ было относительно слабо развито, гробницы, особенно тѣ, которыя мы находимъ въ некрополѣ Саккара, близъ Мемфиса, свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что тогдашнее египетское общество было еще относительно свободно по своему духу, не измельчало подъ давленіемъ жрецовъ. Въ этихъ гробницахъ не было вовсе изображеній боговъ,—Озирисъ въ нихъ отсутствуетъ, и лишь Анубисъ охраняетъ двери, ведущія въ усыпальницу. Въ гробницѣ покойникъ находится какъ у себя дома, со своею женой и своими дѣтьми, а также и со своими многочисленными слугами,—тогда имѣлись уже крупные собственники; все въ усыпальницѣ было устроено такъ, чтобы обладателю ея было въ ней удобно, и чтобы онъ могъ продолжать свои обычныя занятія. Прежде всего, однако, были приняты всѣ предосторожности противъ того, чтобы никто изъ чужестранцевъ не могъ нарушить торжественнаго покоя, въ которомъ усопшій долженъ былъ пребывать вѣчныя времена.

Золотая маска царицы Тія.

Совершенно отличны отъ этихъ первоначальныхъ могилъ, столь удобныхъ и украшенныхъ жизнерадостными изображеніями, тѣ ужасныя подземелья въ которыхъ жрецы, одержавшіе побѣду надъ обществомъ, погребали несчастныхъ, всю жизнь прожившихъ подъ ихъ тяжелымъ гнетомъ. Въ этихъ могилахъ, устроенныхъ по предписаніямъ жрецовъ, каждое изъ изображеній вселяетъ ужасъ: души усопшихъ, жившихъ подъ вѣчнымъ страхомъ, должны и воскреснуть среди ужасовъ [1]). Изъ могилъ выходило на поверхность земли постоянное напоминаніе о смерти, оно преслѣдовало людей при всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, присутствовало даже во время ихъ пиршествъ. На торжественныхъ пирахъ обносили вокругъ стола гробъ, чтобы напомнить пирующимъ, какъ коротка наша жизнь. Затѣмъ наступаетъ заключительная эпоха эволюціи, когда всѣ обряды

1) Ernest Renan. «Mélanges d'Histoire et des Voyages», p. 47.

являются не болѣе какъ пережитками, лишенными всякаго значенія, когда надписи на памятникахъ составляются на уже забытомъ языкѣ, когда вторгаются совершенно новыя идеи—идеи радостной и свободной жизни—и примѣшиваются къ идеямъ смерти, проникая какъ свѣтлый лучъ во тьму гробницъ. Такъ, незадолго до завоеванія Египта римлянами одинъ изъ великихъ жрецовъ, потерявшій свою жену, украсилъ ея гробницу надписью, благочестивый стиль которой напоминаетъ торжественныя поученія древнихъ временъ; въ то же время въ ней имѣется,

Деревня на берегахъ Нила. Надъ домами голубятни.

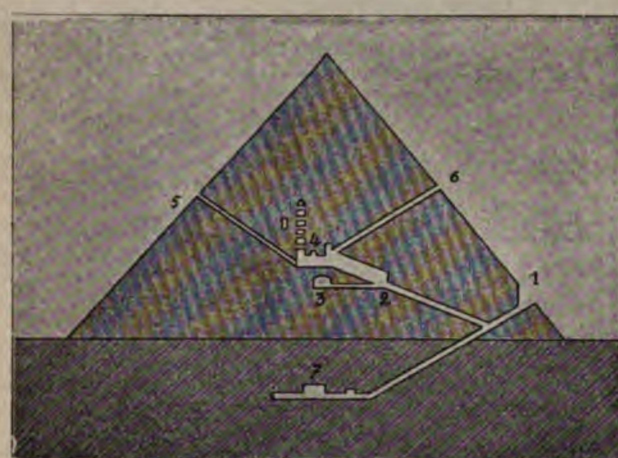
однако, и слѣдующее своеобразное добавленіе: «не воздерживайся отъ питья, ѣды, опьянѣнія, утѣхъ любви; не давай скорби войти въ сердце твое».

Совершенно исключительное мѣсто между всѣми твореніями египтянъ занимаютъ египетскія пирамиды, одна изъ которыхъ оставалась въ теченіе тысячелѣтій самымъ высокимъ зданіемъ, созданнымъ рукою человѣка: уже по внѣшней формѣ своей онѣ кажутся положительно вѣчными, неразрушимыми. «Быть-можетъ, эти гигантскіе саркофаги, эти древнѣйшіе памятники въ мірѣ переживутъ всѣ остальные», говоритъ одинъ изъ авторовъ [1]), нѣсколько преувеличивая, правда, значеніе пирамидъ, на самомъ дѣлѣ, онѣ вовсе не были первыми памятниками, созданными человѣкомъ,—онѣ являлись не болѣе какъ подражаніемъ тѣмъ ступенчатымъ храмамъ, которые были воздвигнуты ранѣе на берегахъ Тигра и Евфрата. Эти произведенія рукъ человѣческихъ настолько поражали воображеніе людей всѣхъ послѣдующихъ поколѣній, что цѣлый рядъ легендъ приписывалъ ихъ возникновеніе то горнымъ духамъ, то подземнымъ демонамъ; съ другой стороны, многіе выдающіеся мыслители считали настолько нелѣпой самую мысль о томъ, что для храненія трупа одного единственнаго человѣка можно было заставить работать весь народъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, что отказывались

1) Gustave Lebon. «Les premières Civilisations», p. 11.

совершенно видѣть въ пирамидахъ простые надгробные памятники. Имъ приписывали значеніе сооруженій научнаго характера, свидѣтельствующихъ о тѣхъ познаніяхъ въ астрономіи и другихъ областяхъ, которыхъ достигли египтяне нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, на самой зарѣ исторіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что «камни говорятъ»—они свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что строители, обитавшіе въ долинѣ Нила, умѣли обтесывать строительные матеріалы съ поразительною точностью и могли рѣшать не мало геометрическихъ задачъ; подобно своимъ предшественникамъ, обитателямъ Халдеи, египтяне располагали довольно обширными астрономическими свѣдѣніями и умѣли придавать своимъ сооруженіямъ опредѣленное положеніе. Нѣкоторые изслѣдователи предполагали даже, что отношенія различныхъ частей пирамидъ между собою имѣютъ болѣе серьезное значеніе, въ особенности поскольку это касается самой большой изъ пирамидъ—пирамиды Хеопса или Куфу, названной такъ по имени фараона, который построилъ ее для помѣщенія въ ней своихъ останковъ. Этотъ памятникъ разсматривали какъ нѣкоторымъ образомъ резюмэ тогдашняго состоянія геодезической науки, такъ какъ будто бы всѣ ея измѣренія, длина всѣхъ ея граней и различныя ея подраздѣленія соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ и очень простымъ частямъ діаметра земного шара.

Разрѣзъ чрезъ великую пирамиду.

1. Входъ въ пирамиду.
2. Главный корридоръ.
3. Усыпальница царицы.
4. Усыпальница фараона.
5 и 6. Вентиляціонные каналы.
7. Подземная камера.

Точно также предполагали, что великая пирамида была въ нѣкоторомъ родѣ хранилищемъ, которое содержало «тайну Нила» [1]). Тогда какъ большинство населенія Египта оставалось въ теченіе тысячелѣтій въ полномъ невѣдѣніи истоковъ великой рѣки, тогда какъ ученые тщетно добивались узнать, откуда беретъ начало эта священная рѣка, жрецы

---

1) L. Mayou. «Le Secret des Pyramides de Memphis».

будто бы хорошо знали эту тайну и сохранили ее въ видѣ таинственной карты, представленной особымъ расположеніемъ комнатъ внутри пирамиды: тамъ, якобы, можно найти комнату, соотвѣтствующую огромному озеру, которое извѣстно теперь подъ названіемъ Ньянза, можно найти западныя озера и другія черты гидрографіи верхняго теченія

Данныя относительно нѣкоторыхъ пирамидъ.

l—длина у основанія; h—высота пирамиды въ метрахъ въ настоящее время, по Піацци Смиту; α — уголъ у основанія, если онъ не указанъ, то подразумѣвается уголъ между 50° и 52°.

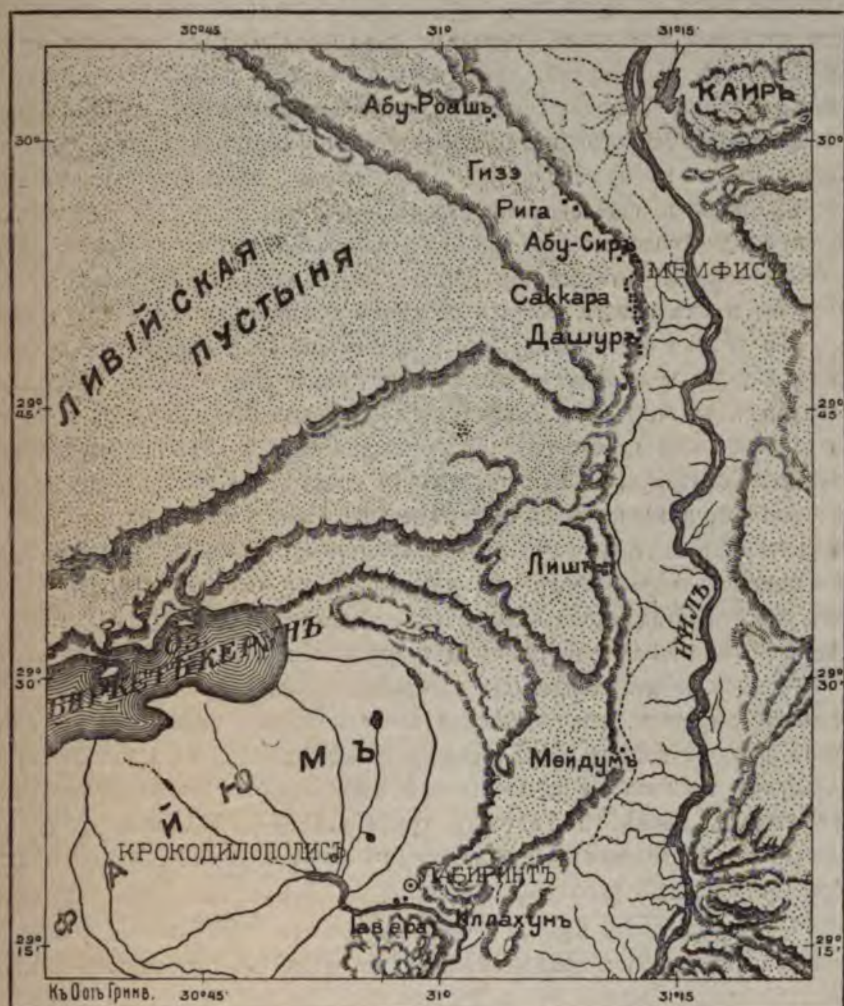
	l	h
Абу-Роашъ - развалины неоконченной пирамиды	96	12
Гизе, пирамида Хеопса	231	135
пирамида Хефрена	207	134
пирамида, начатая для фараона Менкера, оконченная и облицованная сіенитомъ для царицы Нитокрисъ . . .	101	61
Рига или Зауйетъ-эль-Аріанъ—развалины пирамиды . .	•90	18
другая пирамида тамъ-же съ различнымъ наклономъ сторонъ - α=75° и 50° . .	30	13
Абу-Сиръ, пирамиды, построенныя фараонами V династіи (?); у двухъ пирамидъ l=64 и 65, h=32 или 35, у наибольшей пирамиды	97	49
Саккара, ступеньчатая пирамида, α=73°, самая первая (?) по времени постройки, основаніе не квадратное	92 п 105	55
5 другихъ пирамидъ, построенныхъ для фараоновъ Унасъ (V дин.), Тети, Пепи I, Меренра и Пепи II (VI династіи)	68—81 18	32
Дашуръ,—одна изъ пирамидъ, по Масперо, была построена для фараона Снефру, двѣ другія - для Узертезена III и Аменемхата II. Первая пирамида имѣетъ разные склоны сторонъ α=54° и 43°	185	96
Вторая пирамида, сильно сплющенная. α=43°	210	98
Третья пирамида, очень крутая, α=57°	120	47
Лиштъ, развалины пирамиды Узертезена I, α=49°	107	21
развалины пирамиды Аменемхата I	90	15
Мейдумъ, пирамида, построенная, по Флиндерсу Петри, для фараона Снефру	60	37
Иллахунъ, пирамида Узертезена II, основаніемъ коей, по Фл. Петри, служитъ обтесанная искусственно скала .	108	34
Гавара, пирамида Аменемхата III и его дочери, по Фл. Петри .	90	32

Нила, которыя были открыты вновь лишь современными изслѣдователями во второй половинѣ XIX вѣка.

Наконецъ, нѣкоторые ученые представляли себѣ даже, что великая пирамида и въ меньшей степени и другія пирамиды являются непосредственными откровеніями свыше и облекаютъ въ осязаемыя монументальныя формы религіозныя «истины». По словамъ астронома Піацци Смита, изучавшаго въ теченіе долгаго времени египетскія пирамиды, пирамида Хеопса—настоящая «Библія изъ камня», возведенная подъ управленіемъ жреца Мельхиседека,—она «завѣтъ, аналогичный данному

свыше пророкамъ и апостоламъ». Изучая различныя части пирамиды, можно найти не только цифры, соотвѣтствующія діаметру земли, но также и соотвѣтствующія ея плотности, точному разстоянію отъ солнца

№ 141. Область пирамидъ.

По Линанъ-де-Бельфонду и др.

1: 750000

0 10 25 50 килом.

до земли и до планетъ, продолжительности годового періода въ дняхъ и періода прецессій въ годахъ; можно найти также и точныя указанія на годъ постройки пирамиды и на продолжительность періода,

протекшаго отъ него до Рождества Христова,—этотъ періодъ обнимаетъ 2170 лѣтъ, соотвѣтственно съ пророчествомъ, предсказывающимъ наступленіе тысячелѣтія въ 1882 г. [1]).

Другой астрономъ, Лагранжъ, высказываетъ соображенія, даже производящія впечатлѣніе шутки,—онъ утверждаетъ, что Богъ евреевъ проявился лишь въ двухъ твореніяхъ—въ Библіи и въ пирамидѣ Хеопса, тогда какъ всѣ остальныя произведенія—не болѣе, какъ созданіе рукъ человѣческихъ и, пожалуй, даже лишь ничтожныя подражанія произведеніямъ Вѣчнаго Творца. Впрочемъ, къ этимъ двумъ проявленіямъ небесной силы и небесной воли, проявленіямъ, составляющимъ, по Лагранжу, ключъ къ прошедшему и къ будущему, этотъ ученый мистикъ присоединяетъ и еще одно проявленіе,—именно, творенія одного изъ современныхъ геодезистовъ—Брука [2]), по его мнѣнію столь совпадающія съ божественнымъ откровеніемъ, что если ихъ понимать буквально, пришлось бы и ихъ автора считать вдохновленнымъ свыше [3])!

Мы знаемъ уже, однако, что пресловутый «законъ Брука», по которому исторія человѣчества дѣлится на правильные періоды, нѣсколько болѣе чѣмъ въ 500 лѣтъ, совпадающіе съ великимъ періодомъ магнитнаго склоненія, и перемѣщается, такъ сказать, отъ одного центра цивилизаціи къ другому, по направленію съ востока на западъ,—этотъ законъ находится въ полномъ несоотвѣтствіи съ огромнымъ количествомъ историческихъ и географическихъ фактовъ,—его можно допустить развѣ какъ предметъ вѣры, воспріемлемой людьми съ религіознымъ направленіемъ мыслей. Надо сказать, впрочемъ, что, тѣмъ не менѣе, законъ этотъ имѣетъ все же очень ревностныхъ приверженцевъ, которые не отступаютъ ни передъ какою нелѣпостью. Не утверждаютъ ли, напримѣръ, нѣкоторые англійскіе писатели, что англійская нація непосредственно ведетъ свое начало отъ 12 колѣнъ Израилевыхъ? Точно также не установилъ ли съ большою точностью д-ръ Джонъ Лейтфутъ, профессоръ кембриджскаго университета, послѣ 15-тилѣтняго труда (1888—1903) день рожденія Адама, созданнаго, какъ оказывается, въ 4004 г. до Р. Хр., 23-го октября, въ 9 часовъ утра [4])!

Пирамиды столь сильно поражали всегда воображеніе человѣка своею массивностью и грандіозностью, что даже въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ многіе очень ученые люди видѣли въ нихъ предметы священные, почти святыни, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, эти каменныя громады были воздвигнуты, быть-можетъ, лишь однимъ чрезвычайнымъ

1) M. Piazzi Smith. «Our Inheritance of the great Pyramid». Trad. de l'abbé Moigno: «La grande Pyramide, pharaonique de nom, humanitaire de fait.— 2) Bruck. «L'Humanité, son Développement, sa Durée». — 3) G. Lagrange. «Sur la Concordance entre la Chronologie de la Bible et celle de la grande Pyramide».— 4) L. J. Morié. «Histoire de l'Ethiopie», p. 48.

Уголъ великой пирамиды Хеопса.

человѣческимъ высокомѣріемъ и гордостью. Въ то же самое время развивались разнообразнѣйшія теоріи относительно математическаго, астрономическаго и религіознаго значенія линій, угловъ, плоскостей и діаго-

налей великой пирамиды, но всѣ онѣ основывались на измѣреніяхъ, точность которыхъ была далеко недостаточна, такъ какъ самыя лучшія изъ этихъ измѣреній расходились между собою нерѣдко на метръ и даже болѣе. Первая вполнѣ точная тріангуляція пирамиды Хеопса была произведена египтологомъ Флиндерсомъ Петри, которому за время этой работы пришлось сдѣлаться пещернымъ жителемъ, такъ какъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1880 и 1881) онъ жилъ въ усыпальницѣ фараона, внутри пирамиды; произведенныя имъ изслѣдованія опредѣлили размѣры пирамиды со всею точностью, какую только допускаетъ современная геодезія. Направленіе линій и углы этого произведенія древнихъ египтянъ отличаются, вообще говоря, чрезвычайною точностью, такъ какъ средняя ошибка въ нихъ не достигаетъ 2 миллиметровъ, оріентировка пирамиды, однако, очень ошибочна,—ось зданія на 3′ 43″ отклоняется отъ сѣвера къ западу противъ меридіана [1]).

Флиндерсъ Петри находитъ, что та картина организаціи работъ постройки, которую даетъ Геродотъ, вполнѣ справедлива; великая пирамида Хеопса и всѣ другія пирамиды, за исключеніемъ пирамиды Мейдума, строились за одинъ разъ съ находящимся въ центрѣ саркофагомъ, и камни, составляющіе нужную облицовку, обтесывались ранѣе, чѣмъ ставились на надлежащее мѣсто; въ произведеніи работъ замѣчалась, однако, нѣкоторая неровность. Нѣкоторыя детали постройки составляютъ рѣзкій контрастъ грубостью своего выполненія съ чрезвычайною точностью всей работы и съ замѣчательнымъ совершенствомъ бо̀льшей части отдѣлки. При постройкѣ примѣнялись нерѣдко такіе хитрые пріемы, что и строитель нашего времени могъ бы ими гордиться.

Большинство теорій, касающихся размѣровъ пирамиды, не оправдывается при точныхъ измѣреніяхъ; лишь одинъ фактъ можно считать прочнымъ пріобрѣтеніемъ: уголъ, дѣлаемый сторонами съ горизонтальною поверхностью земли, таковъ (около 52°), что сторона пирамиды и ея высота находятся между собою въ соотношеніи, выражаемомъ половиною величины π математиковъ; можно сказать также, что площадь боковой стороны пирамиды равна квадрату ея вышины, и замѣчательно, что Геродотъ [2]), какъ это было доказано еще Джономъ Гершелемъ, уже зналъ эту особенность, хотя и не выразилъ ея съ полною точностью. Впрочемъ, уголъ этотъ съ точностью до нѣсколькихъ минутъ одинаковъ у 15 главнѣйшихъ пирамидъ, абсолютная длина коихъ между собою различна.

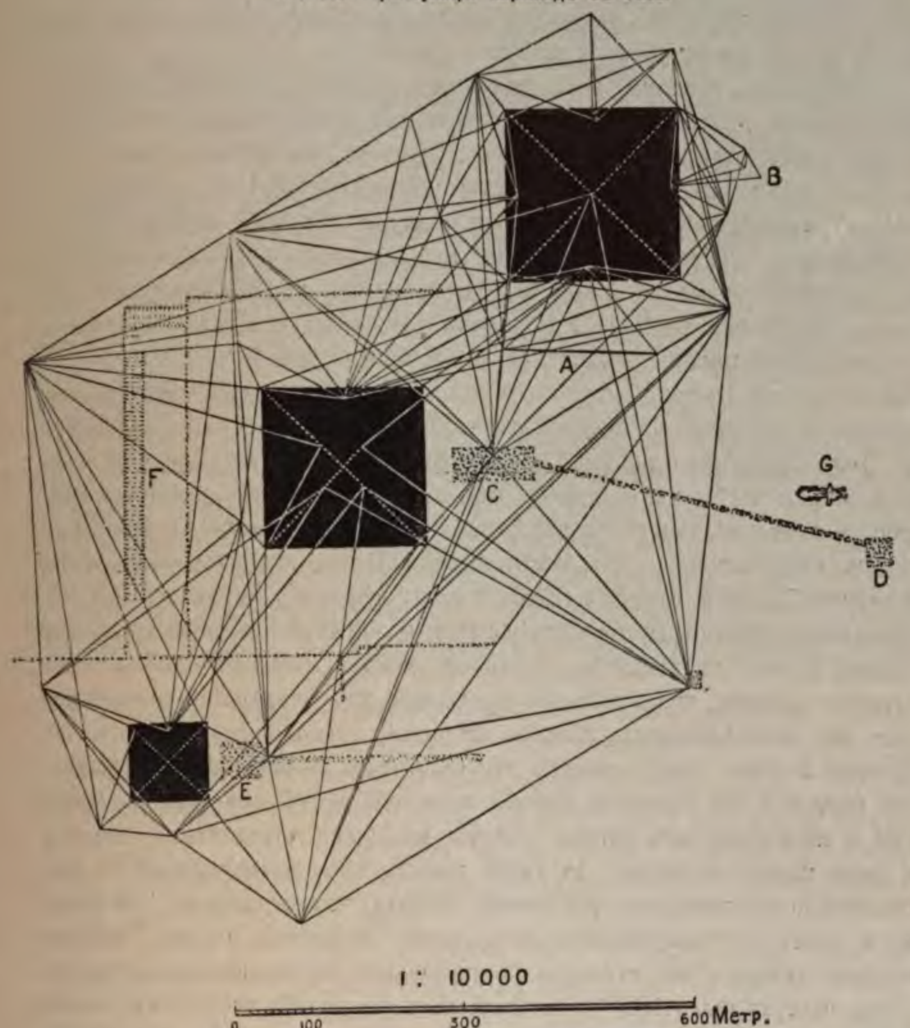
Принимая во вниманіе, что богъ смерти Сетъ имѣетъ свое видимое изображеніе въ звѣздѣ Сиріусѣ, находящейся въ созвѣздіи Пса, Махмудъ-

---

1) W. M. Flinders Petrie. «Ten Years Digging in Egypt», p. 22. — 2) Геродотъ. «Исторія», II, 124. Первое опредѣленіе даетъ величину угла у основанія 51° 51′, второе—51° 49′.

Бей [1]) старался найти соотвѣтствіе между наклономъ южной стороны

№ 142. Тріангуляція пирамидъ въ Гизе.

A. Измѣренный базисъ.
B. Углубленіе на восточной сторонѣ пирамиды Хеопса для отдѣленія камней облицовки.
C. Храмъ пирамиды Хефрена.
D. Храмъ розоваго гранита, до-фараоновой эпохи (?).
E. Храмъ пирамиды Менкера.
F. Развалины жилища рабочихъ.
G. Большой сфинксъ до-фараоновой эпохи (?).

Слѣды древнихъ стѣнъ и дорогъ намѣчены точками.

пирамиды и угломъ паденія луча звѣзды во время ея кульминаціи; онъ

1) Mahmud Bey. «L'Age et le But des Pyramides lus dans Sirius». Вычисленіе было исправлено Валеріемъ Маэсъ (Note manuscrite).

вычислилъ, такимъ образомъ, что время постройки пирамиды относится къ 3266 г. до Р. Хр.; однако, въ этомъ все же явное противорѣчіе—съ одной стороны, мы имѣемъ астрономическій элементъ, подвергающійся періодической варіаціи, съ другой—полное постоянство угла пирамидъ, возведенныхъ на протяженіи многихъ вѣковъ.

Впрочемъ, возникаетъ еще и такой вопросъ,—принадлежали ли всѣ эти познанія, дѣйствительно, египетскимъ строителямъ, или же это были знанія архитекторовъ, пришедшихъ въ Египетъ изъ Месопотаміи, либо въ качествѣ плѣнныхъ, либо въ качествѣ эмигрантовъ? Поражаетъ, во всякомъ случаѣ, тотъ весьма важный фактъ, что всѣ 67 пирамидъ, насчитанныхъ Лепсіусомъ въ 1842 г., изъ которыхъ, впрочемъ, найдено въ настоящее время не болѣе 40, расположены въ Нижнемъ Египтѣ, между бассейномъ Файюма и началомъ дельты Нила. Если не считать небольшой пирамиды, относящейся ко времени первой династіи, открытой Морганомъ въ Нагадѣ, —пирамиды, стороны которой украшены рѣзною работою и окружены футляромъ изъ кирпичей,—то приходится подняться по Нилу болѣе чѣмъ на 2000 километровъ вверхъ вплоть до окрестностей Мероэ, чтобы найти около сотни другихъ пирамидъ меньшей величины и болѣе недавняго происхожденія. Всѣ эти сооруженія располагались, слѣдовательно, въ области долины Нила, наиболѣе близкой къ долинамъ Тигра и Евфрата. Если, такимъ образомъ, чужеземные учителя, пришедшіе съ востока, устроились въ Египтѣ, принеся туда свои обычаи и свою цивилизацію, то именно данная мѣстность должна была служить вратами, чрезъ которыя произошло ихъ вторженіе, совершенно такъ же, какъ произошло позднѣе вторженіе гиксовъ. Быть-можетъ, допустимо и такое предположеніе, что египетскіе лѣтописцы воздержались отъ занесенія на страницы исторіи появленія царей чужеземныхъ династій и подмѣнили ихъ затѣмъ своими мѣстными египетскими царями, и лишь народъ сохранилъ въ своей памяти нѣкоторыя указанія на дѣйствительно происшедшее завоеваніе Египта чужестранцами. Быть-можетъ, вовсе не заслуживаютъ несерьезнаго отношенія слова Геродота, который увѣрялъ, что египтяне приписываютъ возведеніе пирамидъ нѣкоему пастуху Филитіону [1]), который пасъ свои стада въ этой мѣстности. Дѣйствительно, что такое представлялъ собою для земледѣльцевъ Египта кочевникъ-пастухъ,—это былъ чужеземецъ, врагъ, человѣкъ, пришедшій съ востока. Быть-можетъ, въ такомъ именно смыслѣ должно истолковывать и тѣ слова Геродота, что египтяне въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ прожили, не раскрывая своихъ храмовъ. Если бы они дѣлали это изъ ненависти къ своимъ собственнымъ царямъ, то какъ допустить, чтобы эти послѣдніе, обладая такимъ могуществомъ, что заставляли свой

1) Геродотъ. «Исторія», кн. II, 128.

Тріумфальныя арки храма Рамзеса IV въ Карнакѣ.

народъ строить пирамиды, не располагали въ то же время достаточнымъ авторитетомъ для того, чтобы держать храмы открытыми? Все это объясняется, однако, очень просто, если признать, что властители Египта были, дѣйствительно, чужеземными завоевателями,—они въ такомъ случаѣ сами приказали закрыть храмы.

Какъ бы то ни было, въ архитектурѣ и въ самомъ символическомъ значеніи пирамидъ произошли крупныя измѣненія уже въ теченіе періода ихъ сооруженія, опредѣляемаго въ нѣсколько тысячелѣтій. Первоначально, когда халдейскіе строители только-что пришли изъ города Эриду въ городъ Мемфисъ, или, переводя названія этихъ двухъ городовъ съ соотвѣтственныхъ нарѣчій,—изъ одного «Добраго Города», или, вѣрнѣе, «Города Добраго Бога», въ другой «Городъ Добраго Бога» [1]), пирамиды строились изъ кирпичей, сдѣланныхъ изъ глины, и возводились въ видѣ послѣдовательно уменьшающихся террасъ, подобно обсерваторіямъ и «Вавилонскимъ башнямъ» Халдеи; затѣмъ число террасъ,

---

1) Fritz Hommel. «Der babylonische Ursprung der ægyptischen Kultur», p. 1.

ограничивавшееся первоначально 7-ью, постепенно было увеличено, такъ какъ соотвѣтственно уменьшалась вышина ступеней, вслѣдствіе того, что кирпичи были замѣнены камнемъ. Въ концѣ концовъ, исчезли всѣ слѣды внѣшнихъ неровностей пирамидальнаго тетраэдра, и все сооруженіе сдѣлалось массивной геометрической фигурой, вполнѣ правильной и обладающей ровными поверхностями. «Мастаба», т.-е. царская гробница, возводившаяся первоначально отдѣльно въ сторонѣ отъ пирамиды, съ первыхъ временъ историческихъ династій стала помѣщаться въ серединѣ этого сооруженія изъ нагромождаемыхъ другъ на друга камней.

Подозрительные и осторожные египетскіе цари желали, во что бы то ни стало, чтобы тѣла ихъ, украшенныя драгоцѣнными тканями и камнями, были спрятаны и отъ взоровъ простыхъ смертныхъ,— съ одной стороны, они старались удовлетворить этимъ свою непомѣрную гордость, съ другой же—ихъ побуждало къ постройкѣ пирамидъ и благоразуміе. Ихъ надгробные памятники должны были издали бросаться въ глаза и поражать своей массивностью и величіемъ; расположенные рядомъ храмы, статуи, тріумфальныя арки и цѣлыя аллеи сфинксовъ должны были придавать еще болѣе блеску ихъ гробницѣ, но въ то же время самая усыпальница такъ тщательно скрывалась внутри этихъ колоссальныхъ сооруженій, что никто не могъ ее найти въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Останки Хеопса въ его крохотной усыпальницѣ, скрытой внутри великой пирамиды, дѣйствительно, ускользали отъ глазъ простыхъ смертныхъ въ теченіе тысячелѣтій,—они были найдены лишь послѣ завоеванія Египта арабами, въ царствованіе калифа Маммуна.

Послѣ возведенія египтянами этого колоссальнаго надгробнаго памятника, который содержалъ мумію Хеопса и стоилъ неисчислимыхъ страданій рабамъ изъ побѣжденныхъ египтянами народностей, равно какъ и множеству бѣднаго населенія страны, наступилъ быстрый упадокъ въ искусствѣ сооруженія пирамидъ.

Если пирамиды были, дѣйствительно, произведеніемъ чужеземнаго происхожденія, то является вполнѣ понятнымъ, что переворотъ въ архитектурѣ произошелъ во времена фараоновъ ѳиванской династіи подъ вліяніемъ именно враждебнаго чувства къ чужеземнымъ династіямъ; впрочемъ, и другія причины могутъ въ достаточной мѣрѣ объяснить, почему была оставлена эта первобытная архитектура пирамидъ. Строить пирамиды болѣе грандіозныя было практически невозможно, такъ какъ приходилось бы исчерпать всѣ рессурсы страны и разорить земледѣліе и промышленность,—вотъ почему новая династія предпочитала возводить надгробныя сооруженія совершенно новаго стиля, и древній способъ постройки сдѣлался вскорѣ тѣмъ, чѣмъ онъ является и въ настоящее время—банальной моделью гробницъ, воспроизводимой честолюбивыми выскочками изъ низшихъ слоевъ общества.

Бибанъ-эль-Молукъ, близъ Өивъ. Могилы фараоновъ.

Высказывалась также мысль, что причиною, заставившею властителей Египта измѣнить форму ихъ гробницъ, было измѣненіе внѣшней

№ 143. Ѳивы и ихъ окрестности.

Нынѣшнія селенія — Подъемы мѣстности.

1 : 100 000

0 1 2 5 килом.

1. Бибанъ-эль-Молукъ, гробницы фараоновъ, Сети I, Менепта, Рамзеса III и т. п.
2. Драхъ-абулъ-Неггахъ, XI и XVII династій.
3. Храмъ Деиръ эль-Бахари и сокровищница.
4. Курна, до-историческія террасы.
5. Гробница царицъ.
6. Храмъ фараона Сети I.
7. Храмъ Тутмоса III.
8. Рамессеумъ.
9. Храмъ фараона Аменхотепа III.
10. Статуи Аменхотепа III, приписываемыя Мемнону, откуда названіе пригорода.
11. Храмъ Тутмоса II, Мединетъ-Хабу, храмъ Рамзеса III.
12. Алея сфинксовъ и храмъ Аменхотепа III.
13. Храмы Аммона, Тутмоса I и т. п. Священное озеро. Подъ этимъ храмомъ Аммона Жоржъ Легренъ открылъ въ 1903 г. сокровищницу, содержащую нѣсколько сотъ статуй, древности которыхъ достигаютъ 5000 лѣтъ; онѣ относятся къ періоду отъ II династіи до Птоломеевъ.
14. Дорога сфинксовъ, храмъ Мутъ.
15. Храмы Люксора, Аменхотепа и др.

среды. Въ Мемфисѣ и въ Ѳивахъ природа носитъ совершенно различный характеръ. Вмѣсто простыхъ горныхъ склоновъ, ограничивающихъ пу-

стыню съ западной стороны долины Нила и представляющихъ собою какъ бы пьедесталъ для колоссальныхъ сооруженій египтянъ, здѣсь надъ узкою, обработанною долиною поднимаются высокія, изрѣзанныя скалы. Для сооруженія пирамидъ не остается мѣста вовсе,—сѣрыя массы ихъ обрисовывались бы на сѣромъ фонѣ сосѣднихъ скалъ очень слабо и казались бы ничтожными. Сами склоны этихъ скалъ замѣняютъ здѣсь геометрически правильные треугольники великихъ пирамидъ сѣвера Египта. Внутри этихъ-то скалъ фараоны ѳиванской династіи и приказывали помѣщать свои останки,—тамъ они, дѣйствительно, могли разсчитывать, что тѣла ихъ сохранятся въ полной неприкосновенности: никакихъ наружныхъ украшеній, указывающихъ на присутствіе гробницъ, не существовало, и самые входы въ гробницы были замаскированы грудами камней, напоминающихъ осыпи.

Легко понять, къ чему были такія предосторожности. Уваженіе къ мертвымъ не было въ Египтѣ развито настолько сильно, чтобы могло удержать бѣдняковъ и рабовъ отъ жадности и сребролюбія,—конечно, они охотно добрались бы до гробницъ царей, гдѣ, какъ имъ было извѣстно, были спрятаны большія сокровища; они знали, что существуютъ «золотыя зала», гдѣ жрецы и придворные помѣстили все, что принадлежало тому или другому царю въ теченіе его жизни—все его оружіе, одежды, домашнюю обстановку, драгоцѣнности,—не разъ грабителямъ удавалось проникнуть въ эти богатыя усыпальницы. Еще древніе папирусы разсказываютъ намъ о подобныхъ грабежахъ: во времена Страбона 40 царскихъ могилъ было совершенно разграблено; публика свободно входила въ галлереи и покрывала стѣны греческими и латинскими надписями. Чтобы избѣжать оскверненія еще сохранившихся царскихъ мумій, жрецы придумали чрезвычайно удачно скрытые тайники, секретъ которыхъ былъ раскрытъ лишь арабами, занимавшимися раскопками въ 1881 г.,—тамъ были найдены поразительно хорошо сохранившіяся тѣла Рамзеса II и другихъ фараоновъ.

Архитектура храмовъ, съ теченіемъ вѣковъ, также претерпѣла сильныя измѣненія, вопреки обычному представленію о древнемъ Египтѣ, какъ странѣ, застывшей въ своей неподвижности. Съ самыхъ первыхъ временъ, къ которымъ восходятъ наши познанія о долинѣ Нила, мы видимъ, что обитатели приспособляются къ условіямъ внѣшней среды. Они не обитали, однако, вовсе въ пещерахъ горъ по берегамъ Нила, какъ это долгое время предполагалось [1],—да, въ сущности, и къ чему имъ было обитать тамъ: имъ было гораздо удобнѣе обитать на плотинахъ, построенныхъ въ тѣни посаженныхъ ими же деревьевъ, вблизи столь тщательно оберегавшихся ими каналовъ. Они умѣли возводить

1) Fr. Lenormant. «Les premières Civilisations».

Храмъ въ Дендерахѣ.

хижины изъ легкаго дерева,—сикомора и пальмы—деревья, наиболѣе обыкновенныя въ долинѣ, прекрасно отвѣчали ихъ требованіямъ; они не давали себѣ труда даже обтесывать срубленные стволы и обрубать вѣтви, имъ приходилось лишь класть одинъ стволъ на другой и соединять ихъ, заполняя промежутки и покрывая всю стѣну быстро затвердѣвающей глиной, взятой изъ рѣки. Такія низенькія хижины, построенныя изъ дерева и изъ глины, сохранились и до сихъ поръ и служатъ жилищемъ феллахамъ нашего времени,—онѣ едва были замѣтны у подножія величественныхъ пирамидъ, но, несмотря на это, именно эти-то жалкія хижины и служили, безъ сомнѣнія, моделью при возведеніи каменныхъ зданій, напримѣръ, хотя бы воротъ, ведущихъ къ гробницамъ. Наружныя украшенія такихъ каменныхъ воротъ состоятъ изъ чередующихся горизонтальныхъ и вертикальныхъ полосъ, чрезвычайно напоминающихъ пальмовые стволы, скрещивающіеся своими концами въ углахъ стѣнъ хижины,—такимъ образомъ, обитель мертвыхъ строилась по тому же типу, какъ и жилище живыхъ.

Намеки на первобытную архитектуру земледѣльцевъ встрѣчаются также и въ устройствѣ колоннъ египетскихъ храмовъ. Сообразно съ различными областями Египта, колонны, поддерживающія своды храмовъ, состояли либо изъ вертикальныхъ, отдѣленныхъ отъ скалы

обломковъ, либо изъ толстыхъ стволовъ деревьевъ,—послѣдніе были не такъ тяжелы, какъ камни, и въ то же время были болѣе прочны и не ломки. Было бы, однако, совершенно ошибочно думать, что капители колоннъ, получившія форму цвѣтка лотоса, съ самаго начала были подражаніемъ природѣ. Нельзя допустить, чтобы египетскимъ архитекторамъ пришла въ голову нелѣпая идея изобразить столь нѣжный цвѣтокъ на самомъ концѣ колонны, поддерживающей огромную тяжесть архитрава и всей верхней части зданія. Лишь путемъ постепенныхъ измѣненій, въ теченіе безконечнаго ряда вѣковъ, привыкли строители, мало-помалу, къ этой дикой, противной всякой логикѣ идеѣ соединять столь сильно отягощенныя колонны съ свободно развивающимися на воздухѣ цвѣтами.

Колонна храма въ Карнакѣ.

Естественнымъ переходнымъ элементомъ, повліявшимъ на измѣненіе стиля колоннъ и пріурочившимъ глазъ къ тому виду, который онѣ, въ концѣ концовъ, получили, было то обстоятельство, что въ дни празднествъ египтяне украшали [1]) колонны своихъ храмовъ гирляндами цвѣтовъ, и однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ ими цвѣтовъ былъ

1) G. Perrot et Ch. Chipiez. «Histoire de l'Art dans l'Antiquité». t. I, p. 58.

Храмъ въ Омбосѣ (Кумъ-Умбу).

именно лотосъ—символъ солнца, такъ какъ цвѣтокъ этотъ, подобно дневному свѣтилу, исчезаетъ ночью, закрывая свой вѣнчикъ, и возрождается съ восходомъ дневного свѣтила. Вслѣдъ за естественными гирляндами стали примѣняться, разумѣется, и искусственныя изображенія цвѣтовъ, которыми разрисовывались деревянныя колонны—эти рисунки образовывали нѣчто въ родѣ капители. Позднѣе уже эстетическая потребность заставила архитекторовъ соединить самую сущность колонны съ тѣми частями, которыя придаютъ ей красивыя для глаза очертанія, и, такимъ образомъ, они стали высѣкать цилиндрическую колонну въ формѣ пучка колонокъ, продолжающихся каждая въ отдѣльный бутонъ лотоса. Вся колонна, бывшая нѣкогда тяжелой и массивной, превратилась, благодаря этому, быть-можетъ, по прошествіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, въ пучокъ цвѣтовъ, распускающійся подъ тяжестью каменныхъ сводовъ. Самая древняя изъ «лотосообразныхъ» колоннъ была открыта въ 1893 г. близъ Абу-Сира и относится ко времени пятой династіи [1]). Въ концѣ концовъ, впрочемъ, для построекъ стали примѣняться колонны самыхъ разнообразныхъ стилей.

1) G. Foucart. «Histoire de l'Ordre lotiforme».

Храмъ въ Филахъ, видъ съ острова Биге.

Если извѣстную роль въ архитектурѣ Египта играло существованіе въ странѣ хорошихъ древесныхъ породъ, то, во всякомъ случаѣ, еще болѣе содѣйствовали блеску и величію ихъ храмовъ тѣ разнообразнѣйшіе и превосходнѣйшіе сорта камня, изъ которыхъ сложены цѣлыя горы на востокъ и на западъ отъ долины; окружающія скалы могли служить прекрасными моделями для архитекторовъ. Фантастическіе утесы египетскихъ горъ какъ бы запечатлѣли собою поразительную архитектуру египтянъ;

граниты Сильсилэ, получившіе названіе сіенитовъ, порфиры и змѣевики

№ 144. Планъ Некаба (Элькаба, Ейлейѳіасполиса).

1. Развалины, относящіяся къ IV династіи.
2. Надписи V и VI династіи.
3. Могилы XVIII династіи. На нихъ находится надпись, разсказывающая о взятіи города гиксовъ Гауару (Аварисъ, Гавара?) фараономъ Ахмесомъ.
4. Храмъ Тутмоса III.
5 и 6. Храмы Аменхотепа III.
7. Храмъ Рамзеса II.

На высотахъ Некаба Сомерсъ Клеркъ нашелъ до-историческіе остатки, сходные съ таковыми Курна, Нагада, Абидоса и др.

Берега нанесены по отношенію къ уровню наиболѣе значительныхъ приливовъ, отмѣченному нулевой горизонталью.

предоставляли обитателямъ долины Нила великолѣпный матеріалъ для

ихъ храмовъ, въ то же время сплошные или нуммулитовые известняки Мокаттама и Птолемаиды, чрезвычайно легкія для обработки, доставляли камень для пирамидъ, для менѣе роскошныхъ построекъ и для крѣпостныхъ стѣнъ.

Нѣкоторые изъ храмовъ отличались поразительной пропорціональностью своихъ очертаній, высотою своихъ сводовъ и колоннадъ, другіе достигали величественныхъ размѣровъ въ длину и ширину; въ этой странѣ, лишенной дождя, верхняя крыша ихъ имѣла всегда видъ горизонтальныхъ террасъ, параллельныхъ поверхности долины рѣки. Всѣ египетскія сооруженія носятъ общія черты величаваго однообразія, вполнѣ отвѣчающаго однообразію страны, ея основнымъ правильнымъ линіямъ, тянущимся до горизонта [1]).

Возводя поражающія насъ грандіозныя сооруженія, египтяне, безъ сомнѣнія, пріобрѣли уже достаточно обширныя техническія познанія, и нѣкоторыя детали ихъ работы свидѣтельствуютъ еще болѣе, чѣмъ устройство пирамидъ, о знакомствѣ ихъ съ астрономическими законами.

Трехлѣтнія изслѣдованія въ Египтѣ убѣдили астронома Нормана Локейера въ томъ, что египетскіе храмы строились на основаніи наблюденій надъ звѣздами и надъ солнцемъ; они располагались такимъ образомъ, что позволяли отмѣчать относительное положеніе свѣтилъ и измѣрять нѣкоторыя дуги во время солнцестояній или равноденствій. Такъ, посѣтивъ въ 1891 г. храмъ въ Карнакѣ, этотъ англійскій астрономъ констатировалъ, что одинъ изъ корридоровъ храма былъ направленъ такимъ образомъ, что жрецъ съ алтаря могъ видѣть солнце въ моментъ его захода во время равноденствія, какъ бы чрезъ трубу гигантскаго телескопа, причемъ столбы при входѣ служили діафрагмами. Совершенно также въ одномъ изъ сосѣднихъ храмовъ одна изъ дверей была предназначена 31 вѣкъ тому назадъ для наблюденія Канопа [2]). Египетскіе храмы, слѣдовательно, могли служить какъ бы астрономическими часами для опредѣленія времени дня и ночи и для установленія продолжительности года.

До самаго послѣдняго времени всѣ физики были вполнѣ увѣрены въ томъ, что открытіе громоотвода - фактъ весьма недавній, коимъ мы обязаны знаменитому Франклину. Безъ сомнѣнія, изслѣдованія и изобрѣтеніе американскаго дипломата были вполнѣ самостоятельны, но, тѣмъ не менѣе, онъ не было первымъ, какъ это ему казалось, «похитившимъ молнію» и «вырвавшимъ ее у неба, какъ скипетръ у тиранна». Эта побѣда была одержана еще до него египетскими мудрецами. Каждая изъ

1) Aug. Matteuzzi. «Les facteurs de l'Évolution des Peuples», p. 53. - 2) Mohamed Moktar Pacha. «Atti dal primo Congress geografico» (Venezia), tome II, p. 46.

Корридоръ, ведущій къ гробницѣ Рамзеса IV.

обѣихъ боковыхъ башенъ, впереди любого египетскаго храма, была сверху до низу снабжена проходящимъ насквозь отверстіемъ, въ которое вставлялась мачта, высоко выдававшаяся надъ башней и украшенная на концѣ 4 лентами-флажками священныхъ цвѣтовъ—бѣлаго, краснаго, синяго и зеленаго; судя по надписямъ, эти мачты, сдѣланныя, какъ предполагаютъ, изъ особаго рода акаціи, поднима-

лись болѣе чѣмъ на 30 метровъ въ вышину и на концѣ были снабжены мѣдными украшеніями. Тексты надписей говорятъ совершенно ясно, что высокіе шесты эти водружались для того, чтобы «разгонять грозу въ небесной выси» [1]). Можетъ ли быть какое-либо сомнѣніе въ

Объясненіе къ картѣ № 145.

Тини столица I и II династій; могилы въ Абидосѣ.
Мемфисъ—предшествовалъ, быть-можетъ, городу Тини; столица III—VIII династій; исчезъ лишь въ VII вѣкѣ христіанской эры, послѣ основанія Фостата, древняго Каира.
Гераклеополисъ—столица IX и X династій.
Ѳивы—городъ чрезвычайно древній; столица фараоновъ XI—XIII и XVII—XXII династій. Послѣ взятія Камбизомъ Ѳивы потеряли постепенно всякое значеніе.
Ксоисъ (X въ дельтѣ Нила)—городъ XIV династіи.
Танисъ (T въ дельтѣ Нила)—городъ XV, XVI и XXIII династій.
Эль-Армарна, столица Аменхотепа IV, царствовавшаго подъ именемъ Куитенатена.
Саисъ (Sa въ дельтѣ Нила)—городъ XXIV, XXVI и XXVIII династій.
Мендесъ (M въ дельтѣ Нила)—городъ XXIX династіи.
Себеннитъ (Se въ дельтѣ Нила) городъ XXX династіи.
Александрія городъ, основанный Александромъ Македонскимъ, столица, находившаяся подъ властью Птоломеевъ и римскихъ императоровъ.
Птолемаида—столица Верхняго Египта при Птоломеяхъ.
Каиръ (Эль-Каирэ) основанъ въ 969 г. (въ 358 г. геджры) Говхеромъ *Накадэ* на лѣвомъ берегу Нила: на правомъ берегу находится **Нагада**, цитированная въ текстѣ.

Въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу отъ *Бени-Гассана* (могилы XII династіи) находится *Зауйетъ-эль-Майетинъ* (могилы VI династіи).

Антиноя Адріена находится также въ томъ же углу долины.

Вереника- городъ очень важный, какъ складочный пунктъ греческой торговли въ эпоху греческаго вліянія.

Гавара отожествляется В. Уилькоксомъ съ *Гауару* или *Аварисомъ*, послѣднимъ убѣжищемъ царей гиксовъ, помѣщаемымъ египтологами на одномъ изъ протоковъ Нила, близъ Таниса.

томъ, что это былъ дѣйствительно громоотводъ, созданный, впрочемъ, въ то же время и для того, чтобы скрашивать своими развѣвающимися флагами голыя стѣны башенъ? Мачты эти, какъ гласитъ легенда, символизируютъ двухъ божественныхъ сестеръ Изиду и Нефтисъ, которыя своими огромными крыльями защищаютъ своего брата Озириса отъ коварныхъ преслѣдованій злого Тифона. Точно также, быть-можетъ, и острія обелисковъ, покрытыхъ золотыми или, вѣрнѣе, мѣдными вызолоченными пластинками, какъ это могли видѣть еще первые завоеватели-мусульмане въ священномъ городѣ Геліополисѣ, были, по всей вѣроятности, предназначены для того, чтобы привлекать на себя молнію, раздроблять ее и такимъ образомъ спасать отъ нея святилище!

---

1) Brugsch. «Aus dem Morgenlande», p. 128 ss.

Архитектурныя произведенія Египта указываютъ намъ, слѣдовательно, уже на очень высокое состояніе цивилизаціи, — мы видимъ въ

№ 145. Столицы и пути сообщенія Египта.

никъ произведенія, требующія большой наблюдательности, искусства и чувства художественности. Подобно тому, какъ и обитатели Месопотаміи, и, быть-можетъ, именно благодаря имъ, египтяне располагали большимъ

числомъ металловъ, въ томъ числѣ золотомъ, считавшимся металломъ самымъ драгоцѣннымъ; серебро, однако, встрѣчалось у нихъ очень рѣдко [1]).

Обитатели долины Нила потребляли въ большомъ количествѣ мѣдь, которую имъ доставлялъ съ самыхъ древнихъ временъ, по меньшей мѣрѣ съ эпохи, отдаленной отъ нашего времени на 7 тысячелѣтій, Синайскій полуостровъ; раскопки обнаружили, что въ то же самое время обитатели Египта пользовались также и кремневыми орудіями [2]). Позднѣе они научились смѣшивать мѣдь въ самыхъ различныхъ пропорціяхъ съ оловомъ и изготовлять сосуды, зеркала и оружіе изъ получаемой такимъ образомъ бронзы; они научились также примѣнять ковку и металловъ и измѣнять ея способы въ зависимости отъ того, для какой цѣли предназначались выковываемые инструменты, — такимъ образомъ, они придавали, напримѣръ, лезвеямъ мечей и кинжаловъ поразительную гибкость [3]). Точно также очень давно уже, даже еще до начала примѣненія бронзы въ области египетской цивилизаціи, было извѣстно уже желѣзо. Археологъ Гиль нашелъ кусокъ желѣза въ каменной кладкѣ главной пирамиды въ Гизе; желѣзный предметъ былъ найденъ также Масперо въ могилѣ царя Унасъ, относящейся, безъ всякаго сомнѣнія, ко времени, отдаленному отъ нашего болѣе чѣмъ на 60 вѣковъ. Наконецъ, въ «ритуалѣ мертвыхъ» неоднократно упоминаются слова, переводимыя въ смыслѣ «желѣзо»; однако, какъ ни полезенъ оказался этотъ металлъ, имъ избѣгали все же пользоваться для какихъ-либо болѣе высокихъ цѣлей. Желѣзо разсматривалось какъ нечистое произведеніе земли: согласно древнему миѳу, именно желѣзнымъ инструментомъ убилъ Тифонъ Озириса, и ржавчина, которою покрывается желѣзо такъ быстро во влажной атмосферѣ Нильской долины, — не что иное, какъ кровь божества, продолжающая сочиться сквозь металлъ [4]). Идея оскверненія и оскорбленія нѣкоторыхъ изъ боговъ была настолько тѣсно связана съ желѣзомъ, что египтяне даже не имѣли особаго названія для прямого обозначенія этого металла,—они пользовались для этой цѣли описательными выраженіями. Несмотря на это, однако, небесный сводъ разсматривался египтянами какъ сводъ, сдѣланный изъ желѣза, а не изъ хрусталя, какъ представляли себѣ другіе народы [5]). Быть-можетъ, именно цвѣтъ неба заставилъ египтянъ примѣнять синюю краску при изображеніи желѣзныхъ предметовъ на раскрашенныхъ рисункахъ.

Въ настоящее время извѣстно также съ полной достовѣрностью,

1) Alfred Ditte, Revue scientifique, 25 nov. 1899. — 2) Ollivier Beauregard «En Orient, Études linguistiques et Éthnologiques». — 3) Paul Pierret, «Dictionnaire d'Archéologie égyptienne», article Bronze. 4. Fr. Lenormant, «Les premières, Civilisations». — 5) Devéria, «Mélanges d'Archéologie égyptienne et assyrienne», p. 9.

Землепашецъ-феллахъ въ долинѣ Мемноніи.

что египтяне знали способъ приготовленія фарфора, т.-е. глиняныхъ издѣлій изъ плотной и просвѣчивающей массы. Броньяръ приписывалъ китайское происхожденіе всѣмъ образчикамъ фарфоровыхъ издѣлій, найденныхъ въ Египтѣ; однако, обломокъ погребальной статуэтки, найденной въ Саккара, близъ Мемфиса, является непосредственно продуктомъ мѣстной фабрикаціи и доказываетъ, что авторъ «Traité de céramique» ошибался. Эта статуэтка покрыта іероглифическими надписями, и составъ ея массы совершенно иной, чѣмъ китайскаго фарфора,—она окрашена въ свѣтло-голубой цвѣтъ окисью мѣди. Впрочемъ, повидимому, эта масса въ сыромъ состояніи была мало пластичной, такъ какъ содержала недостаточно глины, — потому она могла годиться лишь для формованья такихъ толстыхъ предметовъ, какъ египетскія статуэтки [1]).

Рѣчные наносы Нила, гробницы прибрежныхъ скалъ и пещеры послѣднихъ содержатъ огромное количество древнихъ предметовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что строители зданій древняго Египта, помимо своего реальнаго знанія, располагали также и большимъ числомъ очень искусныхъ работниковъ—каменщиковъ, скульпторовъ, литейщиковъ, ху-

1) De Morgan; H. Le Châtelier, Revue scientifique, 1899, II, p. 311.

дожниковъ, рѣзчиковъ и т. п.; извѣстно, что это составляло ихъ гордость. Говоря о храмахъ, возведенныхъ имъ самимъ, Рамзесъ поминаетъ прежде всего «вѣчные камни»,—они на вѣки вѣковъ будутъ свидѣтельствовать о славѣ боговъ и его собственной славѣ.

Шарль Бланъ[1]) говоритъ совершенно справедливо, что народность, столь сильно занятая будущей жизнью, заботившаяся о мумифицированіи труповъ въ видахъ сохраненія ихъ на вѣчныя времена, должна была и въ архитектурѣ сооружаемыхъ памятниковъ выражать эти же заботы, — они должны были получать большіе размѣры и массивность, чтобы такимъ образомъ сохраниться навѣки, — дѣйствительно, все въ этихъ сооруженіяхъ было массивно, солидно и прочно. Несмотря на это, многія изъ огромныхъ зданій совершенно исчезли, начиная хотя бы съ Лабиринта — погребальнаго города, устроеннаго фараономъ Аменемхатомъ III и содержавшаго, по словамъ Геродота, болѣе 3000 комнатъ. Вмѣстѣ съ Уилькоксомъ можно предположить, что это колоссальное строеніе, мѣстонахожденіе коего намѣчается селеніемъ, выстроеннымъ изъ кирпичей близъ пирамиды Хавара, у входа въ Фаюмъ, исполняло также роль регулятора водъ, впускавшихся и выходившихъ въ бассейнъ озера Мёрисъ. Въ настоящее время множество домиковъ разсѣяно на этихъ развалинахъ изъ камня и цемента, занимающихъ обширное пространство. Можно констатировать также, что храмы Карнака и Люксора, къ которымъ присоединяются и многіе другіе ѳиванскіе храмы лѣваго берега, располагались на пространствѣ, занятомъ въ прежнія времена Лабиринтомъ. Плиній сообщаетъ намъ, что въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ это удивительное сооруженіе служило какъ бы каменоломней для всей окружающей страны,—цѣлая масса людей, занимавшихся добываніемъ камня, устроилась здѣсь рядомъ съ развалинами[2]).

Разрушеніе руками человѣческими, регрессивная, но нерѣдко необходимая работа населенія были главнѣйшими причинами исчезновенія огромнаго количества «вѣчныхъ камней», о которыхъ говорятъ намъ древнія надписи. Такъ, храмы Элефантины были разрушены въ 1822 г. и дали строительный матеріалъ для построекъ, тріумфальная арка Антиноя была использована для приготовленія извести, необходимой для сахарнаго завода, такой же участи подвергся и храмъ Мута. Помимо того, искатели сокровищъ переворачиваютъ обыкновенно всѣ стѣны и полы сооруженій, каменщики растаскиваютъ камни, обжигатели извести уничтожаютъ части построекъ, сдѣланныхъ изъ известняка. Изъ всѣхъ осквернителей святынь наиболѣе дикими разрушителями явились все же христіанскіе священнослужители,—они проявили неописуемую страсть

---

1) Charles Blanc, «Grammaire des Arts du Dessin».—2) Flinders Petrie, «Ten Years Digging in Égypt», pp. 91, 92.

Мединетъ-Хабу, барельефъ большого храма.

разрушать, уничтожать все, что только было возможно [1]). Лишь гранитъ и порфиръ явились матеріалами, которые выдержали всѣ напасти. Впрочемъ, нѣкоторое число храмовъ было защищено песками, коими занесъ ихъ вѣтеръ пустыни, сравнявъ постройки съ почвою,—на нихъ возникли новыя современныя селенія, являющіяся жалкими наслѣдниками погребенныхъ древнихъ городовъ. Благодаря засыпанію пескомъ, сохранился почти въ прежнемъ своемъ видѣ замѣчательный храмъ Мединетъ-Хабу, надписи и барельефы котораго изображаютъ различныя религіозныя и историческія сцены и являются настоящей энциклопедіей древняго Египта.

Какъ ни сильно было разрушеніе, все же сохранилось еще не мало удивительныхъ зданій, къ которымъ современные любители искусства благоговѣйно совершаютъ паломничества. Однимъ изъ наиболѣе священныхъ городовъ являются Ѳивы, древній городъ «Ста обелисковъ», а не «Ста вратъ», какъ передѣлали впослѣдствіи,—городъ этотъ не замыкался стѣною. Въ Ѳивахъ мы находимъ великолѣпныя аллеи сфинксовъ, за-

1) A. Gayet. «Coins d'Egypte ignorés», et Tour du Monde.

мѣчательное зало Гипостиля со 134 колоннами, украшенными барельефами и поднимающимися на 23 метра высоты, колоссальныя статуи, тріумфальныя арки и портики, наконецъ, таинственныя гробницы, вырытыя въ «Горѣ запада». Поднимаясь по Нилу, можно шагъ за шагомъ прослѣдить поразительныя созданія рукъ древнихъ египтянъ: большинство путешественниковъ поднимается даже выше первыхъ пороговъ, чтобы полюбоваться на величественныхъ колоссовъ царей-боговъ Аммона и Рамзеса, высѣченныхъ изъ красноватой скалы, вблизи обрыва горы Ибсамбула. Не меньшій интересъ, какъ храмы и статуи, представляютъ ломки гранита, порфира и другихъ каменныхъ породъ, гдѣ можно видѣть до сихъ поръ колоссальные статуи и обелиски, лежащіе на землѣ въ ожиданіи того, когда ихъ перевезутъ и поставятъ на мѣсто; нѣкоторые изъ нихъ лишь наполовину отдѣлены отъ скалы и производятъ такое впечатлѣніе, будто работавшіе надъ ними каменщики были отозваны какимъ-то властнымъ призывомъ лишь нѣсколько минутъ тому назадъ.

Упадокъ египетской архитектуры относится къ началу періода завоеваній и военной славы властителей страны. Вслѣдъ за древними храмами, камни которыхъ превосходно отполированы и связаны между собою съ поразительною тщательностью, мы находимъ здѣсь зданія, которыя посредственнымъ выполненіемъ положительно огорчаютъ и приводятъ въ отчаяніе современныхъ любителей искусства: глядя на нихъ, можно думать, что властители тѣхъ эпохъ старались лишь возможно скорѣе возвести эти памятники, служившіе для ихъ прославленія, и жертвовали всѣмъ, чтобы только придать имъ величественную внѣшность [1]). «Гордость предшествуетъ гибели», говорится въ Библіи, и пышное царствованіе Рамзеса II, извѣстнаго болѣе подъ греческимъ названіемъ Сезостриса, было началомъ наступившаго упадка въ области знаній и искусствъ. Будучи воителемъ, жаждавшимъ великихъ дѣяній, Сезострисъ пошелъ войною на Азію, стремясь расширить предѣлы своего царства, и хотя всѣ его предпріятія оказались неуспѣшными, онъ заставилъ воспѣвать себѣ такія хвалы, приказалъ соорудить столько обелисковъ съ памятными надписями, столько колоссальныхъ статуй, заставилъ соскоблить надписи и помѣстить свое имя на столькихъ предыдущихъ памятникахъ, что, въ концѣ концовъ, дѣйствительно, «измѣнилъ исторію» [2]), и нѣкоторые греческіе историки описали его, на самомъ дѣлѣ, какъ величайшаго изъ царей. По его собственнымъ описаніямъ, онъ самъ въ сраженіи остался будто бы посреди толпы хеттитскихъ воиновъ, оставленный своими солдатами, его окружали якобы 2500 колесницъ и «милліоны враговъ», онъ былъ «совершенно

---

1) Ernest Renan. «Mélanges d'Histoire et de Voyages», p. 40. — 2) Fr. Lenormant. «Les premières Civilisations».

одинъ» и, тѣмъ не менѣе, одержалъ побѣду благодаря силѣ своихъ рукъ. Въ дѣйствительности же его настоящими подвигами были лишь ежегодные набѣги на чернокожія племена Эѳіопіи, откуда онъ приводилъ

№ 146. Нилъ отъ храма Омбоса до храма Солеба.

Большая часть древнихъ построекъ этой области Нила относится къ XVIII династіи. Въ Омбосѣ (Нубитъ, Кумъ-Умбу на картѣ № 135) начертаны имена фараоновъ Аменхотепа I и Тутмоса III; въ Семнэ—имена Узертезена III (XII династіи) и Тутмоса III; въ Амадѣ Тутмосъ III выстроилъ храмъ Ра; въ Солебѣ Тутмосъ III и Аменхотепъ III отмѣчены надписями, прославляющими ихъ дѣянія.

Въ Ибсамбулѣ находится подземный храмъ Рамзеса II, колоссальныя статуи коего украшаютъ входъ. Въ Филахъ—самое древнее имя, упоминаемое въ надписяхъ—это имя фараона Нектанебо, XXX династіи; храмы тамъ относятся къ эпохѣ Птоломеевъ.

въ цѣпяхъ тысячи рабовъ и заставлялъ ихъ работать въ каменоломняхъ. Подъ его управленіемъ страна обѣднѣла, голодъ свирѣпствовалъ по всему Египту, и вмѣстѣ съ гражданской свободой исчезло и искусство,—послѣ Сезостриса культурныя произведенія сдѣлались варварскими.

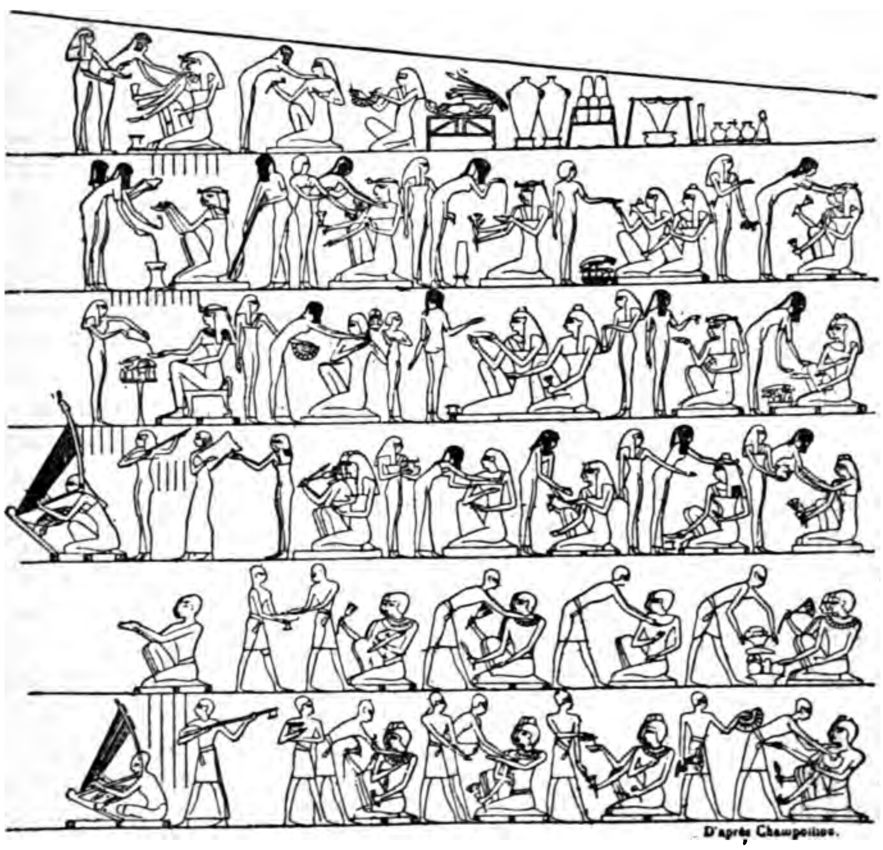

Принадлежности египетскаго писца.

Художники совершенно перестали изучать естественныя черты изображаемыхъ лицъ, перестали обращать вниманіе на природу и довольствовались условнымъ и шаблоннымъ воспроизведеніемъ внѣшности. По словамъ Ф. Ренье [1]), древніе художники относились настолько добросовѣстно, что воспроизводили даже физическіе недостатки изображаемыхъ личностей, не исключая рахитизма и уродливой формы черепа. Сезострисъ, однако, былъ слишкомъ тщеславенъ и гордъ, чтобы дозволить изобразить себя иначе, какъ «самымъ красивѣйшимъ изъ людей» [2]); каждый, кому приходится теперь любоваться великолѣпными чертами его лица, высѣченными изъ краснаго песчаника или гранита, долженъ согласиться съ тѣмъ, что онъ былъ «красивѣйшимъ». Благодаря замѣчательной ироніи судьбы, мумія этого фараона-хвастуна сохранилась до нашихъ дней, и посѣтители музея въ Гизе могутъ любоваться, сколько имъ угодно, физіономіей Сезостриса, освобожденной теперь отъ покрывавшаго ее слоя смолы,—они могутъ убѣдиться въ томъ, что черты его лица мало интеллигентны, нѣсколько звѣроподобны, но въ то же время надменны и властны [3]).

Храмы, колоссальныя статуи, портики, обелиски и сфинксы являются, вмѣстѣ съ пирамидами, единственными памятниками, сохранившимися до нашихъ дней отъ древняго Египта,—ни одного общественнаго зданія не уцѣлѣло; можно было бы подумать, что въ этомъ древнемъ мірѣ не было никого, кромѣ царей и жрецовъ! Конечно, на самомъ дѣлѣ люди кишѣли въ плодородной долинѣ, но люди эти считались за ничто, они составляли толпу, созданную для того, чтобы служить побѣдителю. Условія внѣшней среды повели даже къ тому, что отъ городовъ древняго Египта, какъ центровъ общественной жизни, не осталось и слѣда. Города эти были расположены въ долинѣ, вытянутой въ длину по прямой линіи, и имъ нечего было опасаться нападенія сосѣдей,—малочисленные кочевники-бедуины, обитавшіе въ со-

1) Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris, séance du 20 déc. 1894. 2) Amelia Edwards, «Two Thousand Miles up the Nile».—3) H. Brugsch, «Aus dem Morgenlande», p. 172.

сѣднихъ пустыняхъ и въ боковыхъ долинахъ по обѣ стороны Нпла, не рѣшались нападать на многочисленное населеніе долины Нила. Такимъ образомъ, городамъ не было надобности въ томъ, чтобы придавать себѣ точныя границы, окружать свои предѣлы стѣнами. Города

Туалетъ египетской дамы 3000 лѣтъ тому назадъ, по стѣнной живописи въ Ѳивахъ.

Египта, въ этомъ отношеніи, сильно отличались отъ халдейскихъ, которымъ приходилось создавать могущественныя средства защиты, по словамъ Геродота, потому, что они располагались на обширной территоріи, открытой со всѣхъ сторонъ [1]): самыя различныя враждебныя государства могли вторгнуться въ ихъ страну, отодвинуть назадъ ихъ

1) National Society of Geography, 1897, p. 173. Washington.

границы; кромѣ того, нападенія горныхъ племенъ, обитающихъ на ступеняхъ плато, лежащаго къ востоку отъ Халдеи, составляли для городовъ равнинной страны постоянную угрозу.

Но если непрочные дома безчисленнаго населенія древняго Египта исчезли, то сохранилась, во всякомъ случаѣ, школа, такъ какъ вся долина Нила можетъ разсматриваться какъ колоссальная классная комната,—настолько она была заполнена надписями, содержащими поученія, даваемыя народу жрецами и царями, въ особенности же сонмомъ льстецовъ и чиновниковъ. Маніей административныхъ писаній положительно была охвачена вся каста этихъ послѣднихъ,—рѣзчики надписей всюду находили себѣ занятіе. Всѣ памятники Египта, всѣ статуи, не исключая самаго тѣла и лица изображаемыхъ лицъ, всѣ предметы обихода и амулеты были покрыты вырѣзанными надписями, которыя должны были увѣковѣчивать тѣхъ лицъ, имена коихъ упоминались,—въ нихъ перечисляются самыя ничтожныя, не имѣющія значенія детали и приводятся безконечныя повторенія и молитвенныя формы. Камень въ эти времена настолько же отягчался всякимъ вздоромъ, какъ позднѣе пергаментъ и бумага. Къ счастью, изслѣдователи не разочаровались окончательно банальностью большинства надписей, малозначительностью почти всѣхъ папирусовъ, являющихся копіей.

Большое число изслѣдователей занимается дешифровкой этихъ документовъ, и иногда имъ попадается, какъ золотая песчинка въ кучѣ ила, интересный историческій фактъ, названіе мѣстностей и народовъ, важныя хронологическія данныя, химическіе или медицинскіе рецепты, изреченія высокой морали, глубокія мысли и слова, свидѣтельствующія о благородныхъ чувствованіяхъ. Никоимъ образомъ не слѣдуетъ думать, какъ это дѣлается часто, что предки наши, столь отдаленные отъ насъ по времени, не испытывали всѣхъ нашихъ страстей, не задумывались надъ представляющимися намъ загадками и не умѣли выражать высокихъ движеній своей души съ такою же силою и яркостью, какъ наши современники! Кое-кто изъ послѣднихъ воображаетъ, что мы изобрѣли все сами, въ томъ числѣ даже и любовь, и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ по этнологіи совершенно серьезно утверждается относительно того или другого племени, что тайна нѣжной страсти ему остается совершенно невѣдомой. Намъ извѣстно теперь, во всякомъ случаѣ, что египтяне въ самомъ началѣ историческихъ временъ были знакомы уже съ голосомъ сердца,—иначе многія сохранившіяся отъ нихъ слова, какъ бы ни были они лживы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не могли быть такъ формулированы,—несомнѣнно, они были вызваны истиннымъ чувствомъ. Такъ, производитъ впечатлѣніе полной, исходящей прямо отъ сердца искренности надпись на памятномъ камнѣ Снефру, на скалистой стѣнѣ горъ

Нилъ около Луксора.

Синая, надпись, въ которой упоминается «супруга того, кто ее любитъ», и «любимая дочь своего отца, дорогая его сердцу, покинувшая наши предѣлы»[1]).

Въ ту эпоху, однако, когда всякое свободное и искреннее слово было принесено въ жертву пустословію жрецовъ и суетности властителей страны, можно было ожидать, что весь Египетъ превратится въ мумію, подобно трупамъ его покойниковъ. Изъ-за этого-то и греки, какъ люди подвижные, впечатлительные ко всему новому и чрезвычайно способные къ перемѣнамъ, видѣли въ египтянахъ «неподвижную» народность— терминъ, который примѣняетъ къ нимъ и Боссюэ. Это первое поверхностное впечатлѣніе греческихъ путешественниковъ сохранилось и до нашихъ дней; должно, впрочемъ, замѣтить, что и на самомъ дѣлѣ, при всей перемѣнѣ внѣшняго строя и жизни страны, благодаря чужеземному вторженію и общей всемірной эволюціи, народныя массы Египта сохранили тотъ же отпечатокъ, какой имѣли во времена фараоновъ. Обычный образъ ихъ жизни, способъ веденія хозяйства, различныя суевѣрія удержались поразительнѣйшимъ образомъ, несмотря на всѣ перевороты и всѣ измѣненія въ области политики, религіи и даже языка. Такимъ

1) Bonola. Bull. de la Soc. khédiviale le Géogr.», 1896, nº 10.

образомъ, напримѣръ, способъ вспахиванія земли не измѣнился вовсе со времени фараоновъ и вплоть до захвата страны англичанами. Въ 1890 г. англичане приступили къ производству переписи населенія въ долинѣ Нила, имѣя въ виду установленіе налоговъ въ точномъ соотвѣтствіи съ поверхностью обрабатываемой земли; при этомъ ими было выяснено, что правила распашки земли, примѣняемыя современными египетскими земледѣльцами, остались совершенно тѣми же самыми, какъ употреблявшіяся древними египтянами 4000 лѣтъ тому назадъ и сохранившіяся въ папирусахъ древнихъ гробницъ. Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ распредѣленія земли чрезвычайно близко подходятъ, однако, къ тѣмъ точнымъ математическимъ пріемамъ, какіе примѣняются въ настоящее время[1]).

Если общій ходъ исторіи въ странахъ, гдѣ населеніе, благодаря вліянію внѣшней природы, привязано въ теченіе вѣковъ къ совершенію все тѣхъ же неизмѣняющихся земледѣльческихъ работъ, и является очень медленнымъ, то все же надо сказать, что такой ходъ существуетъ: подъ давленіемъ окружающихъ народностей Египетъ не переставалъ измѣняться то въ сторону прогресса, то, наоборотъ, въ регрессивномъ направленіи. Еще недавно, подъ вліяніемъ все тѣхъ же словъ греческихъ авторовъ, считалось совершенной исторической аксіомой, что Египетъ не былъ открытъ для международной торговли до эпохи Псаметиха I, т.-е. до времени, удаленнаго отъ насъ на 25—26 вѣковъ. Мы получили, однако, теперь огромное количество историческихъ свидѣтельствъ тому, что еще значительно ранѣе и даже неоднократно чередованіе событій и давленіе исторической необходимости заставляли Египетъ вступать въ правильныя торговыя сношенія съ его сосѣдями. Надо, впрочемъ, замѣтить, что и самое происхожденіе египетской народности не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ путемъ допущенія, что съ сѣвера или съ юга въ страну пришли чуждыя ей племена и устроились въ долинѣ Нила, которая была тогда болотистой и лѣсистой; эти племена отвоевали постепенно плодородную почву отъ рѣки и защитили ее отъ разливовъ послѣдней.

Гробницы первыхъ царей содержатъ въ большомъ количествѣ предметы, которые, очевидно, не египетскаго происхожденія и могли попасть въ Египетъ лишь путемъ торговли,—въ этомъ отношеніи не можетъ быть теперь никакихъ сомнѣній: египтяне съ самыхъ первыхъ временъ стали въ прямыя торговыя сношенія съ населеніемъ Эѳіопіи, Ливіи и сосѣдней Аравіи. Было бы, впрочемъ, и совершенно странно, если бы народность, живущая по берегамъ рѣки, которая могла служить

1) H. Brugsch. «Aus dem Morgenlande», pp. 25 ss.

№ 147. Сообщеніе между морями.

По Линанъ-де-Белльфону и др.

1 : 1600000

0 10 50 100 килом.

Каналъ отъ Нила до Краснаго моря чрезъ озеро Тимса и Горькія озера отмѣченъ тройною прерванною чертою, нынѣшній Суэцкій каналъ—непрерывною тройною чертою.

Не извѣстно, въ какую эпоху былъ выстроенъ первый каналъ, но несомнѣнно во времена очень отдаленныя. Между другими властителями слѣдующіе правители упоминаются какъ причастные къ дѣлу проведенія канала: Сети I, Рамзесъ II, Нико II, Дарій, Птоломей-Филадельфъ, императоръ Траянъ и Амунъ.

для перевозки товаровъ, имѣла бы возможность совершенно закрыть свои границы для торговли. Многія наблюденія археологовъ, дѣйствительно, доказываютъ, что торговое движеніе, распространяющееся съ самыхъ дальнихъ областей, не могло быть подавлено и на самомъ дѣлѣ существовало. Такъ, напримѣръ, «дерево фараоновъ», т.-е. доски гробовъ, найденныхъ при раскопкахъ царскихъ гробницъ, сдѣланы въ большинствѣ случаевъ изъ тиссоваго дерева, принадлежащаго, какъ это показываетъ микроскопическое изслѣдованіе, нашему обыкновенному тиссу (Taxus baccata). Это же дерево не только не растетъ въ Египтѣ, но и не можетъ тамъ расти, «по предъявляемымъ имъ біологическимъ требованіямъ»; дерево это должно было, слѣдовательно, быть привезено изъ другихъ странъ, и, какъ указываютъ данныя ботанической географіи, такой страной могла быть лишь Киликія. Мы видимъ здѣсь прямое доказательство тому, что уже съ самыхъ первыхъ историческихъ временъ существовала нѣкоторая морская торговля между Египтомъ и заморскими странами [1].

Это, впрочемъ, еще не все. Египетскія лѣтописи свидѣтельствуютъ намъ, что египетскими изслѣдователями совершались очень отдаленныя путешествія. Въ царствованіе фараона Асса пятой династіи, т.-е. въ эпоху, отдаленную отъ нашей на 60 вѣковъ, военачальникъ Урдуду, пользовавшійся большою славою, проникъ въ страну Пунтъ, откуда вывезъ карлика, одного изъ представителей тѣхъ племенъ акка, которыхъ открыли вторично наши современные путешественники. Другой путешественникъ, отправленный въ южныя страны, нѣкто Киркуфъ, проникъ еще далѣе Урдуду, въ «страну счастливыхъ», гдѣ также добылъ карлика племени донка, видъ котораго «вселилъ радость и любовь въ сердце фараона». Объ этомъ разсказываетъ такъ называемая надпись Киркуфа, открытая въ 1892 г. Скіапарелли на одномъ изъ холмовъ, въ окрестностяхъ Ассуама. Такимъ образомъ, имѣются вполнѣ убѣдительныя свидѣтельства тому, что въ древности существовали сношенія Египта какъ съ побережьемъ Средиземнаго, такъ и съ побережьемъ Краснаго морей; точно также поддерживались частыя сношенія и между обоими центрами цивилизаціи—Мемфисомъ и Вавилономъ; до настоящаго времени, однако, не было найдено никакихъ достовѣрныхъ слѣдовъ существованія непосредственныхъ сношеній между Египтомъ и Индіей; даже при Птоломеяхъ и ихъ послѣдователяхъ, римскихъ императорахъ, ни одно упоминаемое египтянами названіе народностей не обнаруживаетъ существованія морскихъ сношеній между Египтомъ и Индіей. По словамъ Оливье Борегаръ, быть-можетъ, названіе «священныя земли», примѣняемое

---

1) Beauvisage. «Recueil des Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égiptiennes et assyriennes», tome XVIII.

Шествіе посланниковъ, ведущихъ незнакомыхъ въ Египтѣ животныхъ и несущихъ дань, золотые слитки и золотой песокъ, страусовыя перья, шкуры и т. п.

египтянами къ странамъ, расположеннымъ по ту сторону Аравійскаго залива, могло бы быть истолковано какъ дающее туманное представленіе объ Индіи» [1]), однако, ни одна надпись не подтверждаетъ этого предположенія. Извѣстно лишь, что 35 вѣковъ тому назадъ египетская флотилія отправилась далеко въ южное море и, вернувшись, привезла обезьянъ, названіе которыхъ «кафу» напоминаетъ санскритское названіе—«капи», еврейское «гофъ» и греческое «πιθήκος», это указаніе относится, какъ будто бы, дѣйствительно, къ Индіи [2]).

Когда царская и божественная власть была прочно установлена, и вся масса народа принуждена была всецѣло сообразовать свои дѣйствія съ волею властителя страны, этотъ послѣдній, какъ это всегда дѣлаютъ подозрительныя и ревниво относящіяся къ своему могуществу власти, не преминулъ оградить свой народъ отъ всякаго внѣшняго вліянія, лишить его возможности вступить въ сношенія съ иностранцами, уничтожить въ самомъ зародышѣ всякое самовластіе народа. Географическія условія страны очень облегчали подобную политику. По своимъ очертаніямъ и по рельефу своей территоріи, Египетъ предоставленъ самому себѣ, тѣсно замкнутъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ песчаными и глинистыми пустынями,—все это должно было способствовать тому, что все его существованіе концентрировалось на сушѣ и отклонялось отъ моря.

1) En Orient. «Études sociologiques et linguistiqes». — 2) Dümichen. «Die Flotte einer ægyptischen Königin»...—Hermann Brunnhofer. «Vom Aral bis zur Ganga», IX.

Фараоны-жрецы пользовались этими условіями внѣшней среды для того, чтобы держать своихъ подданныхъ внѣ опаснаго вліянія всякихъ любителей нововведеній, распространителей новыхъ идей и подстрекателей къ революціи. Подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ море, въ концѣ концовъ, было признано вреднымъ элементомъ, было проклято, посвящено злымъ божествамъ, и кораблекрушенія стали признаваться за справедливыя наказанія, исходящія свыше.

Было забыто то участіе, которое принимало море въ самомъ возникновеніи египетской народности и культуры въ тѣ времена, когда обитатели побережій Средиземнаго моря, придя съ сѣвера и съ запада, высадились на берегахъ дельты Нила, и когда, съ другой стороны, населеніе двухъ сходныхъ по строенію массивовъ суши, именно населеніе Гиміаріи и Эѳіопіи, вступило между собою въ сношенія чрезъ морской проливъ, перебросивъ, такъ сказать, мостъ черезъ море почти на серединѣ историческаго пути, соединяющаго долину Евфрата съ долиною Нила. Красное море стало, такъ сказать, далекимъ, и въ концѣ 11 династіи, т.-е. болѣе 40 вѣковъ тому назадъ, была снаряжена первая оффиціальная экспедиція, о которой сообщаютъ лѣтописи, къ этому далекому заливу. Въ царствованіе фараона Санхъ-Какъ придворный сановникъ Ханнонъ получилъ приказаніе пересѣчь Арабское море и высадиться съ войскомъ въ странѣ Ароматовъ для того, чтобы доставить фараону драгоцѣнныя смолы и благовонія. Эта экспедиція, которой въ прежнія незапамятныя времена предшествовали столько другихъ совершенно подобныхъ ей, разсматривалась какъ событіе почти чудесное. Ханнонъ заставилъ высѣчь на скалѣ разсказъ о своихъ подвигахъ, и надпись эта гласитъ: «Никогда не было совершено ничего подобнаго, никогда, съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ фараоны, съ тѣхъ поръ, какъ свѣтитъ солнце» [1]).

Въ тѣ долгія эпохи притѣсненій, когда законы и обычаи запрещали египтянамъ предпринимать морскія путешествія, за нихъ такія путешествія совершались другими. Города Финикіи, въ теченіе значительнаго періода коммерческаго существованія этой коммерческой страны, подчинялись съ большою охотою верховной власти фараона, бывшей для нихъ чрезвычайно выгодной, такъ какъ въ такихъ случаяхъ дельта Нила являлась открытой для ихъ судовъ, и вслѣдствіе того они свободно совершали обмѣнъ товаровъ со внутренней частью страны. Находясь, къ собственному удовольствію, въ вассальной зависимости отъ египтянъ, финикіяне владѣли монополіей торговли между Востокомъ и Египтомъ и, съ другой стороны, могли сами въ другихъ отдаленныхъ странахъ

1) Chabas. «Voyage d'un Égyptien».

пользоваться тѣмъ престижемъ, который внушала другимъ могущественная египетская монархія; они плавали, какъ мы сказали бы теперь, «подъ египетскимъ флагомъ» [1]) и, напримѣръ, именно подъ покровительствомъ египетскаго фараона Нехо было совершено 25 вѣковъ тому

Египетскія драгоцѣнности, саитской эпохи.

назадъ путешествіе финикіянъ вокругъ Африки, это величайшее географическое предпріятіе древности.

Въ эту эпоху, однако, Египетъ не былъ уже Египтомъ,—онъ принадлежалъ къ средиземно-морскому міру, среди котораго начинала свѣтить яркая звѣзда Греціи. Подъ давленіемъ цивилизаціи извнѣ долина Нила принуждена была открыть свои предѣлы, какъ въ настоящее время были принуждены къ тому Китай и Японія, какъ въ ближайшемъ будущемъ къ тому же будетъ принужденъ Тибетъ. Вмѣсто того, чтобы принимать иностранцевъ въ качествѣ гостей, египтяне были вынуждены обращаться къ нимъ за содѣйствіемъ, просить ихъ совѣтовъ и ихъ указаній. У устьевъ Нила возникъ совершенно греческій городъ Навкратъ, населенный, главнымъ образомъ, фокеянами и другими греками западнаго побережія Азіи; на азіатской границѣ образовался у самой пу-

1) Georges Perrot et Ch. Chipiez. «Histoire de l'Art dans l'Antiquité», t. III, p. 28, 29.

стыни также греческій городъ Тапанесъ или Дафне и во многихъ священныхъ мѣстахъ Египта, помимо этихъ двухъ колоній, возникли храмы иноземныхъ купцовъ. Въ городѣ Навкратѣ былъ построенъ храмъ Панъэллепіонъ съ общимъ алтаремъ для всѣхъ грековъ, устроившихся въ Египтѣ. Положимъ, нѣкоторые изъ фараоновъ, какъ, напримѣръ, Амазисъ, пробовали противиться такому гостепріимному отношенію къ иностранцамъ и такому установленію свободныхъ съ ними сношеній; они пытались возстановить прежнюю политику замкнутости и монополіи Египта. Было, однако, уже слишкомъ поздно—замыкающая стѣна была разрушена, и вскорѣ явился Александръ Великій, пріобщившій Египетъ къ греческому міру.

Ливія Эѳіопія

Воздѣйствіе воли человѣка на африканскую природу не было настолько интенсивнымъ, чтобы вызвать развитіе цивилизаціи.

Глава седьмая.

СТРАНА МЕРОЭ.—ЭѲІОПІЯ И ГИМІАРІЯ.—ВЛІЯНІЕ САБЕЯНЪ И ЕВРЕЕВЪ.—АФРИКАНСКІЙ КОНТИНЕНТЪ.—ОБЛАСТЬ СОФАЛА.—КОПИ И ХРАМЫ.—СТРАНА НИГЕРА.—КИРЕНАИКА.

Подъ впечатлѣніемъ, чисто-физическимъ, движенія водъ великой рѣки историки считали вполнѣ естественной гипотезу, что египетская цивилизація развивалась въ до-историческія времена въ направленіи отъ верховьевъ рѣки къ низовьямъ, и идея эта господствовала долгое время, даже несмотря на то, что ее не подтверждали ни раскопки, ни какія-либо свидѣтельства древнихъ лѣтописцевъ. Прежде всего греки, затѣмъ авторы, черпавшіе отъ нихъ свои свѣдѣнія, вѣрныя или невѣрныя, утверждали, что «безупречные эѳіопы» были, безъ всякаго сомнѣнія, первыми учителями египетской народности. Возможно, что эта идея древнихъ писателей носитъ въ себѣ частицу правды, но возможно, конечно, что она и совершенно ошибочна. Если, дѣйствительно,

въ умственномъ и нравственномъ развитіи египетскаго народа принимали участіе обитатели юга, то, во всякомъ случаѣ, эти носители прогресса пришли не съ верховьевъ рѣки, не изъ этихъ болотистыхъ мѣстъ и не съ песчаныхъ побережій Нила,—они пришли съ юго-востока. Гиміариты и «эѳіопы», въ настоящемъ смыслѣ этого слова, явились чужеземцами, принесшими въ Египетъ ароматическія вещества и другіе цѣнные товары съ береговъ Индійскаго океана,—они покинули свои южные берега, перебрались чрезъ страны, занятыя въ настоящее время кочевниками Бихарина и Абабде, и страны, граничащія, съ одной стороны, съ Краснымъ моремъ, съ другой—съ долиной Нила. Возможно также, что они обитали на томъ высокомъ нагорьѣ, которое населено современными абиссинцами, и которое возвышается непосредственно противъ горъ «Счастливой Аравіи».

Въ теченіе историческихъ временъ по этимъ первымъ путямъ носителей цивилизаціи, пришедшихъ съ юга, болѣе никто не слѣдовалъ, и даже наблюдалось нѣкоторое движеніе въ обратномъ направленіи, такъ какъ надписи на египетскихъ памятникахъ разсказываютъ намъ объ экспедиціяхъ въ дальнія страны, предпринимавшихся съ цѣлью расширенія торговли и съ цѣлью открытій египетскими военачальниками и купцами. Точно также и въ долинѣ Нила движеніе цивилизаціи совершалось въ направленіи, обратномъ теченію рѣки, именно оно шло отъ низовьевъ къ верховьямъ. Отъ мѣста схожденія рукавовъ дельты, гдѣ соединяются сходящіеся здѣсь пути съ основнымъ путемъ по долинѣ, и гдѣ находился городъ Мемфисъ, «обитель Пта», центръ египетской цивилизаціи переносится постепенно по направленію къ Ѳивамъ и къ нильскимъ порогамъ.

Власть египетскихъ фараоновъ оканчивалась обыкновенно на нѣкоторомъ разстояніи выше первыхъ пороговъ, но иногда властители наиболѣе могущественные посылали свои войска чрезъ пустыни до того «полуострова» съ плодородными землями, которыя располагаются между рѣками Ниломъ и Атбара. Первые слѣды египетскихъ завоеваній въ этой странѣ Мероэ относятся къ эпохѣ, отдѣленной отъ нашего времени пятью тысячелѣтіями, такъ какъ среди обломковъ, разбросанныхъ между развалинами, были найдены камни, носящіе штемпель фараона Узертезена I двѣнадцатой династіи. 1400 лѣтъ спустя Аменофисъ III (Аменхотепъ), «царь-солнце справедливости», какъ онъ называется въ древнихъ надписяхъ, проникъ въ своихъ завоевательныхъ предпріятіяхъ на полуостровъ Мероэ, и власть египтянъ въ этой области Эѳіопіи продолжалась, повидимому, 400 лѣтъ [1]).

---

1) Abeken; Mariette; Ollivier Beauregard. Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris, séance du 7 avril 1892.

Колоссальныя статуи Сезостриса въ Ибсамбулѣ.

Эти статуи Рамзеса II украшаютъ фасадъ подземнаго храма, входъ въ который видѣнъ посрединѣ. Выемка въ скалѣ имѣетъ 38 метровъ въ длину и 28 метровъ въ вышину.

Съ другой стороны, и властители верховьевъ Нила дважды царствовали надъ всѣмъ Египтомъ. Жрецы Аммона устроились въ городѣ Напатѣ, который былъ столицей Нижней Эѳіопіи; этотъ городъ, расположенный очень удачно, находился въ «Саду Нубіи», между 3-ими и 4-ыми порогами Нила, вблизи той мѣстности, гдѣ большой караванный путь, идущій изъ Мероэ и изъ нагорной страны, подходитъ къ Нилу. Отсюда честолюбивые властители подготовляли походъ, долженствовавшій поработить въ политическомъ отношеніи Египетъ. Цари 22-ой и 25-ой династіи были родомъ изъ Эѳіопіи, и именно съ этими послѣдними вели борьбу ассирійскіе завоеватели, намѣревавшіеся отнять у нихъ Египетъ, который сталъ простой военной добычей, не имѣющей собственной силы и воли.

Очень вѣроятно, что египетскимъ завоевателямъ тѣхъ великихъ эпохъ, когда границы страны расширялись войнами, удавалось непосредственно подняться на высокіе уступы Эѳіопіи съ юго-запада по долинѣ рѣки Атбара; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что они нападали на эту страну и со стороны Краснаго моря, въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, по которымъ тщетно пыталась пройти нѣсколько

лѣтъ тому назадъ итальянская армія, отправленная для завоеванія Абиссинскаго нагорья. Надписи разсказываютъ намъ, какимъ образомъ была присоединена къ Египту гористая Эѳіопія. 35 вѣковъ тому назадъ фараоны 18-ой династіи заняли высоты этой страны своими войсками, и самъ знаменитый Сезострисъ, до своего восшествія на тронъ, былъ въ Эѳіопіи, въ качествѣ военачальника на службѣ у своего отца. Оба царства—Текереръ и Аремъ,—сохранившія свое названіе до настоящаго времени—Тигре и Амхара,—были покорены подъ власть царя Ѳивъ.

Надписи на обелискахъ Карнака приводятъ также названія городовъ, изъ коихъ многіе существуютъ еще до настоящаго времени: Адулисъ—современный Зуллахъ—былъ морскимъ портомъ, гдѣ высаживались арміи завоевателей; городъ Адуя имѣлъ значеніе столицы и нерѣдко игралъ такую роль и впослѣдствіи, города Аксума, лежащаго въ настоящее время въ развалинахъ, не было до прихода египтянъ,—эти послѣдніе основали его во славу своихъ повелителей [1]); городъ Колоэ и озеро его, открытое Т. Бентомъ на горномъ плато, находящемся на болѣе чѣмъ 2000 метровъ высоты надъ уровнемъ моря, былъ, по всей вѣроятности, лѣтнимъ мѣстопребываніемъ жителей Адулиса.

Египетское вліяніе, такимъ образомъ. хотя и чрезвычайно смѣшанное, имѣло все же нѣкоторое значеніе даже путемъ прямого соприкосновенія въ дѣлѣ развитія цивилизаціи въ Эѳіопіи, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что первоначальное вліяніе внѣшней среды, оказанное гиміаритами, обитавшими среди горныхъ массивовъ, которые подымаются въ юго-западномъ углу Аравіи и противолежатъ африканскому материку, было особенно сильно. Между обѣими странами, сходными по рельефу, климату и по своимъ произведеніямъ природы, но раздѣленными узкимъ проливомъ съ пустынными берегами и со скалистыми островками, разсѣянными по поверхности водъ, должны были замѣчаться непрерывное взаимодѣйствіе и постоянная связь. Исторія подтверждаетъ, что, въ дѣйствительности, тѣсныя взаимныя сношенія между этими странами не прерывались никогда: обитатели того и другого континента видѣли противолежащую страну, встрѣчались другъ съ другомъ и, уже въ силу этого, принуждены были вступать между собою въ торговыя сношенія и поддерживать ихъ.

Современныя изслѣдованія сдѣлали весьма вѣроятнымъ, что самое географическое наименованіе въ его современной формѣ—«Абиссинія»—перешло изъ Аравіи на гористую часть Эѳіопіи, т.-е. перемѣстилось изъ Азіи въ Африку, соотвѣтственно съ общимъ направленіемъ хода цивилизаціи. Народность хабасатъ, извѣстная также подъ наименованіемъ «пвентъ» или «пунтъ», обитала въ области южной Аравіи, которая но-

---

1) A. Mariette. «Listes géographiques des Pylônes de Karnak».

Базаръ въ Омдурманѣ на Нилѣ, противъ Хартума.

ситъ теперь названіе Дхофаръ; эта народность занималась сборомъ мирры и другихъ ароматическихъ веществъ и продавала ихъ на Сомалійскомъ побережьѣ и въ высокихъ горныхъ долинахъ гористой Эѳіопіи. Такія торговыя сношенія послужили началомъ ежегодныхъ путешествій въ Африку и даже началомъ періодическихъ миграцій, результаты которыхъ постепенно накоплялись и, быть-можетъ, даже вели иногда къ настоящимъ вторженіямъ,—такимъ образомъ, горная страна, въ которой поднимается Адуя, сдѣлалась, мало-по-малу, новой страной племени хабасатъ. Тожественность наименованія страны въ Аравіи и въ Абиссиніи является вполнѣ доказанной надписями, найденными по обѣимъ сторонамъ Краснаго моря. Точный смыслъ этого наименованія—«собиратели растеній» [1])—относится, безъ сомнѣнія, къ свойственной этой народности торговлѣ ароматическими смолами и кореньями. Справедливость требуетъ, однако, указать, что была предложена и другая этимологія, по которой «Абиссинъ» считается исковерканнымъ словомъ «хабешъ»—«скученные»,—такъ называли въ насмѣшку арабы обитателей горнаго плато, соединенныхъ въ одно государство и исповѣдующихъ иную религію, чѣмъ они сами.

1) Ed. Glaser. «Die Abessinier in Arabien und Afrika».

Названіе «Эѳіопія» также объясняется занятіемъ жителей; оно происходитъ отъ слова «Атіобіанъ»—«продавецъ ароматовъ», это слово и было измѣнено греками въ αἰθίοπες, съ цѣлью придать ему опредѣленное значеніе и на ихъ собственномъ языкѣ. Для грековъ народности далекаго юга были «людьми, обожженными солнцемъ», «темнокожими»; было бы совершенно странно, если бы изъ всѣхъ столь многочисленныхъ чернокожихъ народностей Африки лишь одни абиссинцы получили такое наименованіе, если бы на самомъ дѣлѣ не предсуществовало такое мѣстное наименованіе, которое хотя и имѣло иной смыслъ, но по созвучію было принято греками [1]).

Подобное же замѣщеніе одного смысла названія другимъ произошло и въ другомъ наименованіи, примѣненномъ греками къ населенію горнаго плато. А. Г. Сейсъ, разбирая египетскіе іероглифы, открылъ, что туземцы одной изъ областей юго-востока Абиссиніи назывались «трогодитами». Это наименованіе въ устахъ грековъ превратилось въ «троглодитовъ», т.-е. «обитателей пещеръ», и, на самомъ дѣлѣ, подземныя жилища встрѣчаются очень нерѣдко въ горахъ Эѳіопіи.

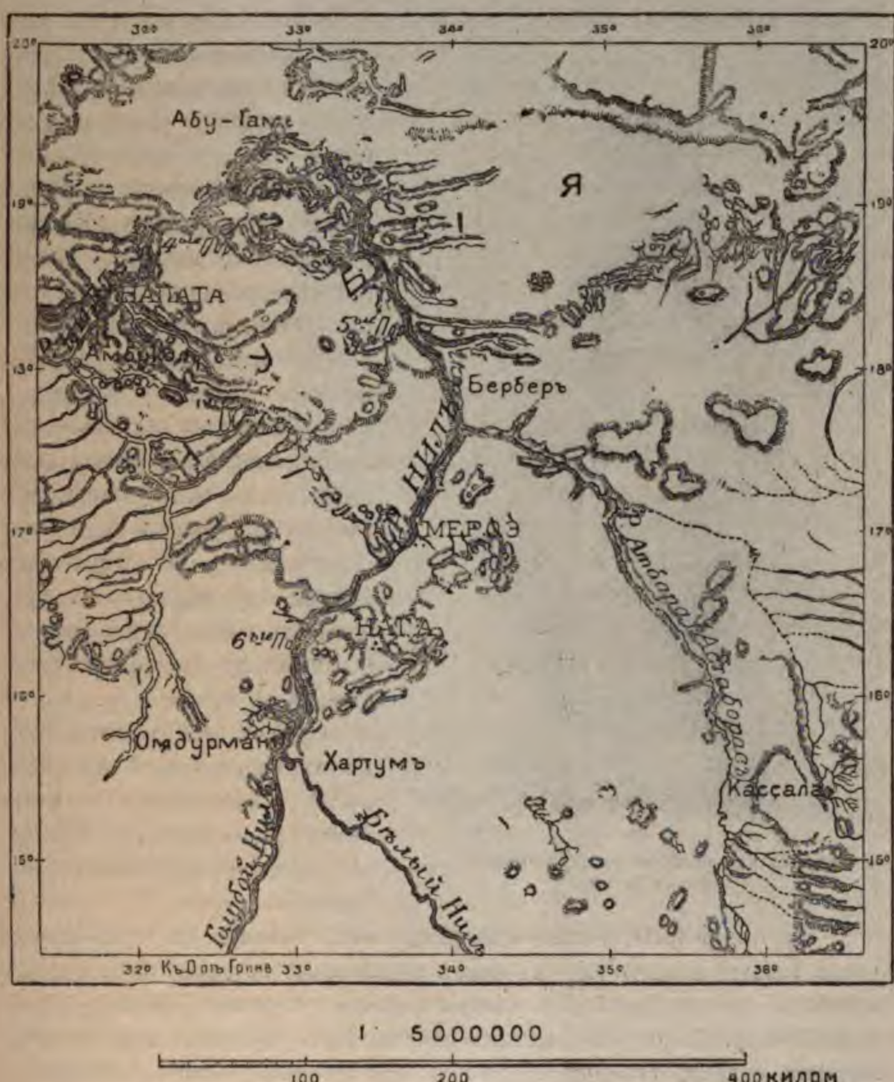
О сношеніяхъ между Гимiаріей и Абиссиніей упоминается въ очень многихъ надписяхъ: одна изъ нихъ, дешифрированная А. д'Аббади, прославляетъ имя «могущественнаго Халена, царя Аксума и Хамера»,—это послѣднее наименованіе обозначаетъ, безъ сомнѣнія, страну гимiаритовъ. Юго-западная Аравія и Эѳіопія образовывали, слѣдовательно, въ нѣкія отдаленныя времена одну имперію [2]). Кромѣ того, можно упомянуть, что чрезъ горы Іемена, являвшіяся неизбѣжнымъ этапомъ между Вавилоніей и восточной Африкой, Эѳіопія стояла въ сношеніяхъ съ халдейскимъ міромъ.

Замѣчательно, что «таблица народностей» Библіи помѣщаетъ сабеянъ въ ту же самую этническую группу, какъ и обитателей Африки, знакомыхъ составителямъ книги Бытія. Такимъ образомъ, въ то время, какъ всѣ окружающія народности—Обалъ, Іерахъ, Абимаилъ, Узалъ и т. д.—приписываются потомкамъ Сима, Саба относится къ хамитической вѣтви. Даже болѣе: сыновья Куха, старшаго сына Хама, разсѣялись по различнымъ этапамъ пути, о которомъ напоминаетъ, повидимому, генеалогія этого племени,—Саба поселился у береговъ Нила, Хевила и Сабта устроились на африканскомъ побережьѣ Краснаго моря и Аденскаго залива, какъ-разъ напротивъ мѣстообитанія Саба, Регма, Сабтека и Дедамъ помѣстились вдоль Персидскаго залива, наконецъ, Нимродъ занялъ бассейнъ великихъ рѣкъ-близнецовъ, Тигра и Евфрата. Такимъ образомъ, между двумя цивилизаціями, египетской и халдейской, протянулась непрерывная цѣпь родственныхъ племенъ.

1) The Geographical Journal, april 1896, p. 421. — 2) Académie des Inscriptions, séance du 19 janv. 1877.

Непосредственное вліяніе цивилизованныхъ народовъ южной Аравіи на абиссинцевъ должно было сказаться прежде всего въ религіозной

№ 148. Страна Мероэ.

пропагандѣ. Всѣ религіозные культы востока проникли въ горы Абиссиніи чрезъ Красное море. Гиміаритскія надписи Эѳіопіи свидѣтельствуютъ о томъ, что 27 вѣковъ тому назадъ, еще до того времени, когда начало свое побѣдоносное шествіе по азіатскому міру эллинское

движеніе, господствующей религіей тамъ былъ сабеизмъ. Главнымъ религіознымъ центромъ этой страны былъ тотъ же самый городъ, который являлся и центромъ египетскаго владычества,—городъ храмовъ, называвшійся въ разныя времена Іейа или Ава, отмѣчаемый и до сихъ поръ кое-какими развалинами, въ пяти часахъ пути къ сѣверо-востоку отъ Адуи [1]). Культъ небесныхъ свѣтилъ,—почитаніе прежде всего планетъ, которыя движутся по небу въ видѣ неподвижныхъ звѣздъ, какъ пастухи среди своихъ стадъ,—прослѣдовалъ изъ Халдеи въ Эѳіопію тѣмъ же путемъ, какимъ шли торговые караваны, и нашелъ на высокихъ обсерваторіяхъ, какими являлись горы Тигре, вполнѣ благопріятное мѣсто для своего развитія. Обладая умѣньемъ наблюдать пути свѣтилъ на темномъ небосклонѣ, простирающемся надъ высокими горными плато, жрецы сабеистской религіи были столь же умѣлы и въ управленіи людьми, они знали, какъ привязывать жизнь людей невидимыми нитями къ судьбамъ таинственныхъ небесныхъ свѣтилъ. Пережитки этой древней религіи замѣчаются и до сихъ поръ въ тѣхъ воззрѣніяхъ на невидимый міръ, какія господствуютъ среди современныхъ абиссинцевъ.

Дѣвушка изъ области Шакіэ, у четвертыхъ пороговъ Нила.

Другая религія, именно еврейская, была введена въ Эѳіопію также чрезъ южную Аравію уже въ очень отдаленныя времена, безо всякаго сомнѣнія, предшествовавшія распространенію греческаго вліянія въ западной Азіи. По словамъ самихъ абиссинцевъ, «фелаша», какъ они называютъ евреевъ страны, произошли отъ Менелика, сына Соломона и царицы Саба; княжескія семьи этой страны, также еврейскаго происхожденія, какъ и значительная часть подданныхъ, вполнѣ признаютъ это

1) J. Théodore Bent. «The ancient Trade Routes across Ethiopia». The Geographical Journal.

свое происхожденіе. Названіе «фелаша» имѣетъ смыслъ «изгнанные», и сказаніе говоритъ намъ о томъ, что, дѣйствительно, часть еврейскаго народа была предана изгнанію, выселилась и достигла Абиссиніи. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что прозелитизмъ принималъ въ данномъ случаѣ въ образованіи еврейскихъ общинъ среди африканскихъ горъ бо́льшее участіе, чѣмъ дѣйствительное перемѣщеніе народностей. Отъ Палестины до Эѳіопіи тянулись отъ сѣвера къ югу многочисленныя республики израильтянъ, объединенныя религіознымъ чувствомъ, которое обусловливало у нихъ извѣстный патріотизмъ и полную солидарность интересовъ. Однако, фелаша не получили такого воспитанія, какъ большинство другихъ евреевъ: они, повидимому, не странствовали по свѣту въ качествѣ всюду гонимыхъ бѣглецовъ, они не сдѣлались торговцами и мѣнялами. Уже это обстоятельство дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что фелаша, на самомъ дѣлѣ, туземнаго происхожденія,—это абиссинцы, обращенные въ іудейскую религію. Являясь бо́льшею частью кузнецами, каменщиками, плотниками, горшечниками и ткачами, они охотно занимались также земледѣліемъ и скотоводствомъ, но питали отвращеніе къ торговлѣ и утверждали, что она противна закону Моисееву [1]).

Негритянка изъ окрестностей Хартума, толкущая зерно.

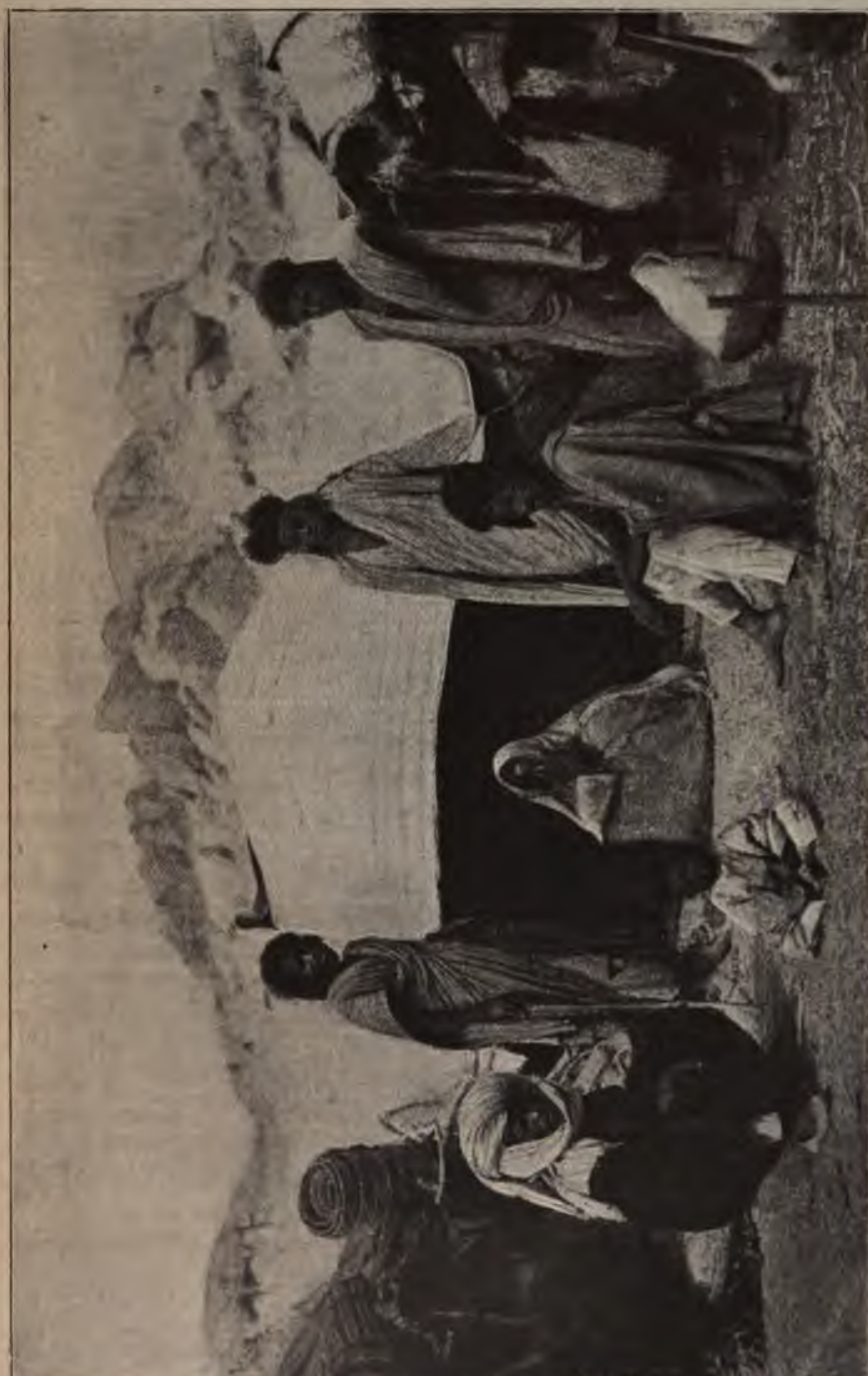
1) Henri A. Stern, «Wanderings among the Falashas in Abyssinia».

Что бы ни говорили еврейскія преданія, не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что бо̀льшая часть абиссинскаго населенія являлась послѣдовательницей той религіи, которая господствовала въ сосѣднихъ областяхъ; лишь позднѣе произошло обращеніе въ очень поверхностное христіанство. Поклоненіе свѣтиламъ, пріобрѣтенное отъ арабовъ, измѣнилось затѣмъ, благодаря египетскому, греческому и римскому вліянію. Между 50 обелисками окрестностей Адуи наиболѣе простые тожественны съ «бетилями» финикійскаго побережья [1]), другія напоминаютъ «стоячіе камни» береговъ Нила, и, наконецъ, огромный обелискъ-монолитъ въ 25 метровъ вышиною, поднимающійся въ долинѣ Аксума, не имѣетъ ничего общаго съ египетскими произведеніями и отличается многочисленными украшеніями рельефными, которыя, въ общемъ, придаютъ ему форму девятиэтажной башни съ окнами.

Кромѣ торговыхъ и культурныхъ отношеній между Ѳеіопіей и «Счастливой Аравіей», съ одной стороны, и Египтомъ—съ другой, исторія не открываетъ намъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній, относительно связи странъ запада со странами юга. То же самое можно сказать и объ остальной, столь обширной Ливіи—континентѣ, который въ настоящія времена получилъ названіе Африки. Древніе авторы сообщаютъ намъ объ этихъ странахъ лишь самые фантастическіе разсказы, полные мало провѣренныхъ и необоснованныхъ сообщеній. Такимъ образомъ, отнюдь не изъ письменныхъ документовъ можемъ мы познать прошлое африканскихъ народностей,—это становится для насъ возможнымъ лишь путемъ изученія описаній путешественниковъ, вступавшихъ въ сношенія съ племенами и ознакомлявшихся съ ихъ жизнью, преданіями, обычаями и образомъ мыслей. Въ настоящее время мы только начали знакомиться съ доисторической жизнью африканскихъ народностей. Кромѣ Египта и Мавританіи, каменные топоры, ножи и скребки были найдены еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ африканскаго континента, къ югу отъ Оранжевой рѣки, въ странѣ сомалійцевъ, въ бассейнѣ Конго и въ окрестностяхъ Томбукту, но всѣ эти находки слишкомъ единичны, слишкомъ удалены одна отъ другой, такъ что нѣтъ возможности заключить о существованіи каменнаго вѣка [2]). Затѣмъ, отсутствіе бронзовыхъ орудій заставляетъ преполагать, что большинство ливійскихъ народностей перешло почти прямо отъ костяныхъ и деревянныхъ орудій къ желѣзнымъ, тѣмъ болѣе, что способъ добыванія желѣза былъ открытъ

---

1) Th. Bent. «The ancient Trade Routes across Ethiopia». — 2) J. Deniker, «Les Races et les Peuples de la Terre», p. 492.

Кочевье арабовъ племени бихаринъ.

туземцами во многихъ мѣстностяхъ самостоятельно. Многіе наблюдатели находятъ, что замѣчается сходство въ скульптурныхъ украшеніяхъ въ

№ 149. Эѳіопія, центръ культуры.

(См. стр. 234 и слѣд.).

Угандѣ, на берегахъ Нигера и вплоть до Береговъ Слоновой Кости съ таковыми древняго Египта.

Мы можемъ, однако, сказать съ полной увѣренностью, что соціальное и политическое положеніе Ливіи -3000 лѣтъ тому назадъ должно было быть гораздо ближе къ современному положенію этой страны, чѣмъ древнее положеніе Европы и Азіи, по сравненію съ теперешнимъ. Массивныя, не расчлененныя формы материка оставляли населяющія

Африку народности въ полномъ подчиненіи мѣстнымъ условіямъ: вліяніе одного племени на другое не было достаточнымъ для того, чтобы вызвать постепенное, правильное развитіе, обусловить возникновеніе общей для нихъ цивилизаціи; измѣненія въ нравственныхъ, соціальныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ совершались у нихъ съ чрезвычайной медленностью. Воздѣйствіе человѣческой воли на среду оказывалось недостаточнымъ. Безъ сомнѣнія, жизнь племени акка въ его дѣвственныхъ лѣсахъ, жизнь пастуховъ-сомалійцевъ на ихъ безплодныхъ скалахъ или жизнь племени нюэръ на пловучихъ островкахъ не можетъ измѣниться въ теченіе долгихъ вѣковъ. Существованіе обширныхъ мѣстностей, благопріятныхъ для культуры, въ прибрежной полосѣ Гвинейскаго залива и на значительной части Судана, даже въ экваторіальной области должно было облегчать въ эти времена, какъ и въ теченіе всего историческаго періода, образованіе великихъ имперій съ многолюдными столицами и оживленными торговыми центрами [1]).

Если письменные документы не говорятъ намъ ничего объ исторіи народностей Ливіи, то зато нѣкоторые каменные памятники свидѣтельствуютъ ясно о сношеніяхъ въ древности между народами Передней Азіи и обитателями Африки, помимо египтянъ и абиссинцевъ. Къ юго-западу отъ устьевъ Замбези области внутренней части материка усѣяны развалинами, которыя въ эпоху первыхъ португальскихъ экспедицій представляли собою во многихъ мѣстностяхъ остатки настоящихъ зданій, значительно превосходившихъ своей архитектурою ничтожныя хижины туземцевъ нашего времени. Изъ современныхъ путешественниковъ первымъ Карлъ Маухъ открылъ въ 1871 г. одну изъ такихъ замѣчательныхъ развалинъ, свидѣтельствующихъ о высокой цивилизаціи—это была Зимбабіэ, т.-е. «царская резиденція» [2]), какъ называли мѣстные жители эту группу древнихъ построекъ, расположенную на холмахъ верхняго теченія Саби, около 300 километровъ къ западу отъ Софала. Развалины построекъ, занимающія около квадратнаго километра, заключаютъ «акрополь» и нѣкоторое число мелкихъ зданій, между прочимъ «эллиптическій храмъ» длиною въ 80 метровъ и шириною въ 60, содержащій конической формы башню, бывшую первоначально 12 метровъ высоты и сложенную изъ камня.

У зданій наиболѣе древнихъ, между рѣками Замбези и Лимпопо, всѣ стѣны построены изъ гранита, и именно изъ небольшихъ кусковъ его, хорошо отшлифованныхъ и сложенныхъ безъ цемента. Наружныя

1) Leo Frobenius, «Geographische Kulturkunde», p. 9. — 2) По Keane et Th. Bent, «Maison de Pierre», изъ Золу.

Стѣна храма съ узорами.

стѣны украшены обыкновенно рядами плоскихъ камней, расположенныхъ узоромъ въ опредѣленномъ порядкѣ, и—фактъ, свидѣтельствующій о большомъ умѣньѣ въ производствѣ такихъ работъ—до возведенія постройки вся окружающая мѣстность подвергалась осушенію. Очертанія построекъ имѣютъ волнистыя линіи, ворота прямыя, часто встрѣчаются узкіе коридоры, расположенные между двумя стѣнами. Не подлежитъ сомнѣнію, что строители прекрасно были знакомы съ искусствомъ защиты отъ военнаго нападенія; въ то же время другія детали ихъ сооруженій—башни и монолиты—указываютъ на религіозную дѣятельность. Многочисленныя находки, сдѣланныя при раскопкахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что основной причиной занятія страны было отысканіе золота.

Спрашивается, справедливо ли приписываетъ легенда эти многочисленныя встрѣчаемыя въ странѣ развалины строителямъ могущественнаго властителя, царствовавшаго нѣкогда надъ обширными владѣніями въ восточной Африкѣ? Въ тѣ времена, когда португальцы впервые достигли побережій Индійскаго океана, вся эта страна находилась, дѣйствительно, подъ властью нѣкоего Мономотапа, вѣрнѣе, Муэне-Мотапа, или «великаго господина», и, по всей вѣроятности, часть

сооруженій относится къ тому періоду. Однако, такія недавнія постройки очень ясно отличаются отъ строеній, существовавшихъ 20 вѣковъ тому назадъ. Безъ сомнѣнія, еще въ гораздо болѣе отдаленную эпоху страна эта была населена несравненно гуще, чѣмъ въ наше время. Замѣчательно плодородныя равнины Иніанга, слѣдующія одна за другой на высотѣ 1000—1500 метровъ по направленію къ истокамъ рѣки Руэнья, южнаго притока Замбези, являются въ значительной степени пустынными, но, несмотря на это, тамъ встрѣчаются всюду лѣстницеобразныя террасы, указывающія на прежнюю культуру, стѣны плотинъ, акведуки, крѣпостные валы и остатки печей и кузницъ,—страна эта была прежде садомъ, устроеннымъ съ гораздо бо́льшею тщательностью. Въ этой мѣстности было, по преданію, дано грандіозное сраженіе, и съ тѣхъ поръ души умершихъ обращаютъ въ бѣгство всѣхъ живыхъ людей, кто только отважится проникнуть въ эту страну [1]).

Каковы бы ни были событія, вызвавшія превращеніе страны въ пустыню, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что среди развалинъ древнихъ сооруженій находится много такихъ, которыя свидѣтельствуютъ о цивилизаціи чуждаго происхожденія. Преданіе разсказываетъ намъ, что древніе строители этихъ зданій, лежащихъ теперь въ развалинахъ, были «бѣлые люди, умѣвшіе дѣлать все», относительное же расположеніе народностей вокругъ бассейна Индійскаго океана заставляетъ искать этихъ строителей развалинъ Зимбабіэ между переселенцами, пришедшими съ сѣвера изъ «Счастливой Аравіи» или изъ Финикіи, изъ двухъ странъ, обитатели коихъ могутъ считаться «бѣлыми», особенно со стороны чернокожихъ банту южной Африки. Впрочемъ, археологи располагаютъ въ настоящее время вполнѣ точными указаніями, позволяющими имъ высказаться на этотъ счетъ съ полной несомнѣнностью. Шлихтеръ открылъ въ развалинахъ Инеанга надпись явственно семитическаго характера; онъ нашелъ также многочисленные барельефы, относящіеся къ культу солнца и совершенно аналогичные таковымъ древнихъ семитовъ, финикіянъ, евреевъ, арабовъ, сабеянъ. Несмотря на варварскую дѣятельность искателей золота, которые основали «черную банду» или «кампанію для эксплуатаціи древнихъ развалинъ» («Ancient Ruins Company»), занимавшуюся расхищеніемъ древнихъ гробницъ и добываніемъ изъ нихъ драгоцѣнныхъ предметовъ, которые затѣмъ безъ всякаго разбора сплавлялись [2]), мы все же собрали и сохранили, по крайней мѣрѣ, камни, разсказывающіе намъ о цивилизаціи, внесенной древними переселенцами.

---

1) Henry Schlichter. The Geographical Journal, april 1899, p 378. — 2) H. Schlichter, op. cit., p. 386.

Область, давшая намъ въ этомъ отношеніи наибольшее количество указаній относительно эпохи древней культуры, находится въ странѣ

№ 150. Окрестности Софала и Зимбабіэ.

матабеловъ, въ нѣсколькихъ километрахъ къ востоку отъ желѣзной дороги, соединяющей Булувайо съ Салюсбюри. Тамъ очень многочисленны столбы-монолиты прочнаго стеатита: діаметръ ихъ 20—30 сантиметровъ, и длина ихъ превосходитъ нерѣдко 3 метра, а у одного изъ имѣющихся экземпляровъ достигаетъ даже 4,3 метра; бóльшей частью они несутъ наверху птицу со сложенными крыльями и украшены солнце-

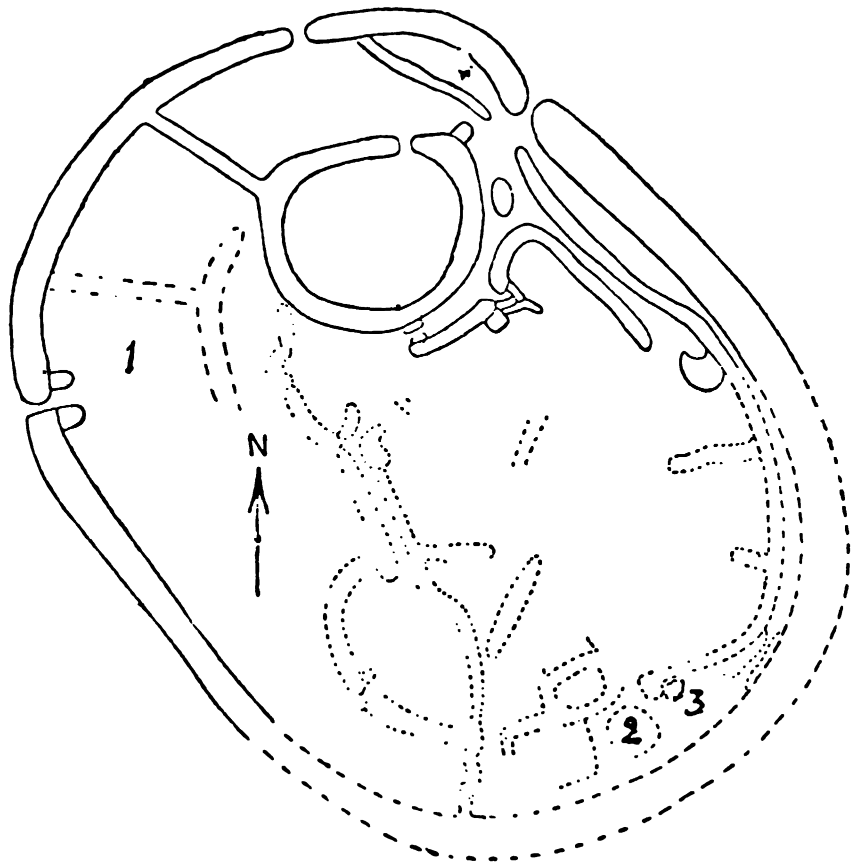
образной розеткой, которая является «фабричной маркой, позволяющей отнести къ финикійскимъ произведеніямъ всѣ предметы, которые ею снабжены» (Перро и Шипье). Точно такіе же камни были найдены въ Паѳосѣ на островѣ Кипрѣ [1]). На деревянномъ дискѣ изъ очень твердаго дерева, найденномъ при раскопкахъ въ Зимбабіэ, имѣются по окружности символическіе знаки, изображающіе мѣсяцы,—знаки зодіака, за исключеніемъ Рака, который относится къ позднѣйшимъ временамъ: эти одиннадцать знаковъ соотвѣтствуютъ таковымъ нашей цивилизаціи, и происхожденіе ихъ халдейское; въ центрѣ блюда изображена фигура крокодила—животнаго, которое у древнихъ являлось символомъ созвѣздій полярнаго круга [2]).

Деревянное блюдо со знаками зодіака.

Путешественникъ Сванъ, изучавшій сотни небольшихъ строеній и храмовъ, которые встрѣчаются въ различныхъ мѣстностяхъ страны Машона, на возвышенныхъ пунктахъ, между рѣками Замбези и Лимпопо, призналъ, что нѣкоторые изъ этихъ небольшихъ храмовъ, выстроенные въ формѣ круга, расположены такъ по отношенію къ солнцу, что его первые лучи во время солнцестоянія освѣщаютъ стѣну въ центрѣ зданія [3]),—они оріентированы совершенно такъ же, какъ нѣкоторые египетскіе храмы, по свидѣтельству Нормана Локайера. Шлихтеръ, изслѣдуя наклонное положеніе большого монолита въ Зимбабіэ, вычислилъ, что эти сооруженія относятся къ эпохѣ, удаленной отъ нашей на 3000 лѣтъ. Съ другой стороны, директоръ музея въ Булувайо, Меннель [4]), протестуетъ противъ такихъ поспѣшныхъ астрономическихъ выводовъ, дѣлаемыхъ на основаніи взаим-

1) R. N. Hall and W. G. Neal. «The ancient Ruins of Rhodesia».— 2) Norman Lockyer. «The Dawn of Astronomy», p. 150. — 3) Journal of the Anthropological Institute; Revue Scientifique, 1896, p. 344. — 4) E. P. Mennel, «The Zimbabwe Ruins».

наго расположенія стѣнъ, воротъ и колоннъ; дѣйствительно, болѣе тщательное изслѣдованіе развалинъ и болѣе точное измѣреніе угловъ не говоритъ, повидимому, въ пользу такихъ заключеній. Точно также со-

Планъ эллиптическаго храма въ Зимбабіэ.
1. Два наклонныхъ монолита.—2. Большая коническая башня изъ камня.—3. Малая башня.

вершенно еще не доказано, чтобы монолиты примѣнялись въ качествѣ солнечныхъ часовъ.

Правильно или нѣтъ мнѣніе относительно частичнаго вліянія Египта или Финикіи, отрицаемаго одними и признаваемаго другими, должно, во всякомъ случаѣ, подождать результатовъ болѣе полныхъ и болѣе подробныхъ раскопокъ, такъ какъ до сихъ поръ изслѣдовано не болѣе одной десятой всѣхъ извѣстныхъ развалинъ; пока мы можемъ все же признать, что область Софала содержитъ остатки цивилизаціи, имѣющіе, во всякомъ случаѣ, связь съ цивилизаціей Передней Азіи.

Эпоха, когда установились первыя переселенія арабскихъ племенъ на югъ, теряется въ неизвѣстности,—мы не можемъ даже сказать, относится ли она ко временамъ, удаленнымъ отъ насъ на 4000 лѣтъ или болѣе, или же это было лишь 3000 лѣтъ тому назадъ, во времена Соломона и Гирама. Достовѣрно лишь то, что сообщенія между обоими центрами цивилизаціи прекратились задолго до начала христіанской эры и возстановились лишь значительно позднѣе.

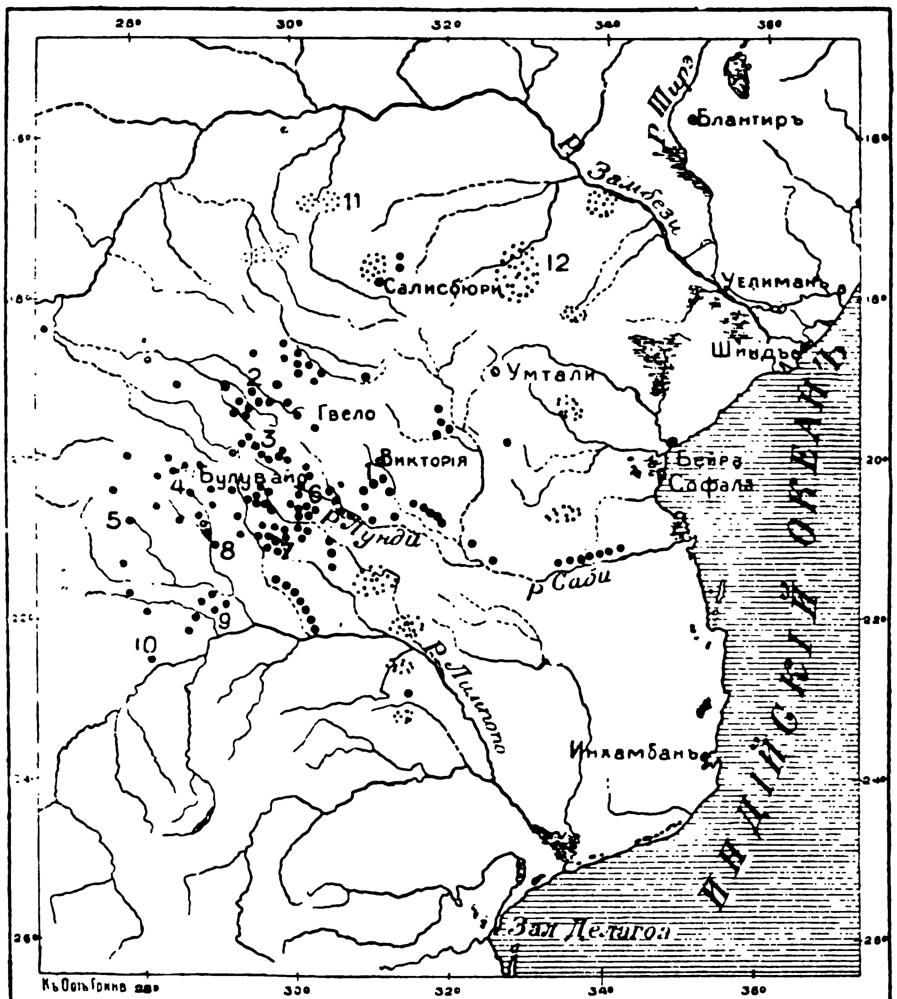
Корридоръ акрополя въ Зимбабіэ.

Переселенцы, приходившіе съ сѣвера, не возвращались, конечно, всѣ въ свою страну,—бо́льшая часть ихъ осталась въ этой странѣ, женилась и дала потомство метисовъ, которые мало-по-малу смѣшивались съ остальнымъ населеніемъ; раса сама по себѣ претерпѣвала глубокія измѣненія, но, тѣмъ не менѣе, какъ сообщаетъ Зелу, арабскій типъ встрѣчается очень нерѣдко въ этой части южной Африки. Съ другой стороны, скрещиваніе народностей вызвало также перетасовку идей, нравовъ, художественнаго вкуса. Если, съ одной стороны, пришельцы обучали мѣстныхъ жителей постройкѣ дворцовъ и храмовъ, то съ другой—сами туземцы украшали нерѣдко эти постройки узорами, какіе они имѣли обыкновеніе рисовать и вырѣзать на скалахъ своей родной страны,—узоры изъ круговъ, завитушекъ, параллельныхъ линій и цвѣткообразныхъ фигуръ, которые нерѣдко приходится видѣть на гранитныхъ скалахъ, и которые очень похожи на узоры, встрѣчаемые на предметахъ обстановки кафровъ [1]).

1) Carl Mauch, Ergänzungsheft des Pet. Mitt., n° 37.

Безъ всякаго сомнѣнія, обитатели Аравіи были привлечены въ

№ 151. Слѣды древней цивилизаціи къ югу отъ Замбези.

По Галлю и Ниллю

1 : 10 000 000

0 100 300 600 килом.

1. Зимбабіэ
2. Мтелегвэ.
3. Дло-дло
4. Хами.
5. Импакви.
6. Мунди.
7. Умнуквана.
8. Шумъ.
9. Семалали.
10. Лотсани.
11. Древнія мѣдныя копи.
12. Область Иніанга, съ террасами полей и древними строеніями иного типа, чѣмъ въ Зимбабіэ.

эти страны той же самой причиной, которая дѣлаетъ эту область юж-

ной Африки однимъ изъ наиболѣе сильныхъ притягательныхъ центровъ для всего остального міра. Эти прибрежныя области Индійскаго океана были одною изъ тѣхъ «странъ Офиръ», къ которымъ стремились корабли финикіянъ: драгоцѣнность металла вознаграждала за всѣ издержки по снаряженію корабля и по его плаванію, такъ какъ въ тѣ времена путешествіе туда и обратно продолжалось цѣлый годъ. Согласно мореходнымъ традиціямъ всѣхъ народностей, жившихъ по побережью Индійскаго океана, финикіяне на своихъ парусныхъ судахъ, похожихъ на нынѣшніе корабли арабовъ, спускались вдоль восточнаго берега Африки въ декабрѣ и январѣ, пользуясь сѣверными муссонами, и затѣмъ возвращались съ апрѣля по сентябрь при помощи правильныхъ юго-восточныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, дующихъ въ это время года. Проходя съ попутнымъ вѣтромъ 9—10 километровъ въ часъ днемъ и 7—8 километровъ ночью, они могли проплыть въ день 900—1000 стадій, т.-е. около 1^{0} 30′ градуса широты [1]).

Пока нѣтъ еще никакихъ указаній на то, гдѣ находилась финикійская торговая гавань; по всей вѣроятности, близъ Софала или въ самомъ этомъ городѣ имѣются, однако, остатки древнихъ копей. Судя по невѣроятному количеству разрытой земли, которую приходится встрѣчать во многихъ мѣстностяхъ страны, и судя по многочисленнымъ развалинамъ печей, служившихъ для плавленія, золотоискатели прежнихъ временъ проявляли чрезвычайно энергичную дѣятельность въ дѣлѣ разработки золотыхъ розсыпей, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что добытый металлъ, количество котораго, по мнѣнію современныхъ ученыхъ, оцѣнивается въ общей сложности болѣе чѣмъ въ 2 милліарда франковъ, вывозился на важнѣйшіе рынки побережій Индійскаго океана и поступалъ въ общіе торговые обороты тогдашняго цивилизованнаго міра. При нѣкоторыхъ изъ раскопокъ были найдены остатки жерноворъ, служившихъ для размельченія каменной породы, которую разбивали сперва, раскаляя скалу огнемъ и затѣмъ заставляя ее трескаться подъ дѣйствіемъ струи холодной воды [2]).

Помимо крупныхъ горныхъ работъ, и другіе факты свидѣтельствуютъ о существованіи въ тѣ времена сношеній, которыя продолжались въ теченіе долгихъ вѣковъ между обитателями южной Африки и торговыми народностями Краснаго и Средиземнаго морей. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются развалины дворцовъ и храмовъ, подобныя развалинамъ Зимбабіэ, туземцы удержали обычай пользоваться при религіозныхъ обрядахъ особыми молитвенными жезлами, которые должны быть признаны сходными съ такими же инструментами финикіянъ и почти всѣхъ или

1) Alfred Grandidier; Gabriel Gravier. Société normande de Géographie. Bull. juillet-août 1898. — 2) De Launay. «Mines d'or du Transvaal».

даже всѣхъ народностей, упоминаемыхъ классическими авторами [1]. Съ деревянныхъ жезловъ снимается спиральными лентами кора, такимъ образомъ, что она остается прикрѣпленной лишь къ концу жезла и свѣшивается въ видѣ крыльевъ,—когда такимъ жезломъ машутъ по воздуху, кора скручивается лентами, какъ бы передавая молитвы людей божеству. Это были такіе же жезлы, какъ жезлъ Меркурія, который онъ держалъ въ своихъ рукахъ, подниманась съ земли къ властителю боговъ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[1] [illegible]

съ этой стороны Африку посѣщали лишь путешественники, направлявшіеся сюда съ цѣлью изслѣдованія и открытій, и не было никакихъ постоянныхъ сношеній; къ тому же и эти путешественники исходили изъ совершенно иного центра, чѣмъ тотъ, который былъ исходнымъ пунктомъ мореплавателей, странствовавшихъ по Индійскому океану. Иниціаторомъ этихъ экспедицій въ Атлантическихъ водахъ былъ Карѳагенъ, а не его финикійская метрополія, и относятся всѣ эти предпріятія къ совершенно иной исторической эпохѣ. Когда у карѳагенскихъ купцовъ стало проявляться стремленіе раздвинуть предѣлы извѣстнаго въ тѣ времена міра, ось жизни человѣчества перемѣстилась по направленію къ западу отъ Тирренскаго и Критскаго морей къ морю Сициліи и Этруріи. Начался историческій періодъ, въ теченіе коего главнымъ очагомъ дѣятельности сталъ Римъ.

Впрочемъ, и во времена, предшествовавшія гегемоніи Рима, когда центръ міровой цивилизаціи находился еще въ восточныхъ областяхъ Средиземнаго моря, финикіяне и ихъ ученики греки обладали уже смутными, туманными свѣдѣніями относительно существованія народностей сѣверной Африки, вплоть до тѣхъ, которыя обитали къ югу отъ Сахары. Легендарный разсказъ, приводимый Геродотомъ[1]) объ экспедиціи молодыхъ авантюристовъ «назамоновъ» имѣетъ, по всей вѣроятности, дѣйствительную подкладку, такъ какъ сѣверная часть Африки является именно таковою, какъ она описывается въ этомъ преданіи. Путешественники, отправившіеся изъ Сирта къ западу отъ Киренаики, должны были, на самомъ дѣлѣ, миновать послѣдовательно сперва полосу прибрежныхъ воздѣланныхъ земель, затѣмъ страну, «населенную дикими звѣрями» и, наконецъ, обширную песчаную пустыню. За нею начались равнины, въ которыхъ растетъ много деревьевъ, гдѣ на далекое разстояніе тянутся болотистыя пространства, и течетъ большая рѣка, населенная крокодилами и являющаяся препятствіемъ для путешественниковъ даже и въ настоящее время, совершенно подобно тому, какъ во времена назамоновъ. Если на самомъ дѣлѣ всѣ обитатели этихъ областей внутренней части Африки и не являются людьми малаго роста, какъ утверждаетъ Геродотъ, то все же надо сказать, между ними находятся племена, которыя можно считать настоящими карликами. Между народностями, съ коими назамоны входили въ сношенія, упоминаются гараманты, «многочисленное и могущественное племя». Это названіе встрѣчается, быть-можетъ, даже и въ спискѣ современныхъ племенъ,—именно является вопросъ, не должно ли считать гарамантами племя «сонрхай», обитающее по берегамъ Нигера, ниже большой дуги, описываемой этой

---

1) «Исторія», кн. II, 32.

рѣкою,—племя это называетъ само себя, равно какъ и всю страну, именемъ Джерма или Гарама 1).

Что касается областей средиземноморскаго побережья, то онѣ, конечно, были извѣстны финикіянамъ, египтянамъ и грекамъ до македонскаго періода, но то, что разсказываетъ объ этихъ странахъ Геродотъ, свидѣтельствуетъ, что историческій періодъ не начался еще тогда для народностей, населявшихъ это побережье, за исключеніемъ Киренаики и

Дѣти въ Суданѣ.

Карѳагена, весь берегъ былъ занятъ варварскими племенами, о которыхъ сохранились смутныя свѣдѣнія въ сказаніяхъ и легендахъ. Таковы были «псиллы», племя, граничившее съ назамонами, о немъ легенда разсказываетъ, что они отправились въ походъ для того, чтобы сразиться съ Нотомъ, т.-е. вѣтромъ пустыни—сирокко; когда, однако, они пришли въ песчаную пустыню, вѣтеръ вскорѣ засыпалъ ихъ и похоронилъ подъ грудами бѣлаго песка 2).

Въ ту эпоху, когда мореходы тщательно хранили тайну о своихъ странствованіяхъ, были распространены лишь крайне смутныя идеи относительно настоящаго положенія странъ, даже земель самыхъ ближайшихъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, 25—26 вѣковъ тому назадъ, когда оракулъ приказалъ обитателямъ острова Тера отправиться и колонизо-

1) Hourst, «Sur le Niger et au Pays des Touareg», p. 158. 2) Геродотъ, «Исторія», кн. IV, 173.

вать землю Ливіи, имъ пришлось долго ждать разъясненія, такъ какъ никто не могъ сказать, гдѣ находится эта таинственная страна; затѣмъ были посланы гонцы на островъ Критъ, но и тамъ они также нашли лишь одного единственнаго морехода, который могъ ихъ провести въ Киренаику, несмотря на то, что берегъ этой страны располагается всего лишь въ 300 километрахъ разстоянія и образуетъ огромную выпуклость, направленную въ сторону Греціи и какъ бы призывающую представителей эллинскаго міра посѣтить его и колонизовать.

ГРЕЦІЯ.

Хронологія.

Историки относятъ переселеніе пеласговъ въ Грецію къ эпохѣ, удаленной отъ нашего времени приблизительно на 40 вѣковъ.

Ни одна изъ хронологическихъ данныхъ, приводимыхъ для установленія событій до-эллинской цивилизаціи (Кекропсъ—1580 до Р. Хр., Кадмъ—1314, Миносъ — 1300) и событій героическаго періода Греціи (Геркулесъ—1262—1216, путешествіе аргонавтовъ — 1226, взятіе Трои 1184, возвращеніе Гераклидовъ—1104 и т. д.), не имѣетъ историческаго значенія. Самыя имена дѣйствующихъ лицъ должны разсматриваться какъ совершенно миѳическія.

Лишь постепенно, мало-по-малу, хронологическія данныя становятся болѣе точными: архонты замѣняютъ собою аѳинскихъ царей, какъ утверждаютъ, около 1045 г. до Р. Хр.; однако, эпоха законодательства Ликурга въ Спартѣ (первая половина IX вѣка до Р. Хр.) является все же еще установленной недостаточно точно; лишь начиная съ учрежденія Олимпіадъ (776 г. до Р. Хр.), можно придавать нѣкоторую степень достовѣрности хронологическимъ даннымъ греческой исторіи.

Мы ограничимся здѣсь перечисленіемъ хронологическихъ данныхъ христіанской эры и эры Олимпіадъ, относящихся до событій и личностей, о которыхъ упоминается въ текстѣ; должно при этомъ замѣтить, что при переходѣ отъ одного тысячелѣтія къ другому могла образоваться ошибка въ одинъ годъ, такъ какъ Олимпійскія игры, которыми отмѣчается начало четырехлѣтія Олимпіадъ, происходили въ іюлѣ.

	Христ. эра до Р. Хр.	Олимпіады.
Законодательство Дракона (Аѳины)	624	152
» Солона »	595	181
Пизистратъ, тираннъ аѳинскій	561	215
Гиппій, его сынъ, изгнанъ	510	266
Походъ Дарія въ Скиѳію	508	268
Персидскія войны:		
Возстаніе въ Іонѣ (Аристагоръ)	501	275
Битва при Мараѳонѣ (Мильтіадъ)	490	286
» » Ѳермопилахъ (Леонидъ)	480	296
» » Саламинѣ (Ѳемистоклъ)	480	296
» » Платеѣ (Павзаній и Аристидъ)	479	297
» » Микале (Ксантиппъ)	479	297
» » Евримедонѣ (Кимонъ)	466	310

		Христ. эра до Р. Хр.	Олимпіады.
Начало Пелопонезской войны		431	345
Взятіе Аѳинъ Лизандромъ		404	372
Походъ десяти тысячъ (Ксенофонтъ)		400	376
Эпаминондъ побѣждаетъ спартанцевъ при Левктрахъ		371	405
» » » Мантинеѣ		362	414
Филиппъ разбиваетъ аѳинянъ и ѳивянъ при Херонеѣ		338	438
Разрушеніе Ѳивъ Александромъ		334	442
Битвы при Граникѣ и при Иссѣ		333	443
Консулъ Фламининъ въ Коринѳѣ (556 г. съ основ. Рима) . . .		197	579
Взятіе Коринѳа Муміемъ (607 г. съ основ Рима)		146	630
Гезіодъ (Аскра)		около 800	
Фидонъ (Аргосъ)		» 750	
Мимнермъ (Колофонъ, Малая Азія)		» 600	
Періандръ (Коринѳъ)	отъ 670 (?)	до 585	106
Пиѳагоръ (Самосъ)	» 572 (?)	» 472 (?)	204
Эсхилъ (Елевзія)	» 525	» 456	251
Кинегиръ, его братъ, убитый при Саламинѣ . . .		480	
Пиндаръ (Кинокефалы, близъ Ѳивъ)	» 522	» 442	254
Фидій (Аѳины)	» 500	» 431	276
Софоклъ (Колона, близъ Аѳинъ)	» 495	» 405	281
Периклъ (Аѳины)	» 494	» 429	282
Демокритъ (Абдера во Ѳракіи)	» 490 (?)	» 380 (?)	286
Геродотъ (Галикарнассъ)	» 484	» 406	292
Еврипидъ (Саламинъ)	» 480	» 405	296
Ѳукидидъ (Аѳины)	» 471	» 401	305
Миронъ (Елевтера)	470 (?)		306
Сократъ (Аѳины)	» 469	» 399	307
Скопасъ (Паросъ)	460 (?)		316
Ксенофонтъ (Аѳины)	» 445	» 353	331
Платонъ (Эгина)	» 429	» 347	347
Діогенъ (Аѳины)	» 413	» 323	363
Фокіонъ (Аѳины)	» 402	» 307	374
Демосѳенъ (Аѳины)	» 385	» 322	391
Аристотель (Стагира въ Македоніи)	» 384	» 322	392
Пиѳей (Марсель)	380 (?)		396
Пракситель (Аѳины)	» 360	» 280	416
Эпикуръ (Самосъ)	» 341	» 270	435
Аристархъ (Самосъ)	320 (?)		456
Аполлоній (Родосъ)	280 (?)		496
Филопеменъ (Мегалополисъ)	» 253	» 183	523
Полибій	» 204	» 122	572

Первопричину замѣчательнаго развитія мысли, характеризующаго Грецію, должно искать въ слабомъ вліяніи религіознаго элемента.

Глава восьмая.

ГРЕЦІЯ И МОРЕ.—ДО-ЭЛЛИНСКІЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ.—ПЕРВЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.—ГЕРОИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.—ДОРІЙСКОЕ ВТОРЖЕНІЕ.—СПАРТА И АѲИНЫ.—ГРЕКИ И ПЕРСЫ.—ГРАЖДАНЕ И РАБЫ.—АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.—ГРЕКИ И РИМЛЯНЕ.—ИСКУССТВА, НАУКИ, РЕЛИГІЯ.—ТРІУМФАЛЬНЫЙ КОНЕЦЪ ГРЕЦИИ.

Египтяне были привязаны къ странѣ со строго опредѣленными границами, они были заключены въ узкомъ желобѣ, по которому протекаютъ воды Нила, отъ первыхъ пороговъ до начала дельты; каково бы ни было ихъ первоначальное происхожденіе, они, какъ цивилизованная нація, возникли, во всякомъ случаѣ, всецѣло изъ плодороднаго ила великой рѣки. Въ полную противоположность съ ними, греки являются передъ нами на аренѣ исторіи среди полной независи-

мости географическихъ очертаній. Предѣлы этой народности охватываютъ Пелопонезъ и плеяду острововъ и полуострововъ, но не имѣютъ вполнѣ точныхъ очертаній. Дѣйствительно, до какихъ предѣловъ простирается Греція на сѣверѣ? Входитъ ли въ ея составъ Акарнанія, Эпиръ и Пиндъ? Охватываетъ ли она также Халкидику и долины, спускающіяся съ горъ Өракіи и Македоніи? Безъ всякаго сомнѣнія, она обни-

Галера финикійскаго типа.
По барельефу въ Британскомъ музеѣ.

маетъ и острова береговъ Азіи и нѣкоторыя области побережья восточнаго Эгейскаго моря, бывшія также одними изъ наиболѣе интенсивныхъ очаговъ развитія эллинскаго міра. Большіе острова Критъ и Кипръ, выдающіеся далеко на востокъ и подходящіе къ семитическимъ берегамъ, принадлежатъ равнымъ образомъ Греціи,—греческіе морскіе разбойники и греческіе торговцы распространили вліяніе Греціи и на нѣкоторые берега побережья Сиріи. По направленію же къ западу одна колонія слѣдуетъ за другою; новыя Греціи, еще болѣе обширныя, чѣмъ первоначальная, возникаютъ послѣдовательно среди морскихъ водъ; въ Африкѣ вплоть до отдаленной Ливіи простирается Киренаика; ограниченная съ юга моремъ песковъ, она является въ теченіе долгихъ вѣковъ африканской Элладой.

На самомъ дѣлѣ, греческая культура производитъ впечатлѣніе родившейся, подобно Афродитѣ, изъ волнъ морскихъ, изъ морской пѣны.

Каковы бы ни были переселенія грековъ по сухому пути отъ одной долины къ другой и отъ прежнихъ береговъ къ новымъ, исключительно лишь благодаря подвижнымъ водамъ моря и благодаря подвижности, свой-

№ 152. Эгейское море и архипелагъ.

ственной прибрежнымъ жителямъ, могли греки съ такою легкостью производить постоянный обмѣнъ продуктами и идеями между Европой и Азіей и могли породить, мало-по-малу, сознаніе объ общности всей своей цивилизаціи. Море соединяло ихъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ оно ихъ разъ-

единяло, и самое названіе, дававшееся ими Средиземному морю и его побочнымъ бассейнамъ, позволяетъ думать, что они прекрасно понимали такую роль моря: съ самыхъ отдаленныхъ періодовъ исторіи они видѣли въ морскихъ водахъ скорѣе естественный путь, чѣмъ препятствіе. Слово «Понтосъ» или «Понтусъ» имѣло первоначальное значеніе—«великій путь» и происходитъ изъ того же корня, отъ котораго возникло латинское слово «pons», «мостъ», т.-е. искусственный переходъ надъ водами. Конечно, мореходамъ всегда грозитъ опасность, что судно ихъ затеряется среди морской пустыни; греческимъ авантюристамъ особенно приходилось бояться этого въ томъ морскомъ бассейнѣ, который и сохранилъ наименованіе «Понтъ» по преимуществу, именно, въ Черномъ морѣ. Морскія плаванія совершались, однако, почти всегда вблизи береговъ, въ виду гаваней и бухтъ, куда можно было спастись отъ непогоды; греки постоянно видѣли передъ собою путь, которымъ должны были слѣдовать,—имъ приходилось временами останавливаться, но ничто не могло отвратить ихъ отъ конечной цѣли. Въ совершенно иныхъ условіяхъ находились западные народы, передъ которыми разстилались обширныя морскія или океаническія пространства, нерѣдко охватываемыя бурями: въ виду такихъ водъ, разбивающихся объ утесы, народы эти ощущали страхъ и ужасъ передъ моремъ, и такое чувство вылилось у нихъ въ наименованіи моря—«mar», «mare», «mer», «meer», «muir»,—слова, которыя вызываютъ идею насилія и разрушенія [1]).

Между обѣими Греціями, европейской и азіатской, море относится наиболѣе гостепріимно къ мореходамъ, чѣмъ во всей остальной части Средиземнаго моря: вблизи другихъ континентовъ нельзя найти водъ столь же благопріятныхъ для плаванія, за исключеніемъ развѣ Зондскаго Архипелага. При изученіи карты Эгейскаго моря и распредѣленія на немъ острововъ, разбросанныхъ между берегами обоихъ континентовъ, можно установить существованіе многочисленныхъ настоящихъ мостовъ—цѣлыхъ цѣпей острововъ, сближенныхъ между собою настолько, что мореплаватели остаются постоянно въ виду твердой земли.

Представимъ себѣ, что мы выходимъ изъ Пагазейскаго залива, называемаго въ настоящее время заливомъ Воло и расположеннаго между Ѳессаліей и Евбеей, и направляемся къ Дарданелламъ: какъ только мы миновали мысъ полуострова Магнезіи, мы видимъ передъ собою длинную вереницу острововъ, островковъ и скалъ, подымающихся изъ воды, и, когда пройдемъ вдоль этой длинной цѣпи, окажемся примѣрно лишь въ 60 километрахъ отъ азіатскаго побережья, и можемъ попасть въ одну изъ гаваней Халкидики или найти убѣжище у островка Страти (Галонезосъ), затѣмъ намъ остается лишь обогнуть островъ Лемносъ, и предъ нами

1) Zénaïde A. Ragozin. «Vedic India», p. 72.

Греческая галера.

откроются врата Дарданеллъ, между двумя островами-стражами, Имбросомъ и Тенедосомъ. Для того, чтобы прямымъ путемъ достичь Азіи, когда покидаешь тѣ же берега Ѳессаліи, мореходу необходимо совершить болѣе долгій путь по открытому морю, доступному вѣтрамъ, но если мореплаватели направятся мимо острова Скироса, то тогда до острова Псара, перваго острова, прилежащаго къ азіатскому материку, имъ приходится сдѣлать открытымъ моремъ лишь 80 километровъ,—это путешествіе, которое при благопріятномъ вѣтрѣ отниметъ лишь 4 часа. Затѣмъ они могутъ проскользнуть по тихимъ водамъ острова Хіоса и полуострововъ, защищающихъ Клазомену и Смирну.

Къ югу отъ бассейна, относительно бѣднаго островами, какой представляетъ собою центральная впадина Эгейскаго моря, тянутся снова правильныя цѣпи острововъ между обоими континентами. Острова и полуострова европейской стороны, Евбея, Аттика, Арголида, продолжаются, слѣдуя вдоль той же оси, въ направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и образуютъ поперекъ всего Эгейскаго моря на протяженіи болѣе половины его ширины длинные проливы, окаймленные высокими островами, которые могутъ быть сравнены съ портиками храма. Изъ гаваней европейской Греціи суда проходятъ до Азіи защищенными

путями, которые вѣтвятся и пересѣкаются посреди всѣхъ этихъ знаменитыхъ островов, носящихъ такія красивыя имена—Андросъ, Тиносъ, Миконосъ, Кеосъ, Китносъ, Делосъ, Паросъ и Антипаросъ, Милосъ и

№ 153. Циклады.

Антимилосъ, Наксосъ, Аморгосъ, Іосъ, Тера, Анафи, Астипалея. Боковыя цѣпи острововъ соединяютъ Миконосъ съ берегами Эфеса островами Икаріей и Самосомъ и островъ Наксосъ или Аморгосъ—съ Милетомъ островами Патмосомъ или Калимносомъ; побережье на юго-западномъ углу Малой Азіи чрезвычайно сильно изрѣзано и замаскировано длинной цѣпью острововъ, образующихъ какъ бы кайму вдоль азіатскаго берега, параллельную по своему направленію цѣпи острововъ у европейскихъ

береговъ. Наконецъ, почти геометрически правильная дуга острововъ, среди которыхъ находятся Родосъ, Карпатосъ, Казосъ, Критъ, Киѳера, тянется отъ одного континента къ другому подобно молу, имѣющему

№ 154. Спорады.

1 : 2 500 000

0 50 100 150 килом.

форму полукруга; море греческое по преимуществу, море, на которомъ выработались первоначальные элементы греческой народности, является, такимъ образомъ, ясно отграниченнымъ отъ открытаго моря,—это обширная колыбель, пріуготованная для зарождающейся цивилизаціи.

Нельзя сказать, чтобы Эгейское море было всегда благосклонно къ мореходамъ, и чтобы волны его лишь тихо плескались у его береговъ. Бываетъ, что это море приходитъ въ движеніе, и уже самое названіе его, обязанное волнамъ, бѣгущимъ «барашками», показываетъ намъ, что древніе греки смотрѣли на него какъ на опасную стихію. Многочисленные разсказы и до-историческія легенды свидѣтельствуютъ намъ о томъ, съ какимъ страхомъ пускались мореплаватели по расходившимся волнамъ, и какъ часто имъ приходилось терпѣть кораблекрушенія. Самымъ опаснымъ для нихъ вѣтромъ былъ сѣверный или сѣверо-восточный, спускающійся съ горъ Македоніи или возникающій на обширныхъ равнинахъ южной России и затѣмъ развивающійся въ бурю въ извилистыхъ проливахъ между островами. Часто, впрочемъ, этотъ вѣтеръ превращается въ правильный бризъ, дующій безостановочно въ теченіе цѣлаго дня и стихающій на ночь,—это особенно наблюдается лѣтомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ побережій такое чередованіе устанавливается со столь совершенной ритмичностью, что мореходы вполнѣ на него полагаются: по ихъ представленіямъ, сперва суша, затѣмъ море «дышатъ» поочередно, направляя впередъ ихъ суда сперва въ открытое море, затѣмъ же—внутрь заливовъ и бухтъ. Такимъ образомъ, опасности, которыми грозило мореходамъ Эгейское море, были такого рода, что люди разумные могли ихъ нерѣдко предвидѣть: они подготовлялись къ нимъ, заранѣе знали, что будутъ въ состояніи обогнуть тотъ или другой мысъ до наступленія шквала или до перемѣны направленія вѣтра, и всегда имѣли въ виду находящіяся на ихъ пути гавани и бухты.

Самые древніе обитатели греческаго міра, слѣды которыхъ были найдены археологами, жили далеко не въ столь отдаленныя времена, какъ обитатели долины Евфрата и долины Нила, созданія рукъ коихъ сохранились до нашихъ дней. Древность существованія этихъ первобытныхъ эллиновъ опредѣляется приблизительно въ 50 вѣковъ; такимъ образомъ, жили они все же до прихода финикіянъ на берега Эгейскаго моря. Наиболѣе древніе слѣды существованія человѣка были найдены на островахъ Эгейскаго архипелага, почему и самый первый періодъ исторіи человѣчества получилъ названіе «эгейскаго». Остатки древности, добытыя при раскопкахъ на континентѣ Греціи въ Микенахъ, въ Тиринѳѣ, въ Вафіо, близъ Спарты, и въ Спатѣ, въ Аттикѣ, по всей вѣроятности, имѣютъ происхожденіе, на 1000 лѣтъ болѣе позднее, чѣмъ тѣ, которые добыты при раскопкахъ на островѣ Критѣ, на островѣ Терѣ и въ Троадѣ.

На островѣ Терѣ, носящемъ въ настоящее время названіе Санторина, различные остатки древней цивилизаціи были открыты подъ тол-

стымъ слоемъ вулканическаго пепла [1]). Разсмотрѣніе ихъ показываетъ, что туземцы того времени пользовались еще каменными орудіями, но знали уже въ то же время и примѣненіе чистой мѣди. Они изготовляли большіе и грубо сработанные глиняные сосуды изъ бѣлой глины и строили свои дома изъ лавы, покрывая кровлю бревнами изъ дикаго оливковаго дерева. Это была пастушеская и земледѣльческая народность, содержавшая собакъ, жившая молокомъ своихъ стадъ и приготовлявшая сыръ, народность, воздѣлывавшая ячмень, пшеницу и турецкій горохъ. Съ другой стороны, эта народность, безъ всякаго сомнѣнія, получала также путемъ морской торговли нѣкоторыя произведенія чужихъ странъ, между прочимъ, глиняные сосуды [2]).

Склады амфоръ въ Кносѣ.
Въ землѣ видны отверстія, откуда амфоры были извлечены.

Послѣ страшнаго изверженія, при которомъ взлетѣлъ на воздухъ весь вулканъ острова Тера, островъ заселился вновь народомъ той же самой расы, какъ и первые обитатели, такъ какъ находки въ слояхъ, располагающихся надъ вулканическимъ пепломъ, являются тожественными съ тѣми, которые расположены подъ ними. Среди этого второго населенія острова устроились финикіяне, такъ какъ въ этихъ же слояхъ находится нѣсколько гробницъ послѣднихъ.

Въ ту эпоху, когда раскаленный пепелъ отлагался на наиболѣе древнихъ постройкахъ, возведенныхъ греками, владычество надъ эллин-

1) Fouqué. «Mission scientifique à l'Ile de Santorin». Archives des Missions, 2-e série, t. IV, 1867. — 2) Fr. Lenormant. «La Légende de Cadmus.—Les premières Civilisations». vol. II, pp. 344 et 345.

скими морями принадлежало обитателямъ Крита,—длиннаго острова, тянущагося поперекъ архипелага и расположеннаго такъ выгодно, что онъ можетъ одновременно служить складочнымъ мѣстомъ какъ для товаровъ, идущихъ изъ Египта и Сиріи, такъ и для произведеній греческихъ островов и полуострововъ. Еще Аристотелемъ было отмѣчено важное значеніе этого острова, какъ посредника въ торговлѣ. Древнѣйшія легенды, дѣйствительно, характеризуютъ критянъ до-историческихъ временъ какъ «θαλασσοκράτες», т.-е. «властителей моря» по преимуществу. Такъ, Циклады были—«островами Миноса», легендарнаго царя Крита, и критянскія колоніи были распространены по островамъ и континентальнымъ побережьямъ архипелага, простираясь вплоть до Палестины, гдѣ названіе «крети» сдѣлалось, въ концѣ концовъ, наименованіемъ народностей средиземноморского побережья.

Раскопки въ Кносѣ.

Погребальная надпись критскимъ письмомъ. 1/3 естеств. величины.

Недавнія раскопки Эванса доказали, что съ самыхъ первѣйшихъ временъ, быть-можетъ, болѣе чѣмъ 5000 лѣтъ тому назадъ, предметы египетской промышленности были уже ввезены на островъ Критъ. Недавно были открыты огромный дворецъ и лабиринтъ Миноса, являющійся наилучше сохранившимся памятникомъ доэллинской цивилизаціи, причемъ были найдены различныя скульптурныя изображенія, фрески и надписи съ до-финикійскими буквами. Затѣмъ были отрыты дворцы Фаэста и Гагіа-Тріада, давшіе также множество цѣнныхъ памятниковъ. Письмо критянъ, алфавитическое или силлабическое, совершенно отлично отъ египетскихъ іероглифовъ и отъ вавилонскихъ клинообразныхъ письменъ; болѣе всего оно приближается къ системѣ начертанія, примѣнявшейся на Кипрѣ: впрочемъ, оба эти рода письма проникли затѣмъ и на Пелопонезъ и континентальную часть Греціи и достигли тѣхъ же предѣловъ, какъ микенская цивилизація [1]).

Если положеніе острова Крита объясняетъ ту существенную роль, которую этотъ островъ игралъ въ древнія времена, то, съ другой стороны,

1) Arthur Evans. «A Mycenean System of Writing in Crete and the Peloponnesus».

его форма дѣлаетъ понятнымъ, почему критянское могущество не имѣло

№ 155. Островъ Тера или Санторинъ.

По А.Филиппсону

1 : 250 000

0 5 10 15 килом

Названіе Аспронизи относится къ небольшому островку между о. Терезія и юго-западной оконечностью о. Тера; центральные острова всѣ носятъ названіе Каймени («обожженые»); съ востока къ западу слѣдуютъ: Микро-Каймени, Неа-Каймени и Палеа-Каймени.

болѣе необходимой силы для того. чтобы придать своему морскому вла-

дычеству извѣстную цѣлостность. Островъ этотъ не только сильно вытянутъ, что уже само по себѣ облегчаетъ раздробленіе обитателей на отдѣльныя, не связанныя между собою группы, но, сверхъ того, еще горные массивы его расположены такимъ образомъ въ серединѣ и по концамъ его, что островъ, въ дѣйствительности, оказывается раздѣленнымъ на три естественныя области, не имѣющія связи между собою. Лишь путемъ насилія могла власть, имѣвшая своимъ центромъ среднюю часть острова, надъ которой господствуетъ колыбель Юпитера, гора Ида, распространяться и на горныхъ жителей восточной и западной частей. Благодаря нормальному распредѣленію обитателей въ группы, привязанныя къ трудно доступнымъ горнымъ долинамъ, Критъ долженъ былъ, естественнымъ образомъ, раздѣляться на многочисленныя мелкія республики, достаточно сильныя для того, чтобы отстаивать свою независимость среди сосѣдей, но слишкомъ слабыя для оказанія противодѣйствія крупному вторженію. Островъ не представляетъ собою одного цѣлаго; слагаясь изъ многочисленныхъ этническихъ единицъ, находящихся въ борьбѣ другъ съ другомъ, онъ дѣлался постоянно легкой добычей чужеземныхъ завоевателей; свободнымъ онъ былъ лишь въ миѳическія легендарныя времена, въ историческіе же періоды онъ находился всегда въ порабощеніи.

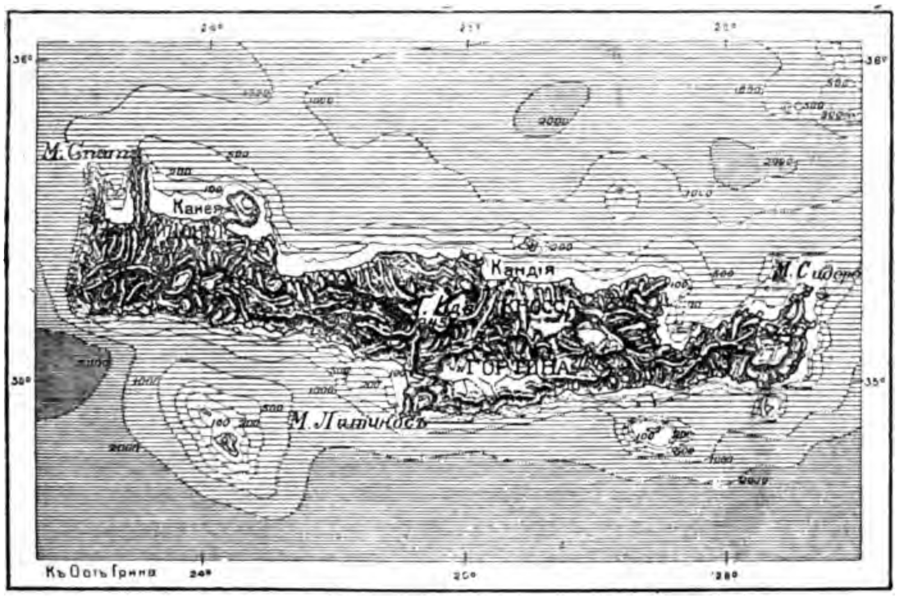

Раскопки въ Гагіа-Тріадѣ.
Фрески, изображающія растенія и животныхъ.

Между прочимъ, и финикіяне были одними изъ числа его завоевателей: они завладѣли Критомъ, какъ и Санториномъ и многими другими островами Средиземнаго моря. Доказательствомъ этого является распространенный на островѣ культъ Минотавра, котораго можно отожествить съ финикійскимъ Молохомъ,—это было чудовище съ головою быка, руки его сжимали въ своихъ объятіяхъ человѣческія жертвы. Культъ этотъ господствовалъ долгое время,—онъ продолжался вплоть до тѣхъ временъ, когда греческіе переселенцы ввели на островѣ поклоненіе богамъ своего

Олимпа [1]). Острова Родосъ, Мелосъ и Сиросъ также оставались въ теченіе многихъ поколѣній подъ властью финикіянъ; наиболѣе же важнымъ пунктомъ, пріобрѣтеннымъ торговцами Тира въ качествѣ коммерческаго, промышленнаго и военнаго пункта, былъ, внѣ предѣловъ континентальной Греціи, островъ Киеера, самое названіе котораго, повидимому, семитическаго происхожденія. Выставивъ такой сторожевой постъ

№ 156. Критъ.

1 : 2500000

0 50 100 150 килом.

Фаэстъ располагается къ западу отъ Гортины, въ · километр. отъ моря, къ лѣвому берегу рѣки; Гагіа-Тріада близко отъ Фаэста.

у самаго наружнаго угла Пелопонеза, на границѣ двухъ морей, Тиръ получилъ достаточно обширную гавань, прекрасно защищенную отъ вѣтровъ, гавань, въ которой его мореходы могли свободно выжидать, пока попутный вѣтеръ позволитъ имъ добраться до Сициліи, до береговъ Великой Греціи или Иллиріи. Кромѣ того, островъ Киеера чрезвычайно богатъ пурпуромъ, что помогало финикійскимъ промышленникамъ широко развивать свое производство драгоцѣнныхъ крашенныхъ тканей. Островъ этотъ въ теченіе нѣкотораго періода своей исторіи заслужилъ

1) André Lefèvre, «Les Origines helléniques».

наименованіе Порфирузы—«острова пурпура», и въ настоящее время тамъ были найдены колоссальныя скопленія раковинъ пурпурницы, употреблявшейся для изготовленія этого красящаго вещества, они открыты близъ Гитіона, въ глубинѣ Лаконійскаго залива. Какъ установилъ Сольси, два вида моллюсковъ, служившихъ для приготовленія пурпура, были въ Тирѣ и въ Греціи неодинаковы: въ Финикіи примѣнялся Murex trunculus, тогда какъ на Киѳерѣ—M. brandarius [1]).

Финикіяне колонизовали также острова и полуострова сѣверной части Эгейскаго моря: они устроились на островѣ Фазосѣ, богатомъ ископаемыми, а также на склонахъ горы Пангейской, которая подымается на континентѣ къ сѣверо-западу отъ этого острова. Быть-можетъ, они устроились также и на берегу другого моря, въ Элидѣ, гдѣ также обнаруживалось ихъ вліяніе. Такимъ образомъ, вмѣстѣ со Шлиманомъ можно признать ихъ участіе въ заселеніи Итаки, самое названіе коей мало отличается отъ Утики, города въ Африкѣ, и означаетъ «колонію». Знаменитый путешественникъ, хитроумный Улисъ, во многихъ отношеніяхъ, правда, типичный грекъ, является, слѣдовательно, все же до извѣстной степени привязаннымъ къ Финикіи; то обстоятельство, что и въ настоящее время многіе изъ тіакіотовъ (итакіотовъ) занимаются мореплаваніемъ и доставкой по морю въ Черное море хлѣбныхъ грузовъ, объясняется, быть-можетъ, наслѣдственной передачей наклонностей ихъ отдаленныхъ предковъ.

Надо сказать, что изслѣдованія остатковъ до-эллинской цивилизаціи лишь только начаты,—тѣмъ не менѣе, благодаря искусству и стараніямъ ученыхъ, сдѣлано уже не мало превосходныхъ открытій. Викторъ Берарь показалъ, что мореплаватели устраивались на многихъ скалистыхъ мысахъ, привязанныхъ къ берегу косою суши; отъ Родоса до Аттики такихъ поселеній разбросано до шести, причемъ всѣ они назывались, вѣроятно, въ честь какого-нибудь божества Астипалеей и превратились затѣмъ въ устахъ грековъ въ «Астипалайя» или «древніе города» [2]). Если финикіяне не обосновались вдали отъ береговъ внутри страны, если они проникали въ долины Аркадіи лишь въ качествѣ торговцевъ и пиратовъ, то зато, надо сказать, ими были, во всякомъ случаѣ, заняты перешейки, на которыхъ были возведены крѣпости—Тиринѳъ, Микены, Коринѳъ,—«греческая этимологія ихъ совершенно не можетъ объяснить ихъ названій»,—эти пункты намѣчаютъ путь, обладаніе коимъ позволяетъ избѣгать опаснаго плаванія вокругъ мысовъ Пелопонеза. Точно также Ѳивы, расположенныя на равномъ разстояніи между обоими морями, господствуютъ надъ путемъ, пересѣкающимъ ма-

1) Movers; Fr. Lenormant; de Saulcy, passim. — 2) Victor Bérard. «Les Phéniciens et l'Odyssée».

Раскопки въ Фаэстѣ. Театръ и входъ во дворецъ.

терикъ между Халкидскимъ и Коринѳскимъ заливами. Иліонъ, расположенный вдали отъ берега, но на пути, огибающемъ Геллеспонтъ, опасный своими вѣтрами, занимаетъ совершенно такое же положеніе [1]). Находясь въ рукахъ владѣльцевъ страны, эти города позволяли имъ взимать дань съ торговцевъ; впрочемъ, торговцы и мѣстные жители были настолько полезны другъ другу, что должны были установиться обычаи, пересилившіе ненависть къ чужестранцамъ: пересѣченіе перешейковъ, съ цѣлью попасть изъ одного моря въ другое, было однимъ изъ древнѣйшихъ факторовъ, приведшихъ народности къ соприкосновенію между собою.

Семитическое—финикійское или хананейское—происхожденіе колоніи, находившейся подъ властью легендарнаго Кадма, въ равнинахъ Беотіи, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Qadem означаетъ «востокъ» на семитическихъ нарѣчіяхъ и Qadmôn или Qadmoni значитъ «восточный» [2]). Это названіе дается въ Библіи арабамъ, и, по всей вѣроятности, его же приняли новые пришельцы, высадившіеся въ Беотіи. Суевѣрный страхъ, связанный съ воспоминаніями объ этой странѣ, можетъ служить указаніемъ на ихъ чужеземное происхожденіе. Хотя потомки Кадма и были учителями грековъ, принесшими имъ драгоцѣннѣйшее

1) V. Bérard, op. cit. — 2) Movers. «Die Phoenizier», t. I, p. 517.

изъ достояній—письменность, они, по преданіямъ, являются особо проклятыми злымъ рокомъ. Они были одновременно и носителями и жертвами миѳовъ Азіи: семья Эдипа была, по преданію, источникомъ всѣхъ преступленій, послужившихъ причиною ея истребленія,—греки, представляемые въ легендѣ подъ видомъ «семи вождей», взяли, въ концѣ концовъ, Ѳивы и очистили ихъ совершенно отъ чужеземцевъ. Вполнѣ естественно, что финикійская колонія, не подкрѣпляемая извнѣ новыми пришельцами, должна была погибнуть, поглощенная мѣстнымъ населеніемъ; господствующая династія была заранѣе осуждена либо къ полному исчезновенію, либо къ приспособленію къ новой средѣ путемъ самоотрицанія.

Возможно, что эта группа финикіянъ съ самаго начала не была торговой и отличалась въ этомъ отношеніи отъ другихъ группъ, устроившихся въ портовыхъ городахъ Средиземнаго моря. Возможно, что ее составляли, напримѣръ, представители земледѣльческаго населенія, обитавшіе внутри хананейской страны, въ долинахъ и на террасахъ горъ. Когда евреи заняли часть земли Ханаанской, они потѣснили этихъ земледѣльцевъ по направленію къ побережью, и, именно вслѣдствіе такого вынужденнаго переселенія, отдѣльныя группы переселенцевъ должны были въ поискахъ новыхъ земель отправиться въ отдаленныя страны, не для того, чтобы основать тамъ торговыя колоніи, но съ цѣлью найти земли для обработки, похожія на тѣ, которыя были ими оставлены. Бѣгство изъ одной страны превратилось во вторженіе въ другую страну [1]). Совершенно такимъ же образомъ послѣ реформаціи преслѣдуемые гугеноты основали множество новыхъ общинъ въ Швейцаріи, въ Германіи, въ Голландіи и Великобританіи.

Вліяніе, которое имѣлъ на развитіе греческой цивилизаціи Египетъ, трудно опредѣлить, въ виду полнаго отсутствія историческихъ документовъ, потому совершенно неизвѣстно, въ какой мѣрѣ основаны на фактахъ легендарныя сказанія объ Инахѣ, Кекропсѣ, Данаѣ и другихъ предполагаемыхъ основателяхъ египетскихъ колоній въ предѣлахъ эллинскаго міра. Мы только-что еще начинаемъ пріобрѣтать нѣкоторыя свѣдѣнія относительно тѣхъ связей, которыя существовали между египетскимъ народомъ и населеніемъ побережья Эгейскаго моря; лишь въ гораздо болѣе позднюю эпоху, принадлежащую уже всецѣло греческой исторіи, именно во времена Саитской династіи, 25 вѣковъ тому назадъ, произошли первыя непосредственныя позаимствованія одного народа отъ другого, о которыхъ свидѣтельствуютъ находки Флиндерса Петри въ Навкратидѣ и другихъ мѣстностяхъ. Безъ сомнѣнія, еще ранѣе существовали сношенія между двумя континентами при посредствѣ Крита и

---

1) Fr. Lenormant. «Les premières Civilisations», vol. II, p. 422.

другихъ острововъ, однако, продолжительный періодъ изолированности

№ 157. Провинціи Греціи и финикійскія колоніи.

1: 7 500 000

0 100 200 300 400 килом.

Нѣкоторыя финикійскія колоніи.

A. Родосъ (Редосъ).
B. Карпатосъ (Скарпанто).
C. Критъ (Кандія, Киридъ).
D. Тера (Санторинъ).
E. Мелосъ (Мило).
F. Паросъ (Паро).
G. Сиросъ (Сира).
H. Киѳера (Цериго).
I. Гиѳіонъ (Маратонези).
J. Итака (Тіаки).
K. Лемносъ (Лимни).
L. Ѳазосъ (Ѳассо).
M. Пангейская гора (Бунаръ-дагъ).
O. Лампсакъ (Лампсаки).
N. Абдера—должна быть помѣщена къ западу отъ залива.

Къ этому списку слѣдовало бы добавить Ѳивы, различныя Астипалеи и т. п.

раздѣлялъ эти двѣ эпохи. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ политика полной

обособленности, которую вели фараоны, замыкала египетскій народъ въ тѣсныхъ предѣлахъ Нильской долины.

Этническіе элементы, изъ которыхъ сложился греческій народъ, пришли, безо всякаго сомнѣнія, съ двухъ противоположныхъ сторонъ,—съ сѣвера и съ востока; съ сѣвера они пришли по горнымъ проходамъ, съ востока—по морю. Цѣлый потокъ переселенцевъ спустился съ высокихъ и болѣе холодныхъ областей Пинда и Балканскихъ горъ, тогда какъ другой потокъ хлынулъ отъ побережій болѣе умѣренной Малой Азіи, Сиріи и острововъ Эгейскаго архипелага.

Пришельцы съ сѣвера, привычные къ суровому климату и холоду, къ снѣгамъ и метелямъ, были прилежными земледѣльцами, не имѣвшими настолько досуга, чтобы образоваться въ области искусствъ и наукъ; будучи полуварварами, они покинули свои высокія долины и проложили себѣ силою дорогу среди окружающихъ враждебныхъ племенъ; они сдѣлались разбойниками и воителями. Оттѣсненные къ югу другими переселенцами, явившимися изъ долины Дуная или еще болѣе издалека, изъ равнинъ Сарматіи, они сами потѣснили другія народности. При ихъ передвиженія позади нихъ оставался кровавый слѣдъ. Во время переселенія, происходившаго постепенно и длившагося годы или даже вѣка, они становились все болѣе и болѣе жестокими и, достигнувъ, наконецъ, полуострововъ, ограниченныхъ съ юга моремъ, явились тамъ въ качествѣ завоевателей, не знающихъ жалости.

Восточные переселенцы, перенесшіеся въ Грецію на своихъ судахъ, были также бо́льшею частью пираты и воители, но они содержали и толпы переселенцевъ, пришедшихъ изъ странъ, духовная культура которыхъ была гораздо выше,—эти пришельцы, устроившись на берегахъ Греціи, принесли съ собой свою промышленность и болѣе высокую культуру. Можно вообще сказать, что переселеніе изъ сѣверныхъ горныхъ странъ доставляло матеріалъ, людей въ сыромъ видѣ, тогда какъ мореплаватели, пришедшіе съ востока, доставляли идеи, новые взгляды, элементы духовнаго и моральнаго перерожденія.

Какъ бы то ни было, уже самое положеніе Греціи, къ которой сходится столько морскихъ и континентальныхъ историческихъ путей, не позволяетъ вѣрить въ чистоту этническаго типа греческаго населенія. Историковъ нерѣдко обманываетъ національное самолюбіе. Всѣ аристократы, какъ извѣстно, претендуютъ на прямое происхожденіе свое отъ боговъ или отъ безупречныхъ героевъ; всѣ города, заботясь о славѣ своего имени, приписываютъ въ наивномъ невѣдѣніи свое основаніе какимъ-нибудь особенно знаменитымъ личностямъ и объединяютъ въ своей исторіи всѣ великія событія, совершившіяся въ теченіе цѣлаго цикла ихъ существованія. Однако, какъ аристократическіе роды, такъ и города совершенно забываютъ то, что забываютъ вмѣстѣ съ ними и

историки, именно, что большинство городскихъ центровъ возникло либо путемъ прибытія чужестранцевъ, соединившихся затѣмъ брачными узами съ мѣстными жителями, либо путемъ устройства въ данной мѣстности плѣнныхъ, которыхъ завоеватели заставили работать надъ созданіемъ города, либо, наконецъ путемъ объявленія амнистіи и прощенія разбойникамъ и преступникамъ всѣхъ національностей, которыхъ помѣстили въ данной мѣстности. Не разсказываетъ ли преданіе, что именно такимъ способомъ основалъ Кадмъ Ѳивы, и Тезей построилъ Аѳины [1])? «Всѣ народы стекайтесь сюда»—таковъ былъ лозунгъ, установленный героемъ, пожелавшимъ, чтобы его городъ сдѣлался мѣстомъ встрѣчи всѣхъ племенъ и народностей. Не въ этомъ ли причина, по которой Гомеръ въ своемъ «Спискѣ судовъ» («Иліада», 547) лишь однимъ аѳинянамъ [2]) придаетъ названіе народа? «Не ищите племени»—гласила пословица, указывая этимъ на полное отсутствіе увѣренности въ справедливости того, что давали генеалогическія таблицы знати.

Погребальная статуя, изображающая обоготвореннаго покойника (египетское вліяніе).

Основнымъ фундаментомъ, къ которому присоединились различные другіе элементы, давшіе начало грекамъ историческаго періода, была народность, носившая названіе «пелазговъ»,—она по преданію была

1) Giambattista Vico. «Science nouvelle», édition française, p. 202.—2) Aristote. «République athénienne», éd. Th. Reinach, pp. 2, 3.

распространена въ Эпирѣ, въ Ѳессаліи, въ Аркадіи по горнымъ долинамъ и на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага. Сами пелазги называли себя сынами Ликейской горы—«горы волковъ»,—которая поднимается въ центрѣ Пелопонеза; они называли себя также «людьми черной земли» и «дѣтьми дубовъ». Грубые и храбрые по своей природѣ, они были скорѣе осѣдлыми земледѣльцами и строителями городовъ, чѣмъ моряками и торговцами; тѣмъ не менѣе, они вели торговлю также и по морю со своими сосѣдями, обитавшими на островахъ и въ Малой Азіи. Именно пелазговъ символизировала легенда въ лицѣ Геркулеса, такъ какъ имъ обязана Греція великими подвигами въ области приспособленія почвы къ земледѣлію, осушенія болотъ, уничтоженія дикихъ звѣрей, урегулированія рѣкъ, удаленія лѣсовъ съ плодородныхъ равнинъ и, наконецъ, постройки стѣнъ и крѣпостей для защиты. Потомство обоготворяло ихъ какъ гигантовъ, замѣчательныхъ строителей, существа сверхъчеловѣческія, которымъ сами потомки, будучи болѣе слабыми, не могли подражать; явилось представленіе о томъ, что особая, высшая сила одушевляла ихъ, когда они строили стѣны, поднимающіяся и до сихъ поръ въ различныхъ мѣстностяхъ Греціи. Многія изъ старинныхъ семействъ, особенно въ Аттикѣ, хвалились своимъ происхожденіемъ отъ этихъ «автохтоновъ», и эта претензія во многихъ случаяхъ, быть-можетъ, и была справедливой, принимая во вниманіе консервативность нравовъ земледѣльческихъ народностей. Точно также языкъ и религія оставались неизмѣнными въ теченіе вѣковъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ древнія наименованія мѣстностей и божествъ. У пелазговъ почитался уже Зевсъ, который царилъ, по ихъ представленіямъ, въ небесной выси; набожный Павзаній разсказываетъ намъ, что пелазги поклонялись также грубо обтесаннымъ камнямъ, которые почитались и цивилизованными греками, даже уже во времена римскаго владычества.

Именно среди пелазговъ должно, по всей вѣроятности, искать, какъ говоритъ еще Аристотель, племенъ, которыя называли себя «греками» и передали это имя всей знаменитой народности, занявшей полуострова и острова юго-восточной Европы. «Граикой», т.-е. «горные жители» или, по другой этимологіи, «древніе жители» были не затронутые культурой обитатели высокихъ лѣсистыхъ долинъ Эпира; около нихъ обитали «селлы» или «хеллы», предки эллиновъ, наименованіе которыхъ напоминаетъ имя Селены, богини луны, и Елены, женщины, знаменитой своей красотою, появляющейся предъ нами на порогѣ исторіи и бывшей будто бы причиною жестокой борьбы народовъ между собою [1]). Интересно отмѣтить, что первоначальныя наименованія греческой народности происходятъ всѣ изъ горной страны, Эпира, который почти во всѣ времена

1) André Lefèvre. «Les Origines helléniques».

разсматривался какъ страна, лежащая за предѣлами собственно Греціи, въ силу варваризма ея обитателей.

Өессалія, другая родина грековъ, страна, гдѣ поднимается священная гора Олимпъ, гдѣ, среди рощицъ лавровыхъ деревьевъ, проте-

№ 158. Рельефъ Греціи.

1: 7500000

0 100 200 300 400 Килом.

каютъ рѣки Пеней и Темпе; разсматривалась также нерѣдко какъ страна совершенно чуждая; это была страна, первые обитатели которой играли подъ наименованіемъ кентавровъ (т.-е. погонщиковъ быковъ, конныхъ волопасовъ) существенную роль въ греческой миѳологіи. Въ этой же странѣ находился, по всей вѣроятности, маленькій городокъ Элласъ, наименованіе коего перешло затѣмъ на всю народность; на

Долина Пенея, у подножія одного изъ семи монастырей Каламбака, въ Верхней Өессаліи.

ея же вершинахъ была обитель древнихъ боговъ, титановъ, и боговъ новыхъ, съ громовержцемъ Зевсомъ во главѣ [1]).

Въ эти до-историческія времена Греція была еще болѣе, чѣмъ въ періодъ своего высокаго развитія, разбита на отдѣльныя небольшія области съ самостоятельной политической жизнью,—области, носящія каждая особое наименованіе. Тогда морскія сообщенія были еще не такъ часты и болѣе затруднительны, чѣмъ впослѣдствіи, и осѣдлые земледѣльцы оставались всегда почти замкнутыми въ своихъ тѣсныхъ мѣстообитаніяхъ. Разсматривая карту Греціи, можно замѣтить отъ сѣвера страны къ югу рядъ чередующихся и независимыхъ небольшихъ бассейновъ, раздѣленныхъ между собою хребтами горъ. Каждая такая маленькая земледѣльческая республика обладала собственной небольшой рѣчкою, окаймленной деревьями, своей осушенной и разработанной долиной, своими лѣсами на склонахъ горъ, собственнымъ мысомъ или отдѣльно стоящимъ утесомъ, на которомъ можно было расположить крѣпость или храмъ; многія изъ такихъ республикъ владѣли также и собственной гаванью, служившей для выхода въ море. Такимъ образомъ, всѣ необходимые элементы небольшой самостоятельной общины имѣлись въ наличности

1) Bursian. «Geographie von Griechenland».

Центавръ и лапитъ. Фризъ Парѳенона.

на пространствѣ, которое можно было объять взглядомъ, и которое въ то же время образовывало вполнѣ обособленный міръ. Каждый изъ острововъ Эгейскаго архипелага представлялъ собою также особый мірокъ, такъ какъ содержалъ и долины, и рѣчки, и хребты, и скалы. Безполезно перечислять всѣ эти географическіе элементы,—каждый изъ нихъ играетъ свою опредѣленную роль въ великой драмѣ исторіи.

Изо всѣхъ такихъ небольшихъ обособленныхъ этническихъ группъ одна является особенно замѣчательной по своему богатству и по развитію своей цивилизаціи. Это—народность минійцевъ, занимавшая богатую долину рѣки Кефиса, между горами Калидромомъ, Этой и Парнассомъ; столицей ея былъ городъ Орхоменъ, близъ того мѣста, гдѣ располагается

Копаидское озеро. Обладая такой великолѣпной въ земледѣльческомъ отношеніи, прекрасно орошаемой мѣстностью, минійцы располагали также отличной естественной гаванью съ обширнымъ рейдомъ, на которомъ ихъ корабли могли выжидать попутнаго вѣтра, направляясь на Лемносъ, Тазосъ или къ Геллеспонту и огибая Евбею съ сѣвера или съ юга [1]). Повидимому, минійцы обладали настолько значительными техническими знаніями, что сумѣли урегулировать стокъ воды Копаидскаго озера: ими были вырыты подземныя галлереи, сообщавшія озеро съ Аталандскимъ заливомъ, чрезъ одинъ изъ прибрежныхъ хребтовъ. Имъ удалось, такимъ образомъ, увеличить поверхность своей территоріи, расширить свои поля и луга и спустить воду, которая дѣлала почву болотистою и заражала воздухъ міазмами. Тѣ народы, которые жили въ этой мѣстности послѣ нихъ, перестали заботиться объ улучшеніи своихъ владѣній, и лихорадки, голодъ и бѣдность сдѣлали страну затѣмъ пустынной и опасной. Потребовались всѣ средства современной техники для того, чтобы возстановить творенія рукъ минійцевъ.

Арголидскій полуостровъ, располагающійся на сѣверо-восточномъ углу Пелопонеза, между двумя заливами и вблизи третьяго залива, Коринѳскаго, былъ населенъ также культурными племенами, которыя въ самомъ началѣ исторіи являются, повидимому, народностью, давшей начало другимъ грекамъ. Именно имъ принадлежала гегемонія надъ всѣми «ахеянами» въ ту легендарную эпоху, когда происходила Троянская война: Агамемнонъ, пастырь народовъ, былъ царемъ Аргоса. Этотъ полуостровъ, столь легко доступный со всѣхъ сторонъ, долженъ былъ подвергнуться гораздо сильнѣе, чѣмъ замкнутая долина минійцевъ, всѣмъ вліяніямъ, проистекавшимъ отъ моря и исходившимъ отъ самыхъ дальныхъ береговъ; на немъ можно найти слѣды элементовъ культуры, пришедшей съ острововъ Эгейскаго архипелага, съ острова Кипра и изъ Малой Азіи. Явственно азіатскій характеръ, свойственный цивилизаціи Аргоса въ первыя времена исторіи, бросается даже прямо въ глаза. Туземцы, не обладая искусствомъ строить хорошо укрѣпленные города и не умѣя нагромождать необработанные камни, какъ это дѣлали пелазги внутренней части страны, призвали, очевидно, «циклоповъ» Ликіи, одной изъ областей Малой Азіи, и поручили имъ возводить укрѣпленные пункты. Такимъ образомъ, стѣны Тиринѳа и Микенъ [2]) были построены рабочими, вышедшими изъ Малой Азіи и находившимися подъ вліяніемъ хеттитовъ; они же возвели и знаменитый входъ въ царскій акрополь съ барельефами львовъ, являющійся примѣромъ первобытнаго искусства, въ тѣ времена еще совершенно недоступнаго грекамъ.

---

1) Otfried Muller. «Orchomenos und die Minyen». — 2) Fr. Lenormant. «Les premières Civilisations», vol. II, p. 410.

Рѣка Кефисъ, изваяніе Фидія.

Въ Греціи нѣсколько рѣкъ такого наименованія. Наибольшее значеніе имѣютъ Кефисъ Беотійскій, упоминаемый въ текстѣ, и р. Кефисъ, на которой стояли Аѳины. Эта послѣдняя рѣка и олицетворена Фидіемъ.

Всевозможныя сношенія, установившіяся между различными политическими общинами двухъ противоположныхъ береговъ Эгейскаго моря—европейскаго берега и азіатскаго,—стали настолько расти въ эти отдаленныя эпохи, что въ сферу вліянія Греціи вошло даже Черное море (Понтъ Евксинскій): Язонъ, личность, символизирующая силу распространенія минійцевъ, аргейцевъ и иныхъ эллиновъ, въ союзѣ съ другими героями различныхъ греческихъ народностей, одерживаетъ побѣду надъ чарами, защищающими входъ въ невѣдомое море, совершаетъ рядъ чудесныхъ дѣяній и захватываетъ, въ концѣ концовъ, «золотое руно». Такимъ образомъ, греки обосновываются среди природы, кореннымъ образомъ отличающейся отъ ихъ отечества, они устраиваются въ разстояніи 100 тысячъ стадій отъ родныхъ долинъ и береговъ, на побережьяхъ кавказскихъ потоковъ, несущихъ золото. Добываніе золота и торговля имъ получили такое значеніе, что въ ней приняли участіе греки, пришедшіе со всѣхъ береговъ архипелага,—таково значеніе деталей миѳа объ аргонавтахъ. Если самое судно получило названіе Арго, по имени наиболѣе могущественнаго государства южной Греціи, то, съ другой стороны, начальникъ предпріятія, Язонъ, по происхожденію ѳессаліецъ, и выступаютъ аргонавты изъ портоваго города Іолхоса, у подножія Пеліона. Далѣе, деревянная фигура, выточенная изъ дуба Додоны въ Эпирѣ, произноситъ пророческое предсказаніе, подобно лѣсу,

Микены. Ворота львовъ.

въ которомъ росло это дерево; Паллада, имя которой отожествляется впослѣдствіи съ Аѳинами, начертала планъ постройки судна; затѣмъ, Геркулесъ, сынъ матери-земли, ведетъ судно, охраняя его отъ опасностей, тогда какъ Орфей, происходящій изъ Ѳракіи, ободряетъ гребцовъ своимъ пѣніемъ и игрой на лирѣ. Такимъ образомъ, вся Греція цѣликомъ, всѣ земли предковъ двигаются впередъ на завоеваніе невѣдомыхъ областей на Кавказѣ.

Должно, однако, замѣтить, что первоначальный миѳъ не придавалъ предпріятію торговаго характера; соотвѣтственно со внѣшними условіями и съ временемъ все перерождается и принимаетъ иной новый смыслъ! Не подлежитъ сомнѣнію, что древнѣйшая форма этой легенды не имѣла никакого отношенія къ золотымъ розсыпямъ Колхиды: стихи Мимнермы, относящіеся, повидимому, ко времени, отдаленному отъ нашего на 25 вѣковъ, приводимые въ текстѣ «Географіи» Страбона, упоминаютъ о «быстро распространяющихся лучахъ солнца, обрѣтающихъ покой на золотомъ ложѣ» [1]). Надо думать, этотъ миѳъ объ арго-

1) Strabon, livre I, chap. II, 40. Ed. Am. Tardieu.

навтахъ—чисто-солнечный миѳъ, и это золотое ложе можно искать съ одинаковымъ правомъ на западѣ, какъ и на востокѣ,—это не болѣе

№ 160 Беотія и долина рѣки Кефиса.

какъ колчанъ для стрѣлъ, который кладетъ на мѣсто солнечный богъ, когда оканчиваетъ свой путь по небу! Вечеромъ онъ возлагаетъ свои стрѣлы на кучи пурпурныхъ облаковъ, съ утренней зарею онъ находитъ ихъ и начинаетъ снова свое побѣдоносное шествіе. Гдѣ же таятся

эти солнечныя стрѣлы? Далеко, въ безконечной, невѣдомой дали, гдѣ-то за предѣлами горизонта! Лишь уже съ наступленіемъ вѣковъ болѣе утилитарныхъ умы столь прямые и непосредственные, какъ Страбонъ, могли видѣть въ этихъ солнечныхъ лучахъ настоящія золотыя стрѣлы, точно также лишь позднѣе могли усматривать въ сокровищахъ, добытыхъ Язономъ сіяющее золотыми слитками «руно» [1]).

Съ точки зрѣнія географическихъ познаній этого времени очень интересно изучить, по даннымъ различныхъ авторовъ, поэтовъ и драматурговъ, различныя версіи приписывавшагося направленія обратнаго пути аргонавтовъ. Всѣ писатели или историки эпическаго періода стараются охватить своимъ разсказомъ все то количество мѣстностей земного шара, которое было имъ извѣстно. Гезіодъ разсказываетъ, что судно Арго спустилось по рѣкѣ Фазу, попало затѣмъ въ великую рѣку Океанъ и было обнесено ею вокругъ всего свѣта, вплоть до южной части Ливіи, откуда его чрезъ пустыню доставили въ одинъ изъ заливовъ Средиземнаго моря. По другой версіи путь направляется отъ устьевъ Танаиса сходнымъ же образомъ и ведетъ чрезъ врата Геркулеса. Наибольшее значеніе получило, однако, направленіе пути, предложенное Аполлоніемъ Родосскимъ: послѣдній заставляетъ войти Арго въ устье Истра, т.-е., Дуная, оттуда по развѣтвленіямъ рѣкъ достигнуть Эридана или Падуса (По) и затѣмъ Родануса (Роны); Арго проходитъ, такимъ образомъ, страны лигурійцевъ и кельтовъ, проходитъ Адріатическое и Тирренское моря, посѣщаетъ островъ Эльбу, благополучно минуетъ вблизи Неаполитанскаго залива или въ какомъ-то другомъ мѣстѣ опасныхъ поющихъ сиренъ, ускользаетъ отъ напастей, угрожающихъ въ Мессинскомъ проливѣ, и проникаетъ вплоть до континента Ливіи, достигая озера Тритона, которое современные археологи ищутъ на берегахъ Туниса.

Миѳъ объ аргонавтахъ резюмируетъ всѣ географическія познанія грековъ въ ту эпоху, которою начинается историческій періодъ всего средиземноморскаго міра. Онъ является историческимъ документомъ величайшей важности, и дополненіемъ къ нему могутъ служить приключенія Улисса и таблица народностей, сохранившаяся въ книгѣ Бытія, однако, этотъ послѣдній источникъ, подводящій итоги этнографическимъ познаніямъ сирійцевъ, имѣетъ все же характеръ болѣе прямого и непосредственнаго. Евреи имѣли въ виду возстановить въ памяти свою собственную генеалогію и установить взаимныя отношенія съ другими племенами,—отношенія, основанныя на родственныхъ связяхъ или на наслѣдственной ненависти, питаемой къ окружающимъ народамъ; они изучили весь извѣстный имъ міръ съ совершенно эгоистической точки

1) E.-H. Bunbury. «History of ancient Geography», vol. I, p. 20.

зрѣнія избраннаго народа, тогда какъ греки, движимые скорѣе любопытствомъ и находящіеся подъ вліяніемъ живописности и разнообразія береговъ, развертывавшихся передъ ними, разсматривали окружающія

№ 160. Путь Улисса и аргонавтовъ.

A. Улиссъ выходитъ изъ Трои и направляется къ берегамъ Ѳракіи.
B. Страна лотофаговъ, о. Джерба.
C. Страна циклоповъ, флегейскія поля.
D. Страна Эола, Стромболи.
E. Страна лестригоновъ.
F. Обитель Цирцеи (гора Цирцея, близъ Террачино), затѣмъ страна мертвыхъ (Авернь). Послѣ вторичнаго пребыванія у Цирцеи путь направляется къ Мессинѣ, пересѣкая море Сиренъ (между о. Кипромъ и берегомъ).
G. Сцилла и Харибда (Мессинскій проливъ) и о. Солнца (Таормина).
H. Обитель Калипсо, о. Перегиль, у подножья Обезьяньей горы, къ западу отъ Цеуты.
I. У Алкиноя и Навзикаи, Коркира.
J. Возвращеніе въ Итаку послѣ десятилѣтняго путешествія.

a. Іолхосъ.
b. О. Эльба

пространства съ точки зрѣнія болѣе объективной,—они искали не собственнаго прославленія, а познанія окружающаго. Контрастъ этотъ между обѣими народностями вполнѣ естественъ: одна изъ народностей обитала въ узкихъ предѣлахъ, окруженныхъ пустынями, тогда какъ другая, приводимая въ движеніе всѣмъ окружающимъ, любила совершать путешествія въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, по измѣнчивымъ водамъ Средиземнаго моря.

Столкновенія интересовъ, соперничество самолюбій, которое должно было возникнуть между народами, обитавшими по обѣимъ сторонамъ Эгейскаго моря, привело, въ концѣ концовъ, къ полнѣйшему нарушенію равновѣсія,—возникла Троянская война, въ теченіе которой большинство западныхъ грековъ, подъ предводительствомъ ахеянъ, отправилось походомъ къ берегамъ Малой Азіи и въ теченіе долгихъ лѣтъ вело борьбу съ дарданейскими племенами страны, принадлежащими къ ѳракійцамъ Гемуса и къ фригійцамъ внутренней части Анатоліи. Къ какому времени относится эпоха этихъ страшныхъ воинственныхъ столкновеній, навсегда запечатлѣвшихся въ памяти человѣчества, благодаря поэмамъ Гомера и рапсодамъ, извѣстно намъ лишь съ точностью до нѣсколькихъ столѣтій. Мы не можемъ также съ увѣренностью сказать, является ли Троя, вокругъ стѣнъ которой жестокій побѣдитель влачилъ трупъ благороднаго Гектора, однимъ изъ тѣхъ городовъ, которые были отрыты Шлиманномъ на холмахъ Гиссарлыка: ни одна надпись не свидѣтельствуетъ о тожественности открытыхъ «сокровищъ Пріама», и потому нѣтъ возможности точно намѣтить положеніе Иліона какъ во времени, такъ и въ пространствѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію лишь одно,—что такое потрясеніе, дѣйствительно, имѣло мѣсто и, подобно бурѣ, привело въ движеніе всѣ племена Эллады и Малой Азіи; нельзя сомнѣваться также въ томъ, что небольшіе бассейны рѣкъ Симоиса и Скамандра, сходящихся у самаго входа въ Геллеспонтъ, были на самомъ дѣлѣ мѣстомъ столкновенія враговъ; развалины, погребальныя урны, остатки городовъ свидѣтельствуютъ объ огромной важности событій, происшедшихъ нѣкогда въ этомъ сѣверо-западномъ углу Малой Азіи. Быть-можетъ, противорѣчивыя показанія ученыхъ относительно времени и мѣста троянской войны можно согласовать допущеніемъ, что было въ дѣйствительности нѣсколько троянскихъ войнъ. Возможно, что эпопея Гомера символизируетъ цѣлый долгій періодъ, въ теченіе коего греческіе морскіе разбойники производили воинственные набѣги на прекрасные и богатые берега Дарданіи. Они то одерживали побѣду, то сами терпѣли пораженія, но, въ концѣ концовъ, все же завладѣли непріятельскими крѣпостями, и троянцы, оставшіеся въ живыхъ, должны были искать себѣ убѣжища въ чужихъ странахъ. Именно такимъ способомъ резюмируютъ нерѣдко народности въ одной эпопеѣ или даже въ одномъ простомъ миѳѣ всѣ превратности цѣлаго цикла исторіи.

Если придерживаться въ точности данныхъ, сообщаемыхъ «Иліадой», то слѣдуетъ признать близкую родственность между вторгшимися греками и троянцами. Всѣ нравы и обычаи обѣихъ народностей представлены совершенно тожественными; по обѣ стороны крѣпостныхъ стѣнъ сражающіеся вызываютъ другъ друга на одномъ и томъ же языкѣ; боги, къ которымъ направляются молитвы, и которымъ приносятся жертвы,

иные у тѣхъ и другихъ, но они возсѣдаютъ на томъ же самомъ Олимпѣ. Историки могли также доказывать съ большою кажущеюся очевидностью, основываясь на точномъ текстѣ пѣсенъ Гомера, что въ этническомъ составѣ или въ происхожденіи армій, сражавшихся изъ-за Иліона, не было никакой существенной разницы. Поэтическая эпопея, однако, отнюдь не является историческимъ мемуаромъ. Въ ней сильно перера-

Реставрированная греческая тріера.

батываются событія, выводимыя на сцену; вѣдь и на театральныхъ подмосткахъ всѣ персонажи говорятъ на одномъ языкѣ и помѣщаются въ одинаковую среду [1],—въ этомъ заинтересованы даже популярность и распространеніе произведенія: нельзя было бы, напримѣръ, при передачѣ преній двухъ героевъ, охваченныхъ сильнѣйшими страстями, ввести въ дѣйствіе переводчика. Совершенно подобно тому, какъ въ рыцарскихъ романахъ крестоносцы и сарацины объясняются между собою съ такою легкостью, какъ если бы они говорили на одномъ языкѣ, такъ и Гомеръ не стѣсняется заставлять бесѣдовать грековъ на родномъ языкѣ съ защитниками Трои и ихъ союзниками, пришедшими изъ глубины Азіи. Возможно, однако, что на самомъ дѣлѣ различіе между нарѣчіями, образомъ мысли и нравами у боровшихся между собою народовъ было очень значительно; возможно, что до извѣстной степени троян-

1) L. von Ranke, «Weltgeschichte», I, 1, pp. 160, 161.

ская война символизируетъ извѣстный конфликтъ между Европой и Азіей, аналогичный тому, который имѣлъ мѣсто во времена Персидскихъ войнъ. Стоитъ лишь вспомнить начало «Исторіи» Геродота: съ первыхъ же словъ этотъ великій путешественникъ, обращаясь къ первобытнымъ временамъ, устанавливаетъ существованіе этническаго различія между европейцами и азіатами и признаетъ персовъ солидарными съ троянцами,—причиной наслѣдственной враждебности между персами и греками было, по его мнѣнію, разрушеніе греками Трои.

Какъ бы то ни было, общій ходъ цивилизаціи былъ, безъ сомнѣнія, одинаковымъ для всѣхъ обитателей береговъ Эгейскаго моря, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ. Тѣ и другіе съ давнихъ поръ уже вышли изъ періода каменнаго вѣка; они находились долгое время въ стадіи бронзоваго вѣка, и, по всей вѣроятности, у нихъ примѣнялись уже и предметы, сдѣланные изъ желѣза. Два раза встрѣчается въ «Одиссеѣ» прекрасное выраженіе, которое не состарилось и до сихъ поръ, за 3000 истекшихъ лѣтъ (пѣснь XVI, 294, XIX, 13): «Само собой прилипаетъ къ рукѣ роковое желѣзо». Это выраженіе, коего уже самое повтореніе указываетъ на то, что оно было пословицей, не могло сложиться иначе, какъ въ такое время, когда воины пользовались уже желѣзомъ и примѣняли этотъ металлъ для тѣхъ же цѣлей, для какихъ и нынѣ его примѣняютъ палачи и солдаты—для нанесенія другъ другу ранъ, для отрубанія членовъ и головъ и вообще для убійства [1]). По собственному единодушному свидѣтельству грековъ, обитателямъ Азіи должна быть приписана честь открытія и производства желѣза. Съ самыхъ древнихъ временъ халибійскіе рудокопы, обитавшіе по южному берегу Понта Евксинскаго, у устья рѣки Ирисъ, славились какъ производители оружія; они научились даже закалять желѣзо и превращать его въ сталь,—отсюда и названіе «халибсъ», которое получилъ этотъ новый продуктъ.

Война, окончившаяся столь печально для троянцевъ, которые всѣ были истреблены или проданы въ рабство въ далекія страны, имѣла печальныя послѣдствія и для грековъ, — она принесла имъ несчастье: въ то время какъ небольшія цивилизованныя государства южной Греціи посылали самыхъ сильныхъ и способныхъ своихъ людей для завоеванія Трои и тратили на эту цѣль всѣ свои средства, варварскія племена сѣвера, дорійцы, воспользовались ослабленіемъ своихъ сосѣдей и вторглись въ ихъ южные предѣлы, разоренные войною и лишенные своихъ защитниковъ,—такимъ образомъ, возникло новое переселеніе грековъ. Треугольная форма Балканскаго полуострова обусловливала уже

1) G. Perrot et Ch. Chipiez. «Histoire de l'Art dans l'Antiquité», t. VII, p. 230.

сама-по-себѣ извѣстное оттѣсненіе народностей по направленію къ югу; каждое значительное этническое движеніе, распространявшееся со сто-

161. Окрестности Трои.

Трудность огибать мысъ Кумъ-Калесси заставила моряковъ устроить наземный путь между заливомъ Бешикъ и первой бухтой Дарданелльскаго пролива. Именно надъ этимъ перешейкомъ и господствовалъ Иліонъ.

роны сѣверныхъ равнинъ, способствовало переселенію народностей изъ долинъ Гемуса и Пинда въ долины Ѳессаліи и изъ этихъ мѣстностей—на берега Коринѳскаго залива и Пелопонеза. Такимъ образомъ, распростра-

нились въ южныхъ областяхъ пелазги, равно какъ и переселились сѣверные аргейцы, обитавшіе у подножія Олимпа, на южный полуостровъ, который затѣмъ получилъ названіе Арголиды.

Гомеръ едва упоминаетъ о дорійцахъ: эти малочисленныя и малокультурныя горныя племена въ эпоху Гомера не входили въ составъ народностей собственно Греціи. Однако, позднѣе раздоры между настоящими культурными греками и ослабленіе южныхъ государствъ дало дорійцамъ возможность усилиться и получить важное значеніе, какое за ними сохранялось въ теченіе вѣковъ. Предводимые ахейскими властителями, выдававшими себя за «сыновей Геркулеса» и желавшими вернуться въ свое отечество въ качествѣ завоевателей, дорійцы покинули свои суровые предѣлы и направились въ страны болѣе благодатныя по своему климату, для завоеваній ихъ и для разбоя. Изъ грубыхъ земледѣльцевъ и пастуховъ, каковыми они были на своей родинѣ, дорійцы сдѣлались, какъ мы уже говорили, отважными и хищными грабителями, ихъ предрасполагала къ тому сама окружавшая ихъ дикая среда. Они научились существовать «не отъ плуга своего, а отъ своего копья»: землю, рабовъ, богатства, — все это добывали они мечомъ и копьемъ. Повидимому, примѣненіе длинныхъ копій облегчало имъ побѣду: противъ ахеянъ, бросавшихся на непріятеля въ безпорядкѣ, подобно тому, какъ это дѣлали герои Гомера, которые начинали бой хвастовствомъ и взаимною бранью, дорійцы выступали сомкнутыми рядами, въ полномъ молчаніи, на подобіе движущейся стѣны [1], — это была почти македонская фаланга, созданная за много вѣковъ до Филиппа.

Вторженія дорійцевъ слѣдовали одно за другимъ, по всей вѣроятности, въ теченіе многихъ поколѣній, и, судя по всѣмъ даннымъ, это переселеніе народовъ представляло собою простое продолженіе предшествовавшихъ народныхъ перемѣщеній, которыя привели настоящихъ «эллиновъ», или, вѣрнѣе, ихъ царей-завоевателей и военачальниковъ, въ страны, населенныя пелазгами. Дорійцы была народность съ голубыми глазами, съ кудрявыми золотистыми волосами, съ вытянутымъ въ длину черепомъ, съ прямымъ носомъ, народность сильная и ловкая,— это были часто изображаемые поэтами и скульпторами «гиперборейцы», эмигранты съ сѣвера, близкіе родственники германцевъ и скандинавовъ. Проникнувъ въ Грецію въ различныя времена и притомъ всегда являясь господствующей народностью, они считали себя сами за настоящихъ грековъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ были относительно немногочисленны, по сравненію съ общимъ числомъ первоначальныхъ обитателей, и потому неизбѣжно должны были утратить свой типъ и сдѣлаться похожими на тѣхъ темноволосыхъ людей, которые представляли основу населенія.

1) L. von Ranke. «Weltgeschichte», t. I. p. 169.

Во всякомъ случаѣ, завоеватели сохранили свой языкъ, относящійся, подобно языку населенія сѣвернаго Ирана, къ арійскому корню.

Послѣ того сильнаго переворота, который былъ вызванъ дорійскимъ вторженіемъ, получившимъ названіе «возвращенія Гераклидовъ», равновѣсіе континентальной Греціи и Пелопонеза оказалось совершенно нарушеннымъ. «Дорида» или страна съ чистымъ дорійскимъ населеніемъ, занимала верхнюю нагорную часть той группы горъ, изъ которой вытекаетъ Кефисъ Беотійскій, между Каллидромомъ и Парнассомъ: въ этой странѣ устроились близко къ своей прежней ѳессалійской родинѣ

Безпалубная тріера, съ тремя ярусами веселъ. Барельефъ аѳинскаго Акрополя.

тѣ изъ дорійскихъ клановъ, которые наиболѣе полно сохранили свои первоначальные нравы и обычаи и сами занимались обработкой земли въ завоеванныхъ ими пустыняхъ и безплодныхъ долинахъ. Наибольшая часть вторгшагося народа продвинулась, однако, далѣе впередъ, заняла Ѳокиду вплоть до Коринѳскаго залива и затѣмъ, оставивъ въ сторонѣ Аттику, которая тщательно оберегалась и защищалась, завладѣла вратами Пелопонеза, Мегарой, Коринѳомъ и, оттѣсняя, истребляя и порабощая мѣстныя народности, присоединила силою къ дорійскимъ владѣніямъ эти древнія царства и общины востока и центральной части полуострова.

Центрами дорійскаго владычества сдѣлались прежде всего Арголида и Лаконія, но раса побѣдившей народности не сохранилась въ этихъ странахъ въ чистотѣ: позднѣе спартанскіе цари сами хвалились своимъ ахейскимъ происхожденіемъ [1]). Тѣ области Пелопонеза, которыя цѣликомъ или отчасти избѣжали дорійскаго захвата, были горныя

1) Геродотъ, «Исторія», кн. V. 72.

области сѣвера страны и ея центральной части. Ахеяне, оттѣсненные въ долины Киллены и Эриманта, принуждены были расположиться вблизи Коринѳскаго залива; аркадскіе пастухи, заключенные въ своихъ естественныхъ укрѣпленіяхъ, въ центрѣ Пелопонеза, оставались долгое время свободными въ своихъ лѣсахъ и равнинахъ; мессенцы, которымъ пришлось, въ концѣ концовъ, подчиниться жестокимъ законамъ побѣдителей, также уступили имъ лишь послѣ геройской защиты. Что касается Элиды, этой роскошной страны, въ изобиліи орошаемой водами, то она оставалась совершенно открытой для дорійскихъ вторженій и въ скоромъ времени, дѣйствительно, была покорена завоевателями, причемъ, однако, цари послѣднихъ вступили въ соглашеніе съ конфедераціей элидскихъ городовъ. Еще задолго до того, какъ олимпійскія игры сдѣлались празднествами всей Греціи, Элида была страною, пользовавшейся всеобщимъ почетомъ и поклоненіемъ, вслѣдствіе того, что тамъ находился храмъ, основанный миѳическимъ Пелопсомъ, и производились игры, которыя еще болѣе способствовали славѣ этого храма. Благодаря этому, Элида была относительна пощажена свирѣпыми дорійцами и позднѣе также, несмотря на колоссальныя богатства, стекавшіяся туда, благодаря большому числу вѣрующихъ и участниковъ въ играхъ, она не страдала особенно отъ набѣговъ и разбойничьихъ нападеній. Подобнымъ же образомъ по другую сторону Коринѳскаго залива священные Дельфы были обязаны святости своего оракула тѣмъ, что оставались независимыми и пріобрѣли огромныя богатства [1]).

Вслѣдствіе великаго переселенія дорійцевъ народы принуждены были перемѣститься даже и по другую сторону проливовъ и моря; переселеніе народовъ распространилось послѣ захвата дорійцами пелопонезскихъ гаваней также и на водныя пространства. Такимъ образомъ, напримѣръ, іонійцы, слишкомъ сильно стѣсненные въ Аттикѣ, странѣ по размѣрамъ незначительной, должны были, въ силу даннаго имъ толчка, разсѣяться по побережьямъ Малой Азіи въ поискахъ за новымъ отечествомъ; превосходные города ихъ появились по берегамъ защищенныхъ отъ вѣтра бухтъ, возникли на оконечностяхъ мысовъ, удобныхъ для защиты, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались впослѣдствіи крупными торговыми пунктами, центрами религіи и науки, получившими въ исторіи человѣческой мысли значеніе немногимъ меньшее, чѣмъ сами Аѳины [2]). Въ этой части древняго міра произошло, слѣдовательно, чрезвычайно сильное историческое движеніе, направленное съ запада на востокъ, т.-е. совершенно обратное предполагаемому нормальному движенію цивилизаціи, которая, будто бы, свершала свой путь всегда съ

1) G. Perrot et Ch. Chipiez. «Histoire de l'Art dans l'Antiquité», t. VII, p. 8.— 2) Fr. Lenormant. «Les premières Civilisations», vol. II, p. 423.

востока на западъ. Замѣчательный расцвѣтъ культуры, наблюдавшійся на полуостровахъ Малой Азіи, имѣлъ, безъ сомнѣнія, одной изъ главнѣйшихъ своихъ причинъ тотъ весьма важный фактъ, что добровольные изгнанники европейской Греціи заключали въ своей средѣ преимущественно людей выдающейся иниціативы и высокаго развитія. Какъ бы то ни было, колоніи, основанныя этими людьми, обладающими умственными и нравственными силами, завоевали себѣ большую славу среди другихъ государствъ. Надо замѣтить, однако, что піонеры находили значительную поддержку въ природныхъ условіяхъ своего новаго отечества.

Типы греческихъ героевъ.

Изрѣзанные полуострова Малой Азіи, плодородныя долины побережья, острова, образующіе какъ бы второй берегъ впереди перваго и доставляющіе огромное количество естественныхъ бухтъ и гаваней,—все это вмѣстѣ взятое отличается въ такой степени по своей внѣшности и по своей природѣ отъ высокаго Анатолійскаго плоскогорія, пустыннаго, однообразнаго и безплоднаго, что образуетъ въ дѣйствительности совершенно особый міръ, изолированный отъ всего остального,—въ географіи, какъ и въ исторіи, это была настоящая азіатская Греція [1]), но эта Эллада отличалась отъ европейской значительно бо́льшими размѣрами. Греческія области Азіи обладаютъ обширными пространствами, гораздо болѣе плодородными уже по своимъ почвеннымъ условіямъ, чѣмъ небольшія узкія долины Пелопонеза и Беотіи. По нимъ протекаютъ

1) Ernst Curtius, «Die Ionier vor der griechischen Wanderung», p. 9.

богатыя водами рѣки, доставляющія количество воды вполнѣ достаточное для орошенія и дающія легкій доступъ къ плоскогоріямъ внутренней части страны и къ народностямъ далекаго Тавра [1]).

Изо всѣхъ городовъ азіатской Греціи наибольшее развитіе иниціативы и умственныхъ силъ проявлялъ Милетъ, высоко поднявшій свою торговлю и завоевавшій себѣ большую извѣстность. Городъ этотъ располагалъ первоклассными природными преимуществами,—онъ находился какъ-разъ посрединѣ того побережья, вдоль котораго происходило передвиженіе судовъ отъ Геллеспонта къ острову Криту, онъ занималъ входъ въ самую широкую, самую плодородную и самую длинную долину западной Малой Азіи и находился, слѣдовательно, въ мѣстности наиболѣе выгодной въ смыслѣ обмѣна товарами между островами Эгейскаго моря и странами внутренней части Малой Азіи, Фригіей и Каппадокіей. Вслѣдствіе этого моряки всѣхъ народностей, въ руки которыхъ переходило морское могущество въ восточномъ Средиземномъ морѣ, — финикіяне, критяне, дорійцы, позднѣе іонійцы,—всѣ, одни за другими, занимали поочередно гавань Милета они придали ей смѣшеніемъ самыхъ различныхъ культуръ совершенно космополитическій характеръ и удивительно высокое развитіе торговой предпріимчивости. Жители Милета, осторожные искатели богатствъ, отнюдь не пускались въ опасную политику завоеваній, которая, пожалуй, не была бы для нихъ особенно затруднительной; они избѣгали тѣхъ путей на плоскогорія Малой Азіи, которые открывались въ долину Меандра, они довольствовались ролью простыхъ торговыхъ посредниковъ и пользовались почти исключительно морскими путями. направляясь по нимъ въ дальнія страны съ тѣмъ, чтобы добывать у ихъ населенія сырые матеріалы, необходимые для ихъ промышленности. Впрочемъ, они закрѣпили за собою все же одинъ торговый путь по сушѣ,—путь, который позволялъ имъ обходить Дарданелльскій проливъ, нерѣдко недоступный, благодаря противнымъ вѣтрамъ; именно, они захватили городъ Скепсисъ, находящійся на половинѣ пути между заливомъ, защищеннымъ Лесбосомъ со стороны Архипелага, и Кизикскимъ заливомъ на Мраморномъ морѣ [2]). Черное море сдѣлалось, въ концѣ концовъ, областью, свойственной почти исключительно Милету. Отъ Геллеспонта до Херсонеса Таврическаго и до подножья Кавказа Милетомъ было основано около 80 торговыхъ пунктовъ, изъ коихъ многіе, выбранные особенно удачно, сдѣлались затѣмъ значительными городами и сохранились даже вплоть до нашихъ дней, несмотря на всѣ превратности судебъ [3]). Что касается метрополіи, знаменитаго и славнаго

---

1) G. Perrot et Ch. Chipiez. «Histoire de l'Art dans l'Antiquité», t. VII, pp. 304, 305. — 2) Victor Bérard. «Les Phéniciens et l'Odyssée», t. I, p. 74. — 3) G. Perrot et Ch. Chipiez. «Histoire de l'Art dans l'Antiquité», t. VII, pp. 307, 308.

Милета, то исключительныя преимущества, предоставленныя ему природою, имѣли значеніе лишь въ продолженіе извѣстнаго времени. Сами

№ 162. Греческія племена послѣ вторженія дорійцевъ.

По Г. Гесцлю и Ф. Шрадеру

природныя стихіи обрекли этотъ городъ на полное исчезновеніе или, по крайней мѣрѣ, на перемѣщеніе, такъ какъ наносы рѣки Меандра одерживали постепенно верхъ надъ водами Латмикскаго залива и окру-

жали городъ, мало-по-малу, широкимъ поясомъ болотъ. Развалины его находятся въ настоящее время далеко отъ берега моря внутри страны.

Подобно Милету, возникло на счастливыхъ берегахъ Малой Азіи и на островахъ вдоль ея побережья большое количество другихъ городовъ іонійскаго, эолійскаго и дорійскаго происхожденія. На юго-западномъ углу Анатолійскаго полуострова возникъ Галикарнасъ — «Морская гавань»; далѣе возникъ Ефесъ, знаменитый своимъ храмомъ Діаны,— городъ, проявлявшій завоевательныя стремленія и пріобрѣтшій обширныя пространства на сушѣ,—этимъ онъ былъ противоположенъ Милету, который устраивалъ свои колоніи исключительно по морскимъ берегамъ. Города Самосъ, Смирна, Хіосъ, Фокея, Кумы носятъ имена, лишь немногимъ уступающія Милету въ славѣ, и каждая изъ этихъ метрополій обладала также многочисленными колоніями по берегамъ Средиземнаго моря. Всѣ эти колоніи эллинскаго востока имѣли объединяющую ихъ мѣстность въ островѣ Делосѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ справлялись великолѣпныя религіозныя празднества, и гдѣ западные греки, аѳиняне и народности Халкидики встрѣчались со своими братьями, представителями племенъ, переселившихся на востокъ [1]).

При своихъ выселеніяхъ, греки, обладавшіе всегда сильно развитымъ воображеніемъ, приводили обыкновенно причиной своего исканія новаго отечества то или иное изреченіе оракула Аполлона Дельфійскаго; на самомъ же дѣлѣ причины выселенія были самыя различныя и носили характеръ экономическій, соціальный или политическій. Классовая вражда, соперничество между аристократическими семьями, недостатокъ земли для воздѣлыванія, потеря или уменьшеніе своей территоріи, какъ это было, напримѣръ, во времена дорійскаго вторженія,—таковы были настоящія причины, обусловливавшія эмиграцію. Наиболѣе знаменитымъ такимъ выселеніемъ было давшее начало «двѣнадцати іонійскимъ городамъ» Малой Азіи; кромѣ того, большое количество колонистовъ выселялось на берега болѣе отдаленные, начиная отъ Ѳракіи и кончая Сициліей и отъ Сициліи до выхода въ открытый океанъ. Духъ подражательности и любовь къ приключеніямъ также въ значительной степени принимали участіе въ такомъ движеніи грековъ: молодежь ихъ легко рѣшалась покинуть отечество, коль скоро море не слишкомъ пугало ее, и возникала надежда на лучшее будущее. Оракулъ, къ которому обращались съ запросомъ, отвѣчалъ, разумѣется, такъ, какъ того желали вопрошающіе, и вскорѣ деревянныя суденышки направлялись уже по волнамъ моря въ тѣ страны, которыя были извѣстны лишь по туманнымъ баснословнымъ разсказамъ, въ страны, гдѣ можно было найти природныя условія, приблизительно подходящія ко встрѣчаемымъ въ оте-

1) L. von. Ranke. «Weltgeschichte». I. 1. p. 173.

Аѳинская Агора. Портикъ Аѳины Паллады, покровительницы города.
Первый вѣкъ до Р. Хр.

чествѣ. Вѣдь островки Массиліи были вполнѣ сходны съ островками береговъ Фокеи, и ручей Аретузы, на Сиракузскомъ островѣ Ортигіи, былъ совершенной копіей рѣки Алфея! Всюду могли колонисты возстановить внѣшній обликъ своей родины, съ ея акрополями, храмами и алтарями!

Дочернія колоніи, основывавшіяся молодыми и сильными гражданами, исполненными сознанія своей силы и своего превосходства надъ

«варварами», образовывали общины совершенно свободныя, почти всегда не связанныя вассальными узами съ отечественной страпой; однако, именно эта свобода еще тѣснѣе привязывала ихъ къ странѣ ихъ предковъ всѣми симпатіями, общимъ культомъ и традиціями. Положеніе ихъ было приблизительно аналогично тому, которое занимаютъ въ настоящее время Канада, Австралія или Новая Зеландія по отношенію къ Великобританіи. Несмотря на то, что греческіе колонисты были разсѣяны па всемъ протяженіи бассейна Средиземнаго моря, находились въ самыхъ различныхъ климатическихъ и иныхъ природныхъ условіяхъ, среди народностей, чрезвычайно различныхъ по своимъ нравамъ и языку, они все же ревностно оберегали свои расовыя привилегіи и свою культуру, они всегда представляли собою часть эллинскаго міра и путемъ торговли поддерживали между собою частыя сношенія. Въ эпоху расцвѣта Греціи колоніи съ жаромъ принимали участіе въ томъ идейномъ движеніи, которое имѣло мѣсто въ Элладѣ, на ея островахъ и въ Малой Азіи. Въ значительной степени именно благодаря греческимъ колонистамъ получили такое огромное значеніе религіозныя игры, справлявшіяся въ Дельфахъ, въ Олимпіи, на Истмѣ и въ Аѳинахъ,—игры, служившія праздникомъ моральнаго объединенія всѣхъ эллиновъ. Вазы, добытыя на панаѳинейскихъ играхъ, открываются въ настоящее время во всѣхъ самыхъ различныхъ частяхъ греческаго міра—въ Сициліи, въ Киренаикѣ, въ Италіи, равно какъ и въ самой Греціи,—это доказываетъ, что борцы и другіе участники игръ стекались изо всѣхъ греческихъ колоній [1]).

Великое движеніе народныхъ переселеній, бывшее результатомъ вторженія дорійцевъ, имѣло во многихъ отношеніяхъ благопріятное вліяніе на исторію греческой цивилизаціи, такъ какъ значительно расширило область распространенія самой народности и ея языка: цѣлая половина бассейна Средиземнаго моря оказалась завоеванной и подпала подъ вліяніе незначительнаго по размѣрамъ полуострова Греціи. Много городовъ, по происхожденію варварскихъ, хвалились, будто бы происходятъ отъ греческихъ колоній, — вплоть до современныхъ намъ ирландцевъ, которые со свойственнымъ имъ національнымъ самомнѣніемъ серьезно считаютъ себя милетянами! Въ чужеземныхъ странахъ, вдали отъ своихъ разоренныхъ войнами городовъ и селеній, различныя греческія народности, на которыя распадалась нація, — дорійцы, іонійцы, ахеяне, эолійцы—привыкали относиться другъ къ другу съ меньшей враждебностью, чувствовали себя прежде всего сыновьями общей родины Эллады, смѣшивались между собой, и, такимъ образомъ, получалось не-

---

1) G. Perrot et Ch. Chipiez. «Histoire de l'Art et de l'Antiquité», t. VII, pp. 293 ss

рѣдко потомство отъ враждующихъ братскихъ народовъ. Благодаря этому

№ 163. Окрестности Милета.

На южномъ склонѣ горъ Микале (въ настоящее время Самсунъ), между горами, рѣкою и городомъ Пріене, произошло въ 479 г. до Р. Хр. морское и сухопутное сраженіе, въ которомъ греки, подъ предводительствомъ Ксантиппа, разбили персовъ.

Милетъ, Самосъ, Міусъ (Міонтъ) и Пріенъ, отмѣченные на картѣ, были 4 города изъ «двѣнадцати іоническихъ городовъ». Остальными городами были: Ефесъ, Лебедосъ, Клазомене, Эритрея, Колофонъ, Фокея, Теосъ и Хіосъ. Религіознымъ центромъ ихъ былъ храмъ Посейдона въ Пріенѣ. Конфедерація эта, разсѣянная Киромъ, послѣ побѣды Александра Македонскаго возстановилась и существовала въ теченіе многихъ вѣковъ; имя ея упоминается еще на одной изъ монетъ эпохи императора Валеріана (III вѣкъ).

дорійцы, продолжавшіе свое переселеніе за предѣлы морей, выселявшіеся на Критъ, Родосъ, полуострова Малой Азіи и доходившіе до Ки-

ренаики, перестали въ скоромъ времени походить на типическихъ представителей своей расы, суровыхъ и жестокихъ спартанскихъ воиновъ,—они измѣнились вмѣстѣ со внѣшней средою. Объ этомъ можно судить, напримѣръ, по самому знаменитому представителю дорійской народности, Геродоту, прославленному гражданину Галикарнасса. Онъ писалъ свою «Исторію» на мягкомъ іонійскомъ діалектѣ и послѣ всѣхъ своихъ долгихъ путешествій въ различнѣйшія области извѣстнаго тогда міра вернулся въ Аѳины, какъ въ отчизну своей мысли; передъ смертью своей онъ былъ занятъ основаніемъ аѳинской колоніи въ греческихъ владѣніяхъ въ Италіи, тамъ, гдѣ располагался древній Сибарисъ, разрушенный кротонцами.

Но если распространеніе эллинской расы и являлось косвеннымъ благопріятнымъ результатомъ дорійскаго вторженія, то прямыя послѣдствія этого вторженія для тѣхъ странъ, которыя ему непосредственно подверглись, были ужасны и вызвали немедленное пониженіе культуры у побѣжденныхъ народностей,—вторгшіеся побѣдители обратили ихъ въ рабство. Завоеватели, варвары дорійцы, разумѣется, также нашли своихъ историковъ, восхвалявшихъ ихъ силу и храбрость и становившихся на сторону побѣдителей,—вѣдь выгоднѣе преклоняться предъ сильнѣйшимъ, хотя бы даже и ушедшимъ уже со сцены много тысячъ лѣтъ тому назадъ! Не подлежитъ сомнѣнію, что режимъ, наложенный на страну спартанцами, былъ крайне жестокимъ, и что населеніе илотовъ, бывшихъ до завоеванія свободными, было приведено въ состояніе жалкаго рабства,—оно позднѣе никогда не могло подняться изъ этого угнетеннаго состоянія, и никогда въ то же время повелители его не достигали полнаго проникновенія идей гражданской свободы; будучи греками, они, на самомъ дѣлѣ, все же оставались «варварами». Подобно постороннему тѣлу, введенному въ здоровый организмъ, они развивали среди греческаго міра самыя опасныя болѣзненныя явленія. Можно сказать, что изъ всѣхъ влекущихъ къ гибели причинъ, заложенныхъ въ эллинской цивилизаціи, именно ихъ вліяніе было наиболѣе пагубнымъ.

Полный упадокъ Эллады сказался съ особою очевидностью въ сѣверныхъ областяхъ, въ Эпирѣ и въ Ѳессаліи, въ областяхъ, которыя дорійцы при ихъ побѣдоносномъ вторженіи прошли изъ конца въ конецъ. Эти области, занимавшія такое видное мѣсто въ воспоминаніяхъ и въ религіи грековъ, области, считавшіяся ими обителью боговъ, перестали даже причисляться къ эллинскому міру. Способность сѣвернаго населенія къ проявленію инниціативы явилась окончательно исчерпанной: въ теченіе 30 вѣковъ извѣстнаго намъ историческаго періода эта полная поэзіи Ѳессалія, доставившая столько драгоцѣнныхъ вкладовъ греческой сокровищницѣ легендъ и миѳовъ, не принимала никакого сколько-нибудь замѣтнаго участія въ дѣятельности человѣчества. Даже въ болѣе южныхъ

Аѳины. Внутренность театра Бахуса.

частяхъ страны, въ тѣхъ частяхъ, которыя, несмотря ни на что, сохранили за собою наименованіе Греціи, дорійское вторженіе заставило всюду отступить эллинскую культуру, какъ о томъ ясно свидѣтельствуютъ произведенія искусства. Подобно всѣмъ воинственнымъ племенамъ, дорійцы были исполнены совершеннаго презрѣнія ко всѣмъ новымъ изобрѣтеніямъ, къ искусствамъ и произведеніямъ техники, наконецъ, и къ отвлеченнымъ идеямъ тѣхъ народностей, земли которыхъ они захватывали. Замѣчается какъ въ техникѣ производства работъ, такъ и въ искусствѣ несомнѣнный регрессъ по сравненію съ періодомъ, который можно назвать ахейскимъ или микенскимъ,— должны были пройти одинъ или два вѣка до того, какъ прогрессивный ходъ развитія получилъ нормальное направленіе [1]).

Впрочемъ, значительная часть эллинскаго міра была еще на земледѣльческой стадіи своего развитія, и лица, занимавшіяся чѣмъ-нибудь другимъ, помимо земледѣлія, требовавшаго здоровья и силъ, избирались обыкновенно среди слабыхъ: греческій земледѣлецъ, совершенно подобно тому какъ и французскій крестьянинъ, заботился очень сильно о томъ, чтобы передать свою землю наиболѣе сильнымъ и здоровымъ наслѣдни-

1) G. Perrot et Ch. Chipiez. «Histoire de l'Art dans l'Antiquité», t. VII, p. 277 ss.

камъ. Въ силу того хромые становились часто кузнецами, и, вѣроятно, потому-то такой же точно недостатокъ приписывался и покровителю кузнечнаго дѣла Гефесту; слѣпые становились пѣвцами, танцовщиками, импровизаторами и стихотворцами, какъ самый знаменитый среди послѣднихъ—Гомеръ. Тѣ, кто неспособенъ былъ добывать самостоятельнымъ трудомъ пропитаніе отъ земли и не могъ жить независимо, напримѣръ, ремесленники и художники, должны были работать на общину,—они становились «деміургами», т.-е. «работниками народа», и разсматривались какъ не вполнѣ свободные граждане [1]).

Во времена Гомера греки отнюдь не занимали перваго мѣста въ смыслѣ развитія искусствъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться—сами они признаютъ наилучшими продуктами таковые чужеземнаго происхожденія: наилучшими считаются мечи изъ Ѳракіи, издѣлія слоновой кости изъ Ливіи, бронзовыя издѣлія съ Кипра и изъ Финикіи. Въ аѳинскихъ могилахъ были найдены различныя драгоцѣнности, относящіяся къ этой эпохѣ, и оказалось, что какъ по качеству металла, такъ и по красотѣ и оригинальности исполненія онѣ стоятъ значительно ниже тѣхъ, которыя были найдены въ микенскихъ могилахъ. Драгоцѣнные металлы стали въ эту эпоху встрѣчаться въ меньшемъ изобиліи, и примѣненіе ихъ сдѣлалось болѣе рѣдкимъ. Съ другой стороны, измѣнился также и стиль: художники перестали брать своими моделями безчисленныя живыя формы, животныхъ и растенія; за исключеніемъ болотныхъ птицъ и позднѣе фигуръ лошадей и людей, они не изображаютъ болѣе вовсе животныхъ. Они не примѣняютъ болѣе и изогнутыхъ линій и черпаютъ мотивы своихъ произведеній въ геометрическихъ фигурахъ, правда, красивыхъ и разнообразныхъ, но постоянно прямолинейныхъ. Такой типъ орнаментовъ, совпадающій по времени появленія съ дорійскимъ вторженіемъ, былъ, по всей вѣроятности, принесенъ дорійцами изъ областей центральной Европы и стоитъ въ связи съ тѣмъ стилемъ, который былъ распространенъ у сѣверныхъ народностей, на побережьяхъ Балтійскаго моря. Стиль этотъ замѣнилъ собою болѣе богатый формами и болѣе совершенный, которымъ обладали южныя народности, выше одаренныя и болѣе цивилизованныя. Однако, отнюдь не дорійцы явились наилучшими истолкователями этого направленія въ искусствѣ, — наибольшаго совершенства достигло искусство украшенія глиняныхъ сосудовъ геометрически правильными рисунками въ Аттикѣ,—она самой судьбою была предназначена сдѣлаться страною скульптурныхъ произведеній по преимуществу. Изящество глиняныхъ издѣлій, отрытыхъ въ долинѣ Кефиса, въ Аттикѣ, свидѣтельствуетъ о превосходствѣ этихъ аѳинскихъ произведеній искусства; прирожденный вкусъ и пониманіе красоты мастеровъ

---

1) Ed. Meyer. «Die wirtschaftliche Entwickelung des Altertums», pp. 16, 17.

указываютъ уже на расовыя черты народности, которая воздвигла позднѣе аѳинскій акрополь.

Если бы какой-нибудь совершенно непредубѣжденный наблюдатель,

№ 164. Континентальная Греція.

1: 25000000

0 50 100 150 килом.

упавшій, предположимъ, на землю съ сосѣдней планеты, бросилъ взглядъ на карту Греціи, то онъ, даже совершенно ничего не зная объ ея исторіи, замѣтилъ бы сейчасъ же существованіе нѣкоторыхъ жизненныхъ пунктовъ, гдѣ по самымъ природнымъ условіямъ должно было концентрироваться движеніе исторіи. Прежде всего ему бросилось бы въ глаза чрезвычайно

выгодное положеніе Коринѳа, находящагося на наиболѣе узкой части перешейка, у подножія скалы, которую легко было превратить въ крѣпость. Побережье близъ него, равно какъ и сосѣднія бухты, съ одной стороны въ Коринѳскомъ, съ другой—въ Эгинскомъ заливѣ, богаты превосходными естественными гаванями, дающими убѣжище для кораблей. Здѣсь, на перепутьи между берегами обоихъ заливовъ, отдѣляющихъ Пелопонезъ отъ континентальной Греціи, на перепутьи между Эгейскимъ и Адріатическимъ морями и всѣми берегами залива, несомнѣнно, долженъ былъ самъ собою возникнуть торговый пунктъ. Съ самаго начала исторіи Коринѳъ является передъ нами въ роли знаменитѣйшаго изъ городовъ, и морскія божества, занесенныя сюда финикіянами, царятъ въ его храмахъ. Преданіе разсказываетъ намъ, что, задолго еще до дорійскаго вторженія, герой Сизифъ нагромоздилъ колоссальные камни, сложивъ ихъ въ стѣны крѣпости,—это, безъ сомнѣнія, и дало поводъ врагамъ его выдумать для него позднѣе мученія, къ которымъ онъ будто бы приговоренъ былъ въ Тартарѣ. Въ эпоху своего расцвѣта Коринѳъ сдѣлался греческимъ городомъ, заключавшимъ въ себѣ наибольшее число жителей въ однѣхъ стѣнахъ: въ немъ жило 300000 душъ населенія. Это былъ городъ, занятый не только обмѣномъ товаровъ, но и обладавшій крупной промышленностью, именно, въ немъ образовался центръ фабрикаціи глиняныхъ и металлическихъ издѣлій, предметовъ роскоши и произведеній искусства. Нѣкоторыя изъ его колоній получили особую славу въ эллинскомъ мірѣ, таковы Корфу и Сиракузы, бывшіе наиболѣе населенными изъ всѣхъ колоніальныхъ городовъ Греціи. Слава Коринѳа была столь велика, что самое имя его

Бѣлая ваза съ черными силуэтами.

отожествлялось нерѣдко съ наименованіемъ всей Греціи: день его разрушенія римлянами, двадцать съ половиною вѣковъ тому назадъ, разсматривается всѣми какъ конецъ могущества греческой народности.

Уже при самомъ поверхностномъ взглядѣ обнаруживается также жизненное значеніе, какъ мѣста встрѣчи людей и обмѣна товарами, и другого пункта, именно города Халкиды. Этотъ привилегированный по своему положенію пунктъ обладаетъ одновременно преимуществами какъ континентальнаго города, такъ и морского порта. Онъ располагается внутри страны и въ то же время въ мѣстѣ встрѣчи двухъ заливовъ; онъ господствуетъ одновременно какъ надъ сѣверными, такъ и надъ южными морскими путями и привязанъ узкимъ и удобнымъ для защиты при нападеніи перешейкомъ къ континенту Европы. Помимо того, этотъ городъ имѣлъ еще и одинъ мѣстный источникъ своего благосостоянія, именно, мѣдныя руды; торговцы стремились къ нему со всѣхъ сторонъ. Сдѣлавшись центромъ торговли и центромъ морского могущества, городъ этотъ основалъ на самыхъ отдаленныхъ берегахъ многочисленныя торговыя колоніи и сталъ, къ концѣ концовъ, метрополіей 32 городовъ, основанныхъ на томъ полуостровѣ, который располагается на югѣ Ѳракіи, обладаетъ тремя вытянутыми въ море, подобно пальцамъ руки, мысами и извѣстенъ

Халкидская амфора съ изображеніемъ быковъ Геріона.

и до сихъ поръ подъ названіемъ Халкидики. Роль и значеніе Халкиды были бы во много разъ болѣе велики, если бы къ выгодамъ положенія этого города присоединялось еще и обладаніе сколько-нибудь обширнымъ окружающимъ пространствомъ, представляющимъ однообразный географическій характеръ. Халкида и Коринѳъ были, однако, лишь отдѣльными, изолированными пунктами, и потому, несмотря на всѣ ихъ особыя мѣстныя преимущества, они были опережены въ теченіе хода исторіи городами, расположенными менѣе благопріятно, но зато обладающими обширной территоріей, которая естественнымъ образомъ къ нимъ примыкала.

При той конкуренціи, какая возникла между многочисленными городами Греціи съ ихъ чрезвычайно разнообразными мѣстными преимуществами въ смыслѣ производства продуктовъ земледѣлія, промышленности и въ смыслѣ добычи горныхъ богатствъ, въ концѣ концовъ, между небольшими государствами континентальной Греціи и государствомъ Пелопонеза установилось извѣстное равновѣсіе. Однако, равновѣсіе это было мало устойчивымъ, какъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ передъ собою вѣчно измѣнчивыя явленія въ жизни народовъ. Обѣ страны, примыкавшія съ той и съ другой стороны къ Коринѳскому перешейку, были почти равны между собой по протяженію, такъ какъ гористыя области сѣверной Греціи, отдѣляемыя Парнассомъ и другими высокими горными массивами, вплоть до вершинъ Пинда, отъ Беотіи и Аттики, оставались наполовину внѣ предѣловъ Греціи, вслѣдствіе неплодородности почвы и дикости населенія. Въ общемъ, Пелопонезъ представлялъ собою болѣе сплоченное, тѣснѣе объединенное цѣлое, способное не только къ защитѣ, но и къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Сѣверная Греція получала, однако, бо́льшій перевѣсъ, когда присоединяла къ своей области сосѣдніе острова, вплоть до тѣхъ, которые располагались у береговъ Азіи. Должно, впрочемъ, сказать, что границы между обѣими Греціями были подвержены постояннымъ колебаніямъ,—эти двѣ страны различались между собой какъ своими естественными условіями, такъ и наклонностями населенія, образомъ жизни его и взглядами на жизнь. Торговое соперничество, зависть, месть, внутренніе безпорядки, вступленіе въ союзы и внѣшнія войны измѣняли съ-году-на-годъ соотношенія между силами сѣверной и южной Греціи.

Спарта и Аѳины символизируютъ и воплощаютъ духъ этихъ двухъ странъ, этихъ двухъ этническихъ группъ, такъ какъ Пелопонезъ былъ по преимуществу областью дорійцевъ, Аттика же сдѣлалась центромъ іонійцевъ. Различіе между обѣими странами сказалось уже прежде всего въ «законахъ» ихъ, которые въ дѣйствительности являлись полнымъ укладомъ соціальной и политической жизни народовъ Греціи. Одною природою, одной окружающей средой, особенностями почвы и климата

нельзя объяснить различія между Спартой и Аѳинами; необходимо принять во вниманіе также ту нравственную среду, которая создала у спар-

№ 165. Коринѳъ и Арголида.

танцевъ ихъ характеръ,—она сложилась тѣмъ, что спартанцы явились въ качествѣ чужеземцевъ въ страну, устроились въ ней путемъ насилія и находились тамъ въ постоянной опасности. Дѣйствительно, окружающія условія страны, въ которой протекало ихъ существованіе, не обладаютъ сами по себѣ никакими неблагопріятными элементами. Мѣстность является плодородной настолько, что нѣкоторые изъ лингвистовъ придаютъ самому названію Спарты значеніе «плодородная почва». Рѣка

ко всѣмъ другимъ занятіямъ, кромѣ войны. Мозгъ ихъ приспособился къ непрерывной борьбѣ и не могъ болѣе приноровиться къ производству мирныхъ работъ. Имъ приходилось прежде всего покорить мѣстное населеніе, затѣмъ населеніе сосѣднихъ горъ. Ихъ западные сосѣди, сильные и храбрые мессенцы, владѣвшіе чрезвычайно плодородными долинами, еще болѣе богатыми и болѣе обширными, чѣмъ долины Лаконіи, выдерживали долгое время жестокіе воинственные натиски спартанцевъ. Когда же эти послѣдніе сдѣлались неоспоримыми обладателями Пелопонеза, ареной ихъ завоевательныхъ предпріятій и разбойничьихъ набѣговъ сталъ весь остальной эллинскій міръ. Имъ, однако, приходилось все же постоянно остерегаться, постоянно ожидать нападенія, и они это и дѣлали съ такою же точно послѣдовательностью и логичностью, какой примѣромъ могутъ служить еще развѣ лишь краснокожіе индѣйцы Новаго Свѣта, которые равнымъ образомъ вѣчно были насторожѣ, ожидали ежеминутно нападенія со стороны своихъ сосѣдей. Городъ спартанцевъ былъ вооруженнымъ лагеремъ, тѣмъ лучше охранявшимся, что они не окружали его стѣнами, — ихъ Аполлонъ Дорійскій оберегался живою стѣной, сверкающей копьями, ихъ божествомъ, ихъ идеаломъ могла быть лишь сила. Сгруппировавшись среди разбросаннаго населенія въ небольшую вооруженную армію, которая терроризировала его частыми военными нашествіями, спартанцы возмѣщали свою малочисленность большою сплоченностью и непрерывнымъ упражненіемъ въ воинскомъ искусствѣ, — имъ и приходилось это дѣлать, — у нихъ противъ одного было десять враговъ.

Всѣмъ извѣстна суровость законовъ, изданіе которыхъ приписывается легендарной личности, Ликургу, — на самомъ дѣлѣ законы эти были обусловлены той постоянной опасностью, среди которой жили спартанцы. Они отнюдь не были вдохновлены дорійскимъ геніемъ, какъ это утверждаетъ Готфридъ Мюллеръ, такъ какъ племена одной и той же расы, живя въ различныхъ условіяхъ, не знали вовсе этой соціальной и политической организаціи,—послѣдняя была продиктована исторической средой, явившейся результатомъ воздѣйствія всѣхъ предшествовавшихъ условій, искусственныхъ и естественныхъ [1]). Спартанецъ, предоставляемый съ семилѣтняго возраста государству, или, иначе говоря, общинѣ воиновъ, подвергался извѣстной дрессировкѣ, воспитывался такъ, что превращался также въ воина: его упражняли въ силѣ и въ ловкости, изъ него дѣлали животное, приспособленное для борьбы, его пріучали къ кровавымъ расправамъ даже со своими собственными товарищами, въ дни празднествъ ему предоставляли расправляться съ презираемой чернью, оскорблять и бить ее. Его поощряли даже къ грабительству,—

1) George Grote. «History of Greece».

Мысъ Суніумъ.

умѣть грабить подобаетъ хорошему солдату,—наконецъ, ему не позволяли вовсе учиться читать, изъ боязни, что знаніе можетъ открыть передъ нимъ новыя, болѣе широкія перспективы, цѣлый невѣдомый міръ, отличающійся отъ того, къ которому его предназначали. Спартанецъ едва умѣлъ говорить: его языкъ, приспособленный лишь къ идеямъ войны и владычества, ограничивался точною передачею его желаній и былъ лишенъ какъ краснорѣчія, такъ и поэзіи. Въ немъ старались развить лишь единственныя достоинства—терпѣніе, силу, мужество, и эти достоинства должны были служить спартанцу лишь для того, чтобы при помощи ихъ похищать у другихъ людей ихъ жизнь или ихъ свободу. Производительный трудъ былъ запрещенъ этимъ паразитамъ, несмотря на то, что они первымъ дѣломъ распредѣлили между собою земли завоеванной страны. Другимъ, именно лаконійцамъ и илотамъ, предоставлялось трудиться за нихъ, предоставлялось строить имъ жилища, снабжать ихъ хлѣбомъ и плодами, ткать для нихъ одежды и выковывать оружіе.

Въ награду за свой трудъ порабощенные илоты были лишены всякихъ правъ и должны были почитать себя особенно счастливыми, если ихъ оставляли въ живыхъ. Особое удовольствіе доставляло спартанцамъ напаивать ихъ пьяными и въ такомъ видѣ показывать дѣтямъ, чтобы

№ 166. Лаконія и Мессенія.

1: 1000000

0 10 30 60 килом.

Вафіо—мѣстность, знаменитая открытыми тамъ великолѣпными золотыми кубками микенскаго періода (S. Reinach. «Apollo»).

Ликозура—«мать пелазгійскихъ городовъ и центръ первоначальнаго царства», городъ, расположенный на вершинѣ горы (V. Bérard. «Les Phéniciens et l'Odyssée»).

Пилосъ—въ Мессеніи, вблизи острова Сфактеріи и Наваринскаго рейда; по Берарду, это не тотъ «городъ Нестора», черезъ который проходилъ Телемахъ, когда направлялся въ Спарту («Одиссея»). Сынъ Улисса высадился въ городѣ Пилосѣ, сосѣднемъ съ устьемъ Алфея, у подножья горы Кайафа (744 метр. выс.) и, переночевавъ въ Алиферѣ («Фера» поэмы), направился по единственной колесной дорогѣ, ведущей чрезъ Пелопонезъ, по долинамъ Еврота и Алфея.

Мегалополисъ—городъ, основанный Эпаминондомъ въ 370 г. до Р. Хр.; положеніе его было плохо выбрано, почему городъ существовалъ недолго и не имѣлъ почти вовсе значенія.

Мессена—до того, какъ появился этотъ городъ, нѣсколько далѣе къ сѣверу у подошвы горы Итоме, существовалъ другой, носившій то же наименованіе.

эти послѣднія научились презирать рабовъ и чувствовали все благородство своей крови. Когда, однако, предвидѣлась опасность, то приходилось бояться рабовъ. Спартанцы убивали самыхъ сильныхъ и самыхъ красивыхъ изъ нихъ, чтобы у нихъ не могло явиться даже и мысли или желанія сравняться со своими господами. Во время Пелопонезской войны, когда спартанцы могли опасаться возстанія порабощеннаго населенія, гражданами были выбраны 2000 наиболѣе сильныхъ и способныхъ илотовъ, которые затѣмъ, какъ разсказываетъ Ѳукидидъ, были умерщвлены въ какомъ-то темномъ лѣсу!

Такимъ образомъ, сама судьба заставляла «героевъ» спартанцевъ, какъ рабовъ своего собственнаго преступленія, основаннаго на кровопролитіи и насиліи, вести постоянныя войны, непрерывно нападать на сосѣдей и избирать своими союзниками лишь аристократическіе роды, жаждующіе, подобно имъ самимъ, сокращенія правъ народа, подчиненія или даже порабощенія его; спартанцы въ такой же степени были самой судьбою обречены причинять зло, въ какой они коснѣли въ полномъ невѣжествѣ. Во время великой общей опасности, въ тѣ эпохи, когда колоссальныя арміи персовъ и мидянъ являлись на континентъ съ цѣлью раздавить маленькую Грецію, спартанцы не разъ оказывались союзниками тирановъ-чужеземцевъ. Когда же господство Лакедемоніи было, въ концѣ концовъ, сломлено, тѣ изъ гражданъ страны, которые остались въ живыхъ, избрали своей профессіей службу въ наемныхъ войскахъ различныхъ тиранновъ.

Потомство спартанцевъ, однако, благодаря отсутствію скрещиванія, претерпѣло значительный упадокъ, какому подвергаются всѣ аристократическія группы: численность ихъ въ различныя эпохи свидѣтельствуетъ о постепенномъ уменьшеніи ихъ числа, причиняемомъ скорѣе общимъ упадкомъ расы, чѣмъ потерями въ сраженіяхъ. Подъ конецъ ихъ было уже такъ мало, что они одни не рѣшались сражаться; они выступали въ бой лишь съ союзниками и съ наемными войсками. Тѣмъ не менѣе, такое существованіе въ теченіе пяти вѣковъ военнаго государства, столь мало измѣнявшагося и столь слабо поддававшагося внутренней эволюціи, является въ Греціи, вообще говоря, странѣ подвижной, фактомъ чрезвычайно курьезнымъ. Спартанцы были люди, какъ бы отлитые изъ бронзы, работа мысли не тревожила ихъ, и потому они оставались почти неизмѣняющимися по внѣшности среди измѣнчиваго и быстро развивающагося міра. Именно это-то и было выражено легендою о Ликургѣ, который будто бы удалился въ Дельфы и уморилъ себя самъ голодной смертью, заставивъ предварительно свой народъ принести клятву, что законы его будутъ соблюдаться: такимъ образомъ, онъ поставилъ спартанскій народъ подъ высокое покровительство боговъ, строго карающихъ за нарушеніе клятвеннаго обѣщанія.

Аѳины. Акрополь и городъ въ настоящее время.

Съ точки зрѣнія окружающей среды, преимущества Аѳинъ передъ соперничавшимъ съ ними Пелопонезомъ вовсе не являются столько значительными, чтобы могли особенно бросаться въ глаза,—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Спарта находилась даже въ болѣе привилегированномъ положеніи. Впрочемъ, прежде всего уже небольшая долина Еврота съ прилежащими къ ней мѣстами—территорія болѣе богатая, чѣмъ земли Аѳинъ, скудно орошаемыя, не получающія часто подолгу дождя и окруженныя безплодными скалами. Дѣйствительно, если не считать чрезвычайно выгоднаго стратегическаго положенія Аѳинъ, именно, нахожденія ихъ у основанія высокой скалы, которую чрезвычайно легко защищать, и которая господствуетъ надъ открытой сплошной плодородной равниной, слегка покатой къ морю, то городъ этотъ не имѣетъ въ своемъ непосредственномъ сосѣдствѣ никакихъ природныхъ преимуществъ предъ другими городами Греціи. Дивная по своей красотѣ и гармоніи картина, которую представляютъ оливковыя рощи, извилистые берега, множество островковъ и мысовъ, горы, вырисовывающіяся свѣтлыми зубцами на голубомъ небѣ,—все это встрѣчается въ тысячѣ другихъ формъ, не менѣе

поражающихъ глазъ своею красотой и въ другихъ областяхъ Эллады, равно какъ и въ другихъ земляхъ средиземноморского побережья; единственное, что отсутствуетъ въ пейзажахъ другихъ странъ, это — воспоминанія о величественномъ прошломъ, — они всегда внушаютъ людямъ особое уваженіе къ тѣмъ мѣстностямъ, съ которыми связаны.

Колоссальныя матеріальныя преимущества Аѳинъ проистекали отъ условій, дававшихъ возможность развить промышленность: такими условіями были превосходныя каменоломни, доставлявшія чудный матеріалъ для постройки домовъ, крѣпостей и храмовъ, такое же значеніе имѣли богатыя серебряныя копи Лавріума, доставлявшія въ изобиліи рессурсы для поддержки торговли. Изрѣзанность морского побережья облегчала чрезвычайно сношенія съ чужеземными странами; центръ политической общины, находившейся подъ естественной защитой Акрополя, располагался очень недалеко, всего лишь въ двухъ часахъ ходьбы отъ трехъ гаваней—Фалеры, Мунихіи, съ ея двумя бассейнами, и, наконецъ, Пирея, превосходно защищеннаго отъ всѣхъ вѣтровъ; къ Пирею примыкалъ великолѣпный рейдъ, защищенный отъ вѣтровъ островомъ Саламиномъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что полуостровъ Аттики изъ всѣхъ странъ континентальной Греціи является областью, наиболѣе приближенной къ Малой Азіи, которая подъ той же широтою выдвигаетъ по направленію къ Европѣ два полуострова и двѣ цѣпи острововъ. Здѣсь при хорошемъ вѣтрѣ можно въ одинъ день переплыть отъ береговъ Европы къ Азіи, и парусныя суда могутъ найти на своемъ пути большое количество островковъ для спасенія отъ вѣтровъ. Вотъ почему съ самыхъ первыхъ временъ своего историческаго развитія Аттика, самое имя которой — «Актике» или «мысъ», «полуостровъ» — указываетъ на связь ея съ моремъ, сдѣлалась центромъ морского могущества. Вліяніе ея распространялось во всѣ стороны далеко, тогда какъ Спарта, бывшая континентальнымъ царствомъ въ самой серединѣ полуострова, старалась замкнуться въ своемъ древнемъ озерномъ бассейнѣ. Аѳины могли любоваться моремъ съ высоты своего Акрополя, и изъ трехъ ихъ гаваней корабли безпрепятственно мчались къ островамъ архипелага, полуостровамъ азіатской Греціи и къ портовымъ городамъ Великой Греціи; наоборотъ, ихъ соперницу Спарту не привлекали развертывающееся къ югу отъ нея пустынное море и расположенные къ западу острова Киѳера и Критъ,—она стремилась прежде всего распространить свою власть на сѣверныя области, за предѣлы Пелопонеза, представлявшаго собою естественную крѣпость.

Такимъ образомъ географическій контрастъ между этими двумя городами былъ довольно значителенъ, но контрастъ историческій, проистекавшій отъ результатовъ вліянія среды въ теченіе многихъ вѣковъ, былъ еще болѣе великъ. Спартанцы, окруженные явными врагами и ра-

бами, скрывавшими подъ внѣшней преданностью смертельную ненависть,

№ 167. Аттика.

Оропосъ—былъ портъ, въ которомъ выгружался хлѣбъ, направлявшійся съ Евбеи въ Аѳины.
Декелейя—городъ, занимавшій господствующее положеніе на пути къ перешейку Аттики (В. Берардъ).

жили исключительно для одной войны,—они постоянно были готовы къ

подавленію возстаній, всегда обнаруживали склонность къ грабежамъ и убійствамъ. Аѳиняне, потомки древнихъ пелазговъ, къ коимъ присоединились многочисленные переселенцы, оттѣсненные дорійскимъ вторженіемъ, являли собою въ исторіи наиболѣе полно тотъ, можно сказать, героическій, возвышенный типъ свободной общины, который характеренъ для Греціи вообще.

Вспоминая объ Аѳинахъ, приходятъ въ то же время невольно на память сотни другихъ греческихъ городовъ съ бѣлыми домиками, лѣпящимися по крутымъ склонамъ каменистыхъ горъ и окаймленныхъ зеленью оливковыхъ рощъ. Отечество гражданъ, состоящее изъ небольшого числа группъ родственныхъ семей, заключенныхъ въ узкомъ пространствѣ, образовывало собою одно цѣлое, настоящій организмъ. Съ высоты своего акрополя гражданинъ могъ окинуть взоромъ всѣ предѣлы страны, бывшей общимъ достояніемъ—границы ея намѣчались вдоль моря бѣлой полосой прибоя, затѣмъ синевою лѣса, спускающагося по холмамъ, и зубчатыми гребнями горъ. «Сынъ своей страны» зналъ названіе каждаго ручейка, каждой группы деревьевъ, каждой хижины разстилающейся передъ нимъ страны. Онъ зналъ поименно всѣ семьи, обитавшія подъ гостепріимными кровлями домовъ, ему было извѣстно, гдѣ совершили свои подвиги герои его родины, гдѣ всемогущіе боги поразили грѣшную землю своими громовыми ударами. Съ своей стороны, земледѣльцы страны смотрѣли на свой городъ какъ на нѣчто имъ дѣйствительно принадлежащее. Они знали прекрасно всѣ тропинки, превратившіяся постепенно въ улицы; иногда та или другая часть города носила еще наименованіе рощи, которая росла на ней въ прежнія времена; они помнили также, какъ имъ прежде приходилось играть у ручьевъ, гдѣ поднимались теперь граціозныя статуи нимфъ; они видѣли наверху, на скалѣ акрополя, храмъ съ изображеніями божествъ, къ которымъ обращались мольбы во время общественныхъ бѣдствій, и тамъ же за каменными стѣнами находили себѣ спасеніе ихъ жены и дѣти, когда толпы враговъ наводняли долину. Нигдѣ, за исключеніемъ развѣ клановъ первобытныхъ народностей, патріотизмъ не проявлялся съ такою интенсивностью, нигдѣ жизнь и благосостояніе каждаго не сливались въ такой степени съ благосостояніемъ всѣхъ. Общественный организмъ былъ такъ тѣсно связанъ въ одно политическое цѣлое, что являлся какъ бы единой и рѣзко отграниченной индивидуальностью. Въ этомъ смыслѣ Аристотелево названіе человѣка—ζῶον πολιτιχόν—должно переводить какъ «живое существо городское» [1]), т.-е. принимающее живѣйшее участіе въ жизни города, а не какъ «существо политическое», согласно обыкновенному толкованію,—и не заслу-

1) Ibn-Khaldoun, «Prolégomènes»; cité par Ernest Nys, Société nouvelle, juillet 1896, p. 123.

жилъ ли въ исторіи человѣчества такое названіе прежде всего именно аѳинянинъ?

Разумѣется, жизнь города, со всѣми его многоразличными элементами, явленіе слишкомъ сложное,—оно не можетъ представлять собою отъ начала до конца воплощеніе единаго принципа, единой идеи: въ жизни Аѳинъ также были періоды, въ теченіе которыхъ этотъ городъ, по его дѣятельности, приравнивался къ жестокой и кровожадной Спартѣ. Въ Аѳинахъ тоже появлялись аристократическіе роды, стремившіеся монополизировать въ свою пользу всѣ силы націи; бывали также и кровавыя войны, ложащіяся темнымъ пятномъ на память объ Аѳинахъ; имѣлись и законодатели, представлявшіе собою деспотовъ, коихъ страхъ передъ возможнымъ низверженіемъ дѣлалъ невѣроятно жестокими. Такъ, въ далекомъ прошломъ греческой исторіи, во времена полулегендарныя, болѣе 25 вѣковъ тому назадъ, появляется архонтъ Драконъ, самое имя котораго осталось до нашихъ дней символомъ свирѣпаго и неумолимаго законодательства, издаваемаго властями, трепещущими за собственную участь. Этотъ представитель аристократіи, т.-е. «лучшихъ людей», зналъ лишь одно возмездіе за всѣ проступки и преступленія—именно, смерть: такъ, всегда

Голова изваянія древняго періода (VI вѣкъ до Р. Хр.).

въ состояніи неустойчиваго равновѣсія ничтожная случайность влечетъ за собою рѣшительныя послѣдствія [1]).

Законодательство Дракона не могло, однако, устоять въ борьбѣ съ различными элементами и существовало недолго; законодательство, которое его смѣнило, было гораздо болѣе гуманно и принимало во вниманіе условія среды, пытаясь въ то же время установить болѣе правильныя соотношенія между различными классами. Съ этимъ вторымъ законодательствомъ связано имя Солона, личности, которую считаютъ дѣйствительно существовавшей,—на самомъ дѣлѣ его слѣдовало бы разсматривать прежде всего какъ воплощеніе самого аѳинскаго народа и эллинской цивилизаціи во всемъ ея цѣломъ. Первой имѣвшей основное значеніе реформой этого законодателя было освобожденіе бѣдныхъ отъ рабства, въ которое ранѣе ихъ могли обращать богатые. Было запрещено заимодавцамъ лишать человѣка свободы за долги, такъ что должникамъ не угрожала болѣе опасность, что ихъ оторвутъ отъ семьи, продадутъ въ чужія страны и заставятъ, такимъ образомъ, жить среди варваровъ, не слыша даже отечественной рѣчи. Аѳинскій гражданинъ, независимо отъ своего богатства или бѣдности, получилъ неотчуждаемыя гражданскія права; даже евпатриды, потомки боговъ, обязаны были уважать пролетаріевъ и должны были путемъ публичнаго голосованія испрашивать у нихъ одобренія своего образа дѣйствій и утвержденія своихъ прерогативъ. Правда, самое существованіе классоваго неравенства въ аѳинской республикѣ являлось уже источникомъ внутренней борьбы, и было, слѣдовательно, необходимо найти какое-либо средство, отвлекающее отъ народнаго возмездія,—его и искали аѳиняне въ широкомъ развитіи коммерческой дѣятельности. Потомство любитъ приписывать какой-либо одной личности завоеванія, добытыя путемъ долгой эволюціи самимъ народомъ,—въ силу этого-то и приписывается Солону открытіе тѣхъ морскихъ путей, которые сходятся къ Аѳинамъ, равно какъ и занятіе острова Саламина, господствующаго надъ входомъ въ бухту Пирея. Одна незначительная черточка, встрѣчаемая нами въ легендѣ о Солонѣ, очень остроумно противопоставляетъ аѳинскаго законодателя законодателю Спарты: Солонъ не заставилъ гражданъ, подобно Ликургу, поклясться въ томъ, что они вѣчно будутъ хранить его законы,—онъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они соблюдали эти законы лишь въ теченіе 10 лѣтъ. Такимъ образомъ, уже народный инстинктъ предугадывалъ неизбѣжную необходимость измѣненія законодательства въ будущемъ.

Въ общемъ ходѣ своего развитія Аѳины выказали себя прежде всего городомъ коммерческимъ и вполнѣ мирнымъ. Онѣ мало воевали

---

1) L. von Ranke. «Weltgeschichte», I, 1, p. 185.

съ сосѣдними городами и лишь рѣдко принуждены были отражать набѣги морскихъ разбойниковъ, такъ какъ Циклады образовывали съ востока двойную защищающую ихъ стѣну. Въ аѳинскомъ государствѣ не издавалось законовъ противъ чужестранцевъ, и послѣдніе не объявлялись врагами только въ силу своего рожденія, какъ это дѣлалось въ Спартѣ; Аѳины принимали также въ свои граждане и изгнанниковъ; къ нимъ стекались со всѣхъ сторонъ бѣглецы, просившіе пріютить ихъ, и среди этихъ чужеземныхъ гостей пользовались особой любовью мессенцы и другіе греки Пелопонеза, братья коихъ обращались спартанцами въ рабство,—изъ этихъ бѣглецовъ вышло много знаменитыхъ людей Аттики. Существовала даже особая должность «путеводителя чужестранцевъ»—его спеціальной обязанностью было заботиться о хорошемъ пріемѣ иностранцевъ, вводить ихъ въ храмы, облегчать имъ устраиваться на земляхъ, находившихся подъ защитой Паллады. Въ Аѳинахъ было вполнѣ прочно установлено закономъ, что не слѣдуетъ «отказывать никому въ пользованіи водою, въ позволеніи зажечь огонь отъ сосѣдняго очага». Не показать дорогу заблудившемуся считалось такимъ преступленіемъ, которое каралось публичнымъ проклятіемъ [1])! Безъ сомнѣнія, въ значительной степени именно этимъ прекраснымъ пріемомъ изгнанниковъ изъ чужихъ странъ и были обязаны

Греческая камея. Голова Аѳины Паллады.

1) F. Laurent. «Histoire de l'Humanité».

Аѳины своимъ замѣчательнымъ подборомъ людей, великихъ по уму и по энергіи. Среди знаменитыхъ аѳинянъ очень много потомковъ изгнанниковъ,—таковымъ является и самъ законодатель-Солонъ, затѣмъ Периклъ, Мильтіадъ, Ѳукидидъ, Платонъ и др. [1]). Позднѣе такимъ же точно образомъ, лишь въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ, вдохнули новый духъ протестанты, бѣжавшіе изъ Франціи и Италіи, въ незначительный городокъ, Женеву, сдѣлавъ изъ него сильный оплотъ противъ Рима; точно также еще позднѣе изгнанные философы Франціи нашли себѣ пріютъ отъ преслѣдованій въ крохотной республикѣ Соединенныхъ Провинцій и настолько воодушевили ее мужествомъ, что позволили противопоставить силу могуществу «Великаго Короля». Наконецъ, и Берлинъ не обязанъ ли въ значительной степени своимъ расцвѣтомъ той высокой интеллигентной дѣятельности, которую развили и проявили тамъ французскіе эмигранты-гугеноты?

Благодаря такому отношенію къ чужеземцамъ, Аѳины легко вступили въ дружественную связь со многими эллинскими городами, отличавшимися и этническимъ составомъ, и языкомъ, и обычаями; такія связи естественнымъ образомъ усилили также дружественныя отношенія, соединявшія Аѳины съ дочерними городами и колоніями, разсѣянными по берегамъ Эгейскаго моря и другихъ водъ. Каждая изъ этихъ колоній представляла собою новыя Аѳины, соединенныя съ метрополіей своимъ происхожденіемъ, языкомъ, оракулами и богами. Что касается спартанцевъ, то они не искали вовсе союзниковъ,—они старались найти лишь подданныхъ или же наемниковъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда во время совмѣстныхъ набѣговъ ихъ сопровождали другіе дорійцы, принадлежащіе къ одинаковому съ ними корню, они вели ихъ въ бой не какъ равноправные братья, а какъ верховные предводители.

Итакъ, оба города, разсматриваемые во всей своей цѣлостности, составляютъ по отношенію другъ къ другу яркій контрастъ, не столько въ смыслѣ чисто-географическихъ условій среды, сколько въ смыслѣ той искусственной политической сферы, которая была создана тою и другою общиною. Спарта была военнымъ городомъ и не могла сдѣлаться ничѣмъ инымъ; Аѳины развились, главнымъ образомъ, въ качествѣ города мирнаго, города промышленности, торговли, наукъ и искусствъ. Даже одни и тѣ же установленія, носившія въ обоихъ государствахъ одно и то же наименованіе, различались въ нихъ, тѣмъ не менѣе, самымъ кореннымъ образомъ. Такъ, рабство въ Аттикѣ было совершенно не тѣмъ, чѣмъ оно было въ Лаконіи, несмотря на то, что и въ этой странѣ наблюдался такой же жестокій обычай полнаго владѣнія одного человѣка другимъ. Въ Аттикѣ земледѣльцы, греки по происхожденію,

1) Dally. «De la Sélection ethnique». Revue d'Anthropologie.

на самомъ дѣлѣ были простыми фермерами,—жизнь ихъ мало отличалась отъ жизни, какую вело еще недавно огромное большинство французскихъ крестьянъ. Домашніе рабы аѳинянъ—это были большею частью обитатели Ѳракіи и Малой Азіи, купленные у мореходовъ, они находились въ нѣсколько бóльшемъ порабощеніи, вслѣдствіе болѣе тѣснаго соприкосновенія со своими господами и вслѣдствіе своего чужеземнаго происхожденія. Въ то же время, впрочемъ, исторія Аѳинъ показываетъ намъ, что въ словахъ своихъ эти рабы были очень свободны и вели себя нерѣдко совершенно какъ равные съ настоящими гражданами; по своему положенію они отличались, во всякомъ случаѣ, значительно отъ несчастныхъ спартанскихъ илотовъ, принужденныхъ постоянно унижаться и буквально служившихъ игрушкою дѣтей грубыхъ высшихъ классовъ населенія. Что касается рабовъ, принадлежавшихъ самимъ Аѳинамъ, то это были настоящіе чиновники, настолько пользовавшіеся крупными матеріальными преимуществами, что имъ могли даже позавидовать многіе бѣдные граждане. Наконецъ, многіе изъ аѳинскихъ рабовъ добивались свободы за выкупъ, выплачиваемый своимъ трудомъ, или получали ее въ подарокъ отъ своихъ господъ; если они въ сраженіяхъ отличались особою храбростью, то иногда ихъ въ награду непосредственно вводили въ среду полноправныхъ гражданъ. Обычной формой освобожденія раба было посвященіе его одному изъ боговъ,—съ этого времени онъ становился священнымъ и, слѣдовательно, свободнымъ. Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ Лоранъ въ своей «Исторіи человѣчества», эллинизмъ, въ этомъ отношеніи, былъ значительно выше христіанства. Рабы, посвященные христіанской церкви, не переставали быть рабами, и извѣстно, что во Франціи самыми послѣдними освобожденными рабами были крѣпостные помѣстій, принадлежащихъ монахамъ въ Сенъ-Клодъ.

Греческія монеты.

Начало историческаго періода въ Греціи относится уже къ той эпохѣ, когда существовалъ антагонизмъ между обѣими Греціями, аристократической Спартой, съ одной стороны, и демократическими Аѳинами — съ другой. Въ качествѣ первой вполнѣ достовѣрной и укладывающейся въ историческія рамки личности появляется въ Арголидѣ Фидонъ, вычеканившій монету со своимъ изображеніемъ для торговли съ Малой Азіей и Финикіей. На самыхъ первыхъ греческихъ монетахъ можно, какъ полагаютъ, различить изображеніе Астарты Тирской,—онѣ относятся къ эпохѣ, отдаленной отъ нашего времени на 26—27 вѣковъ [1]. Затѣмъ мы видимъ въ Аѳинахъ «тиранна» Пизистрата, которому удалось благодаря несогласіямъ между аристократическими родами и не безъ посредства чужеземныхъ наемниковъ завладѣть властью въ аѳинскомъ государствѣ. Ставъ у кормила правленія, онъ, подобно всѣмъ умнымъ и безчестнымъ властителямъ, стремится обратить народныя страсти къ какой-либо иной цѣли, помимо свободы. Можно сказать, что именно Пизистратъ былъ истиннымъ основателемъ «панэллинизма»: желая направить въ другую сторону честолюбіе аѳинянъ, онъ убѣдилъ ихъ бороться на пользу образованія Великой Греціи вмѣсто того, чтобы мечтать о собственной независимости. Пизистратъ же первый собралъ всѣ извѣстные тексты пѣсенъ Гомера и соединилъ ихъ въ одно цѣлое, превратившееся въ «Иліаду»,—самое драгоцѣнное изъ всѣхъ произведеній греческой письменности; онъ же вызвалъ у грековъ различнаго происхожденія и различныхъ нарѣчій сознаніе общности и цѣлостности ихъ цивилизаціи въ противовѣсъ персидской цивилизаціи Азіи. Дѣйствуя не только словомъ, но и дѣломъ, онъ присоединилъ къ аѳинскому государству островъ Делосъ, бывшій знаменитымъ мѣстомъ поклоненія всѣхъ обитателей архипелага Эгейскаго моря; онъ обосновался также и на азіатской территоріи, захвативъ Сигейскій мысъ (Кумъ-Калесси или Іенишери), у самыхъ Вратъ Геллеспонта, и овладѣвъ священной землею, въ которой хранился прахъ Патрокла и Ахилла. Этотъ захватъ былъ, однако, уже вызовомъ, направленнымъ непосредственно по адресу «Царя царей», который и не замедлилъ отвѣтомъ. Большое значеніе имѣетъ также то обстоятельство, что Пизистратъ направилъ вниманіе аѳинянъ на возможность пріобрѣтенія колоссальныхъ богатствъ, если бы завладѣть ѳракійскими копями, чрезвычайно богатыми золотомъ и серебромъ.

Достигнувъ полнаго сознанія своей силы, эллины поднялись противъ азіатовъ. Ихъ толкала къ борьбѣ съ послѣдними вся предыдущая исторія, толкала необходимость спасти свою торговлю, свою промышленность, свои копи, свои владѣнія и владѣнія союзниковъ; не имѣя ни

1) L. von Ranke. «Weltgeschichte», t. I, p. 171.

малѣйшаго сомнѣнія въ превосходствѣ своей расы, греки, и въ особенности аѳиняне, постепенно приготовлялись къ борьбѣ, и на самомъ дѣлѣ имъ первымъ пришлось выдержать натискъ враговъ. Аѳины завладѣли силою двумя островами—Лемносомъ и Имбросомъ, расположенными въ моряхъ Азіи; эти острова разсматривались царями Персіи и Мидіи какъ области, принадлежащія къ ихъ собственной имперіи [1]).

Стрѣлокъ изъ лука. Фронтонъ эгинскаго храма, около 470 г. до Р. Хр.

Съ другой стороны, эллинское вліяніе сказывалось непосредственно, но чрезвычайно сильнымъ образомъ на всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Ѳракія, Македонія и тѣ области, изъ которыхъ пришли предки грековъ, но которыя затѣмъ вслѣдствіе дорійскаго вторженія погрузились снова въ состояніе варваризма,—всѣ эти области становились, мало-по-малу, причастными греческому міру. Лидійское царство также на половину эллинизировалось, и знаменитѣйшій изъ царей Лидіи, Крезъ, былъ однимъ изъ главныхъ жертвователей дельфійскому оракулу,—онъ одарилъ оракула несмѣтными сокровищами въ награду за его загадочныя прорицанія. Наконецъ, и Египетъ принялъ гостепріимно грековъ, дорійцевъ, эолійцевъ и іонійцевъ, предоставилъ въ ихъ распоряженіе цѣлые города, гдѣ были основаны храмы, посвященные богамъ и отечеству; далѣе,

1) G. Grote. «History of Greece», IV, p. 37.

греки завоевали островъ Кипръ, откуда принуждены были удалиться финикійскіе купцы, и на ихъ мѣсто явились моряки и коммерсанты-эллины. Благодаря своимъ торговымъ пунктамъ и своимъ колоніямъ, Греція угрожала захватить весь бассейнъ Средиземнаго моря, сдѣлать его единой «Величайшей Греціей», обнимающей собою какъ собственно Элладу, такъ и всѣ малыя Эллады и Великую Элладу—южную Италію.

Естественно, что со стороны Персіи предпринималось также противодѣйствующее эллинизму движеніе: прежде чѣмъ напасть на самый центръ греческой цивилизаціи, персы старались разорить греческія окраины, постепенно ослабить ихъ; вѣдь прежде чѣмъ приступать къ окончательному истребленію, можно было попытаться постепенно заглушить греческое вліяніе, и весьма интересно прослѣдить, съ какою послѣдовательностью персидскіе деспоты, смѣнявшіе одинъ другого, выдерживали эту свою политику, направленную противъ свободной націи, и въ какой степени также раздробленіе грековъ на враждебные одинъ другому классы содѣйствовало азіатскимъ самодержцамъ въ ихъ попыткахъ парализовать греческое вліяніе.

Уже Киръ завладѣлъ Сардами, оттѣснивъ грековъ на побережье Малой Азіи и на острова. Его сынъ, Камбизъ, проникъ въ Египетъ и дошелъ до Киренаики, разрушилъ торговые пункты грековъ и лишилъ ихъ возможности эксплуатировать островъ Кипръ. Затѣмъ арміи Дарія, перейдя Босфоръ, прочно устроились въ Македоніи и Ѳракіи; при этомъ греки же помогли и облегчили имъ совершить это вторженіе въ греческіе предѣлы,—они выстроили понтонный мостъ, по которому свободно перешли огромныя полчища войскъ, собранныя персидскими царями. Тѣ же самые греческіе союзники помогли персамъ перебраться черезъ Дунай и проникнуть въ равнины Скифіи для того, чтобы наказать кочевниковъ, которые болѣе ста лѣтъ тому назадъ опустошили предѣлы Мидіи. По всей вѣроятности, царь-царей лелѣялъ въ душѣ гигантскій проектъ пройти со своей арміей по всей странѣ скифовъ и вернуться въ свои предѣлы, слѣдуя по побережью Понта Евксинскаго или же обогнувъ сѣверъ Кавказа и спустившись вдоль Каспійскаго моря по пути, который намѣтили сами его враги во время своего послѣдняго набѣга. Если не въ этомъ заключался его военный планъ, то совершенно необъяснимо, почему Дарій оставилъ свои греческія войска охранять Дунайскій мостъ и разрѣшилъ имъ вернуться въ свое отечество, если самъ онъ не воротится въ теченіе 2 мѣсяцевъ. Онъ не встрѣтилъ, однако, никакихъ противниковъ, кромѣ подвижныхъ и неуловимыхъ ордъ кочевниковъ; онъ не нашелъ ни городовъ, которые можно было бы разрушить, ни обработанныхъ полей и плантацій, которыя можно было бы опустошить, и, въ концѣ концовъ, оставивъ позади своихъ больныхъ и раненыхъ, долженъ былъ съ позоромъ вернуться той же самой дорогой.

Въ теченіе его отсутствія греки обсуждали вопросъ, должны ли они

№ 168. Маршрутъ Ксенофонта.

Киръ Младшій, сатрапъ въ Мидіи, попытался свергнуть своего брата, персидскаго царя Артаксеркса. Онъ пригласилъ ггеческихъ наемниковъ, проникъ съ ними въ Месопотамію, но былъ разбитъ и погибъ самъ при Кунаксѣ. Греческое войско, сражаясь, пробилось къ сѣверу, достигло Чернаго моря и вернулось въ Грецію, слѣдуя вдоль берега. Ксенофонтъ, бывшій однимъ изъ начальниковъ грековъ, описалъ это путешествіе, и это описаніе сохранилось до нашего времени. Путь грековъ намѣченъ на картѣ прерывистой линіей.

въ точности выполнить свое обѣщаніе, или же имъ лучше вернуться

домой въ Іонію, предоставивъ великаго царя на произволъ скифовъ, голода и зимняго холода,—вѣдь въ томъ случаѣ, если бы они спасли армію персовъ, они рисковали, что въ одинъ прекрасный день эта армія завладѣетъ всей Греціей. Мнѣніе о необходимости помочь персамъ получило, однако, перевѣсъ, такъ какъ всѣ предводители іонійцевъ признавали, что ихъ личные интересы совершенно солидарны съ интересами персидскаго царя, ихъ союзника и повелителя. Будучи «тираннами» въ своихъ городахъ, они получали власть отъ Дарія, и если бы этотъ послѣдній погибъ, то не утратили ли бы и сами они своихъ прерогативъ? Не была ли бы въ такомъ случаѣ аристократическая партія принуждена уступить свои мѣста и свои почести партіи народной? Такимъ образомъ, внутреннее несогласіе греческихъ городовъ сказалось и въ военныхъ дѣлахъ и на этотъ разъ послужило причиной того, что сила Персіи, направленная противъ Греціи, чрезвычайно возросла!

Такимъ образомъ, походъ въ Скифію, который легко могъ повлечь за собою полное пораженіе Дарія, окончился тѣмъ, что персидскій царь и союзные съ нимъ властители сжали еще болѣе крѣпкими тисками тѣ греческіе города, въ которыхъ народъ принималъ участіе въ управленіи. Столкновеніе грековъ съ персами постепенно подготовлялось, и глубокое значеніе замѣшанныхъ въ немъ интересовъ обѣихъ сторонъ понималось столь хорошо, что, когда возгорѣлась война, вызванная местью тиранна милетскаго Аристагора, этотъ послѣдній началъ съ того, что сложилъ съ себя власть передъ народнымъ собраніемъ и возстановилъ равныя права всѣхъ гражданъ, отправивъ затѣмъ по своимъ городамъ различныхъ тиранновъ, которыхъ онъ держалъ своими плѣнниками [1]. Ему необходимы были, однако, союзники болѣе могущественные, чѣмъ обитатели Цикладскихъ острововъ и остававшіеся еще независимыми іонійцы Малой Азіи; онъ отправился поэтому въ европейскую Грецію, захвативъ съ собою первую географическую карту, упоминаемую въ исторіи,—именно, мѣдную доску, на которой Гекатъ изъ Милета нанесъ очертанія формъ извѣстнаго въ тѣ времена міра. Вооруженный этимъ стратегическимъ документомъ, Аристагоръ пытался доказать «пастырямъ народовъ», что пришло время, когда необходимо оставить мелкія внутреннія войны, карательныя экспедиціи и разбойничьи набѣги отдѣльныхъ городовъ, и что слѣдуетъ всѣмъ сообща ударить на главнѣйшаго врага, царя Мидіи и Персіи, по возможности даже напасть на него въ его собственной столицѣ, далекой Сузѣ. Спартанцы, бывшіе болѣе аристократами, чѣмъ патріотами, отказали въ своей помощи, тогда какъ аѳинскій народъ, которому особенно сильно грозила опасность подвергнуться мщенію со стороны Гиппія, сына Пизистрата, изгнаннаго въ Персію, сочувственно отнесся къ проекту

1) Геродотъ. «Исторія», гл. 37, 38.

Книдская сокровищница VI вѣка до Р. Хр. Раскопки въ Дельфахъ.

Аристагора. Къ сожалѣнію, они дѣйствовали слишкомъ вяло, безъ достаточной энергіи, каковую должно проявлять при столь крайней опасности.

Колоссальная волна персидскаго нашествія хлынула на греческую Азію: городъ за городомъ, островъ за островомъ завоевывались и покорялись персидскими сатрапами. Аѳины оставались чуть не единственнымъ незавоеваннымъ городомъ, и Дарій, какъ гласитъ легенда, пустилъ изъ своего лука стрѣлу въ облака, чтобы Ормуздъ былъ свидѣтелемъ его клятвы отмстить аѳинянамъ. И, несмотря на это, могущественная армія

его разбилась о ряды аѳинянъ въ долинѣ Мараѳона. Въ теченіе 10 лѣтъ скоплялись противъ маленькой Греціи величайшія военныя силы, какихъ никогда не собиралось на побережьи Эгейскаго моря; земля сплошь была покрыта воинами, разсказываютъ, что было собрано милліонъ, даже два милліона солдатъ, точно также и море было усѣяно кораблями; устрашенные народы, при одномъ появленіи персидскаго войска, подчинялись безъ сопротивленія. Казалось, аѳинянамъ оставалось только покинуть свой городъ, предоставить варварамъ на разграбленіе свои жилища и храмы и дать возможность торжествующему Ксерксу воздвигнуть свой тронъ на берегу моря и любоваться уничтоженіемъ флота, на которомъ спасались бы оставшіеся въ живыхъ мятежники. Аѳиняне, однако, сохранили довѣріе къ самимъ себѣ, сохранили и увѣренность въ томъ, что они умнѣе и развитѣе, какъ они это доказали персамъ уже въ проливѣ подъ Саламиномъ. Какъ на землѣ, такъ и на морѣ, при Платеѣ, при Микале, персы были либо оттѣснены, либо обращены въ бѣгство. Народы твердо вѣровали, однако, въ то, что самими богами, самимъ провидѣніемъ была положена рѣзкая грань между Азіей и Европой,—грань, которую боялись переступить какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Основываясь на этомъ, аѳинскіе послы, подговоренные къ тому Кимономъ, условились съ преемникомъ Ксеркса, что съ этого времени они не будутъ нападать на имперію персовъ, если персидскій царь, съ своей стороны, обѣщаетъ не вводить своихъ кораблей въ Эгейское море и будетъ держать свои сухопутныя арміи не менѣе какъ въ трехдневномъ пути отъ морского побережья [1]).

Впрочемъ, послѣдовавшія затѣмъ событія не заставили персовъ окончательно забыть тѣ пораженія, которыя они претерпѣли въ водахъ Саламина и въ долинахъ Платеи и Мараѳона. Намъ, представителямъ запада, кажется, благодаря извѣстному оптическому обману, что Мараѳонъ и другія битвы были рѣшающими моментами, когда свободный духъ Европы одержалъ окончательную побѣду надъ духомъ рабства и угнетенія, царившимъ среди подданныхъ «великаго царя». На самомъ дѣлѣ, эти замѣчательныя сраженія были не болѣе какъ простыми эпизодами вѣковой, даже тысячелѣтней борьбы, вполнѣ сходной съ тою, которая въ другое время велась изъ-за Трои! Борьба эта продолжалась и позднѣе, но уже не съ тѣмъ, чтобы предоставить новую побѣду свободѣ,—македонскій покоритель востока сдѣлался самъ представителемъ восточной культуры и проявлялъ такой же произволъ и гнетъ по отношенію къ покореннымъ народамъ, какъ Восточные тираны. Тѣмъ не менѣе, греческія побѣды слѣдуетъ считать событіями чрезвычайной важности,—событіями, сложившимися въ высшей степени благопріятно,—въ сраже-

---

1) L. von Ranke. «Weltgeschichte», I, 1, p. 254 ss.

ніяхъ съ персами одержали верхъ представители свободной человѣческой воли и свободной личной иниціативы, и были поражены народныя

№ 169. Фокея и Смирнскій заливъ.

Смирна, быть-можетъ, избѣгнетъ участи исчезнувшаго съ лица земли Милета. Отклоненіе въ сторону устья Гермоса, наносы котораго угрожаютъ затруднить подступы къ городу, явленіе совершенно недавняго происхожденія.

массы, не обладавшія ни мыслью, ни волею. Исполненные радости побѣды, греки сознали свою національную индивидуальность, сознали также и соединяющія ихъ родственныя связи по языку, нравамъ и

культурѣ; при этомъ Аѳины стремились, однако, приписать себѣ самую значительную часть общей славы,—будто они одержали побѣду совершенно одни, и будто не было подвиговъ эгинцевъ при Саламинѣ и спартанцевъ при Платеѣ. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ они только и говорили, что о сраженіи при Мараѳонѣ, они не забыли о немъ даже и тогда, когда городъ ихъ былъ захваченъ врагами,—такъ, по замѣчанію Бейле, аѳинскіе риторы рѣшались и передъ римляниномъ Силлой хвалиться побѣдами Мильтіада и битвою при Кинегирѣ.

Во всякомъ случаѣ, гордое сознаніе побѣды, одержанной при столь тяжелыхъ условіяхъ и противъ непріятеля столь могущественнаго, придало грекамъ и въ особенности аѳинянамъ чрезвычайную увѣренность въ себѣ. Каждый изъ воиновъ, сражавшихся при Мараѳонѣ или при Саламинѣ, сознавалъ свое человѣческое достоинство и, вернувшись въ городъ, требовалъ къ себѣ съ того времени всеобщаго уваженія. Потомкамъ аристократическихъ родовъ пришлось считаться съ людьми низшихъ слоевъ и болѣе скромнаго происхожденія, сражавшимися на ряду съ ними. Въ силу этого, установилось большее равенство между гражданами даже и съ чисто-матеріальной точки зрѣнія,—аристократы-собственники потеряли значительную часть своихъ доходовъ съ земель, благодаря постояннымъ войнамъ, тогда какъ воины низшихъ сословій, сражавшіеся вмѣстѣ съ ними, стали богаче, благодаря участію въ дѣлежѣ военной добычи. Даже и наиболѣе высокопоставленныя личности, въ родѣ хотя бы Аристида, должны были уступить этому давленію аѳинскаго народа снизу и были принуждены значительно сузить обычныя прерогативы высшихъ классовъ. По предложенію Аристида, тѣ препоны, которыя не дозволяли большей части гражданъ занимать высшія должности въ государствѣ, были уничтожены; всѣ избиратели получили возможность быть избираемыми,—форма управленія аѳинскимъ государствомъ утратила совершенно свой аристократическій характеръ и сдѣлалась демократической.

Это была величайшая эпоха въ исторіи Греціи. Аѳины, обогатившіяся путемъ торговли и путемъ взиманія дани, дѣлаются роскошнѣйшимъ городомъ, украшеннымъ чудными храмами, театрами и статуями. Около этого времени построенъ Парѳенонъ и воздвигнуты Пропилеи; около этого времени Фидій и другіе знаменитые скульпторы высѣкаютъ изъ прекраснаго мрамора Аттики и сосѣднихъ острововъ тѣ замѣчательныя созданія искусства, воспроизводящія формы человѣка и животныхъ, которыя и до нашего времени остались истинными образцами высшей красоты. Греческій художникъ, свободный отъ религіозныхъ предразсудковъ и всецѣло увлеченный дивной пропорціальностью и пластичностью собственнаго тѣла, стремится воплотить его въ мраморѣ во всей его граціи и красотѣ благородной наготы; онъ дости-

гаетъ при этомъ полнаго освобожденія своего творческаго духа,—созданіе его не имѣетъ уже болѣе той неподвижности и холодности, какою отличались первыя изображенія, вырѣзанныя изъ дерева. Одежды не спускаются уже болѣе длинными, массивными складками, привязанными къ тѣлу, волоса не прилегаютъ плотно параллельными завитками, но развѣваются по воздуху, уста не слагаются въ блаженную улыбку, а дышатъ жизнью,—вся фигура получаетъ отпечатокъ благородства и одухотворенности, сказывающейся какъ въ позѣ ея, такъ и въ отдѣльныхъ мелкихъ черточкахъ. Греческій художникъ позналъ въ совершенствѣ свою собственную природу,—онъ воплотилъ ее въ фигурахъ Зевса и Аѳины-Паллады и облекъ ее въ формы недосягаемой красоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и греческая мысль облеклась въ богатыя и звучныя литературныя формы,—никогда литература не достигала такого расцвѣта, такого блеска и развитія. Эсхилъ принималъ самъ участіе въ великой персидской войнѣ. Пиндаръ воспѣлъ ее; Софоклъ еще юношей шелъ во главѣ хора, встрѣчавшаго побѣдителей при Саламинѣ, а въ теченіе жизни слѣдующаго поколѣнія Геродотъ написалъ свою замѣчательную «Исторію». Множество и другихъ поэтовъ, историковъ и драматурговъ слѣдовало вереницей, появляясь въ самыхъ различныхъ частяхъ эллинскаго міра.

Наксійскій сфинксъ и Іоническая капитель колонны. Раскопки въ Дельфахъ, VI вѣкъ до Р. Хр.

Впрочемъ, періодъ побѣдоносной гегемоніи Аѳинъ продолжался недолго. Внутреннія несогласія, прекратившіяся отчасти въ виду общей опасности, начались снова, когда персовъ не приходилось уже болѣе бояться. Къ тому же аѳинскимъ гражданамъ больше и нечего было дѣлать, какъ попусту спорить между собою и заниматься ссорами. Дѣйствительно, богатства, добытыя торговлей и эксплуатаціей союзниковъ при помощи податей, притекали въ Аѳины въ такомъ количествѣ, что государство само по себѣ сдѣлалось паразитомъ. Аристидъ, пользовавшійся еще наибольшимъ вліяніемъ, совѣтовалъ аѳинянамъ стать во главѣ іонической Греціи и жить за счетъ конфедераціи. Онъ пригласилъ сельскихъ жителей переселиться въ городъ, гдѣ имъ открывалась возможность жить вполнѣ безбѣдно; точно также онъ пригласилъ въ городъ и воиновъ и служащихъ всякаго рода. Аѳинскій народъ охотно пошелъ навстрѣчу этому предложенію, и, какъ сообщаетъ Аристотель въ своей «Аѳинской республикѣ», большинство народа, болѣе 20000 гражданъ, не считая рабовъ, жило за счетъ національнаго бюджета. Такой паразитизмъ, постоянно, впрочемъ, примѣняющійся побѣдителями за счеть побѣжденныхъ, но никогда не принимавшій въ другихъ условіяхъ такого нормированнаго и закономъ утвержденнаго характера, долженъ былъ вызвать, конечно, большое неудовольствіе со стороны союзниковъ, сдѣлавшихся данниками и лишившихся своего собственнаго свободнаго государственнаго устрой-

Áресъ, богъ войны, извѣстный подъ названіемъ Марса Боргезскаго.
Эпоха расцвѣта греческой скульптуры.

ства: одни лишь обитатели острововъ Лесбоса, Хіоса и Самоса, лежащихъ по сосѣдству съ Азіей, сохранили свою свободу, такъ какъ являлись передовыми караульными постами, выдвинутыми противъ персовъ. Положительно заслуживаетъ даже удивленія, что государство, превращенное такимъ образомъ въ колоссальное скопленіе чиновниковъ, сохранило въ себѣ все же еще столько моральныхъ силъ, что не надѣлало особенно много ошибокъ во внутренней политикѣ и проявило мало поползновеній, направленныхъ противъ своихъ сосѣдей. Однако, и тѣ промахи, которые были совершены, были вполнѣ достаточны для того, чтобы во всѣхъ частяхъ вассальной Греціи начались революціонныя движенія и войны. Конечно, аѳиняне были бы тысячу разъ болѣе правы, если бы изгнали Аристида не изъ-за того, что онъ имъ надоѣлъ, и что имъ хотѣлось чего нибудь новаго, а съ цѣлью наказать его за то, что онъ увлекъ народъ и соблазнилъ его жить за счетъ даровыхъ доходовъ и заниматься суетной и пустословной политикой вмѣсто того, чтобы добывать свой хлѣбъ насущный ежедневнымъ трудомъ.

Аполлонъ Савроктонъ («убивающій ящерицу»).
Статуя Праксителя.

Другое чрезвычайно важное обстоятельство заключалось въ высокомъ развитіи въ Аѳинахъ промышленности,—явленіе это можетъ быть

сравнено съ тѣмъ, какое наблюдается въ цивилизованномъ мірѣ въ нынѣшнія времена, но, конечно, теперь оно сказывается въ еще болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Возникновеніе фабричнаго производства имѣло своимъ послѣдствіемъ быстрое развитіе рабства, не такого семейнаго рабства, какъ существовавшее въ теченіе земледѣльческаго періода греческой исторіи, но рабства, которое не считается вовсе съ интересами даннаго индивида и подчиняетъ его совершенно велѣніямъ господина. Фабриканты набирали людей, необходимыхъ имъ для работы, просто путемъ покупки, и въ торговыхъ городахъ возникли цѣлые обширные рынки рабовъ. Островъ Хіосъ, какъ сообщаютъ древніе авторы, былъ первой эллинской общиной, которая сдѣлала своей спеціальностью торговлю людьми, и наибольшее количество рабовъ направлялось въ Коринѳъ, Аѳины, Эгину, Сиракузы,—все города, которые были въ то же время и крупнѣйшими центрами промышленности. Тщетно старались нѣкоторые граждане, какъ, напримѣръ, Періандръ въ Коринѳѣ, протестовать и противодѣйствовать ввозу рабовъ,—промышленные классы были слишкомъ могущественны [1]).

Вскорѣ возобновилась борьба между Спартою и Аттикою, затѣмъ моровая язва, занесенная кораблями изъ Египта, истребила бо̀льшую часть населенія сѣверной Греціи. Перевороты, слѣдовавшіе одинъ за другимъ во внутренней политической жизни Аѳинъ [2]), войны, революціи и контръ-революціи, несчастные военные походы, захватъ власти тиранами и народныя возстанія, казни и убійства продолжали опустошать населеніе греческихъ городовъ не только въ самой Греціи, но и въ Малой Азіи и въ Сициліи, тогда какъ на сѣверѣ постепенно разросталось и увеличивалось македонское царство, подготовлявшееся втихомолку къ завоеванію ослабѣвшихъ греческихъ республикъ. Иногда, впрочемъ, предпринимались очень благородныя попытки помирить окончательно всѣхъ эллиновъ, возстановить всѣ великія и малыя республики и объединить ихъ въ одну обширную федерацію. Честь такой попытки принадлежитъ беотійцамъ, пришедшимъ въ Грецію позднѣе аѳинянъ и спартанцевъ, и съ предпріятіемъ этимъ связано имя Эпаминонда. Завоевавъ уваженіе всѣхъ народовъ Греціи своими счастливыми походами въ самое сердце Пелопонеза, беотійцы возстановили автономію аркадійцевъ и мессенцевъ, находившихся столь долгое время въ рабствѣ. Однако, обѣднѣвшая уже вслѣдствіе стольких внутреннихъ войнъ Греція не имѣла болѣе достаточно силы, чтобы отразить новое вторженіе народовъ, пришедшихъ съ сѣвера.

Полтора вѣка спустя, послѣ персидскихъ войнъ, Филиппъ Маке-

---

1) Ed. Meyer. «Die Sklaverei im Altertum». 2) Аристотель. «Аѳинская республика», гл. XVI, § 41.

Дорическая колоннада храма Геліоса въ Коринѳѣ. VII вѣкъ до Р. Хр.

донскій, къ которому аѳиняне относились почти съ презрѣніемъ, какъ къ варвару, но который на самомъ дѣлѣ вполнѣ равнялся съ ними по развитію и превосходилъ ихъ даже въ военномъ искусствѣ, почувствовалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы пройти ѳермопильскимъ ущельемъ; онъ рискнулъ направиться въ тѣ самые проходы, которые оказались столь фатальными для Дарія, и благодаря своей сомкнутой

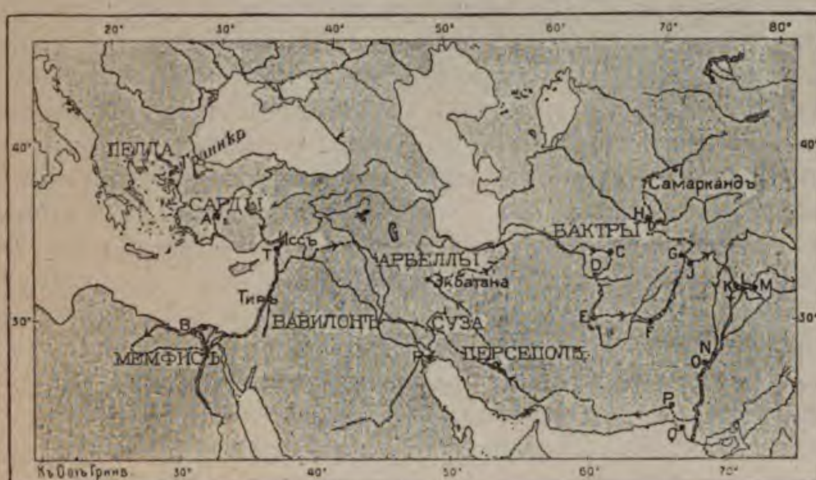
фалангѣ одержалъ побѣду надъ менѣе дисциплинированными войсками Ѳивъ и Аѳинъ. Иначе говоря, это была отплата за персидскія пораженія, и можно сказать, что въ извѣстной степени даже ироніей было предложеніе Филиппа, сдѣланное грекамъ, чтобы ихъ утѣшить въ ихъ пораженіи,—предложеніе помочь ему въ его военномъ походѣ противъ Азіи. Они отвѣтили ему, впрочемъ, на его призывъ полнымъ недоброжелательствомъ и предпочли лучше оставаться свободными гражданами, чѣмъ идти въ подчиненіе къ завоевателю; сыну Филиппа, Александру, пришлось снова начать завоеваніе Греціи: разрушеніемъ Ѳивъ, умерщвленіемъ и продажей въ рабство защитниковъ этого города отпраздновалъ Александръ Македонскій свое восшествіе на престолъ.

Военныя завоеванія Александра въ предѣлахъ обширной Персидской имперіи, обнимавшей собою почти весь извѣстный въ тѣ времена міръ, могли бы показаться необъяснимымъ чудомъ, если бы большинство народностей, подчиненныхъ великому царю, образовывали дѣйствительно одно цѣлое; на самомъ дѣлѣ, однако, обширная подвластная персидскимъ царямъ имперія была населена народами, чрезвычайно различными по своему языку, по нравамъ и по своимъ интересамъ,—всѣ они были въ отдѣльности слишкомъ слабы, слишкомъ испорчены рабствомъ, чтобы отвоевывать своими руками собственную свободу,—наконецъ, слишкомъ индифферентны къ судьбѣ своего повелителя, чтобы защищать его отъ чужеземныхъ враговъ. Вслѣдствіе этого македоняне могли совершенно свободно перейти на территорію Персидской имперіи,—они встрѣчали своими противниками лишь войска персидскаго царя, а отнюдь не цѣлые народы. Персы обладали большимъ преимуществомъ въ численности своихъ войскъ, тогда какъ солдаты Александра Великаго превосходили ихъ зато въ знаніи военнаго искусства. Побѣдители хотя и были эллинизированы, но являлись все же представителями эллинскаго міра, такъ какъ собранные въ Коринѳѣ греки объявили войну Персіи и избрали своимъ предводителемъ македонскаго царя противъ своего собственнаго желанія, подъ давленіемъ силы и принужденія. Въ битвѣ при Граникѣ Александръ встрѣтилъ въ числѣ своихъ противниковъ даже гораздо большее количество грековъ, чѣмъ то, которое было въ его собственныхъ войскахъ; въ арміи персовъ многія тысячи воиновъ, говорящихъ на греческомъ языкѣ, служили не въ качествѣ наемниковъ, а исключительно изъ духа мщенія противъ угнетателя ихъ собственной страны.

Со своей стороны, Александръ Македонскій не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ тѣмъ, что былъ первымъ среди грековъ. Сознавая, что, несмотря на все, онъ принадлежитъ къ міру варваровъ, и, движимый вполнѣ естественнымъ для такого выскочки тщеславіемъ, онъ заставилъ прославлять себя какъ наслѣдника Ахеменидовъ, занялъ ихъ мѣсто, сдѣлался, въ свою очередь, «царемъ царей», пристегнулъ къ сво-

ему имени всѣ титулы, которыми чванился Дарій, избралъ своими резиденціями Вавилонъ и Сузу и пожелалъ захватить всѣ страны, которыя находились ранѣе во власти царей Мидіи и Персіи,—ему понадобились Финикія, Египетъ со своими оазисами, Иранъ, Бактріана и Согдіана, Арахозія, Гедрозія и Индія. Однако, въ бассейнѣ Инда онъ прину-

№ 170. Имперія Александра Великаго.

1: 50000000

0 1000 2000 3000 килом.

A. Аполлонія въ Пизидіи.
B. Александрія Египетская.
C. Александрія, пока не найденная.
D. Александрія Арійская. Гератъ.
E. Профтазія, пока не найденная.
F. Александрія Арахозіи, Кандагаръ.
G. Александрія Паропамиза, Херинанъ въ 15 килом. къ западу отъ Кабула.
H. Александрія Оксіанская, по другимъ авторамъ—Сатирораи или Карши.
I. Александрія Дальняя, Ходжентъ, по другимъ авторамъ—Магинанъ.
J. Никея («побѣда»), деревня близъ Кабула.
K. Буцефалія, на берегу р. Гидаспа (Джилумъ), названная по имени коня Александра Великаго, который тамъ былъ убитъ. На противоположномъ берегу находится—L. Никея, вѣроятно Удинагуръ.
M. Александрія Индійская, пока не найдена.
N. Александрія, Вэ или Милханъ.
O. Александрія Сорійская, близъ Кастинура.
P. Александрія, Рамбакія.
Q. Александрія Эстуарія, Сангада.
R. Александрія Сузіанская, Шараксъ.
S. Александрія Троады, называвшаяся также Антигоніей,—въ настоящее время Эски-Стамбулъ.
T. Александрія близъ Исса, на мѣстѣ финикійской колоніи Миріанда, теперь Искандерумъ или Александретта.

жденъ былъ остановиться на тѣхъ же предѣлахъ, которые были ранѣе границами иранскихъ завоевателей, — ему пришлось, подобно имъ, отступить передъ дальнѣйшими завоеваніями.

Александръ управлялъ покоренными имъ народами всѣхъ расъ и нарѣчій не въ качествѣ предводителя грековъ, Ахилла, съ которымъ онъ любилъ себя сравнивать въ молодости, но въ качествѣ настоящаго азіатскаго деспота. Даже болѣе, онъ при жизни заставилъ возвести себя

въ боги и притомъ въ качествѣ божества получилъ мѣсто не на греческомъ Олимпѣ,—онъ сдѣлался богомъ согласно чужеземнымъ, варварскимъ обрядностямъ. Онъ хвалился, что отецъ его не Филиппъ, гибели котораго онъ, можетъ-быть, даже содѣйствовалъ, а Змѣй, богъ земли [1]), въ Египтѣ же онъ торжественно объявилъ себя потомкомъ двурогаго Аммона. Самъ онъ такъ былъ увѣренъ въ этомъ и настолько заставилъ увѣровать и всѣ народы въ свое божественное происхожденіе, что и до нашихъ дней онъ извѣстенъ въ Азіи какъ «Сикандаръ Двурогій».

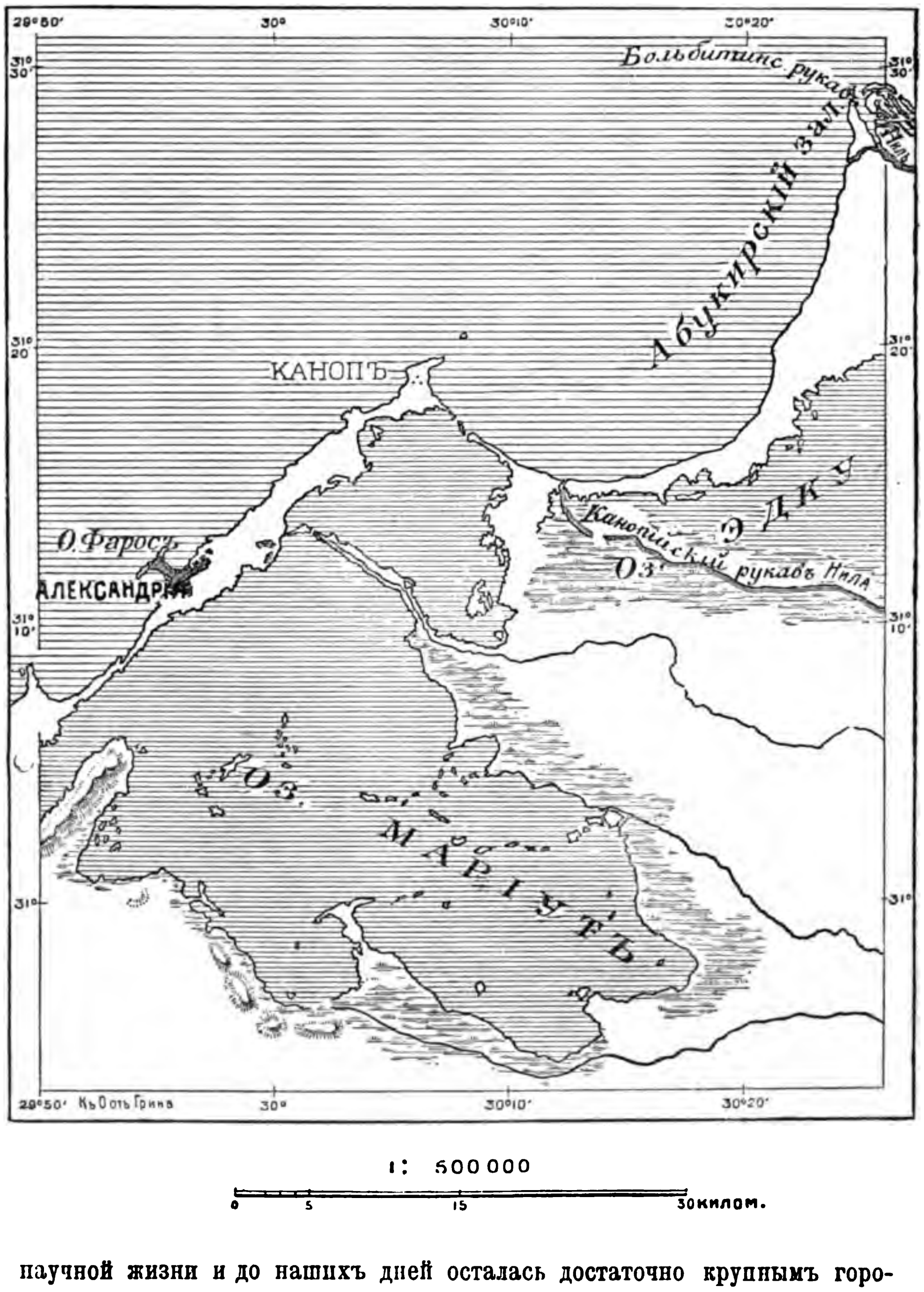
Несмотря на то, что Александръ примѣнилъ къ Греціи насиліе и не являлся вовсе носителемъ эллинскаго генія, завоевавшаго весь извѣстный въ тѣ времена міръ, ему сопутствовало все же столько просвѣщенныхъ людей Греціи, и чрезъ нихъ восточныя страны восприняли столь многое отъ небольшихъ республикъ Эллады, что вліяніе послѣдней чрезвычайно сильно сказалось на всей Азіи, которая была ранѣе почти ограждена отъ такого вліянія,—эллинскія идеи и воззрѣнія столкнулись здѣсь съ таковыми иранцевъ и индусовъ и различнѣйшимъ образомъ смѣшались съ ними. Завоеванія Александра Великаго составили одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ эволюціи всемірной исторіи. Сознательное человѣчество въ теченіе немногихъ лѣтъ чрезвычайно возросло, болѣе чѣмъ удвоилось; мало-по-малу, путемъ передачи легендъ и преданій, въ самой серединѣ Азіи произошло постепенно тѣсное соприкосновеніе между представителями средиземноморскихъ народовъ и таковыми крайняго Востока. Вполнѣ понятно, что эта эпоха внутренняго броженія была одною изъ величайшихъ эпохъ въ жизни человѣчества. Въ легендахъ Азіи имена Александра, Рустема и Зороастра причудливѣйшимъ образомъ переплетаются съ именами Соломона, Магомета и другихъ болѣе современныхъ историческихъ личностей.

Македонскій завоеватель возводилъ памятники въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ ему удавалось одерживать побѣды; онъ основывалъ также города въ мѣстностяхъ, обладающихъ по самой природѣ своей торговымъ или стратегическимъ значеніемъ, вслѣдствіе схожденія міровыхъ путей, морскихъ и сухопутныхъ. Въ выборѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстностей хотѣли видѣть доказательство его геніальности, — на самомъ же дѣлѣ пункты, гдѣ основывались тѣ или другія «Александріи», намѣчались вовсе не имъ, а самою силою вещей, и были результатомъ неизбѣжной исторической эволюціи. Нѣкоторыя изъ этихъ Александрій исчезли, такъ какъ были построены не на мѣстахъ, предначертанныхъ природою: такъ, не существуетъ болѣе вовсе Александрія Индійская, и тщетны оказываются даже попытки найти слѣды ея, тогда какъ знаменитая Александрія Египетская сдѣлалась позднѣе одною изъ столицъ міра, была даже въ те-

1) Michelet. «La Bible de l'Humanité».

ченіе долгаго времени наиболѣе важнымъ и дѣятельнымъ центромъ

№ 171. Александрія Египетская и рукавъ Нила.

научной жизни и до нашихъ дней осталась достаточно крупнымъ горо-

домъ. Это зависѣло, конечно, отъ того, что естественное положеніе ея было чрезвычайно неважно въ смыслѣ міровой торговли: даже еще во времена, предшествовавшія историческимъ, Гомеръ, воспроизводя слова мореходовъ, упоминаетъ о бухтѣ, защищенной островомъ Фаросомъ. Въ этой мѣстности мы встрѣчаемъ, дѣйствительно, одну изъ лучшихъ естественныхъ гаваней въ мірѣ, — она располагается на западной окраинѣ того изогнутаго дугою побережья, которое прорѣзано рукавами Нила и тянется до береговъ Сиріи. Гавань эту оборудовали затѣмъ безъ большого труда молами и пристанями инженеры, бывшіе въ свитѣ Александра, и позднѣе—строители преемниковъ македонскаго завоевателя, Птоломеевъ; она находилась вблизи Канопійскаго протока Нила и обладала всѣми преимуществами рѣчного и морского порта. Повидимому, основанъ этотъ городъ былъ по совѣту грековъ, обитателей города Навкратиды, которымъ представлялось чрезвычайно важнымъ получить крупный морской портъ по сосѣдству съ тѣмъ рукавомъ Нила, на которомъ стоялъ ихъ собственный городъ. Впрочемъ, Александрія, возникшая далѣе къ востоку, близъ превосходнаго Абукирскаго рейда, представляла совершенно такія же преимущества какъ въ смыслѣ торговли, такъ и въ смыслѣ судоходства [1]).

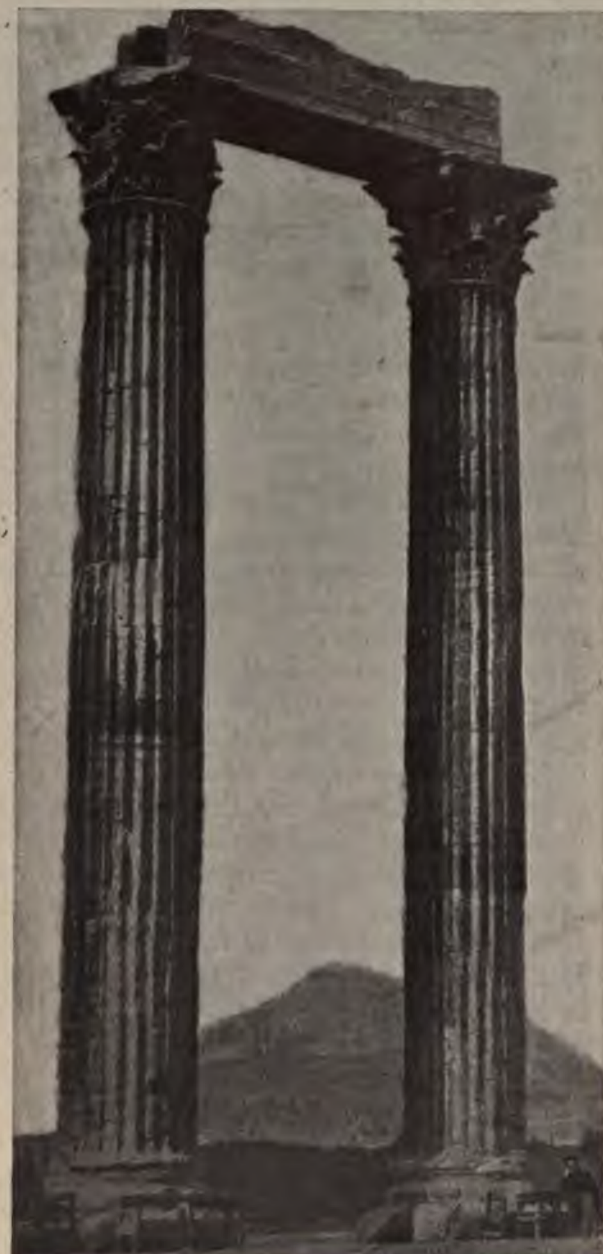
Послѣ смерти Александра Великаго разъединившіеся обрывки колоссальной завоеванной имъ имперіи, равно какъ и основанные имъ города, претерпѣли самую различную судьбу, и Греція была увлечена въ водоворотъ революцій и войнъ, которыми были охвачены новообразовавшіяся царства, старавшіяся возстановить свое прежнее положеніе согласно со своими традиціями, со своей религіей и со своимъ этнографическимъ составомъ; положеніе сдѣлалось тѣмъ болѣе серьезнымъ, что головокружительное завоеваніе всего извѣстнаго міра и внезапное появленіе на аренѣ исторіи Индіи совершенно свели съ ума всѣхъ честолюбцевъ и авантюристовъ, вызвали въ каждомъ городѣ появленіе подражателей Александру Великому.

Другая значительная опасность проистекала отъ того, что цѣлый золотой потокъ вылился на Грецію и въ результатѣ вызвалъ фатальное неравенство въ распредѣленіи богатствъ,—въ однѣхъ рукахъ скопились колоссальныя суммы, тогда какъ народныя массы соотвѣтственно обѣднѣли. Тѣ бѣдствія, которыя послѣдовали за обогащеніемъ Аѳинъ въ эпоху Перикла, усилились еще болѣе значительно. Демосѳенъ говорилъ съ полной справедливостью, что «богатые скупили всѣ земли, тогда какъ на ряду съ ними множество гражданъ не было обезпечено даже въ завтрашнемъ днѣ» [2]). Однако, еще бóльшимъ несчастьемъ для Греціи

1) J. P. Mahaffy. «The Empire of the Ptolemies», p. 11. — 2) «Troisième Olynthienne , § 24 ss.

было то, что Александръ Великій захватилъ чудовищныя богатства, накопленныя персидскими царями: огромное количество слитковъ золота, соотвѣтствующее приблизительно по цѣнѣ 2 милліардамъ франковъ, было обращено греками въ монету, скопилось въ рукахъ богатыхъ и въ конецъ испортило греческую народность [1]). Это былъ экономическій переворотъ, который можно сравнить съ происшедшимъ 18 вѣковъ спустя, когда испанскіе короли завладѣли колоссальными богатствами Новаго Свѣта, стекавшимися къ нимъ на тяжело нагруженныхъ галерахъ. Таковъ былъ неизбѣжный конецъ экономической эволюціи, характеризующейся словами, вошедшими въ пословицу: «Χρῆματ' ἀνήρ», — «деньги дѣлаютъ человѣка»!

Бѣдность народныхъ массъ въ сравненіи съ богатствомъ нѣкоторыхъ избранниковъ и тягость жизни, лишенной свободы, вызывали всеобщее разочарованіе въ жизни, которое, какъ разсказываетъ Полибій, про-

Аѳины. Коринѳскія колонны храма Зевса Панэлленіона, II вѣка до Р. Хр.

1) Louis Theureau. Revue Scientifique, 1897, II, p. 520.

являлось въ томъ, что люди избѣгали вступать въ бракъ и по собственному желанію ограничивали число своихъ дѣтей. Страна постепенно лишалась своего населенія даже въ теченіе тѣхъ періодовъ, когда не было ни войнъ, ни эпидемическихъ болѣзней. «Люди, а вовсе не боги были въ томъ единственными виновниками, такъ какъ люди отказывались вступать въ бракъ, или если и вступали, то не растили своихъ дѣтей, за исключеніемъ одного или двухъ, которые должны были послѣ смерти родителей унаслѣдовать все ихъ состояніе». Всякій упадокъ выражается такими же точно симптомами. Тѣмъ не менѣе, могущественная жизненная сила, породившая греческую цивилизацію, была еще отнюдь не исчерпана, и во многихъ случаяхъ дала превосходные плоды еще до того, какъ на Грецію наложилъ свою суровую руку побѣдоносный Римъ. Нерѣдко случается, что въ организмахъ, физически ослабленныхъ, мысль получаетъ наибольшую остроту, наисильнѣйшую способность проникновенія. Такъ и въ этомъ случаѣ, между небольшими греческими республиками являлись попытки образовывать союзы съ самымъ искреннимъ желаніемъ уважать свободу отдѣльныхъ государствъ и не давать ни одному изъ нихъ какихъ-либо преимуществъ за счетъ другихъ. Никогда греки не сближались такъ тѣсно между собой въ настоящія конфедераціи, какъ во время существованія Ахейскаго союза. Союзъ этотъ былъ основанъ на Пелопонезѣ потомками, главнымъ образомъ, тѣхъ грековъ, которые тысячи лѣтъ тому назадъ, еще до появленія Спарты и Аѳинъ, во время троянской войны, пользовались гегемоніей; центръ тяжести Эллады былъ перенесенъ этимъ союзомъ въ тотъ пунктъ страны, гдѣ онъ находился во времена, предшествовавшія великому дорійскому вторженію: старость народа вернула его снова въ то положеніе, какое онъ занималъ въ дѣтствѣ. Послѣдними греками были тѣ, которые ранѣе были первыми. «Конецъ Греціи напоминаетъ ея начало; Филопеменъ былъ аркадіецъ, т.-е. пелазгъ» [1]).

Однако, противъ этого превосходнаго по замыслу Ахейскаго союза, долженствовавшаго охватить весь греческій міръ и осуществить идею панэллинизма, были всѣ тиранны отдѣльныхъ городовъ, всѣ древнія аристократіи, надѣявшіяся удержать свою власть исключительно лишь въ союзѣ съ македонянами или съ другими завоевателями. Къ прежнимъ врагамъ присоединились вскорѣ враги еще болѣе опасные: міръ расширился, и по мѣрѣ того, какъ въ Греціи развивалась идея независимости, внѣшнія опасности становились все болѣе и болѣе значительными, возрастали въ еще болѣе быстрой пропорціи: Аѳины, достигшія самосознанія послѣ низверженія тиранновъ и послѣ побѣдъ надъ персами, управляются демократіей, но, послѣ своихъ притязаній

---

1) Michelet, «Histoire Romaine», pp. 60, 61.

№ 172. Этолія, Элида и Аркадія.

Первоначальныя земли ахеянъ были около 230 г. до Р. Хр. на сѣверо-западномъ склонѣ Эриманта; затѣмъ уже присоединилась Аркадія и позднѣе Элида съ остальною частью Пелопонеза.

на гегемонію, отказываются задавленными Спартою. Затѣмъ городъ, знаменитый своимъ Парѳенономъ, становится опять свободнымъ и достигаетъ расцвѣта, пользуясь несравненно бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ

Аѳины. Парѳенонъ.

всѣ другіе города, но его покоряетъ македонскій завоеватель. Наконецъ, образуется свободная федерація въ видѣ дѣйствительно народной организаціи, въ какую вылился Ахейскій союзъ, но въ это же время на Иллирійскомъ полуостровѣ появляются римляне.

Противъ этой новой опасности нужны были новыя силы, но завоеватели умѣли воспользоваться греками противъ грековъ, умѣли возстановить Этолійскій союзъ противъ союза Ахейскаго. Надо сказать, къ тому же, что этолійцы, пришедшіе въ тѣсное соприкосновеніе съ другими эллинами, до того жили почти внѣ вліянія народностей одинаковаго съ ними происхожденія. Они были пастухами, дѣлились большею частью на мелкія государства, повинующіяся военачальникамъ, и находились, въ общемъ, на болѣе низкой стадіи культуры, чѣмъ другіе греки, обитавшіе на склонахъ къ Эгейскому морю. У этолійцевъ установился довольно странный обычай, почти имѣвшій силу закона. Если какія-нибудь двѣ народности объявляли одна другой войну, то этолійцы располагались лагеремъ по сосѣдству со сражающимися и послѣ битвы нападали на побѣжденныхъ и старались вырвать у побѣдителей возможно бо́льшую часть ихъ военной добычи,—они называли это «грабить у грабителя». Полибій разсказываетъ объ этолійскомъ пиратѣ

Фризъ Пареенона. Всадники, скачущіе въ галопъ.

Лисеархѣ, что онъ «въ порывѣ своего безумія» проявлялъ полное презрѣніе какъ къ людямъ, такъ и къ богамъ. Всюду, гдѣ онъ останавливался, онъ воздвигалъ два алтаря—одинъ Безбожію, другой—Несправедливости [1]); презрѣніе къ греческой религіи и ко всему, что грекамъ казалось дорогимъ и священнымъ, онъ сдѣлалъ своимъ культомъ. Такимъ образомъ, римляне очень удачно избрали своими союзниками этолійцевъ для завоеванія Греціи,—это не помѣшало имъ, однако, позднѣе обратиться противъ самихъ этолійцевъ, раздавить ихъ и лишить ихъ всякаго значенія.

Однако, до того, какъ драма была доведена до своего ужаснаго конца, надъ несчастной, осужденной на гибель, націей разыгралась настоящая иронія судьбы. Въ 196 г., три вѣка спустя послѣ Мараеонской битвы, герольдъ провозгласилъ при огромномъ стеченіи народа, пришедшаго на Истмійскія игры у подножія Акрокоринеа, полную свободу всѣмъ грекамъ и осуществленіе братскаго союза всѣхъ греческихъ городовъ и государствъ подъ покровительствомъ римскихъ легіоновъ, призванныхъ съ этого времени къ поддержанію порядка и права. Весь

1) Bazin. Archives des Missions scientifiques et littéraires, 2-e série, t. I, p. 258.

собравшійся тамъ греческій народъ, охваченный той низкой угодливостью, какую чувствуютъ обыкновенно побѣжденныя толпы предъ своими побѣдителями, почиталъ за особое счастье получить эти кажущіяся блага и испускалъ такіе крики радости, что, какъ гласитъ преданіе, «птицы падали съ неба». Не прошло, однако, и полъ-столѣтія, какъ тамъ же явился консулъ Муммій, принесшій съ собою на этотъ разъ уже, вмѣсто красивыхъ фразъ, смерть и разрушеніе. Греція сдѣлалась не болѣе какъ римской провинціей, она сохранила за собой лишь имя Ахеи, дорого купленное въ послѣдней борьбѣ. Впрочемъ, за ней осталось и то безсмертное вліяніе, которое она пріобрѣла въ наукахъ, въ искусствахъ и во всемъ движеніи человѣческой мысли. Ѳукидидъ, жившій во времена ужасныхъ событій Пелопонезской войны, предугадалъ отчасти причины будущаго упадка Греціи и выразился о нихъ вполнѣ достойно аѳинскаго гражданина: «Если, дѣйствительно, когда-нибудь мы должны будемъ выродиться и погибнуть, такъ какъ все въ природѣ предназначено къ гибели, то, по крайней мѣрѣ, о насъ сохранится на вѣчныя времена воспоминаніе». Онъ могъ бы прибавить также—«и мы вѣчно будемъ служить примѣромъ».

Результатъ дѣятельности Греціи въ міровой исторіи сводится прежде всего къ тому, что она сконцентрировала и переработала въ себѣ всѣ элементы прогресса Египта и восточнаго міра, отъ Паропамиза до Кавказа. На протяженіи острововъ и полуострововъ Греціи, представлявшихъ собою не особенно обширное пространство, перерабатывались, какъ бы переплавлялись въ тиглѣ, миѳы и идеи, пріобрѣтенія промышленности, наконецъ, науки и искусства, возникшія въ теченіе столѣтій на всемъ протяженіи земель, населенныхъ самыми разнообразными народностями, различающимися между собой и по происхожденію, и по образу мыслей,—хамитами и семитами, арійцами и туранцами. Мелкія племена предковъ эллиновъ находились еще въ состояніи первобытнаго варварства, когда Египетъ и Халдея высѣкали уже колоссальныя статуи, вырѣзали священныя надписи и возводили величественные храмы; но, распространяясь по направленію къ западу, обѣ эти великія цивилизаціи должны были между собою столкнуться на берегахъ Финикіи, и корабли этого торговаго народа, служившіе для распространенія величайшаго сокровища, найденнаго человѣкомъ,—именно книги,—неизбѣжно должны были прежде всего останавливаться у острововъ и полуострововъ эллинскаго міра. Тамъ восточные мореплаватели встрѣчали колонистовъ изъ другихъ странъ, съ береговъ Малой Азіи и Чернаго моря: мало-по-малу, путемъ преданій и сказокъ, переходившихъ отъ одной народности къ другой по торговымъ путямъ, Греція получила и пустила въ ходъ всю сокровищницу знаній, прі-

обрѣтенныхъ народами окружающаго міра, отъ эѳіоповъ Верхняго Нила до скифовъ Борисѳена.

Всякая эволюція заключаетъ въ себѣ постоянно вмѣстѣ съ прогрессомъ и извѣстный элементъ регресса, и Греція не избѣжала дѣйствія этого закона. Не подлежитъ сомнѣнію, что эллины въ промышленности, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, оставались все же на стадіи гораздо болѣе низкой, чѣмъ та, которой достигли египтяне; по другую сторону міра китайцы, при своемъ совершенно независимомъ и самостоятельномъ развитіи, также превзошли ихъ очень значительно. Никакія произведенія грековъ не могутъ выдержать сравненія, напр., съ алебастровыми предметами, изготовленными египтянами временъ шестой династіи [1]). Среда и самый духъ народа, стоящій отъ нея въ зависимости, направилъ дѣятельность грековъ въ иную сторону—направилъ ее на выработку научныхъ знаній. Изобрѣтеніе первыхъ пособій, предназначенныхъ къ ближайшему выясненію природы земли, было одной изъ самыхъ великихъ побѣдъ человѣческаго ума, и эта побѣда принадлежитъ грекамъ, обитателямъ Милета, изготовившимъ впервые земной и небесный глобусы. Это свидѣтельствовало уже прежде всего если не о вполнѣ совершенномъ познаніи природы

Зеркало и флаконъ для духовъ

1) Ernest Renan. «Mélanges d'Histoire et de Voyages», p. 67.

земного шара и небеснаго свода, то, во всякомъ случаѣ, объ открытіи того основного факта, что земля представляетъ собою шаръ. Вращеніе земли вокругъ солнца также допускалось нѣкоторыми мыслителями, въ особенности Аристархомъ изъ Самоса, слѣдовавшимъ въ этомъ ученію Пиѳагора и его школы; говорятъ даже, что ему угрожало привлеченіе къ суду за оскорбленіе боговъ и за желаніе «перемѣстить внутренній центръ міра» [1]). Можно сказать даже болѣе: уже предчувствовались почти законы тяготѣнія, такъ какъ по гипотезамъ греческихъ ученыхъ луна не падаетъ, «благодаря самому своему движенію и быстротѣ своего вращенія; такъ, удерживаются, напр., метательные снаряды въ пращѣ сообщаемымъ имъ вращательнымъ движеніемъ». Наконецъ, греческіе ученые указывали даже на нелѣпость системы, согласно которой земля помѣщалась въ центрѣ мірозданія. «Міръ безконеченъ, утверждали они, потому земля не можетъ находиться въ серединѣ его [2])».

Въ созданіяхъ искусства слава грековъ основывается прежде всего на томъ удивительномъ чувствѣ мѣры и на глубокомъ пониманіи красоты формъ, которыя имъ свойственны, — въ этомъ ихъ никто еще не превзошелъ. Ни одно произведеніе греческой живописи не сохранилось до нашего времени, и мы не можемъ себѣ составить объ этомъ искусствѣ никакого представленія иначе, какъ развѣ по тѣмъ римскимъ и египетскимъ произведеніямъ, которыя возникли, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ греческаго искусства и были найдены подъ вулканическимъ пепломъ Помпеи и при раскопкахъ Хавары. Великолѣпныя скульптурныя произведенія, принадлежащія рѣзцу Мирона, Фидія, Скопаса, Праксителя, составляютъ и до сихъ поръ гордость нашихъ музеевъ, и въ присутствіи этихъ мраморныхъ боговъ чувствуешь, что они дѣйствительно представляютъ собою идеалъ человѣка, какъ его понимали греки, идеалъ, выражающійся въ совершенномъ равновѣсіи силы и граціи, благородства и красоты. Однако, самое это совершенство, съ которымъ греческіе художники умѣли вылить въ поразительно красивыя формы первичную идею величія, которая ранѣе была лишь грубо символизирована религіозными представленіями, это проникновенное уловленіе живой дѣйствительности, все это имѣло своимъ слѣдствіемъ, что въ теченіе долгихъ вѣковъ свободное развитіе искусства остановилось безъ движенія, такъ какъ у послѣдующихъ поколѣній осталось чувство полнаго своего безсилія. Долгое время лучшіе художники отчаивались достичь такого совершенства, растрачивали свои силы въ тщетныхъ стремленіяхъ къ подражанію, вмѣсто того, чтобы мужественно сдѣлать попытку къ отысканію новыхъ путей, соотвѣтствующихъ новымъ идеямъ. Совершенно подобно крупнымъ скульптурнымъ произведеніямъ и прелестныя терракотовыя фигурки Танагры и кувшины,

---

1) Plutarque. «Du Visae qui se voit dans le Disque de la Lune», 6.—2) Op. cit.

амфоры и вазы, найденныя въ греческихъ могилахъ и храмахъ, оставались образцами, вызывавшими лишь подражаніе и считавшимися такимъ совершенствомъ, съ которымъ нельзя и сравняться.

Вслѣдствіе общаго преклоненія предъ эллинскимъ міромъ, различные архитектурные стили классической Греціи воспроизводились подражателями самыхъ различныхъ странъ, подъ самыми различными широтами, притомъ нерѣдко оба главныхъ стиля, завѣщанныхъ намъ аѳинянами, не различались и смѣшивались Изъ этихъ стилей коринѳскій, съ капителями въ видѣ корзины листьевъ аканта, относится, собственно говоря, къ римской эпохѣ; что касается каріатидъ, то онѣ, хотя и соотвѣтствовали эллинскому вкусу, примѣнялись лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Второй, дорическій стиль, коренится въ стилѣ микенскомъ и получилъ свое названіе изъ-за господства дорійцевъ въ тѣхъ областяхъ Пелопонеза, гдѣ имѣлись наиболѣе древніе храмы, построенные въ этомъ стилѣ [1]), его можно считать чисто эллинскимъ, національнымъ по преимуществу. Непосредственно этотъ стиль

Терракотовая статуэтка изъ Танагры.

1) G. Perrot et Ch. Chipiez. «Histoire de l'Art dans l'Antiquité», t. VII pp. 348, 349.

ничѣмъ не связанъ съ Египтомъ; еще до того, какъ греки распространились въ долинѣ Нила, форма ихъ дорическихъ храмовъ вполнѣ уже сложилась. Открытіе доступа въ Египетъ греческимъ мореплавателямъ не могло имѣть никакого непосредственнаго вліянія на прогрессъ архитектуры страны,—Египетъ могъ влiять лишь косвенно и лишь въ самомъ общемъ смыслѣ, могъ оказывать вліяніе благодаря тому изумленію, которое вызывали у греческихъ путешественниковъ колоссальныя сооруженія обитателей береговъ Нила,—у греческихъ художниковъ должно было порождаться желаніе соперничества съ египтянами [1]). Дорическій храмъ, по существу, не что иное какъ «царскій домъ» временъ Гомера, окруженный колоннадой съ цѣлью придать ему особую величественность. Этотъ планъ постройки не заимствованъ изъ чужихъ странъ,—онъ является всецѣло порожденіемъ греческаго генія.

Что касается іоническаго искусства, возникшаго въ азіатской Греціи, то самое наименованіе его вполнѣ оправдывается съ исторической точки зрѣнія, такъ какъ именно іонійцы, обитавшіе въ Азіи, эллинизировали мѣстныя формы архитектурныхъ сооруженій. Эолійцы и въ особенности іонійцы побережья столкнулись тамъ съ финикіянами и обитателями острова Кипра; чрезъ Каппадокію и другія страны внутренней части Малой Азіи они соприкасались также съ Ассиріей и Персіей. Среди архитектурныхъ формъ, принадлежавшихъ уже Передней Азіи задолго до появленія іоническаго стиля, завитокъ чрезвычайно часто являлся элементомъ орнамента, и іоническіе строители заимствовали его, по всей вѣроятности, отъ своихъ предшественниковъ. Точно также и іоническая колонна вполнѣ напоминаетъ собою азіатскую своей несравненно бо̀льшей легкостью, бросающейся въ глаза при сопоставленіи съ колонной дорической: несмотря на то, что извѣстные намъ дворцы Персіи имѣютъ гораздо болѣе позднее происхожденіе, чѣмъ древнѣйшія сооруженія Іоніи, есть все же основаніе думать, что колонны ихъ, столь стройныя, по сравненію съ таковыми греческихъ стилей, выработались изъ колоннъ иранской архитектуры и воспроизводятъ формы архитектуры еще болѣе древней, напримѣръ, хотя бы Мазандеранской, въ которой кровля поддерживается не тяжелыми каменными столбами, а стволами деревьевъ. Именно этимъ вліяніемъ со стороны персидской архитектуры обязана іоническая колонна своей изящной формой, равно какъ и профилемъ своего основанія и многочисленными желобками на своей поверхности. Свое всемірное распространеніе, однако, колонна эта получила лишь благодаря аѳинянамъ, послѣ ихъ побѣдъ надъ персами; то же самое можно сказать и относительно дорическаго стиля, привязаннаго первоначально исключительно къ немногимъ зданіямъ, возведеннымъ народно-

1) Ibid. t. VII, pp. 654—667.

стями Пелопонеза въ Ѳивахъ и въ другихъ священныхъ мѣстахъ. Аѳины сдѣлались настоящей метрополіей всѣхъ грековъ, и туда устремилось столько ученыхъ архитекторовъ изъ всѣхъ областей Европы и эллинской

№ 173. Аѳины и Пирей.

A. Акрополь.
B. Ареопагъ.
C. Пниксъ, народное собраніе.
D. Холмъ музъ.
E. Кварталъ горшечниковъ.
F. Городъ римской эпохи.

1. Гавань Мунихія.
2. Гавань Зея.
3. Военная гавань, Кантаросъ.
4. Торговая гавань, Эмпоріонъ.
5. Афродизіонъ.
6. Гавань.

Аллеи Ликея напоминаютъ объ ученіи Аристотеля; рощи Академа—объ урокахъ Платона. Современныя Аѳины развиваются, главнымъ образомъ, въ своей сѣверной части.

Азіи, что аѳинское искусство завоевало себѣ полное господство во всей древней Греціи, въ Сициліи и въ Италіи; позднѣе оно переходило по наслѣдству отъ одного народа къ другому въ теченіе ряда вѣковъ.

Впрочемъ, кажущійся конецъ Греціи былъ не настоящимъ концомъ ея, и порабощеніе греческихъ республикъ, выселеніе лучшихъ и энер-

гичнѣйшихъ гражданъ, спасшихся отъ завоевателей или отправившихся искать счастья въ различныхъ греческихъ колоніяхъ или въ земляхъ «варваровъ» по берегамъ Средиземнаго моря, имѣло своимъ послѣдствіемъ чрезвычайное расширеніе предѣловъ истинной Греціи и распространеніе ея идей. Центръ жизни перемѣстился, но сама жизнь продолжала горѣть столь же яркимъ пламенемъ. Подобно тому какъ сами аѳиняне получили въ свое время священный огонь, занесенный къ нимъ жителями Милета и другими бѣглецами Малой Азіи, такъ точно Пергамъ, Александрія, Киренаика, Сиракузы, Марсель сдѣлались, въ свою очередь, новыми Аѳинами, продолжавшими дѣятельность Аѳинъ древнихъ и прежде всего уже поддерживавшими столь же энергично работу мысли и интересъ къ чистой наукѣ. Такъ, житель Массиліи (Марсель) Пиѳей предпринялъ путешествіе по Атлантическому океану съ единою цѣлью удовлетворить свою любознательность. Архитектурныя сооруженія аѳинянъ, въ особенности Парѳенонъ, являлись очевиднымъ, вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что древне-греческіе художники вполнѣ сумѣли воплотить и облечь въ осязаемыя формы свои архитектурные идеалы. Въ философіи, однако, въ нравственности, въ воззрѣніяхъ на личную и общественную жизнь греки завершили свое твореніе лишь много времени спустя: можно сказать, что лишь въ изгнаніи формулировала Греція свой жизненный опытъ, сложившійся въ теченіе вѣковъ на пользу и поученіе грядущихъ народовъ.

Первопричину замѣчательнаго развитія мысли, характеризующаго Грецію, должно искать въ слабомъ вліяніи на нее религіознаго элемента. Жрецы никогда не управляли греками. Разумѣется, попытки сплотиться и захватить власть дѣлались жреческимъ сословіемъ въ эолійскихъ, іонійскихъ и дорійскихъ республикахъ совершенно такъ же, какъ онѣ дѣлались и во всѣхъ другихъ странахъ всего міра, однако, онѣ кончились неудачей. Легенды и миѳы, принесенные изъ Египта, Финикіи и Персіи, не сопровождались, къ счастью, нашествіемъ опасныхъ истолкователей ихъ, маговъ и чародѣевъ, распредѣляющихъ на землѣ спасеніе души. Въ каждой горной долинѣ, въ каждой семьѣ первобытныхъ клановъ глава семьи самъ былъ жрецомъ, и когда народъ получилъ болѣе широкое развитіе, то представители политической власти гражданъ создали общій религіозный культъ. Греческая миѳологія, столь богатая и разнообразная, непрестанно подновлялась за счетъ народнаго воображенія,—въ каждой долинѣ, на каждомъ изъ греческихъ полуостровов, мѣнялся составъ боговъ, не остававшійся постояннымъ и съ теченіемъ вѣковъ. Первоначальное значеніе басенъ, измышленныхъ народнымъ символизмомъ,—,эта первая попытка синтетическаго резюмированія взглядовъ на природу—, оставалось для большинства вѣрующихъ вполнѣ яснымъ: они знали прекрасно, что Зевсъ—олицетвореніе неба и въ то

Іоническія колонны Эрехѳейона въ Аѳинахъ.
Конецъ V вѣка до Р. Хр.

же время властитель Олимпа, Поссейдонъ—богъ моря, но прежде всего и само море То же самое можно сказать и относительно другихъ греческихъ боговъ: Гефестъ, выковывавшій оружіе боговъ въ подземномъ царствѣ, среди огненножидкой лавы, въ то же время являлся людямъ въ образѣ подземнаго огня; «мать-кормилица» Деметра, покровительница жатвы, была одновременно и самою золотистою нивою, волнуемою дуновеніемъ вѣтра. Эта прозрачная подкладка религіозныхъ миѳовъ позволяла грекамъ обходиться безъ истолкователей ихъ, безъ жрецовъ; къ тому же государство ихъ было слишкомъ мало, слишкомъ подвижно, чтобы въ немъ могло образоваться многочисленное жреческое сословіе.

Безъ сомнѣнія, красота яснаго неба и изящество очертаній горъ и холмовъ на горизонтѣ, обиліе свѣта и превосходное лазурное море вліяли въ значительной степени на греческую миѳологію, дѣлая ее бодрой и радостной. Страхъ передъ смертью, ужасъ предъ неизвѣстностью загробной жизни менѣе вліяли на эллиновъ, чѣмъ на народы, обитавшіе среди болѣе мрачной природы, подвергавшіеся со стороны природныхъ явленій бо́льшей опасности. Въ этомъ была и одна изъ причинъ, почему греки избѣгали постояннаго вмѣшательства жрецовъ, заклинающихъ непреложныя судьбы людей жестами, молитвами и выкрикиваніями; греки въ этомъ отношеніи выгодно выдѣлялись среди своихъ родственниковъ и союзниковъ, обитателей Малой Азіи, Понта, Каппадокіи и Киликіи, которые нерѣдко предавались религіозному экстазу, какъ это и до нашихъ дней свойственно туранскимъ шаманистамъ, католическимъ заклинателямъ и жрецамъ племени мундуруку.

Въ теченіе наилучшаго періода жизни Греціи тяготѣніе ужаснаго рока надъ самими богами, описываемое греческими трагиками, имѣло, повидимому, для аѳинскаго народа значеніе скорѣе нѣкоего драматическаго поученія, чѣмъ было дѣйствительной причиной трепета грековъ предъ судьбою. Дельфійскій оракулъ и оракулы другихъ боговъ, которыхъ приходили вопрошать изо всѣхъ странъ, населенныхъ греками, имѣли совершенно особый характеръ: тогда какъ божества другихъ народовъ пугаютъ людей своими угрозами, приказываютъ имъ сдѣлать то или другое, греческіе оракулы задаются, повидимому, цѣлью упражнять остроуміе грековъ, — они предлагаютъ имъ трудныя загадки, которыя приходится разрѣшать. На высотахъ Синая еврейскій Богъ издавалъ свои законы при раскатахъ грома и сверканіи молніи, и народъ лежалъ передъ нимъ распростертый во прахѣ, — въ Дельфахъ же божество, такъ сказать, бесѣдовало съ просвѣщенными людьми, и нерѣдко граждане того или другого города даже спорили со своимъ оракуломъ. Кумійцы въ Малой Азіи и вовсе не послушались приказанія оракула, повелѣвавшаго имъ выдать персидскому царю человѣка,[1]) пользовавшагося

1) Hérodote. «Histoires», I, p. 158 ss.

нхъ гостепріимствомъ,—они предпочли въ этомъ случаѣ свое собственное толкованіе моральныхъ истинъ!

Какъ ни мало вліяло въ Греціи жреческое сословіе, оно все же должно было сдѣлаться враждебнымъ свободному духу грековъ, должно было даже стремиться къ измѣнѣ. Въ эпоху крайней опасности народъ желалъ защищаться и вслѣдствіе свойственной ему энергіи нерѣдко любилъ воображать, что и боги сражаются изъ-за него,—всегда, однако, въ такихъ случаяхъ «оракулы оставались либо нейтральными, либо давали противникамъ двусмысленные отвѣты»: требовалось все искусство Ѳемистокла, чтобы истолковать въ героическомъ смыслѣ туманный отвѣтъ пиѳіи. Боязнь скомпрометировать себя неудачнымъ предсказаніемъ побѣды составляла основное правило жреческой мудрости [1]).

Безъ сомнѣнія, утрата независимости греками увеличила соотвѣтственнымъ образомъ вліяніе жрецовъ. Таинственныя обрядности, напримѣръ, элевзинскія таинства, привлекали къ себѣ ничѣмъ незанятыхъ людей, и декадентовъ той эпохи, людей суетныхъ, тщеславныхъ или безпокойныхъ, желавшихъ пріобщиться къ наукѣ, запрещенной профанамъ.

Благодаря болѣе счастливымъ условіямъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находились семиты и народы дальняго Востока, благодаря бòльшему разнообразію и измѣнчивости своей политической религіи, греки избавились также отъ тираніи священной книги въ родѣ Зендъ-Авесты, Ведъ, Шу-Кингъ, Библіи или Корана. Наиболѣе приближались у грековъ къ священнымъ книгамъ, по своему вліянію на душу народа, поэмы и драмы великихъ пѣснопѣвцевъ и драматурговъ; въ этихъ произведеніяхъ трудно, однако, найти установленныя правила для мысли, твердо намѣченное направленіе для жизни народа, и хотя нѣкоторые авторы, какъ напримѣръ, Страбонъ, по происхожденію эллинизированный семитъ [2]), и придавали нѣкоторое священное значеніе стихамъ «Иліады», но, во всякомъ случаѣ, взгляды поэта не могли все же останавливать нормальнаго хода развитія общества, не могли служить тормозомъ, подобно велѣніямъ Библіи или Корана, не могли безконечно задерживать интеллектуальную и моральную эволюцію вѣрующихъ.

Политеизмъ въ той формѣ, въ какой онъ развился въ древней Греціи, имѣетъ своимъ основнымъ принципомъ равноправіе всѣхъ живыхъ существъ и признаніе непреложности того, что все существующее живетъ [3]). Такимъ образомъ, религія грековъ утверждала уже отчасти то, что является истиной, признанной современной наукой, — именно, неразъединимость жизни во всѣхъ ея видахъ, тѣсную связь между ма-

---

1) Edgar Quinet. Vie et Mort du Génie grec. pp. 33, 34. — 2) Jules Baissac. Société nouvelle, mars 1896, p. 316. — 3) Louis Ménard, «Polythéisme grec».

Каріатиды Эрехѳейона въ Аѳинахъ.
Конецъ V вѣка до Р. Хр.

теріей и мыслью; но если религія эта въ своихъ конечныхъ выводахъ захватываетъ область науки, то, съ другой стороны, по своему возникновенію, она привязана къ первобытному анимизму, который населяетъ землю, воздухъ и воду сонмомъ духовъ и видитъ всюду миріады безплотныхъ существъ. Пастухи Аркадіи продолжали долѣе другихъ грековъ поклоняться этой естественной религіи: ихъ главное божество, богъ Панъ, обитающій, подобно имъ самимъ, въ лугахъ, покрытыхъ травою, созданъ по ихъ подобію,—онъ любитъ широкіе горизонты, тучныя паст-

бища, прохладныя пещеры, гдѣ можно спасаться отъ солнца [1]). Это божество, изъ-за котораго и вся страна получила названіе Паніи [2]), уступило затѣмъ свое первое мѣсто Зевсу, божеству крайне ревнивому; вмѣстѣ съ тѣмъ, и аркадійцы должны были подчиниться своимъ могущественнымъ сосѣдямъ; но хотя Панъ и принужденъ былъ занять болѣе скромное мѣсто, онъ не исчезъ, — онъ остался богомъ бѣднаго населенія, возводившаго ему простые алтари вмѣсто храмовъ, приносившаго ему въ жертву скромные плоды своихъ полей. Панъ пережилъ даже Зевса и другихъ болѣе молодыхъ боговъ, и по странной случайности, благодаря случайному сходству своего имени со словомъ «πάν», означающимъ «все», онъ былъ даже отожествленъ съ общностью всѣхъ живыхъ существъ, со всѣмъ міроздaніемъ. Такъ, въ «Сатирѣ» Виктора Гюго Панъ безгранично преувеличивается и приравнивается ко всему міру: онъ заключаетъ въ себѣ и боговъ и людей.

Аристотель.

Религіозныя таинства грековъ сохранили въ теченіе вѣковъ прямой и непосредственный культъ небесныхъ свѣтилъ, солнца, луны и звѣздъ, даже тогда, когда символическія воплощенія природы, боги Олимпа, заняли мѣсто элементовъ: пантеистическій фетишизмъ сохранялся и при политеизмѣ, совершенно такъ же, какъ позднѣе язычество продолжало существовать при католицизмѣ. Греческіе храмы, подобно храмамъ Египта, строились такимъ образомъ, что были оріентированы по направленію восхожденія тѣхъ или другихъ свѣтилъ или наиболѣе замѣчательныхъ созвѣздій, напримѣръ, Арктура, Спики (звѣзда въ со-

---

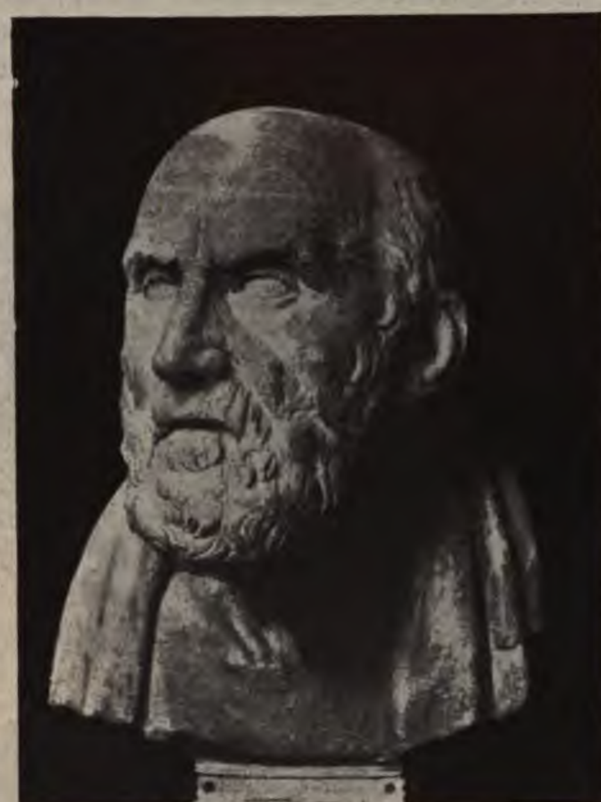
1) Victor Bérard. «De l'Origine des Cultes des Arcadiens». — 2) Plutarque. «Dénomination des Fleuves et des Montagnes»; G. Clémenceau. «Le grand Pan».

Итакъ, эллинскій политеизмъ содержитъ въ общемъ ходѣ своего развитія всѣ формы первобытной религіи, наблюдавшіяся у человѣчества: онъ долженъ былъ достичь наиболѣе высокихъ религіозныхъ формъ, затѣмъ долженъ былъ совершенно отказаться отъ самаго своего принципа, чтобы позднѣе внѣ религіознаго культа найти самую основу человѣческой морали. Отъ лѣсовъ Додоны, гдѣ вѣрующіе прислушивались со священнымъ ужасомъ къ шелесту листьевъ колоссальныхъ дубовъ, и до садовъ Академіи, по которымъ прогуливались философы, ведя ученые споры объ истинной мудрости, греческіе искатели истины свершили неизмѣримый путь, ведущій отъ первоначальныхъ инстинктивныхъ исканій ко вполнѣ сознательному изученію великихъ задачъ жизни. Конечно, и монотеизмъ, концентрирующій всѣ человѣческіе идеалы въ одной высшей личности, проявлялся въ греческой мысли столь же возвышеннымъ и благороднымъ образомъ, какъ въ мысли семитовъ: «не былъ ли Зевсъ Пиндара и Софокла врагомъ тиранніи, защитникомъ угнетенныхъ, стражемъ семейнаго очага, мстителемъ за попранную справедливость, убѣжищемъ для всѣхъ несчастныхъ [1])? И съ тѣхъ поръ, какъ народы утратили своихъ особыхъ боговъ, которыми они различались, не расплылась ли и сама идея о вышнемъ Богѣ, и не превратилась ли въ идею добра и красоты, олицетворяемую Богомъ? Греки, обитавшіе въ различныхъ городахъ, признавали себя сынами общихъ предковъ, унаслѣдовавшими одинъ и тотъ же языкъ, одну и ту же культуру, создавшими одинъ и тотъ же типъ общественной жизни. Патріотическое чувство, бывшее первоначально чрезвычайно узкимъ, ограничивавшимся предѣлами одного города, постепенно распространилось на всю Элладу и другія эллинскія страны, наконецъ, у философовъ оно обхватило и весь извѣстный міръ. Никогда еще принципъ братства всего человѣчества не былъ высказанъ столь ясно, энергично и убѣдительно, какъ это было сдѣлано греческими мыслителями: давъ рядъ превосходныхъ примѣровъ тѣсной гражданской общности, эллины громко высказали впервые принципъ, который 2000 лѣтъ спустя получилъ наименованіе «международнаго братства».

Атавизмъ, благодаря которому въ каждой одряхлѣвшей цивилизаціи, прикрашенной въ бóльшей или меньшей степени условностями и обманомъ, постоянно извѣстное количество людей начинаетъ проявлять склонность къ возвращенію въ первобытное, природное состояніе,—этотъ атавизмъ сказался и въ греческомъ обществѣ. Мы видимъ въ Греціи философовъ, вооруженныхъ въ совершенствѣ діалектикой и научными познаніями, свободныхъ отъ всякихъ предразсудковъ и высказывающихся просто, но съ необыкновенной силою убѣжденія и необходимости полнаго освобожденія отъ деспотизма, проистекающаго какъ отъ другихъ

1) Michel Bréal.

людей, такъ и отъ условностей приличій и привычекъ. Мы видимъ также и рабовъ-стоиковъ, выступающихъ съ такимъ благородствомъ и достоинствомъ, что имъ оказывали болѣе уваженія, чѣмъ многимъ свободнымъ людямъ; мы видимъ и «циниковъ»—названіе, нѣкогда пользовавшееся всеобщимъ уваженіемъ и лишь въ настоящее время примѣняемое въ дурномъ смыслѣ,—они также свободно ведутъ себя въ выборѣ жилища и въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ дикія животныя полей, но въ то же время по познаніямъ и развитію они достигаютъ такой высоты, какъ наиболѣе уважаемые мудрецы того времени. Не имѣя другого жилища, какъ какой-нибудь ящикъ или бочка, не зная голода, такъ какъ имъ довольно было нѣсколькихъ маслинъ или луковицъ, циники вѣрили въ равенство людей и примѣняли его на практикѣ; уничтожая въ своей собственной жизни всякое различіе между богатыми и бѣдными, они примиряли всякую рознь между отдѣльными классами. Въ ихъ присутствіи исчезали и забывались всѣ соціальныя различія,—передъ Діогеномъ «повелитель міра» Александръ Македонскій, убійца своего отца и разрушитель Ѳивъ не чувствовалъ себя болѣе такимъ всесильнымъ владыкою, какъ предъ своими воинами и предъ покоренными имъ народами. И, тѣмъ не менѣе, какъ ни высокъ былъ полетъ мыслей этихъ философовъ, игнорировавшихъ существованіе богатыхъ и могущественныхъ, они продолжали жить въ городахъ и вліяли непосредственно своимъ примѣромъ и своимъ благороднымъ образомъ жизни на согражданъ, — они не бѣжали изъ среды человѣческаго общества, какъ это дѣлали позднѣе

Діогенъ.

отшельники и пустынники, малодушные эгоисты, искавшіе лишь собственнаго спасенія.

Такой возвышенный взглядъ на общественныя отношенія былъ, правда, достояніемъ лишь немногихъ, но ему суждено распространяться отъ вѣка до вѣка и отъ одного народа къ другому и объять весь міръ до его крайнихъ предѣловъ,—все человѣческое общество охватывается этой идеей равенства, становится однимъ обширнымъ государствомъ равныхъ между собой и свободныхъ личностей—въ этомъ идеалъ нашего времени и грядущихъ вѣковъ!

Острова и побережья эллинскаго міра.

Хронологія.

◆◆◆

Имена Антигона Циклопа (умершаго въ 301 г. до Р. Хр.), его сына Деметрія Поліоркета (умершаго въ 282 г.), центромъ дѣятельности которыхъ была Лидія, имена Антипатра (317 г.) и его сына Кассандра (297 г.), царей Македоніи, Лизимаха, царя Ѳракіи (281 г.), равно какъ и имена Птоломея Сотера и Селевка Никатора стоятъ въ связи, главнымъ образомъ, съ тѣмъ кровавымъ междоусобіемъ, какое послѣдовало за смертью Александра Македонскаго и продолжалось 30 или 40 лѣтъ. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь династіи и царства, существовавшія болѣе продолжительное время.

	Христ. эра	Олимпіады
Династія Лагидовъ въ Египтѣ.		
Птоломей Сотеръ, сынъ Лага	323 - 285 до Р. Хр.	453 — 491
Птоломей Филадельфъ	285 — 247 »	491 - 529
Птоломей Эвергетъ	247 — 222 »	529 — 554
Затѣмъ слѣдовали: Птоломей Филопаторъ, Епифанъ, Филометоръ, Евпаторъ и др., между которыми царствовали Клеопатра и Вереника, наконецъ, послѣдней представительницей династіи, скончавшейся въ 724 г. съ основанія Рима, была Клеопатра	52 — 30 »	724 — 746
Династія Селевкидовъ въ Месопотаміи и Сиріи:		
Селевкъ Никаторъ	311 — 279 »	465 — 498
Антіохъ Сотеръ	279 — 260 »	498 — 515
Затѣмъ слѣдовали: Антіохъ II, Селевкъ II, Селевкъ III и Антіохъ III, Евпаторъ	222 - 186 »	551 — 590
Затѣмъ Селевкъ IV, Антіохъ IV и Антіохъ V шли въ неправильной послѣдовательности до Помпея, занявшаго Сирію въ 690 съ основанія Рима . . .	64 по Р. Хр.	712
Династія Арсакидовъ, царей Пароянскихъ.		
Царство было основано Арсакомъ .	255 до Р. Хр.	521
и, мало-по-малу, расширялось за счетъ области Селевкидовъ, съ исчезновеніемъ послѣднихъ оно сдѣлалось сосѣдомъ римскихъ владѣній; династія замѣнилась династіей Сассанидовъ въ	226 по Р. Хр.	1002
Понтійское царство.		
Митридатъ II	337 — 302 до Р. Хр.	439 — 474
Сохранившій нѣкоторую независимость по		

	Христ. эра	Олимпіады.
отношенію къ Александру Македонскому, провозгласилъ себя царемъ послѣ смерти послѣдняго; династія его, представленная родомъ Митридатовъ, въ довольно правильной послѣдовательности, царствовала до окончательной побѣды Помпея. Послѣднимъ царемъ былъ Митридатъ VII, Евпаторъ	123 — 63 до Р. Хр.	653 — 713
Пергамское царство.		
Основано Пергамское царство Филитеромъ въ	283 до Р. Хр.	493
За нимъ послѣдовали рядъ Евменовъ и Атталовъ. Послѣдній царь, Атталъ III, передалъ свои владѣнія римлянамъ, какъ, по крайней мѣрѣ, заявляли послѣдніе: Атталъ III, Филометоръ	138 — 132 »	638 — 644
Среди владѣтелей другихъ мелкихъ царствъ, Виѳинскаго, Каппадокійскаго, Эпирскаго и др., слѣдуетъ отмѣтить царя, сумѣвшаго нанести рядъ серьезныхъ пораженій римлянамъ,—это былъ Пирръ III, царь Эпира	295 — 272 »	481 — 504
Династія Маккавеевъ въ Іудеѣ.		
Іуда Маккавей, сынъ Маѳаѳія, возсталъ противъ Селевкидовъ въ	166 »	610
Онъ вскорѣ погибъ, и его власть унаслѣдовали его братья и потомки ихъ; они неоднократно призывали римлянъ и удерживались до	40 »	736

Далѣе мы приводимъ рядъ именъ ученыхъ и философовъ, воспоминанія о которыхъ болѣе цѣнны, чѣмъ память о воителяхъ ихъ временъ; относительно тѣхъ изъ нихъ, годъ рожденія которыхъ неопредѣленъ точно, предположено, что они достигли извѣстности около 35 лѣтъ отъ роду.

Гекатей (Милетъ)	546 — 480 до Р. Хр.	230 — 296
Парменидъ (Элея)	540 — 470(?) »	236 — 306
Зенонъ (Элея)	490 »	286
Гиппократъ (Косъ)	460 — 380(?) »	316 — 396
Эмпедоклъ (Агригентъ)	450 — 380(?) »	326 — 396
Евклидъ (мѣсто рожденія неизвѣстно) . .	320 »	456
Герофилъ (Халкедонъ)	320 »	456
Зенонъ Киникійскій (Китіонъ, Кипръ) .	308 »	468
Эпикуръ (Аѳины)	341 — 270 »	435 — 506
Каллимахъ (Киренея)	320 — 240(?) »	456 — 536
Архимедъ (Сиракузы)	287 — 212 »	489 — 564
Эратосѳенъ (Киренаика)	272 — 199 »	504 — 577
Гиппархъ (Никея)	128 »	638
Посидоній (Апамея, Сирія)	133 — 49 »	643 — 727
Страбонъ (Амазія, Каппадокія)	58 — 21(?) »	718 — 797

Острова и побережья Эллинскаго міра

Бракосочетаніе Европы и Азіи, символически отпразднованное Александромъ Македонскимъ въ Вавилонѣ, не претворилось въ живую дѣйствительность.

Глава девятая.

РОДОСЪ.—КИПРЪ.—КИЛИКІЯ.—ЦАРСТВО СЕЛЕВКИДОВЪ.— АНТІОХІЯ.—ЕГИПЕТЪ ПРИ ПТОЛОМЕЯХЪ.—КИРЕНАИКА.— ВЕЛИКАЯ ГРЕЦІЯ.—КАРѲАГЕНЪ И ЕГО ВЛАДѢНІЯ.—СИЦИЛІЯ.

Подъ побѣдоноснымъ давленіемъ запада многія изъ прибрежныхъ областей Малой Азіи и многіе изъ острововъ восточнаго Средиземнаго моря, подвергавшихся вліянію обѣихъ соперничающихъ цивилизацій, европейской и азіатской, были окончательно завоеваны греческимъ міромъ, и, несмотря на частыя смѣны властителей являются греческими

даже и до сихъ поръ, по прошествіи 24 — 25 вѣковъ. Лучшими примѣрами могутъ служить Родосъ и Кипръ — «островъ гранатовъ» и «островъ мѣди».

Родосъ—островъ въ высшей степени счастливый по своимъ природнымъ условіямъ: по плодородію своей почвы, по расположенію своихъ гаваней и по превосходному, вѣчно ровному и мягкому климату; онъ занимаетъ совершенно исключительное положеніе среди моря,—положеніе, которое должно было гарантировать ему первостепенное торговое значеніе. Располагаясь вблизи побережья Каріи и пользуясь, такимъ образомъ, всѣми преимуществами полуострова, въ то же время какъ и выгодами острова, т.-е. совмѣщая легкость торговыхъ сношеній съ привилегіями удобствъ военной защиты, Родосъ находится какъ-разъ у самаго юго-западнаго угла Малой Азіи, между моремъ Кипрскимъ и моремъ Эгейскимъ, и на одной линіи съ островами Карпатосомъ и Критомъ. Онъ является естественной точкой схожденія торговыхъ путей въ восточномъ Средиземномъ морѣ и потому съ самаго начала исторіи служитъ мѣстомъ свиданія представителей самыхъ различныхъ странъ, которыя устраивались на немъ въ качествѣ колонистовъ. На этотъ островъ переселялись карійцы съ сосѣдняго побережья, точно также какъ критяне, ѳессалійцы и даже египтяне. Финикійское вліяніе долгое время преобладало, затѣмъ явились на островъ дорійцы, и три города на островѣ Родосѣ, — Линдъ, Камиръ и Іалисъ, — соединились съ тремя другими дорійскими городами континента Косомъ, Книдомъ и Галикарнассомъ въ союзъ 6 городовъ. Вслѣдъ за этимъ притокомъ на островъ переселенцевъ послѣдовало теченіе въ обратномъ направленіи: благодаря сильно развившейся торговлѣ, многочисленныя группы колонистовъ Родоса основали, въ свою очередь, цѣлый рядъ городовъ въ далекихъ странахъ. Торговыя колоніи Родоса возникли какъ на сосѣднемъ материкѣ, такъ и въ Сициліи и на полуостровѣ Италіи. Обитателями этого острова былъ основанъ могущественный Сибарисъ, а также и Парѳенопея, современный Неаполь. Другіе колонисты Родоса устроились на Балеарскихъ островахъ и даже на побережьѣ Испаніи, заливъ Роза и мысъ Рода напоминаютъ о дальнихъ пришельцахъ, обитателяхъ Родоса.

Со времени широкаго распространенія эллинскаго міра, что совпало съ раздѣленіемъ имперіи Александра на большое число греческихъ царствъ, Родосъ благодаря своему удобному расположенію сдѣлался главнымъ торговымъ центромъ и, пріобрѣтя большія богатства, получилъ и огромную политическую власть и могущество,—его владѣніями сдѣлались многія области на материкѣ и многочисленные острова. По крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ вѣковъ вліяніе Родоса было настолько значительнымъ, что морскіе законы его были приняты всѣми мореплавателями, считались какъ бы международнымъ законодательствомъ, даже послѣ завоеванія

№ 174. Островъ Родосъ.

Городъ Родосъ былъ основанъ лишь въ 408 г. до начала христіанской эры, но достигъ затѣмъ очень быстро чрезвычайнаго расцвѣта.

Города Линдъ, Іалисъ и Камиръ цитируются въ „Иліадѣ“, причемъ Камиръ снабжается эпитетомъ «бѣлый», что объясняется бѣлизною мѣлового холма, на которомъ городъ расположенъ.

острова римлянами эти послѣдніе должны были согласовать съ его законами собственныя установленія; въ римскомъ правѣ каждый изъ законовъ, относящихся къ торговому мореплаванію, носитъ наименованіе «lex rhodia». Въ эту эпоху, когда Родосъ «не имѣлъ равнаго себѣ въ мірѣ», какъ отзывается о немъ Страбонъ, онъ привлекалъ къ себѣ не только торговцевъ и мореплавателей, но и ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, однимъ словомъ, всѣхъ выдающихся людей, которые являлись туда либо какъ учители, либо въ качествѣ учениковъ.

Около 22 вѣковъ тому назадъ Родосъ былъ также однимъ изъ главныхъ центровъ, служившихъ для измѣренія дуги меридіана. Эратосѳенъ вычислилъ, на основаніи времени пути кораблей, совершавшихъ рейсы между Родосомъ и Александріей и на основаніи высоты солнца надъ горизонтомъ въ этихъ двухъ городахъ, длину окружности земного шара и опредѣлилъ, что она равняется 252000 стадій,—длина, превосходящая истинную всего лишь на одну шестую [1]). 150 лѣтъ спустя другой ученый, Посидоній, предпринялъ такое же вычисленіе, пользуясь наблюденіями надъ положеніемъ звѣзды Канопа, и опредѣлилъ длину окружности въ 180000 стадій, что на одну пятую менѣе настоящей величины. Греческіе ученые опредѣляли довольно правильно широты, но не обладали еще способами для опредѣленія долготъ; одинъ изъ нихъ, именно Гиппархъ, отмѣтилъ, правда, что для этой цѣли можно примѣнить наблюденія надъ затменіями; пришлось, однако, ждать 16 вѣковъ, пока это научное открытіе могло получить осуществленіе на практикѣ; отсутствовали также средства и для правильнаго опредѣленія разстояній. Такъ, допускалось, что Родосъ находится прямо къ сѣверу отъ Фароса, тогда какъ въ дѣйствительности онъ на 1° 40′ далѣе къ западу; допускалось также, что разстояніе между ними равняется 3750 стадіямъ, на самомъ же дѣлѣ оно составляетъ 330 морскихъ миль, что равняется 3300 стадіямъ; эта двойная неточность объясняетъ въ достаточной степени ошибку александрійскихъ ученыхъ въ опредѣленіи длины окружности земного шара.

Извѣстно также, что и искусство было высоко развито на Родосѣ; такъ, оттуда взяты четыре бронзовыхъ вызолоченныхъ коня, находящіеся на фронтонѣ базилики Св. Марка въ Венеціи и украшавшіе ранѣе другія столицы міра—Римъ, Византію и Парижъ. Въ теченіе 50 лѣтъ у входа въ Родосскую гавань высился знаменитый бронзовый колоссъ Хареса; гигантская масса его, опрокинутая и разбитая землетрясеніемъ болѣе 21 столѣтія тому назадъ, оставалась лежать на землѣ въ теченіе почти 900 лѣтъ и лишь

---

1) Delambre. «Astronomie ancienne», t. I, p. 220.—Oscar Peschel «Geschichte der Erdkunde», pp. 42—43. — Bunbury. «History of Ancient Geography», ch. XIV. Стадія равняется 185 метрамъ; такимъ образомъ, градусъ большого круга равнялся 600 стадіямъ, морская миля 10 стадіямъ.

затѣмъ была продана переплавившимъ ее евреямъ. Памятникъ этотъ былъ посвященъ не дорійскому Аполлону, а Геліосу, самому солнцу, всепобѣждающему и всесоздающему свѣтилу,—островъ Родосъ считался «супругой солнца» по преимуществу.

Островъ Кипръ, несравненно болѣе обширный, чѣмъ Родосъ, долженъ былъ также подвергнуться самымъ различнымъ вліяніямъ, и точно также его весьма часто пытались колонизовать и завоевать, съ того самаго времени, какъ на морскихъ волнахъ появились предпріимчивые мореплаватели. Островъ этотъ по формѣ своей вполнѣ соотвѣтствуетъ очертаніямъ Киликійскаго залива и привязанъ одновременно къ двумъ побережьямъ, къ которымъ онъ примыкаетъ. Онъ принадлежитъ, съ одной стороны, къ Малой Азіи, отъ которой его отдѣляютъ относительно мелкія воды, глубиною менѣе чѣмъ въ 500 метровъ, и хребты которой тянутся въ томъ же направленіи, какъ его собственныя горы; съ другой стороны, Кипръ можетъ разсматриваться и какъ часть Сиріи, такъ какъ флора и фауна его вполнѣ сходны съ таковыми послѣдней. Натуралисты 1) выяснили, что выдающаяся часть Кипра еще въ концѣ третичной эпохи продолжалась въ видѣ перешейка и соединялась съ горами Амана,—благодаря этому растенія и животныя могли перейти по такому перешейку съ кон-

Кувшинъ съ о. Родоса.

1) Unger und Kotschy. «Die Insel Cypern».

тинента на островъ, тогда какъ люди принуждены были позднѣе перебираться черезъ образовавшійся проливъ.

Приближаясь своими оконечностями къ двумъ странамъ, столь сильно различающимся по своему населенію и по путямъ сообщенія, по нимъ пролегающимъ, островъ Кипръ долженъ былъ въ различныя времена находиться подъ вліяніемъ различныхъ цивилизацій, сообразно съ превратностями историческихъ судебъ. Раскопки Онефальшъ Рихтера дока-

Каменный сосудъ изъ Амаѳонта.
Въ окружности этотъ, состоящій изъ одного куска, сосудъ имѣетъ 10 метровъ. Онъ былъ найденъ въ горахъ близъ Амаѳонта.

зали, что драгоцѣнные предметы, инструменты и оружіе обитателей Крита первобытной эпохи относятся къ тому же самому времени, къ которому принадлежатъ и предметы, добытые при раскопкахъ Трои, — ихъ причисляютъ къ такъ называемой «эгейской» или «средиземноморской» зонѣ; такимъ образомъ, въ эти времена сказывалось, повидимому, прежде всего вліяніе сѣвера и запада, достигавшее острова Кипра по великому міровому пути поперекъ Малой Азіи, идущему отъ Геллеспонта и Босфора къ заливу Александретты. Наиболѣе древніе слои, заключающіе въ себѣ до-историческіе предметы, прикрыты на Кипрѣ слоями, содержащими объекты восточнаго происхожденія и указывающими на культурное вліяніе хеттитовъ, финикіянъ, ассирійцевъ и другихъ народовъ, имѣвшихъ портовые города на побережьѣ Сиріи. Третья группа открытыхъ

Видъ Пафоса на о. Кипрѣ.

тамъ находокъ указываетъ на западное вліяніе, и найденныя тамъ произведенія искусства свидѣтельствуютъ о близкихъ отношеніяхъ къ Греціи историческихъ временъ [1]).

Вполнѣ естественно, что слѣды различныхъ переселеній народовъ встрѣчаются, главнымъ образомъ, на берегахъ острова, особенно близкихъ къ тѣмъ странамъ, откуда являлись колонисты. На западныхъ берегахъ высаживались преимущественно греки, на сѣверныхъ устраивались киликійцы и другіе эмигранты Малой Азіи; сирійцы и финикіяне избирали своимъ мѣстожительствомъ восточные берега, расположенные непосредственно противъ ихъ гаваней; когда же египетскій царь Амазисъ, около 24 съ половиной вѣковъ тому назадъ, переселилъ на Кипръ колонистовъ - эѳіоповъ, имѣя въ виду закрѣпить за собою завоеваніе острова, то эти послѣдніе устроились на южныхъ склонахъ горъ.

Господствующими народностями Кипра были греки и финикіяне; памятники, снабженные надписями, найденные при недавнихъ раскопкахъ и сохраняемые въ музеяхъ Европы и Америки, свидѣтельствуютъ, что въ этой промежуточной странѣ культура была обязана прежде всего

1) Alfred Fouillée Le peuple grec, Revue des Deux Mondes, 1-er mai 1898.

этимъ двумъ этническимъ элементамъ, различнымъ образомъ смѣшивавшимся между собою. Если не финикійское, то, по меньшей мѣрѣ, вообще восточное вліяніе получило перевѣсъ, повидимому, въ ту эпоху, къ которой относится на этихъ берегахъ средиземноморского міра начало историческаго періода. Мѣдные рудники, которымъ островъ обязанъ своимъ греческимъ названіемъ, сохранившимся до нашихъ дней, разрабатывались, какъ кажется, въ древнѣйшія времена финикіянами, которые чеканили изъ добываемой въ нихъ мѣди монету, и богиня Киприда названная такъ по имени острова, не кто иное, какъ тирская Астарта: культъ ея сопровождался такими же кровопролитными празднествами, какъ и на сосѣднемъ континентѣ. По гипотезѣ Масперо, названіе «Азія», примѣнявшееся въ древности къ Малой Азіи и, въ концѣ концовъ, распространившееся на всю часть свѣта, произошло, быть можетъ, отъ наименованія «Ази», встрѣчаемаго часто на египетскихъ памятникахъ для обозначенія острова Кипра [1]).

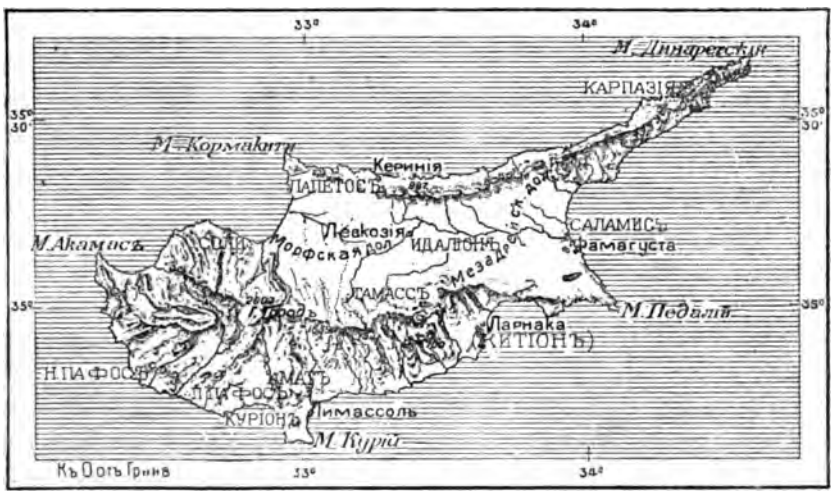
Очертанія и рельефъ страны не позволяли населенію Кипра соединиться въ одну цѣлостную народность и получить возможность оказывать значительное сопротивленіе внѣшнимъ завоевателямъ. На самомъ дѣлѣ Кипръ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ островковъ, которые при поднятіи морского уровня на 100 метровъ оказались бы совершенно другъ отъ друга отдѣлены. На сѣверѣ крутой хребетъ, изогнутый въ видѣ сабли, поднимается непосредственно изъ равнины и господствуетъ надъ нею, выдвигаясь къ востоку въ видѣ длиннаго мыса въ море; на юго-западѣ горы болѣе пологія, но и болѣе высокія, образуютъ совершенно отдѣльную географическую область,—наиболѣе высокая вершина этихъ горъ являлась также однимъ изъ Олимповъ. Сосѣднія долины и противоположные склоны не могли легко между собою сообщаться; единственная часть Кипра болѣе цѣлостная по своему характеру—это широкая равнина, тянущаяся съ востока на западъ, между обоими горными массивами, отъ одного моря къ другому. Долина эта—счастливѣйшая страна, чрезвычайно плодородная и потому заключавшая въ себѣ постоянно многочисленное населеніе, которому, съ одной стороны, угрожали живущія въ горахъ разбойничьи пастушьи племена, съ другой, съ моря—морскіе разбойники и различные завоеватели; древнее наименованіе этой долины Мезорея (Мезарія) или «Междугоріе» примѣняется въ настоящее время лишь къ восточной половинѣ ея.

Разнообразіе мѣстности на Кипрѣ имѣло въ результатѣ и большое многоразличіе мелкихъ государствъ, монархій и республикъ этого острова, то ведшихъ между собою войны, то вступавшихъ въ союзы съ чужеземцами и даже приглашавшихъ ихъ въ свою страну. Мѣдные рудники

1) Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 20 août 1886.

и лѣса острова, равно какъ изобиліе на немъ хлѣба, вина и оливковаго масла привлекали къ нему вниманіе завоевателей какъ Финикіи и Ассиріи, такъ и Египта. По преданію, обитатели Кипра были, подобно халибійцамъ Малой Азіи, изобрѣтателями металлургической техники: ихъ національный герой Кинаръ первый изготовилъ инструменты, примѣняемые кузнецами,—молотъ, наковальню и клещи; онъ первый выко-

№ 175. Островъ Кипръ.

1: 2500000

0 50 100 150 килом.

П. Пафосъ—Пале-Пафосъ (древній Пафосъ), городъ, основанный по преданію финикіяниномъ Киниромъ, центръ культа богини моря, сдѣлавшейся впослѣдствіи Афродитой, затѣмъ—Венерой, выходящей изъ волнъ морскихъ.

Н. Пафосъ — Неа-Пафосъ (новый Пафосъ)—городъ греческой эпохи, изображенный на рисункѣ на стр. 375.

валъ панцырь Агамемнону, мечъ же послѣдняго также былъ сдѣланъ на Кипрѣ. Что касается кипрскихъ лѣсовъ, въ настоящее время сильно вырубленныхъ, то намъ извѣстно, что во времена финикіянъ побережье, на которомъ располагался городъ Хиттимъ (Китіонъ)—нынѣшній городъ Ларнака—, доставляло древесные матеріалы для постройки кораблей; изъ кедроваго и кипариснаго дерева кипрскаго Олимпа были, напр., построены суда, спущенныя Александромъ Македонскимъ на Тигрѣ и Евфратѣ [1]).

Несмотря на то, что Кипръ нерѣдко завоевывался и очень часто посѣщался мирными торговцами, онъ являлся все же областью настолько обширною что его обитатели не могли не оказать и со своей стороны извѣстнаго противодѣйствія чужеземному вліянію и не могли

1) Biddulph, Proceedings, R. geographical Society, 1889.

не придать своего собственнаго національнаго отпечатка произведеніямъ острова. Обитатели Кипра говорили на греческомъ языкѣ, но на особомъ нарѣчіи, которое приближается къ эолійскому; буквы, которыми они пользовались въ теченіе, по крайней мѣрѣ, тысячи лѣтъ, вплоть до римскаго періода, были совершенно непохожи на тѣ, какія примѣнялись ихъ западными сосѣдями. Это была силлабическая система начертанія, по всей вѣроятности, полученная ими въ наслѣдство отъ хеттитовъ и, быть-можетъ, подвергшаяся нѣкоторому вліянію со стороны ассирійцевъ, какъ о томъ можно судить по клинообразной формѣ многихъ знаковъ алфавита. Благодаря нахожденію въ различныхъ частяхъ острова надписей на двухъ языкахъ, на кипрскомъ и финикійскомъ и на кипрскомъ и греческомъ, явилась возможность дешифрировать кипрское письмо. На островъ стекалось изъ всѣхъ окружающихъ странъ такое огромное количество пилигримовъ, что въ священныхъ рощахъ и капищахъ его можно было слышать разговоръ на всѣхъ возможныхъ нарѣчіяхъ; города острова были посвящены богинѣ Афродитѣ, какъ это видно уже изъ ихъ названій: Мдаліонъ (Дали) означаетъ «святилище царицы», Амтакадаста (Фамагуста)—«святая женщина», точно также Амаоѳнтъ (Гаматъ) былъ посвященъ Кипридѣ, Пафосъ (Бафъ) служилъ мѣстомъ поклоненія «священному морю». Въ этихъ священныхъ мѣстахъ приносились безчисленныя жертвы и подарки въ храмы—статуэтки, вазы и драгоцѣнности, собираемыя нынѣ коллекціонерами и художниками. Самымъ древнимъ извѣстнымъ на островѣ памятникомъ было высѣченное изъ камня изображеніе ассирійскаго царя Саргона, поднимавшееся на восточной сторонѣ острова Кипра 26 вѣковъ тому назадъ; въ настоящее время оно находится въ Берлинскомъ музеѣ.

Въ качествѣ одного изъ остатковъ имперіи, основанной Александромъ, островъ Кипръ, расположенный въ переходной зонѣ между двумя мірами, долженъ былъ являться яблокомъ раздора между наслѣдниками великаго завоевателя,—въ концѣ концовъ, этотъ островъ перешелъ во владѣніе Египта, т.-е. сдѣлался подвластнымъ повелителю Александріи, владѣвшему морскими путями. Замѣчательно, что послѣ многихъ превратностей, въ настоящее время Кипръ принадлежитъ снова имперіи, господствующей на морѣ — Великобританіи, и находится, слѣдовательно, опять подъ тѣмъ же началомъ, подъ которымъ теперь стоитъ и долина Нила.

Къ сѣверу отъ залива Александретты тянется равнина Киликіи, раздѣленная на двѣ части хребтомъ невысокихъ горъ, что объясняетъ названіе «Двухъ Киликій», дававшееся нерѣдко этимъ низменнымъ странамъ, между Тавромъ и Аманомъ; эта равнина, въ особенности западная Киликія, гдѣ находилось нѣсколько изъ наиболѣе оживленныхъ торго-

выхъ пунктовъ древняго міра, являлась одною изъ странъ, отнятыхъ эллинами у финикіянъ. Городъ Маллосъ, расположенный на возвышенности,

№ 176. Нижняя Киликія.

Маллъ (или Маллусъ), основанный легендарнымъ Мопсусомъ; какъ и многіе другіе города страны «онъ построенъ на вершинѣ холма, на берегу рѣки Сара (Саруса), недалеко отъ моря». Берегъ дельты, однако, сильно выдвинулся къ востоку съ той эпохи, къ которой относится это описаніе Страбона («Географія»), XIV, V, 16. На этой картѣ положеніе города намѣчено по Киперту. По Рэмсею, Маллъ располагался къ востоку отъ древняго устья Сара, близко къ Магарсу.

«Регма» была, по всей вѣроятности, лагуна, къ западу отъ современнаго Кидна. Начиная съ періода славы Тарса, рѣка пересѣкала городъ и лагуну.

недалеко отъ устья Пирама, между болотами и сухой мѣстностью, былъ 23 вѣка тому назадъ важнѣйшимъ рынкомъ всей страны. Однако, на-

копленіе рѣчныхъ наносовъ, сдѣлавшее приставаніе къ берегу опаснымъ и угрожавшее, по словамъ оракула, соединить материкъ съ островомъ Кипромъ, затѣмъ опасныя лихорадки и, наконецъ, постоянное измѣненіе мѣстныхъ географическихъ условій, въ зависимости отъ измѣнчивости русла обѣихъ рѣкъ, Пирама и Сара, нынѣшнихъ Джехуна и Цехуна, которыя то соединялись между собой, то снова разъединялись,—всѣ эти обстоятельства обусловили, въ концѣ концовъ, переселеніе всѣхъ торговыхъ людей въ городъ Адана. Этотъ городъ располагается въ той мѣстности, гдѣ рѣка Саръ выходитъ изъ горъ, онъ лежитъ у самаго входа въ ущелья, ведущія къ Киликійскимъ Вратамъ и къ подножію Тавра, почему торговое значеніе его очень велико; несмотря на это, городъ Адана отступилъ совершенно на второй планъ съ развитіемъ другого города, знаменитаго Тарса, выстроеннаго на берегу небольшой рѣчки Кидна, «съ холодными какъ ледъ водами» [1]).

Согласно одной ниневійской надписи. миѳическій Сарданапалъ хвалился, что выстроилъ городъ Тарсъ «въ одинъ день», вмѣстѣ съ сосѣднимъ городомъ Анхіале; во времена своего расцвѣта Тарсъ сдѣлался соперникомъ городовъ, наиболѣе знаменитыхъ своими школами. «Жители Тарса проявляютъ такое рвеніе къ философіи, обладаютъ такими широкими энциклопедическими познаніями, что городъ ихъ, въ концѣ концовъ, затмилъ славу Аѳинъ, Александріи и всѣхъ другихъ городовъ, извѣстныхъ тѣмъ, что въ нихъ возникли тѣ или другія философскія ученія», говоритъ Страбонъ [2]). Географъ Амазій также перечисляетъ цѣлый рядъ знаменитыхъ людей, слава которыхъ отразилась на ихъ родномъ городѣ Тарсѣ. Нѣсколькими годами позже онъ могъ бы привести между этими знаменитыми именами обитателей Тарса еще и имя апостола Павла, явившагося настоящимъ основателемъ христіанскаго вѣроученія.

Если Тарсъ могъ предоставить своимъ гражданамъ такое большое число школъ, столько средствъ къ образованію и развитію, то этимъ онъ былъ обязанъ прежде всего тѣмъ огромнымъ богатствамъ, которыя накопились въ немъ благодаря его значительной торговлѣ. Бухта Регма, въ которую впадаетъ рѣка Киднъ, была обращена въ гавань съ широкимъ выходомъ въ море, достаточно глубокую и совершенно защищенную. Всѣ окрестныя мѣстности, защищенныя отъ разливовъ Сара и Пирама, являлись однѣми изъ плодороднѣйшихъ въ мірѣ; кромѣ того, Тарсъ пользовался тѣмъ важнымъ для торговли преимуществомъ, что на востокѣ господствовалъ надъ подходами къ знаменитому горному проходу, носившему названіе Аманикійскихъ Вратъ,—проходу, чрезъ который пролегалъ путь къ Евфрату; къ сѣверу же отъ Тарса шелъ

1) N. W. Ramsay. Scottish Geographical Journal, oct. 1903, p. 362.—2) Strabon. «Géographie». Livre XIV, V, 13.

Райскій акведукъ, близъ Смирны.

прямой путь, прорѣзающій горы и направляющійся къ Киликійскимъ Вратамъ. Эта послѣдняя дорога была однимъ изъ тріумфовъ древней цивилизаціи и дѣлала Тарсъ важнымъ жизненнымъ пунктомъ эллинскаго міра. Въ ближайшемъ будущемъ новый прокладываемый путь, малоазіатская желѣзная дорога, перемѣститъ центръ тяжести далѣе къ востоку, по направленію къ городу Адана [1]),—послѣдній сдѣлается узловой станціей, гдѣ желѣзнодорожная линія на Мерсину подойдетъ къ великому желѣзнодорожному пути, ведущему отъ Константинополя къ Персидскому заливу.

Въ теченіе жестокой борьбы между арміями разбойничьихъ племенъ и наемниковъ всѣхъ національностей,—борьбы возникшей на томъ обширномъ полѣ битвы, какое представляла собой имперія Александра, острова въ родѣ Родоса и Кипра находились въ относительно защищенномъ положеніи, такъ какъ ихъ ограждали отдѣляющіе отъ континента проливы; совершенно иной была судьба тѣхъ провинцій, которыя расположены вдоль стратегическихъ путей, служившихъ этимъ вооруженнымъ массамъ для передвиженія. Отъ разсказовъ о непрерывныхъ сраженіяхъ, осадахъ, штурмахъ и отступленіяхъ, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ и приводятъ въ движеніе изъ конца въ конецъ весь извѣстный тогда міръ, у историка, положительно, кружится голова: какъ бы великолѣпна ни была память, невозможно упомнить и прослѣдить всѣ воинскія предпріятія, всѣ взятія городовъ, предпринятыя такими завоевателями, какъ, напримѣръ, какой-нибудь Антигонъ, Димитрій Поліоркетъ или Селевкъ Никаторъ. Опустошеніе страны было ужасное, и нѣкоторыя области, гдѣ происходили столкновенія, оказывались совершенно лишенными населенія. Государства, образовывавшія небольшія политическія единицы, слишкомъ слабыя для оказанія сопротивленія, принуждены были только терпѣть и подпадали подъ власть каждаго проходившаго мимо завоевателя. Относительно слабѣе ощущали эти передвиженія вооруженныхъ армій тѣ народы, которые, какъ вавилоняне и египтяне, были чрезвычайно многочисленны, — обширность ихъ территорій предоставляла ихъ властителямъ обильные рессурсы людьми и деньгами, это позволяло выдерживать долгое время внѣшнія нападенія.

Когда развалины зданія, созданнаго Александромъ Великимъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, и столь быстро исчезнувшаго, нѣсколько осѣли, въ распредѣленіи царствъ снова проявились естественныя дѣленія на географическія области. Мы говорили уже, что Малая Азія

---

1) N. W. Ramsay, op. cit.

никогда не представляла собою одного цѣлаго: этотъ полуостровъ по самой природѣ своей дѣлился на рядъ обособленныхъ областей, склоны которыхъ направлялись сообразно съ береговыми линіями къ Черному морю, Эгейскому архипелагу, къ Кипрскому морю и къ Евфрату; Малая Азія дробилась на множество отдѣльныхъ государствъ съ границами, измѣнявшимися сообразно съ превратностями мѣстныхъ переворотовъ, сообразно съ междоусобными войнами и съ чужеземными вторженіями. Наоборотъ, бассейнъ обѣихъ рѣкъ-близнецовъ, Тигра и Евфрата, вполнѣ использовалъ тѣ первоклассныя преимущества, которыя давала ему его обособленность, въ немъ возстановилась древняя Ассирійская имперія, пріобщившая къ себѣ и тѣ изъ сосѣднихъ областей, которыя составляли ея естественные придатки. Мелкія царства и даже обширныя, но сильно ослабленныя имперіи, находившіяся по сосѣдству, принуждены были согласиться на такое поглощеніе ихъ могущественной монархіей, центромъ которой сдѣлалась Месопотамія. Такимъ образомъ, имперія Дарія и Александра, охватывавшая Иранъ и достигавшая далекой Индіи, подпала подъ власть того изъ военачальниковъ великаго завоевателя, который получилъ въ наслѣдство отъ послѣдняго Вавилонію. Наконецъ, долина Нила, другая географическая единица, образующая одно цѣлое съ хорошо намѣченными естественными границами, сдѣлалась особымъ царствомъ, развивающимся въ условіяхъ своей собственной, вполнѣ независимой жизни, совершенно подобно тому какъ царство фараоновъ въ древности.

Небольшія государства въ Малой Азіи были слишкомъ незначительными по своимъ размѣрамъ, чтобы существовать долгое время въ ту эпоху, когда страсть къ завоеваніямъ свирѣпствовала всюду въ области эллинскаго міра, когда надъ послѣднимъ витала тѣнь Александра Великаго. Впрочемъ, сила сопротивляемости анатолійскихъ народностей была сломлена въ теченіе постоянныхъ военныхъ столкновеній и борьбы съ разбойниками, сломлена настолько, что мы видимъ, какъ полчища галловъ или «галатовъ» проникаютъ изъ Ѳракіи въ Троаду, переходя черезъ Геллеспонтъ и покоряя все по пути, двигаются до самаго центра Малой Азіи и основываютъ тамъ новое государство. Впрочемъ, нѣкоторыя царства были все же въ состояніи существовать въ теченіе двухъ вѣковъ,—они принимали, однако, непрерывно различныя формы и переходили изъ рукъ великой восточной монархіи, полученной въ наслѣдство военачальниками Александра, въ руки могущественнаго Рима, который, мало-по-малу, усиливался на западѣ все болѣе и болѣе и пріобрѣталъ себѣ постепенно одну область за другою. Одно изъ такихъ государствъ, наиболѣе могущественное и наиболѣе прочно установившееся, оказало даже серьезное сопротивленіе римскимъ завоевателямъ,—это было Понтійское царство, защищаемое съ запада рѣкою Галисъ и опирающееся на цѣлый рядъ союзниковъ, занимавшихъ значительную часть

побережья чернаго моря, включая Тавриду и Арменію, было покорено римлянами послѣ длиннаго ряда годовъ упорной борьбы [1]).

№ 177. Царство Селевкидовъ и малоазіатскія государства.

1: 25 000 000

0 500 1000 1500 килом.

1. Пергамское царство. 2. Виѳинія. 3. Галатія. 4. Пафлагонія. 5. Понтійское царство. 6. Каппадокія.

Границы царствъ относятся ко времени на 200 лѣтъ послѣ смерти Александра Великаго. Многіе подвергавшіеся эллинскому вліянію города: Синопъ, Трапезунтъ, различные острова Эгейскаго моря, Родосъ, Карія и др., были независимы отъ перечисленныхъ царствъ.

Наиболѣе значительную роль во всемірной исторіи изъ всѣхъ царствъ Малой Азіи сыграло, однако, царство Пергамское,—оно принимало и наибольшее участіе въ распространеніи эллинской цивилизаціи; оно славилось великолѣпными архитектурными произведеніями, изобиловавшими статуями и барельефами, славилось своими историками и

1) См. карту № 101, «Царство Митридата» (стр. 19).

учеными, являвшимися продолжателями великихъ людей Милета и Аѳинъ, наконецъ, славилось и замѣчательнымъ собраніемъ драгоцѣннѣйшихъ пергаментовъ въ своей библіотекѣ, которая была второю по древности послѣ Александрійской.

Имперія, центромъ коей была Вавилонія, досталась при раздѣлѣ Селевкидамъ и, благодаря своему хорошо защищенному положенію, могла просуществовать еще болѣе двухъ вѣковъ; даже и впослѣдствіи она исчезла лишь съ тѣмъ, чтобы уступить свое мѣсто другому государству, которое также упорно отстаивало свою независимость противъ всѣхъ поползновеній Рима. За предѣлами Анатолійскаго полуострова все колоссальное пространство, захваченное Александромъ Великимъ на континентѣ Азіи, оказалось внѣдреннымъ въ это новое царство, и его сѣверо-восточныя границы, обнимавшія бассейны Оксуса и Яксарта, обрисовались болѣе рѣзко и опредѣленнѣе отдѣлили его отъ таинственныхъ странъ крайняго востока. Селевкъ Никаторъ, т.-е. «побѣдитель», захотѣлъ даже превзойти своего учителя Александра Македонскаго и проникнуть за предѣлы Иранскаго плоскогорія; говорятъ, что во время своего похода на Индію онъ достигъ священной рѣки Ганга. Будучи привязанными, однако, къ эллинской цивилизаціи и стремясь набирать свои вооруженныя силы на своей родинѣ, Селевкиды сдѣлали своей главной резиденціей въ Месопотаміи не Вавилонъ и даже не такой болѣе новый городъ, какъ Селевкію,—уступая естественному притяженію къ Греціи, они основали новую столицу, Антіохію, близъ залива Александретты, въ мѣстности, господствующей надъ Киликійскими вратами и надъ всѣми путями, сходящимися изъ Сиріи и изъ Малой Азіи. Мѣсто для этого города было удивительно хорошо выбрано, у входа въ богатую долину Оронта и въ той части морского побережья, которая ближе всего подходитъ къ излучинѣ Евфрата,—это представляло собою условія въ высшей степени благопріятныя для процвѣтанія города. Послѣдній, дѣйствительно, развился чрезвычайно быстро, получилъ всемірное значеніе и сдѣлался вскорѣ Тетраполемъ, т.-е. «четвернымъ городомъ», въ который стекались неисчислимыя толпы переселенцевъ—сирійцевъ, евреевъ, арабовъ, армянъ, персовъ и даже индусовъ. Особое значеніе придавало ему то, что въ немъ всѣ элементы азіатской мысли облекались во внѣшнія формы эллинской культуры и греческаго языка. Антіохія, подобно Родосу и Тарсу, Пергаму и Александріи, сдѣлалась одною изъ величайшихъ школъ средиземноморского міра на востокѣ.

Успѣхи не даются, однако, даромъ. Приближаясь къ Греціи, столица Селевкидовъ удалилась отъ естественнаго центра имперіи и не могла болѣе оказывать такого могущественнаго вліянія на отдаленныя области, расположенныя въ центрѣ Азіи, какъ ранѣе. Два центра огром-

наго эллипса обладали преимуществами совершенно противоположнаго характера,—западный центръ отличался болѣе высокой культурой, вос-

№ 178. Антіохія въ Сиріи.

Великій торговый путь изъ Европы въ Азію пересѣкалъ Аманъ маникійскими или Сирійскими Вратами въ 30 километрахъ къ сѣверу отъ Антіохіи.

точный — болѣе устойчивымъ естественнымъ равновѣсіемъ; оставленіе въ небреженіи этого послѣдняго центра имѣло слѣдствіемъ быстрое

уменьшеніе размѣровъ всего царства Селевкидовъ. Сѣверо-западныя равнины Индіи и тѣ пути по плоскогоріямъ, которые вели къ нимъ, были въ скоромъ времени забыты; Бактріана точно также, хотя и оставалась подъ управленіемъ греческихъ князей Селевкидовъ и одно время при Плотомеѣ Эвергетѣ была даже подъ управленіемъ Лагидовъ, завоевала снова свою независимость и лишила обитателей средиземноморскаго побережья цѣнныхъ торговыхъ сношеній, которыя только-что начали-было у нихъ завязываться по путямъ къ китайскому востоку [1]), пере-

Медаль Евкратида, царя Бактріаны, съ передней и съ задней стороны.
II вѣкъ до Р. Хр.

сѣкающимъ огромные горные массивы Центральной Азіи. Между Бактріаной и Месопотаміей возникло даже новое царство, отдѣлившееся отъ мидянъ и персовъ, — царство пареянъ; оно со стороны востока сдѣлалось такимъ же ревнивымъ и опаснымъ сосѣдомъ имперіи Селевкидовъ, какимъ со стороны запада сталъ Римъ во время своего поступательнаго движенія внутрь Азіи. Правда, Римъ, опытный въ дипломатіи, увѣрялъ въ письмѣ, написанномъ на греческомъ языкѣ второму царю изъ династіи Селевкидовъ, что питаетъ къ нему вѣчныя, ненарушимыя, дружественныя чувства и ставитъ лишь условіемъ, чтобы миръ и независимость Иліона — этой отчизны «благочестиваго Энея», легендарнаго предка Рима—были сохранены на вѣчныя времена [1]). Такимъ образомъ, еще за 21 вѣкъ до насъ дипломаты и политики Римской республики были уже заняты до извѣстной степени вопросомъ о своемъ «Гробѣ Господнемъ».

Въ концѣ концовъ, царство Селевковъ и Антіоховъ было снова сведено къ обоимъ своимъ составнымъ элементамъ, къ Месопотаміи и

1) J. P. Mahaffy. «The Empire of the Ptolemies», p. 199.

Фронтонъ храма въ Дамаскѣ.

къ побережью Сиріи; и въ этихъ значительно сократившихся предѣлахъ происходили постоянныя возстанія и возмущенія. Мы видимъ, напримѣръ, что такая крохотная страна, какъ Іудея, выдерживаетъ стойко нападенія сирійскихъ войскъ и, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, возстановляетъ даже свою независимость при Маккавеяхъ, — по внѣшности потому, что тяжелая рука Рима простиралась уже и на эту отдаленную область, имѣвшую, однако, большое значеніе какъ этапъ между бассейномъ Евфрата и долиною Нила. Іудея, чрезвычайно удобная для защиты благодаря окружающимъ ее горамъ и глубокой впадинѣ Іордана, была, вполнѣ естественно, вмѣстѣ съ областью Ливана и Цёло-Сиріей, яблокомъ раздора между обѣими сосѣдними могущественными державами. За исключеніемъ короткаго періода сирійскаго вторженія, она была сперва подъ властью Птоломеевъ, которые управляли съ большою осмотрительностью этой страной, столь отличающейся по своей природѣ отъ ихъ собственной; но, когда Антіохъ Эпифанъ, царь Сиріи, сталъ водружать алтарь за алтаремъ, и когда пришли въ столкновеніе обѣ цивилизаціи, эллинская и іудейская, то предшествовавшее угнетеніе вызвало такой взрывъ

національнаго чувства, что возставшіе іудеи оказались сильнѣе своихъ притѣснителей и одержали надъ ними побѣду.

Такимъ образомъ, каждая часть имперіи, благодаря интригамъ и путемъ заключенія союзовъ съ римскими военачальниками, содѣйствовала распаденію, а затѣмъ и окончательной гибели Сиріи. Селевкидамъ мѣшало противодѣйствовать энергичнымъ захватамъ могущественнаго Рима то, что они оставались чужеземцами среди народовъ ихъ области. Они не умѣли пускать глубоко корни въ тѣхъ странахъ, которыми управляли; будучи греками, а не представителями востока, они продолжали искать точки опоры среди греческаго міра: войска, которыми они пользовались для удержанія своихъ подданныхъ въ повиновеніи, состояли изъ собираемыхъ въ Европѣ наемниковъ — эллиновъ, македонянъ или ѳракійцевъ. Эти переселенцы, обитая въ своихъ вооруженныхъ лагеряхъ или крѣпостяхъ, не сливались съ населеніемъ, прикрѣпленнымъ къ странѣ болѣе прочно,—они не натурализовались, точно также, какъ не натурализовались и ихъ повелители: бракосочетаніе Европы и Азіи, символически отпразднованное Александромъ Македонскимъ въ Вавилонѣ, не претворилось въ живую дѣйствительность! Совершенно такимъ же образомъ позднѣе рыцари-крестоносцы, несмотря на одержанныя ими побѣды и сдѣланныя завоеванія, оставались всегда въ областяхъ Святой Земли не болѣе какъ искусственно пересаженными и лишенными корней растеніями! Съ того времени какъ Римъ, сдѣлавшись обладателемъ Греціи, запретилъ вывозъ оттуда войскъ, Сирія, равно какъ и Египетъ, оказались лишенными военныхъ силъ и были вполнѣ предоставлены во власть проконсуловъ [1]). Наслѣдіемъ Рима остался огромный городъ Антіохія, имѣвшій собственныя оригинальныя черты, отличавшійся своеобразными, совершенно оригинальными чертами и служившій новымъ центромъ формированія народовъ Востока.

Птоломей, который получилъ послѣ смерти Александра сатрапію Египта, обладалъ, повидимому, совершенно исключительнымъ искусствомъ улаживать дѣла со жреческимъ сословіемъ, при помощи котораго онъ надѣялся укрѣпить довѣріе къ себѣ покореннаго египетскаго народа. Первой заботой его была постройка храмовъ по всѣмъ правиламъ религіозной архитектуры. Пока тайны іероглифовъ не были еще раскрыты европейскими путешественниками, эти послѣдніе, видя полное отсутствіе какихъ-либо греческихъ чертъ въ сооруженіяхъ, возведенныхъ по повелѣнію Птоломея, воображали, что эти зданія—произведенія настоящаго египетскаго искусства. Лишь когда были дешифрированы надписи, было дознано, что храмы въ Эдфу, въ Эсне, въ Дендерѣ и въ Филахъ были

1) Michelet, «Histoire romaine», II, p. 59.

Храмъ въ Филахъ.

отнюдь не древняго происхожденія, и строителями ихъ былъ греческій завоеватель, царь Птоломей, собственное изваяніе котораго сохранилось и изображаетъ его колѣнопреклоненнымъ предъ богиней Пахи. Безъ сомнѣнія, новый властитель Египта не давалъ себѣ труда углубляться въ смыслъ символическихъ знаковъ, изображающихъ его собственное имя,—онъ удовлетворялся тѣмъ, что всюду воспроизводилъ ихъ съ большою точностью. Именно ему и другимъ Птоломеямъ обязанъ Египетъ большинствомъ храмовъ, которые сохранились до настоящаго времени. Поскольку персы были дикими и неразумными варварами, уничтожавшими храмы египтянъ, постольку Лагиды дѣйствовали хитро и расчетливо, оказывая полное вниманіе побѣжденнымъ.

Давъ своимъ подданнымъ полное удовлетвореніе, въ смыслѣ ихъ религіозныхъ чувствъ, первый изъ Птоломеевъ задался цѣлью приблизить къ нимъ и своихъ собственныхъ соотечественниковъ и помощниковъ, грековъ и македонянъ. Онъ старался превратить ихъ въ египтянъ и заставлялъ ихъ поклоняться египетскимъ богамъ, — впрочемъ, надо сказать, что это было и не такъ уже трудно: личности боговъ представляли собой олицетворенныя силы природы, внѣшнія формы коей зависятъ вполнѣ отъ воображенія человѣка и мѣняются непрерывно, подобно формамъ облаковъ, ползущихъ по небосклону. Греческіе боги и боги еги-

петскіе, мало-по-малу, слились подобно тому, какъ ранѣе то соединялись, то раздваивались божества солнца, богини жатвы или богини любви. Великое божество, вызванное къ жизни въ Александріи,—божество, которому былъ посвященъ наиболѣе роскошный храмъ этого города, соединяло въ себѣ древняго бога Пта, бывшаго богомъ Мемфиса, представителя его на землѣ—быка Аписа, который, впрочемъ, на самомъ дѣлѣ былъ азіатскаго происхожденія, затѣмъ великаго Озириса, бывшаго одновременно какъ солнцемъ, такъ и Ниломъ и представлявшаго собою въ то же время плодородіе, наконецъ, въ составъ этого божества входилъ и таинственный Гадесъ грековъ, царствующій въ мрачномъ подземномъ царствѣ. Это сложное и многообразное божество Озиръ-Напи или Сераписъ было настолько растяжимо, что позднѣе оно сливалось и со многими болѣе новыми божественными личностями—съ Митрой, съ Іисусомъ Христомъ, съ Богомъ-Словомъ, со Святымъ Духомъ, — съ божествами, сколько-нибудь подходившими къ нему своей мистической природой или своимъ философскимъ обоснованіемъ: въ этой безконечной сущности сливались бытіе и небытіе!

Антиноя. Водоносъ и земледѣлецъ.
Терракоттовыя статуэтки римской эпохи.

Особенно замѣчательно обстоятельство, что Сераписъ обнималъ въ своемъ безграничномъ величіи всѣ три лица божества, служащія отдѣльными проявленіями Всемогущаго Бога властителя міра. Чувствуя себя безсильнымъ оказывать одинаковое поклоненіе всѣмъ многочисленнымъ богамъ, душа народа олицетворяла всѣхъ ихъ въ трехъ господствующихъ личностяхъ,—на нихъ концентрировалась вся та пламенная вѣра, которою пылаютъ сердца людей. Не должно ли видѣть въ этихъ трехъ лицахъ Сераписа символы бога Неба, бога Земли и бога Подземнаго міра? Не должно ли ихъ также отожествлять съ богомъ, господствующимъ надъ прошедшимъ, съ богомъ-правителемъ настоящаго времени и богомъ-вершителемъ судебъ въ будущемъ? Понятія о божествѣ неизбѣжнымъ образомъ подвижны какъ сновидѣнія, не имѣютъ границъ сколько-нибудь точныхъ,—всѣ аттрибуты лицъ египетской троицы перешли, несомнѣнно, отъ троицы—Тримурти индусовъ, въ составъ которой входилъ творецъ

Антиноя. Земледѣльцы, обрабатывающіе пашню.
Терракоттовыя статуэтки.

міра, Брама, хранитель міра, Вишну, и разрушитель его Сива. Неопредѣленность характера божественныхъ личностей, царящихъ на небѣ и отъ вѣка до вѣка, съ переходомъ отъ одного народа къ другому, измѣняющихъ свои наименованія, должна была облегчать какъ уменьшеніе числа, такъ и увеличеніе числа лицъ божества, признаваемаго единымъ. Такъ, у древнихъ евреевъ Богъ разлагался вполнѣ естественно на два лица, Іаве и его Отца которымъ поклонялись въ одномъ и томъ же храмѣ; кромѣ того, въ искаженныхъ текстахъ Ветхаго Завѣта упоминается супруга Бога Руа, или Духъ, которую превратили также въ святого Духа. Совершенно такъ же у моавитянъ богъ Камохъ, представляющій огромное сходство съ Іаве іудеевъ, имѣетъ матерью богиню Астаркамохъ. Такимъ же точно образомъ при развитіи католическаго культа Приснодѣва Марія, «Матерь Божія», присоединилась, вопреки оффиціальнымъ догматамъ церкви, въ молитвахъ вѣрующихъ къ тремъ лицамъ Троицы въ качествѣ четвертаго лица. Развѣ не сдѣлалась она на самомъ дѣлѣ для большинства людей, призывающихъ ее въ своихъ молитвахъ, «Владычицей» по преимуществу, всемогущей «Царицею Небесъ», отверзающей врата рая?

Антиноя Погонщикъ воловъ.
Терракоттовая статуэтка.

Птоломеи были предшественниками тѣхъ конституціонныхъ монарховъ нашихъ временъ, которыхъ политики особенно прославляютъ за ихъ ловкость и умѣнье управлять своими подданными,—они, дѣйствительно,

чрезвычайно искусно льстили народу, но въ то же время не предоставляли ему ни малѣйшей свободы. Они не признавали совершенно такой самостоятельной организаціи отдѣльныхъ городовъ, какая обусловила величіе Греціи,—именно организаціи, при которой общіе интересы горожанъ обсуждались въ ихъ собраніи. Единственная община, за которой они признавали, по крайней мѣрѣ, кажущуюся самостоятельность, это была каста македонскихъ воиновъ,—они, по крайней мѣрѣ въ теоріи, сохранили древнее народное право избирать новаго царя и судить государственныхъ преступниковъ. Однако, и здѣсь Птоломеи устраняли всякую угрожающую имъ въ этомъ направленіи опасность тѣмъ, что поддерживали въ арміи полное повиновеніе, привлекая на службу хорошо оплачиваемыхъ наемниковъ, которые по первому знаку были готовы уничтожить всѣхъ возставшихъ противъ царской власти. Александрія—городъ, который по своей научной дѣятельности являлся прямымъ наслѣдникомъ Аѳинъ, не пользовался, однако, подобно Аѳинамъ, правомъ созывать многолюдныя свободныя собранія, на которыхъ произносились рѣчи ораторами,—правда, говорятъ, что обитателямъ Александріи были предоставлены большія «привилегіи», но заключались онѣ въ томъ, что горожане могли быть биты лишь палками, тогда какъ остальное населеніе били ременнымъ бичомъ, съ которымъ по наслѣдству хорошо знакомы и современные намъ феллахи [1]). Въ Египтѣ не было вовсе гражданъ, были лишь подданные. Папирусы той эпохи приводятъ намъ безконечные списки чиновниковъ, образующихъ сложную іерархическую лѣстницу и пишущихъ безъ конца акты и документы, къ полному вреду общественнаго дѣла.

Эпоха Птоломеевъ была для Египта періодомъ чрезвычайнаго обогащенія; благодаря своей торговлѣ Александрія стала фактически центромъ всего міра. Египтяне, которые въ теченіе долгихъ вѣковъ разсматривали море какъ проклятую стихію, какъ царство грознаго Тифона, сдѣлались въ эту эпоху настоящими властителями всего восточнаго Средиземнаго моря. Имъ случалось даже господствовать въ Эгейскомъ морѣ: послѣ захвата Кипра и Киренаики, послѣ союза, заключеннаго съ Родосомъ, въ честь котораго первый Птоломей придалъ себѣ наименованіе «спасителя», такъ какъ онъ уничтожилъ всѣ флотиліи морскихъ разбойниковъ, Египетъ сдѣлался,—правда, не безъ многихъ превратностей,—главною морскою державою на Средиземномъ морѣ, къ востоку отъ Сициліи. Конфедерація острововъ Эгейскаго моря, среди которыхъ главное мѣсто занималъ, по всей вѣроятности, островъ Теносъ, избрала Птоломея Сотера своимъ президентомъ и отпраздновала рядъ блестящихъ празднествъ въ его честь [2]). Даже Аѳины, эти гордыя Аѳины, спустились благодаря своему разоренію до такого позора, что позволили объявить себя

1) J. P. Mahaffy. «The Empire of the Ptolemies», p. 76 ss. 2) Th. Homolle. Bulletin de la Soc. de Géographie de l'Est.

городомъ, подчиненнымъ въ качествѣ вассала Птоломею Филадельфу, который, въ награду за это униженіе, прислалъ имъ въ подарокъ 50 талантовъ! Это печальное приключеніе, явившееся позорнымъ концомъ Аѳинъ, съ негодованіемъ разсказывается Гротомъ въ заключительной главѣ его «Исторіи Греціи»[1]). Наконецъ, позднѣе не былъ ли также при-

№ 179. Міръ, извѣстный во времена Эратосѳена.

Карта эта—реконструкція той карты всего міра, которую начертилъ Эратосѳенъ, возстановленная по указаніямъ и критическимъ замѣчаніямъ Страбона, такъ какъ ни оригинальныхъ географическихъ чертежей, ни картъ эпохи, предшествующей Р. Хр., до насъ не дошло. Произведенія Гекатея, Дицеарха, Геродота и Анаксимандра утрачены, равно какъ и текстъ, сопровождавшій карту Эратосѳена, и рисунокъ, приложенный къ «Географіи» Страбона. Хотя Эратосѳенъ и сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ ошибокъ въ расположеніи и въ разстояніяхъ, но должно замѣтить, что болѣе правильныя очертанія Средиземнаго моря были даны лишь въ концѣ XVII вѣка.

знанъ Птоломей Эвергетъ главнокомандующимъ всѣми флотами Аттики и Ахейскаго союза?

Къ Александріи сходились съ востока и съ юга торговые караванные пути, сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовавшіе росту торговаго значенія города; торговля шла также по нижнему теченію Нила и черезъ обычные портовые города Краснаго моря, къ которымъ присоединился еще городъ Вереника, расположенный подъ той же широтой, какъ Сіена. Были приняты мѣры къ тому, чтобы устроить дороги черезъ пустынныя «Арабскія» горы и чтобы такимъ образомъ облегчить и обезопасить доступъ богатствъ Индіи и восточной Африки въ торговые склады Александріи. Въ эту эпоху судоходный каналъ отъ Нила къ Суэцкому заливу,

1) «Histoire de la Grèce». Ch. XCVI.

черезъ бассейны Горькихъ озеръ, былъ приведенъ въ полную исправность, и корабли изъ Краснаго моря могли непосредственно достигать долины Египта. Впрочемъ, тѣ изъ моряковъ, которые хотѣли избѣжать опаснаго плаванія въ водахъ, усѣянныхъ рифами, останавливались южнѣе либо въ портовомъ городѣ Міосъ-Хормосъ, либо въ Вереникѣ и направлялись затѣмъ по тому или по другому сухопутному пути, ведущему черезъ пустыню и примыкающему къ морскимъ путямъ. Происходило совершенно то же самое, что предпринимается и въ настоящее время націей, господствующей на морѣ: не довольствуясь Суэцкимъ каналомъ, англичане стараются на всемъ протяженіи отъ Коссеира до Момбазы, вдоль береговъ Краснаго моря и Индійскаго океана, устроить подъѣздные желѣзнодорожные пути, примыкающіе къ тому великому морскому торговому пути, который соединяетъ долину Нила съ мысомъ Доброй Надежды.

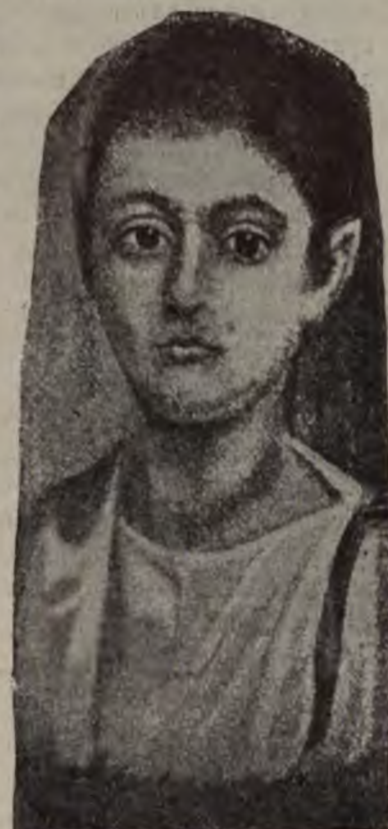
Образецъ греческой живописи.
Картина на деревѣ, покрытомъ разноцвѣтнымъ воскомъ, относящаяся ко II вѣку христ. эры, найденная Флиндерсомъ Петри въ могилахъ Хавары.

Наконецъ, Птоломеемъ Филадельфомъ былъ построенъ въ Александріи первый большой маякъ, облегчающій плаваніе мореходамъ.

Утилизація земельныхъ богатствъ въ плодородной долинѣ Нила милліонами покорныхъ подданныхъ и огромная торговля, производившаяся въ резиденціи Птоломеевъ купцами, собравшимися со всѣхъ частей свѣта, объясняютъ въ достаточной степени, какимъ образомъ въ рукахъ властителей Египта скопились колоссальныя сокровища. Быть-можетъ, къ этимъ источникамъ доходовъ должно присоединить еще выгоды, которыя получались отъ эксплуатаціи рудниковъ Нубіи и южной Африки. Говорятъ, что невозможно объяснить себѣ, откуда взялось то огромное количество золота, которое заключалось въ царскихъ сокровищницахъ [1]),

1) Henry E. O. Neil. Scottish Geographical Magazine, 1886.

иначе какъ предположеніемъ, что золотоносныя розсыпи современнаго Трансвааля и страны Машона были тогда уже извѣстны и эксплуатировались. Дѣйствительно, по Аппіану, богатства Филадельфа, собранныя въ подвалахъ его дворца, достигали 740000 талантовъ, что на наши деньги составляетъ почти три милліарда франковъ [1]). Впрочемъ, древніе авторы давали всегда указанія столь общія и расплывчатыя, такъ рѣдко сопровождали ихъ точными документами, что цифрамъ этимъ нельзя придавать особой вѣры. Намъ сообщаютъ, съ другой стороны, что, по всей вѣроятности, непосредственныя сношенія между бассейномъ Замбези и бассейномъ Нила во времена Птоломеевъ были уже прекращены.

Образецъ греческой живописи.
Картина на деревѣ, покрытая разноцвѣтнымъ воскомъ, относящаяся ко II вѣку христ. эры, найденная Флиндерсомъ Петри въ могилахъ Хавары.

Какъ бы то ни было, богатства египетскихъ царей позволяли имъ содержать на жалованіи массу наемниковъ, выплачивать въ чужихъ странахъ огромныя суммы множеству своихъ агентовъ и льстецовъ и удовлетворять всѣмъ своимъ капризамъ и художественнымъ фантазіямъ. Такъ, Птоломей Филадельфъ, большой любитель естественной исторіи, устроилъ вблизи Александріи зоологическій садъ и отправлялъ спеціальныя суда для отыскиванія слоновъ по берегамъ Сомали; суда эти перевозили ихъ въ Нижній Египетъ по Красному морю и по каналу. Корабли эти плохо выдерживали морской переходъ и, подходя къ берегамъ, случалось, разбивались о коралловые рифы. Охота на слоновъ, примѣнявшихся также для военныхъ походовъ, приняла такіе размѣры въ «странѣ ихтіофаговъ», т.-е. по берегамъ Африки, внѣ Краснаго моря, что третій Птоломей опасался уже полнаго уничтоженія этихъ толстокожихъ и рекомендовалъ своимъ морякамъ, отправлявшимся за слонами, предписывать мѣстнымъ жителямъ мѣры предосторожности [2]).

Сдѣлавшись центральнымъ очагомъ торговли, Александрія стала въ то же время и главнѣйшимъ мѣстомъ объединенія ученыхъ и фило-

1) Если считать талантъ золота въ 3800 франковъ. — 2) J. P. Mahaffy, op. cit., p. 816.

софовъ,—въ этомъ отношеніи она сдѣлалась новыми Аѳинами. Среди множества своихъ подданныхъ и среди знаменитыхъ посѣтителей Птоломеи подбирали себѣ людей, которые могли тѣмъ или другимъ образомъ возвысить ихъ собственный престижъ,— ихъ они группировали вокругъ себя и осыпали ихъ щедрыми милостями. Греческіе ученые и философы, призванные Птоломеемъ Сотеромъ и принадлежавшіе къ самымъ различнымъ школамъ, жили во дворцѣ, спеціально посвященномъ музамъ, на полномъ иждивеніи царя, свидѣтельствуя своимъ присутствіемъ о величіи и щедрости повелителя. Избираемому среди жрецовъ и назначаемому царемъ начальнику былъ оффиціально порученъ культъ музъ, и онъ же; по всей вѣроятности, былъ обязанъ произносить торжественныя рѣчи въ присутствіи повелителя. Что касается обитателей Дворца Музъ, то имъ предоставлялась полная свобода въ ученыхъ занятіяхъ и въ производствѣ тѣхъ изслѣдованій, какія имъ только казались желательными, общій режимъ въ этомъ «Музеумѣ» былъ, по всей вѣроятности, похожъ на тотъ, какой наблюдался въ средніе вѣка въ монастыряхъ бенедиктинцевъ. Вокругъ Музеума возникли учебныя заведенія, въ которыхъ молодые ученики поучались мудрецами: тамъ же образовалась и величайшая въ мірѣ библіотека, къ которой вскорѣ присоединилось второе книгохранилище, предназначенное, безъ сомнѣнія, для храненія дублетовъ книгъ,—въ обоихъ этихъ библіотекахъ были съ большою старательностью собраны всѣ записанныя творенія предшествовавшихъ вѣковъ на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ. Это была величайшая сокровищница человѣческой мысли.

Впрочемъ, свободный творческій геній не можетъ примѣняться къ жизни, зависящей отъ милостей и отъ капризовъ властелина, къ существованію, урегулированному безконечнымъ количествомъ точно опредѣленныхъ церемоній. Въ первое время своего существованія, правда, Музеумъ Александріи насчитывалъ среди своихъ обитателей людей чрезвычайно выдающихся своимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, ученыхъ, занимавшихся конкретной позитивной наукой, анатомовъ, геометровъ, географовъ, астрономовъ, между которыми находились, напримѣръ, Герофилъ, Эвклидъ, Эратосѳенъ и другіе ученые, занимавшіеся своими изслѣдованіями въ полномъ невѣдѣніи или въ полномъ пренебреженіи къ внѣшнему міру; большая часть обитателей Музеума состояла, однако, изъ льстецовъ и интригановъ, придворныхъ поэтовъ, сочинителей дифирамбовъ и эпиграммъ. Паразиты по своей натурѣ поняли очень скоро, что обитатели, попавшіе въ «клѣтку музъ», находили тамъ великолѣпный пріютъ и уроки, или же сочиняемые ими пустяки прекрасно оплачивались. Мало-по-малу, мѣста въ Музеумѣ сдѣлались даже прямо наслѣдственными, переходившими отъ отца къ сыну; преподаваемые тамъ курсы сдѣлались, въ концѣ концовъ, лишь изложеніями способовъ льстить

вліятельнымъ особамъ. Вполнѣ естественно также, что позднѣе основаніе такого института вызвало многочисленныя подражанія; такъ, Адріенъ создалъ въ Римѣ, а затѣмъ и въ Аѳинахъ нѣчто въ родѣ университета, похожаго на Александрійскій Музеумъ [1]).

Вполнѣ понятно, что люди, обладающіе характеромъ и самостоятельными наклонностями, держались въ сторонѣ отъ этого дворца лести,—нѣкоторое число болѣе выдержанныхъ по своему характеру людей, избѣгая близкаго знакомства съ царедворцами, предпочло пренебречь приглашеніемъ Птоломея и удалилось на островъ Косъ, гдѣ жило въ созерцаніи окружающей природы, наслаждаясь тѣснымъ общеніемъ и дружбою между собою. Притягательное вліяніе большого города, въ которомъ было столько способовъ удовлетворенія умственныхъ запросовъ, собирало въ немъ все же большое число людей, жаждущихъ научиться чему-нибудь полезному.

Птоломей Апіонъ Александрійскій.
I вѣкъ христ. эры. Бронза изъ Неаполитанскаго музея.

Благодаря этому, Александрія сдѣлалась школой такой же великой, какой были ранѣе Аѳины, и область притяженія, оказываемаго этой школой,— область, изъ которой она черпала своихъ учениковъ, была даже вдвое обширнѣе, чѣмъ таковая Аѳинъ. Уже при управленіи Птоломея Филадельфа, «тулумайя», какъ они назывались въ индусскихъ документахъ, т.-е. буддистскіе миссіонеры, были царемъ Асока, заботившимся о распространеніи буддизма, посланы изъ Индіи въ Александрію и принесли съ собою александрійскимъ ученымъ «священныя травы» и «слова мира и спасенія».

1) G. Botti. Bulletin de la Soc. Khédiv. de Géogr. 1898, n° 2, pp. 82, 83.

Въ исторіи Александрія является, слѣдовательно, предъ нами въ качествѣ одного изъ тѣхъ городовъ, гдѣ духовная дѣятельность предуготовала судьбы человѣчества путемъ революціи мысли, прогресса въ наукѣ и затѣмъ обратно путемъ двинувшагося на научныя завоеванія религіознаго мистицизма. Родина христіанства, на самомъ дѣлѣ, находилась гораздо болѣе въ Александріи, чѣмъ въ Іерусалимѣ, въ Антіохіи или въ Римѣ; однако, это исканіе человѣчествомъ спасенія въ высокихъ небесныхъ идеалахъ, далеко отъ повседневной жизненной борьбы и плодотворной работы, предвѣщало роковымъ образомъ порабощеніе человѣческаго интеллекта. Римляне, послѣ присоединенія богатой Сициліи и Карѳагена и послѣ опустошенія всѣхъ окружающихъ странъ, вошли во вкусъ завоеваній и захвата и видѣли въ плодородныхъ пространствахъ Египта лишь наслѣдство сильныхъ и храбрыхъ. Какъ въ наше время англичане заняли долину Нила, въ виду того, что она является естественнымъ дополненіемъ ихъ собственной имперіи и образуетъ главнѣйшій этапъ на великомъ міровомъ пути, ведущемъ изъ Англіи въ Индію и въ Австралію, какъ французы заняли Тунисъ, отнюдь не съ цѣлью наказанія «крумировъ», а лишь потому, что страна эта представляетъ собою продолженіе Алжира, такъ и у римлянъ не было никакихъ другихъ основаній къ захвату Египта, кромѣ ихъ собственной алчности. Предлогъ къ тому, конечно, всегда можно найти при желаніи— достаточно было того, что страна была богата и неспособна къ защитѣ, такъ какъ не имѣла другихъ военныхъ силъ, кромѣ наемныхъ войскъ. Путемъ подкупа подарками римскихъ правителей Птоломеи сумѣли нѣсколько отсрочить роковую развязку, но не могли ее предотвратить. Несмотря на то, что египетскій царь обивалъ пороги римскихъ адвокатовъ съ унизительными просьбами, ничто не помогло. Юлій Цезарь, Антоній, затѣмъ Октавій вступали въ Александрію побѣдителями, ничего, впрочемъ, не измѣнивъ въ окружающемъ, такъ какъ Египетъ управлялся, какъ простое имѣніе египетскихъ царей; римскимъ императорамъ, сдѣлавшимся его обладателями и заступившимъ мѣсто наслѣдниковъ Александра Великаго, оставалось только сохранить прежнихъ чиновниковъ и сборщиковъ податей. Префекты областей обладали всѣми полномочіями и, будучи лишь подчинены верховной волѣ Цезаря, управляли одновременно какъ финансами, такъ и судопроизводствомъ и войсками. Повиновеніе народа было постоянно въ высшей степени совершенное: въ царствованіе Траяна одинъ единственный римскій легіонъ, даже несмотря на то, что онъ въ значительной степени былъ рекрутированъ въ самомъ Египтѣ, оказывался достаточнымъ для удержанія во власти Рима всей страны [1]).

1) I. Grafton Milne. «A History of Egypt under Roman Rule».

Такимъ образомъ, обширная Нильская область, присоединенная безъ того, чтобы ее пришлось завоевывать, вошла совершенно легко въ составъ колоссальной Средиземноморской имперіи; разсказываютъ, что при такомъ своемъ политическомъ и административномъ объединеніи съ Римомъ Египетъ передалъ последнему обширный штатъ писцовъ и чиновниковъ, сформировавшійся въ немъ за долгіе годы управленія. Эта одряхлѣвшая страна передала также и свой дворцовый этикетъ двору Августа, который вмѣсто того, чтобы подражать Цезарю, предпочелъ взять за образецъ Александра Великаго, египетскихъ фараоновъ и царей Персіи. Кромѣ того, Римъ наслѣдовалъ отъ Египта и часть его научныхъ пріобрѣтеній,—такъ, календарь, носящій названіе «Юліанскаго», представляетъ собою не что иное, какъ календарь египетскихъ жрецовъ [1]). Дополнительный день, прибавляемый въ високосномъ году и приписываемый обыкновенно Цезарю, былъ уже задолго до того въ постоянномъ употребленіи въ Ѳивахъ.

Колонна Помпея въ Александріи.

Сдѣлавшись подъ управленіемъ Птоломеевъ, главнымъ образомъ, благодаря содѣйствію острововъ Кипра и Родоса, населенныхъ моряками, могущественной морской державою, Египетъ, въ столицѣ котораго концентрировались всѣ рессурсы страны, направилъ почти всю свою дѣятельность на то море, на берегу котораго находилась Александрія. Египетъ пользовался, впрочемъ, также и длиннымъ рукавомъ

1) J. P. Mahaffy, «The Empire of the Ptolemies», p. 484.

Краснаго моря и каналомъ, который соединялъ послѣднее съ Ниломъ; торговля ароматическими веществами, драгоцѣнными смолами, золотомъ, перевозка слоновъ и пр. требовали отъ занимавшихся ею купцовъ отваги и рѣшительности, заставляли ихъ пускаться за предѣлы входа въ Красное море, отправляться въ Индійскій океанъ и въ южную Африку. Извѣстно, что Птоломей Филадельфъ устроилъ торговыя станціи на

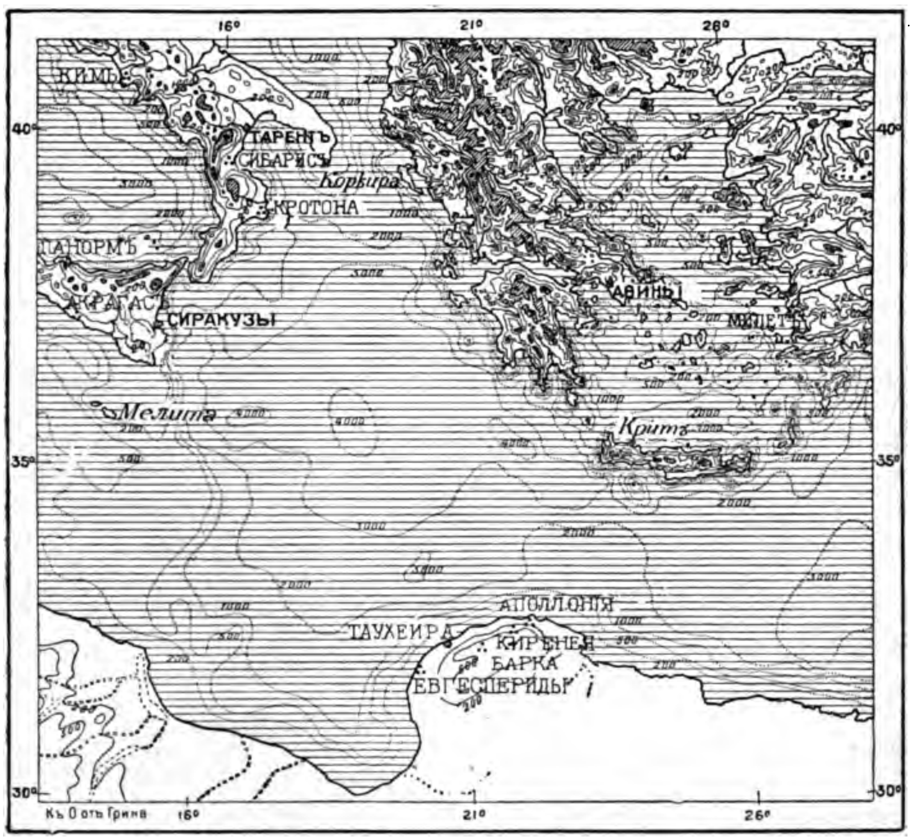
Чаша Полифема, найденная въ Киренѣ.

сомалійскомъ берегу; нѣтъ, однако, никакихъ точныхъ доказательствъ тому, чтобы греческіе мореплаватели изъ Александріи проникали также далеко на югъ и на востокъ, какъ проникали финикіяне; они не рѣшились повторить отважное путешествіе вокругъ Африки, которое было совершено подъ управленіемъ фараона Нехо.

Къ западу отъ Египта простиралось плато Киренаики, которое было такъ близко къ Александріи, что не могло не войти насильственно въ сферу ея притяженія. Эта область была совершенно эллинизирована, она представляла собою одно географическое цѣлое, хорошо ограниченное водами и песками, благодаря чему обитатели ея пытались неоднократно отвоевать снова свою независимость. Именно въ этой странѣ родилась легенда объ Антеѣ, который, будучи брошенъ на землю Герку-

лесомъ, снова воспринимаетъ и увеличиваетъ свою силу путемъ прикосновенія къ кормилицѣ-землѣ! Впрочемъ, неравенство силъ между Египтомъ, обладавшимъ могущественнымъ флотомъ, и крохотной Киренаикой было огромно; попытки послѣдней къ возстанію не могли поэтому

№ 180. Греческія побережья центральной части Средиземнаго моря.

1: 12500000

0 100 400 800 килом.

удасться. Киренаика оставалась, такимъ образомъ, въ вассальной зависимости отъ сосѣдняго могущественнаго государства; Александрія была ея главнымъ пунктомъ, и къ Музеуму этого города, его библіотекамъ и школамъ направлялись всѣ стремленія обитателей Киренаики, жаждавшихъ науки и знанія, каковыми были, напримѣръ, Каллимахъ и Эратосѳенъ. Когда же Египетъ перестадъ быть сильнымъ, и когда римское могущество возросло на западѣ, Киренаика, оспаривавшаяся обѣими странами, подпала естественнымъ образомъ подъ власть того государства,

которое было молодо, обладало нравственнымъ престижемъ и военною силою; несмотря на всѣ протесты, несмотря на многовѣковую дружбу, связывавшую страну съ Египтомъ, римская республика присвоила себѣ територію Киренаики совершенно такъ же, какъ она присоединила къ себѣ и островъ Кипръ,—вѣдь она постоянно, прежде чѣмъ напасть на самую крѣпость, занимала предварительно отдѣльно лежащіе форпосты послѣдней.

Отъ побережья Македоніи до береговъ Большого Сирта мелкія греческія народности, обитавшія на островахъ и полуостровахъ Эгейскаго моря, распространяли свою власть и свое умственное вліяніе, свой языкъ и свои искусства на огромномъ протяженіи вдоль всего побережья моря. Пропонтида, Понтъ Евксинскій, Мареотида, воды Крита, Родоса и Кипра были имъ хорошо знакомы. Не было залива, который они не изслѣдовали бы; не было острова или мыса, которыхъ бы они не знали,—имъ были извѣстны воинственныя и торговыя наклонности каждой самой незначительной народности по берегамъ, всюду на любомъ сколько-нибудь пригодномъ мѣстѣ ими были устроены мелкія колоніи изъ двухъ-трехъ семей, и занята территорія. Въ концѣ концовъ, грекамъ удалось вытѣснить финикіянъ со всѣхъ тѣхъ выгодныхъ позицій, которыя эти послѣдніе занимали до того на Анатолійскомъ побережьѣ и на островахъ,—имъ приходилось лишь избѣгать побережья, находившагося во власти Тира, т.-е. береговъ Средиземнаго моря, начиная отъ залива Александретты до дельты Нила.

По всему восточному Средиземному морю греки встрѣчались вперемежку съ туземными народностями, съ которыми они не имѣли никакого сходства; ихъ цивилизующее вліяніе не распространялось, впрочемъ, на страну, расположенную внутрь отъ побережья, если не считать македонскихъ завоеваній. Послѣднія были дѣломъ царей, военачальниковъ и воиновъ, вслѣдствіе чего сліянія между народностями не происходило. Косвенное вліяніе греческаго періода было, однако, продолжительно: обращенная къ востоку Эллада служила восточному міру какъ бы зеркаломъ,—она открыла этотъ міръ для него самого и придала народностямъ востока то чувство общности и взаимной связи, съ которымъ они ранѣе не были знакомы. Если эллины, въ свою очередь, были затѣмъ поглощены Римомъ, то слѣдуетъ замѣтить, что они до извѣстной степени сами вызвали къ жизни ту организацію, о которую позднѣе разбилось могущество Италіи въ долинѣ двухъ великихъ рѣкъ-близнецовъ.

Къ западу отъ Греціи относительное положеніе морскихъ силъ, равно какъ и отношенія между колонизаторами и туземными жителями, были совершенно иными. Находившійся тамъ торговый пунктъ финикіянъ развился, мало-по-малу, въ то время какъ эллины утверждали

свое могущество на восточныхъ берегахъ въ сильнѣйшую имперію, и когда греки, въ свой чередъ, направили свое вниманіе на западъ, сопротивленіе карѳагенянъ дало имъ значительный отпоръ во многихъ пунктахъ побережья. Послѣ многихъ годовъ и даже многихъ вѣковъ борьбы греки все же оказались владѣльцами береговъ южной Италіи и обладателями многихъ пунктовъ на Лигурійскомъ побережьѣ, тогда

№ 181. Греки и финикіяне.

какъ колоніи семитовъ окаймляли африканское побережье и острова Тирренскаго моря, берега Испаніи, наконецъ, даже нѣкоторыя мѣстности, находившіяся за «столбами Мелькарта», на берегу океана. Сицилія была подѣлена этими борющимися между собою силами, причемъ колонисты каждой національности устраивались на тѣхъ берегахъ, которые имѣли наиболѣе удобныя сообщенія съ той метрополіей, откуда они пришли.

Во всѣхъ своихъ колоніяхъ, расположенныхъ къ западу отъ Греціи, греческіе мореплаватели приходили въ соприкосновеніе съ людьми, находившимися на иномъ уровнѣ культуры, мало отличавшемся отъ ихъ собственнаго, и подготовленными къ быстрому воспріятію всѣхъ благъ, проистекавшихъ отъ ихъ открытій и изобрѣтеній. Несмотря на различіе языковъ, вліяніе было прямымъ, непосредственнымъ, глубокимъ,—колонизаторы чувствовали себя равными среди равныхъ.

Быть-можетъ, даже отчасти отсутствіе греческихъ колоній на этрусскихъ и адріатическихъ берегахъ полуострова Италіи объясняется болѣе высокой цивилизаціей этой части станы. Туземные жители имѣли оправданіе своимъ враждебнымъ отношеніямъ къ чужеземнымъ пришельцамъ въ томъ, что выгода отъ устройства послѣднихъ въ данной мѣстности была не велика; съ другой стороны, и колонисты старались отыскивать лишь такіе берега, гдѣ они могли бы играть извѣстную роль или получать опредѣленныя выгоды.

Южная Италія, до которой такъ легко добраться изъ Коринѳскаго залива,—переходъ по открытому морю отъ Коркиры до мыса Япигіона былъ не дольше, чѣмъ переходъ отъ Евбеи къ островамъ Хіосу, Лесбосу или Лемносу,—эта южная Италія, съ обширными плодородными пространствами, имѣла полное право называться по составу своихъ обитателей и по природѣ своихъ мѣстностей «Великой Греціей», подъ какимъ именно наименованіемъ она и была извѣстна долгое время. Ея промежуточное положеніе, равно какъ и позднѣйшія вліянія философовъ и эмигрантовъ, позволили греческой мысли проникнуть въ римскія владѣнія и оказать на нихъ сильнѣйшее вліяніе.

Дорическія вторженія, оттѣснявшія многочисленныя эллинскія племена, были одной изъ главныхъ причинъ заселенія Великой Греціи. Кромѣ того, любовь къ приключеніямъ и тысячи различныхъ обстоятельствъ, вытекавшихъ изъ безпокойной и измѣнчивой жизни эллинскихъ городовъ, главнымъ же образомъ, непрерывные конфликты между аристократіей и народомъ, обусловили также многочисленныя выселенія, въ силу чего всѣ греческія народности имѣли своихъ представителей въ новой, западной Греціи. Здѣсь также развилось въ самыхъ разнообразныхъ своихъ формахъ искусство, совершенно подобно тому, какъ оно развилось въ древней Греціи. Среди рѣдкихъ памятниковъ Италіи, сохранившихся до нашего времени съ эпохи господства эллинской архитектуры, однимъ изъ типичнѣйшихъ является Пестумъ—дорическій храмъ, называвшійся въ древности Поссидоніей,—онъ даетъ представленіе о постройкахъ этой древней эпохи. Науки и письменность также расцвѣли въ Великой Греціи, подобно расцвѣту ихъ въ Аѳинахъ,—среди представителей этой страны были такіе люди, какъ Пиѳагоръ, Эмпедоклъ, Элеатъ, Парменидъ и Зенонъ,—къ нимъ стекались отовсюду ученики съ цѣлью полученія знаній.

Первый городъ Великой Греціи, Кумы, которымъ легенда приписываетъ существованіе въ теченіе 30 вѣковъ, напоминаютъ другія Кумы на Анатолійскомъ побережьѣ; повидимому, городъ этотъ былъ основанъ авантюристами, пришедшими съ Евбеи и изъ Азіи; позднѣе же древность его, высокій культурный уровень его жителей и таинственные вулканы-сольфатары и горячіе источники въ его окрестностяхъ сдѣлали

Храмъ Нептуна въ Пестумѣ.

эту мѣстность священной. Пуццуоли и Неаполь явились наслѣдниками этой греческой метрополіи, бывшей мѣстомъ рожденія Сивиллы, которая предсказала судьбы Рима.

Вполнѣ естественно, что море, омывающее выдающіяся части южной оконечности Италіи, носитъ до сихъ поръ наименованіе «Іоническаго», — города, развалины которыхъ находятся по его берегамъ, Локры, Кротона, Сибарисъ, Метапонтъ, Тарентъ, сохранили въ своихъ стѣнахъ въ теченіе долгихъ вѣковъ великую аѳинскую культуру. Въ то же время каждый изъ этихъ городовъ имѣлъ свой особый характеръ, опредѣляемый непосредственнымъ вліяніемъ среды. Сибарисъ и Кротона, расположенные у подошвы горъ, населенныхъ народностью бруттовъ, отличавшихся красотою и граціей тѣлесныхъ формъ, славились особенно своими воинами и атлетами; нигдѣ физическая красота не цѣнилась такъ высоко. Обитатели этихъ городовъ не могли состязаться къ краснорѣчіи и въ поэтическихъ дарованіяхъ съ населеніемъ другихъ греческихъ городовъ, но за то Кротона оказывалась нерѣдко первой при состязаніяхъ въ силѣ и ловкости. Въ теченіе одной олимпіады 7 побѣдителей на состязаніяхъ были кротонцами. Нѣкій Филиппъ Кротонскій былъ даже сопричисленъ послѣ своей смерти къ миѳическимъ героямъ.

Другой знаменитый атлетъ Милонъ одержалъ въ VI вѣкѣ до начала христіанской эры 6 побѣдъ на Олимпійскихъ играхъ, 7 побѣдъ въ Дельфахъ, 9 разъ побѣдилъ на Немейскихъ состязаніяхъ и 10 — на Истмійскихъ. Позднѣе эти города, отличавшіеся силой и ловкостью своихъ обитателей, прославились особенно своимъ развратомъ, пристрастіемъ къ самымъ грубымъ наслажденіямъ и полнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ высокимъ начинаніямъ. Торжественныя игрища Кротона и Сибариса явились первоисточникомъ отвратительныхъ сраженій гладіаторовъ, которые позднѣе обагряли своею кровью арены римскихъ цирковъ [1]).

Географическое положеніе Сибариса представляло совершенно исключительныя преимущества, такъ какъ городъ этотъ, расположенный на краю отчасти закрытаго залива, находится въ то же время у входа въ долину, которая далѣе вѣтвится въ горахъ на множество плодородныхъ долинъ меньшей величины и тянется почти до самаго Тирренскаго берега. На самомъ дѣлѣ Сибарисъ располагался на восточной оконечности пути, ведшаго поперекъ полуострова Италіи и, благодаря этому своему положенію, могъ сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ для торговли съ западнымъ побережьемъ, съ Кумами, Пуццуоли и Неаполемъ. Сухопутныя сообщенія Сибариса предоставляли ему преимущества, аналогичныя морскимъ, и позволяли купцамъ избѣгать долгаго и опаснаго плаванія вдоль береговъ вокругъ южной оконечности полуострова Италіи, особенно опасной вѣтрами и теченіями, сталкивающимися около нея.

Рѣчные наносы Крати въ связи съ разрушительною дѣятельностью человѣка стерли съ лица земли самые слѣды этого древняго торговаго города. Въ противоположность тому, по другую сторону залива, городъ Тарентъ, хотя равнымъ образомъ былъ подверженъ войнамъ и нападеніямъ, сохранился, благодаря мѣстнымъ условіямъ, позволявшимъ ему возстановляться послѣ каждаго разрушенія. Тарентъ имѣлъ предъ всѣми другими портовыми городами Великой Греціи преимущество не только въ томъ, что находился далѣе всѣхъ ихъ внутри страны, въ самой глубинѣ залива, носящаго и до сихъ поръ его названіе, — онъ, помимо того, обладалъ и обладаетъ до сихъ поръ гаванью съ совершенно исключительными удобствами, которыя доставили ему славу среди всѣхъ мореходовъ. Гавань эта, называемая «Великимъ моремъ», представляетъ собою круглый бассейнъ болѣе чѣмъ въ 20 килом. въ окружности, защищаемый со стороны открытаго моря двумя мысами и двумя островами; «Малое море», отдѣленное отъ «большого» песчаной косой и сложеннымъ изъ известняковъ островкомъ, было въ прежнія времена доступно для судовъ, входившихъ въ него чрезъ естественный проливъ,

1) Edmond Demolins. «A quoi tient la Supériorité des Anglo-Saxons», p. 30.

и являлось достаточно обширнымъ для того, чтобы вмѣстить въ себя многочисленную флотилію. Съ сѣвера, съ востока и съ юго-востока простирались превосходныя мѣстности Мессапіи и Апуліи, и открыва-

№ 182. Великая Греція.

1 : 3 500 000

0 50 100 200 килом.

лись долины Самнитскихъ горъ, служившія источникомъ большого количества товаровъ, которые шли въ обмѣнъ на драгоцѣнные товары Востока, привозимые финикіянами и греками; благодаря этому Тарентъ сдѣлался наиболѣе богатымъ торговымъ городомъ на всемъ полуостровѣ Италіи, и своими деньгами, равно какъ и своимъ оружіемъ, онъ покорилъ многочисленныя племена горъ запада; его трофеи украшали собою храмъ въ Дельфахъ. Однако, именно его самоувѣренность и гордость и явились причиною его паденія, — онъ вздумалъ помѣряться силами съ могущественнымъ Римомъ! Стѣны его были срыты до основанія, обита-

тели были проданы въ рабство, песокъ занесъ входъ въ гавань, и развалины его затянулись плющемъ.

* * *

Между новыми Тирами и Сидонами, которые возникли на западѣ, въ областяхъ занятыхъ греками, по берегамъ восточнаго Средиземнаго моря, ни одинъ не пользовался условіями столь благопріятными, какъ Карѳагенъ или Карлъ-Кадахатонъ, т.-е. «Новая крѣпость», развившійся въ могущественное политическое цѣлое и создавшій обширную торговую имперію. Въ этомъ направленіи дочерняя колонія превзошла метрополію, Карѳагенъ сталъ болѣе великимъ, чѣмъ самъ Тиръ.

Финикійскіе колонисты пришли въ страны Ливіи въ качествѣ чужеземныхъ гостей, быть-можетъ, уже 27 вѣковъ тому назадъ, въ ту эпоху, когда греки не обладали еще могущественными колоніями въ западной части Средиземнаго моря, а Рима еще и не существовало. Они прикинулись сперва народностью слабою и не имѣющею особаго значенія; какъ гласитъ легенда, они обратились съ просьбою ко владѣльцамъ страны объ уступкѣ имъ участка земли, размѣрами не болѣе клочка, покрываемаго воловьей шкурой, а взяли участокъ, который могъ быть окруженъ ремнемъ, вырѣзаннымъ изъ этой шкуры. Такія непроизвольныя недоразумѣнія нерѣдко происходили изъ-за того, что народы говорили на разныхъ языкахъ. Данное колоніи названіе Бирза имѣетъ на пуническомъ языкѣ значеніе «крѣпость».

Эти мореходы, пришедшіе съ далекаго Востока, являлись, однако, обладателями драгоцѣнныхъ товаровъ и блестящихъ украшеній, которые нравились полуварварскимъ племенамъ страны, они были носителями древней цивилизаціи, дѣлавшей ихъ значительно выше туземцевъ, такъ какъ обладали большими познаніями, лучше умѣли пользоваться естественными произведеніями страны и хитрѣе умѣли управлять людьми. Изъ скромныхъ просителей, въ качествѣ которыхъ они сперва явились, карѳагеняне дѣлались вскорѣ владыками; впослѣдствіи они вдвое и втрое вернули себѣ тѣ подати, которыя первоначально принуждены были уплачивать: очень скоро они перешли границы, намѣчавшіяся легендарнымъ ремнемъ изъ шкуры быка, и завоевали всю окружающую страну.

Среди всѣхъ финикійскихъ колоній, основанныхъ вдали отъ метрополіи, Карѳагенъ занялъ первое мѣсто вслѣдствіе того, что его географическое положеніе оказалось, безспорно, наиболѣе выгоднымъ не только въ смыслѣ мѣстныхъ условій страны, но также и въ смыслѣ положенія, по отношенію къ остальному извѣстному въ древности міру. Древняя полу-легендарная Бирза располагала къ тому же въ свою пользу красотою окружающаго пейзажа, — тамъ вырисовывался красивѣйшій, выдающійся въ море мысъ съ крутыми скалами, на которыхъ

Гавань Кареагена. Вдали виднѣется Двурогая гора [1]).

въ настоящее время ютятся бѣлые домики Сиди-бу-Саида, затѣмъ тянулась коса, покрытая зеленью, отдѣляющая море отъ залива, называемаго въ настоящее время Тунисскимъ, за нею высились голубыя горы, вдали надъ которыми господствуетъ такъ называемая Двурогая гора. Возвышенности, на которыхъ располагался городъ, были со всѣхъ сторонъ изолированы и доставляли превосходныя условія защиты, тогда какъ у подножія ихъ располагалась небольшая, въ настоящее время занесенная пескомъ гавань, вокругъ которой открывался широкій рейдъ съ востока. Отдѣлившійся отъ моря заливъ, надъ которымъ вились морскія птицы, доставлялъ обитателямъ въ изобиліи рыбу; къ югу тянулись плодородныя пространства, упиравшіяся въ горы, богатыя рудами металловъ; наконецъ, по направленію къ сѣверу, въ недалекомъ разстояніи отъ города, впадала въ море рѣка, открывавшая доступъ внутрь страны на протяженіи многихъ сотенъ километровъ и проходившая среди покрытыхъ травою пространствъ.

Таковы были тѣ непосредственныя преимущества, которыми пользовался Кареагенъ; если же принять во вниманіе и самое его положеніе среди другихъ средиземноморскихъ странъ, то окажется, что онъ обладалъ также и многими иными привилегіями. Та часть Мавританіи, въ которой онъ располагается, находится какъ-разъ на углу огромнаго гористаго острова, заключеннаго между Средиземнымъ моремъ, океаномъ и Сахарой, и это его положеніе дѣлаетъ его какъ бы сторожевымъ пунктомъ на выдающемся мысу, заставляетъ господствовать надъ морскимъ путемъ, которымъ волей-неволей должны идти мореходы, отправляющіеся изъ одной части Средиземнаго моря въ другую. Именно по

[1]) Гравюра заимствована изъ «Pays du Bey» (издат. Juven.).

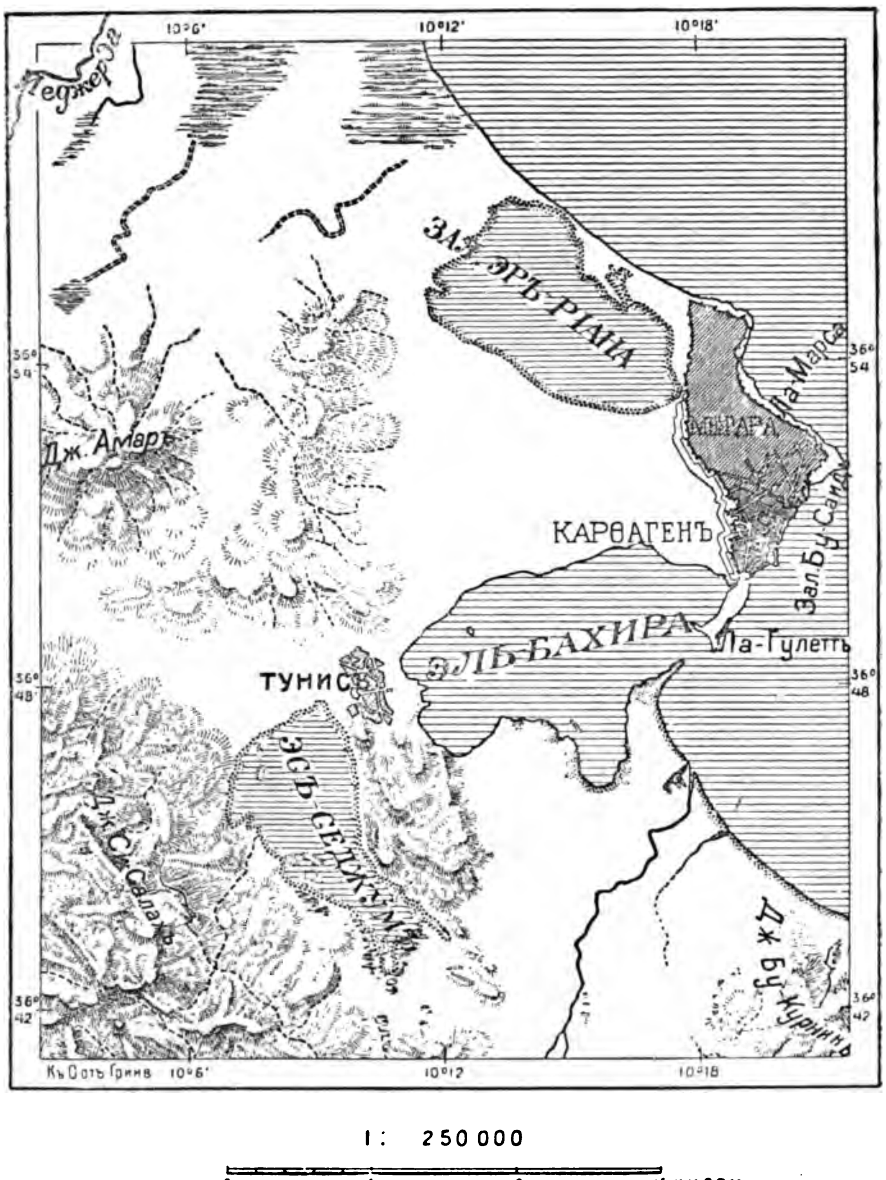
направленію къ Карѳагену должны были держать путь корабли, идущіе въ далекія моря,—пуническій городъ находился, такимъ образомъ, въ мѣстности, расположенной изъ всѣхъ мѣстъ встрѣчи и торговаго обмѣна народовъ наивыгоднѣйшимъ образомъ, — если онъ и не находился въ настоящемъ геометрическомъ центрѣ Средиземнаго моря, то, во всякомъ случаѣ, занималъ все же центральное географическое положеніе. Тѣми преимуществами, которыми обладалъ Карѳагенъ въ смыслѣ торговли, онъ пользовался и для того, чтобы ревниво оберегать моря и господствовать надъ побережьями ближайшихъ странъ. Какъ бы путемъ естественнаго притяженія бо̀льшая часть гаваней Мавританіи и восточной Испаніи, Балеарскіе острова и берега Корсики, Сардиніи и Сициліи попали въ руки карѳагенскихъ купцовъ и карѳагенскихъ морскихъ разбойниковъ.

Попавъ въ страну, такъ далеко отстоящую отъ ихъ родины, оказавшись среди народностей, сильно отличающихся отъ нихъ самихъ по языку, нравамъ и воззрѣніямъ на жизнь, финикійскіе колонисты, устроившіеся въ Бирзѣ, могли удержаться лишь при условіи образованія чрезвычайно прочнаго и крѣпко связаннаго политическаго цѣлаго, способнаго выдержать всѣ нападенія извнѣ, благодаря тѣсной внутренней связи всѣхъ своихъ элементовъ и благодаря ловкости и умѣнью сдѣлать себя необходимыми посредниками въ торговлѣ. Изолированность Карѳагена среди далекихъ морей Запада позволяла ему организовать полнѣйшую торговую монополію, дала ему совершенно исключительныя привилегіи въ смыслѣ взаимнаго обмѣна товарами, помогла ему использовать для цѣлаго ряда обширныхъ странъ ту исключительную привилегію торговаго обмѣна, которая является цѣлью стремленій каждой торговой націи, каждаго торговаго города, даже каждаго отдѣльнаго предпріятія, и которая въ нашихъ современныхъ условіяхъ послужила къ возникновенію патентовъ и промышленныхъ синдикатовъ. Безъ сомнѣнія, города Греціи, такіе, какъ Аѳины, Коринѳъ, Эгина, Сиракузы, стремились къ тому же, но имъ приходилось слишкомъ сильно страдать отъ конкуренціи сосѣднихъ городовъ, и Карѳагенъ, конечно, имѣлъ передъ ними всѣ преимущества въ качествѣ всемогущаго торговаго центра притяженія.

Благодаря своему сильнѣе выдвинутому на западъ географическому положенію, Карѳагенъ явился замѣстителемъ своей финикійской метрополіи, явился важнѣйшимъ коммерческимъ центромъ западнаго Средиземнаго моря и вратами, ведущими въ океанъ. Онъ завладѣлъ большинствомъ колоній Сиріи и основалъ новыя колоніи, между прочимъ, Новый Карѳагенъ, который съ этого времени не переставалъ быть однимъ изъ самыхъ крупныхъ городовъ. Наконецъ, Карѳагенъ занялся также и новыми открытіями и предпріятіями, имѣвшими цѣлью увеличить и расширить его торговыя области и, быть-можетъ, также удовлетворить любознательность его ученыхъ изслѣдователей. Такъ, болѣе

23 съ половиной вѣковъ тому назадъ, этотъ торговый городъ отправилъ экспедицію къ западнымъ берегамъ Африки, состоявшую изъ цѣлой

№ 183. Карѳагенъ и его окрестности.

флотиліи, въ составъ которой входили 60 судовъ съ 50 гребцами каждое, съ болѣе чѣмъ 30000 торговцевъ и колонистовъ въ качествѣ пас-

Карѳагенъ. Цистерны.

сажировъ. Эта экспедиція, находившаяся подъ начальствомъ великаго мореплавателя Ганнона, обогнула, повидимому, тѣ выдающіеся въ море мысы Африки, которые 2000 лѣтъ спустя служили столь долгое время непреодолимымъ препятствіемъ для португальскихъ мореплавателей; она не рѣшилась, однако, проникнуть далѣе нынѣшнихъ береговъ Сьерра Леоне, остановленная, по всей вѣроятности, отсутствіемъ продовольствія, усталостью и большою смертностью среди экипажа судовъ[1]). Ганнонъ долженъ былъ удовольствоваться почетной, но мало прибыльной возможностью водрузить памятный камень въ одномъ изъ храмовъ съ надписью, въ которой описывалось его путешествіе вдоль береговъ Африки. Около того же времени другой карѳагенскій мореплаватель, Гамильконъ, пустился по бурнымъ водамъ морей западной Европы, имѣя цѣлью посѣтить Касситеридскіе острова; однако, флотъ его, сильно пострадавшій отъ противныхъ вѣтровъ, принужденъ былъ плыть 120 дней до цѣли своего назначенія и долженъ былъ зимовать въ негостепріимныхъ сѣверныхъ странахъ. Опасности этой экспедиціи, повидимому, обезкуражили карѳагенянъ, такъ какъ Гамильконъ не имѣлъ послѣдователей въ своемъ предпріятіи, и карѳагенскіе купцы довольствовались съ того времени эксплуатаціей оловянныхъ рудъ, которыя были найдены въ

1) Bunbury. «History of ancient Geography».

Испаніи; возможно также, что олово проникало къ нимъ и по сухому

№ 184 Кароагенскія владѣнія.

Описаніе плаванія Ганнона, относящагося ко времени, отдаленному отъ нашего на 2400 лѣтъ, сохранилось. Наиболѣе отдаленная изъ основанныхъ имъ колоній была Цернія. Долгое время предполагали, что этотъ пунктъ должно отожествлять съ маленькимъ островкомъ въ Аргуинскомъ заливѣ, но д-ръ К. Мюллеръ («Prolegomena») обратилъ вниманіе на островокъ, расположенный у устья Ріо де-Уро, который на старинныхъ французскихъ картахъ назывался Герне; положеніе его вполнѣ соотвѣтствуетъ тексту Ганнона.

пути, слѣдуя этапами, на спинахъ носильщиковъ, изъ областей, бога-

тыхъ рудами, въ Бретани и въ Англіи. Во всякомъ случаѣ, географическое положеніе Касситеридскихъ островокъ снова было почти совершенно забыто, и даже такой превосходный изслѣдователь, какъ Геродотъ, умѣвшій выспрашивать обо всемъ, говоритъ, что ему не удалось получить никакихъ свѣдѣній относительно этихъ Оловянныхъ острововъ [1]).

Стремленіе къ наживѣ, которое заставило Карѳагенъ вступить на путь изслѣдованій, привело, въ концѣ концовъ, къ сокращенію его владѣній, такъ какъ оттолкнуло отъ него всѣ народы. Этотъ пуническій городъ являлся типической торговой общиной, полной ревниваго эгоизма въ сношеніяхъ съ другими народами, крутой и безжалостной; онъ былъ знаменитъ безсовѣстностью и жестокостью обращенія съ побѣжденными, въ которыхъ не нуждался. Правда, нельзя не принять во вниманіе, что исторія этого города разсказывается намъ его врагами, и что потому на него возводится не мало клеветъ; однако, самыя условія его существованія, монополія, которою онъ пользовался, и безграничная власть, которою онъ располагалъ, должны были развить въ характерѣ карѳагенянъ безпощадную жестокость. Особенно ненавистными въ глазахъ окружающихъ народностей должны были сдѣлаться финикійскіе колонисты вслѣдствіе того, что они сохранили полученный ими по наслѣдству культъ человѣческихъ жертвоприношеній, примѣнявшихся при всѣхъ условіяхъ, когда дѣло касалось общественнаго благосостоянія. Въ этомъ отношеніи сходятся свидѣтельства всѣхъ древнихъ писателей: даже отецъ нерѣдко приносилъ въ жертву своего сына, если требовалось пролить кровь въ честь того или другого изъ ужасныхъ божествъ! Карѳагенское иго было настолько ненавистно всѣмъ, что какъ только римляне переносили войну на африканскую почву, такъ тотчасъ же владѣнія Карѳагена уменьшались и сводились почти лишь къ территоріи самого города [2]).

Народы, подчиненные Карѳагену, имѣли тѣмъ болѣе основанія ненавидѣть ихъ власть, что сама пуническая община управлялась аристократіей, заботившейся лишь о своихъ классовыхъ интересахъ и ни за что не отвѣчавшей,—это была высшая торговая каста, по самому духу своему способная на какія угодно посягапія на чужую свободу. Легенда, разсказывающая намъ, что первые финикійскіе колонисты были устроены на высотахъ Бирзы царицей Элизой или Дидоной, имѣетъ, быть-можетъ, частицу правды въ томъ смыслѣ, что политическій режимъ Карѳагена въ подражаніе таковому его метрополіи, которой онъ первое время выплачивалъ даже десятую часть доходовъ, былъ первоначально режимъ чисто-монархическій. Въ ту эпоху, однако, съ которой начи-

1) Livre III, 115. — N. Sieglin. «Entdeckungsgeschichte von England», Geographisches Congress zu Berlin. 1899. — 2) Michelet. «Histoire romaine», p. 182.

Карөагенъ. Пуническій некрополь съ могилами и находящимися въ нихъ предметами (IV вѣкъ до Р. Хр.).

нается болѣе точная исторія новообразовавшагося государства, мы видимъ, что послѣднее представляетъ собою республику, управляемую богатыми людьми, чрезвычайно похожую по своимъ политическимъ условіямъ на венеціанскую республику, которая развилась 15 вѣковъ спустя при условіяхъ торговли, имѣющихъ огромное сходство съ таковыми Карөагена. Появленіе такого политическаго строя составляетъ событіе первостепенной важности въ политической исторіи міра, — появляется республика, образованная группою гражданъ, которые достаточно проникнуты сознаніемъ собственнаго значенія, достаточно независимы и въ то же время уважаемы другими; они не подчиняются велѣніямъ монарха и рѣшаютъ дѣла путемъ обсужденія ихъ въ общемъ собраніи, гдѣ всѣ равны другъ передъ другомъ. Безъ сомнѣнія, такой переворотъ могъ совершиться на африканской почвѣ лишь благодаря той уже законч ившейся эволюціи во взглядахъ, которая произошла у тирскихъ переселенцевъ. Созрѣли лишь тѣ сѣмена, которыя были посѣяны у отдаленныхъ предковъ. Совершенно аналогичнымъ образомъ европейскія монархіи дали начало республикамъ Новаго Свѣта [1]).

Карөагенскій сенатъ, члены котораго получали свой санъ по на-

1) R. von Ihering. «Les Indo-Européens avant l'Histoire», trad. par O. de Meulenaere, p. 260.

слѣдству, управлялъ всѣми дѣлами республики и поручалъ исполненіе своей воли двумъ чиновникамъ, въ родѣ консуловъ, которыхъ онъ назначалъ на болѣе или менѣе продолжительное время,—они оставались передъ нимъ постоянно отвѣтственными. Сенатъ же назначалъ жрецовъ и военачальниковъ, выбирая ихъ среди замкнутаго круга аристократическихъ семей. Власть, въ лицѣ различныхъ правящихъ органовъ, принадлежала, слѣдовательно, очень ограниченному числу лицъ; однако, сильное разрастаніе города и увеличеніе его владѣній путемъ завоеваній заставили сенатъ позднѣе создать еще особый «совѣтъ ста» (или 104), въ составъ котораго входили представители коммерческой буржуазіи. Впрочемъ, всѣ эти дѣловые люди, занимавшіеся политикой съ точки зрѣнія ихъ денежныхъ интересовъ и начинавшіе войны съ цѣлью простого грабежа или увеличенія доходовъ, пользовались вполнѣ обдуманно своей властью. Они во время походовъ отправляли съ войсками одного или нѣсколькихъ своихъ представителей, которые наблюдали за военачальниками, провѣряли всѣ ихъ дѣйствія и тѣмъ доказывали войскамъ, что не ихъ полководцы являются настоящими хозяевами, а что всѣ велѣнія исходятъ изъ нѣдръ того таинственнаго сената, который гдѣ-то тамъ, въ священномъ Карѳагенѣ, вѣдаетъ все, располагаетъ и деньгами и войсками, нужными для подкрѣпленія, и необходимымъ для войны продовольствіемъ.

Несмотря на то, что карѳагенскіе военачальники избирались почти постоянно изъ однихъ и тѣхъ же семей, и что многіе среди нихъ достигли значительной популярности, не было ни одного примѣра, когда кто-либо изъ нихъ, опьяненный побѣдами, нарушалъ бы внутреннія моральныя связи, соединявшія его съ роднымъ городомъ. Напротивъ, извѣстно много случаевъ, когда республика сильнѣйшимъ образомъ вмѣшивалась въ распоряженія военачальниковъ, смѣщала тѣхъ изъ нихъ, которые не нравились, отправляла ихъ въ изгнаніе или даже приговаривала къ пыткамъ и къ смерти. Одинъ изъ такихъ несчастливыхъ полководцевъ, Гамилькронъ, провинившійся лишь тѣмъ, что чума и другія непредвидѣнныя бѣды почти уничтожили его войско, предсталъ предъ лицомъ сената и карѳагенскаго народа съ остатками войска и самъ торжественно принесъ себя въ жертву неумолимому провидѣнію.

Если, съ одной стороны, географическое положеніе Карѳагена на континентѣ Ливіи и защищало его отъ всѣхъ дѣйствительно опасныхъ нападеній сосѣднихъ народностей, то надо сказать, что вся остальная имперія, разсѣянная по берегамъ морей и по островамъ Европы, представляла въ этомъ отношеніи гораздо меньше гарантій: конечно, такіе мелкіе острова, какъ Балеарскіе, гдѣ имѣлись лишь обыкновенные торговые пункты, разсѣянные вдоль береговъ всей западной Мавританіи и Испаніи, удерживались безъ труда въ рукахъ Карѳагенской респуб-

лики; совершенно иначе обстояло, однако, дѣло съ такими большими островами, какъ Корсика, Сардинія, Сицилія,—областями, обладающими самостоятельной индивидуальностью и представляющими каждая территорію такихъ размѣровъ, что ее можно было сравнить съ африканскими

Карѳагенскіе амулеты [1]).

владѣніями Карѳагена. Въ этихъ областяхъ само ихъ населеніе нерѣдко возставало, нападало на торговые пункты карѳагенянъ, заключало союзы во время войнъ съ врагами Карѳагена, высаживалось даже на карѳагенскіе берега. Въ такихъ случаяхъ Карѳагенъ нуждался въ помощи и содѣйствіи моря, ему необходимо было, чтобы вѣтры и волны были на его сторонѣ,—и какъ часто, несмотря на все искусство карѳагенскихъ моряковъ, бури разсѣивали ихъ флотиліи, штили или встрѣчные вѣтры задерживали корабли и не позволяли войскамъ прибыть во-время для того, чтобы спасти осажденный городъ или находящееся въ опасности союзное государство. Карѳагенъ не обладалъ такимъ могуществомъ, чтобы вѣчно одерживать морскія побѣды,—онъ не былъ настолько силенъ, чтобы бороться со всѣми неожиданностями стихіи, и

[1]) Гравюра заимствована изъ «Pays du Bey» (издат. Juven).

разрастаніе его заморскихъ владѣній соотвѣтственно ослабляло его силу вмѣсто того, чтобы ихъ увеличивать. Начиная съ VII вѣка до Р. Хр., онъ не могъ даже препятствовать греческимъ купцамъ проникать въ Бетику, а затѣмъ кое-гдѣ и въ Мавританію [1]).

Географическое положеніе Карѳагена имѣло еще другое слѣдствіе: оно заставляло республику набирать свои войска исключительно путемъ найма. Сами карѳагеняне, образовавшіе «священное содружество», входили въ составъ войскъ лишь въ ничтожномъ количествѣ; точно также и непосредственные подданные республики — африканцы изъ Визасены и другихъ сосѣднихъ провинцій—составляли среди военныхъ силъ Карѳагена лишь ничтожную часть. Главными элементами, которыми принуждены были пользоваться карѳагенскіе военачальники, были всевозможные разбойники, навербованные по побережьямъ, авантюристы всѣхъ странъ; при малѣйшей неудачѣ они обращались въ бѣгство или даже переходили на сторону врага, если это было имъ выгодно. Исторія пуническихъ войнъ на берегахъ и островахъ Средиземнаго моря являетъ гораздо больше случаевъ предательствъ, чѣмъ настоящихъ воинскихъ подвиговъ. Величайшимъ искусствомъ полководцевъ было прежде всего— умѣть нанимать людей и удерживать ихъ въ своихъ рукахъ. Правда, большое число воиновъ и гребцовъ на галерахъ не продавало непосредственно свою свободу, но все же они служили только за деньги, —ихъ покупали въ качествѣ рабовъ у торговцевъ людьми, ихъ пригоняли ударами бича, и, разумѣется, они были столь же мало надежны, какъ и наемники.

Войны въ Сициліи, продолжавшіяся 200 лѣтъ, привели карѳагенянъ въ соприкосновеніе съ греческими городами острова и обусловили въ то же время позднѣе то столкновеніе, которое произошло между Римомъ и Карѳагеномъ,—тамъ, слѣдовательно, должны были свершиться роковыя судьбы міра. Сицилія, эта центральная область Средиземнаго моря, представляла собою, несмотря на присутствіе проливовъ, относительно легкій путь изъ Европы въ Африку и, по самому своему положенію, была предназначена сдѣлаться мѣстомъ встрѣчи народовъ и полемъ битвы, на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ, быть ли Риму владѣльцемъ надъ всѣми прибрежными странами Средиземнаго моря, или нѣтъ? Кратеръ Этны, освѣщающій одновременно какъ западное, такъ и восточное море, намѣчалъ то священное мѣсто, гдѣ боги должны были произнести свой справедливый приговоръ надъ борцами на міровой аренѣ!

Кромѣ тѣхъ совершенно исключительныхъ преимуществъ, которыя давало Сициліи ея положеніе, островъ отличался также чрезвычайнымъ

1) E. Lefébure. «La Politique religieuse des Grecs en Libue». Bulletin de la Société de Géographie d'Alger.

Таормина. Развалины греческаго театра. Вдали видна Этна

плодородіемъ своей почвы, привлекавшимъ къ нему колонистовъ, которые занимались земледѣліемъ. Склоны Этны, покрытые вулканическимъ пепломъ, увлажняемымъ тающими на вершинѣ снѣгами, образуютъ огромный поясъ полей, которыя простираются у подножья каштановыхъ лѣсовъ, долины же и плоскогорія внутренней части острова составляютъ также сплошную плодородную пашню. Благодаря этому, Сицилія, подобно Кипру и Криту, считалась также мѣстомъ рожденія Деметры «богини-матери», и наиболѣе высокая изъ вершинъ, господствующихъ надъ Мессиною, у сѣверо-восточнаго угла острова, носитъ до сихъ поръ наименованіе богини—это гора Динна-Маре или Антинна-Маре. Преданіе, распространенное въ Италіи, приписываетъ сицилійцамъ открытіе земледѣлія. Сицилійцы были для Италіи тѣмъ, чѣмъ были ѳракійцы для Греціи, — они доставляли обитателямъ полуострова хлѣбъ; вслѣдствіе этого и серпъ получилъ названіе «sicula» или «secula»; быть-можетъ, сицилійцы же ввели культъ бога жатвы, снабженнаго косою Сатурна — «Falcifer Saturnus» [1]).

Въ ту эпоху, когда, болѣе 25 вѣковъ тому назадъ, въ Сициліи высадились первые греческіе колонисты, почти весь островъ находился во власти «сикеловъ» и «сикуловъ», которыхъ историки и археологи считаютъ народностью, пришедшею изъ Италіи и, по всей вѣроятности, очень родственной латинянамъ, какъ о томъ можно судить по словамъ, которыя они ввели въ греческій языкъ Сициліи [2]). Завоеватели-греки устроились въ странѣ въ теченіе 5 — 6 вѣковъ и оттѣснили первоначальныхъ обитателей по направленію къ западу, точно такъ же, какъ сами они, въ свою очередь, были оттѣснены въ центральную часть острова, когда на побережьѣ устроились греческія колоніи, — отъ прежняго господства сикуловъ сохранилось лишь имя «Сицилія», даваемое этому острову, называвшемуся также Тринакрія, т.-е. «треугольный». Будучи слишкомъ слабыми и малочисленными и не имѣя возможности вступать въ борьбу со вторгшимися завоевателями, вооруженными бронзовымъ и желѣзнымъ оружіемъ, сикулы отступили, не оказывая большого сопротивленія, и прошло болѣе двухъ вѣковъ, прежде чѣмъ они рѣшились возстать противъ грековъ и отнять отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, центръ Сициліи. Около этого времени нѣкій Дукетіосъ воспользовался несогласіями, вызывавшимися расхожденіемъ въ интересахъ различныхъ греческихъ, іонійскихъ и дорійскихъ республикъ, и пытался основать отдѣльное сицилійское царство; столица этого новаго государства находилась подъ покровительствомъ національныхъ боговъ, въ бассейнѣ обрушившагося вулканическаго кратера, находящагося недалеко отъ озера Пергуза, посреди восточныхъ равнинъ Сициліи. Дукетіосъ взялъ, однако,

1) André Lefèvre. «L'Italie antique» — 2) G. Perrot, Revue des Deux-Mondes, 1er juin 1897.

на себя непосильную задачу и погибъ; съ этого времени сикулы стали постепенно ассимилироваться съ эллинами и, въ концѣ концовъ, стали считать себя людьми эллинскаго происхожденія. Всѣ сооруженія Сициліи, относящіяся къ послѣднимъ вѣкамъ греческаго господства, не отличаются ничѣмъ отъ таковыхъ побережья Сиракузъ и Агригента. На островѣ распространены греческія монеты и греческій языкъ; съ другой стороны, однако, и греки также подвергаются мѣстному вліянію, — они принимаютъ сицилійскія преданія, языкъ ихъ получаетъ туземныя слова и формы рѣчи, Деметра сливается въ ихъ представленіи съ одной изъ туземныхъ богинь, и ей строится храмъ въ равнинѣ Энна; наконецъ, они показываютъ даже на островѣ мѣстность, гдѣ исчезла подъ землею Прозерпина, похищенная властителемъ тьмы Плутономъ.

Смѣшиваясь, такимъ образомъ, съ народностями, которыя могли разсматриваться по отношенію къ нимъ какъ народности туземныя, греки получали чрезвычайно большое преимущество предъ кареагенскими купцами, которые обладали всюду лишь наемниками и рабами. Соединяясь между собою въ союзъ, греки могли бы легко отразить всякое нападеніе, но, къ несчастью, отдѣльные тираны греческихъ городовъ призывали нерѣдко пунійцевъ и пользовались ихъ помощью противъ той или другой греческой республики или даже противъ своихъ собственныхъ подданныхъ. При такихъ условіяхъ Кареагенъ могъ легко выполнить въ Сициліи свою разрушительную миссію. Археологъ Деннисъ сообщаетъ, что греки оставили въ наслѣдство великолѣпныя развалины Сегеста (Энеста), Сиракузъ и Агригента, тогда какъ наиболѣе краснорѣчивыми свидѣтельствами господства кареагенянъ были лишь совершенно пустынныя мѣстности, въ которыхъ располагались Химера и Селинъ. Впрочемъ, народности и языки ихъ не могутъ пребывать въ теченіе ряда поколѣній въ тѣсномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, не смѣшиваясь между собою, и отдѣльныя цивилизаціи въ такихъ условіяхъ обыкновенно сближаются, причемъ развиваются общіе обычаи и общія идеи. Благодаря этому, въ Сициліи, особенно въ западной ея части, гдѣ кареагенское господство было установлено болѣе прочно, среди типовъ мѣстныхъ жителей, равно какъ и въ ихъ обычаяхъ, замѣчаются черты, указывающія на вліяніе Кареагена; точно также многія легенды и суевѣрія, приводимыя историкомъ, касаются бога Мелькарта и богини Астарты.

Съ другой стороны, эллинское вліяніе также достаточно глубоко проникло всѣ общественныя группы средиземноморского міра, такъ что Кареагенъ могъ воспринять отъ своихъ соперниковъ-грековъ какъ извѣстныя научныя знанія, такъ и новыя пріобрѣтенія техники, — кареагенскія монеты, напримѣръ, совершенно греческаго типа [1]).

1) Edward Mayer. «Die wirthschaftliche Entwickelung des Alterthums», p. 19.

Если бы столкновеніе двухъ средиземноморскихъ цивилизацій слѣдовало своему нормальному теченію и не прерывалось вмѣшательствомъ постороннихъ элементовъ, то весьма вѣроятно, что въ Сициліи

№ 185. Сицилія.

развилась бы одна общая эллино-пуническая цивилизація аналогично тому, какъ позднѣе на томъ же самомъ островѣ возникла такая смѣшанная цивилизація подъ одновременнымъ вліяніемъ арабовъ и норманновъ; однако, къ первоначальнымъ завоевателямъ, сикуламъ, грекамъ и карѳагенянамъ, присоединился вскорѣ другой состязающійся съ ними, полный силы и молодости, полный воинскаго пыла народъ—римляне. Завос-

вавъ италійскую Грецію, онъ, конечно, долженъ былъ лишь искать удобнаго случая для того, чтобы пересѣчь тотъ узкій проливъ, который отдѣляетъ Италію отъ Сициліи. Такой случай, конечно, представился: итальянскіе наемники, возставшіе легіонеры, вели уже неоднократно войны въ Сициліи, — регулярнымъ войскамъ оставалось лишь слѣдовать за ними. Такимъ образомъ, римляне вмѣшались въ столкновеніе между греками и кареагенянами. Начался новый циклъ исторіи.

РИМЪ.

Хронологія.

◆ ◆ ◆

Въ текстѣ приводятся данныя относительно передвиженія народовъ въ Италіи, поскольку мы можемъ составить себѣ о нихъ представленіе. Нижеслѣдующія хронологическія указанія выражены въ годахъ римской эры, т.-е. съ основанія города, которое относится къ 753 г. до Р.Хр.

Хронологія римскихъ царей, являющаяся классическимъ, но далеко ненадежнымъ источникомъ, слѣдующая: Ромулъ 0 — 38 г. Нума Помпилій 38—81 г., Туллъ Гостилій 81—105 г., Анкъ Марцій 105—137 г., Тарквиній Древній 137 — 175 г., Сервій Туллій 175 — 219 г., Тарквиній Гордый 219—244 г.,— паденіе послѣдняго почти совпадаетъ съ гибелью Гиппія въ Аѳинахъ.

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ вѣковъ происходитъ борьба плебеевъ съ патриціями: уходъ плебеевъ на Священную гору— 259 г., законы 12 таблицъ—304 г., богатые плебеи получаютъ право доступа къ цензорству — 310 г., получаютъ право доступа къ квестурѣ — 344 г., могутъ становиться военными трибунами — 353 г., могутъ становиться консулами—387 г., получаютъ доступъ въ сенатъ — 441 г., получаютъ право становиться первосвященниками—453 г. Затѣмъ государственное устройство сохраняется почти безъ измѣненія почти до временъ Гракховъ.

Завоеваніе Италіи началось со вторженія галловъ, съ которымъ связано взятіе Рима — 363 г. Первая Самнитская война началась въ 410 г.; въ какія-нибудь 60 лѣтъ всѣ народности центральной Италіи оказываются покоренными, до поступленія царя Пирра на службу къ Таренту. Послѣ пораженій при Гераклеѣ и при Аскулумѣ, побѣда при Беневентѣ позволяетъ римлянамъ завершить завоеваніе южной части полуострова въ 483 г.

Вторженіе въ Сицилію и первое соприкосновеніе съ кареагенянами произошло въ 489 г.; первая Пуническая война продолжалась отъ 489 — 512 г.; вторая — отъ 534 до 552 г.; въ промежутокъ произошло занятіе Сардиніи, Корсики, долины рѣки По, затѣмъ занятіе Прованса, Нарбонны и значительной части Испаніи, наконецъ, захватъ различныхъ пунктовъ на побережьѣ Мавританіи.

Затѣмъ римляне обращаютъ свое вниманіе на восточную часть Средиземнаго моря и распространяютъ свои военныя дѣйствія на ея побережья: побѣда при Кинокефалахъ открываетъ имъ доступъ въ Македонію въ 556 г., взятіе Коринеа относится къ 602 г., разрушеніе Кареагена происходитъ въ 607 г., взятіе Нуманціи, обезпечившее Риму владѣнія въ сѣверной Испаніи,—въ 620 г., когда произошло и взятіе Пергама.

Затѣмъ берутъ верхъ конфликты, происходящіе внутри страны, и въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ главнѣйшія силы Рима заняты ими; отмѣтимъ лишь смерть Тиверія Гракха въ 620 г., смерть его брата Кая въ 632 г., смерть Марія въ 667 г., смерть Силлы въ 674 г., битву при Фарсалѣ и смерть въ 705 г., смерть Цезаря въ 709 г., сраженіе при Акціумѣ, сдѣлавшее Октавія единственнымъ повелителемъ Римской имперіи, въ 722 г. (въ 31 г. до Р. Хр.).

Во время внутреннихъ столкновеній произошло пораженіе Митридата, завоеваніе Галліи и Британіи въ 695—702 г., утвержденіе римской власти въ Египтѣ и первое столкновеніе съ пароянами.

Въ качествѣ военныхъ событій періода императоровъ достаточно упомянуть разгромъ римскихъ легіоновъ херусками въ 762 г., разрушеніе Іерусалима въ 823 г., завоеваніе Дакіи, завершившееся въ 860 г.

Царствованія императоровъ, вплоть до Севера, чередовались слѣдующимъ образомъ: Августъ царствовалъ до 14 г. по Р. Хр., Тиверій—14—37 г., Калигула—37—41 г., Клавдій—41—54 г., Неронъ—54—68 г., Гальба, Оттонъ, Вителлій и Веспасіанъ—68—79 г., Титъ—79—81 г., Домиціанъ—81—96 г., Нерва—96—98 г., Траянъ—98—117 г., Адріанъ—117—138 г., Антонинъ—138—161 г., Маркъ-Аврелій—161—180 г., Коммодъ—180—192 г., Септимій Северъ—193—211 г., Каракалла—211—217 г., Александръ Северъ—221—235 г.

	Христ. эра		Римск. эра	
Ливій Андроникъ (Греція)	III вѣкъ до Р. Хр.			
Невій (Кампанія)	— 260	— 190	493	563
Плавтъ (Умбрія)	— 250	— 184	503	569
Ганнибалъ (Карѳагенъ)	— 247	— 183	506	570
Энній (Калабрія)	— 240	— 169	513	584
Сципіонъ Африканскій (Римъ)	— 235	— 183	518	570
Катонъ Древній (Тускулумъ)	— 232	— 147	521	606
Цицеронъ (Лаціумъ)	— 106	— 43	647	710
Лукрецій (Римъ)	— 98	— 55	655	698
Діодоръ (Сицилія)	I вѣкъ до Р. Хр.			
Виргилій (Мантуа)	— 70	— 19	683	734
Горацій (Апулія)	— 65	— 8	688	745
Титъ Ливій (Падуа)	— 59	+ 19 (по Р. Хр.)	694	772
Денисъ (Галикарнассъ)	— 54	— 8	699	745
Овидій (Самніумъ)	— 43	+ 17	710	770
Сенека (Кордова)	— 4	+ 65	749	818
Ювеналъ (Лаціумъ)	+ 42	+ 125	795	878
Эпиктетъ (Фригія)	+ 50	+ 120	803	873
Тацитъ (Умбрія)	+ 55	+ 117	808	870
Светоній (Римъ)	+ 69	+ 141	822	894
Маркъ Аврелій (Римъ)	+ 120	+ 180	873	933
Клавдій Птоломей (Александрія)	II вѣкъ по Р. Хр.			

Римъ въ исторической географіи являетъ собою наиболѣе совершенный примѣръ жизненнаго центра, вокругъ котораго уже самыя черты природы страны описываютъ рядъ параллельныхъ расходящихся круговъ; каждое прогрессивное явленіе въ немъ совершалось согласно извѣстному ритму, обусловленному самою природою.

Глава десятая.

НАРОДЫ ИТАЛІИ. — НАЧАЛО РИМА. — ВТОРЖЕНІЕ ГАЛЛОВЪ. — ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА.—ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА.—ПУНИЧЕСКІЯ ВОЙНЫ. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ РИМА. — ЛИТЕРАТУРА И РЕЛИГІЯ.— АЛЬПЫ, ПРОВАНСЪ, ГАСКОНІЯ И СЕКВАНІЯ.—НАШЕСТВІЕ ВАРВАРОВЪ. УПРАВЛЕНІЕ АВГУСТА. — ВОЙНЫ ВЪ ДАЛЕКИХЪ СТРАНАХЪ. — ГЛАВНѢЙШІЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ.—РИМСКІЙ МІРЪ.—СТОИКИ И АНТОНИНЫ.

О началѣ этой имперіи, охватившей весь извѣстный міръ и образовавшей наиболѣе прочное и наиболѣе могущественное изъ всѣхъ государствъ, какія существовали до царства Кублай-Хана и до современной Россіи, намъ извѣстны лишь преданія. Въ ту эпоху, въ которую по этимъ легендарнымъ даннымъ совершилось основаніе Рима, т.-е. двадцать шесть съ половиной вѣковъ тому назадъ, Италія находилась

уже во власти довольно могущественныхъ народовъ,—память объ одномъ изъ нихъ, именно объ авзонахъ, сохранилась въ различныхъ наименованiяхъ па всемъ полуостровѣ. Умбры были также, повидимому, народностью, занимавшею обширное пространство, — они пришли, надо думать, съ Балканскаго полуострова, заняли значительную часть долины рѣки По, оба склона Апеннинъ и Адрiатическое побережье до Монте-Гаргано; рѣка Умбро (Омброне), впадающая въ Тирренское море, противъ Корсики, до сихъ поръ обязана имъ своимъ наименованiемъ.

Сохранившiяся слова нарѣчiя умбровъ и другихъ родственныхъ имъ племенъ свидѣтельствуютъ о томъ, что эти переселенцы, устроившiеся въ Италiи, относятся къ тому же корню или, по крайней мѣрѣ, къ той же этнической группѣ, къ которой принадлежатъ пелазги и греки. Полное сходство эллинскихъ и италiйскихъ нарѣчiй доказываетъ, что въ прежнiя времена существовала общность языка между предками тѣхъ и другихъ народностей; предки эти, по всей вѣроятности, обитали въ одной странѣ, въ ихъ общемъ отечествѣ—въ низовьяхъ дунайской долины и лишь затѣмъ раздѣлились на двѣ группы переселяющихся народностей; одна группа направилась затѣмъ на южный, другая—на юго-западный полуостровъ. Корни словъ ихъ одни и тѣ же, суффиксы и числительныя имѣютъ то же происхожденiе и тѣ же способы образованiя, самый духъ языка развивается, слѣдуя однимъ и тѣмъ же законамъ. Подобно языкамъ, сходными являются и божества, и притомъ сходство это такъ велико, что достаточно замѣнить лишь одни имена другими,—всѣ остальныя принадлежности божествъ остаются безъ перемѣны. Не является ли, напримѣръ, «отецъ Зевсъ» полнымъ синонимомъ Юпитера? Не то же ли самое Юнона и Дiона? Въ тѣхъ же случаяхъ, когда имена оказываются различными, дѣйствiя боговъ являются совершенно тожественными и позволяютъ ихъ тотчасъ же узнать. Марсъ, совершенно подобно греческому Аресу, представляетъ собою весеннiя бури, военные набѣги и битвы; солнце является въ видѣ Гелiоса; богиня мать-кормилица Церера покровительствуетъ земледѣлiю Сицилiи и Италiи, точно также какъ и таковому Грецiи; Вулканъ, совершенно подобно Гефесту, куетъ въ подземной кузницѣ, и, наконецъ, каждый ручей, каждая пещера и каждое дерево обладаютъ такими же точно нимфами, дрiадами и иными духами [1]).

Уже внѣшнiя географическiя очертанiя Европы показываютъ намъ, что если переселяющiеся народы, родственные эллинамъ, проникли на полуостровъ Италiи чрезъ горные проходы восточныхъ Альповъ, чрезъ долины Савы, Дравы и Дуная, то въ то же время должно было возник-

---

1) André Lefèvre. «L'Histoire», pp. 149, 150.

нуть и передвиженіе народовъ, болѣе прямое и быстрое, непосредственно чрезъ Адріатическое море. Въ тѣхъ случаяхъ, когда какимъ-нибудь горнымъ племенамъ, постоянно воевавшимъ съ обитателями долинъ изъ-за владѣнія лѣсами, пастбищами и рѣками, наслѣдственныя области ихъ казались слишкомъ тѣсными, или когда имъ приходилось бѣжать отъ преслѣдованій какихъ-либо постороннихъ завоевателей, они оставляли свои неприступныя скалы, спускались къ морю, иногда, быть-можетъ, даже непосредственно переправлялись на противоположный берегъ. Даже до начала историческаго періода, безъ сомнѣнія, тѣ же самыя причины вызвали результаты, одинаковые съ тѣми, о которыхъ намъ сообщаютъ лѣтописи. Подобныя перемѣщенія народовъ въ сосѣднихъ областяхъ вызывали, безъ сомнѣнія, часто переселеніе съ далматскихъ береговъ на берега Италіи, и, конечно, многіе изъ такихъ переселенцевъ, пришедшихъ съ восточнаго полуострова, принадлежали, подобно другимъ обитателямъ Италіи, къ племенамъ, родственнымъ грекамъ или бывшимъ даже чисто-греческими. Если самое названіе «греки», очень мало примѣнявшееся самими греками, появилось у насъ по наслѣдству отъ римлянъ, которые обозначали имъ всю народность, то не происходило ли это вслѣдствіе того, что племя «граиковъ», обитавшее въ лѣсахъ Эпира и въ священныхъ долинахъ Додоны, являлось особенно сильно представленнымъ среди колонистовъ Южной Италіи?

Наконецъ, нѣкоторое число переселенцевъ пришло въ Италію чрезъ Іоническое море. Нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что въ нѣкоторую очень древнюю эпоху мореходы многихъ народностей научились плавать и по открытому морю. Въ тѣ времена, когда римляне познакомились съ твореніями греческихъ рапсодовъ, возникло много легендъ, въ которыхъ семьи римскихъ патриціевъ доказывали свое происхожденіе отъ тѣхъ или другихъ героевъ «Иліады», но, спрашивается, были ли это лишь только легендарные разсказы? Простое ли совпаденіе между Цирцеей Гомера и мысомъ Цирцеи, за которымъ начинаются Понтійскія болота? Намъ извѣстно лишь, что Энею приписывалось основаніе Лавиніума еще задолго до того, какъ суетность римлянъ сдѣлала его спеціально римскимъ героемъ. Египетскія надписи сообщаютъ, что въ царствованіе Рамзеса II, Менепта и Рамзеса III, т.-е. 1300 лѣтъ до начала христіанской эры, народы Малой Азіи сдѣлали попытку захватить дельту Нила, напавъ съ моря, и среди этихъ мореплавателей упоминаются нѣкіе «шарда», которые дали затѣмъ свое имя Сардиніи, и племя «турша», отожествляемое съ тирсенами, которыхъ мы находимъ позднѣе въ Этруріи.

Вслѣдъ за этими греками героической эпохи, вслѣдъ за побѣдителями и побѣжденными троянскихъ войнъ, которые еще до начала письменной исторіи высадились по различнымъ бухтамъ и островамъ Ана-

толіи и Эллады или отправились искать счастья на западныхъ берегахъ Средиземнаго моря, гдѣ нашли себѣ новое отечество, послѣдовали другіе греки, о которыхъ лѣтописи или, по крайней мѣрѣ, преданія сообщаютъ уже болѣе точныя данныя; извѣстенъ и путь, которымъ они слѣдовали, и происхожденіе ихъ. Таковы были коринѳяне, основавшіе Сиракузы, обитатели Родоса, устроившіеся у подножія Везувія, наконецъ, греческіе колонисты, обусловившіе расцвѣтъ Великой Греціи.

Къ сѣверу отъ низовьевъ долины Тибра, гдѣ возникъ Римъ, полуостровъ Италіи представляетъ много замѣчательныхъ сходственныхъ чертъ съ Южной Италіей, которая сдѣлалась Великой Греціей. Обѣ стороны полуострова представляютъ яркій контрастъ,—съ одной стороны, мы видимъ горы на западѣ, съ другой—равнины на восточномъ берегу; въ южной части полуострова этотъ контрастъ еще болѣе значителенъ, болѣе внезапенъ, такъ какъ горы круто спускаются къ равнинѣ, простирающейся у ихъ подножія,—вслѣдствіе этого населеніе той и другой части оставалось сильнѣе различающимся, смѣшеніе умственныхъ завоеваній и нравовъ происходило менѣе совершенное. Въ тосканской Италіи и на сѣверѣ Апеннины и другія горныя цѣпи, принадлежащія той же орографической системѣ, занимаютъ несравненно болѣе пространства и располагаются нѣсколько иначе; въ общемъ, кромѣ того горы представляютъ болѣе сглаженный характеръ, долины прорѣзаютъ ихъ массивъ бо̀льшимъ числомъ ущелій; природа кажется болѣе одухотворенной, и взаимныя вліянія одной народности на другую могли совершаться свободнѣе.

Въ ту эпоху, когда небольшое римское государство только-что достигло сознанія своей политической индивидуальности среди другихъ политическихъ группъ Италіи, та область Апеннинъ, гдѣ сходятся истоки рѣкъ Тибра и Арно, была занята этрусками, или, иначе, «разенами»,—это была та самая народность, которую египтяне знали подъ названіемъ «турша», и которая въ самыхъ древнихъ греческихъ пѣсняхъ называется народомъ «тирсеновъ». По преданію и по свидѣтельству другихъ авторовъ древности, если постараться связать ихъ между собою, этруски или этруры пришли изъ Малой Азіи и изъ Ѳракіи; они находились въ соприкосновеніи съ хеттитами, и вліяніе послѣднихъ сказывалось на нихъ; нѣкоторые авторы рискуютъ даже утверждать, что обѣ народности тожественны [1]). Этруски проникли въ Италію, занявъ первоначально ея восточный берегъ, близъ коего находятся два одноименныхъ города, равнымъ образомъ основанные ими—Адрія или Атрія близъ дельты рѣки Падана (По) и городъ того же наименованія на рѣкѣ Пиценѣ, къ югу отъ выдающагося угла, на которомъ лежитъ Анкона.

1) Cesare A. de Cara. Neuvième Congrès International des Orientalistes, 1891

Устроившись прочно на Адріатическомъ побережьѣ и въ восточныхъ долинахъ Апеннинъ, они вскорѣ перешли на другую сторону горъ по многочисленнымъ проходамъ и распространились обширнымъ вѣеромъ по долинамъ и второстепеннымъ горнымъ хребтамъ, которые по нимъ получили и свое древнее наименованіе, измѣненное въ названіе Тосканскихъ горъ. Быть-можетъ, переселенцы этруски направились и на сѣверъ чрезъ долину рѣки По и устроились въ одной изъ альпійскихъ долинъ. Впрочемъ, это не болѣе какъ предположеніе, такъ какъ къ сѣверу отъ этой рѣки не найдено ни одной этрусской монеты; однако, на германскомъ склонѣ Альповъ селеніе Резюнъ, близъ сліянія обоихъ Рейновъ, является свидѣтелемъ существованія тамъ или, во всякомъ случаѣ, прохожденія по той мѣстности этрусковъ, которые, какъ мы говорили, носили также названіе народа «разена». Это совпаденіе въ названіяхъ, равно какъ и наименованіе Реція, подъ которымъ обозначается область центральныхъ Альповъ, подкрѣпляетъ гипотезу Моммсена, по которой родина этрусковъ находится къ сѣверу отъ Альповъ; не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что ретійцы заимствовали свою цивилизацію отъ этрусковъ, отъ которыхъ они получили и свой алфавитъ [1]. По Титу Ливію «разена» Реціи были бѣглецами, оттѣсненными за предѣлы своей страны галльскимъ вторженіемъ въ Италію [2]; но возможно также, что произошло и частичное переселеніе эмигрантовъ, направившихся къ сѣверу отъ Адріатическаго залива въ область Альповъ.

Внутренность этрусской могилы въ томъ видѣ, какъ она была открыта въ 1842 г. близъ Вейи.

Исторія этрусскаго народа чрезвычайно темна, и это тѣмъ болѣе удивительно, что древняя историческая жизнь этрусковъ тѣсно сплетается въ теченіе ряда вѣковъ съ таковой римлянъ; событія начальнаго періода римской исторіи вырисовываются передъ нами тоже не въ полномъ освѣщеніи, они представляются въ формѣ мало достовѣрныхъ или завѣдомо невѣрныхъ легендъ, которыя и составляютъ то, что считается обыкновенно исторіей. Еще вопросъ, не раскрылись ли бы передъ нами полнѣе условія жизни древнихъ тирренскихъ народностей, и не были ли бы они подробнѣе охарактеризованы, если бы намъ были извѣстны лишь

1) A. Hedinger. Globus, 15 sept. 1900.—2) André Lefèvre. «L'Histoire», p. 153.

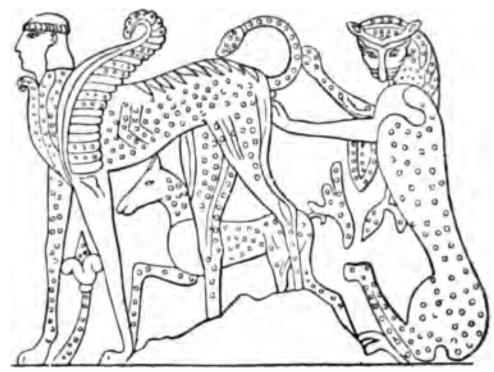
одни результаты раскопокъ могилъ, одни найденныя въ могилахъ произведенія живописи и гончарнаго искусства. Вся трудность именно и проистекаетъ изъ того, что мы невольно стараемся, и притомъ совершенно безуспѣшно, согласовать общій обликъ этрусковъ, вырисовывающійся передъ нами на основаніи до-историческихъ предметовъ, добытыхъ археологами, съ тѣми свѣдѣніями о нихъ, которыя передаются намъ древней исторіей Рима. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію одно: оба наименованія «этруски» и «тосканы» вызываютъ тотчасъ же представленія совершенно различныя, даже противоположныя, и не согласуются нисколько съ нормальной эволюціей различныхъ чертъ характера въ теченіе ряда вѣковъ, при самыхъ разнообразныхъ превратностяхъ историческихъ судебъ.

Этруски, на основаніи свидѣтельствъ о нихъ ихъ современниковъ, рисуются намъ не столько въ качествѣ типичныхъ жителей Италіи, сколько въ качествѣ близкихъ родственниковъ египтянъ. Это проистекаетъ, безъ сомнѣнія, оттого, что истинный обликъ какъ той, такъ и другой націи одинаковымъ способомъ былъ искаженъ жрецами, этими обычными могильщиками народовъ, обрядностями коихъ они завѣдуютъ. Живыя, дѣйствующія народныя массы являются среди кипучей жизни городовъ совершенно несходными съ тѣмъ, какъ они рисуются въ воображеніи жрецовъ, обитающихъ среди мрачнаго молчанія храмовъ.

Стѣнная живопись этрусской могилы, изображенной на стр. 433.

Италійскія нарѣчія отчасти уже дешифрированы учеными, исключеніе составляетъ лишь этрусскій языкъ, оставшійся до сихъ поръ чрезвычайно загадочнымъ; тѣмъ не менѣе, большинство лингвистовъ согласно съ тѣмъ, что признаютъ нарѣчіе этрусковъ, также какъ и языкъ осковъ и умбровъ, за нарѣчіе арійскаго происхожденія, родственное латинскому. Древнимъ мѣшало усмотрѣть это сходство то обстоятельство, что въ этрусскомъ языкѣ согласныя и въ особенности гортанные звуки встрѣчались въ очень большомъ количествѣ, при почти полномъ отсутствіи гласныхъ, что придавало языку извѣстную хриплость и неопредѣленность,—такъ, Денисъ Галикарнасскій утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, что «этрусскій языкъ не походитъ ни на одинъ изъ извѣстныхъ». Нѣкоторые филологи прежде находились подъ властью идеи, бывшей долгое время предметомъ непоколебимой вѣры,—идеи, что первобытный языкъ, на которомъ говорили въ земномъ раю, былъ языкъ еврейскій,—эти

ученые увѣряли, что въ древнемъ тосканскомъ нарѣчіи встрѣчаются остатки еврейскаго языка. Первый изъ болѣе серьезныхъ филологовъ Паскари попытался въ 1757 г. доказать тожество происхожденія этрусскаго и латинскаго языковъ и, дѣйствительно, доказалъ изслѣдованіемъ надписей, сдѣланныхъ на обоихъ языкахъ, что склоненія въ этрусскомъ языкѣ обнаруживаютъ большое сходство съ таковыми латинскаго. Послѣ него ученымъ удалось накопить огромное количество доказательствъ въ пользу того же самаго вывода, который окончательно былъ установленъ Корсеномъ [1]).

Стѣнная живопись этрусской могилы, изображенной на стр. 433.

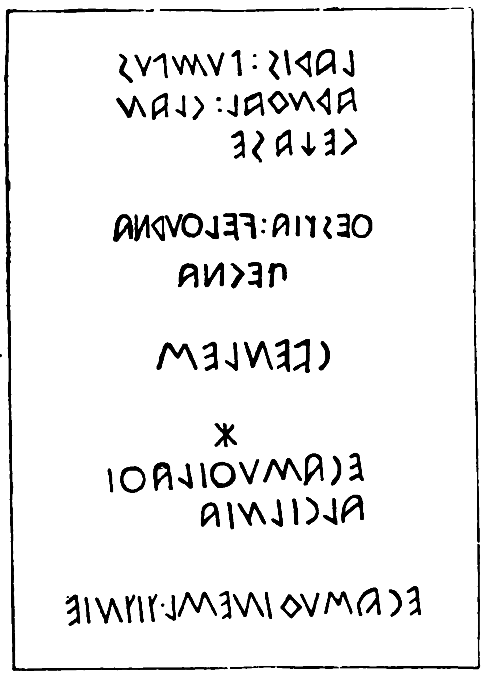
Письменность этрусковъ, точно также какъ и письмо грековъ и латинянъ, съ которымъ она имѣетъ чрезвычайно много сходства, произошла изъ финикійскаго алфавита, но сохранила восточный способъ начертанія буквъ справа налѣво. Въ этрусскомъ языкѣ найдено много словъ, заимствованныхъ изъ греческаго, и это служитъ доказательствомъ, что греки оказывали чрезвычайно сильное цивилизующее вліяніе на этрусковъ; греческія слова, однако, были все же сильно измѣнены и сведены къ формамъ чисто тосканскимъ, — это заставляетъ предполагать существованіе продолжительнаго періода самостоятельной переработки тѣхъ элементовъ культуры, которые были получены извнѣ. Встрѣчаются въ тосканскомъ языкѣ и термины умбрійскіе, между прочимъ, и самое наименованіе «этруски», имѣющее смыслъ «чужестранцы или недавно пришедшіе» [2]). Протяженіе той области, на которой были найдены этрусскія надписи, собранныя въ настоящее время въ большомъ числѣ,

Стѣнная живопись этрусской могилы, изображенной на стр. 433.

1) Corssen. «Sprache der Etrusker», 1874. — 2) Corssen, op. cit., II, p. 577.

свидѣтельствуетъ о томъ, что границы обширной имперіи, занятыя нѣкогда этрусской народностью, не совпадаютъ съ границами страны, сдѣлавшейся современной Тосканой, — онѣ доходятъ до восточнаго склона Апеннинъ, на сѣверѣ— до Реціи, на западѣ до Ниццы, на югѣ достигаютъ Рима, въ Кампаніи же — Неаполя и Нолы.

Этрусскія надписи неизвѣстнаго значенія, которыя читаются слѣдующимъ образомъ:

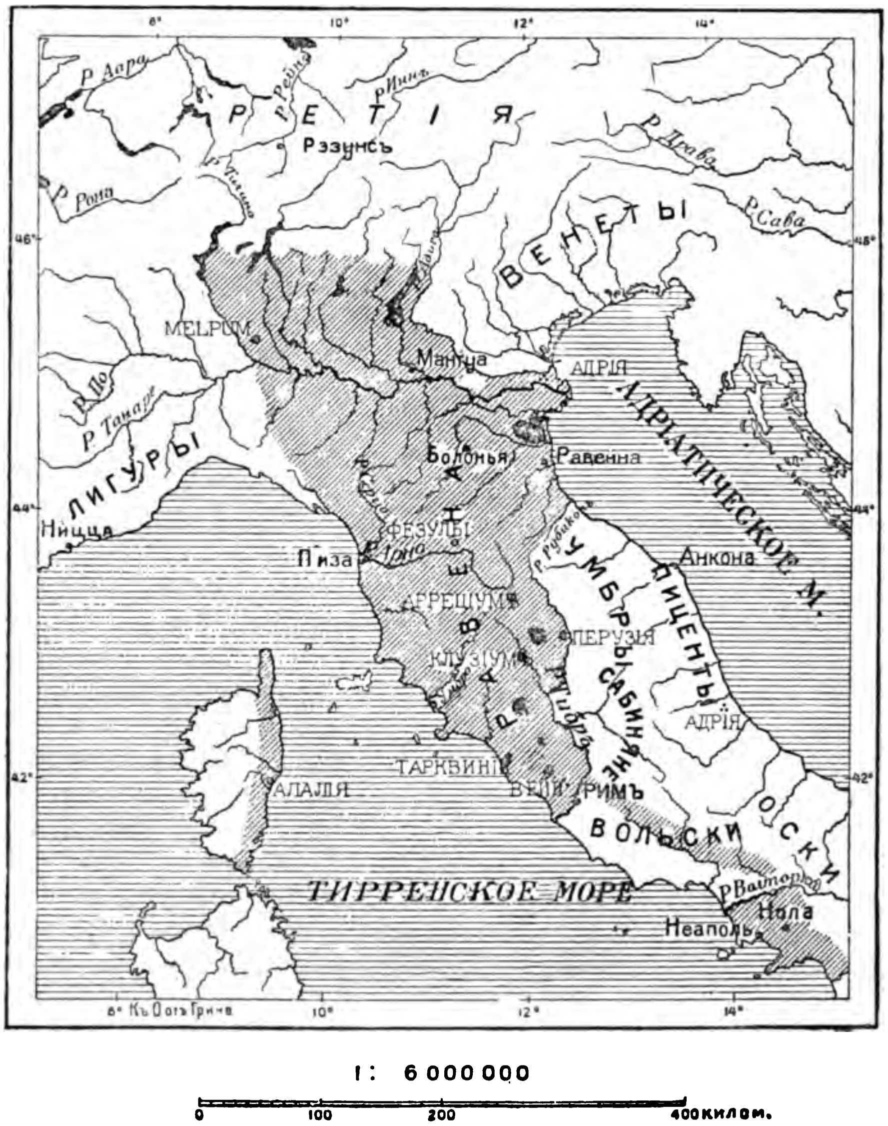
LARIS : PUMPUS
ARNTHAL : CLAN CECHASE
THESTIA VELTHURNA NECNA
CVENLES
ECASUTHILATHI ALCILNIA
ECASUTH INESL TITNIE

Политическія судьбы народности, столь сильно разсѣянной въ видѣ отдѣльныхъ группъ среди другихъ племенъ, говорящихъ на другихъ языкахъ и обладающихъ иными нравами, должны были значительно мѣняться соотвѣтственно со средой, и національное независимое существованіе этихъ группъ должно было появляться въ чрезвычайно неодинаковыхъ формахъ. Этруски, попавшіе далеко отъ своей родины, либо погибали, либо совершенно измѣнялись; въ то же время бо́льшая часть народности, всѣ отдѣльные элементы которой взаимно другъ друга поддерживали, могла несравненно долѣе сопротивляться неблагопріятнымъ внѣшнимъ вліяніямъ.

Географическія границы Тосканы очерчены съ замѣчательной рѣзкостью и охватываютъ въ видѣ правильной дуги круга бассейны рѣкъ Серчіо, Арно и верхняго теченія Тибра. Къ сѣверу раздѣляющій ихъ барьеръ достигаетъ значительной мощности, такъ какъ къ Апеннинскому хребту прибавляется въ этой мѣстности цѣпь Апуанскихъ Альповъ,— она поднимается въ видѣ длинной гряды, сильно затрудняетъ переходъ черезъ горы и заставляетъ путешественниковъ дѣлать длинный обходъ по направленію къ востоку черезъ горные перевалы или же идти узкимъ проходомъ, ведущимъ вдоль побережья въ Геную и на Ривьеру. На востокѣ Апеннинскій хребетъ тянется съ совершенной правильностью и приближается къ Адріатическому морю, затѣмъ южнѣе Этруріи онъ вѣт-

вится на боковые хребты, представляющіе также извѣстное препятствіе для передвиженія народовъ; впрочемъ, естественные проходы изъ одной долины въ другую очень многочисленны, и именно съ той стороны

№ 186. Область владѣній этрусковъ.

своихъ владѣній этруски принуждены были выдерживать нападенія враговъ и проявлять наиболѣе энергичное сопротивленіе,—съ этой стороны имъ грозила смертельная опасность.

Такимъ образомъ, гигантскій амфитеатръ Этруріи, столь прекрасно защищенный съ трехъ сторонъ моремъ и горами, расположенъ въ высшей степени благопріятно и отлично можетъ служить мѣстомъ обитанія для одной обособленной народности,—внутри, однако, онъ дѣлится на множество отдѣльныхъ мелкихъ областей, обусловливающихъ соотвѣтственное дробленіе народности на отдѣльныя группы. Крупные населенные центры возникли почти внезапно и совершенно самостоятельно во всѣхъ частяхъ этой полудискообразной страны, обладающей столь значительными естественными богатствами, какъ плодородная почва и хорошія мѣсторожденія рудъ, и расположенной выгодно въ смыслѣ торговли, благодаря схожденію долинъ и существованію хорошей гавани. Такимъ образомъ, среди городовъ, возникшихъ тамъ, гдѣ условія мѣстности должны были собрать большое скопленіе людей, появляются на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого такіе жизненные центры, какъ Клузіумъ (Чіузи), расположенный на водораздѣлѣ между Тибромъ и Арно, Перузія, Арреціумъ, особенно богатыя вслѣдствіе того, что вокругъ нихъ находятся плодоносные наносы древнихъ озеръ, Фезоле (Фіезоле), давшіе начало Флоренціи, Пиза, которая, кромѣ плодородія своихъ полей, представляла собою также удобства морского порта. Совершенно исключительно значеніе, которое получила въ изложеніи событій жизни человѣчества исторія Рима, заставила придавать особое значеніе въ Этруріи низовьямъ Тибра, и потому мы видимъ столько этрусскихъ географическихъ названій на картѣ между Тарквиніями и Веями, по сосѣдству съ Римомъ; въ общемъ, однако, политическая жизнь была довольно равномѣрно распредѣлена по различнымъ пунктамъ, населеннымъ на всемъ протяженіи Тоскапы, и нигдѣ не развилось столичнаго города настолько значительнаго, чтобы въ немъ могла сконцентрироваться вся національная энергія. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ въ Этруріи господствовали, повидимому, федеративныя отношенія между отдѣльными городами, обладавшими полнымъ равноправіемъ; въ то же время населеніе городовъ образовывало свободныя республики, которыя въ эпоху начала римской исторіи носили чисто-аристократическій характеръ. Самое наименованіе этрусскаго государства—«союзъ двѣнадцати городовъ»—свидѣтельствуетъ о такомъ устройствѣ,—впрочемъ, честь образованія этого государства оспаривается другъ у друга 20 городами.

Вліяніе греческой цивилизаціи, чрезвычайно ясно сказывающееся на языкѣ этрусковъ, еще сильнѣе обнаруживается въ ихъ техникѣ и въ искусствахъ. Бронзовыя и глиняныя издѣлія, собранныя въ такомъ большомъ количествѣ въ различныхъ музеяхъ этрусскихъ древностей, не представляютъ собою вовсе произведеній чисто-національныхъ, какъ это воображали ранѣе,—на самомъ дѣлѣ они являются въ значительной степени результатомъ подражанія греческимъ предметамъ или же пред-

ставляютъ собою издѣлія художниковъ, подвергшихся эллинскому вліянію. Отношенія между народами были въ тѣ времена гораздо болѣе частыми, чѣмъ это рисуетъ себѣ обыкновенно большинство историковъ: явленія переселенія и колонизаціи, сдѣлавшіяся въ эпоху переселенія Гераклидовъ основною чертою эволюціи всѣхъ греческихъ племенъ, наблюдались на самомъ дѣлѣ и значительно ранѣе этой эпохи,—не было только лѣтописцевъ, которые бы ихъ отличали. Среди многихъ другихъ свидѣтельствъ о древнѣйшихъ переселеніяхъ народовъ можно отмѣтить, что раскопками было доказано существованіе многочисленныхъ пунктовъ, куда собирались для лѣченія водами теплыхъ ключей. Такъ, въ Викарелло, на прежнихъ «Аполлинарскихъ водахъ» римлянъ, были открыты не-

Этрусская чаша.

сомнѣнныя доказательства тому, что къ этому источнику соленыхъ и кислыхъ минеральныхъ водъ, расположенному на берегу вулканическаго озера Бракчіано (Сабатинусъ), собиралось огромное количество посѣтителей, жаждавшихъ исцѣленія отъ болѣзней. Кромѣ приносившихся въ даръ драгоцѣнныхъ вазъ, различныхъ цѣнныхъ украшеній и превосходно чеканенныхъ монетъ, тамъ было найдено при раскопкахъ болѣе 100 килограммовъ мѣди и множество древнихъ монетъ, относящихся къ той

эпохѣ, когда мѣновые знаки дѣлались еще самымъ несовершеннымъ способомъ. Въ нижележащемъ слоѣ было открыто болѣе полутонны мѣди, въ видѣ обломковъ металла, которые въ еще болѣе давнія времена играли также роль товара, имѣющаго цѣнность; наконецъ, подъ этимъ слоемъ оказался слой, содержащій отшлифованныя кремневыя орудія неолитической эпохи [1]).

Благосостояніе этрусковъ достигло, повидимому, своего наибольшаго развитія въ ту эпоху, къ которой преданія относятъ основаніе Рима, т.-е. во время, отдаленное отъ нашего на 25—27 вѣковъ. Этруски обладали тогда еще настолько большимъ политическимъ могуществомъ, что могли простирать свою власть за предѣлы сѣверныхъ Апеннинъ, вплоть до отдаленныхъ областей побережья Средиземнаго моря. Они вторглись въ Кампанію какъ со стороны суши, такъ и со стороны моря и образовали тамъ многочисленныя колоніи,—такимъ образомъ, въ южной Италіи возникла вторая Этрурія, столь же богатая въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, какъ сѣверная. Этрусскіе города вступили въ прямыя сношенія съ Аѳинами и приносили неоднократно издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ въ даръ Дельфамъ. Завязались сношенія и съ Карѳагеномъ, вслѣдствіе завоеваній послѣдняго въ Сициліи. Располагаясь въ центрѣ внутренняго моря, Этрурія занимала столь же господствующее положеніе, какое позднѣе получилъ Римъ, причемъ владѣла имъ даже въ еще болѣе полной степени; однако, самый центръ могущества страны нерѣдко перемѣщался изъ одного города конфедераціи въ другой и отнюдь не обладалъ такимъ постоянствомъ и прочностью, безъ какихъ военная имперія не можетъ существовать.

Элементы слабости этрусскаго государства родились, впрочемъ одновременно съ благопріятствовавшими развитію его. Правда, этруски находились въ торговыхъ сношеніяхъ со всѣми народностями Средиземнаго моря; они были знакомы съ горными проходами Альповъ, что открывало имъ доступъ къ сѣверу Европы, они пользовались также и водными путями по морю, которое носитъ до сихъ поръ ихъ имя—именно по Тирренскому морю; они эксплуатировали также богатыя рудныя мѣсторожденія острова Эльбы и располагали многочисленными художниками, ремесленниками и техниками, такъ что могли строить храмы, высѣкать изъ камня и отливать изъ бронзы статуи, писать фрески и украшать узорами и рисунками глиняныя издѣлія. Но, при всемъ томъ, этруски находились въ желѣзныхъ тискахъ жрецовъ, которые, мало-помалу, постепенно, но непрерывно, замуровывали ихъ въ могильный склепъ.

Религіозныя представленія этрусковъ были чрезвычайно сходны съ греческими. Нѣкоторыя изъ божествъ прямо и непосредственно по-

---

1) G. Marchi. Revue archéologique, 1862.

№ 187. Этрурія.

По Денни «Двѣнадцать городовъ — Вейи, Фалеры (относительно этихъ двухъ городовъ см. карту № 189, стр. 451), Тарквиніи, Волсиніи, Цэре, Волатерре, Руселлы, Ветулонія, Клузіумъ, Арреціумъ, Кортона, Перузія. Другіе археологи относятъ къ этимъ „Двѣнадцати городамъ“ Фезулы, Козу, Капену, Пизу, Сатурнію, Популанію, Луку, Луну и др. Крестики на картѣ обозначаютъ мѣстонахожденія древнихъ могилъ.

пали изъ Грецiи въ Пантеонъ обитателей Тосканы, и въ то же время извѣстное число народныхъ и мѣстныхъ боговъ было отчасти эллинизировано, равно какъ приняло самыя формы ихъ культа и всѣ представленiя о природѣ боговъ. Въ небесахъ Розены царилъ Юпитеръ, тотъ же Зевсъ, и, подобно небожителю Олимпа, управляя судьбами, онъ совѣщался съ Неумолимымъ Рокомъ, когда направлялъ свои огненныя стрѣлы, чтобы уничтожить или испугать людей; вокругъ него точно также возсѣдалъ сонмъ изъ 12 главнѣйшихъ и многихъ второстепенныхъ боговъ, пользовавшихся совѣщательнымъ голосомъ.

Но, хотя аналогiя между греческой и тосканской религiей и была очень значительной, мало-по-малу, между ними все же образовалось внутреннее различiе, даже полный контрастъ, вслѣдствiе того, что господствующее влiянiе на народъ получили представители небесныхъ боговъ на землѣ—жрецы; въ концѣ концовъ, они совершенно захватили этрусковъ въ свою власть, и тогда для послѣднихъ наступилъ перiодъ упадка. Основной, характерной чертой религiозной вѣры сдѣлался страхъ. «Злой Юпитеръ»—«Va-Dovis» или «Va-Dius»—сталъ чинить козни въ небесахъ на погибель людей, тьмы злыхъ духовъ, въ особенности ненасытныя души умершихъ, стали искать случая тѣмъ или другимъ способомъ нанести вредъ живымъ. Отсюда и тѣ предосторожности, которыя принимались живыми съ цѣлью скрыться отъ взоровъ душъ умершихъ,—предосторожности, принимаемыя и до сихъ поръ флорентинцами, которые закрываютъ свое лицо капюшономъ, чтобы души покойниковъ ихъ не узнали.

Чтобы избѣгнуть этихъ постоянныхъ опасностей, предсказываемыхъ различными предзнаменованiями и угрожающихъ человѣку вездѣ и всюду, было необходимо вмѣшательство жреца,—требовались его молитвы, пѣснопѣнiя, призывающiе жесты, метанiе жребiя, жертвоприношенiя и даже человѣческiя жертвы,—инымъ путемъ нельзя было удовлетворить боговъ. Подобныя заслуги со стороны жрецовъ, отклонявшихъ всѣ напасти, покупались, разумѣется, дорогою цѣною,—именно жрецы получали политическую власть. Городами конфедерацiи стали управлять религiозные аристократы, и именно среди этихъ «князей церкви», «лукумоновъ», избирались цари. Отсюда проистекаютъ духъ чистѣйшаго формализма и доведенная до послѣдней крайности консервативность. Требовалось строжайшее соблюденiе древнихъ обычаевъ и обрядовъ, произнесенiе формулъ, передающихся по традицiи въ теченiе ряда вѣковъ. Все было урегулировано до мельчайшихъ подробностей, иначе въ случаѣ несоблюденiя ихъ слѣдовало ожидать неминуемо гнѣва боговъ. Всѣ эти обряды перешли и въ римскiй религiозный культъ и соблюдались долгое время съ большою тщательностью, соблюдались даже въ ту эпоху, когда мысль уже въ значительной степени освободилась, такъ что «два встрѣтившiеся авгура не могли уже смотрѣть другъ на друга безъ улыбки».

Этрусскія могилы въ окрестностяхъ Орвіето.

Полетъ птицъ, движеніе внутренностей, принесенныхъ въ жертву животныхъ, растерзаніе добычи птицами, живущими у храма, разсматривались какъ явленія первостепенной важности, которыя могли опредѣлить исходъ сраженія или даже судьбу имперіи. Самое жертвоприношеніе должно было сопровождаться опредѣленнымъ ритуаломъ, чтобы быть пріятнымъ богамъ,—такіе герои, какъ Децій, бросаясь въ толпу враговъ, посвящали себя подземнымъ богамъ, произнося опредѣленныя священныя формулы. Церемоніалъ суда, церемоніи, неизмѣнно соблюдавшіяся римлянами во дворцѣ, въ храмахъ и въ частныхъ домахъ въ теченіе ряда вѣковъ, были также заимствованы ими отъ этрусковъ. Можно сказать, что римскій народъ во всѣхъ отношеніяхъ получалъ свою пищу отъ своихъ этрусскихъ предшественниковъ, подобно тѣмъ насѣкомымъ, которыя находятъ себѣ пищу въ ячейкѣ, заготовленной ихъ предками.

Начало Рима было совершенно такое же, какъ начало другихъ колоній, основанныхъ бѣглецами и авантюристами. Въ холмистой странѣ,

на югѣ которой поднимаются великолѣпные массивы потухшихъ вулкановъ Лаціума, были разсѣяны мелкіе городки, рядомъ съ которыми были найдены очень древнія могилы, возрастъ коихъ опредѣляется въ 30—31 вѣковъ [1]). Между этими населенными пунктами возникъ небольшой городокъ, обнесенный четыреугольной стѣной, расположенный на одномъ изъ холмовъ на берегу Тибра,—онъ явился первымъ прибѣжищемъ легендарнаго Ромула и Рема, потомки которыхъ покорили весь міръ. Каковы же были на самомъ дѣлѣ основатели этого защищеннаго городка, окруженнаго другими укрѣпленными селеніями, частью дружественными ему, частью враждебными? Нѣкоторыя преданія, равно какъ и толкованія, на которыя наводятъ извѣстныя выраженія латинскаго языка, позволяютъ думать, что эти первые римляне или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые первыми вступили въ прочную политическую связь между собою, были эмигранты, вышедшіе изъ сосѣднихъ горныхъ областей на поиски лучшей доли; ихъ соединяло скорѣе общее недовольство своей судьбой, чѣмъ родство и происхожденіе. Нерѣдко переселеніе народовъ дѣлалось необходимымъ, вслѣдствіе недостатка пастбищъ на склонахъ и вершинахъ горъ, вслѣдствіе разрастанія численности семей или вслѣдствіе прекращенія торговыхъ сношеній съ обитателями равнинъ. Когда народности становилось трудно добывать себѣ пропитаніе, молодымъ ея представителямъ не оставалось ничего болѣе, какъ либо погибнуть, либо отправиться въ поиски за приключеніями. Они посвящали себя Мамерсу, богу войны, бывшему въ эту эпоху также и богомъ полей [2]), и спускались со своихъ высотъ, исполнивъ предварительно обряды и церемоніи, которые долженствовали отклонить отъ нихъ опасность, умилостивить злыхъ духовъ и привлечь на ихъ сторону Непреклонный Рокъ. Собравшись въ многочисленныя дружины, эти молодые люди—«mamertini» или «sacrani»—предоставляли направлять свой путь какому-нибудь священному животному, зеленому дятлу, перелетающему съ дерева на дерево, или волку, рыскающему по зарослямъ кустарниковъ; иногда они ограничивались тѣмъ, что наблюдали за поведеніемъ этихъ таинственныхъ животныхъ и, сообразуясь съ нимъ, избирали направленіе пути. Случалось, что они вмѣшивались въ войны чужихъ народовъ и, будучи приняты въ союзники одной изъ воюющихъ сторонъ, вели жизнь наемныхъ воиновъ, или же, при удачномъ оборотѣ вещей, сами становились завоевателями и основывали за свой страхъ новыя республики, иногда стоящія въ связи съ отечествомъ, иногда же совершенно независимыя. Группировка небольшихъ государствъ здѣсь

---

1) O. Montelius, «Roma prima di Romolo et Remo», Acad. dei Lincei, cité par Bolletino d. Soc. Geogr. Ital, 1899, p. 637.—2) Michel Bréal et Anatole Bailly. «Dictionnaire étymologique latin», p. 183

постоянно мѣнялась, въ зависимости отъ появленія и исчезновенія этихъ странствующихъ обитателей горъ 1).

№ 188. Планъ Рима.

1 : 100000

0 1 2 4 6 килом.

A. Mons Capitolinus. B. Mons Palatinus.
C. Mons Aventinus. D. Mons Caelius. E. Mons Esquilinus.
F. Collis Viminalis. G. Gollis Cuirinalis.
H. Forum. I. Кварталъ Субура. J. Campus Martius.
K. Mons Janiculus. L. Ager Vaticanus. M. Mons Sacer.
N. Мѣстонахожденіе могилы Цецилія Метелла на Via Appia.
Изображенная на планѣ стѣна — стѣна Сервія Туллія. По П. В. Форшхаммеру, расхожденія ручьевъ Маррана и Марранелла объясняютъ преданіе о Ромулѣ и Ремѣ.

Въ одномъ изъ своихъ произведеній, замѣчательномъ какъ по глубинѣ научныхъ мыслей, такъ и по богатству эрудиціи и по смѣлости

1) Niebuhr. «Römische Geschichte»; Michelet, «Histoire Romaine».

гипотезъ, фонъ Іерингъ высказываетъ предположеніе, что область географическаго распространенія переселившихся племенъ, принявшихъ участіе въ основаніи Рима, заходитъ значительно далѣе границъ горъ, сосѣднихъ съ долиною Тибра [1]). По его мнѣнію, предки римлянъ пришли непосредственно съ плоскогорій Аріаніи, чрезъ южную Европу, и притомъ совершили этотъ путь не быстро, но приспособляя постепенно свой образъ жизни въ теченіе многихъ поколѣній, быть-можетъ, даже многихъ вѣковъ и слѣдуя по пути, неизбѣжно уклоняющемуся то въ ту, то въ другую сторону, иногда даже ведшему вспять.

На самомъ дѣлѣ, ни одного упоминанія объ этихъ переселеніяхъ не встрѣчается въ произведеніяхъ древнихъ авторовъ, такъ какъ ихъ отдѣляло отъ этой первобытной эпохи много вѣковъ, однако, въ языкѣ, даже невѣдомо для тѣхъ, кто на немъ говорилъ, сохранилось много пережитковъ, напоминающихъ о событіяхъ далекаго прошлаго. Особенности языка свидѣтельствуютъ намъ о томъ, напримѣръ, что въ эпоху великихъ переселеній, когда вся жизнь зависѣла отъ успѣшнаго движенія впередъ, слѣдовательно, отъ силы и ловкости молодыхъ и взрослыхъ людей, старики, неспособные носить тяжелый грузъ и идти, не отставая отъ своихъ сотоварищей, вовсе не пользовались почетомъ со стороны другихъ членовъ общины. При случаѣ охотно пользовались ихъ опытностью, но, когда необходимо было дѣйствовать, ихъ нерѣдко устраняли, какъ безполезныхъ, и даже предавали смерти. Такъ жестоки были обычаи этой народности, потомки которой позднѣе столь высоко цѣнили мудрость сенаторовъ, т.-е. «старѣйшихъ», занимавшихъ первое мѣсто въ государствѣ и управлявшихъ республикой! Народъ, «populus», или собраніе «молодыхъ», управлялъ собою самъ въ этотъ первоначальный періодъ исторіи, характеризовавшійся постоянными опасностями для каждаго; лишь съ основаніемъ города «сенатъ», т.-е. «собраніе старѣйшихъ», получилъ господствующую роль [2]).

Правда, умерщвленіе при переселеніяхъ стариковъ не носило въ глазахъ толпы характера особой жестокости, такъ какъ было превращено въ религіозную церемонію. Человѣкъ вѣдь любитъ надувать самого себя, выдавая свои собственные интересы и свои дѣйствія за нѣчто имѣющее божественное происхожденіе! Когда старики становились неспособными оказывать матеріальныя услуги обществу, или когда, по крайней мѣрѣ, они, какъ говорилось, могли умереть съ пользою для общаго блага, ими пользовались во всѣхъ случаяхъ, представлявшихъ для общины какую-нибудь опасность, напримѣръ, при переходѣ черезъ рѣку. По убѣжденію, чрезвычайно распространенному среди первобытныхъ народовъ, постройка моста представляетъ собою настоящее поку-

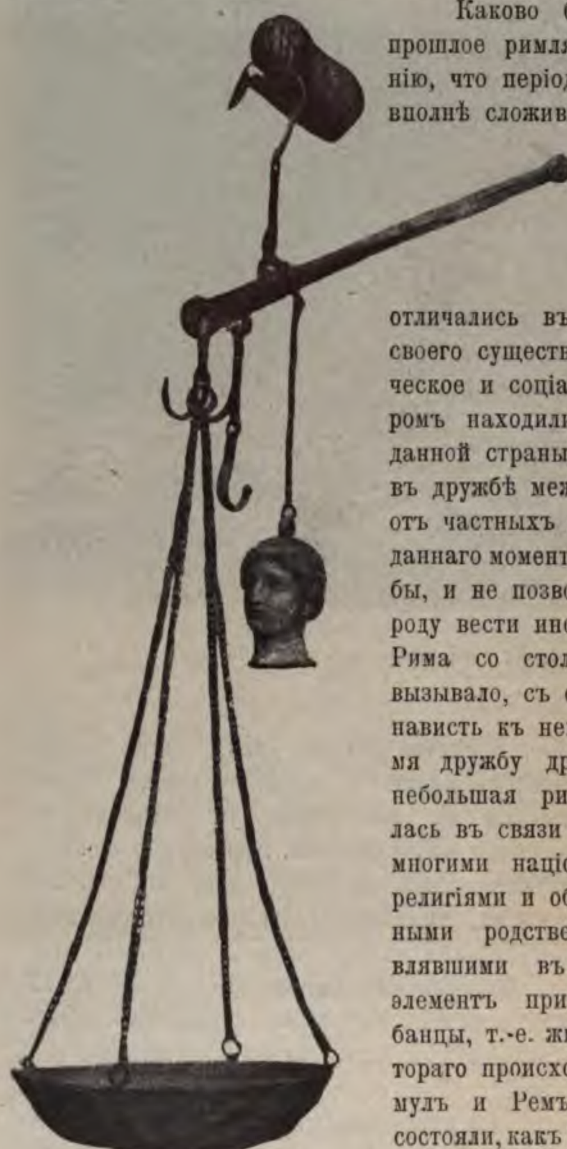
1) R. von Ihering. «Les Indo-Européens avant l'Histoire». — 2) R. von. Ihering. op. cit., p. 307.

Амфоры для храненія вина, масла и т. п. въ Остіи.

шеніе, направленное противъ божества данной рѣки,—на рѣку надѣвается ярмо, за которое божество мститъ во время разливовъ, почему и приходится прилагать старанія къ тому, чтобы умилостивлять его молитвами, подарками или даже человѣческими жертвоприношеніями. Когда какой-нибудь народъ переходилъ въ бродъ рѣку по опасному броду, то каждый несчастный случай, какъ предполагалось, обусловливался гнѣвомъ божества, владѣющаго водами данной рѣки, и отклонить этотъ гнѣвъ возможно было лишь жертвоприношеніями. Когда необходимо бывало построить мостъ, дѣло являлось еще болѣе серьезнымъ, приходилось платить за него выкупъ каждый годъ, такъ какъ ежегодно рѣка вздувала свои воды. Тогда жрецы или строители моста приказывали чистымъ молодымъ дѣвушкамъ, хранительницамъ священнаго огня, получившимъ впослѣдствіи названіе «весталокъ», хватать 60-тилѣтнихъ стариковъ и сбрасывать ихъ съ моста въ рѣку, чтобы такимъ образомъ усмирить гнѣвъ расходившагося божества. Въ одной изъ мѣстностей Ганновера, на берегахъ Эльбы, гдѣ въ прежнія времена жило славянское племя вендовъ, сохранилась до нашихъ дней поговорка на нижнегерманскомъ нарѣчіи, напоминающая о томъ, что въ прежнія времена

здѣсь приносились такія же человѣческія жертвы,—именно, про стариковъ говорятъ: «плывите внизъ, плывите внизъ, міръ васъ болѣе не терпитъ» [1]).

Римскіе вѣсы.

Каково бы ни было историческое прошлое римлянъ, не подлежитъ сомнѣнію, что періодъ ихъ дѣтства, какъ націи вполнѣ сложившейся, они провели въ непрестанной борьбѣ со своими сосѣдями. Благодаря этому у нихъ и развился тотъ наслѣдственный воинскій духъ, которымъ они отличались въ теченіе первыхъ вѣковъ своего существованія. Впрочемъ, политическое и соціальное состояніе, въ которомъ находились различныя народности данной страны, бывшія то въ борьбѣ, то въ дружбѣ между собою, въ зависимости отъ частныхъ интересовъ, отъ настроенія даннаго момента и отъ превратностей судьбы, и не позволяли развивающемуся народу вести иной образъ жизни. Сосѣдство Рима со столькими мелкими народцами вызывало, съ одной стороны, большую ненависть къ нему однихъ и въ то же время дружбу другихъ. Съ самаго начала небольшая римская народность находилась въ связи со многими городами, со многими національностями, со многими религіями и обладала чрезвычайно цѣнными родственными связями, представлявшими въ высшей степени важный элементъ при заключеніи союзовъ. Албанцы, т.-е. жители города Альбы, изъ котораго происходили и оба близнеца, Ромулъ и Ремъ, основатели Рима, сами состояли, какъ гласитъ преданіе, изъ двухъ соединившихся между собою, но не слившихся вполнѣ народностей—одной мѣстной, другой — иноземнаго происхожденія. Послѣдняя, какъ говорятъ, явилась туда изъ Трои, подъ предводительствомъ жреца и царскаго сына, благочестиваго Энея, и, насколько из-

1) R. von Ihering, op. cit., p. 404.

вѣстно. преданіе это относится къ эпохѣ болѣе ранней, чѣмъ та, когда римляне вступили въ настоящія сношенія съ Востокомъ [1]). При первомъ соприкосновеніи между народностями, встрѣтившимися въ Римѣ, было вполнѣ естественно, что представители сильной народности пожелали происходить отъ народности болѣе высокой по культурѣ и считали слабыхъ принадлежащими къ туземному, полуварварскому племени. Такимъ образомъ римскіе плебеи считались всегда имѣющими латинское происхожденіе, тогда какъ патриціи утверждали, что сами они происходятъ отъ этрусковъ; лишь гораздо позднѣе религіозный характеръ древняго преданія о взятіи Трои побудилъ правящій классъ довести свою генеалогію до царя священнаго Иліона,— во времена первой пунической войны цѣлыхъ 50 римскихъ семей признавали себя происходящими отъ Энея, сына Анхиза и Венеры [2]).

Римская лампа.

Греки также были представлены въ этомъ новомъ городѣ, такъ какъ въ немъ заключалась колонія, называвшаяся Паллантіумомъ, обитатели которой долгое время придерживались своего собственнаго религіознаго культа, почитая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и римскихъ боговъ. Въ той

1) Tite-Live, XXV, 12; Fustel de Coulanges. «La Cité antique», pp. 163 ss. – 2) J. A. Hild. «Légende d'Enée avant Virgile». Revue de l'Histoire des Religions, 1882 – 83.

мѣстности, гдѣ позднѣе былъ воздвигнутъ Капитолій, жили совершенно обособленной группой семьи, утверждавшія, что онѣ происходятъ отъ Геркулеса; наконецъ, и сабиняне имѣли своихъ многочисленныхъ представителей въ этомъ латинскомъ городѣ. «Римъ не представлялъ собою въ это время одного города, но являлся конфедераціей многихъ отдѣльныхъ городовъ, тѣсно связанныхъ между собою». Онъ могъ называть себя латинскимъ изъ-за латинянъ, сабинскимъ—изъ-за сабинянъ, этрусскимъ—изъ-за этрусковъ и греческимъ—изъ-за грековъ [1]). Такимъ образомъ, Римъ имѣлъ уже то большое преимущество, что могъ принимать участіе въ религіозныхъ празднествахъ очень многихъ другихъ народностей. У римлянъ всюду были родственники и братья. Въ смыслѣ языка, равно какъ и въ смыслѣ религіознаго культа, городъ, которому суждено было сдѣлаться впослѣдствіи вѣчнымъ, пользовался также весьма существенными преимуществами,—въ языкѣ его находилось гораздо болѣе греческихъ корней, чѣмъ въ любомъ иномъ діалектѣ центральной Италіи. Этотъ многообразный по языку, по традиціямъ и по происхожденію характеръ города объясняетъ вполнѣ двойственность тѣхъ установленій, которыя развивались затѣмъ въ Римѣ бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ и вполнѣ параллельно [2]).

Нарождающійся городъ принужденъ былъ съ самаго начала претерпѣвать рядъ политическихъ потрясеній, которыя вызывались толчкомъ, даннымъ сосѣдними наиболѣе могущественными государствами; при этомъ Римъ нерѣдко утрачивалъ свою автономію или, по крайней мѣрѣ, сохранялъ лишь часть ея. Исторія первыхъ вѣковъ жизни Рима болѣе или менѣе легендарна и символизируетъ періоды тѣхъ различныхъ владычествъ, которыя слѣдовали другъ за другомъ—чередованіе ихъ намѣчается смѣною именъ царей латинскихъ, сабинскихъ и этрусскихъ. Послѣднимъ изъ этихъ мѣстныхъ владѣтелей, и притомъ такимъ, дѣйствительное существованіе коего наименѣе оспаривается, былъ этрусскій царь, принадлежащій къ одному изъ семействъ въ Тарквиніяхъ—городѣ южной Этруріи. Разсказъ о его царствованіи и гибели, который дошелъ до насъ, является однимъ изъ тѣхъ разсказовъ, которые чрезвычайно вѣроятны, такъ какъ все сцѣпленіе фактовъ въ немъ совершенно естественно. Высокомѣріе этого властителя, вражда съ нимъ богатыхъ родовъ, находившихся въ угнетеніи и долгое время безсильныхъ, вслѣдствіе того, что они не призывали къ объединенію съ собою народныя массы, затѣмъ покушеніе на жизнь и гибель женщины, перешедшей всѣ границы дозволеннаго, наконецъ, внезапный взрывъ ненависти и мести, объединившій какъ патриціевъ, такъ и плебеевъ общимъ чувствомъ негодованія, низверженіе тиранна и возстановленіе

1) Fustel de Coulanges, op. cit., p. 425. — 2) J. Michelet. «Histoire Romaine», p. 139.

новаго режима, основаннаго на диктатурѣ аристократическихъ родовъ и на прежнемъ порабощеніи бѣдныхъ классовъ населенія. Все это пред-

№ 189. Амфитеатръ горъ вокругъ Рима.

Область римскихъ владѣній, нанесенная на карту, соотвѣтствуетъ состоянію римскаго государства въ самомъ началѣ римской республики, когда римляне разбили латинянъ на берегу Регильскаго озера въ 257 г. отъ основанія Рима. Лишь сто лѣтъ спустя, въ 358 г., ими были взяты Вейи, находившіяся всего въ 20 километрахъ разстоянія отъ Рима. На картѣ долженъ былъ находиться также Лавиніумъ, основанный Энеемъ и отстоявшій къ юго-востоку отъ Остіи въ 20 килом. и въ 2 килом. отъ берега моря.

ставляется намъ вполнѣ логическимъ выводомъ событій совершенно возможныхъ, которыя въ различныя времена и въ различныхъ странахъ

развивались одинаковымъ, вполнѣ аналогичнымъ способомъ. Точность деталей и достовѣрность собственныхъ именъ, передаваемыхъ преданіемъ, не имѣютъ въ данномъ случаѣ особаго значенія. Несомнѣнно, именно по такому общему образцу и основалась римская республика, независимо отъ того, существовали ли дѣйствительно Лукреція и Брутъ. Республика эта просуществовала 500 лѣтъ, и въ теченіе этого долгаго періода времени могущество ея было сломлено лишь одинъ единственный разъ, во время вторженія галловъ.

Противъ сѣверныхъ варваровъ, обитавшихъ въ равнинахъ по ту сторону Апеннинъ, Римъ былъ защищенъ въ теченіе первыхъ вѣковъ своего существованія конфедераціей этрусковъ: двѣнадцать республикъ выдерживали и отражали всѣ удары. Волны міровой исторіи катятся, однако, не всегда одинаковымъ образомъ,—одни народы развиваются, другіе обречены на ослабленіе и гибель. Достигшіе столь высокой цивилизаціи этруски, пользовавшіеся всѣми радостями жизни и не предававшіеся лично труду, такъ какъ они были окружены рабами и слугами, пользовались постоянно наемными войсками; они не вступали сами въ сраженіе съ врагами и, находясь подъ управленіемъ жрецовъ, не обладали болѣе достаточной собственной иниціативой, чтобы отклонять отъ себя надвигающіяся бѣдствія. Съ другой стороны, различныя галльскія племена находились въ самомъ расцвѣтѣ своей молодости и воинской силы. Оттѣсняемыя въ области Дуная давленіемъ другихъ народностей, они продвинулись огромными массами на югъ, перешли черезъ Альпы въ долину По и даже въ долины Апеннинскаго полуострова. Позднѣе новое давленіе съ сѣвера заставило ихъ перейти рѣку Арно, а затѣмъ и Тибръ,—галлы появились въ горахъ Лаціума и даже еще южнѣе—въ Кампаніи. Одинъ изъ городовъ на берегахъ Адріатическаго моря, Сена-Галлика (Синигаллія), носитъ до сихъ поръ ихъ имя. Въ теченіе сорока лѣтъ побѣжденный Римъ долженъ былъ терпѣть этихъ чужеземцевъ, этихъ не признающихъ никакой дисциплины воиновъ своими господами и повелителями. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что побѣдители не угнетали побѣжденныхъ столь методически, какъ это дѣлали позднѣе сами римляне, когда счастье повернулось снова въ ихъ сторону. Нашествіе галловъ имѣло, однако, слѣдствіемъ то, что Римъ освободился отъ опаснаго соперничества съ этрусками: конфедерація 12 городовъ совершенно распалась [1]). Вполнѣ аналогично тому, какъ нашествіе скифовъ позволило мидянамъ возвыситься на развалинахъ Нинивійской имперіи, такъ и галльское нашествіе оказалось менѣе гибельнымъ для небольшой римской народности, обитавшей на берегахъ Тибра, чѣмъ для богатыхъ городовъ Тосканы: варвары содѣйствовали особой славѣ Рима въ послѣдующія времена.

1) André Lefèvre. «L'Histoire», p. 165

Римскій бронзовый столъ.

Съ юга страна, защищенная горными хребтами, была болѣе гарантирована отъ захвата. Самнитскіе пастухи, отличавшіеся силою, прекрасные ходоки, привычные къ борьбѣ съ хищными звѣрями, являлись серьезными противниками римлянъ; природа страны принуждала ихъ, однако, жить мелкими группами, разсѣянными на обширной территоріи, изрѣзанной ущельями, глубокими долинами, и потому имъ трудно было соединиться въ значительную армію и выступить съ вооруженной силой противъ народности, столь сплоченной и столь приспособленной къ войнѣ, какъ римскій народъ. Послѣдній, мало-по-малу, сталъ захватывать равнинныя мѣстности богатой Кампаніи, затѣмъ борьба продолжалась въ теченіе цѣлыхъ поколѣній съ перемѣнчивымъ успѣхомъ, въ горныхъ ущельяхъ и по склонамъ хребтовъ. Выдержанность и упорство римлянъ одержали верхъ: нападая на своихъ враговъ съ фронта въ высокихъ долинахъ Самніума, они въ то же время удачно обошли ихъ съ запада по областямъ Кампаньи и съ востока заняли Апулію; съ двухъ сторонъ осадили они высоты, занятыя врагами, и отрѣзали ихъ отъ сообщенія со всѣми союзными городами Великой Греціи.

Войны Рима съ этрусками и самнитами позволяютъ вполнѣ оцѣнить превосходное географическое положеніе города по отношенію ко

всему остальному полуострову. Если условія этническаго состава, опредѣляемыя внѣшней средой, были благопріятны особому развитію римской республики, то надо сказать, что окружающая географическая среда также въ значительной степени помогала возвышенію Рима и давала ему возможность одержать верхъ надъ окружающими странами. Очень немногіе изъ другихъ городовъ занимали лучшее положеніе въ смыслѣ центральности. Даже съ точки зрѣнія совершенно мѣстной, Римъ имѣлъ то преимущество, что находился среди долины, представляющей какъ бы арену, окруженную амфитеатромъ возвышенностей, оцѣплявшихъ его стѣною,—онъ находился, кромѣ того, на судоходной рѣкѣ, получавшей воды многочисленныхъ притоковъ. Римъ былъ, слѣдовательно, расположенъ очень удачно и представлялъ собою прекрасный торговый пунктъ для всего бассейна нижняго теченія Тибра; устье рѣки, на которой онъ стоялъ, представляло нѣкоторое убѣжище для судовъ на этомъ опасномъ берегу, окаймляющемъ Тирренское море.

Преимущества обнаруживаются, однако, особенно тогда, когда мы бросимъ взглядъ на весь полуостровъ. Римъ располагается какъ-разъ на одинаковомъ разстояніи отъ обѣихъ оконечностей Италіи, вмѣстѣ съ Сициліей, которая къ ней непосредственно принадлежитъ. Геометрическій центръ Итальянскаго полуострова приходится, правда, гораздо далѣе къ востоку въ бассейнѣ Фуцинскаго озера, но мѣстность эта сплошь покрыта горами, которыя трудно доступны; Римъ располагался на западномъ склонѣ горъ, равнины которыхъ гораздо болѣе открыты, и берега омываются на бóльшемъ протяженіи морскими волнами. Въ эту эпоху исторіи весь ходъ цивилизаціи въ бассейнѣ Средиземнаго моря перемѣщался съ востока на западъ, и Римъ какъ-разъ былъ обращенъ къ странамъ запада, къ Галліи и Испаніи, для которыхъ насталъ чередъ быть освѣщенными лучами солнца, поднявшагося съ востока.

Детали строенія Апеннинскихъ горъ содѣйствовали также въ значительной степени тому, что Римъ сдѣлался центромъ господства надъ всѣмъ краемъ. Цѣлый амфитеатръ холмовъ и невысокихъ горъ вокругъ Рима входитъ въ составъ широкаго полукруга, образуемаго изгибомъ главнаго хребта, который тянется отъ массива Апуанскихъ Альповъ до Самнитскихъ горъ и до той группы вершинъ, посреди которой поднимается Везувій. Римъ въ такой же степени находится въ центрѣ тяжести этой обширной дуги Апеннинъ, какъ и въ центрѣ менѣе значительнаго по своимъ размѣрамъ амфитеатра Лаціума.

Если провести линію отъ одного берега до другого, именно отъ устья Тибра къ устью рѣки Пескара, она пройдетъ между горами Гранъ-Сассо и Амаро и раздѣлитъ рельефъ земной поверхности полуострова на поразительно симметричныя части. Между главнымъ горнымъ хребтомъ и западнымъ берегомъ заключены плодородныя поля Этруріи и

Кампаніи, и на обоихъ концахъ хребетъ, такъ сказать, причленяется къ морю, именно на сѣверо-западѣ онъ подходитъ къ восточной части Ривьеры, близъ Генуи, и на югѣ приближается по тому горному массиву, наиболѣе высокой вершиной котораго является гора Церватъ. Со стороны

№ 190. Дуга горъ центральной Италіи.

Адріатическаго моря мысъ Анконы вполнѣ соотвѣтствуетъ полуострову Теста съ горою Гаргано, а равнина Эмиліи—богатымъ пастбищамъ Апуліи.

Это, однако, еще не все. Римъ, кромѣ того, занимаетъ центральное положеніе и въ томъ естественномъ, еще болѣе обширномъ кругѣ, сѣверная половина окружности коего намѣчается мощною цѣпью Альповъ.

Наконецъ, не является ли также Римъ и истиннымъ центромъ всего средиземноморского бассейна, и не совпадаютъ ли политическія границы Римской имперіи съ водораздѣлами тѣхъ странъ, которыя окружаютъ обширный бассейнъ Средиземнаго моря? Римъ являетъ собою въ исторической географіи совершенный примѣръ жизненнаго пункта, вокругъ котораго самыя очертанія страны описываютъ четыре параллельныхъ круга. Каждое возрастаніе его могущества основывалось также на внутреннемъ ростѣ, каждое прогрессивное явленіе въ немъ совершалось согласно извѣстному ритму, обусловленному самою природою. Если Римъ, въ концѣ концовъ, утратилъ свое могущество, то вслѣдствіе того, что ось міровой исторіи продолжилась далѣе на сѣверо-западъ, и само Средиземное море сдѣлалось, въ концѣ концовъ, лишь простымъ придаткомъ цивилизованныхъ областей, которыя съ того времени оборотились всѣ къ водамъ океана.

Такое географическое распредѣленіе странъ, въ центрѣ которыхъ находился Римъ, обусловливало то, что городъ этотъ обладалъ въ теченіе вѣковъ чрезвычайно сильной способностью къ сопротивленію. Небольшая римская народность, заключенная среди обширнаго амфитеатра холмовъ и горъ, должна была волей-неволей сильно сплотиться, должна была образовать, такъ сказать, прочный и твердый скелетъ. До того, какъ ей удалось перейти за предѣлы этихъ горъ и захватить второй кругъ концентрическаго амфитеатра, образованнаго Апеннинами, она должна была тѣсно ассимилироваться съ сосѣдними народностями и племенами, должна была образовать одно могущественное цѣлое, которое трудно было разъединить врагамъ. Такой же точно процессъ продолжался въ теченіе вѣковой борьбы со всѣми народностями по сю сторону Апеннинъ, и, равнымъ образомъ, совершилось позднѣе поглощеніе народовъ Апеннинскаго полуострова, живущихъ къ югу отъ Альповъ, равно какъ и пріобщеніе къ римскимъ владѣніямъ ряда островов—Корсики, Сардиніи, Сициліи и островковъ, окаймляющихъ Иллирійское побережье.

Такова была, въ самыхъ общихъ чертахъ, исторія римскихъ завоеваній до того, какъ Римъ могъ претендовать на всемірное господство. Разумѣется, ему приходилось при этихъ захватахъ нѣсколько рисковать, и судьба его зависѣла отъ случайности. Такъ, Римъ счастливо ускользнулъ отъ завоевательныхъ стремленій Александра Великаго, который подчинилъ себѣ всѣ народы на тысячи километровъ въ окружности,— въ то время Римъ сражался еще за свое верховенство въ ближайшихъ окрестностяхъ. Александръ умеръ 33 лѣтъ отъ роду, царство его распалось на отдѣльные клочки, Римъ же постепенно увеличивался; 40 лѣтъ спустя, Римъ закончилъ покореніе Апеннинскаго полуострова, причемъ ни одинъ изъ послѣдователей македонскаго завоевателя его не затронулъ; впрочемъ, всего лишь три года отдѣляютъ побѣду при Вадимон-

РИМСК

По Видаль-Лаблашу и др.

Масш

0 250

ЕРІЯ

Лит. И. Кадуш...

скомъ озерѣ, одержанную римлянами надъ галлами и ихъ союзниками, побѣду, которою народы по сю сторону рѣки По были окончательно спасены отъ вторженія въ Кампанію Пирра, вызваннаго нападеніемъ

№ 191. Рельефъ полуострова Италіи.

1: 10 000 000

0 100 250 500 килом.

на Тарентъ. Однако, царь Эпира и полководецъ школы Александра Великаго, считавшій себя потомкомъ Ахилла, появился слишкомъ поздно, неудачи его объясняются слабою поддержкою, которую оказали ему племена, обитающія въ южной части полуострова. Не то вслѣдствіе своей вѣрности римлянамъ, не то изъ-за своего полнѣйшаго истощенія или же изъ недовѣрія къ чужеземцу, самниты не дали себя впутать въ эту

новую борьбу противъ своихъ побѣдителей; Пирру не удалось привлечь ихъ на свою сторону, подобно тому, какъ позднѣе Ганнибалъ также не могъ привлечь города Великой Греціи и сдѣлать ихъ своими союзниками.

Это медленное, но методическое возрастаніе и усиленіе Рима, совершавшееся постепенно этапами, имѣло своимъ слѣдствіемъ поразительную силу и мощь Рима, проявлявшуюся особенно при неудачахъ, послѣ сильнѣйшихъ пораженій. Такая выдержанность государства въ несчастіи, такая вѣра въ свои внутреннія силы имѣла основою саму окружающую природу, которая и создала римскую исторію. Поверхность страны, ея очертанія и рельефъ дали народу вѣчнаго города его нравственный обликъ. Впрочемъ, какъ и всегда въ нашей духовной жизни, результатъ былъ принятъ людьми за причину: приписывалось врожденнымъ добродѣтелямъ римлянъ то, что проистекало изъ самой природы.

Силы Рима не растрачивались всѣ цѣликомъ лишь на одно усиленіе его владѣній,—онѣ примѣнялись также въ значительной степени и для улаженія внутреннихъ недоразумѣній. Различныя народности, объединившіяся въ городѣ, который возникъ на берегахъ Тибра, различались между собою не только по происхожденію, онѣ были различны также и по своимъ матеріальнымъ условіямъ и по соціальному положенію, онѣ разбивались на нѣсколько классовъ, которые по самому порядку вещей сложились, мало-по-малу, въ двѣ общественныя группы съ совершенно противоположными и неизбѣжно враждебными интересами— въ группу патриціевъ и группу плебеевъ. Внутренняя исторія города заключаетъ сплошь однѣ перипетіи этой постоянной борьбы. По мѣрѣ роста общества, отношенія между обоими классами обострялись, такъ какъ должники становились совершенной добычей, настоящею вещью кредиторовъ. Ужасающій законъ «12 таблицъ», предназначенный къ тому, чтобы облечь мѣстные обычаи въ форму нерушимую навѣки, ясно показываетъ, что приходилось испытывать бѣдному плебею, когда онъ попадалъ за долги въ руки кредиторовъ. «Богатый да отвѣчаетъ за богатаго; за пролетарія же пусть отвѣчаетъ кто хочетъ... На третій день торга, если кредиторовъ много, они могутъ разрѣзать должника на куски... Если они вырѣжутъ больше или меньше, чѣмъ слѣдуетъ, они не отвѣчаютъ... Если имъ угодно, они могутъ продать должника въ чужія страны, далеко отъ береговъ Тибра» [1]... Такимъ образомъ, Шейлокъ Шекспира представлялъ собою не болѣе какъ возвратъ къ условіямъ древняго Рима! И этотъ-то жестокій законъ, который при воспроизведеніи его на сценѣ театра въ драмѣ Шекспира кажется намъ столь невѣроятнымъ—это нашъ собственный законъ, наше «римское право»!

1) V. Duruy. «Histoire des Romains», p. 208, 212.

Съ первыхъ же лѣтъ существованія республики произошелъ полнѣйшій разрывъ между патриціями и плебеями. Послѣдніе, будучи утомлены притѣсненіями, не возстали, однако, а сдѣлали стачку, и, выйдя изъ города, удалились сперва на Авентинскую, затѣмъ еще далѣе— на Священную гору, гдѣ они грозили основать съ помощью сосѣднихъ народностей крѣпость, которая служила бы опорнымъ пунктомъ для военныхъ операцій противъ Рима. Патриціямъ пришлось вступить въ переговоры, и, подобно многимъ другимъ общественнымъ группамъ, находившимся въ соотвѣтствующихъ условіяхъ, они пустили въ ходъ ту знаменитую басню «о членахъ тѣла и желудкѣ», которая была бы безусловно истинной, если бы только въ соціальномъ организмѣ члены тѣла получали отъ желудка всѣ тѣ пищевыя вещества, возстановляющія ихъ силы, которыя имъ необходимы. Въ концѣ концовъ, различными хорошими обѣщаніями удалось вернуть плебеевъ обратно въ городъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ и удовлетворили наполовину различными политическими уступками; никакихъ основныхъ уступокъ, впрочемъ, сдѣлано не было, такъ какъ бѣдняки такъ и остались бѣдняками, даже не имѣющими права владѣть землею. Тѣмъ не менѣе, установленіе двухъ народныхъ трибуновъ, обладавшихъ личной неприкосновенностью, правомъ наложенія veto на любой законъ, не нравящійся народу, и даже правомъ предлагать другіе

Фавнъ изъ бронзы, найденный въ Каза-Нова, въ Помпеяхъ.

РИМС

По Видаль-Лаблашу и др.

Мас
0 250

ПЕРІЯ

Лит. Н. Калушина С.П.Б.

000

1000 килом.

скомъ озерѣ, одержанную римлянами надъ галлами и ихъ союзниками, побѣду, которою народы по сю сторону рѣки По были окончательно спасены отъ вторженія въ Кампанію Пирра, вызваннаго нападеніемъ

№ 191. Рельефъ полуострова Италіи.

1 : 10 000 000

0 100 250 500 килом.

на Тарентъ. Однако, царь Эпира и полководецъ школы Александра Великаго, считавшій себя потомкомъ Ахилла, появился слишкомъ поздно, неудачи его объясняются слабою поддержкою, которую оказали ему племена, обитающія въ южной части полуострова. Не то вслѣдствіе своей вѣрности римлянамъ, не то изъ-за своего полнѣйшаго истощенія или же изъ недовѣрія къ чужеземцу, самниты не дали себя впутать въ эту

новую борьбу противъ своихъ побѣдителей; Пирру не удалось привлечь ихъ на свою сторону, подобно тому, какъ позднѣе Ганнибалъ также не могъ привлечь города Великой Греціи и сдѣлать ихъ своими союзниками.

Это медленное, но методическое возрастаніе и усиленіе Рима, совершавшееся постепенно этапами, имѣло своимъ слѣдствіемъ поразительную силу и мощь Рима, проявлявшуюся особенно при неудачахъ, послѣ сильнѣйшихъ пораженій. Такая выдержанность государства въ несчастіи, такая вѣра въ свои внутреннія силы имѣла основою самую окружающую природу, которая и создала римскую исторію. Поверхность страны, ея очертанія и рельефъ дали народу вѣчнаго города его нравственный обликъ. Впрочемъ, какъ и всегда въ нашей духовной жизни, результатъ былъ принятъ людьми за причину: приписывалось врожденнымъ добродѣтелямъ римлянъ то, что проистекало изъ самой природы.

Силы Рима не растрачивались всѣ цѣликомъ лишь на одно усиленіе его владѣній,—онѣ примѣнялись также въ значительной степени и для улаженія внутреннихъ недоразумѣній. Различныя народности, объединившіяся въ городѣ, который возникъ на берегахъ Тибра, различались между собою не только по происхожденію, онѣ были различны также и по своимъ матеріальнымъ условіямъ и по соціальному положенію, онѣ разбивались на нѣсколько классовъ, которые по самому порядку вещей сложились, мало-по-малу, въ двѣ общественныя группы съ совершенно противоположными и неизбѣжно враждебными интересами— въ группу патриціевъ и группу плебеевъ. Внутренняя исторія города заключаетъ сплошь однѣ перипетіи этой постоянной борьбы. По мѣрѣ роста общества, отношенія между обоими классами обострялись, такъ какъ должники становились совершенной добычей, настоящею вещью кредиторовъ. Ужасающій законъ «12 таблицъ», предназначенный къ тому, чтобы облечь мѣстные обычаи въ форму нерушимую навѣки, ясно показываетъ, что приходилось испытывать бѣдному плебею, когда онъ попадалъ за долги въ руки кредиторовъ. «Богатый да отвѣчаетъ за богатаго; за пролетарія же пусть отвѣчаетъ кто хочетъ... На третій день торга, если кредиторовъ много, они могутъ разрѣзать должника на куски... Если они вырѣжутъ больше или меньше, чѣмъ слѣдуетъ, они не отвѣчаютъ... Если имъ угодно, они могутъ продать должника въ чужія страны, далеко отъ береговъ Тибра» [1]... Такимъ образомъ, Шейлокъ Шекспира представлялъ собою не болѣе какъ возвратъ къ условіямъ древняго Рима! И этотъ-то жестокій законъ, который при воспроизведеніи его на сценѣ театра въ драмѣ Шекспира кажется намъ столь невѣроятнымъ—это нашъ собственный законъ, наше «римское право»!

1) V. Duruv. «Histoire des Romains», p. 208, 212.

Съ первыхъ же лѣтъ существованія республики произошелъ полнѣйшій разрывъ между патриціями и плебеями. Послѣдніе, будучи утомлены притѣсненіями, не возстали, однако, а сдѣлали стачку, и, выйдя изъ города, удалились сперва на Авентинскую, затѣмъ еще далѣе— на Священную гору, гдѣ они грозили основать съ помощью сосѣднихъ народностей крѣпость, которая служила бы опорнымъ пунктомъ для военныхъ операцій противъ Рима. Патриціямъ пришлось вступить въ переговоры, и, подобно многимъ другимъ общественнымъ группамъ, находившимся въ соотвѣтствующихъ условіяхъ, они пустили въ ходъ ту знаменитую басню «о членахъ тѣла и желудкѣ», которая была бы безусловно истинной, если бы только въ социальномъ организмѣ члены тѣла получали отъ желудка всѣ тѣ пищевыя вещества, возстановляющія ихъ силы, которыя имъ необходимы. Въ концѣ концовъ, различными хорошими обѣщаніями удалось вернуть плебеевъ обратно въ городъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ и удовлетворили наполовину различными политическими уступками; никакихъ основныхъ уступокъ, впрочемъ, сдѣлано не было, такъ какъ бѣдняки такъ и остались бѣдняками, даже не имѣющими права владѣть землею. Тѣмъ не менѣе, установленіе двухъ народныхъ трибуновъ, обладавшихъ личной неприкосновенностью, правомъ наложенія veto на любой законъ, не нравящійся народу, и даже правомъ предлагать другіе

Фавнъ изъ бронзы, найденный въ Каза-Нова, въ Помпеяхъ.

законы путемъ плебисцита,—это установленіе могло бы сдѣлаться гибельнымъ для римской аристократіи, если бы послѣдняя не позаботилась о томъ, чтобы принять свои мѣры противъ грозящей опасности. Она примѣнила на практикѣ методъ, который постоянно служилъ хорошую службу тѣмъ правящимъ классамъ, которые подвергались опасности,—методъ этотъ, не примѣнявшійся нигдѣ съ такою послѣдовательностью и съ такимъ успѣхомъ, какъ въ Римѣ, заключался въ томъ, чтобы поддерживать постоянно внѣшнія войны, которыя отнимали отъ народа наиболѣе сильныхъ и энергичныхъ молодыхъ людей и зрѣлыхъ мужей и обращали чувство гнѣва, ненависти и мести на чужеземцевъ. Вмѣсто того, чтобы дать пролетаріямъ мѣсто въ самой республикѣ и равную часть во всѣхъ благахъ, на которыя они могли претендовать, ихъ старались отуманивать яркими картинами будущихъ блестящихъ завоеваній.

Естественно, что всѣ эти внѣшнія войны, начатыя патриціями, были предназначены къ утвержденію ихъ власти надъ плебейской толпой; они усиливали аристократію во всѣхъ направленіяхъ, усиливали аристократическія партіи даже за предѣлами страны, въ странахъ, къ ней лишь прилегающихъ. Въ Римѣ воины, дѣлившіеся первоначально на «тысячи» (mille), откуда и самое названіе «miles»—воинъ [1],—находились подъ властью своихъ начальниковъ, иначе говоря, люди несостоятельные стояли подъ началомъ тѣхъ, кто обогатился за счетъ разграбленія городовъ, и народныя массы, одухотворяемыя воспоминаніями о побѣдахъ и надеждами на дальнѣйшіе грабежи, опьяненныя воинскими успѣхами, оставляли въ сторонѣ соціальные вопросы. За предѣлами Рима патриціи другихъ городовъ, при столкновеніи съ римлянами, рѣшали обыкновенно съ самаго начала, что окажутъ наилучшій пріемъ римскимъ военачальникамъ,—послѣдніе могли освободить ихъ отъ безпокойства, причиняемаго плебеями, которыхъ они боялись. Какъ сообщаетъ Фюстель-де-Куланжъ [2]), нѣкоторыя латинскія семьи переселились въ Римъ, такъ какъ не любили демократическаго управленія Лаціума и предпочитали опереться на римскихъ патриціевъ. Вольски и этруски также предоставляли свои города римлянамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ господствующей являлась аристократія или же жреческое сословіе. Даже гораздо позже, въ критическій періодъ римской автономіи, когда Ганнибалъ проникъ въ Италію, во всѣхъ городахъ вспыхнула революція, имѣвшая цѣлью не утвержденіе въ нихъ политической автономіи, но стремленіе каждой изъ обѣихъ партій восторжествовать надъ соперничающею. Въ каждой городской общинѣ аристократія была за Римъ, тогда какъ плебеи были за Карѳагенъ.

---

1) R. von Ihering, op. cit. 2) Fustel de Coulanges. «La Cité Antique», p. 449.

Корова изъ бронзы, найденная въ Геркуланумѣ.

При той ярко выраженной политикѣ захватовъ, которую велъ Римъ, пуническія войны сдѣлались совершенно неизбѣжными. Обѣ державы равнымъ образомъ стремились къ безконечному распространенію своихъ владѣній, и точки соприкосновенія между ихъ территоріями дѣлались все болѣе и болѣе многочисленными, столкновенія—все болѣе частыми. Державы эти давно уже были между собою знакомы; наканунѣ изгнанія Тарквиніевъ былъ заключенъ трактатъ, регулирующій ихъ взаимныя права морской торговли, Карѳагенъ отказывался въ этомъ трактатѣ отъ нападеній на побережье Лаціума, между Этруріей и мысомъ Цирцеи; 160 лѣтъ спустя трактатъ этотъ былъ возобновленъ безъ большихъ видоизмѣненій; наканунѣ самаго его заключенія было подписано новое соглашеніе, соединявшее Римъ съ Карѳагеномъ противъ Пирра. Наконецъ, около 500 лѣтъ спустя отъ того періода, къ которому преданіе относитъ основаніе Рима, произошелъ между обоими государствами разрывъ, и, несмотря на то, что, по словамъ одного изъ карѳагенскихъ полководцевъ, римлянамъ не позволено будетъ даже омочить свои пальцы въ соленой водѣ, одна изъ первыхъ вооруженныхъ встрѣчъ Карѳагена и Рима произошла на морѣ,—это было морское сраженіе близъ сѣверо-восточнаго угла Сициліи. Какъ это часто случается на дуэли между испытаннымъ практикомъ, оказывающимся въ то же время и рутинеромъ, и между молодымъ и неопытнымъ соперникомъ его, захватывающимъ, несмотря на свою неопытность, иниціативу, побѣдителями въ этомъ

сраженіи оказались менѣе привычные къ морскому дѣлу римляне. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить и того обстоятельства, которое замалчивается римскими патріотами, именно, что на службѣ римлянъ находились греческіе строители и мореходы Сициліи, бывшіе ярыми соперниками кареагенянъ и боровшіеся съ ними въ теченіе многихъ вѣковъ,—они направляли постройку и вооруженіе судовъ, они же вели и весь военный флотъ [1]).

Грекамъ же были римляне обязаны тѣми новыми приспособленіями для нападенія, которыми были снабжены ихъ суда,—это было нѣчто въ родѣ клювовъ или «ростровъ», которые вонзались въ кареагенскіе корабли и удерживали ихъ при атакѣ на абордажъ. Такія усовершенствованія позволили флоту Дуилія одержать побѣду, и радость Рима, побѣждавшаго до сихъ поръ лишь на сушѣ, по поводу морской побѣды была такъ велика, что въ упоеніи своей славой римляне создали даже совершенно новую форму архитектурныхъ произведеній. Даже и теперь еще, по прошествіи 21 вѣка, строители классическаго направленія считаютъ своимъ долгомъ украшать города ростральными колоннами.

Благодаря своимъ морскимъ побѣдамъ, римляне убѣдились въ своемъ великомъ назначеніи и сочли себя достаточно сильными для того, чтобы высадиться на африканскую территорію. Если бы кареагеняне были предоставлены самимъ себѣ, они, быть-можетъ, не могли бы отразить нападенія: во главѣ ихъ войскъ находились, однако, наемные греческіе полководцы, прошедшіе школу Александра Македонскаго. Римскія военныя силы не могли удержаться на южномъ берегу Средиземнаго моря, и борьба продолжалась въ водахъ Сициліи, близъ Апеннинскаго полуострова. Наконецъ, послѣ 20-лѣтнихъ усилій и несмотря на нѣкоторые успѣхи Гамилькара Барка (что значитъ—«молнія»), который учился военному искусству у спартанцевъ, Кареагенъ долженъ былъ очистить Сицилію, Сардинію и Корсику, долженъ былъ даже дойти до такого униженія, что заплатилъ дань. Затѣмъ прошло еще три года въ ужасахъ войны, причемъ не щадили ни своихъ собственныхъ воиновъ, ни воиновъ другихъ національностей, набранныхъ въ виду богатой добычи,—они не столько старались о помощи Риму, сколько стремились пограбить богатый Кареагенъ.

Сколько опустошеній ни приносила война той и другой сторонѣ, продолженіе ея было неизбѣжно, и какъ Римъ, такъ и Кареагенъ готовились ко второму удару. Промежутокъ болѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ, которымъ раздѣлялись обѣ пуническія войны, былъ использованъ враждебными державами на расширеніе своихъ владѣній вокругъ Тирренскаго моря. Они протягивали, если можно такъ выразиться, свои щупальцы по направленію другъ къ другу и распространяли свое господство

1) Leopold v. Ranke. «Weltgeschichte», II, 1, pp. 179 et 180.

Римская бирема.

на все побережье Средиземнаго моря, причемъ границы ихъ сближались,— это былъ косвенный, но достаточно дѣйствительный способъ веденія войны. Кароагеняне завладѣли берегами Мавританіи вплоть до океана; Гамилькаръ Барка покорилъ затѣмъ одну за другой всѣ народности Испаніи вплоть до Эбро и завладѣлъ богатыми серебряными рудниками Новаго Кароагена, увеличивъ тѣмъ еще значительнѣе сокровища своего отечества. Что касается Рима, то онъ стремился къ расширенію своей территоріи, утверждая свою власть въ сѣверной Италіи, затѣмъ распространилъ свои владѣнія за предѣлами Альповъ, по направленію къ Ронѣ и Пиренеямъ. Кромѣ того, путемъ заключенія союза онъ пріобрѣлъ въ самой Испаніи цѣннаго союзника въ лицѣ города Сагунта, закрывающаго на югъ отъ Эбро путь вдоль побережья.

Сынъ Гамилькара Барка, Ганнибалъ, сдѣлавшись начальникомъ кароагенскаго войска на Испанскомъ полуостровѣ, не пожелалъ терпѣть въ своихъ владѣніяхъ такого мѣшающаго ему элемента. Онъ взялъ Сагунтъ приступомъ, идя на рискъ, что, съ одной стороны, этотъ поступокъ вызоветъ несочувствіе его согражданъ, съ другой же, что Кароагену объявитъ войну Римъ. Когда затѣмъ конфликтъ между обѣими державами, дѣйствительно, состоялся, онъ рѣшилъ не ожидать прихода

непріятеля. У него не было флота,—онъ рискнулъ пуститься по неизвѣданнымъ странамъ сѣвера, имѣя въ виду перейти Пиренеи и Альпы, вторгнуться въ долину По и соединиться съ галлами, которые не утратили еще воспоминанія о своихъ пораженіяхъ во время войны съ римлянами за свою независимость. Со смѣлостью и въ то же время предусмотрительностью, вызвавшими всеобщее изумленіе народовъ и дѣлающими до сихъ поръ этотъ военный походъ предпріятіемъ, не имѣющимъ себѣ равнаго въ военной исторіи, Ганнибалъ совершилъ переходъ почти въ тайнѣ; онъ пересѣкъ Каталонію и Нарбонскую Галлію, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія, и ощутилъ нѣкоторыя затрудненія лишь при переходѣ черезъ Рону. Впрочемъ, римляне, располагавшіеся въ Провансѣ, не сдѣлали ни малѣйшей попытки къ тому, чтобы остановить его на его пути, они не напали на него и съ фланга, когда онъ направился на сѣверъ въ высокія горныя долины.

Исторія разсказываетъ намъ довольно неопредѣленно о томъ, какимъ именно путемъ Ганнибалъ перешелъ черезъ Альпы. Намъ извѣстенъ, правда, разсказъ одного изъ древнихъ писателей [1]), который добросовѣстнѣйшимъ образомъ лично освидѣтельствовалъ всѣ горные проходы Альповъ, по которымъ шелъ Ганнибалъ, и описалъ его экспедицію на основаніи показаній очевидцевъ. Въ его время прошло лишь около 50 лѣтъ съ описываемыхъ имъ событій, и потому этотъ историкъ имѣлъ еще возможность видѣть не малое число стариковъ, которые могли дать детальныя указанія относительно пути прохожденія войскъ. Этотъ историкъ, Полибій, не интересовался, однако, вовсе географіей Альповъ и не давалъ точныхъ данныхъ относительно отдѣльныхъ этаповъ страны, тѣмъ болѣе, что тамъ не было ни большихъ городовъ, ни мѣстностей, удобныхъ для продовольствованія войскъ, ни замѣчательныхъ полей сраженій; потому Полибій ограничивается описаніемъ перехода черезъ горы лишь самаго общаго характера и, быть-можетъ, поступаетъ такъ даже преднамѣренно, чтобы уменьшить заслуги кареагенскаго военачальника съ точки зрѣнія стратегіи. Будучи другомъ Фабія и Сципіона, Полибій не желалъ, по всей вѣроятности, причинять имъ неудовольствіе слишкомъ длиннымъ и подробнымъ описаніемъ ихъ знаменитаго соперника. Окончательное пораженіе Ганнибала позволяло разсказчику относиться даже съ нѣкоторой ироніей къ замѣчательнымъ подвигамъ кареагенскаго предводителя.

Неопредѣленность разсказа Полибія отнюдь не поясняется сообщеніями Тита Ливія, которыя записаны на сто лѣтъ позже и еще болѣе затемнены воспоминаніями тысячи комментаторовъ; неопредѣленность эта настолько велика, что, желая намѣтить точнѣе проходъ чрезъ Альпы, избранный Ганнибаломъ, мы не знаемъ, который изъ горныхъ проходовъ

1) Полибій, III, 49, 6--56,1.

слѣдуетъ избрать,—намъ приходится выбирать одинъ изъ проходовъ отъ

№ 192. Театръ пуническихъ войнъ.

Эта карта въ масштабѣ 1 : 15000000.

Первая пуническая война: Римъ завоевываетъ Мессину (1) въ 489 г. отъ основ. Рима. Взятіе Агригента (2) въ 492 г.; морская побѣда при Милахъ (3) въ 493 г.; морская побѣда при Экномѣ (4) въ 497 г.; римляне перебираются въ Африку и разбиты близъ Туниса въ 498 г., затѣмъ разбиты на морѣ у Дрепаны (5) въ 505 г. Гамилькаръ Барка занимаетъ позицію на горѣ, господствующей надъ Панормомъ (6), но истребленіе флота, шедшаго ему на помощь, заставляетъ его просить мира въ 512 г.

Вторая пуническая война: Ганнибалъ беретъ Сагунтъ въ 534 г. Онъ переходитъ черезъ Альпы и разбиваетъ римлянъ при Тессинѣ (A) и Требіи (B) въ 535 г., затѣмъ разбиваетъ при Тразименскомъ озерѣ (C) въ 536 г., наконецъ, при Каннахъ (D) въ 537 г. Нѣкоторые города переходятъ на его сторону, въ томъ числѣ Капуа (E); греческіе города остаются вѣрны Риму; Ганнибалъ беретъ Тарентъ (F) въ 540 г. Счастье отъ него отворачивается. Капуа взята обратно въ 542 г. Сципіонъ завладѣлъ Кареагеномъ и частью Испаніи въ 544 г. Вспомогательная армія подъ начальствомъ брата Ганнибала разбита при Метаврѣ (6) въ 546 г. Ганнибалъ направляется въ южную часть полуострова, но Сципіонъ переноситъ военныя дѣйствія въ Африку, и Ганнибалъ принужденъ покинуть Италію и разбитъ при Замѣ (H) въ 551 г.

Третья пуническая война: Римляне, высадившись въ Утикѣ, нападаютъ на кареагенянъ въ 607 г.

юга къ сѣверу и къ востоку, начиная отъ Аржантьерскаго перевала до

Сенъ-Готарда, на протяженіи около 400 километровъ, и мы не можемъ остановиться ни на одномъ изъ нихъ. Всѣ обыкновенные проходы причислялись къ тѣмъ, по которымъ проходили кареагеняне; особенно много защитниковъ имѣлъ прежде путь, поднимающійся вдоль Изеры, большинство современныхъ историковъ считаетъ, однако, мѣстомъ перехода Ганнибала черезъ Альпы, выбраннымъ по совѣту вожаковъ-аллоброговъ, проходъ Монъ-Женевръ между Бріансономъ на Дюрансѣ и Сузой на Доріа-Рипаріа [1]). Безъ сомнѣнія, тамъ онъ долженъ былъ встрѣтить наименѣе трудностей, и, тѣмъ не менѣе, трудности эти все же были значительны, такъ какъ при переходѣ черезъ Альпы онъ потерялъ половину своей арміи. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ слоновъ, воины съ бронзовымъ цвѣтомъ кожи и негры, вся эта армія, спустившаяся въ долину По какъ бы съ облаковъ, имѣла чрезвычайно странный, не подходящій къ мѣстности характеръ. Въ долинѣ По навстрѣчу ей торопились уже римскія войска, которыя, однако, опоздали. Кареагеняне, соединившись съ возставшими галлами, отбросили на другую сторону По, къ Апеннинамъ, обѣ консульскія арміи, которыя были первоначально посланы противъ нихъ совершенно въ другомъ направленіи—одна въ Сицилію, другая въ Испанію. Появленіе кареагенянъ на сѣверѣ заставило вооруженныя силы Рима внезапно круто перемѣнить фронтъ. Риму, однако, не суждено было погибнуть.

Какъ ни великъ былъ геній Ганнибала, какъ ни ловко умѣлъ этотъ полководецъ пользоваться всѣми преимуществами, какія предоставляло ему поле сраженія, внѣшнія условія и моральное состояніе арміи, онъ являлся все же чужестранцемъ въ Италіи, и власть его простиралась лишь на ту часть страны, на которой непосредственно располагались его войска. Чтобы одержать побѣду въ борьбѣ съ Римомъ, который былъ окруженъ союзниками и владѣлъ морскими сообщеніями, Ганнибалъ долженъ былъ опираться на дружественныя ему народности и имѣть постоянныя сношенія со своимъ отечествомъ. Галлы же помогали ему лишь наполовину, а македонскій царь былъ союзникомъ и совсѣмъ ненадежнымъ; далѣе, несмотря на то, что ему удалось повернуть на востокъ отъ Апеннинъ и устроиться въ южной Италіи, вблизи Ливіи, онъ не могъ получить отъ Кареагена значительной помощи,—онъ получалъ подкрѣпленія людьми и деньгами черезъ очень неправильные промежутки времени, такъ какъ море не находилось въ его власти. И, несмотря на то, онъ могъ въ теченіе 15 лѣтъ держаться на непріятельской территоріи, перемѣщая область своего господства вмѣстѣ со своей арміей. Но тогда и римляне, въ свой чередъ, послѣдовали его примѣру и перенесли войну за предѣлы Италіи, въ Сицилію, въ Испанію, наконецъ, вмѣстѣ со Сципіономъ, подъ стѣны самого Кареагена. Такимъ

1) Ernest Desjardins. «Géographie de la Gaule romaine», II et III, p. 259, 268.

образомъ, личный генiй Ганнибала не могъ преодолѣть условiй географи-

№ 193. Путь Ганнибала черезъ Альпы.

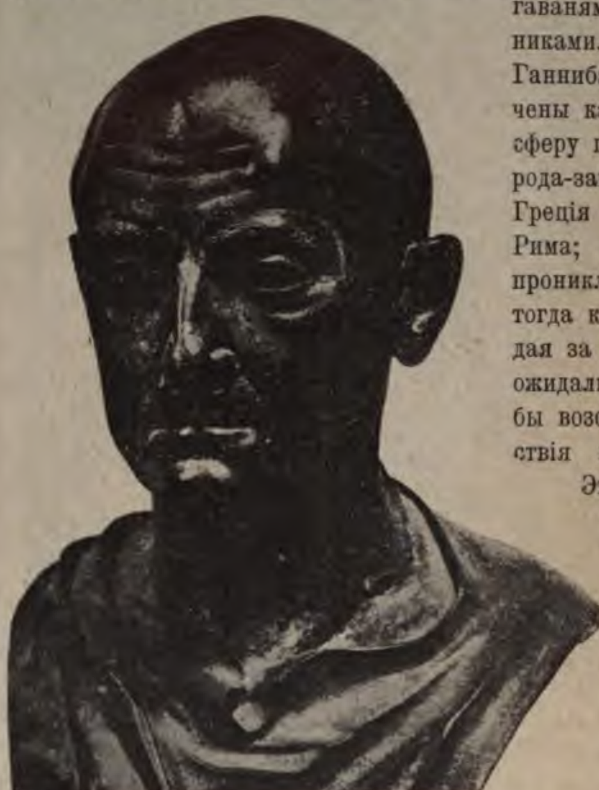

Путь Ганнибала: по Монтанари (1900) — нанесенъ сплошной чертой — онъ идетъ чрезъ перевалъ Монъ-Женевръ; путь по Поль Азану (1902) — нанесенъ пунктиромъ, идетъ чрезъ Малый Монъ-Сени; путь по Конраду Леману (1905) — нанесенъ прерванной линiей, идетъ чрезъ Малый Сенъ-Бернаръ.

Буквы, нанесенныя на картѣ, отмѣчаютъ тѣ же мѣстности, какъ буквы на картѣ № 196, но буква К должна была бы находиться на пунктирной линiи.

ческой среды, не могъ ничего подѣлать съ тѣмъ господствующимъ

надъ Средиземнымъ моремъ положеніемъ Рима, по сравненію съ положеніемъ Кароагена, который былъ деревомъ съ колоссально развитыми вѣтвями, но съ чрезвычайно слабыми корнями. Выкованное заново во время ужасной войны могущество Рима вышло съ честью изъ испытанія, гораздо болѣе тяжелаго и продолжительнаго, чѣмъ испытанія предшествующаго періода. Кромѣ всей совершенно покоренной Италіи, имперія римская присоединила къ себѣ, съ того времени, все средиземноморское побережье Галліи, три большихъ острова на Тирренскомъ морѣ, Балеарскіе острова и, наконецъ, Иберійскій полуостровъ съ его крѣпостями, гаванями и серебряными рудниками. Восточные сообщники Ганнибала были также вовлечены какъ бы водоворотомъ въ сферу притяженія великаго города-завоевателя. Македонія и Греція стали легкой добычей Рима; далѣе, римскія войска проникли и въ Малую Азію, тогда какъ въ Африкѣ, наблюдая за Кароагеномъ, они лишь ожидали сигнала для того, чтобы возобновить военныя дѣйствія противъ этого города. Этотъ сигналъ былъ поданъ Римомъ полвѣка спустя послѣ пораженія Ганнибала. Кароагенъ, содержавшій нѣсколько сотъ тысячъ жителей, какъ говорятъ, даже 700 тысячъ, главнымъ образомъ, торговцевъ и ремесленниковъ, былъ взятъ и сожженъ. Ему не суждено было болѣе возстановиться въ качествѣ столицы имперіи, и побѣдители позаботились уже о томъ, чтобы ихъ африканскіе союзники не могли сдѣлаться наслѣдниками Кароагена въ смыслѣ господства надъ африканской территоріей.

Сципіонъ Африканскій.

Впрочемъ, народности берберійской расы были слишкомъ разсѣяны по долинамъ и по горамъ Мавританіи,—онѣ не могли соединиться въ одно прочное цѣлое, руководимое единою волею. Нумидійцы тѣхъ вре-

Хирургическіе инструменты изъ Помпеи.

менъ были предками современной народности въ Мавританіи, носящей названіе «кабиловъ» и являющейся послѣ туареговъ наиболѣе оригинальной народностью всей расы. Внѣшняя среда не измѣнилась въ теченіе двухъ тысячелѣтій, и очень вѣроятно, что нравы и политическая жизнь нумидійцевъ были почти такими же, какъ нравы ихъ современныхъ потомковъ: они дѣлились на столько же мелкихъ автономныхъ республикъ, сколько было селеній, но, помимо того, они соединялись и въ болѣе обширныя группы, аналогичныя «софамъ», существующимъ въ наше время. «Возможно,—говоритъ Ренанъ, что Массиниссу, Сифакса, Югурту и другихъ слѣдуетъ разсматривать какъ начальниковъ «софовъ», мало-по-малу связавшихъ свою судьбу съ судьбою римлянъ или карѳагенянъ» [1]).

1) «Mélanges d'Histoire et de Voyages», p. 345.

Тѣмъ не менѣе, эта подвижная и ненадежная раса, презиравшаяся цивилизованными народами сѣвернаго побережья Средиземнаго моря, какъ раса варварская, достигла въ древности все же довольно высокой культуры, такъ какъ въ первые вѣка, когда она только-что пришла въ соприкосновеніе съ кареагенянами, она обладала уже собственными письменами, какими не пользовалась ни одна изъ другихъ народностей [1]; письмена эти встрѣчаются исключительно лишь на берегахъ Мавританіи и въ Сахарѣ,—наиболѣе древняя берберійская надпись, какая была до сихъ поръ найдена, это надпись въ Туггѣ, въ Тунисѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нею приводится и пуническій текстъ надписи.

Послѣ разрѣшенія того конфликта, который окончательно утвердилъ полную власть Рима надъ всѣмъ бассейномъ Средиземнаго моря, данный періодъ исторіи явился, повидимому, окончательно завершившимся: весь извѣстный міръ принадлежалъ съ того времени побѣдоносной римской республикѣ. За предѣлами завоеванныхъ римлянами странъ приходилось вступать въ области таинственныя и неизвѣстныя, населенныя варварами или же народами Востока, о которыхъ римляне знали лишь чрезъ посредство грековъ. Они могли уже называть себя «повелителями всего міра». Въ этомъ положеніи перворазрядной политической державы стремленіе къ дальнѣйшему расширенію своей территоріи было, можно сказать, почти парализовано, вслѣдствіе почти полнаго отсутствія областей, которыя было бы возможно завоевывать; съ внѣшней стороны Риму оставалось лишь отражать возможные набѣги варваровъ, и всѣ свои силы онъ могъ прилагать къ разрѣшенію внутреннихъ затрудненій: послѣ того періода роста, который перенесъ организмъ римскаго государства, наступила какъ бы эпоха внутренняго переваривания.

Тѣ постоянныя войны, изъ которыхъ Римъ вышелъ побѣдителемъ, укрѣпили въ значительной степени аристократическій характеръ его правительства. Римскіе легіонеры одержанными ими побѣдами нанесли пораженіе именно тому классу, къ которому они сами принадлежали— классу пролетаріевъ. Завоеванія, сдѣланныя римлянами, имѣли, впрочемъ, и другой результатъ, именно, заставляли стекаться колоссальныя богатства въ городъ, являвшійся центромъ власти. Колоссальныя количества денегъ, накопленныя въ Римѣ, сдѣлались объектомъ всемірнаго преклоненія, и римскіе патриціи, между которыми находились почти все люди, разбогатѣвшіе во время войнъ, соединяли въ себѣ тѣ привилегіи, которыя давало имъ рожденіе, съ тѣми, которыя проистекаютъ отъ обладанія большими цѣнностями. Плебеи же, которые требовали для себя земли, не помышляли вовсе о томъ, чтобы на ихъ долю могла попасть земельная собственность, находившаяся уже въ рукахъ богатыхъ;

1) A. Hanoteau et A. Letourneux, «La Kabylie et les Coutumes kabyles».

Хирургъ, перевязывающій раненнаго Энея.
Стѣнная живопись въ Помпеяхъ.

они довольствовались тѣмъ, что желали получить часть государственныхъ земель.

Такимъ образомъ, всѣ преимущества принадлежали одному и тому же классу. Одни богатые могли занимать правительственныя должности, такъ какъ только они имѣли возможность покупать ихъ; одни богатые могли становиться сенаторами, такъ какъ цензъ, требовавшійся этой

должностью, былъ очень высокимъ. Ничто не можетъ дать болѣе яснаго представленія о господствовавшей въ Римѣ олигархіи, какъ тотъ простой фактъ, который приводитъ Дюрюи: съ 453 по 603 годъ съ основанія Рима изъ 305 консуловъ, бывшихъ за это время, 165 принадлежало всего лишь къ 9 семействамъ. Власть находилась, слѣдовательно, въ рукахъ у богатаго класса,—такъ было если не во всѣхъ внутреннихъ, въ которыхъ постоянно приходилось опасаться народныхъ возстаній, то, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ дѣлахъ внѣшней политики. Въ этой области сенатъ пользовался абсолютной властью. Онъ принималъ посланниковъ, заключалъ союзы, распредѣлялъ провинціи, посылалъ войска, подписывалъ акты военачальниковъ, устанавливалъ условія, предписываемыя побѣжденнымъ. Онъ держалъ въ рукахъ всю ту власть, которая въ республиканскихъ городахъ принадлежала общему народному собранію [1]).

Чтобы успѣшно побороть это всемогущество римскаго сената, необходимо было всѣмъ угнетеннымъ, обиженнымъ и униженнымъ всѣхъ классовъ и всякаго происхожденія объединиться въ своихъ стремленіяхъ; они же на самомъ дѣлѣ оставались во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Они не умѣли даже во-время поддержать Гракховъ,—послѣдніе были тронуты народными бѣдствіями, увеличеніемъ рабства и паденіемъ земледѣльческихъ областей и явились даже предателями непосредственныхъ интересовъ своего собственнаго класса,—они сдѣлали попытку противодѣйствовать злу при помощи ряда законовъ, ограничивающихъ крупную собственность, устраивающихъ земледѣльческія колоніи и дающихъ болѣе правъ латинянамъ. Ненависть патриціевъ и невѣжественность тѣхъ, кого Гракхи принимали подъ свою защиту, были причиною гибели этихъ отважныхъ реформаторовъ. Послѣ нихъ конфликтъ лишь разросся и принялъ форму открытой борьбы между диктаторами—Маріемъ и Суллой, Цезаремъ и Помпеемъ, Октавіемъ и Антоніемъ,—въ каждомъ случаѣ одинъ изъ диктаторовъ являлся сторонникомъ патриціевъ, другой выдавалъ себя за защитника плебеевъ. Союзныя народности, помогавшія Риму въ походахъ въ Иберію и противъ Карѳагена, въ войнахъ противъ галловъ и македонянъ, стали также требовать правъ, равныхъ съ тѣми, которыя были предоставлены латинянамъ, однако, этихъ правъ они добились лишь послѣ долгихъ внутреннихъ войнъ, изображенныхъ Мериме [2]); они основали даже въ центрѣ полуострова новый Римъ, получившій названіе Италика (позднѣе Корфиніумъ), что должно было служить символомъ равныхъ правъ всѣхъ обитателей Италіи на владѣніе всѣмъ остальнымъ міромъ.

Что касается римскихъ пролетаріевъ, то они продолжали волноваться отнюдь не потому, чтобы требовали себѣ доли, равной съ пат-

1) Fustel de Coulanges, «La Cité Antique», p. 452. — 2) Prosper Merimée. «La Guerre Sociale», p. 140, 163.

риціями,—ихъ честолюбіе такъ далеко не простиралось,—нѣтъ, они стремились лишь увеличить свою долю добычи при дѣлежѣ владѣній и бо-

№ 194. Кампанія.

Геркуланумъ, городъ, какъ гласитъ легенда, современный Троѣ, выдержалъ въ 63 г. по Р. Хр. сильное землетрясеніе и 16 лѣтъ спустя былъ при неожиданномъ изверженіи Везувія залитъ потоками грязи, превратившейся затѣмъ въ твердый цементъ. Помпеи—городъ коммерческій—былъ покрытъ болѣе тонкимъ слоемъ пепла, къ тому же болѣе рыхлаго, чѣмъ въ Геркуланумѣ, почему бѣглецы успѣли взять съ собою наиболѣе цѣнные предметы своего имущества.

гатствъ покоренныхъ народовъ. Гражданскія войны, обусловленныя борьбою между классами вслѣдствіе разыгравшихся аппетитовъ и честолюбій, были не менѣе жестоки и кровавы, чѣмъ войны внѣшнія: одна казнь слѣдовала за другою, убійство слѣдовало за убійствомъ. Оконча-

тельно исчезло, однако, всякое чувство жалости, и окончательно обнаружились всѣ жестокія и звѣрскія чувства въ войнахъ противъ рабовъ. Тогда при вооруженныхъ столкновеніяхъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны проявлялось лишь желаніе перегрызть другъ другу горло. Рабы, бывшіе предметомъ ненависти со стороны свободныхъ, могли платить лишь ненавистью,—они безжалостно убивали каждаго и умерщвлялись, въ свой чередъ, каждымъ. По самому опредѣленію рабства, ни одинъ рабъ не имѣлъ права на справедливость суда. Былъ ли онъ виноватъ или безвиненъ, это не касалось его господина, имѣвшаго полное право убить его. Согласно древнему римскому закону не всегда примѣнявшемуся лишь потому, что онъ нарушалъ также и интересы собственниковъ, въ случаѣ убійства рабовладѣльца всѣ рабы, обитавшіе подъ одной кровлей съ убійцей. подвергались смертной казни. Въ царствованіе Нерона такому наказанію подверглась однажды по постановленію сената цѣлая «семья» въ 400 рабовъ: былъ убитъ однимъ изъ своихъ рабовъ нѣкій чиновникъ, занимавшій высокій постъ; убійство было совершено вслѣдствіе того, что онъ отказался предоставить свободу рабу за предлагавшійся ему выкупъ,—смерть этого патриція была искуплена кровью всѣхъ рабовъ, жившихъ подъ одною кровлею съ убійцей.

Содержаніе дома рабовъ влекло за собою всѣ ужасы торговли людьми какъ въ самой римской имперіи, такъ и за ея предѣлами. Дворцы и виллы патриціевъ требовали массы прислужниковъ и рабочихъ, и со всѣхъ сторонъ старались удовлетворить эту потребность, охотясь за людьми какъ за дичью. Хорошо управлять—значило лишать завоеванное государство людей и превращать ихъ въ рабовъ аристократіи. Война давала часто недостаточно рабочаго матеріала, и приходилось обращаться къ «законной торговлѣ» рабами. Создались цѣлыя категоріи торговцевъ, избравшихъ своей спеціальностью торговлю людьми,—она развилась особенно сильно на Востокѣ, гдѣ были между собою перемѣшаны народности столь различнаго происхожденія. Въ особенности финикіяне были отъявленными пиратами, разбойниками и работорговцами. Они получали плѣнниковъ, благодаря сирійскимъ войнамъ, и очень быстро сбывали свой двуногій товаръ, такъ какъ близко находился рынокъ на островѣ Делосѣ, гдѣ ежедневно покупались и продавались тысячи рабовъ. Римъ немедленно поглощалъ всю добычу [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ столь презираемой всѣми группѣ рабовъ образовалась также нѣкотораго рода аристократія, такъ какъ среди нихъ были люди, сдѣлавшіеся совершенно необходимыми для своихъ господъ. Такими были греки, которыхъ примѣняли для ухода за дѣтьми и для обученія ихъ, для переписыванія книгъ, для составленія писемъ, для веденія отчетности по различнымъ торговымъ дѣламъ. Въ нихъ

1) Strabon. «Géographie». Livre XIV, § 2.

Улица Изобилія въ Помпеяхъ.

римляне настолько нуждались, что старались привязать къ себѣ ихъ также и иными узами, помимо законнаго права собственности на нихъ,— бо́льшая часть такихъ рабовъ превращалась съ перваго или второго поколѣнія въ свободныхъ людей, которые по своему неопредѣленному положенію между патриціями и плебеями являлись новымъ источникомъ деморализаціи. Такимъ образомъ, завоевавъ Грецію, Римъ самъ оказался ею завоеваннымъ и не только чрезъ посредство свободныхъ людей, философовъ, писателей, скульпторовъ и другихъ представителей высокой культуры, но и при помощи рабовъ. Вѣдь пришлось же цензору Катону, ярому ненавистнику эллиновъ и эллинизма, самою силою обстоятельствъ, прямо изъ приличія и для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, изучать греческій языкъ на 80-мъ году отъ роду!

Вліяніе грековъ, которыхъ старые римскіе консерваторы называли уничижительными именами, было двоякое. Смягчая, съ одной стороны, варварскіе нравы Рима, научая его гражданъ чудному языку Гомера, различнымъ искусствамъ и аѳинской философіи, они не были въ то же время въ состояніи преподать имъ всѣ высокія добродѣтели, которыми создалось величіе Греціи. Будучи сами порабощенными, привыкнувъ льстить своимъ побѣдителямъ, притомъ украшать ихъ совсѣмъ не свой-

ственными имъ добродѣтелями, греки прививали имъ всѣ пороки, порождаемые рабствомъ,—пороки, совершенно не соотвѣтствующіе возвышеннымъ и благороднымъ рѣчамъ предковъ. Впрочемъ, были и такіе греки, которые отказывались вступать въ какое-либо соглашеніе съ побѣдителями своей страны: гордясь своимъ происхожденіемъ, своимъ языкомъ и своей цивилизаціей, они не желали учиться латинскому языку, даже когда судьба принуждала ихъ жить въ Римѣ. Они не могли себѣ даже представить, чтобы кто-либо изъ сыновъ Греціи могъ до такой степени унизиться, чтобы сталъ изучать какую-либо иную литературу, кромѣ той, которая была оставлена ихъ достославными предками. Въ глазахъ побѣжденныхъ побѣдители ихъ, римляне, были настоящими варварами, и, когда среди этихъ презираемыхъ ими латинянъ появились собственные писатели, обитавшіе въ Римѣ греки хвастались даже тѣмъ, что не знаютъ ихъ именъ [1]). Впрочемъ, и иные латиняне по рожденію, напримѣръ, Маркъ Аврелій, избирали греческій языкъ для письменнаго выраженія своихъ мыслей.

Трупъ человѣка, найденный въ Помпеяхъ.

Въ Помпеяхъ было найдено 200—300 труповъ и скелетовъ людей и лишь сколо десятка—въ Геркуланумѣ.

Появленіе латинской литературы обязано, безъ сомнѣнія, генію Греціи, пробудившему интересъ къ занятіямъ ею. Первый писатель греко-латинскаго періода, Андроникъ, жившій $21^1/_2$ вѣковъ тому назадъ, былъ рабъ изъ Тарента, называвшійся даже еще по имени своего господина, Ливія Салинатора,—Ливіемъ. Молодые патриціи учились у этого вольноотпущенника не

1) André Lefèvre. «L'Histoire», p. 197.

Римъ. — Могила Цецилія Метелла на Аппіанской дорогѣ.

только греческому языку, но и латинскому по его переводамъ «Одиссеи» и по написаннымъ имъ священнымъ книгамъ. Воинъ Невій, воспѣвшій первую Пуническую войну, и умбрійскій странствующій торговецъ Плавтъ писали свои поэмы и драмы также по греческимъ образцамъ. Центуріонъ Энній, описавшій въ формѣ эпопеи всю исторію Рима, отъ Энея до македонскихъ войнъ, былъ родомъ мессапіецъ, т.-е. происходилъ, подобно Ливію Андронику, изъ Великой Греціи. Точно также и Лукрецій написалъ свою «Природу вещей» подъ непосредственнымъ вліяніемъ Эпикура. Греческій философъ и великій римскій поэтъ представляются намъ величинами въ равной мѣрѣ крупными,—память о нихъ погибнетъ развѣ лишь вмѣстѣ съ человѣческой мыслью!

И какія огромныя измѣненія въ самой основѣ души римскаго народа и въ самомъ пониманіи имъ всего окружающаго должны были произойти, если могло появиться такое произведеніе, какъ книга Лукреція. «Ничто не произошло изъ ничего,—ничто не создано богами» [1],—поэтъ, сказавшій эти сильныя слова, пересталъ быть римляниномъ,—онъ совершенно отрекся уже отъ религіи предковъ, и философское міросозерцаніе его является общечеловѣческимъ. Національный культъ, ко-

1) Лукрецій. «De natura rerum», кн. I, 144.

торому предалась, благодаря урокамъ грековъ, римская интеллигенція, былъ совершенно прямолинейнымъ, сильнымъ и исключительнымъ: онъ и не могъ быть инымъ у воинственнаго народа, считавшаго религіозныя церемоніи какъ бы входящими въ составъ воинской дисциплины и долженствующими лишь гарантировать ему побѣду. Народу этому не было досуга, необходимаго для выясненія отдаленныхъ причинъ, философскихъ обоснованій религіозныхъ обрядовъ и церемоній.

Римская религія была поразительно суха, лишена всякой поэзіи, лишена украшающей ее мистической окраски. Боги и богини были не чѣмъ инымъ, какъ наименованіями извѣстныхъ въ природѣ явленій, символами стремленій, надеждъ, страстей и добродѣтелей человѣка. Не было ни одного событія въ жизни, къ которому не имѣло бы отношенія то или другое божество, требовавшее, чтобы къ нему обращались съ молитвами или съ благодарственными жертвоприношеніями. Самое наименованіе этихъ духовныхъ существъ, соотвѣтствующихъ внѣшнимъ предметамъ и дѣйствіямъ человѣка, свидѣтельствуютъ о совершенно дѣтскомъ міровоззрѣніи, о настоящемъ «словесномъ фетишизмѣ» [1]. Для всѣхъ были также строго урегулированы движенія, жесты и слова; военачальники и администраторы, которымъ приходилось выступать въ походъ или предпринимать какое-нибудь дѣло, должны были начинать его съ гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ или по полету священныхъ птицъ. Для этихъ воителей, повиновавшихся мановенію руки и дѣйствовавшихъ по приказанію начальства, не спрашивая никакихъ объясненій, «предзнаменованія» были столь же священны, какъ слова пароля. Римскія установленія были прочны, какъ пирамиды, они обладали также и правильными углами и рѣзкими очертаніями послѣднихъ [2]. Римъ первоначально былъ построенъ въ формѣ квадрата; римскій лагерь представлялъ собою также квадратъ опредѣленныхъ размѣровъ; всѣ детали общественной, религіозной, политической и военной жизни принимали, такъ сказать, ту же «квадратную» форму.

А это римское право, право, столь кратко, столь повелительно формулированное,—его слова звучатъ еще и до сихъ поръ во всѣхъ судилищахъ и являются не менѣе священными для судей, чѣмъ слова Библіи для жрецовъ. Римское право столь ясно характеризуетъ всю духовную жизнь Рима, что и до сихъ поръ у многихъ юристовъ, очарованныхъ отзвуками краткихъ, опредѣленныхъ и непреклонныхъ законовъ римскаго форума, идея Рима невольно сливается съ идеей права. Если послушать ихъ, то можно подумать, что ни одна другая нація до римлянъ не имѣла представленія о взаимоотношеніяхъ справедливости и равенства, долженствующихъ установиться между людьми и поддерживать соціальное

1) André Lefèvre. «L'Histoire», p. 184. — 2) Emile Belot. «Histoire des Chevaliers romains», 75

Арка Траяна въ Беневентѣ.

равновѣсіе. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что римскій народъ, чрезвычайно практичный въ своемъ отношеніи ко всему окружающему, былъ первымъ, который ясно понялъ, оцѣнилъ и намѣтилъ область права. Съ самаго начала Рима обитатели его проводятъ рѣзкую границу между правомъ божественнымъ и правомъ человѣческимъ, между религіей и юриспруденціей. Этого не было у ихъ предшественниковъ, не было даже у грековъ, отличавшихся такой ясностью мысли. Индусы

смѣшиваютъ все въ своихъ поученіяхъ—нравственныя истины, истины религіозныя и юридическія; у арабовъ даже и до нашихъ дней законъ гражданскій совершенно сливается съ религіозными обязанностями [1]).

Подъ конецъ республиканскаго періода римской исторіи политическій міръ Рима, обнимавшій уже средиземноморскую область на всемъ ея протяженіи, достигъ бы, несомнѣнно, нормальнаго равновѣсія, если бы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по его окраинамъ, границы не оставались еще не вполнѣ опредѣленными, и если бы за этими границами не обитали варвары, принадлежащіе къ совершенно инымъ мірамъ, рѣзко отличающимся по своей культурѣ. Въ предѣлахъ полуострова Италіи сѣть большихъ военныхъ дорогъ была уже закончена: два основные пути—Аппіанская дорога, направлявшаяся къ югу, и Фламиніанская, пересѣкавшая Апеннины,—давали отъ себя многочисленныя боковыя отвѣтвленія, изъ коихъ одна—именно Эмиліанская дорога—была столь необходима, что страна, по которой она проходила, сохранила названіе Эмиліи и до нашихъ дней. Въ предѣлахъ Италіи войска могли быстро быть передвинуты всюду въ любое мѣсто, которому угрожала опасность. Изъ границъ римскаго государства наиболѣе легко уязвимымъ мѣстомъ имперіи были Альпы, которые, казалось бы, представляли собою непреодолимый барьеръ и, поднимая свои вершины до небесъ, должны были бы закрывать всякій доступъ врагамъ. Этотъ барръеръ, однако, преодолѣвался врагами очень часто, и первыми перешагнули за него галлы, которые заняли всю сѣверную половину полуострова Италіи; затѣмъ Альпы не остановили и войскъ Ганнибала, позднѣе же римляне сами научились отъ своихъ противниковъ побѣждать препятствія, представляемыя этими областями вѣчныхъ снѣговъ. Пути, ведущіе черезъ Альпы, существовали во всѣ времена, такъ какъ существованіе ихъ обусловливалось взаимнымъ притяженіемъ народностей, обитавшихъ на обоихъ склонахъ. Уже въ самомъ началѣ историческаго періода происходило, безъ сомнѣнія, непрерывное движеніе взадъ и впередъ, поддерживались постоянныя сношенія между галльскими племенами, населявшими долину Роны и долину По; путями, по которымъ передвигались народности, являлись спускающіяся по обѣ стороны массива горныя долины и горные перевалы, образующіе выемки между вершинами. Разумѣется, при продолжительныхъ дождяхъ и снѣжныхъ буряхъ, равно какъ и во время года, опасное паденіемъ лавинъ, препятствія при передвиженіи были очень значительны, но въ лѣтнее время и ранней осенью переходъ черезъ горы для здоровыхъ и сильныхъ людей совсѣмъ не былъ страшенъ. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ были протоптаны людьми и животными тропинки, слѣдуя которымъ, путникъ избѣгалъ обрывовъ и

1) Von Ihering. «Les Indo-Européens avant l'Histoire», trad. par O. de Manlenaere, pp. 69 ss.; Ernest Nys «L'Indo tryenne», p. 11.

пропастей; на обширномъ протяженіи тянулись здѣсь въ горахъ альпійскіе луга, по которымъ идти составляло одно удовольствіе.

№ 195. Провинціи и пути сообщенія Италіи.

1: 10 000 000

0 100 250 500 килом.

Подобно тому какъ «Азія» и «Африка», такъ и названіе „Италія" прилагалось лишь къ самой небольшой части той территоріи, которую оно обозначаетъ въ настоящее время. Оно относилось лишь къ „каблуку итальянскаго сапога", къ полуострову, называвшемуся также Бруттіумомъ, т.-е. къ современной Калабріи. Послѣднее названіе прилагалось первоначально лишь къ Мезапіи.

Мѣстонахожденіе города Бононіи (Болоньи), или древней Фельзины этрусковъ, указано на картѣ неправильно,—онъ находился на Эмилійской дорогѣ.

Такимъ образомъ, граница, образуемая гребнями горъ, отнюдь не имѣетъ того характера рѣзкой грани, какой ей придали, въ концѣ кон-

цовъ, политическіе договоры между соприкасающимися государствами. Горныя вершины въ свободной природѣ влекутъ къ себѣ свободнаго путника, возбуждаютъ въ немъ страстное желаніе взойти на нихъ, наполняютъ сердце его радостью и гордостью, когда, преодолѣвъ всѣ трудности, онъ поднимется на высоту.

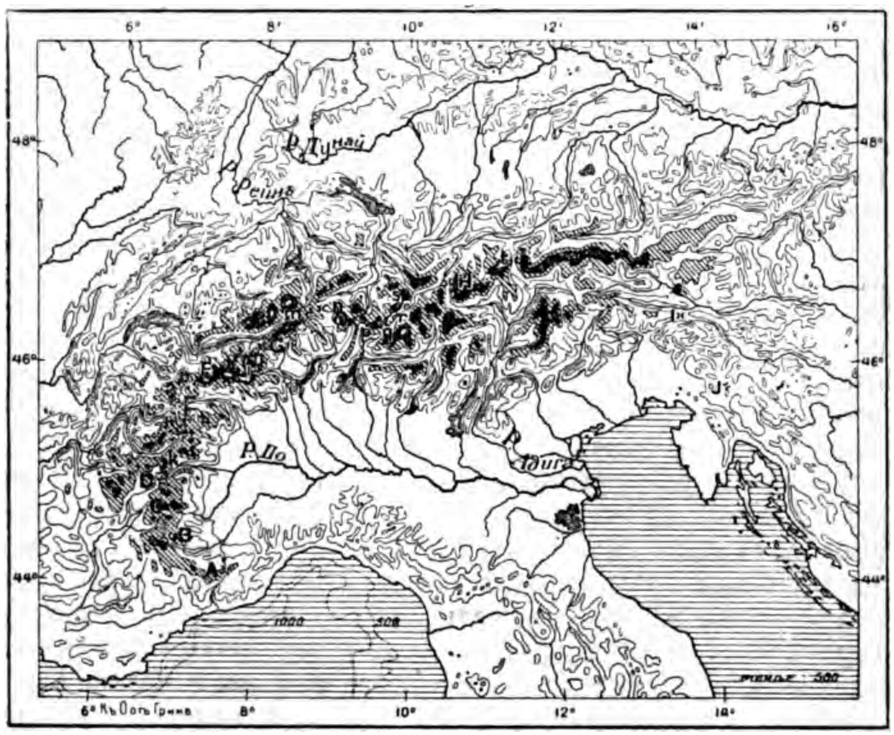
Въ дѣйствительности истинной границей между странами является не идеальная линія, проведенная отъ вершины къ вершинѣ, а основаніе склоновъ, гдѣ сказывается наиболѣе рѣзко контрастъ между способами воздѣлыванія земли, между мѣстной промышленностью, нравами и самымъ ритмомъ исторіи. Населеніе Альповъ, подобно тому какъ и населеніе другихъ горныхъ областей, являлось во всѣ времена единымъ по своему типу и принадлежало почти всегда на обоихъ противолежащихъ склонахъ къ одной и той же народности, говорящей на одномъ и томъ же языкѣ. Руководимые дружественными имъ горными жителями, торговцы и путешественники легко находили нетрудный путь изъ Галліи Цизальпинской въ Галлію Трансальпинскую—изъ Италіи во Францію. Въ то же время тѣ, кто явился бы сюда въ качествѣ враговъ, должны были ожидать за каждымъ выступомъ, за каждою скалою вооруженныхъ противниковъ. Самымъ великимъ искусствомъ завоевателей было—умѣть находить себѣ союзниковъ и добывать вѣрныхъ проводниковъ!

Наиболѣе часто посѣщавшіеся пути были предначертаны самой природой: ихъ можно было бы намѣтить непосредственно при разсмотрѣніи картъ страны даже въ томъ случаѣ, если бы о нихъ не сохранилось никакихъ указаній прежнихъ авторовъ. Первымъ изъ такихъ альпійскихъ проходовъ былъ перевалъ Тенде въ южной части хребта,—перевалъ, соединяющій долины рѣкъ Стура и Роя; затѣмъ слѣдуютъ отъ юга къ сѣверу: перевалъ Ларшъ или Аржантьеръ, между Кунео и Барселонеттой, перевалъ дю-Визо, между Салуццо и Амбренъ, перевалъ Монъ-Женевръ, который соединяетъ Туринъ и Пинероло съ Бріансономъ или долину По съ долиною Дюрансы. Въ настоящее время перевалъ Монъ-Сенисъ сдѣлался важнѣйшимъ путемъ между Туриномъ и верхней частью долины Изеры: римляне, однако, не пользовались еще этимъ переваломъ, и онъ появляется въ исторіи лишь послѣ паденія римской имперіи и послѣ вторженія варваровъ. Въ самомъ углу, образуемомъ хребтами альпійской системы, тамъ, гдѣ они получаютъ иное направленіе, имѣются два перевала, именно перевалъ Малый Сенъ-Бернаръ и перевалъ Большой Сенъ-Бернаръ, соединяющіе долину По съ долиною Роны и Женевскаго озера. Тамъ находились храмы, посвященные богамъ-покровителямъ и пользовавшіеся тѣмъ бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ больше опасностей приходилось претерпѣвать путникамъ при подъемѣ на горы, угрожающія своими лавинами и бѣшено мчащимися

горными потоками. Перевалъ Большой Сенъ-Бернаръ былъ посвященъ Юпитеру и былъ извѣстенъ подъ названіемъ горы Юксъ.

На сѣверѣ Италіи, быть-можетъ, былъ извѣстенъ римлянамъ перевалъ Монте-Моро, который огибаетъ съ востока массивъ Монъ-Розы

№ 196. Перевалы черезъ Альпы.

1: 7 500 000

0 100 200 300 400 500 килом.

Перевалы, которыми пользовались римляне:

A. Перев. Тенде . . . . 1873 метр. выс.		B. Перев. Ларшъ . . . . . . 1995 метр. выс.	
C. Траверзеттъ . . . . 1854 „ „		D. Монъ-Женевръ . . . . . . 1834 „ „	
E. Малый Сенъ-Бернаръ . . . 2157 „ „		F. Большой Сенъ-Бернаръ . . 2472 „ „	
G. Симплонъ . . . . 2020 „ „		H. Мальзеръ-Гейде . . . . . 1487 „ „	
I. Перев. Тарвисъ . . . . . . 814 „ „		J. Перев. Пуарье . . . . . . 548 „ „	

Перевалы, которыми стали пользоваться лишь позднѣе:

k. Малый Монъ-Сенисъ, 2201 метр. выс.; Большой Монъ-Сенисъ, 2091 метр. выс.; перевалъ Фрежюсъ, прорѣзанный туннелемъ, 2528 метр. выс.

l. Монте-Морро . . . . 2862 метр. выс.	
m. Сенъ-Готардъ . . . . . . 2114 „ „	n. Люкманьеръ . . . . 1917 метр. выс.
o. Бернардино . . . . 2063 „ „	p. Сплюгенъ . . . . 2117 „ „
q. Септимеръ . . . . 2311 „ „	r. Малойя-Жюльеръ . . 1811—2287 „ „
s. Альбула . . . . 2318 „ „	t. Бреннеръ . . . . 1362 „ „

и примыкаетъ къ долинѣ Макуньяга и къ долинѣ Саазы; перевалъ Симплонъ также былъ, безъ сомнѣнія, знакомъ имъ—съ конца II вѣка христіанской эры чрезъ него проходила военная дорога. Что касается

Сенъ-Готарда, который въ настоящее время является наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ путей Швейцаріи, ведущихъ чрезъ Альпы, то онъ оставался неизвѣстенъ до середины XIV вѣка, главнымъ образомъ, вслѣдствіе тѣхъ препятствій для сообщенія, которыя вносило своими причудливыми развѣтвленіями озеро Четырехъ Кантоновъ. Пути чрезъ Люкманьеръ, чрезъ Бернардино, чрезъ Сплюгенъ и чрезъ Септимеръ-де-л'Альбула относятся также къ концу среднихъ вѣковъ [1]), хотя, конечно, ими пользовались и ранѣе мѣстные горные жители; названіе одного изъ сосѣднихъ переваловъ: Ле-Жюлье—перевалъ, сообщающійся съ переваломъ Малойя—объясняется, по всей вѣроятности, существованіемъ на вершинѣ его памятника въ честь Іуля, бога солнца. Ретійцы пользовались также путемъ черезъ Энгадинъ и въ особенности Бреннерскимъ переваломъ,—на послѣднемъ было найдено большое количество всевозможныхъ предметовъ, являющихся произведеніями техники до-римскаго періода. Сами римляне, однако, избѣгали, повидимому, долгое время этого перевала и избирали болѣе длинный, но менѣе трудный обходный путь, далѣе къ западу, путь, который подымается по долинѣ Адиги и спускается по нынѣшней долинѣ Мальзеръ-Гейде въ долину Инна. Въ ту эпоху, когда Друзомъ Древнимъ былъ построенъ въ царствованіе Августа этотъ путь, единственной цѣлью стремленія римлянъ въ Германію былъ лишь Рейнъ, и только несравненно позже они проникли и въ дунайскія области.

Въ восточныхъ Альпахъ оба прохода, сообщающіе берега Адріатическаго моря съ долинами Дравы и Савы,—проходы, извѣстные въ настоящее время подъ названіемъ Плекенпассъ и Сайфницпассъ, также служили путями сообщенія; однако, наиболѣе важнымъ путемъ, по которому совершалось наиболѣе сильное движеніе какъ народныхъ массъ, такъ и товаровъ, былъ перевалъ, называемый въ настоящее время переваломъ Пуарье,—онъ пересѣкаетъ Карстъ, спускается въ долину Савы и тамъ развѣтвляется на много путей, ведущихъ по различнымъ направленіямъ въ германскія и венгерскія земли Дуная. Этотъ путь, находящійся на сѣверо-восточномъ углу полуострова Италіи, имѣетъ тамъ столь же важное значеніе, какъ Большой Сенъ-Бернарскій перевалъ на сѣверо-западномъ углу: между обоими этими проходами Швейцарскіе и Ретическіе Альпы поднимались долгое время въ видѣ преграды, непреодолимой для народностей, обитающихъ на равнинахъ.

Даже въ ту уже эпоху, когда римляне сдѣлались властителями обширнаго полукруга странъ, прилежащихъ къ Альпамъ, грандіозная стѣна горъ служила еще долгое время для нихъ препятствіемъ и не

---

1) Hedinger. «Handelsstrassen über die Alpen in vor-und frühgeschichtlicher Zeit», Globus, 15. IX. 1900.

позволяла имъ проложить пути для своей торговли и для своихъ завоеваній. Первоначально ими былъ найденъ западный путь, ведущій въ Галлію, и путь восточный, ведущій въ Паннонію; мало-по-малу, однако, по мѣрѣ ознакомленія съ альпійскими перевалами, римляне стали слѣдовать указаніямъ самой природы, стали избирать пути, которыми до нихъ

Римскія ворота и крѣпость Де-Спелло, въ Этруріи.

пользовались горные жители. Если названія мѣстностей и городовъ, упоминаемыя въ лѣтописяхъ, отчасти и утратились, то надо сказать, что самые пути, по которымъ происходило передвиженіе въ тѣ времена, оказались болѣе долговѣчными: тѣ самые пути, которые были проложены

вскорѣ послѣ отступленія глетчеровъ ледниковаго періода, пролегаютъ и въ настоящее время,—они превращены лишь въ желѣзныя дороги.

Спустившись побѣдителями съ высотъ Западныхъ Альповъ въ долины сѣвернаго склона ихъ, римляне, освободившіеся отъ своихъ опасныхъ соперниковъ карѳагенянъ, заключили союзъ съ большимъ числомъ народностей, обитавшихъ въ горахъ, и эти союзные договоры позволили имъ расширить постепенно вокругъ Марсели первоначально узкую полосу береговой «Провинціи»; затѣмъ, перейдя черезъ Рону, римляне прочно обосновались въ Нарбоннѣ. Вдоль средиземноморского побережья имъ оставалось лишь возстановить дороги и города финикіянъ. Совершенно подобно тому, какъ вдоль нашихъ современныхъ желѣзныхъ дорогъ почти всюду идутъ колесные пути, такъ и обитатели Тира и ихъ послѣдователи греки и карѳагеняне проводили всегда вдоль своего морского пути колесныя дороги; таковыя были проведены по побережью Испаніи и Галліи; города и торговыя факторіи ихъ были всѣ связаны между собою отъ Альповъ и до Пиренеевъ либо дорогами, параллельными берегу, либо путями, обходившими болота и мысы; въ опасныхъ мѣстахъ дорога высѣкалась карнизомъ въ уступахъ скалъ. Разсказываютъ, что уже тиряне провели на очень большомъ протяженіи прекрасно вымощенную камнемъ дорогу. Позднѣе римскія названія лишь замѣнили собою названія, данныя финикіянами [1]).

Сдѣлавшись господами на побережьѣ, римляне увидѣли, что передъ ними раскрывается другой путь, не прегражденный никакими естественными препятствіями,—именно путь по бассейну рѣки Оды и по долинѣ Гаронны къ океану. Одинъ изъ отважныхъ римскихъ полководцевъ, консулъ Сепіонъ, воспользовался удобствами этого пути и попытался прорваться силою вплоть до Тулузы; онъ захватилъ богатѣйшія сокровища, которыя галлы-тектосаги бросали въ озеро, посвященное ихъ богу солнца Белену, аналогичному Фебу Аполлону.

Эта быстро задуманная и быстро выполненная экспедиція, похожая скорѣе на разбойничій набѣгъ, была вскорѣ отомщена кимврами, которые уничтожили совершенно римскіе легіоны, совершившіе такое святотатство; тѣмъ не менѣе, ею открылась новая эра въ исторіи,—эра распространенія средиземноморского міра по направленію къ Сѣверному океану. Безъ сомнѣнія, указанный легкій путь, совершенно свободный отъ препятствій,—путь, пролегающій между склонами Севенновъ, горой Аларика и холмами Лорагэ, долженъ былъ во всѣ времена имѣть большое значеніе, такъ какъ при помощи его поддерживались не-

1) Henry Martin. «Histoire de France», I.—Amédée Thierry. «Histoire des Gaules».—Ch. Lenthéric. «Le Rhône», tome I, pp. 66, 67.

Римскій мостъ близъ Апта (Воклюзъ).

посредственныя сношенія лигурійцевъ съ иберійцами и позднѣе сношенія финикіянъ, грековъ и латинянъ съ васконцами Аквитаніи, равно какъ сношенія «Провинціи» съ Гасконью.

Этотъ путь чрезвычайно облегчилъ сношенія народовъ между собою, и на его протяженіи разыгрались между народностями событія величайшей важности, такъ какъ народности эти двигались здѣсь то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, подобно волнамъ двухъ морей, сталкивающимся въ соединяющемъ эти моря каналѣ. Во времена первыхъ сношеній Рима съ галлами этотъ историческій путь былъ изъ всѣхъ путей, пролегающихъ за Севеннами, наиболѣе важнымъ для равновѣсія народностей. Римское могущество стремилось упрочить свое положеніе въ бассейнѣ западной части Средиземнаго моря и должно было прежде всего разрастаться по направленію къ пунктамъ, представляющимъ мѣста наименьшаго сопротивленія. Въ этомъ направленіи ни одна часть Галліи не являлась болѣе удобной для захвата, какъ невысокій водораздѣлъ между Одой и Гаронной. Препятствія, съ которыми приходилось бороться римлянамъ въ этомъ направленіи, были совершенно несравнимы съ тѣми, которыя имъ пришлось бы встрѣтить въ горахъ Оверни или на хребтахъ, являющихся водораздѣломъ между Соной и Сеной. Весь цивилизованный міръ имѣлъ въ эту эпоху своимъ

центромъ Италію и ограничивался почти исключительно странами, расположенными вокругъ Средиземнаго моря; къ океану направлялись лишь пока еще мало посѣщаемые пути. Можно сказать, что торговое значеніе путей сообщенія зависѣло въ тѣ времена исключительно отъ того, поскольку эти пути вели къ міровой столицѣ, къ Риму,—въ самомъ буквальномъ смыслѣ тогда «всѣ дороги вели въ Римъ»! Вполнѣ понятно, вслѣдствіе этого, что дорога чрезъ Нарбонну, Тулузу и Бордо была наиболѣе важной дорогой Галліи, и что Нарбонна, къ которой могли подходить тогдашніе корабли, такъ какъ они мелко сидѣли, сдѣлалась самымъ населеннымъ городомъ Западной Европы за предѣлами Италіи.

Съ теченіемъ вѣковъ, однако, значеніе транзитной торговли возрастаетъ непрерывно, и историческое значеніе путей сообщенія начинаетъ опредѣляться, главнымъ образомъ, тѣми странами, которыя эти пути соединяютъ, тогда какъ тѣ страны, по которымъ они пролегаютъ, отступаютъ на второй планъ. Между тѣмъ, южная дорога или «гаронскій путь» Галліи упирался въ моря пустынныя, которыя даже послѣ завоеванія римлянами должны были оставаться еще въ теченіе 15 вѣковъ «водами безъ береговъ». Вмѣсто того, чтобы получать дальнѣйшій исходъ къ западу, вмѣсто того, чтобы возобновляться и черпать въ самомъ себѣ новую энергію, движеніе народовъ по этому пути должно было, напротивъ, постепенно замирать на покинутыхъ всѣми берегахъ. Лишь когда была открыта Америка, города Ла-Рошель и Бордо снова воскресли и зажили новою жизнью! Совершенно иначе обстояло дѣло съ «Роданской» дорогой, ведущей на сѣверъ отъ «Провинціи»,—она гораздо труднѣе, но зато имѣла и для всѣхъ обитателей Средиземнаго моря вообще и для римлянъ въ особенности то огромное преимущество, что вела ихъ чрезъ весь континентъ къ полуостровамъ и островамъ въ океанѣ,—она соединяла, такимъ образомъ, страны чрезвычайно различныя по своей природѣ и предназначенныя судьбою къ тому, чтобы вліять одна на другую развившеюся въ каждой изъ нихъ культурою. Этотъ естественный путь, ведущій черезъ долину Роны и Соны, направляется затѣмъ въ долину Сены чрезъ невысокіе перевалы въ горахъ Отюна и Дижона; онъ сдѣлался позднѣе, благодаря совершавшимся на немъ событіямъ, настоящей осью Галліи, центральнымъ стволомъ, отъ котораго затѣмъ расходились вѣтви въ разныя стороны.

Впрочемъ, не должно разсматривать этотъ великій историческій путь какъ, дѣйствительно, настоящую, вполнѣ правильно проходящую дорогу, пересѣкающую горы въ опредѣленномъ мѣстѣ однимъ переваломъ. Такіе историческіе пути вполнѣ подобны тропинкамъ горныхъ или степныхъ странъ, приспособляющимся къ условіямъ и рельефу почвы и то изгибающимся, то раздваивающимся и дѣлящимся на множество

вѣтвей соотвѣтственно съ неровностями и препятствіями мѣстности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога кажется совершенно исчезающей и сохранилась лишь въ видѣ едва замѣтныхъ слѣдовъ, подобно тому какъ исчезаетъ на склонѣ скалы горная тропинка. При переходѣ черезъ горы

№ 197. Пути чрезъ Галлію.

1 : 10 000 000

0 200 400 600 килом.

Пути чрезъ Галлію нанесены по такъ называемой таблицѣ Пейтингера и по маршруту Антонина, взятому изъ Э. Дежардена „Géographie de Gaule romaine".

Отсутствуетъ путь по средиземноморскому побережью вдоль Ривьеры до Генуи. Путь черезъ Монъ-Сенисъ могъ бы быть выпущенъ.

образовались различные второстепенные пути, проходящіе отъ юго-запада къ сѣверо-востоку на протяженіи сотни километровъ; они нигдѣ не поднимаются на высоту болѣе 500 метровъ. Финикійскіе купцы, равно какъ,

Римская писцина въ Шамьэ, близъ Перигё.

быть-можетъ, и купцы греческіе, пользовались этими путями сообщенія между побережьемъ Средиземнаго моря и берегами океана еще за много вѣковъ до Цезаря. Одинъ изъ переваловъ защищался городомъ Алезіей, который, какъ гласитъ преданіе, былъ основанъ Мелькартомъ, тирскимъ Геркулесомъ, богомъ силы и власти [1]). По направленію къ сѣверо-востоку главный «Родано-Секванскій» путь давалъ къ долинѣ верхней Соны, Оаньона и Дуба отвѣтвленія, направлявшіяся къ Рейну и къ Германіи. Впрочемъ, пути торговцевъ остались совершенно неизвѣстными греческимъ ученымъ; эти послѣдніе не имѣли рѣшительно никакого представленія о путяхъ сообщенія въ Галліи и подобно Геродоту (кн. II, 33) предполагали, что Истръ или Дунай беретъ начало у города Пирены, т.-е. въ Пиренеяхъ, и пересѣкаетъ затѣмъ всю Европу съ запада на востокъ.

Если пути, давшіе римлянамъ доступъ въ бассейнъ океана и открывшіе этимъ новую эру въ исторіи, заслуживаютъ совершенно особаго вниманія, то надо сказать, что и другіе естественные пути, связывающіе Галлію съ восточными странами и проходящіе чрезъ Германію, обусловливали также многія явленія, чрезвычайно важныя по своему значенію, хотя и находящіяся пока въ неизвѣстности, такъ какъ

1) Diodore de Sicile, livre V, 24.—F. Lenormant. «Les premières Civilisations».

Римскій театръ въ Бушарѣ (Шарантъ).

мы вообще очень мало знаемъ событія тѣхъ временъ. Съ востока страна галловъ была легко доступна для многихъ народностей, передвигавшихся по морю съ востока на западъ или съ сѣверо-востока на юго-западъ. Въ до-историческія или древнѣйшія историческія времена по открытымъ здѣсь путямъ проходили народности, чрезвычайно сильно отличающіяся отъ народовъ туземныхъ или уже съ давнихъ временъ устроившихся въ странѣ; новые этническіе элементы, притекавшіе извнѣ, часто видоизмѣняли первоначальную основу лигурійцевъ, иберійцевъ и другихъ племенъ, населявшихъ пространство между Пиренеями и Рейномъ.

Сама природа тѣхъ странъ, по которымъ проходили вторгавшіяся народности, направляла ихъ движеніе, обусловленное войнами, измѣненіемъ климата, увеличеніемъ населенія или другими причинами, возбуждающими духъ предпріимчивости и выводившими изъ состоянія покоя народныя массы. Если ограничиться лишь тѣми путями, которыя находятся между травянистыми равнинами восточной Европы и берегами Атлантическаго океана, на которыхъ поневолѣ должны были останавливаться переселявшіяся народности, то должно отмѣтить два главнѣйшихъ пути, сильно различающихся между собою,—одинъ изъ нихъ направляется въ Галлію чрезъ сѣверную Германію, другой—чрезъ долину Дуная. Въ промежуткѣ между этими двумя путями страна была, на самомъ дѣлѣ, чрезвычайно трудно проходима, пока не были вырублены

лѣса и не были сооружены дороги: огромныя лѣсныя пространства покрывали широкую полосу горныхъ областей—Карпаты, горы Богеміи и Тюрингіи, Арденны, равно какъ и промежуточныя области Германіи. Путешественники, направлявшіеся на западъ изъ сарматскихъ степей, огибали эти естественныя препятствія, равно какъ и болотистыя пространства равнинъ Россіи,—удобный для нихъ путь пролегалъ чрезъ равнины Польши и низменныя пространства балтійскаго побережья [1]), на которомъ пески, дюны и мѣстности, покрытыя кустарникомъ, чередуются съ лѣсами и неглубокими озерами. Эта область, тянущаяся вдоль морского побережья и выравненная нѣкогда льдами Скандинавіи, явилась великимъ міровымъ путемъ, вполнѣ подготовленнымъ для передвиженія народностей между понто-каспійскими степями и Галліей.

На югѣ Германіи историческій путь, удобный для переселенія народовъ, былъ болѣе длиннымъ и извилистымъ, но, тѣмъ не менѣе, имъ пользовались очень многія племена, какъ мирныя, такъ и воинственныя. Путь этотъ образовывала долина Дуная,—огибая горы, она тянется непрерывно съ востока къ западу по дну древнихъ озеръ и по связующимъ ихъ между собою проливамъ, которые существовали до начала постепеннаго осушенія центральной Европы. Поднявшись къ истокамъ Дуная, міровой путь этотъ направлялся затѣмъ къ верхнему теченію Рейна, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній выходитъ изъ горъ, и далѣе проникалъ въ область Франціи чрезъ прорывъ между Вогезами и Юрой—прорывъ, стратегическое значеніе котораго считается и до нашего времени первостепеннымъ,—его называютъ «брешью», и, дѣйствительно, въ этомъ мѣстѣ стѣна, защищающая Галлію, оказывается прорванной.

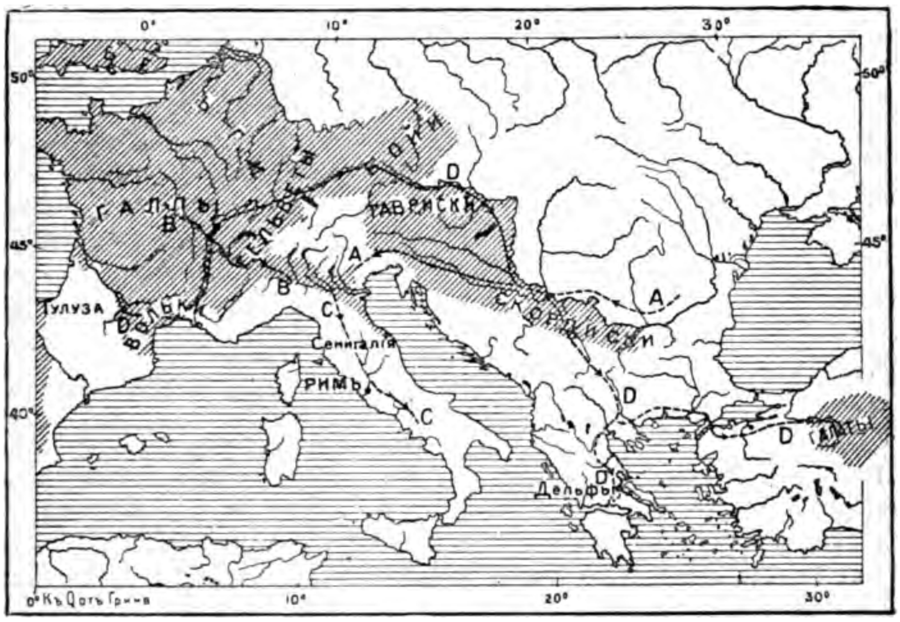
Этотъ путь по Дунаю къ сѣверу отъ Альповъ и другихъ горъ, перегораживающихъ Европу, является путемъ, параллельнымъ морскому пути по Средиземному морю. Сообразно со своими нравами и съ историческими условіями, различные народы странъ, прилежащихъ къ Черному и Эгейскому морямъ, могли свободно выбирать для своей торговли, для своихъ военныхъ предпріятій или же для переселенія любой изъ двухъ путей—по водѣ или по сушѣ. Какъ на томъ, такъ и на другомъ пути происходили сходныя историческія событія,—на сѣверѣ, какъ и на югѣ историческая эволюція совершалась въ одинаковомъ направленіи. Но, тогда какъ движеніе народовъ по морю, совпадающее съ исторіей Финикіи, Греціи и Рима, выплываетъ передъ нами освѣщенное яркими лучами свѣта, народныя движенія вдоль Дунайской долины, имѣющія по своимъ конечнымъ результатамъ отнюдь не меньшее значеніе, погружены въ совершенный мракъ. Что такія передвиженія народныхъ массъ дѣй-

---

1) См. т. I, стр. 197, карта № 29, «Пути торговли янтаремъ».

ствительно существовали, мы узнаемъ лишь изъ названій мѣстностей, изъ распространенія сказаній, изъ находокъ до-историческихъ предметовъ и изъ результатовъ изслѣдованій антропологовъ. Нахожденіе брон-

№ 198. Переселенія и набѣги галловъ.

1 25 000 000

0 500 1000 1500 килом

Заштрихованная область отмѣчаетъ наиболѣе широкое распространеніе галльскихъ племенъ, около III вѣка до Р. Хр., по Шпрунеру-Менке. Къ нанесеннымъ главнѣйшимъ племенамъ слѣдуетъ прибавить племя въ Испаніи, которое дало свое имя Галлеціи или Галиціи. Пути нанесены лишь въ самыхъ общихъ чертахъ и не отмѣчаютъ деталей.

Вторженія галловъ происходили: первое въ Циркумпаданіи (А—А) около 150 г. отъ основанія Рима, второе (В—В) около 300 лѣтъ спустя. Именно тогда галлы перешли Апеннины, разбили римлянъ, сожгли Римъ (363 г.) и проникли до Кампаніи (С—С). Сто лѣтъ спустя, въ 470 г. сеноны и ихъ союзники были разбиты въ битвѣ при Вадимонѣ (Вольсинии или Больсена).

Въ 472 г. племя вольковъ-тектосаговъ вышло изъ Тулузы (D-D-D); оно появляется затѣмъ въ Греціи при Фермопилахъ, затѣмъ въ Дельфахъ (474 г.); въ 475 г. переходитъ Геллеспонтъ (278 г. до Р. Хр.). См. Amédée Thierry. „L'Histoire des Gaulois".

зовыхъ мечей и кинжаловъ указываетъ намъ направленіе, по которому шли купцы и переселенцы черезъ Европу: мѣновая торговля производилась между сѣверомъ и югомъ, такъ какъ продукты, добываемые тамъ, были различны: кромѣ того, чрезвычайно крупныя перемѣщенія народностей происходили и въ направленіи съ востока на западъ.

Общій результатъ научнаго изслѣдованія всѣхъ находокъ, относящихся къ до-историческимъ временамъ, вполнѣ совпадаетъ съ существующими преданіями,—онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что передвиженіе народныхъ массъ совершалось даже, главнымъ образомъ, по направленію

съ востока на западъ: такъ, впрочемъ, оно и должно было быть a priori, потому что обширныя области, гдѣ необозримыя пространства степей облегчаютъ быстрый ростъ народностей, заставляющій ихъ переселяться, находятся именно въ восточной части Европы, — оттуда онѣ должны были оттѣсняться на окраины, по направленію къ полуостровамъ и въ особенности по направленію къ западной части Европы, которая постепенно суживается, стиснутая между Средиземнымъ моремъ и океаномъ.

Положимъ, существовали также и обратныя движенія, происходили и переселенія въ направленіи съ запада на востокъ,—наиболѣе извѣстнымъ изъ такихъ переселеній былъ совершившійся 22 вѣка тому назадъ походъ вольковъ-тектосаговъ или тулузскихъ вольковъ. Покинувъ свою страну, находившуюся на берегахъ Гаронны, это воинственное племя направилось въ страны «восходящаго солнца», —его влекло, быть-можетъ, простое стремленіе къ приключеніямъ, быть-можетъ, причины религіознаго характера или же недостатокъ мѣстныхъ источниковъ существованія и чрезмѣрно усилившаяся въ силу этого борьба за жизнь. Тектосаги шли стойко впередъ, прокладывая себѣ дорогу то добромъ, то силою; они поднялись по Ронѣ и Сонѣ, перешли Рейнъ, обогнули Шварцвальдъ, спустились къ Дунаю и проникли во Ѳракію и Македонію. Они разбили двѣ арміи грековъ, еще не забывшія побѣдъ Александра Македонскаго, проникли вплоть до Дельфъ, сокровища которыхъ были ими разграблены, и значительная часть этихъ сокровищъ была привезена въ Тулузу и посвящена тамошнимъ богамъ. Приключенія тектосаговъ, производящія впечатлѣніе фантастическаго сновидѣнія, продолжались три года; они не всѣ, однако, вернулись въ свою страну: двѣ изъ ихъ армій перешли Геллеспонтъ и Босфоръ, воспользовавшись враждою анатолійскихъ князьковъ, которымъ они за деньги предложили свои услуги; проникнувъ въ Малую Азію, вольки-тектосаги послѣ тысячи приключеній устроились въ верховьяхъ Галиса,—въ эту эпоху галльскихъ наемниковъ можно было встрѣтить по всему востоку, даже въ долинѣ Нила! Небольшое княжество Галація, сохранявшееся въ теченіе ряда вѣковъ въ Малой Азіи, напоминаетъ намъ объ этомъ удивительномъ предпріятіи.

Вторженіе кимвровъ, пришедшихъ съ полуострова Даніи, и тевтоновъ, явившихся изъ центральной Европы, напомнило римлянамъ «ужасы» галльскаго нашествія; казалось, на западный міръ посыпался рядъ ударовъ, направлявшихся по двумъ главнымъ историческимъ путямъ Германіи. Мало связные разсказы древнихъ авторовъ сообщаютъ намъ, что враги появлялись то тамъ, то сямъ, и можно подумать, что эти варварскія племена, сознавъ страшную опасность предпринятаго ими нашествія, блуждали безо всякаго опредѣленнаго плана, на удачу. Народности въ полномъ составѣ—взрослые мужчины, женщины, дѣти—покинули родную землю и гробницы своихъ предковъ и отправились чрезъ всю Европу

искать себѣ новое невѣдомое отечество. Результатомъ была война, и война безжалостная, до полнаго истребленія; народности эти не останавливались, однако, ни передъ чѣмъ въ поискахъ страны, болѣе обширной

№ 199. Нашествія кимвровъ и тевтоновъ.

Пути движенія кимвровъ отмѣчены на картѣ прерывистой линіей, путь тевтоновъ — сплошной линіей (по André Lefèvre, „Germains et Slaves").

Близъ Оранжа произошло столкновеніе между кимврами и консуломъ Сепіономъ, возвращавшимся изъ Тулузы, гдѣ онъ отнялъ у галловъ сокровища, добытыя ими въ Дельфахъ. Римляне были всѣ уничтожены (въ 648 г. отъ основанія Рима, въ 105 г. по Р. Хр.).

и болѣе плодородной, чѣмъ та, которую онѣ покинули. Въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ мы встрѣчаемъ ихъ и союзныя имъ народности, которыя были ими увлечены въ ихъ движеніи, то на берегахъ Эльбы, то на Дунаѣ, то на Рейнѣ, наконецъ, даже въ восточныхъ долинахъ германскихъ Альповъ, въ Гельвеціи, въ долинѣ Роны, у подножія Пиренеевъ и въ Испаніи. Не имѣя опредѣленной цѣли въ своемъ движеніи, кимвры и тевтоны не сумѣли воспользоваться паникой, обуявшей римлянъ, и послѣдніе имѣли достаточно времени, чтобы научиться бороться

съ ними и побѣждать ихъ, совершенно такъ же, какъ ранѣе римляне научились побѣждать галловъ и карѳагенянъ. Марій разбилъ тевтоновъ въ Провансѣ, въ мѣстности, носящей теперь названіе Пурріеръ, и затѣмъ черезъ годъ уничтожилъ кимвровъ въ долинѣ По, близъ Верчелли (Версейль). Передовой авангардъ завоевателей-«тевтоновъ», имя которыхъ перешло затѣмъ на всѣхъ германцевъ, былъ совершенно уничтоженъ,— это было скопище примѣрно въ полъ-милліона душъ!

Новыя вторженія кельтовъ и германцевъ были первоначальной причиной завоеванія Галліи Цезаремъ. Давленіе народностей въ направленіи съ востока на западъ, давленіе, которому суждено было позднѣе повлечь за собою разрушеніе римской имперіи, продолжало сказываться, и вмѣсто того, чтобы дожидаться, когда въ римскіе предѣлы хлынетъ этотъ потокъ вооруженныхъ людей, римскіе легіоны сами пошли имъ навстрѣчу. Гельветы и кельты, вырвавшіеся изъ своего заключенія въ Альпахъ и направившіеся въ превосходныя равнины Галліи, съ цѣлью занять тамъ болѣе обширныя пространства, были остановлены въ самомъ началѣ своего движенія, близъ Женевскаго озера; подъ различными предлогами римляне не пустили ихъ далѣе, отклонили затѣмъ отъ намѣченнаго ими пути, направили въ страну эдуевъ, бывшихъ союзниками Рима, и, наконецъ, окончательно разбили ихъ при Бибрактѣ, этой естественной крѣпости на горѣ Бёврэ, на которой возникъ позднѣе богатый городъ Отёнъ (Августодунумъ). Въ концѣ концовъ, гельветы были принуждены вернуться въ свою горную страну, оставивъ въ Галліи лишь своихъ союзниковъ бойевъ, пущенныхъ туда римлянами изъ милости.

Вскорѣ послѣ того Цезарю пришлось отражать новое, еще болѣе страшное вторженіе, и для того, чтобы добиться успѣха, ему пришлось примѣнить все свое дипломатическое искусство и весь свой военный геній. Одинъ изъ великихъ германскихъ вождей племени маркоманновъ, Аріовистъ, былъ призванъ па западный берегъ Рейна или, вѣрнѣе, былъ увлеченъ туда общимъ движеніемъ народностей къ западу, сказывавшимся въ эту эпоху; когда Цезарь проникъ въ Галлію, болѣе 120 тысячъ свевовъ, маркомановъ и другихъ германцевъ занимали уже страну. Предлогъ, выставлявшійся Аріовистомъ, заключался въ томъ, что онъ пришелъ помочь секванамъ противъ ихъ враговъ эдуевъ. Эти послѣдніе, обладая значительными силами, образовали конфедерацію, хорошо защищенную среди холмовъ и покрытыхъ лѣсомъ горъ, которыя раздѣляютъ бассейны Соны, Луары и Іонны. Какъ это часто, однако, случается, обладаніе страною, гарантирующей крупныя торговыя и военныя преимущества, развило у столь привилегированной народности безпечность и любовь къ роскоши. Эдуи, область которыхъ простиралась до береговъ Соны, хотѣли монополизировать торговое движеніе по этой рѣкѣ и тре-

Храмъ Януса въ Отёнѣ.

бовали отъ секвановъ, обитавшихъ по ту сторону рѣки, слишкомъ высокихъ пошлинъ за ввозимую ими соленую свинину [1]). Цезарь вступился въ защиту эдуевъ, какъ «братьевъ своего народа», требуя въ то же время отъ германскихъ племенъ полнаго прекращенія ихъ дальнѣйшаго поступательнаго движенія. Аріовистъ отказался остановиться въ своемъ движеніи, но былъ побѣжденъ, и ему пришлось перейти за Рейнъ.

1) Strabon, livre IV, chap. III, 2.

Затѣмъ, въ теченіе слѣдующихъ 70 лѣтъ, въ нѣсколько пріемовъ, римскіе полководцы—сперва Цезарь, затѣмъ Друзъ, Тиверій и Германикъ—предпринимали походы на противоположный берегъ Рейна; римскіе легіоны имѣли даже возможность выкупаться въ Эльбѣ. Побѣдители-римляне не имѣли, однако, времени для того, чтобы использовать свои побѣды: варвары заставили ихъ уважать свою независимость къ сѣверу отъ Майна. Съ другой стороны, римляне упрочили свое могущество между Дунаемъ и Рейномъ и заняли правый берегъ послѣдней рѣки вплоть до мѣстности, лежащей противъ устья Мозеля. Такимъ образомъ, германское вторженіе было отсрочено на нѣсколько вѣковъ, на все время господства римлянъ.

Завладѣвъ центральной частью Галліи, римскіе легіоны побѣдоносно прошли по различнымъ мѣстностямъ страны,—они достигли даже устья Луары, находившагося въ странѣ намнетовъ (Нантъ) и венетовъ (Ваннъ). Тамъ они попытались соорудить флотъ, вступивъ впервые въ соприкосновеніе съ атлантическими водами; они сражались на границахъ Мрачнаго моря (Mare Tenebrosum), какъ предполагаютъ [1]), у сліянія рѣкъ Ваннъ и Орэ (Auray), и, съ другой стороны, доходили до предѣловъ бельговъ и нервовъ, до обширныхъ лѣсовъ и болотъ сѣвера. Галлія казалась столь прочно завоеванной, что Цезарь не боялся перенести войну на острова Британіи, лежащіе за проливомъ. Возвращаясь изъ этой страны, относительно которой не было даже извѣстно, островъ ли это, или «другой міръ», онъ отправился пожинать лавры въ Илливіи и оспаривать раздѣлъ міра у своихъ соперниковъ Красса и Помпея въ Италіи.

Однако, сотня различныхъ народностей, заключенныхъ между Пиренеями и Рейномъ, переносили отнюдь не съ покорностью свои пораженія и дрожали отъ злобы и негодованія. Бо́льшая часть образовала союзъ, направленный противъ чужеземцевъ. Даже эдуи приняли участіе въ этомъ заговорѣ, и Цезарю грозила потеря водораздѣла между обоими морями, который служилъ ключомъ ко всей Галліи. Перипетіи этой борьбы изобилуютъ классическими сценами кровавыхъ ужасовъ войны: уничтоженіе самими жителями цѣлыхъ селеній, неспособныхъ къ защитѣ, методическое вырѣзываніе цѣлаго обезоруженнаго народа эбуроновъ, все взрослое населеніе которыхъ пало на поляхъ сраженія, партизанская война враговъ, не желающихъ покоряться,—всѣ эти примѣры жестокой, непримиримой борьбы не имѣютъ себѣ равныхъ во время войнъ послѣдующихъ вѣковъ. Храбрость и мужество противниковъ не могли, однако, противостоять знанію военнаго искусства и настойчивости римлянъ. Послѣдніе одержали окончательную побѣду, и какъ-разъ

1) Amiral Réveillère.

вблизи водораздѣла, на склонахъ горы Оксуа, было дано рѣшительное

№ 200. Часть водораздѣла Роны и Сены.

1 : 1000000

0 25 50 75 КИЛОМ.

Города, нанесенные на карту, существовали уже въ эпоху римскаго владычества. Современный Дижонъ назывался Дивiо, Отенъ — Августодунумъ, Шалонъ-сюръ-Сонъ — Кабиллонумъ (центръ торговли эдуевъ), Арнэ-ле-Дюкъ — Арнакумъ, Солье — Сидилокумъ, Понту — Понтона или Понсъ-Дубисъ, Тиль-де-Шатель въ 4 килом. къ востоку отъ Исъ-сюръ-Тилль—Тилена.

На горѣ Беврэ производились до сихъ поръ лишь очень поверхностныя раскопки, и, тѣмъ не менѣе, были найдены развалины города Бибракты, который занималъ 135 гектаровъ поверхности. Городъ этотъ оставался, повидимому, ненаселеннымъ съ начала христiанской эры. На склонахъ горы Оксуа находится деревня Алисъ-Сентъ-Ренъ, замѣняющая, повидимому, древнюю Алезiю.

сраженiе. Въ этомъ пунктѣ, отмѣченномъ самою природою, галлы сдѣ-

Римская писцина въ Батѣ, Англія [1]).

лали послѣднюю попытку отстоять свою независимость. Послѣ пораженія Галлія стала частью римской имперіи, и въ то же время центръ равновѣсія имперіи перемѣстился кнаружи; это былъ одновременно и значительный шагъ впередъ, въ смыслѣ увеличенія могущества Рима, и значительная для него опасность.

Быстрыя завоеванія римлянами странъ, населенныхъ варварами, объясняются тѣмъ, что римскіе легіоны представляли собою значительную силу при столкновеніи съ мелкими, несвязанными государствами, раздираемыми внутренними смутами и междоусобіями и лишенными иниціативы, вслѣдствіе большого участія въ управленіи жрецовъ, волхвовъ и друидовъ, которыхъ приходилось спрашивать при всякомъ серьезномъ дѣлѣ. Даже племена, которыя не разъединялись различіями происхожденія, говорили на одномъ языкѣ и вступали между собою при случаѣ въ союзы, легко мѣняли свои убѣжденія, когда видѣли, что перемѣна политики влечетъ за собою тѣ или другія дѣйствительныя или кажущіяся преимущества. Такъ, будучи на краю гибели, послѣ потери своихъ старинныхъ союзниковъ эдуевъ, Цезарь помирился со своими давнишними врагами секванами.

1) Сообщено Monde Moderne (издатель Juven).

Римскій мостъ въ Алькантарѣ (Испанія).

Очевидное превосходство римлянъ въ смыслѣ ихъ цивилизаціи очаровывало покоренныя ими народности и давало имъ общіе съ римлянами культурные идеалы. Такимъ образомъ, послѣ завоеванія римлянами Галліи между этой страной и Римомъ создалась національная общность, не существовавшая ранѣе. Языкъ побѣдителей былъ въ то же время языкомъ, на которомъ наиболѣе точно были формулированы законы, существовала уже богатая литература, и имѣлось высокое ораторское искусство, выработавшееся на форумахъ Рима. Этимъ языкомъ стали пользоваться тѣ изъ варварскихъ племенъ, которыя лишь съ трудомъ понимали другъ друга, и, такимъ образомъ, языкъ римлянъ сдѣлался вскорѣ языкомъ всѣхъ образованныхъ испанцевъ, всѣхъ галловъ, всѣхъ бретонцевъ, и, мало-по-малу, нарѣчіе побѣдителей стало проникать и въ побѣжденныя народныя массы. Какъ ни угнетены были народы, они не могли и думать объ оказаніи сопротивленія могущественному Риму,—тѣмъ не менѣе, въ эпоху раздоровъ въ имперіи они принимали дѣятельное участіе въ мятежахъ и возмущеніяхъ.

Римская имперія была настолько обширна, что, начиная со времени Цезаря, въ ней стала проявляться тенденція къ раздѣленію на двѣ половины—восточную и западную. Послѣ окончательнаго разрыва между Цезаремъ и Помпеемъ, этотъ послѣдній отправился сперва въ Эпиръ,

затѣмъ въ Өессалію; послѣ убійства Цезаря римскій міръ фактически былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ раздѣленъ между обоими наслѣдниками Цезаря: Октавіемъ и Антоніемъ. Октавій управлялъ въ Римѣ и, какъ властитель Запада, употребилъ первые годы своего царствованія для укрѣпленія римскаго могущества въ Испаніи, Галліи, въ ближайшихъ областяхъ Германіи и въ Илліріи; онъ очистилъ море отъ пиратовъ и постепенно приготовлялся къ тому, чтобы освободиться отъ своего соперника, властителя Востока. Антоній, избравшій своей резиденціей Александрію, вблизи божественной Клеопатры, былъ окруженъ цѣлымъ сонмомъ подвластныхъ ему царей, и могущество его простиралось даже за предѣлы Вавилона, въ страну пареянъ. Наконецъ, черезъ 13 лѣтъ послѣ смерти Цезаря, произошло неизбѣжное столкновеніе; двѣ огромныя флотиліи, двѣ колоссальныя арміи стояли одна противъ другой. Антоній, властитель Востока, позаимствовалъ, однако, повидимому, у своихъ подданныхъ свойственный имъ фатализмъ, вызванный ихъ постоянными пораженіями, — располагая всѣмъ, что было необходимо для одержанія побѣды, онъ далъ одержать надъ собою верхъ своему противнику и, въ концѣ концовъ, убилъ себя. Римская имперія послѣ продолжительнаго распаденія снова возстановилась, и на этотъ разъ связь была настолько прочной, что имперія сдерживалась въ качествѣ единаго цѣлаго еще въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Съ какимъ восторгомъ надѣли на себя цѣпи рабства римскія народныя массы, когда послѣ битвы при Акціумѣ Октавій сдѣлался властителемъ міра, объ этомъ свидѣтельствуютъ стихи Виргилія. Постоянные наборы, внѣшнія и внутреннія войны, совершенно разорили Италію и всѣ средиземноморскія области, такъ что всюду ощущалось страстное желаніе мира, чрезвычайная потребность въ отдыхѣ,—получить порядокъ и спокойствіе любою цѣною, хотя бы цѣною подчиненія деспоту, таково было общее желаніе всего населенія! Всеобщее преклоненіе проявлялось уже въ тѣ времена, когда Цезарь, не принимая титула царя, провозгласилъ себя превыше всѣхъ прочихъ людей и указалъ даже на свое божественное происхожденіе. «Домъ нашъ соединяетъ въ себѣ священныя черты могущественнѣйшихъ царей и святость боговъ, которые держатъ самихъ царей въ повиновеніи»,—говорилъ онъ 32 лѣтъ отъ роду, еще въ самомъ началѣ своей политической карьеры, до того, какъ три милліона труповъ, павшихъ за его двадцатилѣтнія войны, возвеличили еще болѣе его славу [1])! Октавій идетъ еще далѣе. Онъ измѣняетъ свое собственное имя, дѣлаясь «Августомъ», какъ боги; онъ

---

1) A. Lefèvre. «Histoire».—Vacher de Lapouge. «Les Sélections sociales».

Театръ Герода Аттика въ Аѳинахъ.

беретъ въ свои руки всю власть, какъ свойственную высшимъ сословіямъ, такъ и власть народную, дѣлается главнымъ начальникомъ военныхъ силъ и верховнымъ жрецомъ; онъ соединяетъ въ своей персонѣ какъ любовь и преданность своихъ собственныхъ подданныхъ, такъ и преклоненіе тѣхъ народовъ, которые не покорены еще и живутъ далеко за предѣлами имперіи,—такъ, парѳяне посылаютъ ему военную добычу, которую они въ предыдущей войнѣ взяли у римлянъ, побѣдивъ Красса. Поэтъ Виргилій создаетъ въ честь новаго властителя свою «Энеиду», признаетъ Августа новымъ божествомъ и отводитъ ему мѣсто среди созвѣздій неба, между Эригоной и Скорпіономъ, котораго она преслѣдуетъ [1]).

Во многихъ отношеніяхъ превращеніе республики въ имперію было для римскаго государства скорѣе усовершенствованіемъ, чѣмъ революціей. Одержавъ побѣду надъ аристократіей, Цезарь и затѣмъ Августъ представляли въ своей божественной персонѣ тріумфъ демократіи. Народные трибуны, которые до того времени выступали въ

1) Virgile. «Géorgiques», livre I, 33.

защиту народа противъ патриціевъ, воплотились теперь въ лицѣ императора; къ нему должны были обращаться всѣ требованія, и толпѣ его подданныхъ оставалось лишь восхвалять его великодушіе и щедрость, когда по его повелѣнію распредѣлялись даромъ громадные запасы съѣстныхъ припасовъ, и когда устраивались блестящія празднества и тріумфальныя шествія. Тѣмъ не менѣе, Августу, какъ ни былъ онъ увѣренъ въ полномъ подчиненіи ему народныхъ массъ, приходилось имѣть въ виду постоянную опасность, проистекающую отъ избытка интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ, не исчезнувшихъ еще среди людей, которые въ теченіе долгихъ поколѣній жили при условіяхъ республиканскаго правленія; ему необходимо было, во что бы то ни стало, либо привлечь на свою сторону, либо устранить всѣхъ людей, у которыхъ сохранились еще благородство, ненависть къ тиранніи, самостоятельность въ поступкахъ. По всей имперіи стали свирѣпствовать проскрипція и казни, но затѣмъ послѣ такихъ насилій императоръ сталъ пытаться дѣйствовать коварствомъ и хитростью и проявилъ въ этомъ отношеніи большія способности.

Прежде всего онъ удалилъ изъ Рима самыхъ лучшихъ людей, отправивъ ихъ защищать границы имперіи, затѣмъ въ самомъ Римѣ онъ создалъ множество совершенно излишнихъ и ненужныхъ должностей, огромное количество настоящихъ синекуръ, къ которымъ пристроился цѣлый сонмъ чиновниковъ. Были созданы придворные поэты, проповѣдники нравственности, чиновники, приставленные наблюдать за добродѣтелью, и, наконецъ, великое множество жрецовъ. Августъ явился и возстановителемъ религіи, онъ тщательно воскрешалъ оставленные уже и забытые обряды и религіозныя церемоніи,—съ этого времени авгуры, проникнутые сознаніемъ важности своихъ функцій, «не могли смотрѣть другъ на друга безъ смѣха». Впрочемъ, между всѣми обрядами подданные должны были предаваться съ особымъ благоговѣніемъ и съ особой ревностью культу самого императора, величайшаго божества на землѣ, сопричисляемаго къ сонму великихъ небесныхъ боговъ. Подобно тому какъ фанатики-христіане посвящали себя всецѣло «святому сердцу» («sacré coeur») Іисуса или «святому сердцу» Приснодѣвы Маріи, такъ вѣрноподданные императора, охваченные раболѣпствомъ, посвящали себя вполнѣ служенію божественному всемірному владыкѣ.

Въ каждой семьѣ Пенаты императора стали занимать мѣсто болѣе почетное, чѣмъ домашніе Лары. Такимъ образомъ, божественная личность императора встрѣчалась всюду въ поляхъ, въ храмахъ, на площадяхъ и въ каждомъ жилищѣ огромной имперіи [1]).

---

1) André Lefèvre. «L'Histoire», p. 251.

Концентрація власти въ рукахъ одного лица должна была имѣть также своимъ результатомъ измѣненіе устройства военныхъ силъ. Въ теченіе всего существованія римской республики армія постоянно являлась какъ бы самою націею,—она слагалась изъ массы способныхъ носить оружіе гражданъ, созывавшихся во время войны и распускавшихся въ

№ 201. Провинціи римской имперіи.

1 : 40 000 000

0 500 1000 1500 2000 2500 килом.

1. Мысъ Акціумъ, мѣсто морского сраженія, въ которомъ Октавій разбилъ Антонія въ 722 г. съ основ. Рима (31 г. до Р. Хр.). Меридіанъ Акціума представлялъ собою почти точную границу областей, управляемыхъ обоими союзниками.

2. Тевтобургскій лѣсъ, гдѣ херуски, подъ начальствомъ Арминія, разбили три римскихъ легіона, находившихся подъ начальствомъ Вара (въ 762 г. съ основ. Рима, въ 9 г. по Р Хр.).

3. Карры, гдѣ римляне были разбиты пареянами, и палъ консулъ Крассъ (въ 700 г. съ основ. Рима, 53 г. до Р. Хр.).

Провинціи, заштрихованныя на картѣ, управлялись римскимъ сенатомъ; другія зависѣли непосредственно отъ императора; Египетъ былъ его частною собственностью.

мирное время. До царствованія Августа не существовало ни постоянной арміи, ни солдатъ по профессіи; не было даже военачальниковъ, которые сохраняли бы это свое званіе и по окончаніи войны, хотя, впрочемъ, послѣ Сципіона, Марія и Силлы въ этомъ отношеніи замѣчалось постепенное измѣненіе. Диктаторъ являлся таковымъ лишь въ теченіе критическаго періода,—какъ только проходила опасность, онъ принимался за свое прежнее дѣло, увѣнчанный славой или покрытый позоромъ. Предводители войскъ, правда, избирались постоянно среди аристократовъ по рожденію, но низшія должности по командованію арміей получались

тѣми, кто выдѣлялся среди своихъ товарищей храбростью, настойчивостью, административными способностями, или же имѣлъ отличія, полученныя во время прежнихъ войнъ [1]).

Физическое здоровье и сила были главнѣйшимъ условіемъ способности защищать государство и потому сдѣлались и непремѣннымъ условіемъ для полученія права голоса въ управленіи страной; въ римскомъ государствѣ правомъ голоса обладали одни воины, такъ какъ только они защищали страну и другихъ гражданъ. Въ этомъ отношеніи римская точка зрѣнія была совершенно противоположна той, которой придерживаются Франція и другія современныя «демократическія» государства: въ нихъ военное сословіе преднамѣренно выдѣляется изъ общей массы гражданъ и не допускается къ выборамъ изъ страха, что оно приметъ участіе въ политической борьбѣ и встанетъ на сторону той или другой партіи, революціонной или монархической. Такимъ образомъ, въ современной Европѣ солдаты не голосуютъ вовсе, тогда какъ въ древнемъ Римѣ граждане голосовали до тѣхъ поръ, пока обладали способностью носить оружіе, т.-е. до 60-тилѣтняго возраста. Чтобы дойти до мѣста голосованія, голосующимъ приходилось идти одинъ за другимъ по узкимъ проходамъ, такъ что легко было разсмотрѣть каждаго изъ идущихъ; если являлся старикъ старше положеннаго возраста, его спускали съ высокаго коридора, называвшагося pons, pontis, откуда и взялось выраженіе «depontani», обозначающее гражданъ, которые не пользуются уже общегражданскими правами. Безъ сомнѣнія, это подражаніе бросанію въ воду является пережиткомъ тѣхъ временъ, когда народы, ведшіе еще кочевой образъ жизни, на самомъ дѣлѣ отдѣлывались отъ мѣшавшихъ имъ при передвиженіи стариковъ, умерщвляя ихъ подобнымъ способомъ [2]).

Измѣненіе образа правленія въ римскомъ государствѣ, именно превращеніе республики въ имперію, повлекло за собою созданіе постоянной арміи, являющейся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ повелителя,—орудіемъ, которое въ скоромъ времени сдѣлалось само распредѣлителемъ власти! Римскіе легіоны, созывавшіеся прежде на періодъ времени различной продолжительности, были сдѣланы постоянными. Въ силу того измѣнился и самый духъ войска: забота о чести римскихъ орловъ замѣнила собою въ представленіи солдатъ вѣрность націи и преданность государству; культъ императора, изображеніе коего находилось на знаменахъ, пріобрѣлъ религіозный характеръ, и единственнымъ честолюбивымъ стремленіемъ военнаго сословія, сдѣлавшагося съ этого

1) Gaston Boissier. Revue de Cours et Conférences, 1897, 1898.—2) R. von Ihering. «Les Indo-Européens avant l'Histoire», p. 402.

Римъ. Термы Галліена.

времени чуждымъ всему гражданскому міру, стало стремленіе къ возвышенію въ воинскихъ должностяхъ.

Произошло и другое измѣненіе, чрезвычайно важное по своимъ послѣдствіямъ,—оно обусловливалось чрезвычайной обширностью имперіи. Отдѣльныя войсковыя части должны были располагаться вблизи тѣхъ границъ, которымъ угрожала опасность, и должны были прочно устраиваться тамъ: они жили въ вооруженныхъ лагеряхъ, рядомъ съ которыми возникали городки, состоящіе изъ трактировъ и лавокъ и находящіеся въ полной зависимости отъ легіоновъ,—нерѣдко они носили ихъ наименованіе. Силою вещей эти городки дѣлались, мало-по-малу, настоящими военными городами, изъ коихъ исходила вся политическая иниціатива провинціи, всецѣло подчиненной постоянно интересамъ мѣстныхъ войскъ. Тѣ же самыя причины, которыя заставили императоровъ помѣщать войска на границахъ, принудили ихъ также и набирать солдатъ путемъ простого приглашенія въ войска,—такимъ образомъ, всѣ люди, желавшіе сдѣлать войну своимъ ремесломъ, получали доступъ въ легіоны. Солдаты вступали въ бракъ въ той же странѣ, гдѣ стояли, говорили на мѣстномъ нарѣчіи, и, такимъ образомъ, римскія войска сдѣлались совершенно отличными отъ того, чѣмъ были прежніе римскіе легіоны; ставъ сами полуварвар-

скими, они безсознательно подготовляли будущее вторженіе варваровъ. Общественныя дѣла сдѣлались для нихъ совершенно безразличными, они заботились лишь о славѣ той части арміи, къ которой принадлежали, и лишь въ ея интересахъ совершались всѣ военныя революціи. «Надо только удивляться, говоритъ Гастонъ Буассье [1]), что римская армія въ общемъ еще такъ мало пользовалась своею силою». Надъ римскимъ войскомъ носилась все же еще величественная тѣнь Рима!

Шлемъ гладіатора.

Въ царствованіе Августа, когда начался долгій періодъ «римскаго мира», случилось несчастье, имѣвшее пророческое значеніе и указывавшее на то, что ожидаетъ въ будущемъ имперію. Римскіе легіоны забрались далеко за предѣлы Рейна въ лѣсныя области, населенныя херусками, были тамъ окружены врагами и вырѣзаны до послѣдняго человѣка. Это предупрежденіе было совершенно правильно понято императоромъ: будучи вполнѣ доволенъ тѣмъ, чѣмъ онъ располагалъ, Августъ не стремился болѣе къ расширенію имперіи за счетъ гиперборейскихъ странъ, которыя въ глазахъ цивилизованныхъ римлянъ даже не считались принадлежащими къ настоящему міру. Являясь игрокомъ, которому судьба благопріятствовала, онъ отнюдь не желалъ снова рисковать, какъ во времена своей молодости, и боялся утратить и тѣ колоссальныя владѣнія, которыя уже

1) Revue des Cours et Conférences, 17 mars 1898.

находились у него въ рукахъ. Онъ могъ, такимъ образомъ, отсрочить неизбѣжную участь, не могъ ее, однако, совершенно отклонить! Безмолвіе гражданъ, потеря ими иниціативы, перенесеніе всѣхъ собственныхъ прерогативъ на постоянную армію—должны были въ будущемъ лишить ихъ самой возможности защищать государство; они уже заранѣе были связаны по рукамъ и по ногамъ и должны были пасть подъ ударами новыхъ народовъ-завоевателей. Отъ поколѣнія къ поколѣнію умственное развитіе сокращалось, притуплялся вкусъ, застывала духовная жизнь, и въ то время, какъ внѣшніе варвары дѣлали шагъ по направленію къ Риму, развивающійся внутренній варваризмъ дѣлалъ навстрѣчу имъ цѣлыхъ два шага!

Шлемъ, имѣющій форму фригійскаго колпака, найденный въ Геркуланумѣ.

Пророки грядущаго бѣдствія должны были быть, однако, въ эту эпоху далеко не многочисленными. Имперія была столь обширна, границы ея были такъ далеки, что, казалось, сливались съ границами міра. Римъ побѣдоносно выдержалъ столько опасностей, столько чудесъ предсказывало его дальнѣйшую славу, что невольно слава эта казалась нерушимой навѣки. Нисколько не удивительно, что всѣ почти цивилизованные народы современнаго міра приняли царствованіе Августа за начало своей хронологіи. Правда, начало этой эры, называемой «христіанской», считалось позднѣе совпадающимъ съ воплощеніемъ или рождествомъ Іисуса Христа. Когда такое лѣтосчисленіе было впервые предложено монахомъ Денисомъ Малымъ около 14 вѣковъ тому назадъ, именно въ 1278 г. отъ основанія Рима или въ 525 г.

по новому счету, то правовѣрные католики приняли ее исключительно изъ религіознаго чувства. Благодаря тому же религіозному чувству лѣтосчисленіе это замѣнило собою въ оффиціальныхъ, политическихъ и административныхъ документахъ, равно какъ и въ обыденной жизни, эры, которыми пользовались ранѣе,—эру Селевкидовъ, Юліанскую и Діоклетіанову. На самомъ дѣлѣ никакихъ историческихъ документовъ о жизни Іисуса Христа не сохранилось; изобрѣтатель новой эры могъ установить ее, и то съ вѣроятною ошибкою въ нѣсколько лѣтъ, лишь при помощи опорныхъ пунктовъ, даваемыхъ современной исторіей,—пунктовъ, относящихся къ жизни Августа и Тиверія,—элементы для новаго лѣтосчисленія приходилось искать въ лѣтописяхъ римской имперіи! На самомъ дѣлѣ христіанская эра не что иное, какъ эра «Августовская», совершенно такъ же, какъ прежніе мѣсяцы quintilis и sextilis сдѣлались «Іюлемъ» и «Августомъ». Лѣтосчисленіе, примѣнявшееся еще въ XIV вѣкѣ въ Испаніи, относилось вполнѣ очевиднымъ образомъ къ Августу, такъ какъ исходнымъ пунктомъ его было присоединеніе всего Иберійскаго полуострова къ Римской имперіи.

Римскіе императоры достигли недосягаемой высоты, на которую возвело ихъ людское безразсудство, военное соперничество и исканіе такого соціальнаго равновѣсія, которое въ дѣйствительности не можетъ быть найдено; они сдѣлались богами на землѣ и, въ силу этого, не могли избѣжать безумія. Власть ихъ была безгранична во всѣхъ направленіяхъ,—это была одновременно власть главнокомандующаго арміей, безапелляціоннаго судьи, высшаго жреца и, наконецъ, народнаго трибуна, предъявляющаго къ высшему сословію требованія низшихъ слоевъ общества. Богатства ихъ были неизмѣримы, такъ какъ императоры располагали податями и налогами всей Италіи, всѣхъ римскихъ провинцій и всѣхъ побѣжденныхъ народностей. Они владѣли, кромѣ того, всѣмъ Египтомъ на правахъ частной собственности; безграничныя поля хлѣбовъ и другихъ культурныхъ растеній, орошаемыя Ниломъ, доставляли доходы въ ихъ личную казну,—они видѣли въ этомъ свою собственную регалію, и ни одинъ сенаторъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ ихъ дѣла безъ ихъ разрѣшенія [1]). Простой декретъ или даже словесное выраженіе желанія были достаточны для того, чтобы привлечь въ нимъ цѣлыя рѣки золота,—чтобы добыть богатство, накопленное какимъ-нибудь проконсуломъ или просто ростовщикомъ, имъ стоило только приговорить его къ смерти. Всѣ ихъ желанія привѣтствовались со стороны окружающихъ одобрительными, полными энтузіазма криками,—такъ какъ униженіе передъ повелителями обыкновенно не имѣетъ границъ. «Насколько эти

1) J. Grafton Milne. «History of Egypt under Roman Rule».

Римъ. Храмъ Весты.

люди созданы для рабства»!—воскликнулъ однажды самъ Тиверій, выходя изъ сената. Всегда находится достаточно людей, раболѣпныхъ до крайности, и нерѣдко бываютъ не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя общественныя группы, которыя съ радостью пріемлютъ смерть за своего повелителя, независимо отъ того, добръ онъ, или жестокъ, Сципіонъ онъ, или Тиверій! Принося свою жизнь въ жертву деспоту, человѣкъ какъ бы самъ поднимается нѣсколько до него и, умирая, надѣется быть озареннымъ лучемъ его славы! Сколько вѣрныхъ подданныхъ считаютъ честью и счастіемъ походить физически на своего господина, хотя бы даже со стороны однихъ его недостатковъ!

Преступленія и безумныя выходки римскихъ императоровъ тѣмъ легче дѣлались всѣмъ извѣстны и тѣмъ болѣе клеймились, что Цезари были естественными врагами аристократіи, т.-е. именно того класса, въ которомъ могли появиться для нихъ соперники и враги. Они сильно опасались древнихъ аристократическихъ родовъ, равнаго съ ними по благородству происхожденія, такъ какъ члены этихъ родовъ занимали нѣкогда одинаковыя должности, оказывали одинаковыя услуги отечеству и блистали такою же славою, какъ ихъ собственные предки. Императоры не довѣряли льстецамъ, среди которыхъ они чуяли завистниковъ,

ожидающихъ лишь благопріятнаго момента, чтобы сдѣлаться наслѣдниками ихъ трона. Въ силу этого жертвами своей жестокости они избирали именно представителей древней республики; въ свою очередь, ихъ проскрипціи или даже простыя убійства дѣлали ихъ все болѣе и болѣе предметомъ ненависти и мести со стороны преслѣдуемой ими аристократіи. Но, нанося удары представителямъ высшаго сословія, они тѣмъ самымъ были принуждены опираться на сословія низшія, и именно по этой причинѣ, а отнюдь не потому, чтобы они приняли на себя добровольно роль народныхъ трибуновъ, стали они заботиться самымъ серьезнымъ образомъ объ уничтоженіи классового неравенства. Калигула и Неронъ сдѣлались поневолѣ друзьями народа, такъ какъ они были врагами сената,—всѣ ихъ симпатіи склонялись къ толпѣ, которая встрѣчала ихъ восторженными криками, потому что они въ изобиліи доставляли ей даровой хлѣбъ и устраивали роскошныя зрѣлища. Они ненавидѣли войны, благодаря которымъ многіе знаменитые роды были увѣнчаны славою: они не хотѣли вовсе признавать высшихъ сословій и мечтали даже, хотя и совершенно безъ всякой системы, лишь основываясь на своемъ желаніи и на своемъ капризѣ, мечтали о томъ, чтобы уничтожить вовсе паразитическіе промежуточные слои общества, живущіе за счетъ народа. Благодаря этому, Неронъ долгое время пользовался большою популярностью,—народъ его любилъ, такъ какъ и на самомъ дѣлѣ онъ желалъ снискать любовь бѣдныхъ и низшихъ слоевъ общества.

Несмотря на всю свою божественность, римскіе императоры все же были люди и находились постоянно въ полной зависимости отъ своихъ войскъ. Первый послѣ Августа императоръ, Тиверій, получилъ власть законнымъ порядкомъ, безъ вмѣшательства арміи; послѣ же его смерти войска становятся господами положенія и навязываютъ новыхъ повелителей какъ сенату, такъ и всему міру. До Нерона они не рѣшаются еще выбирать императоровъ иначе, какъ въ предѣлахъ семьи Августа, но затѣмъ, ободряемые успѣхомъ, преторіанцы, положительно, начинаютъ торговать имперіей,—власть получаетъ тотъ, кто имъ больше предложитъ; въ концѣ концовъ, появились такіе императоры, какъ Веспасіанъ, которые никоимъ образомъ не могли уже хвалиться, подобно Цезарю и Августу, своимъ происхожденіемъ отъ боговъ. Къ счастью для себя и для спокойствія всего міра, Веспасіанъ оказался человѣкомъ чрезвычайно благоразумнымъ, осторожнымъ и экономнымъ и не далъ ослѣпить себя неожиданно выпавшему на его долю счастью. «Это—говоритъ Андрэ Лефевръ—былъ первый римскій императоръ, сохранившій полное благоразуміе до самой своей смерти. Будучи самъ солдатомъ, онъ умѣлъ привести солдатъ къ послушанію и даже пріучилъ ихъ къ продолжительному миру, во время котораго храмъ Януса оставался запертымъ».

Римъ. Видъ на Колизей.

Впрочемъ, Веспасіанъ и сынъ его Титъ одержали все же большую побѣду, но не за предѣлами имперіи, а въ одной изъ частей ея, которая съ давнихъ поръ находилась уже подъ властью римлянъ. Еврейскій народъ, который тысячи лѣтъ тому назадъ, подобно всѣмъ окружающимъ народностямъ, обоготворялъ силы природы и подобно имъ же поклонялся еще особому божеству, являвшемуся олицетвореніемъ самого народа, придалъ, въ концѣ концовъ, своей религіи совершенно исключительный характеръ: цѣлый рядъ несчастій, обрушившихся на евреевъ,—постоянныя пораженія, массовыя изгнанія, переселенія и всевозможныя угнетенія лишили ихъ, такъ сказать, корней, которыми они были привязаны къ почвѣ. Они совершенно перестали интересоваться земными дѣлами, которыя имъ не удавались, и, сгруппировавшись вокругъ своихъ священниковъ, предавались все болѣе и болѣе экзальтаціи, все сильнѣе и сильнѣе надѣялись на жизнь будущую, вѣруя въ обѣщанія Іаве, Единаго Бога, Вѣчнаго Вседержителя. Подобно всѣмъ другимъ народностямъ, евреямъ пришлось также приспособиться къ римскому игу, пришлось идти тернистой стезей. Вѣра въ иной міръ и слѣпая увѣренность въ справедливость ихъ предвзятой идеи заставляли ихъ, однако, надѣяться на чудо, не считаться съ дѣйствительностью. Они предпочитали скорѣе умереть, чѣмъ раздѣлять свое поклоненіе между истиннымъ Богомъ и орлами и статуями римлянъ! Исторія ихъ возстанія противъ римскаго владычества показываетъ, на самомъ дѣлѣ, что энергія, съ которой они боролись, была ни съ чѣмъ не сравнима,—настолько охватившее ихъ коллективное безуміе заставляло отрѣшаться отъ условій обыденной жизни!

Конецъ этой драмы былъ ужасенъ. Длинные ряды распятыхъ на крестахъ, воздвигнутыхъ римлянами у стѣнъ города, толпы голодныхъ и опьяненныхъ пѣснопѣніями и молитвами людей, падающія подъ ударами мечей римлянъ, храмъ, купающійся въ крови,—таковы картины, представляемыя намъ лѣтописями войны! Затѣмъ по пыльнымъ дорогамъ потянулись вереницами тысячныя толпы несчастныхъ, которыхъ Титъ потомъ отдавалъ на растерзаніе въ обширномъ амфитеатрѣ Колизея, построенномъ его отцомъ. По свидѣтельству историковъ, взятіе Іерусалима стоило жизни милліону ста тысячамъ людей, и количество евреевъ, взятыхъ въ плѣнъ, достигало 900000 людей, считая только взрослыхъ и сильныхъ мужчинъ, которыхъ можно было превратить въ рабовъ или въ гладіаторовъ. Императоръ Титъ распредѣлилъ ихъ по всѣмъ частямъ имперіи, разослалъ по всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ ощущалась необходимость въ жертвахъ для празднествъ или въ рабочихъ рукахъ для совершенія общественныхъ работъ.

Началась настоящая охота на евреевъ не только въ Палестинѣ, но и въ Сиріи, въ Малой Азіи, въ Египтѣ, въ Киренаикѣ и даже въ Ливіи. Въ Іудеѣ не осталось ни одного еврея, и главнѣйшія общины ихъ

находились съ того времени далеко отъ ихъ отечества [1]). Остатки еврейскаго народа были бы близки къ окончательной гибели, если бы не существовало еврейскихъ колоній во всѣхъ большихъ городахъ по берегамъ восточнаго Средиземнаго моря, въ самомъ Римѣ и въ другихъ городахъ запада.

Разрушеніе Іерусалима, окончательное уничтоженіе еврейскаго народа какъ одного политическаго цѣлаго и совершенное выселеніе евреевъ изъ ихъ отечества явились однимъ изъ наиболѣе трагическихъ фактовъ въ великой драмѣ исторіи человѣчества; событія эти вызвали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и чрезвычайно важныя измѣненія въ интеллектуальномъ и моральномъ развитіи западныхъ народовъ. Разсѣиваясь по всему римскому міру не только въ качествѣ торговцевъ, какъ въ предшествующіе вѣка, но и въ качествѣ проповѣдниковъ и пророковъ, евреи сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовали тому колоссальному перевороту въ умахъ, который повелъ, въ концѣ концовъ, къ полному крушенію имперіи и къ основанію новой религіи. Общія бѣдствія вызвали у всѣхъ изгнанниковъ, связанныхъ между собою религіей, полнѣйшую братскую солидарность. Они проявляли другъ къ другу трогательнѣйшую любовь и готовы были съ энтузіазмомъ жертвовать своею жизнью другъ за друга. Въ то же время взаимная ненависть между враждующими между собою евреями, именно между слѣпыми послѣдователями Моисеева закона и александринцами, склонными къ греческому міросозерцанію, обострилась еще сильнѣе. Благодаря полной мистицизма взаимной любви, съ одной стороны, и благодаря обостренію религіозной распри—съ другой, подготовлялась великая революція въ духовной области, выразившаяся въ возникновеніи христіанской религіи.

Между тѣмъ, новый императоръ Домиціанъ, братъ и наслѣдникъ Тита, былъ охваченъ безуміемъ власти. Все снова приходитъ въ полное разстройство, варвары опять вторгаются въ предѣлы имперіи и заставляютъ даже Римъ платить себѣ дань. Огромный государственный организмъ навѣрное сдѣлался бы жертвою честолюбивыхъ стремленій отдѣльныхъ полководцевъ, командовавшихъ войсками на окраинахъ, если бы Римъ, послѣ умерщвленія Домиціана, не избралъ императоромъ лицо, вполнѣ подходящее для защиты имперіи. Императоръ Траянъ, получивъ власть, не остался въ Римѣ, вдали отъ тѣхъ областей, которымъ угрожала наибольшая опасность,—онъ самъ пошелъ навстрѣчу опасности и, не довѣряя судьбы вѣчнаго города умѣнію полководцевъ, командовавшихъ пограничными арміями, самъ всталъ во главѣ римскихъ войскъ и началъ войну сперва за Дунаемъ, затѣмъ за Евфратомъ.

---

1) Grätz. «Histoire des Juifs», t. II de la trad. franç., p. 395—396.

Особенно угрожающе было положеніе на берегахъ первой рѣки. Въ своихъ верховьяхъ бассейнъ Дуная былъ хорошо защищенъ пограничной стѣной, которая огибала почти пустынные и трудно проходимые хвойные лѣса, между Майномъ и долиной Дуная [1]); южнѣе, однако, этой естественной границы, укрѣпленной фортами, варвары могли свободно переходить черезъ рѣку. Вдоль по теченію Дуная было много слабо защищенныхъ мѣстъ, особенно на югѣ четыреугольника, образуемаго Богеміей,— тамъ могли незамѣтнымъ образомъ скопляться многочисленныя полчища нападающихъ. Виндобона (Вѣна) находилась также на пути, пересѣкающемъ Дунай, по которому легко могли вторгнуться неспокойныя племена сѣвера, пройдя равнинами Моравіи, представляющими собою обширный, совершенно открытый корридоръ.

Римскій мостъ въ Лиддѣ (Луддъ).

Далѣе къ востоку долины Дуная, Дравы и Савы и хребты Иллирійскихъ горъ защищали имперію достаточнымъ образомъ, но нижнее теченіе Дуная, казалось, прямо должно было привлекать къ себѣ воин-

1) Robert Gradmann, Petermann's Mitteilungen, III, 1899.

ственныя племена, указывая имъ путь для набѣговъ,—тамъ находилось наиболѣе уязвимое мѣсто римской имперіи, захватъ коего могъ легко нанести смертельное пораненіе всему государственному организму. Дѣйствительно, огромная дуга нижняго Дуная, послѣ выхода изъ Желѣзныхъ Вратъ, глубоко проникаетъ въ полуостровъ Ѳракіи и Греціи, и народности, обитающія по берегамъ этой рѣки, легко могутъ проникнуть по постепенно поднимающимся къ югу равнинамъ къ тѣмъ горнымъ проходамъ, откуда затѣмъ можно спуститься къ берегамъ Эгейскаго моря. Обширная область эллиптической формы, носящая въ настоящее время названіе Придунайской Румыніи и Болгаріи, является одною изъ странъ Европы, расположенной наиболѣе выгодно въ смыслѣ плодородія мѣстности, обилія орошающихъ страну водъ и, наконецъ, въ смыслѣ удобства путей сообщенія. Эти области древней Дакіи и Мизіи славились среди всѣхъ окрестныхъ народовъ своими природными богатствами и привлекали къ себѣ переселенцевъ, которые появлялись въ особенно большомъ количествѣ послѣ продолжительныхъ засухъ или послѣ крупныхъ переселеній народовъ, вызванныхъ внутренними переворотами или войнами. Какъ-разъ въ царствованіе Домиціана дакійцы вторглись въ превосходныя долины, расположенныя между Карпатами и Дунаемъ, и

Императоръ Неронъ.

вытѣснили изъ нихъ ихъ обитателей въ сосѣднія страны, расположенныя ближе къ Риму; бѣглецы эти направились, внося войну и опустошеніе, на западъ, по долинамъ Савы и Дравы,—въ Италіи предчувствовалась уже возможность ихъ вторженія.

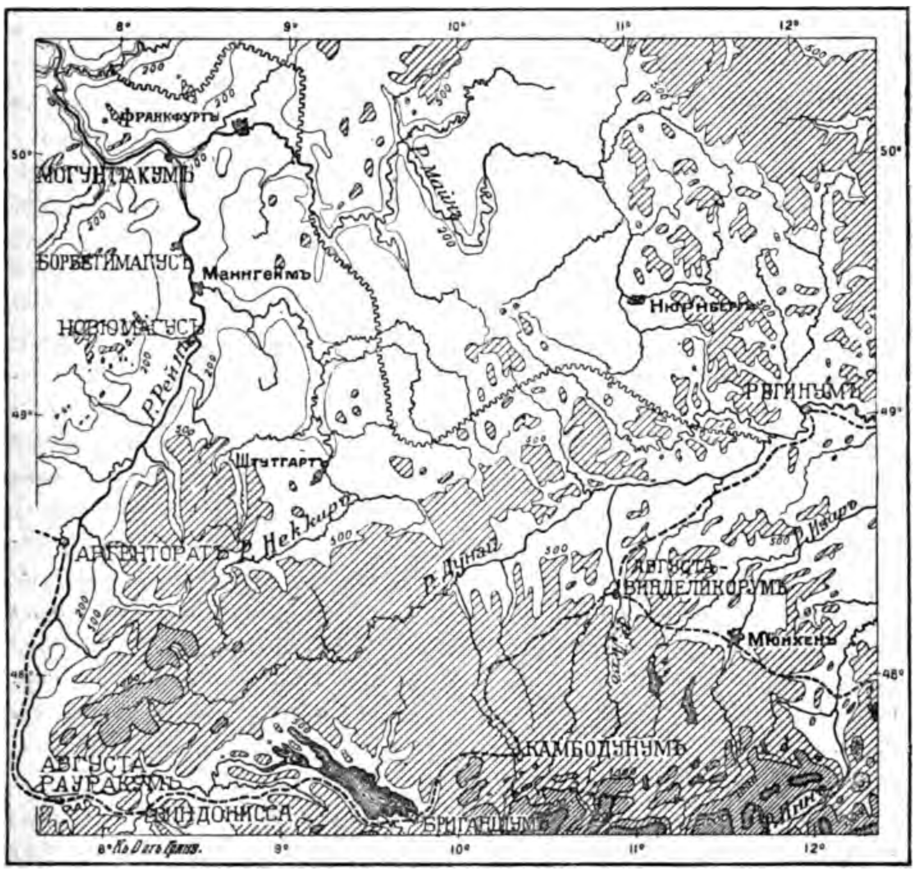
Чтобы спасти имперію, необходимо было, во что бы то ни стало, защитить брешь, прорванную въ сѣверо-западной границѣ. Траянъ взялъ на себя эту задачу и послѣ десятилѣтней борьбы выполнилъ ее настолько успѣшно, что вся Дакія, включая въ нее и внутренній склонъ полукруга Южно-Карпатскихъ горъ, сдѣлалась римской провинціей и даже одной изъ провинцій, наиболѣе тѣсно и прочно привязанныхъ къ имперіи. Дакійцы, бывшіе, по всей вѣроятности, если не настоящими арійцами, то, во всякомъ случаѣ, народностью, сильно подвергшейся арійскому вліянію и говорящей на языкѣ того же происхожденія, какъ и латинскій, легко превратились въ римлянъ,—они стали себя называть таковыми и говорить на латинскомъ языкѣ. Вліяніе римлянъ было здѣсь настолько прочно и глубоко, что позднѣе, несмотря на распаденіе имперіи и несмотря на вторженіе и вліяніе столь многихъ иныхъ народовъ—готовъ, болгаръ, славянъ, византійцевъ и турокъ,—самая основа народности сознательно удержала это римское вліяніе. Сама страна сохранила названіе «Румыніи», языкъ же населенія, освободившись отъ части своихъ славянскихъ элементовъ, приближается и теперь къ языкамъ запада, происходящимъ отъ латинскаго. Вмѣстѣ съ Испаніей и Галліей, Дакія оказалась единственной провинціей, населеніе которой было настолько романизировано, что сохранило языкъ Рима въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. И теперь еще, 18 вѣковъ спустя послѣ царствованія Траяна, потомки дакійцевъ считаютъ началомъ своей исторіи тотъ день, когда этотъ римскій императоръ перешелъ черезъ Дунай, по берегамъ коего можно до сихъ поръ видѣть дороги, прорубленныя имъ въ скалѣ.

Римская имперія достигла наибольшаго могущества и такой политической и военной сплоченности, какой только вообще возможно было достигнуть,—единственнымъ ненадежнымъ мѣстомъ являлась Германія, гдѣ рѣки и лѣса, окаймленные укрѣпленіями, расположенными въ важныхъ стратегическихъ пунктахъ, содержали еще достаточно племенъ, обладающихъ наклонностью къ разбойничьимъ набѣгамъ. Другимъ такимъ же мѣстомъ была страна пареянъ, гдѣ граница римской имперіи на большомъ протяженіи являлась неопредѣленной и измѣнчивой въ зависимости отъ движеній пограничныхъ народностей и отъ превратностей войны. Въ общемъ, весь римскій міръ, почти совпадающій съ тогдашнимъ цивилизованнымъ міромъ, представлялъ собою одно превосходно сплоченное цѣлое, ограниченное либо океаномъ, либо пустынями и

соприкасающееся съ территоріями, населеніе которыхъ вполнѣ справедливо считалось римскими легіонерами чисто-варварскимъ.

На сѣверо-западной оконечности Европы, окутанной вѣчными туманами, римляне не заняли лишь Ирландіи. Они отступили также при

№ 202. Водораздѣлъ Рейна и Дуная.

1 . 3 200 000

0 50 100 150 200 килом.

Августа Винделикорумъ—Аугсбургъ.
Регинумъ, Кастра Регина, Ратисбоннъ—Регенсбургъ.
Аргенторатъ—Страсбургъ.
Новіомагусъ, Колонія Немете, Спире или Шпейеръ.
Августа Рауракумъ—деревня Аугстъ.
Борбетимагусъ Вангіонесъ—Вормсъ.
Могунтіакумъ—Майнцъ.
Виндонисса—деревня Виндишъ.
Бриганціумъ—Брегенцъ.
Камбодунумъ—деревня Кемптенъ.

своемъ захватѣ Великобританіи предъ трудностями, представившимися при завладѣніи страной пиктовъ, сплошь покрытой скалами и изрѣзанной глубокими ущельями. Чтобы захватить эту территорію, не имѣвшую для

нихъ особой цѣнности, римлянамъ пришлось бы занять важнѣйшіе стратегическіе пункты ея и провести съ большими трудностями дороги,—они предпочли возвести въ самой узкой части острова стѣну, которая играла роль какъ бы плотины, защищающей отъ нападеній пиктовъ центральныя и южныя части острова, сдѣлавшіяся впослѣдствіи Англіей въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Съ самаго начала завоеванія острова Агрикола принялся за постройку земляного вала и глубокаго рва, который тянется по южной сторонѣ долины Форса и достигаетъ Клейда,—ясные слѣды этого вала сохранились теперь лишь въ паркахъ лордовъ, гдѣ покрытые дерномъ склоны вала заботливо охраняются. Стѣна эта, однако, какъ говоритъ Антонинъ, была выдвинута слишкомъ далеко къ сѣверу, и потому позднѣе Адріанъ построилъ другую, которая оставляетъ снаружи отъ Британіи римлянъ весь хребетъ Шевіотъ и всю область южной Шотландіи. Эта стѣна тянется отъ Сольвей-Фирсъ до устья р. Тайны, близъ Уолльсэнда (Wallsend—«конецъ стѣны»); она снабжена укрѣпленіями, и вдоль нея тянутся рвы, такъ что все вмѣстѣ взятое представляетъ вполнѣ серьезную линію защиты, тѣмъ болѣе, что, кромѣ искусственныхъ препятствій, имѣлся и двойной естественный ровъ, какой представляли собой на югѣ рѣка Тайна, впадающая въ Нѣмецкое море, и рѣка Ирсингъ, впадающая въ Ирландскій каналъ. Вполнѣ естественно, что сѣвернымъ варварскимъ народностямъ для прорыва оставалось лишь искать пути по водораздѣлу обѣихъ рѣкъ,—такимъ образомъ, они могли попасть въ наименѣе населенную часть полуострова, гдѣ легко было ошеломить противника внезапностью появленія. Въ большинствѣ случаевъ они и прорывались по хребту, близъ Тирльуэлля (Thirlwall), въ 6 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Керворанъ-Хальтвистль; по свидѣтельству нѣкоторыхъ этимологовъ, самое названіе Тирльуэлля объясняется этимъ обстоятельствомъ—первый слогъ его происходитъ отъ англо-саксонскаго слова «thirlian», имѣющаго значеніе «проникать» [1]).

Вся южная окраина имперіи отъ Атлантическаго океана до береговъ Евфрата ограничивалась песчаными и скалистыми пустынями, между которыми единственнымъ прорывомъ была долина Нила; слѣды римскихъ завоевателей приходится находить, однако, и за этими естественными предѣлами населенныхъ странъ.

Римляне проникли въ глубь пустыни,—имъ были извѣстны песчаныя и каменистыя пространства, усѣянныя оазисами, «которые можно сравнить съ темными пятнами на шкурѣ пантеры». Такъ, Кидамъ, со-

---

1) Camden. «Britaunia».—G.-C. Chisholm. Scottish geographical Magazine, sept. 1897, p. 478.

временный Гадамесъ, извѣстный уже грекамъ, такъ какъ Дюверье открылъ тамъ греческія надписи, былъ занятъ римлянами въ царствованіе Авгу-

№ 203. Область низовьевъ Дуная.

1: 10 000000

0 100 300 600 килом.

Между Прутомъ и Чернымъ моремъ на протяже.іи 120 километровъ тянулась «стѣна Траяна», построенная Адріаномъ и сохранившаяся до сихъ поръ.

Многія изъ римскихъ колоній, отмѣченныхъ на картѣ, сдѣлались значительными городами: Виндобона — Вѣна, Сингидунумъ — Бѣлградъ, Наиссусъ – Нишъ, Адріанополь, Филиппополь Византія и др.

ста и оставался, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ въ ихъ власти: еще при Александрѣ Северѣ тамъ находилась часть третьяго легіона Августа, главнѣйшая часть котораго стояла въ

Стѣна Антонина въ Роу-Кэстль, въ 2 километрахъ къ западу отъ Кэмелона.

Ламбессѣ [1]). Повидимому, въ эту эпоху должны были существовать на протяженіи длиннаго пути между этими обоими городами колодцы съ водою, такъ какъ, если бы воды тамъ не было, Кидамъ долженъ бы былъ получать римскій гарнизонъ изъ Триполи. Хорошо извѣстный всѣмъ караванамъ колодезь, носящій названіе Биръ-эръ-Резуфъ-Шерфъ (Берессофъ), расположенный въ пустынѣ на полъ-пути отъ Ламбессы къ Гадамесу, построенъ, повидимому, римлянами; очень вѣроятно, что были и другіе колодцы на югѣ, которые теперь можно было бы отрыть и пользоваться ими снова [2]).

Несмотря то, однако, что римскіе орлы перенеслись въ самые отдаленные оазисы и, какъ говорятъ, даже въ области, сосѣднія съ озеромъ Чадъ (Э. Галлуа), и что римскія монеты съ изображеніями Helena Augusta и Constantius Caesar проникли въ бассейны Конго и Замбези, надо сказать, что въ береговой области оставалось достаточно и такихъ мѣстностей, которыя взять они были не въ силахъ—при ослабленіи могущества въ центрѣ, эти мѣстности явились источникомъ разложенія. Такъ, непреодолимое сопротивленіе встрѣтили они на горѣ Ферра, носящей названіе теперь Джурджура: близъ Гауауа не находится

1) H. Duveyrier. «Les Touaregs du Nord».—2) Cazemajou et Dumas, Bulletin de la Société de Géographie, 2-e trimestre 1896, p. 152.

Бастіонъ стѣны Адріана въ окрестностяхъ Честерса.

ни одной развалины римскаго дома или башни, даже ни одной римской могилы [1]). Выраженіемъ «житница», безспорно, злоупотребляютъ. Безъ сомнѣнія, римская провинція «Африка» была болѣе населена, чѣмъ въ настоящее время, но намъ неизвѣстно, въ какой степени населеніе было болѣе многочисленно; она, конечно, составляла крупное подспорье для пропитанія Рима, заключавшаго въ своихъ стѣнахъ милліонъ или даже нѣсколько болѣе милліона жителей въ эпоху своего наибольшаго развитія. Во всякомъ случаѣ, по изслѣдованіямъ экономистовъ, количество хлѣба, вывозимаго этой провинціей въ Италію, не превышало милліона гектолитровъ, тогда какъ въ настоящее время производительность одного Туниса превосходитъ это количество втрое; за послѣднее же время вывозъ хлѣбовъ достигаетъ такого количества, которое въ прежнія времена вообще ввозилось въ Римъ [2]).

Чтобы гарантировать имперіи цѣлостность и приблизить ея границы къ центру, а также чтобы придать возможно бо̀льшую подвижность войскамъ, римлянамъ необходимо было затрачивать значительную часть государственныхъ доходовъ на постройку и поддержаніе путей сообщенія. Во времена Траяна и его наслѣдника Адріана превосходно

---

1) E. Masqueray. «Formation des Cités chez les Populations sédentaires de l'Algérie», pp. 113—114.—2) E. Levasseur. Bulletin de la Soc. de Géogr. com. de Paris. 1896, fasc. 7 et 8, p. 560.

мощеныя дороги, по которымъ могли свободно передвигаться колесницы и военныя повозки, представляли собою превосходную сѣть, свидѣтельствующую наиболѣе краснорѣчивымъ образомъ о могуществѣ имперіи и о превосходствѣ ея цивилизаціи. Эта сѣть римскихъ дорогъ охватывала весь міръ и простиралась на самомъ дѣлѣ до крайнихъ предѣловъ извѣстныхъ въ тѣ времена странъ. Мощеные пути тянулись отъ одного моря до другого, отъ Брундузіума (Бриндизи) на берегахъ Адріатическаго моря до Бононіи (Булонь) на галльскомъ берегу океана; они продолжались даже чрезъ всю болотистую и лѣсистую Германію, черезъ Эмсъ и Везеръ до Эльбы и въ Батавіи были связаны съ цѣлой системой каналовъ. Въ Британіи римская дорога шла почти по прямой линіи на протяженіи 292 километровъ отъ Линкольна на южномъ берегу черезъ Сиренчестеръ и Басъ,—она отступала отъ прямой линіи, соединяющей обѣ конечныя точки, не болѣе какъ на 10 километровъ: дороги эти были тщательно измѣрены, снабжены военными постами и станціями на правильныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, по нимъ доставлялась почта, и имѣлись почтовыя лошади для проѣзда императора, военачальниковъ и верховныхъ чиновниковъ государства. Большая дорога соединяла противоположные берега морей,—съ одной стороны, она доходила въ Великобританіи до страны каледонцевъ, съ другой—достигала чрезъ Иллирію береговъ Эгейскаго моря и продолжалась въ Малую Азію и въ Сирію. Другой непрерывный путь пересѣкалъ Пиренеи и Юру, Рону и Рейнъ и соединялъ Кадиксъ съ Виндобоной. О прекрасномъ состояніи дорогъ и хорошей организаціи дорожнаго дѣла можно судить по походу Септимія Севера, который доставилъ всю Паннонскую армію съ береговъ Дуная на берега Тибра со всѣмъ ея снаряженіемъ и запасами, двигаясь со скоростью 32 километровъ въ день. Бо́льшая часть римскихъ дорогъ была проведена такъ хорошо, что ими продолжали пользоваться также и въ теченіе среднихъ вѣковъ, несмотря на то что онѣ совершенно не поддерживались; почти всѣ онѣ настолько отвѣчали существеннѣйшимъ экономическимъ нуждамъ страны, что позднѣе пришлось ихъ снова возстановить, проводя по тѣмъ же самымъ мѣстамъ. Насколько значителенъ былъ регрессъ европейскаго міра послѣ паденія римской цивилизаціи, ясно изъ того факта, что римскія дороги въ Испаніи, въ Галліи и въ Англіи вполнѣ удовлетворяли потребностямъ торговли въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, и дополненіе ихъ новыми путями произошло во времена относительно недавнія. Названіе, даваемое большимъ дорогамъ въ германскихъ странахъ и въ Англіи, напоминаетъ еще о работѣ римскихъ строителей: слова Strasse, straat, street произошли отъ «strates», т.-е. «слои» камней, положенные для устройства шоссе. Что касается англійскаго слова «highway» («высокій путь»), то оно произошло, дѣйствительно, отъ того, что дороги дѣлались подни-

мающимися надъ почвой [1]); до сихъ поръ можно видѣть къ юго-западу отъ Ольдъ-Сарумъ (Салисбёрри) шоссе въ 5 метровъ шириною, которое на протяженiи 7 километровъ поднимается надъ окружающею равниною на 2 метра.

Не должно, впрочемъ, забывать, что многiя дороги, приписываемыя

№ 204. Нижняя Шотландiя и стѣны римлянъ.

исключительно римлянамъ, были протоптаны и даже проложены торговыми народами еще болѣе глубокой древности,—такъ, въ особенности въ Германiи извѣстны мощеные пути, существовавшiе еще до прихода римскихъ легiоновъ. Такая чисто-техническая работа по постройкѣ

1) W. Denton. «England in the fifteenth Century», pp. 171—173.

дорогъ сопровождалась и работой теоретической по составленію картъ. Въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій существованія римской имперіи и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ карты, составленныя 17½ вѣковъ тому назадъ Клавдіемъ Птоломеемъ, служили основнымъ источникомъ для всѣхъ, кто желалъ составить себѣ представленіе о формѣ суши и морей. Этотъ знаменитый астрономъ древности сдѣлалъ попытку опредѣлить истинное положеніе мѣстностей на земномъ шарѣ по ихъ координатамъ долготы и широты,—методъ, дѣйствительно, единственный вполнѣ научный, и въ этомъ отношеніи, надо признать, прогрессъ, совершившійся въ географическомъ опредѣленіи точекъ земного шара, неизмѣримо великъ! Точныя наблюденія не были, однако, тогда еще сдѣланы, астрономическія познанія были неполны, и потому карта Птоломея, пожалуй, выиграла бы, если бы была начерчена исключительно на основаніи маршрутовъ путешественниковъ и указаній на направленія путей и на разстоянія между отдѣльными точками [1]).

Тогда какъ дороги объединяли государство въ матеріальномъ смыслѣ, политическое и моральное объединеніе его достигалось тѣмъ, что все бòльшее и бòльшее количество городовъ и провинцій получало права, одинаковыя съ Римомъ. Равенство, мало-по-малу, устанавливалось во всей имперіи. Первоначально въ теченіе періода завоеваній всѣ города и всѣ народности, входившія постепенно въ составъ римскихъ владѣній, даже тѣ изъ нихъ, которые не были завоеваны и лишь получали титулъ союзниковъ, были лишены всѣхъ правъ и всякой самостоятельности; покровительствовавшіе имъ боги оказывались подчиненными «римскому величію»,—еще наканунѣ всесильныя и всемогущія божества завоеванныхъ городовъ утрачивали всю свою власть предъ лицомъ какого-нибудь проконсула или иного чиновника, дѣйствующаго отъ имени Рима. Римскій сенатъ отправлялъ кого-нибудь изъ римскихъ гражданъ завѣдывать городомъ или страною, и послѣдняя попадала всецѣло въ его руки, дѣлалась чуть не его личнымъ достояніемъ,—именно въ такомъ смыслѣ понимали римляне управленіе «провинціей» [2])! Снабженный «imperium'омъ», т.-е. полномочіями, римскій гражданинъ представлялъ въ своей персонѣ всѣ права и привилегіи римской республики, онъ командовалъ военными силами и чинилъ правосудіе согласно со своимъ пониманіемъ; «онъ не имѣлъ дѣла ни съ какими законами—законы провинціи не касались его, такъ какъ самъ онъ былъ римляниномъ, законы римскіе не имѣли силы, такъ какъ онъ судилъ обитателей провинціи»! Онъ самъ былъ для всѣхъ живымъ закономъ, самъ издавалъ

---

1) Vivien de Saint-Martin. «Étude sur la Géographie grecque et latine de l'Inde», pp. 45, 62.—2) Fustel de Coulanges. «La Cité antique», p. 458.

эдикты и сочинялъ законы по своему желанію. Подданные его были чужеземцы; они являлись врагами, по отношенію къ которымъ все было дозволено.

№ 285. Восточная Мавританія.

1 : 7 500 000

0 100 200 300 КИЛОМ.

Сальды	теперь	Бужи,	Гиппорегіусъ	теперь	Бонъ,
Игильгили	»	Джиджели,	Гиппоцаритусъ	»	Визерта,
Ситифисъ	»	Сетифъ,	Гадруметъ	»	Суссъ,
Цирта Ситтіанорумъ	»	Константина	Эа	»	Триполи,
Ламбезе	»	Ламбесса,	Тамугасъ	»	Тимгадъ.

Чтобы сдѣлаться полноправными людьми, чтобы войти въ составъ общества полноправными членами, побѣжденнымъ представлялось лишь одно единственное средство—вступить въ римское гражданство. Такова

была подкладка того явленія, которое постоянно наблюдалось: чиновники, цѣлые классы и слои населенія, даже цѣлые города и народности добиваются полученія этого драгоцѣннаго права, безъ коего человѣку положительно невозможно было существовать. Чтобы добиться его, не останавливались даже передъ продажей самихъ себя въ рабство римскимъ гражданамъ, такъ какъ отпущеніе изъ рабства, совершенное съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ, давало право гражданства [1])!

Римскій театръ въ Тимгадѣ (Алжиръ).

Очевидно, самостоятельная жизнь въ другихъ городахъ, помимо Рима, была осуждена на гибель: вся реальная жизнь притягивалась естественнымъ образомъ къ великому городу, въ ожиданіи того дня, когда по повелѣнію императора Каракаллы всѣ римскіе подданные сдѣлались римскими гражданами. Впрочемъ, еще задолго до Каракаллы этотъ конечный результатъ былъ уже предуказанъ философскими и моральными ученіями, направлявшими умы образованныхъ людей. Римская имперія достигла полнаго единства; единый законъ, единая воля управляли судьбами милліоновъ людей, разсѣянныхъ по всѣмъ странамъ свѣта, отъ устьевъ рѣки Сольвей до пороговъ Нила, отъ марокскихъ

1) Fustel de Coulanges. «La Cité antique», p. 469.

Капитолійскій храмъ въ Туггѣ.

оазисовъ до Мареотиды. Какая феноменальная разница между такимъ представленіемъ о «единомъ и недѣлимомъ государствѣ» и греческимъ идеаломъ, выражавшимся въ полной автономіи независимыхъ центровъ! Аристотель въ своемъ собраніи политическихъ конституцій описалъ государственное устройство по меньшей мѣрѣ 158 (161, 240, 245 и 250

по даннымъ другихъ авторовъ) отдѣльныхъ государствъ, которыя находились на пространствѣ въ 10 разъ меньшемъ, чѣмъ римская имперія [1]).

Ученія Эпикура и Эпиктета пользовались наибольшимъ распространеніемъ среди просвѣщенныхъ римлянъ, которые при режимѣ имперіи были лишены возможности реальной дѣятельности, но, тѣмъ не менѣе, не забыли объ общемъ благѣ. Никогда ни въ одной странѣ высокое ученіе стоиковъ не находило такого большого числа преданныхъ ему мыслителей, и нигдѣ они не имѣли болѣе значительнаго вліянія на направленіе нравственнаго развитія общества. Всѣ сколько-нибудь выдающіеся люди устранялись отъ дѣлъ изъ-за подозрительности властителей, и имъ ничего не оставалось болѣе, какъ замыкаться въ самихъ себя, устраняться отъ общественной дѣятельности, искать удовлетворенія въ мірѣ мысли и въ бесѣдахъ съ другими избранными людьми; нерѣдко, когда не было уже болѣе возможности достойно жить, искали тихаго прибѣжища въ смерти, — жизнь римскихъ стоиковъ часто оканчивалась самоубійствомъ, что было вполнѣ логичнымъ концомъ. Доктрина стоицизма была слишкомъ возвышенной, чтобы сдѣлаться достояніемъ всего народа, зараженнаго еще рабствомъ и развращаемаго блестящими празднествами и даровымъ распредѣленіемъ съѣстныхъ припасовъ. Стоицизмъ долженъ былъ искать тѣни: занятія философіей и назывались «umbratilia studia»,—они происходили подъ густою тѣнью вѣковыхъ деревьевъ. Тѣмъ не менѣе, вліяніе стоицизма на общество сказывалось очень сильно,—такъ всемогуща истина, и такъ велико превосходство, которое даетъ убѣжденнымъ людямъ соотвѣтствіе ихъ поведенія съ проповѣдуемой ими моралью!

«Не семья и не городъ объединяютъ людей,—говорилъ Зенонъ,—ихъ объединяетъ добродѣтель». Римскіе же стоики восприняли всецѣло идеи стоиковъ греческихъ: Сенека признавалъ отечествомъ «весь міръ» [2])! Поясняя свои положенія примѣрами, стоики учили, что «всѣ люди, какъ рабы, такъ и свободные, были созданы изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, обладаютъ такими же чувствами и такимъ же разумомъ, являющимся даромъ одного и того же высшаго начала; всѣ они одинаковы между собою и въ основѣ совершенно равны»; они говорили, что сама природа повелѣваетъ человѣку всегда помогать себѣ подобному, «всѣ люди связаны между собою въ одно общество любовью — «societate caritatis natura conjuncti», стоики разсматривали весь міръ какъ одно государство, «общее людямъ и богамъ»; они старались даже доказывать, что забвеніе обидъ выше мести, столь излюбленной богами

---

1) Théodore Reinach. «La République athénienne d'Aristote».—2) Ernest Nys. «La Notion et le Rôle de l'Europe en Droit international», p. 69.

№ 206. Пути римлянъ въ Англіи.

1 : 5 000 000

0 100 200 300 килом.

Главные пути римлянъ въ Англіи носили наименованія, подъ которыми они были извѣстны и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Такъ, по Т. Кодрингтону («The Roman Roads in Britain»), дорога «Watling Street» вела изъ Дувра въ Рибчестеръ чрезъ Уэлль и затѣмъ въ Шотландію чрезъ Бинчестеръ и Мельрозъ; дорога «Erning Street» шла изъ Лондона въ Карлейль чрезъ Линкольнъ и Іоркъ; дорога «Foss Way» служила прямымъ путемъ отъ Линкольна на южный берегъ, гдѣ оканчивалась близъ Экстера, соотвѣтствуя, какъ утверждаетъ К. Барруа, пути, шедшему по Галліи и оканчивавшемуся у Аберврашъ.

древности, и что доброта и прощеніе должны быть свойственны каждой благородной душѣ [1])! Подобныя идеи, находившіяся въ такомъ явномъ противорѣчіи съ жестокой и коварной политикой властителей, естественно должны были навлечь на проповѣдывавшихъ ихъ людей гоненія! Мысли эти оставались, однако, неизвѣстными въ народныхъ массахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, моральное превосходство ихъ было столь велико, что мы наблюдаемъ картину въ высокой степени необычайную: обращеніе императоровъ въ стоицизмъ,—на римскій тронъ восходятъ такіе императоры, какъ Антонинъ и Маркъ Аврелій! Быть-можетъ, философія нашла въ нихъ столь высокопоставленныхъ адептовъ именно вслѣдствіе полнаго отсутствія у нихъ возможности опасаться того, что масса ихъ подданныхъ осмѣлится поймать ихъ на словѣ и станетъ на дѣлѣ добиваться осуществленія высокихъ принциповъ равенства между людьми! Благородное самоуниченіе императора на словахъ, теоретическое приравниваніе имъ самого себя къ любому носильщику и чернорабочему,

Эпикуръ и Метродоръ, греческіе философы.

1) Cicéron. «De legibus», I: passim.

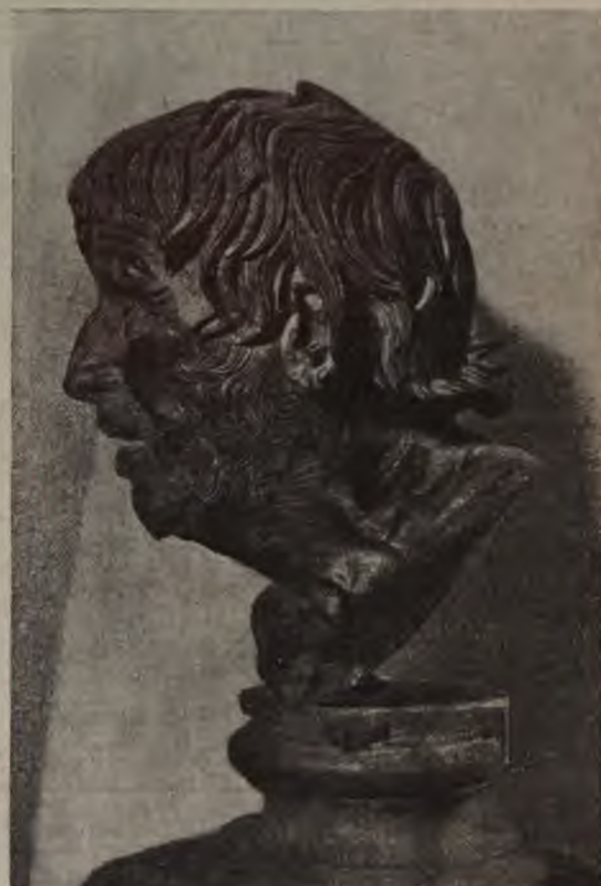
которые, тѣмъ не менѣе, оставались все же внизу, въ толпѣ, дѣлаю лишь еще болѣе великимъ обоготворяемаго владыку!

Во всякомъ случаѣ, это позированіе обнаруживало высокое благородство, и такіе императоры, какъ Антонинъ, недурно играли свою роль. Во многихъ отношеніяхъ эпоха «римскаго мира» — одна изъ наиболѣе великихъ эпохъ человѣчества, и въ теченіе послѣдующихъ 17—18 столѣтій въ исторіи не было цикла, который представлялъ бы такую же упорядоченность, такую же гармоничную красоту всѣхъ основныхъ элементовъ. Тогда можно было, дѣйствительно, думать, что римскій міръ на самомъ дѣлѣ достигъ предѣловъ всего существующаго свѣта, и что всеобщее согласіе объединяетъ всѣхъ людей подъ властью единаго человѣка, который фактически казался не простымъ смертнымъ, а олицетвореніемъ великой идеи—идеи мирнаго и дружественнаго объединенія всего человѣчества! Вѣдь случалось же, что властители варваровъ, ослѣпленные яркими лучами славы имперіи, приходили сами и просили, чтобы ихъ приняли въ подданство! Сказанія, основывающіяся на довольно неясномъ свидѣтельствѣ китайскихъ лѣтописей, гласятъ даже, что китайскій императоръ оказалъ самый радушный пріемъ западнымъ купцамъ, пришедшимъ къ нему отъ имени

Посидоній, греческій стоикъ.

императора «Антуна», т.-е. Антонина. Такъ произошло первое соприкосновеніе Запада съ крайнимъ Востокомъ, соприкосновеніе, явившееся какъ бы предзнаменованіемъ грядущаго мірового цикла, который значительно превзошелъ своимъ величіемъ и всеобъемлемостью римскую имперію, признававшуюся всемірной!

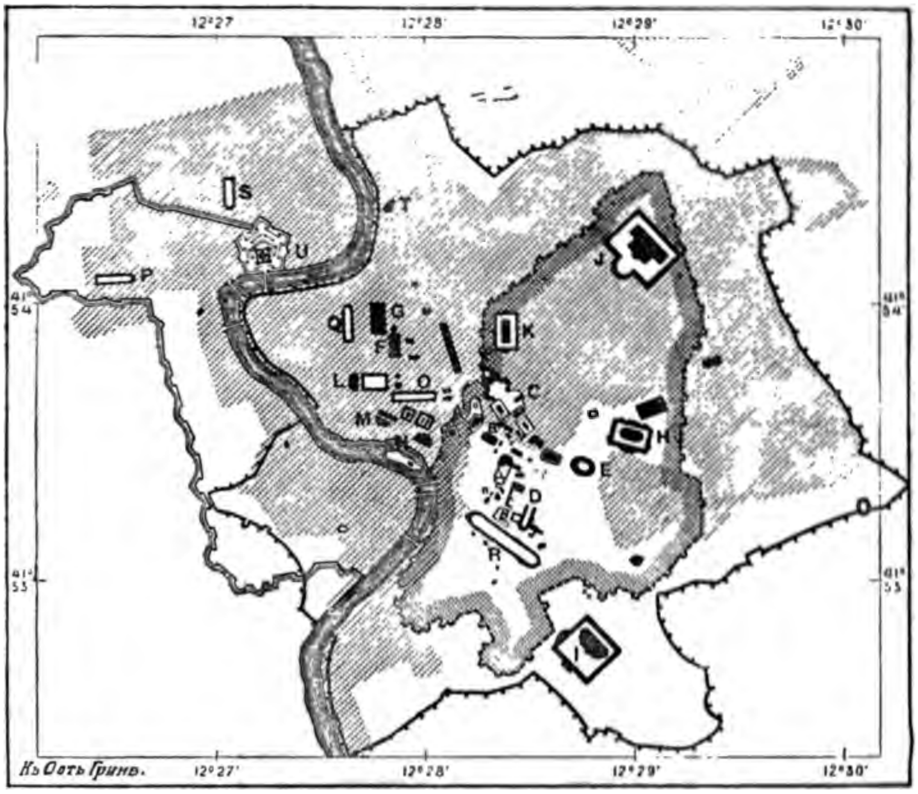

Сенека, философъ изъ Кордуоы.

Вполнѣ естественно, что при изученіи исторіи человѣчества приходится невольно останавливаться съ особымъ вниманіемъ на этомъ замѣчательномъ періодѣ, когда впервые и единственный разъ въ лѣтописяхъ исторіи всѣ народы, причастные цивилизаціи, образовали одно нераздѣльное политическое цѣлое,—они признали общіе для всѣхъ законы, стремились къ единому общему жизненному центру. Всѣ силы извѣстнаго въ тѣ времена міра сконцентрировались на семи холмахъ у подножія горъ Лаціума! Выгодная группировка и энергія отдѣльныхъ націй осуществили, по крайней мѣрѣ, по видимости образованіе единой всемірной имперіи. Это единое цѣлое уже скрывало, однако, въ себѣ элементы несогласія и распаденія. За дѣятельностью, направленной къ синтезу, послѣдовалъ анализъ, и анализъ жесточайшій, коимъ народности переплавлялись какъ въ тиглѣ,—лишь позднѣе были онѣ въ состояніи снова обнаружить идеальное стремленіе къ формированію новаго второго объединившаго ихъ цѣлаго. Вліяніе внѣшней

географической среды стало снова сказываться на обитателяхъ, стало

№ 207. Римъ эпохи императоровъ.

1 : 50 000

0 1 2 3 килом.

На картѣ нанесены стѣна Сервія Туллія (см. стр. 445). стѣна Авреліана (III вѣка), сохранившаяся почти въ цѣлости, и, наконецъ, новыя укрѣпленія на правомъ берегу Тибра, охватывающія Яникулъ и Ватиканъ. Заштрихованная часть — современный Римъ, развивающійся, главнымъ образомъ, къ сѣверо-западу и оставляющій часть древняго Рима не занятой.

A. Капитолій. B. Форумъ республиканскій. C. Форумъ императорскій.
D. Императорскій дворецъ на Палатинѣ. E. Колизей Флавія.
F. Термы Агриппы и Пантеонъ, еще сохранившійся. G. Термы Нерона.
H. Термы Траяна. I. Термы Антонина и Каракаллы. J. Термы Діоклетіана.
K. Термы Константина. L. Театръ Помпея. M. Театръ Бальбы.
N. Театръ Марцелла. O. Циркъ Фламинія. P. Циркъ Нерона, на мѣстѣ котораго выстроенъ соборъ Св. Петра; Ватиканъ находится къ сѣверу и къ западу отсюда.
Q. Циркъ Домиціана. R. Большой циркъ. S. Циркъ Адріана.
T. Мавзолей Августа. U. Мавзолей Адріана, нынѣшній замокъ Св. Ангела.

Храмъ Весты (стр. 511) находится на берегу Тибра противъ Большого цирка

снова видоизмѣнять ихъ, когда ему подпали варварскія народности, но

подвергшіяся еще римскому вліянію и не имѣющія сознанія своей культурной общности. Дезорганизація, зависящая отъ этихъ внѣшнихъ воздѣйствій, присоединилась къ тому общему крушенію, которое произошло внутри имперіи, вслѣдствіе того, что старые органы износились; кромѣ того, появились совершенно новыя комбинаціи общественныхъ силъ, онѣ повлекли за собою возникновеніе множества новыхъ элементовъ, и создалась несравненно бо́льшая сложность политическаго и соціальнаго организма!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

географическихъ и историческихъ названій и именъ цитированныхъ въ текстѣ авторовъ.

Названія племенъ и народностей отмѣчены жирнымъ шрифтомъ; цифры обозначаютъ страницы; *курсивомъ* набраны страницы, на которыхъ данное названіе находится на картѣ, помѣщенной въ текстѣ.

А

Д

Е

Ж

З

И

І

Н

Р

У

Ф

